

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

Полное собрание сочинений. Том 13. Статьи из "Колокола" и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен

Предисловие.

Россия тягостно молчала,
Как изумленное дитя,
Когда, неистово гнетя,
Одна рука ее сжимала;
Но тот, который что есть сил Ребенка мощного давил,
Он с тупоумием капрала Не знал, что перед ним лежало, И мысль его не поняла,
Какая есть в ребенке сила:
Рука – ее не задушила,
Сама с натуги замерла..
Он укрывался бы от казни;
А потому, что здесь язык К свободномыслию привык И не касался окова До
человеческого слова.
Привета с родины далекой Дождался голос одинокой, Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет Пока – спугнув ночные сны –
Из колыбельной тишины
В годину мрака и печали,
Россия бодро не воспрянет

И крепко на ноги не станет,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
И – непорывисто смела –
Начнет торжественно и стройно,
С сознанием доблести спокойной,
Один раздался на чужбине;
Звучал на почве не родной –
Звонить во все колокола.
Не ради прихоти пустой,
Не потому, что из боязни

«Полярная звезда» выходит слишком редко, мы не имеем средств издавать ее чаще.
Между тем события в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать
тотчас. Для этого мы предпринимает новое повременное издание. Не определяя
сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать один лист, иногда два, под
заглавием «Колокол».

О направлении говорить нечего; оно то же, которое в «Полярной звезде», то же,
которое проходит неизменно через всю нашу жизнь. Везде, во всем, всегда быть со
стороны воли – против насилия, со стороны разума – против предрассудков,
8

со стороны науки – против изуверства, со стороны развивающихся народов – против
отстающих правительств. Таковы общие догматы наши.
В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой
последнего верования, – чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники,
мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 году¹[1], считаем
первым необходимым, неотлагаемым шагом:

**ОСВОБОЖДЕНИЕ СЛОВА ОТ ЦЕНСУРЫ! ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН ОТ ПОМЕЩИКОВ! □
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПОДАТНОГО СОСТОЯНИЯ ОТ ПОБОЕВ!**

Не ограничиваясь, впрочем, этими вопросами, Колокол, посвященный исключительно
русским интересам, будет звонить, чем бы ни был затронут, – нелепым указом или
глупым гонением раскольников, воровством сановников или невежеством сената.
Смешное и преступное, злонамеренное и невежественное – все идет под Колокол.
А потому обращаемся ко всем соотечественникам, делившим нашу любовь к России, и
просим их не только слушать наш Колокол, но и самим звонить в него!
Появление нового русского органа, служащего дополнением к «Полярной звезде», не
есть дело случайное и зависящее от одного личного произвола, а ответ на
потребность; мы должны его издавать.

Для того чтобы объяснить это, я напомним короткую историю нашего типографского
станка.

Русская типография, основанная в 1853 году в Лондоне, была запросом. Открывая
ее, я обратился к нашим соотечественникам с призывом, из которого повторяю
следующие строки:

«Отчего мы молчим?

Неужели нам нечего сказать?

Или мы молчим только оттого, что мы не смеем говорить?

Дома нет места свободной русской речи – она может раздаваться инде, если только ее время пришло.

9

Я знаю, как вам тягостно молчать, чего вам стоит скрывать всякое чувство, всякую мысль, всякий порыв.

Открытая вольная речь – великое дело, без вольной речи – нет вольного человека.

Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество, бросают достояние.

Скрывается только слабое, боящееся, незрелое, «молчание – знак согласия»; оно явно выражает отречение, безнадежность, склонение головы, созванную безвыходность.

Открытое слово – торжественное признание, переход в действие.

Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло.

Ошибаемся мы или нет? Это покажете вы.

Но для кого печатать по-русски за границу? как могут расходиться в России запрещенные книги?

Если мы все будем сидеть сложа руки и довольствоваться бесплодным ропотом и благородным негодованием, если мы будем благоразумно отступать от всякой опасности и, встретив препятствие, останавливаться, не делая опыта ни перешагнуть, ни обойти его, – тогда долго не придут еще для России светлые дни. Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет? Это останется на вашей совести.

Если мы не получим ничего из России, это будет не наша вина. Если вам покой дороже свободной речи, – молчите».

Ожидая, что будет, я принялся печатать свои сочинения и летучие листы, писанные другими. Ответа не было, или, хуже, до меня доходили одни порицания, один лепет страха, осторожно шептавший мне, что печатание за границей опасно, что оно может компрометировать и наделать бездну вреда; многие из близких людей делили это мнение. Меня это испугало.

Пришла война. И в то время, когда Европа обратила жадное внимание на все русское и раскупала целые издания моих французских брошюр² [2] и перевод моих «Записок» на английском и немецком языках быстро расходился, – русских книг не было продано и десяти экземпляров. Они горами валялись в типографии или рассылались нами на наш счет, и притом даром.

10

Пропаганда тогда только начинает быть действительной силой когда она окупается; без этого она натянута, неестественна и может разве только служить делу партий, но чаще вызывает наскоро выращенное сочувствие, которое бледнеет и вянет, как скоро слова перестают звучать.

Меньшинство осуществляет часть своего идеала только тогда, когда, по видимому выделяясь из большинства, оно, в сущности, выражает его же мысль, его стремления, его страдания. Большинство бывает вообще неразвито, тяжело на подъем; чувствуя тягость современного состояния, оно ничего не делает, чтобы освободиться от него; тревожась вопросами, оно может остаться, не разрешая их. Появляются люди, которые из этих страданий, стремлений делают свой жизненный вопрос; они действуют словом как пропагандисты, делом как революционеры – но в обоих случаях настоящая почва тех и других – большинство и степень их сочувствия к нему.

Все попытки издавать журналы в лондонской эмиграции с 1849 года не удались, они поддерживались приношениями, не окупались и лопались; это было явное доказательство, что эмиграции не выражали больше мысли своего народа. Они остановились и вспоминали, народы шли в другую сторону. И в то самое время, как угасал последний французский листок демократической партии в Лондоне, четыре издания прудоновской книги «Manuel de spéculateur à la bourse» были расхвачаны в Париже.

Конечно, строгость и свирепые меры очень затрудняли ввоз запрещенных книг в Россию. Но разве простая контрабанда не шла своим чередом вопреки всем мерам? Разве строгость Николая остановила воровство чиновников? На взятки, на обкрадывание солдат, на контрабанду – была отвага; на распространение свободного слова – нет; стало быть, нет еще на него и истинной потребности. Я с ужасом сознавался в этом. Но внутри была живая вера, которая заставляла надеяться вопреки собственных доводов; я, выжидая, продолжал свой труд.

Вдруг телеграфическая депеша о смерти Николая.

Теперь или никогда!

Под влиянием великой, благодатной вести я написал программу «Полярной звезды». В ней я говорил:

«Россия сильно потрясена последними событиями. Что бы ни было, она не может возвратиться к застою; мысль будет деятельнее, новые вопросы возникнут – неужели и они должны затеряться, заглухнуть? – Мы не думаем. Казенная Россия имеет язык и находит защитников даже в Лондоне. А юная Россия, Россия будущего и надежд, не имеет ни одного органа.

Мы предлагаем его ей.

Четырнадцатое декабря родилось тоже в минуту одушевления, когда народ в первый раз после Пожарского шел рука в руку с правительством. Мысль русского освобождения явилась на свет в тот день, когда русский солдат, усталый после боев и длинных походов, бросился, наконец, отдохнуть в Елисейских Полях.

И неужели через сорок лет пройдет даром гигантский бой в Тавриде?

Севастопольский солдат, израненный и твердый, как гранит испытавший свою силу, так же подставит свою спину палке, как и прежде? Ополченный крестьянин воротится на барщину так же покойно, как кочевой всадник с берегов каспийских, стороживший балтийскую границу, пропадет в своих степях? – Не может быть. Все в движении, все потрясено, натянуто... и чтоб страна, так круто разбуженная, снова заснула непробудным сном?

Лучше пусть погибнет Россия!

Но этого не будет. Нам здесь вдали слышна другая жизнь; из России потянуло весенним воздухом. Мы и прежде не сомневались в народе русском, все написанное и сказанное нами с 1849 года свидетельствует об этом. Основание типографии еще больше свидетельствует. Вопрос шел о времени, он разрешился в нашу пользу». В день казни наших мучеников – через 29 лет – вышла в Лондоне первая «Полярная звезда». С бьющимся сердцем ожидал я последствий.

Вера моя начала оправдываться.

Я стал вскоре получать письма, исполненные симпатии – юной, горячей, тетради стихов и разных статей. Началась продажа, сначала туго и медленно возрастая, потом, с выхода второй книжки (в апреле 1856), количество требований

12

увеличилось до того, что иных изданий уже совсем нет, другие изданы во второй раз, третьих остается по несколько экземпляров³[3]. От выхода второй книжки «Полярной звезды» и до начала «Колокола» все расходы по типографии покрыты продажей русских книг.

Сильнее доказательства на действительную потребность свободного слова в России быть не может, особенно вспомнив таможенные препятствия.

Итак, труд наш не был напрасен. Наша речь, свободное русское слово раздается в России, будит одних, страшит других, грозит гласностью третьим.

Свободное русское слово наше раздается в Зимнем дворце – напоминая, что сдавленный пар взрывает машину, если не умеют его направить.

АВГУСТЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Оно раздается среди юного поколения, которому мы передаем наш труд. Пусть оно, более счастливое, нежели мы, увидит на деле то, о чем мы только говорили. Не завидуя смотрим мы на свежую рать, идущую обновить нас, а дружески ее приветствуем. Ей радостные праздники освобождения, нам благовест, которым мы зовем живых на похороны всего дряхлого, отжившего, безобразного, рабского, невежественного в России!

Вдовствующая императрица

Со смерти Николая уничтожилось постыдное стеснение в праве русским, путешествовать за границей. Добрые дела редко проходят даром; едва Александр II отрезал веревку, на которой нас держал его отец, как собственная семья его воспользовалась больше всех дарованным правом – удобовжимости. Снова на всех дорогах в Европе (кроме английских!) показались великие князья, охотящиеся по немецким невестам, и бывшие немецкие невесты в русском переводе с патронимическими именами. Снова вдовствующая императрица дала Европе зрелище истинно азиатского бросанья денег, истинно варварской роскоши. С гордостью могли видеть верноподданные, что каждый переезд августейшей больной и каждый отдых ее – равняется для России неурожаю, разливу рек и двум-трем пожарам. Снова всякие немецкие князья потащились mit weib und kind⁴[4], начитавшись в Либиге в Молешотте о непитательности картофеля, на русские хлеба в Ниццу.

Александра Феодоровна, воотитанная в благочестивых нравах евангелически-потсдамского абсолютизма и расцветшая в догматах православно-петербургского самовластия, не могла тотчас прийти в себя и найтись после высочайшей потери. Ей было больно видеть либеральное направление нового

14

императора, ее смущал злой умысел амнистии, возмутительная мысль об освобождении крестьян. Она с ужасом увидела, как эти величавые сваи, на которых держалась

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Николаевская плотина (эти немецкие и русские Клейнмихели), покачнулись. Призрак, мучивший ее тридцать лет, снова восстал из рвов Петропавловской крепости, из-под снегов Сибири и грозил пальцем во фригийской шапке. В самом деле, как было ей не трепетать, когда террористы и люди баррикад, вроде Ланского и Сухозанета, принимались за кормило судна, так ловко поставленного на мель ее покойником, что без англо-французской помощи его бы никто и не стащил. Предвидя 10 августа и 21 января, оплакивая николаевскую форму мундиров и великих сподвижников «незабвенного», императрица оставила революционный дворец и изволила проследовать в Берлин.

Там ее ждал новый удар, шедший от близкой руки. Королевственный брат ее, плохо различающий призвание полов и, сверх того, человек, зашибающий хмелем, вдруг пожаловал императрицу – отгадайте чем? – чином драгунского полковника. И вот ей пришлось на старости лет «снимать одежду черну» и нарядиться в костюм, о котором прусская газета говорит: «вполовину фантастический, вполовину драгунский!» Таким августейшим

андрогином и вдовствующим драгуном предстала она перед корпус офицеров, который был тронут до слез, что и ожидать следовало от их звания немцев.

Что, если бы императрице с своей стороны назначить его самого, любезного и королевственного брата, – августейшей директрисой в Смольный монастырь?

Посмотрели бы мы, как бы он явился на акт декольте с голыми руками и в рейтузах или в мундире бывшего кайзер-николаус регимента-полка, с крахмаленой юбкой с кринолинами и... брандесбурами! Пусть бы он на себе примерил, что значит путать полы.

Это раскрыло глаза императрице, она с каждым шагом в Европе больше и больше переходит на нашу сторону и из императрицы-полковника становится гражданин-императрица. Простота завелась удивительная, никаких этикетов. Одним добрым утром является старый служивый; постучал в дверь, выходит кухарка. – «Кого вам?» – «Императрицу. Дома, что ли?» – «Как же, как же, пожалуйста в столовую, они укладывают драгунский

15

мундир в чемодан». – Служивый идет. – «Помните ли императрица, как я вас в Потсдаме маленькую вытащил из воды в саду? – «Ах боже мой, точно, точно – вот истинно гора с горой не сойдется, а человек с человеком все же иное встретится». И она стала вспоминать, как Дон-Карлос, о счастливых днях «Аранхуеца» в Потсдаме. Что ей теперь Ланской и Сухозанет, что ей освобождение крестьян, – она соболезнает о польских судьбах Ломбардии, – дайте нам Капура и освобождение Италии.

Ну, разумеется, с такими мыслями в голове нечего было и думать проезжать Австрию. В ее лета подвергаться австрийскому преследованию, аресту, тюрьме, Шпильбергу, сагсеге duro⁵[5] – хуже всякого Мандта. Да и что такое Австрия? гнездилище рабства и абсолютизма, – то ли дело Швейцария.

Швейцария? эта страна без царя, – эта страна, в которой самые горы напоминают la montagne de 93 и время геологического террора, страна, в которой государственные преступники вроде Телля, этого Пестеля с большей удачей, считаются великими людьми; в которой говорятся открыто такие страшные и возмутительные вещи, что русское правительство сочло необходимым послать туда глухого Креднера посланником, чтобы он не набрался зажигательных теорий.

Все это старые предрассудки. – Die Bürgerin-Kaiserin⁶[6] в Женеве, окружена толпами девушек с букетами, они делают ей книксен и поют Ständchen – für unsere Alexandrina⁷[7],

музыка и слова нарочно сочинены ad hoc каким-то германском поэтом, потерявшимся на Альпах⁸[8].

Но в Пиэмонте она узко окружена не невинными девушками, а виновными возмутителями общественного порядка – Борромео, Литта (почти то же, что Чарторижские и Потоцкие, находящиеся в эмиграции). Она берет на руки маленького Борромео

16

и со слезами на глазах желает, чтоб он увидел скорее свою родину, что в переводе значит, чтоб скорее прогнали из Ломбардов законного императора – и его австрийцев.

Давно ли у Карла-Альберта был отнят русский полк, или, лучше, у полка было отнято имя Карла-Альберта, за то, что он, проведя целую жизнь в преступлениях и в своей запачканной трокадерской шинели, почувствовал недостойное помазанника божия угрызение совести и дал своему народу человеческие права. Покойник шутить не любил и слабостей не прощал. Но забыт «незабвенный», и его неутешная вдова весело пенит бокал и на шумном пиру сама провозглашает тост за конституционного короля Сардинии.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Скоро ли тост Маццини? Да не выпить ли за Кошута? Насолила же им Австрия!
Такова обаятельная сила русского самодержавия, что, я думаю, эти господа сделают со мной чудо, которое не в состоянии был бы совершить самый к. к. св. Непомук, – примирят меня с Австрией, которую я ненавижу как человек, как славянин, как друг Италии.

Но каков бы ни был либерализм сардинского двора, все же он не идет до уничтожения личной собственности и коммунизма; все же Ницца – не Икария Кабе. Опыт распространения *communa bonorum*⁹[9] решительно не удался императрице. Какая-то англичанка наняла дом с садом, понравился сад императрице – она в него гулять; но англичанка говорит: «Позвольте, не торопитесь, сад я наняла не для высочайшего, а для собственного своего удовольствия, *beg pardon, Mame!*¹⁰[10]» да и дверь на ключ. Какова смелость! Она, верно, не знает, что в России ее послали бы солдатом на Кавказ или в каторжную работу лет на тридцать. Не за то ли обошли одного Ратацци, министра внутренних дел, русской кавалерией, что он не умел отомстить такой афронт и не поручил солдатам, возвратившимся из Крыма, взять приступом сад англичанки?

Демократически проводя время с разными пиэмонтскими губернскими

17

секретарями и советниками губернского ниццкого правления, наша православная протестантка поехала к папе римскому. Пий IX вспомнил молодость, как он сам служил офицером в *Guardia Nobile*, надел лучший подрясник и, как вежливый кавалер, приосанившись, сам отправился с визитом. Об их святом *tête-à-tête*'e никто ничего не знает; быть может он просил императрицу перекрестить Русь в католическую, а может быть, объяснял пользу и выгоду своего открытия immacулатного зачатия!

Особенно приятно нас поражает, что в Риме, в этом старом городе из всех старых городов, августейшая больная порхает, как бабочка. Мы, право, начинаем думать, что преданность и слепая любовь выдумали беспокойным и заботливым сердцем опасность, в которой находится здоровье императорствующей вдовицы, – где же доказательства? В Петербурге лет до пятидесяти она танцевала, одевалась, шнуровалась, завивалась. В Ницце – пикники, *déjeunés flottants*¹¹[11] на море, музыка, *parties fines*¹²[12], – не знаю что. В Риме – туда-сюда, суета суетствий: старую ли штуку освещения св. Петра выдумают, или вечный жирандоль зажгут, – наша Александра Феодоровна тут как тут. Какую надобно иметь приятную пустоту душевную и атлетические силы телесные, какую свежесть впечатлений, чтоб так метаться на всякую всячину, чтоб находить *zu himmlisch*¹³[13] – то захождение солнца, то восхождение ракет; чтоб находить удовольствие во всех этих приемах, *grands levés, petits levés*¹⁴[14], представлении, площадях, парадах, полковой музыке, церемонных обедах и обедах запросто на сорок человек, в этом неприличном количестве свиты, в этих табунах – лошадей, фрейлин, экипажей, штатс-дам, камергеров, камердинеров, лакеев, генералов, наших послов, идущих с Востока и Запада на поклонение, и не наших принцев, с своими *durchlauchtige Gemahlinen*¹⁵[15] – чье здоровье вынесет эдакую барщину!

Когда Николай был в Риме, ехавши от товарища по службе и друга своего короля неаполитанского, он делал смотр храму св. Петра, все нашел в порядке и написал на куполе: «Здесь я был такого-то числа и молился об матушке России». Хоть оно и не совсем уместно и вовсе не по форме было для главы восточной церкви беспокоить бога с чужой квартиры, но, видно, он молился усердно, да и не об одной матушке России, а и об матушке своих детей, и бог услышал высочайшую молитву!

А вы, мужички, платите – вам не привыкать стать.

19

ПРАВДА ЛИ?

Правда ли, что князь Вяземский, так гнусно управляющий министерством народного просвещения, что его близкие друзья объясняют одним приливом желчи к мозгу его ценсурные бешенства – получил по почте свое собственное стихотворение «Русский бог» – стихотворение, не только непочтительное к богу, но и непочтительное к немцам, с прибавлением следующего куплета:

Бог карьеры слишком быстрой, Бог, кем русский демагог Стал товарищем министра, Вот он, вот он – русский бог?

Правда ли, что подозрительные люди, враждебные правительству, собираются всякую неделю у бывшего петербургского попечителя Мусина-Пушкина с целью порицания всех действий государя в пользу прогресса и развития? На этих вечерах, говорят, являются экс-ценсор Елагин, Липранди, доносящий по особым поручениям, Иван Ив<анович> Давыдов, недавно получивший отроческое наказание, но не исправившийся?

Правда ли, что дело о грабежах по комиссариатской части, открытых во время Крымской кампании, – замаяли, потому что между ворами нашлись сильные армии сей? Правда ли, что министр финансов, Брок, сделался яростным противником

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
освобождения крестьян, с тех пор как он с споспешествующей помощью откупщиков
благоприобрел больше тысячи живых душ?

20

Правда ли, что в Тверской губернии архиерей да человека два подученных им лавочников подали от имени всех раскольников города Ржева всеподданнейшее прошение о присоединении всех старообрядцев к православной церкви а когда дело дошло до миропомазания заблудших овец, то нужно было убеждать их с помощью батальона солдат под руководством флигель-адъютанта? Впрочем, наш тверской корреспондент прибавляет, что присланный на следствие сатрап не взял поднесенных ему купечеством на блюде с пряниками ассигнаций. Правда ли это?

Правда ли, что генерал Шейдеман, когда еще был адъютантом Сухозанета, раз после парада в виду всей VI дивизии хотел сесть к Сухозанету в дрожки, а Сухозанет оттолкнул его, закричав: «Ну! куда ты лезешь?»... Правда ли, что в последнюю войну тот же генерал Шейдеман дал своему клевету фельдфебелю Максимову крест, следовавший фейерверкеру Семенову? И правда ли, что этот генерал Шейдеман теперь идет в гору под милостивым покровительством военного министра? Когда же храброе русское войско будет избавлено от бездарных, наглых, низкопоклонных и ворующих генералов?

Правда ли, что сигнал на народном празднике во время коронации был с намерением дан преждевременно для того, чтоб скрыть от государя, что припасы были гнилые, старые и негодные?

Правда ли, что Закревский остается в Москве генерал-губернатором, – несмотря на то, что все сословия им недовольны, и несмотря на то, что государь льстит Москве?

Когда же сдадут его, Брока, циркулярного министра Ланского окончательно в странноприимный и правительствующий сенат???

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

«Господа, лучше, чтоб эти перемены сделались сверху – нежели снизу».

(Александр II. Речь к московскому дворянству.)

Мы не только накануне переворота, но мы вошли в него. Необходимость и общественное мнение увлекли правительство в новую фазу развития, перемен, прогресса. Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдруг получили права гражданства, стали неотлагаемы. Эта возбужденность мысли, это беспокойство ее и стремление вновь разрешить главные задачи государственной жизни, подвергнуть разбору исторические формы, в которых она движется, – составляет необходимую почву всякого коренного переворота.

Но где же знамения, обыкновенно предшествующие революциям, – все в России так тихо, так подавлено и, еще больше, с таким добродушным доверием смотрит на новое правительство, ждет его помощи, что скорее можно думать, что века пройдут прежде, нежели Россия вступит в новую жизнь.

Да на что же эти знамения? В России все шло иным порядком, у нее был раз коренной переворот, его сделал один человек – Петр I. Мы так привыкли видеть с 1789, что все перевороты делаются взрывами, восстаниями, что каждая уступка вырывается силой, что каждый шаг вперед берется с боя, – что невольно ищем, когда речь идет о перевороте, площадь, баррикады, кровь, топор палача. Без сомнения, восстание, открытая борьба – одно из самых могущественных средств революций, но отнюдь не единственное. В то время, как Франция с 1789 года шла огнедышащим путем катаклизмов и потрясений, двигаясь вперед, отступая назад, метаясь в судорожных кризисах и кровавых реакциях, Англия совершала свои огромные перемены

22

и дома, и в Ирландии, и в колониях с обычным флегматическим покоем и в совершенной тишине. Весь правительственный такт ториев и вигов состоит в умении упираться, пока можно, и уступать, когда время пришло. Так, как Роберт Пиль, переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо для правительства, так одно из будущих министерств вступит в сделку с чартистами и даст интересам работников голос и представительство.

На наших глазах переродился Пиэмонт. В конце 1847 управление его было иезуитское и инквизиторское, без всякой гласности, но с тайной полицией, с страшной светской и духовной ценсурой, убивавшей всякую умственную деятельность. Прошло десять лет, и Пиэмонт нельзя узнать, физиономия городов, народонаселения изменилась, везде новая, удвоенная жизнь, открытый вид, деятельность; а ведь эта революция была без малейших толчков, для этой перемены достаточно было одной несчастной войны и ряда уступок общественному мнению со стороны правительства.

Артисты-революционеры не любят этого пути, мы это знаем, но нам до этого дела нет, мы просто люди, глубоко убежденные, что нынешние государственные формы России никому не годны, – и от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого; но с тем вместе так же искренно предпочитаем

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
самое бурное и необузданное развитие – застою николаевского statu quo.

Государь хочет перемен, хочет улучшений, пусть же он вместо бесполезного отпора прислушается к голосу мыслящих людей в России, людей прогресса и науки, людей практических и живших с народом. Они сумеют лучше николаевских бургравов не только ясно понять и формулировать, чего они хотят, но, сверх того, сумеют понять за народ его желания и стремления. Вместо того, чтоб малодушно обрезать их речь, правительство само должно приняться с ними за работу общественного пересоздания, за развитие новых форм, новых органов жизни. Их теперь ни мы не знаем, ни правительство не знает, мы идем к их открытию, и в этом состоит потрясающий интерес нашей будущности.

Петр I носил в себе одном ту непредвиденную, новую Россию,

23

которую он осуществил сурово и грозно, против воли народа опертой на самодержавную власть и личную силу. Нынешнему правительству не нужно прибегать ни к какому прогрессивному террору. Есть целая среда, зрелая мыслью, готовая идти с правительством или против него, но за народ и с народом. Среда эта, может, невелика, но мы решительно не принимаем, чтоб она была ниже сознанием и развитием какой бы то ни было среды на Западе. Если она у нас непривычна к обсуживанию общественных вопросов, зато она гораздо свободнее от всего традиционного, она новее, проще, юнее западного общества. Страдания, неудачи, опыты европейской жизни она также пережила, но пережила воспитанием, мыслью, сердцем, не истощив всех сил своих, а нося в памяти грозный урок последних событий. Так юноша, пораженный каким-нибудь великим несчастьем, совершившимся перед его глазами, быстро греет и смотрит совершеннолетним взглядом на жизнь сквозь печальный пример.

Но для этого общего труда правительству необходимо перешагнуть за частоколы и заборы табели о рангах, мешающей ему видеть и прислушаться к совершеннолетней речи, которая робко и полутайком высказывается в литературе и в образованных кружках.

Неужели мысль о возможности двинуть вперед целую часть света, искупить мрачное тридцатилетие, соединить две России, между которыми прошла петровская бритва, –

в

общем деле очищения, освобождения, развития, – касаясь по дороге страшных и колоссальных вопросов: о поземельном владении, о труде и его вознаграждении, об общине и пролетариате, перед которыми трепещут все правительства европейские, – неужели это громадное историческое призвание, само собою дающееся, меньше льстит Александру II, чем пустая и одинокая высота императорского самовластья, ограниченного взятками, опертого на штыки, крепостное состояние, винные откупы, тайную полицию, невежество и побои, царящие среди всеобщего молчания и подавленных стонов?

Мы не думаем. Да если б и было так, вряд возможно ли теперь продолжение николаевского царствования. Мы уверены, что этот беспощадный, вспять влекущий деспотизм сделал свое время в России. Правительство само это чувствует, но ему

24

так ново и неловко в мире реформ, улучшений, человеческого слова, что оно дичится, упирается, не верит в свои силы и теряется перед трудностью и сложностью задачи. Это мертвящее мнение о собственном бессилии, о том, что труд нам не по плечам, существует у нас, по несчастью, не только в правительстве, но и в нас самих.

Это не скромность, а начало отчаяния, подавленность, мы так долго были забыты, загнаны, так привыкли краснеть перед другими народами и считать неисправимыми все гадости русской жизни – от взяток до розог, что действительно почти потеряли доверие к себе. Это несчастное чувство непременно должно пройти, Гёте совершенно справедливо говорит:

Mit verlorren – alles verlorren, Da wäre'es besser nicht geboren.

Конечно, последнее тридцатилетие было тяжело и все историческое развитие наше шло трудным и мудреным путем, но разве оно не дало своих залогов, разве мы остановились, устали, разве Русь раздробилась на части, подпала чужому владычеству? Нет, мы стоим целы и невредимы, полны сил, связанные единством перед новым путем.

Нас пугает отсталое и ужасное состояние народа, его привычка к бесправью, бедность, подавляющая его. Все это неоспоримо затрудняет и затруднит развитие, но в противоположность Бюргеровой баллады мы скажем: живые ходят быстро, и шаг народных масс, когда они принимаются двигаться, необычайно велик. У нас же не к новой жизни надобно их вести, а отнять то, что подавляет их собственный стародавний быт.

Мы обыкновенно смотрим на другие народы или в их современном состоянии, или среди их революционного разгара, и нам становится больно и страшно за народ

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов русский. Но для сравнения вернее было бы брать состояние других народов до их переворотов. Взгляните, например, на жизнь Франции накануне революции 1789 и подумайте, что она за шаг сделала в пятьдесят лет времени. Позвольте вам напомнить события известные, но на которые у нас с этой точки не смотрели. Смерть Людовика XIV была для Франции нечто вроде

25

18 февраля 1855 года. Вся страна свободнее вздохнула. Восхваленное царствование его оставило Францию разоренной ненужными войнами, с побитой армией, с европейской коалицией на шее. Денег не было; король под конец сделался главным взяточником в государстве, он все продавал – крупные и мелкие должности, военные и статские места, разоряя вконец откупам, акцизами и монополями торговлю, промышленность и ремесла. Народ умирал с голоду, сотни тысяч людей питались в разных концах Франции древесной корой¹⁶[16].

До министерства Тюрго ничего не поправилось – дефициты росли, военная слава заменилась позорными мирами, заключенными в Париже в 1756 году (ровно за сто лет до другого, тоже не очень славного мира), государственное хозяйство свелось на ажиотаж, на него бросились все – попы и министры, члены парламента и принцы крови. Общественное внимание было занято междоусобными бранями парламента с правительством, янсенистов с молинистами; идеи энциклопедистов бродили, и Вольтер хохотал, печатая вне Франции свой смех, так, как это делал Бель. Амстердам не трогал французского вольного станка, так, как Лондон не трогает русского.

Это сверху, а что было внизу?

Мужики страдали под невыносимым гнетом землевладельцев; если б их помещики секли и земская полиция была, то положение их было бы ничем не лучше нашего. Деньги помещикам были крайне нужны для того, чтоб бросать их горстями в Париже и Версале. Промотавшись, они ехали в свои замки, на год или на несколько месяцев, выжимали кровь и пот из мужиков, шлялись на охоту, грязно и скупно жили в запустелых замках, мечтая о том, как скорее наколотить денег и снова ринуться в вихрь и блеск придворной жизни. Сношения с соседями были редки, отчасти от бережливости, отчасти от непроезжаемых дорог. Об умственных занятиях, об улучшениях хозяйства не было и речи.

Поля, разбитые на участки от десяти до пятнадцати гектаров, отдавались половникам. Помещики, не смыслившие ничего в управлении, продавали, сверх того, права сбора произведений и податей нотариусам. Нотариусы, вроде польских жидов-арендаторов, разоряли мужиков, вконец запуская хлебопашество, брали быков от плуга под подводы, кормили своих гусей в пшеничных полях крестьян и пр. Так как все это хозяйство шло беспорядочно, без знания, без капитала, то и неудивительно, что французское поля давали вполовину меньше, нежели английские, а платили вдвое больше (в Англии брали помещики одну четвертую произведений да еще несли разные общественные тяги, в то время как во Франции они ничего не платили, взимая половину произведений). Крестьяне едва не умирали с голоду; о запасе, о барыше нечего было и думать. Отчаянно борясь из-за куска хлеба, не видя ничего вперед, как ту же нужду, тот же подавляющий труд, у крестьянина падали руки, и он обрабатывал меньше и меньше земли. В 1790 г. Артур Юнг считал, что число заброшенной пахотной земли возросло до 9000000 гектаров.

Мужики жили в бедных лачугах, часто об одном отверстии так что у иных дверь служила окном, у других окно – дверью; сами ткали они себе на одежду толстое, но неплотное сукно, целые провинции ходили босиком, другие носили деревянные башмаки; кожаные составляли, как у нас, редкую роскошь. Грамоте они не знали. Вся умственная жизнь сосредоточивалась в лице пролетария церкви – сельского священника; он поучал их ненависти к протестантам и прибавлял католическое изуверство к целтическим предрассудкам, которыми была полна их голова.

О том, что происходило вне деревни, никто не знал и не интересовался знать. Сношения были чрезвычайно затруднительны. Правда, несколько пышных «королевских» дорог в 60 футов шириной перерезывали Францию, но на них до 1776 года ходили только две почтовых кареты и по целым дням путешественник не встречал никакого экипажа. Известно, что, отправляясь в Лион, тем паче в Марсель, из Парижа, путник прощался с родными и делал завещание. Боковых дорог было мало, содержаны они были скверно, несмотря на то что дорожная повинность вместе с работой в господском доме была еще дополнительной тяжестью, падавшей на долю бедного поселянина. Так тянулось печальное существование двадцати миллионов,

27

т. е. огромного большинства французов, «без отдыха, без надежды, без другой радости, кроме пестрого наряда, в котором они ходили к обедне в праздник; без перемены, разве кого-нибудь голод загонял в город поденщиком или в полк солдатом; в последнем случае ушедший редко возвращался в родительский дом». А

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов над этими париями жила стая хищного дворянства, смотревшего на них с высокомерным презрением и гравившего их с беспощадной жестокостью. «Зато и мужик поглядывая с затаенной ненавистью на башни замка, мечтая о том времени, когда он подождет и его и в нем книгу недоимок» (Зибель).

Небольшое число оброчных крестьян в северной Франции да два-три уголка с патриархальным дворянством, безвыездно жившим в своих поместьях, где-нибудь в Вандее, в нижней Британии, жили лучше.

Не правда ли, как все это сбивается на наше современное состояние?

Не много лучше было и в городах для работников и мастеровых. Руководствуясь средневековым правилом, что «только король дает человеку право на работу», правительство продавало все занятия и промыслы: прачке – право стирать, швее – право шить, мостовщику – право мостить. Когда Тюрго хотел уничтожить цехи, вся Франция испугалась, и правительство, уступив было, снова их ввело.

Взятки и наглое казнокрадство не было во Франции так национально и всеобщее, как у нас, но они отчасти восполнялись ажиотажами и продажей мест; покупщики как собственники мест грабили народ по праву, стремились вместе с аристократией празднично, без труда жить доходами и наслаждаться на чужой счет, на счет какого-то неизвестного, не имеющего имени, которого не стоило знать и который, истощая силы мышц и силы мозга, должен был работать – для них.

Этот аноним был – народ французский!

Но при всем этом ни энциклопедисты с Вольтером, ни то общество молодых адвокатов и литераторов, которое впоследствии явилось членами грозного Конвента, ни молодое дворянство с Мирабо и Лафайетом, ни армейские сержанты, эти будущие Гоши и Марсо, – никто не отчаивался, и Франция в пять лет вышла из этого положения.

28

Теперь для нас не в том вопрос – исполнился ли идеал революции или нет, был ли он осуществлен или нет и почему Франция через полвека сломилась и пала под бременем гражданской симонии и мещанского разврата. Мы не обязаны делать ту же революцию, у нас и задача иная и силы к ее разрешению иные. Для нас важно то, что в сорок лет самого судорожного развития, несмотря на грозные войны революции, на преступную трату целых поколений Наполеоном, на вторжение неприятельских войск, на конскрипции и контрибуции народ французский перешел от состояния, в котором был при министерстве Тюрго и Неккера, до того состояния, в котором, например, застал его Людовик-Филипп.

Сверх того, не надо забывать, что исторический быт Франции сложился веками и учреждения имели глубокие корни в нравах и жизни народной. Где у нас эти *coutumes*¹⁷[17], связывающие каждый шаг, тяжелая парламентская жизнь, роды родов судейских фамилий, которые словно по наследству судили и рядили народ; наконец, где у нас древний, седой институт королевской власти, связанной со всеми воспоминаниями истории, и с феодализмом, и с городской жизнью; и с католицизмом, и с славой «великого века», – институт, последовательно разработавшийся в целую систему аристократической монархии? Народы вживаются до того в вековые формы и обряды, что не понимают жизни в других формах, хотя бы они были лучше.

Консерватизм Англии основан на этом, но для того, чтобы иметь эти обязательные воспоминания, надобно много прожить, надобно что-нибудь иметь для хранения.

У нас ничего подобного нет. Что у нас преемственное, древнее, неискоренимо прочное? Табель о рангах, дворянская грамота, городские положения, сенат, синод, крепостное право, чиновники, лейб-гвардия? Или не в самом ли деле иностранная шутка – *the old Moscovit party, the old boyards*¹⁸[18]? По счастью, это ой – самое новое в русской жизни, мы воротились школой и книгой к нашему православному Геркулануму и к нашей славянофильской Помпее; оно очень интересно, но мертвый живому не товарищ.

29

Мы сто пятьдесят лет живем в ломке старого; целого ничего не осталось да и жалеть не о чем. У нас есть императорская диктатура и сельский быт, а между ними всякого рода учреждения, попытка, начинания да мысль, больше и больше оживающая, не привязанная ни к какой касте, ни к какому из существующих порядков. Мы с Петра I в перестройке, ищем форм, подражаем, списываем и через год пробуем новое. Достаточно переменить министра, чтобы вдруг из государственных крестьян сделать удельных или наоборот. У нас только не меняется почва, грунт, т. е. опять село, но крестьянский быт скорее физиологический характер, догосударственное *statu quo*, состояние, посылка, которой силлогизм будет в будущем, нежели продолжение московского царства; оно было и при нем, вот все, что мы можем сказать. Изменить его было бы очень трудно, да это и не нужно, совсем напротив, на нем-то и соизидется будущая Русь!

Конечно, нелегко перейти от военного деспотизма и немецкой бюрократии к более простым и народным началам государственного строения. Но где же эти непреодолимые препятствия? Разумеется, мудрено видеть истину, если одним не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов позволяют говорить, а другие интересованы, чтоб скрывать. Государь ничего не видит из-за стропил и лесов канцелярии и бюрократии, из-за пыли, поднимаемой маневрирующими солдатами; и поэтому правительство, вступив в эпоху реформ, идет ощупью, хочет и не хочет, а те, которые могли бы дать совет, те бьются, как рыба об лед, не имея голоса.

Для того, чтоб продолжать петровское дело, надобно государю так же откровенно отречься от петербургского периода, как Петр отрекся от московского. Весь этот искусственный снаряд императорского управления устарел. Имея власть в руках и опираясь с одной стороны на народ другой – на всех мыслящих и образованных людей в России, нынешнее правительство могло бы сделать чудеса, без малейшей опасности для себя.

Такого положения, как Александр II, не имеет ни один монарх в Европе, – но кому много дается, с того много и спросится!..

15 июля 1857.

30

ЛОБНОЕ МЕСТО

До нас дошли слухи, что славянофилы «Русской беседы» Недовольны отзывом «Полярной звезды» об их сборнике.

Почему же нам было иначе отзываться? Пусть сами славяне скажут, могли ли мы равнодушно говорить о сборнике, в котором бывшие липрандивские чиновники¹⁹[19] клеветают на дорогих нам покойников под предлогом дружбы; в котором нагло проповедуют цареградскую философию рабства?

Мы знаем, как многим из них противны эти учения. – Зачем же они допускают такие статьи, зачем защищают их?

Казалось, что есть почва, на которой мы могли бы понимать друг друга, мы чуяли родственное биение сердца, когда шла

31

речь о народе русском. Но у нас, сверх любви к родине, есть свои глубокие, незыблемые убеждения; им мы были верны во всю жизнь, они составляют наше нравственное достояние наше человеческое православие. Они-то оскорблены в каждой книге славянского сборника. Этого мы не можем, не должны пропустить молча. Наше положение обязывает нас обличать то, чего скованная речь в России не смеет еще высказать дома. Есть ученья, есть люди, для которых наш станок превратится в лобное место, мы их выведем и покажем всему честному народу.

Вот вам на первый случай профессор Крылов и его статья. Слушайте и судите, мы отдаемся на суд всех не служащих с Липранди... славян и не славян.

«Величайший, чистейший, христианский апотеоз совершился над ликом византийского, номоканонического императора. Но государственное тело было ветхое, старое, невлажное (?!), а потому благодатный элемент не укрепил светского государства, зато каким избраннейшим сосудом был византийский мир для христианской благодати, здесь, только здесь образовалась святая вселенская церковь, хранящая свой завет в неприкосновенном священнейшем кивоте – иерусалимском храме».

Сквозь этот дым ладана немудрено уж разглядеть в перспективе другое племя, новое, моченое, которому благодатный элемент пришелся как раз и которого царь «имеет единственный лик во всем человечестве; таких царей нет и не было на Западе, там земля узка для них. Царь для России есть такая стихия, которую она живет и дышит». – Без которого она «немыслима».

Нет, этим языком у нас русская литература не говорила никогда; это Барков – верноподданнической поэзии, это de Sade – раболепия! Еще раз, зачем же «Русская беседа» печатает такое «гомерическое», судорожное, горячее, беснующееся, холопское сквернословие?

Византийскому растленному раболепию надобно было пройти – после тысячелетнего могильного сна – сквозь душу русского попovichа, вышедшего в чиновные миряне, и насытиться в ней всеми гадостями подьячника и всеми мерзостями канцелярии, чтобы низвергнуться таким ливнем помоев!

32

Мы не знаем в мире зрелища более гнусного, более отвратительного, как возведение рабства в науку; это та последняя степень нравственного падения, перед которой бледнеют взятки, телесные наказания, крепостное состояние.

В это циническое бесстыдство мысли, в это теоретическое холопство мир падал только два раза, оба раза легистами; раз в мертвой Византии да раз в австрийской мертвящей казуистике имперского права. И нам теперь при возрождении России, после тридцатилетнего несчастья, пришлось видеть то же направление, также идущее от легистов и римского права, – и притом не в XV томе николаевского сборника, в котором немецкий поляк на русской службе петербургским сенатором Губе развивал византийское раболепное учение об оскорблении величества, а в сборнике, выдающем себя представителем народной России!

Это еще не всё.

Обиженный тем, что противник сравнил великокняжескую власть с помещичьей, Крылов осеняется с ужасом «знаменем креста», отступает с гневом от нечистого и, снова исполняясь боговдохновением, тако славословит: «Царь есть мысль, идея, слово всей нашей истории; без этой личной мысли необъяснимы все происшествия, все действия народа русского. Присутствие этого живого слова ясно, резко отмечено на каждой странице нашего дееписания, и кто не умеет читать этой книги, тот носит в своем сердце эту стихию, как питающую, греющую и охраняющую все его земное, гражданско-человеческое бытие... Есть у нас другая могущественнейшая стихия – это православная вера. Если вы в непостижимом для меня ослеплении, вероятно происшедшем от влияния иноземных книжных теорий, не умеете протолковать нам нашей истории по народному складу и не можете отыскать в ней нашего царя, – дающего ей смысл и жизнь, – то я вам укажу...» не путь ли в III отделение? На минуту сам автор испугался – слабый луч совести скользнул по душе падшего легиста. «Дело наше, – говорит он, – получает как будто характер личной обиды и, следовательно подлежит суду, впрочем, не бойтесь этого суда, он не имеет ни уголовного, ни полицейского, ни даже гражданского искового характера, а есть чисто литературная тяжба». На, а если б

33

князь Долгорукий был не вашего мнения да сделал бы не чистую да и не литературную тяжбу, чем пришлось бы тогда приложить вам римский *lex talionis*? Сальную вы свечку поставили, Никита Иванович, византийскому богу, да и петербургскому – то богу вы неудачно подслужились. Ведь это не Николай Павлович, ничего он не даст вам за ваш царский лик, писанный суздальской иконописью. Знаете что, я обращаюсь к вам потому, что вы не любите говорить с мнениями, вам надобен «живой человек»; к тому же мы старые знакомые, ведь у нас не всегда была византийская болезнь, лик-то царский не всегда ведь представлял для вас питающее, греющее, отраду под старость подающее, – ну так по прежнему-то знакомству знаете каой я вам дам совет? Подайте-ка в отставку – ведь вам после этой полемики нельзя больше явиться на кафедре. Спрячьте от студентов печальное зрелище вашего умственного разврата!

Хотя зрелище это с другой стороны и очень поучительно!

Вот они, продавцы даров духа святого! отступники ума! – какая неумолимая логика! Вот как оканчивают люди, без веры и чистоты подошедшие к науке, люди, без уважения и любви вышедшие на ее амвон поучать юношество. Крылов не новый человек, и свихнулся он не в «Русской беседе»; больше десяти лет тому назад люди, полные снисходительности и гуманности, как Грановский, отвернулись от него. Но сметливость русского ума, оригинальность, бросившаяся в глаза молодых людей, два-три смелых замечания, полных демократии-зависти, поддерживали его в мнении студентов. Забытый публикой, обойденный ею, молчал бы он себе в своем углу; лета шли, с ними чины, экзамены и другие не столько громкие, сколько приятные удовольствия, – так нет, бес самолюбия толкнул его на арену с молодыми бойцами.

И что же оказалось, – что он и своей науки не знает, по крайней мере не силен в чтении ее на ее языке. Сшибленный противником, осмеянный зрителями, этот молчащий сфинкс римского права с досадой и ожесточением бросился защищаться чем попало – доносами, Кронеберговым лексиконом, апелляциями к профессору латинского языка, – что же вышло?

Посмотрите на его философское воззрение, – точно встречаешь какого-нибудь провинциального чиновника, выползающего откуда-то во фраке 1830 года; у него не наука того времени, а ее манеры, ее искусственная риторика... тут есть и разглагольствования о вечной борьбе двух элементов в человеке – одного, идущего *гоfé*, и другого, припирающегося в землю, и бессмысленная нелепость о непримиримой вражде «подвластной природы» и «человека-властителя». И с чего он воображает, что его воззрение народное в противоположность воззрения его противника? – Это очень известное, школьно-немецкое воззрение средней руки и прошлого поколения, обросшее (или намеренно прикрытое) диким русским мясом. А эта противная адвокатская манера заговаривать, употреблять тяжелые и ненужные сравнения, останавливаться на них, филологически разлагать и вывертывать слова, иногда приходиться в горячность, иногда сменить гнев на милость и пр. Он не говорит – *il plaide* – как Бомарше отмечает в «Фигаро».

Загляните подальше за всю эту стряпцескую элоквенцию, за все немецкие стропилы для поддержания византийского иконостаса с ликом царя, за все эти латинские слова в скобках (и в ошибках) – какая пустота! Так и веет затхлым схоластицизмом, пустой семинарской контроверзой – без веры, без живой мысли. Неужели эту пустоту можно выкупить смелыми оборотами, в которых намеренно смешаны ученые термины римского права с терминами торговой бани? Если есть что-нибудь живое в этой полемике – то это полузатаенный, полувысказываемый дрожащими губами – донос!

брани сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
В отставку, Никита Иванович, в отставку, небось ведь действительного статского
дадут, чего же больше? А не то в другое ведомство переходите!

Лондон, 10 августа 1857.

35

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II
(ПО ПОВОДУ КНИГИ БАРОНА КОРФА)

Государь,

Вы приказали напечатать и издать записку, составленную г. Корфом, о восшествии на престол императора Николая. Мы уверены, что и в этом случае ваше намерение было хорошо, но и в этом случае оно вам не удалось. Прежде чем мы займемся безграмотным текстом, отталкивающим по своему тяжелому, татарскому раболепию, по своему канцелярскому подобострастью, по своей униженной лести не достойной ни нашего времени, ни вашего царствования, мы решаемся обратиться к вам лично, для того чтоб сказать несколько слов о заговоре, который окончился 14 декабря 1825 года.

Ведь и для него настала история! Неужели с лишком через тридцать лет – об этом событии, о людях, участвовавших в нем, можно еще отзываться с теми же пошлыми ругательствами, с которыми выражались жалкие старики, поседелые в низкопоклонстве и интригах, созванные в какой-то импровизированный суд для осуждения их?

Вместо брани не лучше ли обратиться к тогдашним событиям с серьезной и покойной мыслью и постараться понять их смысл? Не благороднее ли, не великодушнее ли отдать справедливость несчастным противникам, которые вынесли свое поражение и все мрачные его последствия с таким величавым самоотвержением? Мечь была страшна, она продолжалась тридцать лет – начав пятью виселицами. Что же теперь вашим статс-секретарям идти за тогдашними палачами и сквернить гробы людей, если и заблуждавшихся, то чистых и пламенно любивших Россию?

36

Деликатно ли это относительно тех пяти-шести старцев, которых ваша рука возвратила из Сибири? Или вы, может, им предоставили право отвечать? Мы не слышали этого.

Свобода мысли и гласность еще не много выиграют, если вы одни будете печатать без цензуры. Пора приучаться и вам и России к совершеннолетней, мужественной речи свободных людей.

Вам, государь, известны, больше нас, все подробности заговора 14 декабря, следствия, казни и ссылки. Где же, при каком обстоятельстве показали себя эти люди, как их представляют официальные органы, «гнусными развратниками, буйными безумцами, негодьями, в числе которых одни напились пьяными, для того чтобы идти на площадь, другие имели замечательно отвратительные лица» (и это говорят о раненном на Кавказе Якубовиче!). Неужели вы верите, что эти люди взяли за оружие из буйства, из желанья грабежа, богатства, знатности? Последнее им было не нужно, вы знаете, кто они. Для чего же все эти ругательства и клеветы? Не вы их сделали – зачем же вы их распространяете?

Неужели вы думаете, что история поверит какому-нибудь Корфу – со всеми поправками ваших дядюшек, виртембергского герцога, который во все время опасности сам забился «в голубую гостиную Зимнего дворца» и чадолюбиво взял с собой двух сыновей своих, «хотя в то время взрослых и офицеров»²⁰[20].

Бенкендорфа, присутствовавшего утром при одевании

Николая Павловича, а вечером при поимке спасавшихся²¹[21], Орлова, несколько раз отступавшего от геройского каре?²²[22] Нет! И еще больше, наше скептическое время не только им не поверит, но даже и гофшурьерскому журналу, на который ссылается ученый статс-секретарь и который непременно надо запретить, потому что неприлично вести журнал о том, кто как ел и в котором часу.

Потомство не будет смотреть на людей 14 декабря ни глазами гоф- и камершурьеров, ни глазами того – вероятно, портного, который только заметил костюм инсургентов и назвал эту кучку людей, стоявших под пулями и картечью, как настоящий

37

сапожник, – «маскарадом распутства, замысляющим преступление»²³[23]. Придворные риторы не подумали об одном: если это была толпа развратных и буйных шалунов, воспользовавшихся нелепостью импровизированного междуцарствования для того, чтобы пошуметь на площади и через несколько часов рассеяться, – то как же объяснить страх Николая перед 14 декабря, эту *idée fixe* его царствования, которую он не забыл на смертном одре?

Он понимал смысл этого события лучше Корфа. Я удивляюсь, как он мог читать да еще делать поправки в этой брошюре. Ошибки ее не в каком-нибудь выражении, не в какой-нибудь подробности, – ошибка в жалком, ложном, рабском воззрении на события. Мы постараемся в нескольких словах восстановить их смысл.

Царствование Александра I и 14 декабря 1825 заключают Петровский период русской

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов истории. Это его крайние последствия со стороны императорской диктатуры и со стороны образованной России. Распущенную, рыхлую Русь Петр I суровой рукой стянул в сильное европейское государство; косневшему в своем отчуждении народу он привил брожение западной гражданственности. Непочатые, дремавшие силы народа, возбужденные им, перешли, так сказать, его мечту; государство сложилось мощное и, встретившись в борьбе с целой Европой, вышло из нее победоносно. Императорская власть сделала свое! «Свершилось», – говорит поэт-отрок, лицейский ученик, в 1815, возвратившемуся из Парижа Александру I:

Русский царь, достиг ты славы цели!

Общество, развившееся на европейских основаниях, должно было сделать свое, иначе дело Петра I было бы вполовину успешно и привело бы к страшной нелепости.

Каждая степень образования, развития, даже силы государственной, требует соответственный себе цикл государственных учреждений. С каждым шагом вперед ему

38

нужно больше воли, больше определенности в своих отношениях к власти; словом, больше независимой, самобытной и разумной жизни. Или государство ее достигает (с боя ли, по любовному ли согласию – все равно), и тогда оно идет далее в истории; или – нет, и тогда оно останавливается, разлагивается, распадается и обмирает таким образом до какого-нибудь решительного события (например, Крымской войны), которое снова раскрывает ему путь развития или окончательно убивает его как деятельное, развивающееся государство. Вступив в западное образование, Россия должна была идти тем же путем. Если б у нас весь прогресс совершался только в правительстве мы дали бы миру еще небывалый пример самовластья, вооруженного всем, что выработала свобода; рабства и насилия, поддерживаемого всем, что нашла наука. Это было бы нечто вроде Чингисхана с телеграфами, пароходами, железными дорогами, с Карно и Монжем в штабе, с ружьями Минье и с Конгревовыми ракетами под начальством Батыя.

Каждый, кто сколько-нибудь следил за историей русского развития с начала XVIII столетия, видит даже в самые уродливые эпохи ее, что в обществе поднимаются, бродят живые силы, требующие больше чем одного повиновения. Всеобщее отвращение, всеобщее негодование против наглого самовластья Павла, окончившееся таким энергическим протестом, не довольно оценено.

Но где же у нас та среда, которая, стучаясь постоянно в царскую власть оскорбленная ее неуважением к достоинству лиц, ее всегдашними притязаниями считать Россию за свое поместье и нас за крепостных людей, – могла бы дать действительность оппозиционной мысли? Без сомнения, та среда, которая была всего последовательнее перевороту Петра I, которая одна и приняла западное образование, – дворянство. Оно представляет у нас то меньшинство, которое делает заодно с императорской властью русскую историю, увлекая за собою в продолжение полутора столетия немой и страдательный народ час еще не настал. В нем – то и созрела революционная вышедшая 14 декабря на площадь.

Когда наши войска возвратились из чужих краев после всех торжеств и упоений, молодым офицерам и вообще образованной молодежи было что-то не по себе. Они переросли колодки плохих государственных учреждений наших. В жизни чувствововалась пустота, тяжесть, чего-то необходимого недоставало. Сам император Александр I чувствовал это больше других; с 1815 года он носил печаль победы на лице, а не ликование ее. Он понял зло и недаром толковал с Карамзиным и Сперанским об уложении, дал Польше конституцию и всенародно говорил что «желал бы распространить свободные учреждения и на другие народы, вверенные ему богом». Мысль освобождения крестьян бродила в его голове; он сделал опыт в остзейских провинциях, но, окруженный людьми невежественными, закоснелыми в грубых предрассудках, несколько не лучше тех, о которых он так резко писал в 1796 году к Кочубею²⁴[24], – без твердой воли, слабый, усталый, он, как бы сознавая свое бессилие, впал в мистицизм и оставил все свои земные проекты.

Но оттого, что император Александр I, понимая многое, ничего не умел сделать, неужели можно называть преступлением, что другие понимали то же, но, совсем наоборот ему, считали себя способными сделать многое. Люди эти были прямым ответом на тоску, мучившую новое поколение. «Ну вот мы сильны, победили Европу, сажаем царей, чертим границы, – что же от этого лучше? Узкие рамы жизни, вымеренные по военному артикулу, теснят... Мы освободили мир, а сами остались рабами, управляемыми какой-то кордегардией в Грановитой палате, какой-то немецкой канцелярией с татарским кнутом в руках! Внизу, вверху – все неволя, рабство, грубая, дерзкая сила, бесправие, ни суда, ни голоса, – одна надежда и была – на милость царскую».

Но чтоб кто-нибудь не слишком увлекся мягкими формами и добротой императора, с каждым годом после войны растет черное *memento servitudinem*²⁵[25] – Аракчеев, гадкий, желтый, оскорбительный, на ворохе розог, окруженный трупами засеченных

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
поселенцев. Глядя на него, вспоминался весь ужас положения – подобострастие,
военный деспотизм, безмолвие вверху, розги везде... дворовых секут в полиции,
крестьян сечет

40

управляющий, сечет староста, – люди-вещи, люди-заклады, крепостные серали,
продажные семьи, изнасилованные женщины, палками забитые солдаты!..
Государь, у вас человеческое сердце, скажите, положивши руку на грудь, – можно
ли это вынести на той степени образования, на которой стояли Пестели, Бестужевы,
Мурвьевы? Ну как же их осуждать за то, что они хотели лучше погибнуть, нежели
быть страдательными свидетелями этого повсюдного, ежечасного злодейства? Ведь
это святейшее чувство любви, круговой поруки с слабыми, заставляет человека
предпочесть виселицу – отрицательному сообщничеству – молчанием!

«Но зачем же переделывать насилем, делать заговоры, тайные общества, бунтовать
на площади?» Лучше собираться явно и действовать убеждением; об этом и сомнения
быть не может. Но беда в том, что в нашем отеческом управлении человек не имеет
ни права созвать без карт и вина других людей, ни права вольной речи, цензура
убивает слово перед его рождением, а если оно иной раз прорвется, – секретное
предписание, жандарм, курьерская тройка и поминай как звали.

Представьте себе самого Иисуса Христа, который бы стал проповедовать где-нибудь
на Адмиральтейской площади или в Летнем саду, – тут и до Иуды не дошло бы дело,
первый квартальный свел бы его в III отделение, а оттуда отдали бы его в солдаты
или еще хуже – послали бы его в Соловецкий монастырь.

Стало быть, о слове, о явном совещании и толковать нечего.

Остается гражданская деятельность. В самодержавном государстве она очень важна,
но, благодаря чинам, она также невозможна. Табель о рангах положила такие бревны
под ноги, что ни один журавль не перешагнет их. Свежего, живого ничего никогда
не может взойти в правительство. Сенат, совет министерства у нас похожи на
богадельни для стариков, лет пятьдесят терших ляжку или сидевших в канцелярии, –
стариков пустых, легкомысленных, баснословного невежества, без малейшего понятия
о государственном деле – вроде тех, которые вам достались от покойного
родителя...

Есть страны, например Англия, где старики не так глупы, где они представляют
преемственную и вековую мудрость государственную,

41

это маститые защитники прав; народ и правительство привыкли слышать их голос
при каждом возможном вопросе, при каждой общественной невзгоде. Таков, например,
лорд Линдгорст из живых; это великие легисты, ораторы а у нас они не умеют двух
слов связать, не умеют написать собственного мнения. Книга Корфа, этого юнейшего
из старцев доказывает это очень хорошо. Корфа, вероятно, избрали для составления
записки, как бойкое перо... несколько горячее... но бойкое! Неумение выразиться
– дело очень важное, оно свидетельствует о неясном понимании, о непривычке к
мысли, о том низшем состоянии умственного развития, в котором бывает человек,
вышедший из естественной непосредственности и не дошедший до образования.

Мы до того привыкли видеть судьбу России в руках неспособных стариков,
получивших места вроде премии от общества застрахования жизни, за
продолжительную крепость пищеварения, что нам кажется каким-нибудь чудачком,
иностранцем, «чужим между своих» – лицо вроде Мордвинова; да разве он и, еще
больше, Сперанский не затерялись бесполезно между семью детьми, игравшими в
звезды и в ленты?

Оставалось одно – в тиши соединить рассеянные силы, дать им организацию,
единство с определенной целью обсуживания средств, чем помочь страшному злу,
губящему Россию,

которое, повторяем с намерением, император Александр I так же понимал, как
Бестужевы и Муравьевы.

Общество это, сказано в самом донесении Следственной комиссии и потом повторено
в книге Н. Тургенева, сначала имело целью раскрывать злоупотребления,
противудействовать им, преследовать кражу и лихоимство, защищать слабых от
чиновников, крепостных от помещичьего варварства, солдат от варварства их
начальников. Словом, эти страшные люди хотели все то, чего вы желаете теперь и
чего вы, государь, точно так же не достигнете при всем вашем самодержавии, как
они не достигли при их горячей воле, потому что этого рода зло уступает только
звону и свету гласности, только ряду гражданских учреждений, несовместных ни с
военным деспотизмом, ни с помещичьим управлением государства.

42

Побившись бесполезно с юношеской идеей облагородить ваши суды, основанные на
взятках, нашу полицию, основанную на кулаке, при удушливой цензуре, при
невежестве первых трех классов, при безответственности власти, этим людям
приходилось сложить руки с отчаянием или, благословясь, начать самим красть и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
сечь? Но как ни утаивали от нас, мы знаем сильный и энергичный характер этих людей, он пророчески даже в донесении Следственной комиссии, сквозь всю злонамеренность и подобострастие языка. Такие люди не складывают рук, не крадут народ; такие люди делают заговоры и идут прямо или на вершину человеческого величия, или в каторжную работу, в обоих случаях резко отмечая свое имя на листах истории.

Тут нет ничего особенного – это судьба воплощения всех практически-социальных идей, принадлежавших сперва развитому меньшинству и переходящих потом в общее сознание народа.

Был ли этот заговор своевременен – доказывает не только единство мнений Александра I, ваше и их о невыносимо дурном управлении нашем, но и невероятное распространение заговора по всему государству – в какие-нибудь семь лет. В нем участвовали представители всего талантливого, образованного, знатного, благородного, блестящего в России. После ссылки этих людей температура образования видимо у нас понизилась, меньше ума сделалось в обороте, общество стало пошлее, потеряло возникающее чувство достоинства; с тех пор язык подьячих и манеры кантонистов получили право гражданства в гостиных, в литературе; с тех пор беспорядок и разврат управления дошли до крымского комиссариата, до наглого воровства под глазами двух полиций, в пяти шагах от Зимнего дворца.

День возмущения, 14 декабря, не входил в план петербургского союза, но он был необходим. Преданные какими-то мерзавцами во второй армии, преданные «двадцатилетним юношей, горевшим любовью к отечеству» – Иаковом Ростовцевым, заговорщикам оставалось ждать у себя в комнате «юношу» Иакова, который «в порыве молодого и неопытного энтузиазма» сделал донос, или Бенкендорфа, – и быть ими задушенными, или сделать отчаянный опыт и воспользоваться анархией, царившей тогда во всей правительственной России.

Это было время белой горячки, правительственного бреда; оно подробно описано Корфом и чрезвычайно характеристично. Обыкновенным не верноподданническим, а человеческим умом ничего понять нельзя... Зачем Александр I, сделав акт такой важности, как замена меньшим братом старшего в престолонаследии, держал это под студом? зачем скрыл от совета, от министров, от людей, окружавших его смерный одр в Таганроге? Зачем потом эта длинная история семейных учтивостей: «Сделайте одолжение, вы вперед!» – «Нет-с, помилуйте, за вами!» Марья Федоровна в отчаянии проливает слезы, Михаил Павлович скачет на курьерских в Варшаву, скачет на курьерских из Варшавы; Николай Павлович присягает Константину Павловичу, Константин Павлович присягает Николаю Павловичу. Все зовут цесаревича в Петербург, а тот руками и ногами уперся в Лазенках и ни с места. Первый пришедший в себя был Михаил Павлович, тот сел себе на станции между Петербургом и Варшавой и пробыл, пока старшие доиграли свою игру.

В этом капризном, сделанном втихомолку распоряжении короной так ясно и видно полнейшее презрение к народу; судьба его считается домашним делом одной семьи, и привычка не ставить подданных ни в грош так велика, что сам либеральный Александр I наивно воображал, что Россия его собственность: после смерти раскроют завещание и узнают, чья Россия.

Как же было заговорщикам, уже преданным на юге и в Петербурге, не воспользоваться этой сумятицей отречений, этой тревогой, брошенной в совесть каждого присягающего и неприсягающего, этим междуцарствием с двумя императорами. Не одни бедные солдаты потеряли голову, московский генерал-губернатор ведет сенаторов присягать Константину Павловичу по записке Милорадовича, а московский митрополит не хочет принимать присяги, говорит, что все это вздор, что у него есть в Успенском соборе свой секрет.

К тому же попытка 14 декабря вовсе не была так безумна, как ее представляют; книга Корфа это доказывает лучше всего. Им не удалось, вот все, что можно сказать, но успех не был безусловно

44

невозможен. Что было бы, если б заговорщики вывели солдат не утром 14, а в полночь, и обложили бы Зимний дворец, где ничего не было готового? Что было бы, если б не строясь в каре, они утром всеми силами напали бы на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный тогда?

Много ли сил надо было иметь Елизавете I при воцарении, Екатерине II для того, чтоб свергнуть Петра III?

Нет правительства, в котором бы легче сменялось лицо главы, как в военном деспотизме, запрещающем народу мешаться в общественные дела, запрещающем всякую гласность. Кто первый овладеет местом, тому и повинуется безмолвная машина с тою же силой и с тем же верноподданническим усердием.

Но заговорщикам 14 декабря хотелось больше нежели замены одного лица другим, серальный переворот был для них противен, весьма может быть, что они потому-то и не бросились в дворец, а открыто построились на площади, как бы испытывая с ними

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов ли общественное мнение, с ними ли массы. Они не были с ними, и судьба их была решена!

Верные мысли, которую они представляли, они хотели ограничения самодержавия писаным уложением, хранимым выборными людьми, они хотели разделения властей, признание личных прав; словом, представительное правительство в западном смысле. И вот почему мы считаем царствование Александра I и 14 декабря строгими, прямыми последствиями, крайними звеньями петровского периода, того периода, в котором Россия развивалась под влиянием западной государственной идеи.

С того часа, когда император Николай вечером 14 декабря взшел на лестницу Зимнего дворца и Александра Федоровна, не знаю почему, «приняла его за нового человека», как говорит Корф, – Россия попятилась и взшла в холодный, неприветный коридор, в длинный, мрачный туннель, в котором едва начинает мерещиться свет, – с дня вашего воцарения, государь!

Император Николай увидел, что с образованием больше идти нельзя, не утратив долю деспотического произвола, и отрекся от него, т. е. не от деспотизма, а от образования. Общество увидело, что конституционными бечевками не свяжет царскую власть, пока огромное множество народа, безгласно

45

раздавленное, не принимает никакого участия в общественном деле.

Настала пауза – долгая, мучительная, потратившая все наше поколение и еще одно. Эта задержка, это остановленное дыхание, нравственное недоумение мало-помалу стало разрешаться в мысль: что стихии развития надобно искать в самом народе, а не в перенесении чужих форм.

Пока мы достигали до этого понимания, в Европе произошли две революции, одна в 1830, другая в 1848 г., все общественные вопросы, все решения еще раз изменились, и нам еще раз достаются даром истины и результаты, до которых западные народы доработались, снова тяжелым путем крови, длинной борьбой и утратой почти всего приобретенного трудами веков...

На своей больничной койке Европа, как бы исповедуясь или завещая последнюю тайну, скорбно и поздно приобретенную, указывает как единый путь спасения именно на те элементы, которые сильно и глубоко лежат в народном характере, и притом не одной петровской России, а всей русской России.

Поэтому мы думаем, что у нас развитие пойдет иным путем.

...Но неужели оттого, что мы иначе понимаем задачу общественного развития и долю видим причину, почему 14 декабря трудно было удалиться, – мы не можем (с какой бы стороны мы ни были) спокойно и с уважением говорить об этих людях, сильных и самоотверженных, вышедших на неровный бой, чтоб заявить начало совершеннолетия России?

Амнистии вашей мало, она пришла слишком поздно, не прощение нужно теперь их памяти, а примирение и понимание!

Два года с половиной тому назад, когда вы сели на престол, мы говорили вам: «От вас ждут кротости, от вас ждут человеческого сердца... Вы необыкновенно счастливы!»²⁶[26]

И до сих пор еще ждут, вера в вас сохранилась.

Зачем же, опираясь на вас, бездушные льстецы, вроде византийских риториков-отпущенников, льстивших по должности, воспевают напыщенным гоффурьерским языком, неприличным в наше время, царствование, которого вы не продолжаете, бросая оскорбление людям, так беспощадно побитым грозой за

46

то, что слишком верили в Россию, за то, что слишком рано вышли на поле... и запечатлели мученичеством свой подвиг?

Говорят, будто граф Панин ударил в порыве верноподданнического усердия Пугачева, приведенного к нему в цепях. Говорят, что в 1826 году в Следственной комиссии и в государевом кабинете подсудимые заговорщики были оскорблены ругательными словами, которых позор долго не сотрется... Неужели тридцать лет спустя в ваше царствование еще раз потревожатся заученной клеветой великие тени... уже восставшие в памяти рода человеческого отрешенными и от тупой клеветы преследователей, и от собственных ошибок... печальными, но сильными и чистыми прорицателями великих судеб России?..

Мир им, государь, и почтительное благочестие перед былым!

Лондон, 20 сентября 1857.

<КНИГА БАЛЛЕЙДЬЕ>

«Несчастья не ходят в одиночку, – говорит Шекспир – а толпою». Вслед за книгой статс-секретаря и кавалера Корфа явилась история императора Николая в двух томах, сочинение Баллейдье. Этой книги мы совсем не понимаем. Ну, положим, Корф, статс-секретарь, кавалер, тайный советник, библиотечкарь и не знаю что, – имеет право на подобострастие перед Николаем. Ну а этот Баллейдье (Альфонс) по доброй воле, по химическому сродству написал книгу, еще более верноподданническую!

Но если «усердие все превозмогает», то усердие с излишеством все портит. Нельзя заподозрить нас в симпатии к императору Николаю, а уж и нам что-то сделалось жалко, что Корф и Баллейдье выдают Николая и всех присных его на всеобщее посмешище, не щадя ни пола, ни возраста.

Как пример тона, с которым написана книга Баллейдье, приведем следующее место: «Николай видел в Михаиле, хотя младшем, друга своего детства, товарища своих игр, сотрудника в стремлении к знанию (*l'émulé de son instruction*); оба любили друг друга дружбой нежною и почти исключительною, которую одна смерть могла разрушить. Оба в стальной груди носили золотое сердце и таили под непроницаемой корой зародыш мягкости чувствований (*délicatesse de sentiments*), который должен был распуститься и созреть в сладостной теплоте домашнего очага» (стр. 33, т. I). Как пример анекдотических сведений, приведем следующее: «Если бы небо не создало вас великим князем, – спросил его (т. е. Николая) однажды генерал Ламсдорф, – чем бы вы хотели быть?» – «Барабанщиком», – решительно отвечал юный великий князь. – «А почему, ваше высочество?» – «Потому что барабанщик бьет шаги ко славе (*marque le pas de la gloire*)...» (стр. 30, т. I). Что ж тут прибавлять!

48

НАШИМ АНОНИМНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Душевно, искренно, дружески благодарим мы неизвестных особ, приславших нам в последние два месяца большое количество писем и статей. Сведения из России, особенно из наших судебных пещер, из тайных обществ, называющихся министерствами, главными управлениями и пр., нам необходимы. Мы надеемся на продолжение присылок и просим об них; все возможное будет напечатано, но мы должны оговориться. Полная свобода наша

обязывает нас к некоторой строгости в выборе, особенно там, где речь идет о лицах. Хотя мы вполне убеждены, что все служащие в общественных должностях подлежат суду гласности, и видим это ежедневно в Англии, но не желали бы повторять неверных анекдотов или слишком частных; вот почему мы не все присланное сочли возможным передать публике.

Только достоверная истинность сведений, оглашаемых нами, и некоторое значение их может дать силу и важность нашему органу.

С величайшим удовольствием будем мы, по совету одного корреспондента, извещать не только о вновь выходящих книгах о России, но и о всех особенно замечательных книгах, выходящих в Европе; их так мало, что труд наш не будет велик.

На первый раз ограничиваемся указанием на серьезный и замечательный труд, под заглавием:

«ROSJA I EUROPA – POLSKA» przez X. Y. Z. Paryz, 1857 (482 p.).

49

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

ОПЫТ БЕСЕД С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ²⁷[27]

Удостоверюсь, что некто Михаловский занимавшийся делами по книжной торговле г. Трюбнера, предлагал русскому правительству доставлять рукописи и письма, присылаемые для нашей лондонской типографии, и считая должность корреспондента русского правительства несовместной с делами нашей типографии, – мы взяли все меры, чтоб отстранить Михаловского от всякого участия в делах г. Трюбнера, о чем с своей стороны г. Трюбнер просит нас довести до сведения читателей. □

Вероятно, каждому молодому человеку, сколько-нибудь привычному к размышлению, приходило в голову: отчего в природе все так весело, ярко, живо, а в книге то же самое скучно, трудно, бледно и мертво? Неужели это свойство речи человеческой? Я не думаю. Мне кажется, что это вина неясного понимания и дурного изложения.

Ни трудных, ни скучных наук вовсе нет, если их начинать с начала и идти в каком-нибудь порядке. Труднее всего и во всем азбука и чтение, они требуют механических усилий памяти и соображения, чтоб запомнить множество условных знаков, – но вы знаете, как это легко делается. Всякая наука имеет свою азбуку, далеко не так сложную, как настоящая, но которая издали дика и запутанна; через нее надобно пройти, и это ничего не значит. Разумеется, нельзя читать химическое рассуждение, не зная, что такое кислота, соль, основание, сродство и проч. Но не надобно забывать, что нельзя и в карты играть, не давши себе труда выучиться мастям и названиям.

Будьте уверены, что трудных предметов нет, но есть бездна вещей, которых мы просто не знаем, и еще больше таких, которые знаем дурно, бессвязно, отрывочно, даже ложно. И эти-то ложные сведения еще больше нас останавливают и сбивают, чем те, которых мы совсем не знаем.

Основываясь на ложном и неполном пониманье, на произвольных

51

предположениях, как на решенном деле, мы быстро доходим до больших ошибок.

Пустые ответы убивают справедливые вопросы и отводят ум от дела. Вот причина, почему, начиная говорить с вами, я не только не требую от вас знаний, но скорее

был бы доволен, если бы вы забыли все, что знаете школьно и имели бы тот простой взгляд и те неизбежные понятия о вещах, которые сами собой приобретаются в жизни – иногда смутно и ошибочно, но не преднамеренно ложно.

Мне хотелось бы не столько сообщить вам сведений, дать ответы на ваши вопросы, как научить вас спрашивать, поставить вас относительно предметов на точку зрения здравого смысла. Овладевши ее несложными приемами, вам легко будет приобрести сколько хотите знаний из огромных запасов наблюдений и фактов. Мне хотелось бы указать вам тропинку в их дремучем лесу, чтоб вас не обошел, как говорят наши мужички, «лукавый», т. е. дух лжи и неправды, – дать вам нить, которая довела бы вас до других, уже более опытных проводников и, если вы того захотите, до собственного наблюдения.

Предания, которые нас окружают с детства, общепринятые предрассудки, с которыми мы выросли, которые мы повторяем по привычке и к которым привыкаем по повторениям, страшным образом затрудняют нам простое изучение окружающей нас жизни. Желая что-нибудь понять из естественных явлений, мы почти никогда не имеем дела с ними самими, а с какими-то аллегорическими призраками, вызываемыми по их поводу в нашем воображении. Оттого мы почти всегда смотрим на произведения природы как на фокусы или на колдовство, и вместо отыскивания причин, законов, связи мы думаем о фокуснике, который нас обманывает, или о колдуне, который ворожит.

Большая часть людей, занимавшихся изучением природы, знают, что это не так, но сами принимают неверный язык и лепет младенческого развития, – одни – воображая, что они этим сделают понятнее науку – так, как дурные няньки, говоря с маленькими детьми, повторяют нарочно детские ошибки и детское произношение; другие – из равнодушного неуважения к истине или из жалкой боязни раздражить людей, верующих в исторические предрассудки.

Я намерен говорить с вами, как с совершеннолетними, и

52

думаю, что мне никогда не придется ни употреблять детский лепет, ни лицемерить.

Лучше молчать, если нельзя иначе.

Безнравственно на вопрос о причине какого-нибудь явления отвечать вздором только для того, чтоб отделаться. А это-то мы и видим сплошь да рядом.

Отчего, спрашиваете вы, зверь глупее человека? – Оттого, говорят вам, что у зверя инстинкт, а у человека ум. Неужели этот ответ дельнее того, который бы кто-нибудь сделал на вопрос – отчего близорукий видит хуже других? – оттого, что он миоп. Или, еще лучше, слабые глаза – назвал бы одним именем, а сильные глаза другим и дал бы вам это за объяснение.

Кому не хочется, глядя на природу, заглянуть за ее кулисы, в ту мастерскую, из которой непрерывно идет, летит, стремится это множество всякой всячины – звезды, камни, деревья, вы, я, – и всякий раз на вопрос ваш о том, как все это делается, вам отвечают шалостью или обманом, чтоб скрыть свое неведение, а иногда, и это еще хуже, чтоб скрыть свое знание.

Один из обыкновенных приемов – пугать начинающих такими цифрами лет, милей, что их и произнести нельзя. Сбивши ими с толку, начинают толковать о сотворении мира, прежде нежели объясняют, что такое мир и как он может быть сотворен; потом заставляют принять на веру три-четыре силы, и все это для того, чтоб потом с их помощью трудным путем дойти до того, с чего начинает катехизис.

Не лучше ли было бы начать с первого предмета, попавшегося на глаза, с предмета знакомого, который можно взять в руки, посмотреть. Тем больше, что природа везде одинакова, все ее произведения равны перед законом, какого бы роста они ни были, какое бы значение они ни имели – близко ли, далеко ли, в телескоп ли на них смотрят, простыми глазами или в микроскоп. Капля воды и струйка дыма подлежат тем же общим правилам, как океан и вся атмосфера. Страх перед количеством, длиной и долготой надобно победить с самого начала, а потому и следует начинать с величин соизмерных: то, что мы в них найдем, наверно можно будет приложить ко всем прочим. В капле нечистой воды зарождается бездна маленьких животных, в междузвездных пространствах бездна планет и комет, на сырой стене плесень.

53

Объяснить образование плесени не легче, чем объяснить образование земного шара. Плесень нас не удивляет только потому, что она неказиста, невелика. А ведь было время, что и земной шар был меньше тех животных, которые тысячами вертятся в одной капле воды.

Сделаться большим не так трудно, как начать расти. Вы верно, слышали о той даме, которая на вопрос – верит ли она, что св. Дионисий прошел большое пространство без головы, отвечала, что не в этом важность, что он далеко ушел, но в том что он сделал первый шаг.

Действительно, в определенных явлениях все зависит от первого шага, т. е. от

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
начальной встречи необходимых условий; где они соберутся, там и делается первый шаг, и, если ничего не помешает, развитие пойдет длинным рядом изменений, смотря по обстоятельству – в комету, в цветок, в плесень. Эти встречи делаются непрерывно, везде, на каждой точке безграничного пространства. Миры возникают непрерывно, так, как плесень и инфузории; они не сделаны, не готовы, а делаются, одни существуют теперь, другие едва образуются, третьи кончают свою жизнь в этой форме.

Мы имеем один факт, не подлежащий, так сказать, нашему суду, – факт, втесняющий нам себя, обязывающий нас себя признать; это факт существования чего-то непроницаемого в пространстве – вещества. Мы можем начинать только от него, он тут, он есть; так ли, иначе ли – все равно, но отрицать его нельзя. Пространств без веществ мы не знаем, мы знаем только, что в иных пространствах вещества больше, т. е. что они гуще и плотнее, в других меньше, т. е. что они жиже и пустее.

Где бы вы ни начали изучать вещество, вы непременно дойдете до таких общих свойств его, до таких законов, которые принадлежат всякому веществу, и из этих законов можете вывести, изменяя условия, что хотите – возникновение миров и их движение или движение пылинок, которые колеблются и несутся на солнечном луче. К другу, другие сближаются теснее, как бы просасываясь друг в друга. Вот, например, одно из этих общих свойств, самых очевидных и легких для наблюдения. Стоит посмотреть на несколько разных веществ, чтоб увидеть, что частицы одного вещества иногда соединяются с частицами другого, одни льнут друг к другу. Продолжая наблюдение, мы можем изучить, заметить некоторые особенности, сопровождающие тесные соединения частиц. Возьмем, например, стакан воды и стакан спирту, смешаем их так, чтоб ничего не утратилось; мы получим весом сумму веса воды и веса спирта, а объем их будет меньше двух стаканов. Новая жидкость сделалась несколько плотнее. Стало быть, есть соединения, при которых разные частицы соединяются теснее и в силу этого занимают, соединившись, меньшее пространство.

Я хочу, взяв в основание эти два простейшие явления показать вам возможность объяснять ими возникновение всего на свете.

Одного только я потребую от вас – того, что требует всякая старушка, рассказывающая сказки, – немного внимания и немного воображения.

Вместо двух стаканов, из которых в одном налит спирт, а в другом вода, вы себе представьте глухую ночь бесконечного пространства, в котором носится разжиженное до чрезвычайности вещество; рассеянные частицы непрерывно встречаются, соединяются, просасываются друг в друга, снова разлагаются, опять соединяются – и это повсюду, спокон века и ежеминутно. В бесконечном числе этих соединений должны встретиться и такие, которые удержались и с тем вместе сделались плотнее. Что может выйти из этого? Первое последствие будет нарушение равновесия, в котором около носившиеся частицы держало друг друга в балансе. Окружающие частицы, но встречая прежнего препятствия, стали падать к более плотному соединению, чтоб наполнить изреженное место, от которого вещество долею отступило, сделавшись плотнее.

Зачем? На этот вопрос, совершенно правильный, я буду отвечать фактом.

Раздвигаемость частиц и стремление занять наибольшее пространство есть отличительное свойство одного из трех нам известных состояний вещества, мы его называем воздухообразным.

В обыкновенной жизни мы почти не считаем воздух за вещество. Мы говорим: «Стакан пустой», когда в нем нет ничего

55

жидкого и ничего твердого, забывая, что он полон воздуха, и в этом нет никакой ошибки, потому что стакан сделан для того, чтоб содержать жидкость. Тем не меньше надобно остерегаться и от тех ложных представлений, которые вносит не книга а практически житейское отношение к предметам. Воздух у нас в большом пренебрежении. Вещь улетученную, воздухообразную мы считаем уничтоженной вещью. «Сколько мы истребили дров нынешней зимой!» – говорим мы относительно правильно, ибо дрова, как вещь ценная, как вещь полезная, даже как вещь осязательная, не существуют больше; но не следует забывать, что от сожженных дров ничего не пропало и не могло пропасть. Нет того снаряда, того пресса, того паровика, того плавильного огня, которым бы можно уничтожить пылинку, носящуюся в воздухе, малейшую скорлупу ореха. Если собрать сажу, дым, уголь, золу и разные воздушные соединения, вы бы увидели с весками в руках, что дрова ваши совершенно целы, а только живут иначе. Дело в том, что всякое самое твердое тело (так, как вы это видите на льду), свинец, например, может сначала расплавиться, а потом при известных условиях делается воздухообразным, нисколько не переставая быть свинцом, и точно так же может из воздухообразного снова перейти в свое твердое состояние, так, как водяные пары превращаются в лед. Это нас приводит к одному

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
из величайших законов природы: ничего существующего нельзя уничтожить, а можно
только изменить. Но если сегодня нельзя ничего уничтожить, то и вчера нельзя
было, и тысячу лет тому назад, и так далее, т. е., что вещество вечно и только
по обстоятельствам переходит в разные состояния. Люди, толкующие о преходимости
всего вещественного, не знают, что говорят; если льду нет, зато есть вода; если
воды нет, зато есть пары; если и их разложить, мы получим два воздухообразные
вещества, которые можно на тысячу ладов соединить, но уничтожить ничем нельзя,
ни даже человеческим воображением; сделайте опыт представить себе что-нибудь
существующее уничтоженным, как же оно примется за то, чтоб не быть?
Сочетания и разложения вещества, по собственному ли развитию или по воле
человеческой, могут только переделывать, изменять материал, приводить его в
другие соединения и

56

в другие формы, но материалу от этого ни больше, ни меньше, он все тот же и в
том же количестве. Если в одном месте сделается что-нибудь гуще, непременно
где-нибудь будет жиже. Перед вами фунт говядины, вы ее съедаете и становитесь
фунтом тяжелее, а через час или два несколько легче, но разница не пропала;
говядина, претворившись в кровь, потеряла разные водяные и воздушные частицы,
оставившие ваше тело испарением, дыханием. Эти освобожденные частицы пошли
каждая своей дорогой, одни были всосаны растениями, другие соединили с землей,
рассеялись в воздухе.

Но если все, что делается в природе, только перемена вечного, готового
материала, то вы, несколько подумавши, ясно увидите, что также нельзя в природе
ничего вновь сделать ничего прибавить, ничего создать. Можно пары охладить в
воду, воду заморозить в лед, но водяных паров нельзя составить, если нет их
составных частей; с чего же начать?

Мы остановились на том, что частицы вещества, окружавшие более плотное
соединение, устремились к нему. При этом движении они должны были увлекать с
собой слой за слоем и, следовательно, быть причиной нового колебания,
продолжающегося до тех пор, пока движение слоев не потеряется в пространстве и
не придет в равновесие.

Наши соединившиеся частички в этом колебании уже играют роль средоточия, зерна;
стремящиеся на них воздуха (газы) наносят им новые соединяющиеся частицы,
движение от этого становится больше и больше. Вы знаете, что ветер – не что
иное, как перемещение слоев воздуха, теплых и холодных, сухих и наполненных
парами, продолжающееся до тех пор, пока слои придут в равновесие. Мы можем
поэтому представить себе, как мало-помалу возрастали вьюги и вихри, колебавшиеся
в воздушном растворе, без всякой рамы, на просторе бесконечного пространства,
около сгущенного средоточия.

Если средоточие выдержит напор, не потеряв своей особенности, не распустившись в
пространстве, не прильнув само к другому, то оно с волнуемым около него
воздухом или туманом представится нам особенной областью, вымежевавшейся от
окружающего пространства своим движением около ядра. Если же оно вступит в
другие соединения, вовлечется в другое

57

движение, что, вероятно, повторялось миллионы и миллионы раз, тогда оставим его
своей судьбе и займемся тем другим средоточием, в котором развитие продолжается.
В той ли воздушной области или в другой идет операция, мы не можем иначе себе
представить ее форму, как шарообразной, потому что никакой причины частицам
простирается больше или меньше в одну сторону, нежели в другую. А простирается
ровным образом во все стороны от одного средоточия значит быть шарообразным.

Но отчего же развилась та область или другая, почему тут образовалось более
плотное соединение, а не там? – какое вам до этого дело? Это один из самых
пустых вопросов, но так как его повторяют довольно часто, то надобно было о нем
упоминать. Естественные науки не дают никакого ответа на подобные вопросы,
потому что им нечего сказать. В бесконечном пространстве нет местничества; там,
где случились необходимые условия, и именно в то время, когда они встретились,
там и начало, там и продолжение; случись оно в другом месте, в другое время, оно
было бы там, а не тут; может, было бы в обоих местах. Ну что же из этого?

Природа представляет нам факт, наше дело его изучать, приводить к сознанию,
раскрывать его законы. Ну, а если б у нее были другие законы, тогда, вероятно, и
нас бы не было, а было бы что-нибудь совсем другое... где тут предел... мы
изучаем те факты, которые существуют, и смиренно принимаем их, как они есть.

Говоря о возникновении миров, например, само собой разумеется, мы говорим о тех
мирах, которые возникли, и об общем законе возникновения... Миры могли и могут
возникать на всякой точке, но не на всякой точке нашлись условия, для них
необходимые. На них могут быть условия, годные для начала, но которые не в
силах поддержать развитие. Мы их не знаем, да если б и знали, их следовало бы

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
оставить. Описывая животных, мы не останавливаемся на неудавшихся зародышах или
на уродливых недоносках.

Естественные науки занимают только фактами и их изучением, не допуская
фантастического созерцания возможностей. Почему мы знаем, что теперь делается в
мрачных и холодных

58

пространствах между звезд, какие образуются там новые миры и подрастают на
замену солнечной системы или какой другой... Во всем этом нам не на что
опереться, кроме на ведение, – оно действительно подтверждает, что должно быть
это так; тем и оканчивается весь научный интерес, и дальнейшее переходит в
область мечтаний.

Нас ожидают вопросы больше существенные в жизнеописании нашей воздушной области.
Будучи гуще внутри, она должна была сложиться в последовательное наслоение.
Легкие слои всплыли наверх, потяжеле повисли в середине, самые тяжелые потонули
к средоточию. Пока все не пришло в равновесие, в шаре делалось то, что делается,
когда кипятят воду: подогретая вода подымается, в то время как холодная
низвергается на дно. Противуположные потоки должны были стремиться одни
лучеобразно от центра ко всем точкам поверхности, другие – от всех точек
поверхности к центру, но по мере того, как все частицы повисли бы на своем
месте, они успокоились бы, и общее движение мало-помалу должно остановиться, а с
ним замереть и дальнейшее развитие. Этот покой действительно и настает в
кипятке, если воду не будут подогревать. Но где же очаг, который бы подогревал
наш воздушный шар?

Переходим опять к ежедневным, домашним опытам; возьмите кусок холодного железа,
положите его на холодную наковальню и начните его бить холодным молотом; оно
сначала делается теплым, потом горячим – где очаг? Если в металлической трубке
с одним отверстием, подвижной пробкой, туго входящей, быстро сжать воздух, то
трут, прикрепленный на дне трубки, загорается. Кто его зажег? Дело состоит в
том, что тела, сжимаясь, становятся теплее. А ведь две первые частицы,
соединившись, заняли меньше пространства – сжались, стало быть, они сделали
теплее. Притечение новых частиц и их соединение развивало больше и больше тепла
в ядре, отсюда движение частиц, отдаляющихся от центра и притекающих к нему,
должно было становиться сильнее и сильнее, температура центральной части выше и
выше.

Идем далее... Имеем ли мы какое-нибудь право себе представить, что та данная
воздушная «капля», при развитая которой мы присутствуем, одна и есть во всей
вселенной? Если б это

59

было так, то, стало быть, было когда-нибудь время, в которое ничего не было, т.
е. в которое нельзя было возникнуть чему-нибудь, т. е. что вещество и законы его
были не те, которые теперь, чего мы допустить не можем; совсем напротив, потому,
что эта область могла развиться, стало быть и другие миры должны были
развиваться прежде нее. Если же это так... то наша сфера где-нибудь, как-нибудь
встретится с другими.

Какое же будет их взаимодействие? Верхние слои, самые изреженные по свойству
воздухообразного состояния, проникнут друг друга, могут смешаться, если не будут
удерживаемы потоками частиц, летящих или низвергающихся к средоточию. Мы не
имеем причины предполагать обе сферы одинакового объема, одинаковой плотности, –
это может быть, но это один из случаев; гораздо легче представить, что одна
сфера больше другой, и тогда меньшая будет постоянно склоняться к большой. Если
частицы, стремящиеся к зерну меньшей сферы, не в состоянии противодействовать
удаляющимся от него, то она упадет на большую, распустится в нем, станет
двигаться как один из его слоев или как одна из его частных областей.

Но если движение частиц к средоточию достаточно, чтоб противодействовать
падению, но недостаточно, чтоб совсем пересилить стремление частиц к средоточию
большой сферы, тогда, повинувшись двум движениям, шар наш будет кружиться около
центра большой сферы, постоянно готовый сорваться с пути или упасть к его
центру. И то и другое может случиться, нам для нашей цели следует взять такое
отношение сфер, в котором они уравниваются на постоянном движении одной
около другой.

Но все частицы вещества, составляющего воздушный шар, несущийся около
средоточия, вне его находящегося, одинаково ринуты в движение. Слои ближе к его
зерну вертятся медленнее, у самого центра все покойно, быстрота, разумеется,
возрастает с удалением от него и всего больше на поверхности. Простой опыт
мячика, привязанного на бечевке, который вы станете кружить, дает наглядное
представление.

Сверх того, и на самой поверхности не все точки двигаются с равной скоростью,
потому что не все подвергаются одинаковой близости к большой сфере, около

60

меньшая. Наибольшее движение будет на том поясе, который всего ближе к большой сфере, туда и будет притекать наибольшее частиц. В силу этого разного движения, мы можем определить такую линию, около которой шар будет обращаться как около своей оси.

С своей стороны, постоянное притечение частичек к поясу наибольшего движения должно изменить шарообразную форму, она сплюснется у полюсов, т. е. у концов оси, и увеличится у пояса, ближайшего к внешнему средоточию.

Но чем далее частицы от зерна, тем слабее их связь с ним а так как и движение там всего сильнее, то под его влиянием пояс может, наконец, сорваться или, лучше, расчлениваться с общей массой, продолжая увлекаться ее движением, уже не как ее слоем, а в виде обруча. За ним может отделиться другой третий и т. д.; тогда плотность всей сферы делается, так сказать, полосатой в отношении к густоте, гораздо изреженнейшей между обручами, гораздо плотнейшей в них самих. При крутом и стремительном движении обручей они сами могут разорваться, и тогда – одна часть дуги отставая, а другая нападая на нее – они могут собраться, сжаться в один или несколько комков, обращающихся около общего центра своей сферы и увлекаемых с нею около средоточия большой сферы; в каждом расчленившемся обруче или кольце снова повторятся те же явления.

При этих отделениях обручей, при их распадениях на шары должны были остаться свободные частицы, уносимые общим потоком и которые, в свою очередь, льнут к тем или другим шарам, больше и больше сгущая их. Самое образование обручей было сгущением, но сгущаться – значит разогреваться; чем больше накаливались частные центры, тем сильнее стремились от них частицы, поднимаясь к окружности. Таким образом зерно, вместо того, чтоб делаться плотнее и плотнее, становилось все жиже и жиже, истощаясь своим лучезарным рассеянием частиц.

Такое средоточие – наше солнце, его расчленившиеся обручи – планеты нашей системы; их отделившиеся обручи, в свою очередь, составили их спутников, как луна, или остались обручами, как кольцо Сатурна.

61

Вся солнечная система имеет свое общее движение около одного из своих созвездий. Представляет ли это созвездие общее средоточие или само обращается около чего-нибудь? Наверно последнее. Мы слишком бедны, чтоб доказать это опытом, наши периоды наблюдений слишком ограничены и слишком малы, но нелепость средоточия чего-нибудь бесконечного так же очевидна, как означение года, делящего на две равные эпохи вечность. Общего средоточия движения не может быть, оно не в духе природы... все носится друг около друга; одни центры исчезли, послуживши причиной движения; другие возникают, приставая к той или другой системе или перетягивая к себе.

Так это и наша солнечная система когда-нибудь перестанет существовать? – Непременно. Одна из причин бросается в глаза – это постоянное истощение солнца; оно уже я теперь не может производить новых планет, обручи не отделяются от него, но оно продолжает на огромное пространство до Сатурна греть и светить, не получая топлива снаружи; силы солнца также сочтены, придет время, когда воздушный очаг потухнет.

Что касается до возникновения новых небесных тел, мы можем следить за образованием и ростом плотной части туманных пятен и комет, так, как можем изучать по обитателям Новой Зеландии начала стадной жизни людской.

На этом мы остановимся. Мне хотелось в этом опыте только показать, как из легкого химического опыта и из самых элементарных понятий механики и физики, что тела, сжимаясь, нагреваются, что воздухообразные частицы стремятся занимать больше пространства, что есть такие соединения веществ, при которых соединенное тело становится плотнее соединяемых, – есть возможность объяснить всемирные явления, не вводя никаких фокусов, никаких спрятанных колдунов, не отводя глаз. Цель моя будет совершенно достигнута, если мой опыт возбудит умственную деятельность и желание ближе узнать то, что едва обозначено в нем. Одного желал бы я безмерно – чтоб вы заметили коренную разницу этого приема с обыкновенным риторико-теологическим.

В этом сжатом очерке я старался до того сберечь чистоту вашего воображения, что не употреблял, как ни было мне это трудно, таких слов, как притяжение, тяготение, центробежная

и центростремительная сила, которыми для краткости выражают общие причины всех явлений, вследствие которых частицы соединяются, влекутся к другим, кружатся в проч. Я боялся их употреблять и предпочел передавать факты, не означая их именем, потому что незнакомые названия с условным собирательным смыслом заменяют очень часто объяснение, останавливают вопросы; произнося слово, нам кажется, что

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
мы знаем его смысл, что мы определяем самую причину, в то время как мы только ее
называем.

Мы смеемся с Мольером над шутком, который объясняет свойство ревеня тем, что он
имеет слабительную силу, и в то же время довольствуемся тем, что частицы веществ
соединяются вследствие силы сцепления.

А что такое сила сцепления? Опять колдовство, только в другой форме,
переведенное с мистического языка на язык науки, переодетое из монашеской рясы в
докторскую мантию.

Слова эти необходимы, но необходимы как знаки; это стропилы, вехи по дороге к
истине, а не сама истина, «взаправду», как говорят дети.

Явления, ожидающие нас, если мы будем продолжать наши беседы, становятся
определеннее и вводят нас в сферы больше живые. Мы видели, что с сжатием
является теплота, с теплотой свет; при их посредстве рассеянные частицы вещества
обнаруживают больше и больше действий друг на друга (химизм), с теплотой и
химизмом неразлучно электричество, а тут является и кристаллизация, и
органическая клетчатка, а с ними все животное царство и человек.

63

OSTRZEZENIE DO REDAKCJI «DEMOKBATY POLSKIEGO»

Obywatele! – Pospieszam zawiadomic was o tresei dwóch listó w, które otrzymałem
wzgl^dem tajnych kroków poczynionych przez Michalowskiego do rz^du rosyjskiego.
Ocenicie zapewne doskonale powody, dla których nie mogę przytoczyc ani nazwisk,
ani daty, ani miejsca, od kogo, kiedy i sk^d te listy byly nadeslane. Zar^czam
was na slowo uczciwosci, ze znam doskonale osobę która pisala list drugi, i ze
ta osoba jest w Rosji.

Oto tresc pierwszego listu, który, u p. Trübnera przy swiadkach, byl odczytany
Michalowskiemu:

Pewien Michalowski napisal z Londynu list do Gorczakowa, ofiarujac; swe uslugi
rz^dowi rosyjskiemu i obiecuj^c zawiadomic go o wszystkich szczególach
stosunków, pomi^dzy pp. Trübnerem i Herzenem a Rosj^, Powiada on, ze, b^d^c
jednym z glównych agentów ksi^garni Trübnera i posiadaj^c wielkie tak u niego
jako tez u Herzena zaufanie, przez jego r^ce przechodz^, r^kopisma i listy,
adresowane do Drukarni

Rosyjskiej; i na dowód tego, ofiaruje natychmiast przestac kilka r^kopismów i
listów, przejt^ych przez siebie, a pochodz^cych z Rosji.

Drugi list jest jeszcze wyrazniejszy, i ten to list wlasnie byl mi nadestany
przez osobę, którą, bardzo powazam, i o której prawdomównosci nie mam
najmniejszej w^tpliwosci:

Pospieszam zawiadomic cię, ze pewien Michalowski ofiarowal ministrowi skarbu w
Rosji odkryc fabrykę fatszwywych asygnatów rosyjskich, jezeli mu rz^d da 100 f.
szt. Spótczesnie powiedzial, ze, maj^c posada osoby zaufanej u Trübnera, wydawcy
i rozsiewacza zgubnych ksi^zek w j^zyku rosyjskim, mial wszelk^ tatwosc do
obj^szenia rz^du wzgl^dem osób, które przesytaj^ z Rosji swe korespondencje na
dowód czego, byl gotów przestac kilka listów i r^kopismów. Dodat, ze jego
gorliwosc byta juz dobrze znan^ rz^dowi

64

rosyjskiemu, gdyz rok temu on to byl donióst komu nalezato w Hamburgu o wysylce
paki z ksi^zkami rosyjskimi (sprawa to nitszcz^sliwego Olszewskiego) i
zokonczyt uzaleniem się, ze dot^d jeszcze nie wyptacono mu 50 talarów, których
z^dat za doniesienie.

Gdy istotnie brakuje mi parę manuskryptów jednej ekspedycji, o której
wyprawieniu zostatem zawiadomiony, jestem pewny, ze on je sobie przyswoit.
Jezeli juz je postal, jest wi^cej jak prawdopodobnem, ze dowiem się o tym.
Co pisze o zaufaniu, jakie mialem w nim poktadac, jest klamstwem. Obywatele
Czernecki i Tchórzewski mog^ zaswiadczyc, ze uwazatem gozawsze, jako czlowieka
bardzo podejrzanego. Tym wi^cej, ze mam w r^ku dowody sprzeniewierzenia się jego
nawet samemu Trübnerowi, który go zatrudnial i utrzymywal.

Pewna osoba z Londynu zapewniala mnie, ze Michalowski byl 1853 r. wygnany z
Paryza, jako szpieg austriacki, i ze w czasie zaaresztowania ob. Olszewskiego w
Hamburgu, dobrze o tem wiadano w Londynie, jako tez miano wówczas powszechnie
silne o to na niego podejrzenia. W takim razie, wielkim byto bt^dem, ze nie
zdarto juz wtedy zed niego maski zupełnie. Ta sama osoba (której nie mam prawa
jeszcze wymienec) powiada, ze wie z pewnoscia, iz Michalowski znowu (13
Pazdziernika) donióst ministrowi Gorczakowowi o wszystkim co zaszto.

Otóz macie, Obywatele, to co wiem o tym nieszcz^snym cztowieku. Jak tylko dowiem
się o czems wi^cej jeszcze udezediel^ wam natychmiast.

Aleksander Herzen.

Putney, 16 Pazdziernika 1857 r.

ПЕРЕВОД

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ В РЕДАКЦИЮ «ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТА»

Граждане! Спешу уведомить вас о содержании двух писем, которые я получил в связи с тайными шагами, предпринятыми Михаловским у русского правительства. Вы, вероятно, хорошо поймете причину, в силу которой я не могу назвать ни фамилии,

65
ни числа, ни места, кем, когда и откуда эти письма были присланы. Ручаюсь вам честным словом, что отлично знаю лицо, которое писало второе письмо, и что это лицо находится в России.

Вот содержание первого письма, которое у г. Трюбнера при свидетелях было прочтено Михаловскому:

Некий Михаловский написал из Лондона письмо Горчакову, предлагая свои услуги русскому правительству и обещая уведомлять его о всех деталях отношений между гг. Трюбнером и Герценом с одной стороны, и Россией – с другой. Он говорит, что является одним из главных агентов книгоиздательства Трюбнера и пользуется большим доверием как Трюбнера, так и Герцена, что через его руки проходят рукописи и письма, адресованные в русскую типографию; в доказательство этого он предлагает сейчас же переслать несколько рукописей и писем, полученных из России и перехваченных им.

Второе письмо еще ярче, и именно это-то письмо прислано мне лицом, которое я очень уважаю и в правдивости слов которого нисколько не сомневаюсь.

Спешу уведомить тебя, что некий Михаловский предложил министру финансов в России открыть фабрику фальшивых русских ассигнаций, если ему правительство даст 100 ф. ст. Одновременно он говорит, что, состоя в должности доверенного лица у Трюбнера, издателя и распространителя пагубных книг на русском языке, имел бы возможность сообщить правительству относительно лиц, которые присылают из России свои корреспонденции, в доказательство чего готов прислать несколько писем и рукописей. При этом прибавил, что его усердие уже хорошо известно русскому правительству, так как год тому назад именно он донес кому следовало в Гамбурге о пересылке пакета с русскими книгами (это дело несчастного Ольшевского), и закончил письмо жалобой на то, что до сих пор ему не уплачено 50 талеров, которые он требовал за донос.

Ввиду того, что у меня действительно не хватает нескольких рукописей одной присылки, об отправлении которых я был уведомлен, я уверен, что он их себе и присвоил. Если он их уже выслал, то, более чем вероятно, я об этом узнаю.

Что же касается доверия, которым будто он пользовался у меня, то это ложь. Граждане Чернецкий и Тхоржевский могут засвидетельствовать, что я всегда считал его человеком очень подозрительным, тем более, что у меня в руках доказательства его вероломства даже в отношении самого Трюбнера, который давал ему работу и содержал его.

66

Одно лицо в Лондоне уверяло меня, что Михаловский был в 1853 году изгнан из Парижа как австрийский шпион, и что во время ареста гр. Ольшевского в Гамбурге это было хорошо известно в Лондоне, и что тогда широко распространились сильные подозрения о его причастности к этому делу. Было большой ошибкой в таком случае, что уже тогда с него не сорвали окончательно маску. Это самое лицо (имени которого не могу еще назвать) говорит, что наверно знает, что Михаловский опять (13 октября) донес министру Горчакову о всем происшедшем.

Вот и все, граждане, что я знаю об этом несчастном человеке. Как только узнаю что-нибудь еще, поделюсь с вами немедленно.

Александр Герцен.

Путней, 16 октября 1857 г.

67

<ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ»>

Перед книгой барона Корфа – мы не могли, не должны были молчать. Кому же и поднять голос за великих предшественников наших, как не нам, русским, покинувшим наше отечество

для того, чтоб раздавалось хоть где-нибудь свободное русское слово. Тем больше, что мы от них считаем наше духовное рождение, что их голос разбудил нас к жизни и их пример поддержал через все существование наше. Начиная первое русское обозрение, печатаемое без цензуры, мы самим названием поставили его под их сень, примкнули к их делу – для того, чтоб «показать непрерывность предания, преемственность труда, внутреннее и кровное родство»²⁸[28].

Как же нам молчать перед публикацией Корфа? Она нас оскорбила и требует ответа. Нерусская мысль систематической оппозиции чужда нам. Мы с искренним упованием приветствовали новое царствование – из нашего удаления, мы с радостью следовали за всеми хорошими начинаниями. Но платоническая надежда стала утомляться, нам уже становилось мало его вечных попыток его отрицательного добра – как вдруг обнародование книги Корфа исполнило нас удивления.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Просто ли это ошибка, анахронизм или вновь брошенное оскорбление общественному
доверию – надеявшемуся именно на то, что николаевский период окончен?
В то время, как вся Россия ждет с нетерпением отгадки, символа веры нового
царствования, с биением сердца следя за
68

его нерешительным, робким, колеблющимся шагом; в то время, как вся Россия
окружает его любовью, собственно из ненависти к прошлому царствованию, – оно
заявляет свою полную солидарность с ним.
Вот причина, почему мы придаем важность тощей неловкой книге Корфа.
Тут нечего ссылаться на сентиментальные отношения сына к отцу. Александр II
сделал в этом смысле все, чего требовало сердце и decorum, – даже больше, нежели
было нужно. Нам всегда казалось странным, например, название «благодателя»,
которое нынешний государь повторял, говоря о «незабвенном» отце своем... Когда
же цесаревич и наследник русского престола мог быть в том положении, чтоб ему
нужны были благодеяния? Это неприличная терминология, но бог с ней.
Обязанность государей не в служении панихиды по покойникам, а в служении своему
народу; но служить ему можно розно – особенно держа в руках своих самодержавную
власть. Или нынешний государь понимает возраст, в который входит Россия, и хочет
быть тем роковым кормчим, который поведет ее в ширь свободного, самобытного
развития, оставляя истории лучезарное имя, – тогда надобно отказаться от
своеволия власти, от казарменного деспотизма, от глухонемого канцелярского
управления, не дичиться человеческой речи, ознакомиться с современной мыслью и
понять, наконец, как много общего (конечно, не в путях, а в цели) между
стремлениями передовых людей России, составивших тайное общество при Александре
I, и собственными стремлениями Александра II; или, совсем наоборот, все обещания
улучшений были только *captatio benevolentiae*²⁹[29], и Александр II, как Николай,
учет продолжать роль отпора, помехи всякому движению, всякой идее, быть
тормозом на всяком колесе России и Россией тормозить всю Европу, – тогда надобно
ему идти гораздо дальше Николая. Крымская война и два года его царствования
сильно двинули вперед общественное мнение! – Тогда надобно не намекать на
освобождение крестьян – а ободрить помещиков насчет рабства, не распускать
резервы – а сделать штатских военными,
69

уничтожить грамоту, закрыть университеты, посылать в Бобруйск и Нерчинск за
упование, за любовь к нему, основанную на вере в улучшения... но мы еще верим,
что Александр II этого не хочет. Потому-то мы и не понимаем, что значит его
идолопоклонство перед Николаем и обнародование книги Корфа.
Ясно, как эта раблепная брошюра возникла при Николае – хотя нельзя не
удивляться, как и он мог читать такую тяжелую, подъяческую, вульгарную лезть.
Она носит как-то грубо вырезанную печать его времени – бедность мыслей, условные
формы, узкий горизонт, официальный холод, беспощадность посредственности,
отталкивающая, парадная чувствительность; не тот воздух, которым человек может
свободно дышать, а какая-то давящая атмосфера второго порядка, в которой
двигаются и действуют, как рыба в воде, Клейнмихели, Чернышевы, Кокошкины,
Бенкендорфы – получше, похуже, но все бездарнейшие из смертных.
Понятно, что Николай, окруженный такими людьми, читал с удовольствием, что
«измена», которую он едва покорил несколькими полками, картечью и кавалерийскими
атаками, «была робка». Конечно, ему не пришло в голову спросить: кому измена?
чего? в чью пользу?

Но зачем же теперь, приподнимая правительственной рукой завесу, к которой
полиция не позволяет касаться, повторять эту брань? Ведь Кромвель, раскрывая
тело короля Англии, не обижал его памяти!
Правительство могло молчать, предоставляя усердию разных Устряловых продолжать
клевету и лезть, но если уже оно решилось говорить всенародно – надобно было
говорить иначе, гораздо серьезнее.

Как бы то ни было, сделана ля эта публикация очертя голову или с намерением, нам
нет выбора, на нас тоже лежит долг благочестия к прошедшему – и мы решились
приподнять ту же завесу с другой стороны, и для этого, за неимением иных
источников, мы их взяли у самого правительства.
Не ограничиваясь одним разбором Корфовой брошюры – мы перепечатываем весь текст
донесения следственной комиссии, весь приговор верховного суда и разбираем их
вместе с нею.
70

Донесение следственной комиссии приходит в забвение, его трудно достать в
России, а протвердить его молодому поколению необходимо. Пусть оно посмотрит на
эти сильные и могущественные личности, даже сквозь темное сердце их гонителей и
судей, – и подумает, что же они были, когда и такие живописцы при всем желании
не умели исказить их благородных черт?

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Но мы далеки от того, чтоб считать наш труд полным или оконченным. Совершенный недостаток материалов чрезвычайно ограничил нашу работу. А потому мы обращаемся с просьбою ко всем русским, хранящим в сердце память мучеников и героев 14 декабря, – доставлять нам всякого рода сведения и подробности, могущие взойти в исторический сборник или в монографию об этом времени. Все частные события, анекдоты, письма, записки, относящиеся до них, драгоценны для нас, для потомства, для России, все это – достояние истории и не должно затеряться в рукописях. Дайте нам право нашим станком закрепить за историей и спасти от забвения или утраты – рассеянные документы!

71

КОНЧИНА И. Д. ЯКУШКИНА

В Москве недавно скончался Иван Дмитриевич Якушкин, один из самых замечательных, исполненных силы и благородства деятелей в Тайном союзе при Александре. Тридцать два года провел он в Сибири, не унывая и не теряя упования. Прощенный манифестом 26 августа, он возвратился еще бодрым старцем в Москву. Ряд неприятностей и полицейских преследований отравили ему последние месяцы его жизни. Его заставили покинуть не только Москву, но и Московскую губернию, он должен был удалиться в деревню, где и пробыл до тех пор, пока болезнь поставила его на край гроба. Вечная память страдальцу в наших сердцах, исполненных религиозного, беспредельного уважения к доблестным сподвижникам Пестеля и Рылеева!30[30]
ПОЛИЦЕЙСКИЙ РАЗБОЙ В МОСКВЕ

С ужасом и омерзением получаем мы со всех сторон сведения о гнусной истории полицейского безначалия в Москве, которое венчает позорное генерал-губернаторство Закревского и опровергает – обер-полицмейстером Берингом – русскую поговорку, что битый стоит двух небитых. Ждем с нетерпением чем все это кончится. Государь призывал Ковалевского, попечителя Московского университета, и толковал с ним об этом. Но чего же ждать от дяденьки Беринга – Норова и от князя Вяземского, который если не по плоти, то по духу тоже дяденька его?

Кровавые события и дикие насилия, сопровождавшие появление полиции в доме, в котором собирались студенты, равно подтверждаются письмами, к нам присылаемыми, из которых мы два печатаем почти целиком, статьями «Nord/a», благородно взявшего сторону студентов31[31], и милой «kreuz-Zeitung» – этой берлинской отрывки III отделения, этого прусского застенка для русских дел, этого лазутчика т partibus, который хочет из патриотизма политическими намеками скрыть кулаки кварталных. Как жалко окружен государь, если до него не дойдет истина; а в этом сомневаются корреспонденты.

Вместо того, чтоб ходить в Берлине по лавкам и ругать сидельцам «Колокол», как это сделал генерал-адъютант в фавёре – Адлерберг, и хлопотать потом о запрещении
73

его32[32], – лучше бы он заплатил за любовь императора, доводя до его сведения, что делается на Руси. Мы, обличая злодеяния (как бы ни казался жесток наш язык Зимнему дворцу и Летнему саду) делаем больше пользы России и самому государю, нежели его фавориты, старающиеся барабанным боем и погремущками заглушить стон страждущих.

Пусть они и государь, впрочем, знают, что историю пишут не одни Устряловы и Корфы и что невесело идти в потомство ни с Биронами, Аракчеевыми и Клейнмихелями, ни с Анной Ивановной и Петром Федоровичем. Вот первое письмо, полученное нами:

Весь город занят одной историей, в которой здешняя полиция превзошла себя. Несколько человек студентов собрались у одного товарища. Около семи часов вечера явился частный пристав под предлогом отыскивания какого-то вора, только что взошедшего в дом; студенты ему отвечали, что тут все знакомые, и один из них заметил ему, что он взошел последний. На это частный пристав33[33] отвечал, что «может быть, он-то и вор», отсюда крупный разговор, частный пристав схватил его за воротник, студент его ударил в лицо, остальные прогнали его. В 11 часов вечера частный пристав возвратился с полицейскими и казаками. Студенты заперли дверь, говоря, что они только сдадутся университетскому начальству. Полиция тогда выламывает дверь, студенты тушат огонь, и начинается отвратительнейшая борьба – казаки с нагайками и обнаженными по приказанию частного

74

пристава саблями бьют и рубят на все стороны Безоружные студенты схватываются за стулья и за бутылки... пятеро молодых людей, тяжело раненных, полиция была принуждена отправить в больницу; других, не успевших удалиться, полицейские солдаты перевязали и стащили в частный дом; мы достоверно слышали, что связанных студентов били по дороге. Когда эта весть разошлась, все студенты Московского университета пошли к попечителю просить защиты («Nord» прибавляет, что они избрали профессоров Иноземцева и Буслаева своими депутатами). Попечитель был

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов возмущен действиями полиции и обещал преследовать дело или выйти в отставку. Все ждут с нетерпением приезда государя, но вряд узнает ли он истину. Уже теперь полиция начинает давать делу политический характер (какая родственная симпатия с «Крейц-Цейтунг»!). Впрочем, она сама переконфузилась; уверяют, что полиция через одного университетского инспектора предлагала значительную сумму студентам, чтоб они бросили дело. Но предложение это было принято с таким негодованием и ругательством, что он подал, в отставку.

Вот второе письмо:

Милостивый государь,

Вы часто помещаете на страницах вашего «Колокола» письма из Петербурга, – мне кажется, что не мешало бы обращать также внимание и на Москву. Вы хорошо знакомы с этим городом, вы знаете, что, несмотря на кажущуюся апатию и неподвижность, нельзя упрекнуть его общество в отсутствии живых интересов. Тут собрались люди, которые, вдали от шумных развлечений общественной жизни, честно и добросовестно трудятся над наукою; тут находится центр науки – лучший из русских университетов; наконец, без всякого муниципального патриотизма, можно сказать, что почти всякая серьезная мысль, всякое дельное предприятие выходит из Москвы. Это хорошая сторона города. Но рядом с нею стоит и другая его сторона: в Петербурге грубое насилие, произвол, отсутствие всяких гарантий для личности, одним словом, все эти возмутительные язвы русской жизни, не дают себя так сильно чувствовать (хотя, впрочем, и там не жалуются на недостаток их) – уже потому, что приходится иметь дело не с одним, а с несколькими начальниками и все они сдерживаются присутствием верховной власти. При Незабвенном последнее условие не имело разумеется, никакой силы. Тот не только не сдерживал, но, напротив, всеми силами поощрял дикие порывы своих сатрапов. Но теперь, когда всем известно желание молодого государя избегать, сколько возможно, произвола в обществе, в котором не существует для обуздания его никаких положительных законов – самые пылкие николаевцы приуныли и присмирели. К несчастью, даже и этих весьма незавидных условий не существует для Москвы. В то время как вся Россия начинает несколько отдыхать от страшных времен, пережитых ею, здесь по-прежнему продолжает господствовать возмутительное бесправие: редкий день проходит без того, чтобы не разнесся слух о каком-нибудь новом самоуправстве Закревского или

75

грабительстве его приближенных. Я бы мог привести вам в пример множество случаев, но, зная, как тщательно избегает ваше издание всего, что основывается лишь на слухах, я буду говорить только о том, что мне положительно, достоверно известно и что может вам подтвердить всякий русский посещавший в последнее время Москву.

Письмо это вызвано происшествием, о котором, без сомнения, до вас уже достигли слухи: я говорю о буйстве московской полиции, которая избила пятерых студентов до того, что в ту минуту, как я пишу к вам эти строки, один из них находится при смерти. Без всякого сомнения, поступок этот будет представлен государю как одна из тех печальных случайностей, которых невозможно избежать, и вся вина будет свалена, пожалуй, на студентов. У таких господ, как Закревский, есть для этого верное орудие: стоит только упомянуть слова «бунт», «революция» и изобразить молодых людей, не согласившихся подставить покорно свою шею полицейским кулакам, как возмутителей, – и дело в шляпе. Тактика эта при Незабвенном увенчивалась всегда полным успехом; неизвестно, удастся ли она теперь, но что она будет испробована, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Что касается до нас, то мы имеем достаточные основания считать подобное происшествие вовсе не случайным, напротив, оно достойным образом завершает управление московского обер-полицмейстера Беринга, одного из самых ревностных сподвижников Закревского. Как ни грязна эта личность, вы позволите мне сказать об ней несколько слов на страницах вашего журнала. Вы помните время, когда Закревский явился в спокойную, тихую Москву реформатором, своего рода Лютером – ссылаясь, бил, сажал в тюрьму, и все это без всякого закона, и вообще выходил из себя, чтобы выказать город беспокойным и мятежным. Цель была ясна: известно, что до этого времени Закревский был в «немилоути» за то, что в холерное время, в тридцатых годах, по ошибке, самоуправно и без суда повесил несколько человек, осмелившихся перейти карантинную линию. Даже сам Незабвенный (а это много) нашел неприличною такую рьяность своего сатрапа и держал его несколько времени в удалении от власти. По возвращении малости надо было вознаградить потерянное время, обратить на себя внимание, выставить на вид свои таланты, к тому же опалы уже невозможно было опасаться, потому что времена переменялись и Николай, в припадке белой горячки, находил самого Клейнмихеля умеренным. Отсюда это дикое своеволие Закревского, продолжавшееся несколько лет сряду и от которого еще и теперь не может отдохнуть Москва. Одно смущало Закревского среди его рьяных успехов: ему казалось, что он

был не совсем хорошо окружен, что в приближенных своих он не находил достаточно того задора, от которого трепетали бы мирные обитатели столицы; обвинение главным образом падало на обер-полицмейстера Лужина. Из этого не следует однако, чтобы Лужин был каким-то идеальным существом среди полицейских чиновников Москвы, – он, напротив того, безукоризненно исполнял свою должность, умел при случае хорошо дать в зубы и хорошо высечь, но не того требовалось на столь высоком месте; Закревский говорил про Лужина, что он «баба», и принудил его покинуть свое место.

Преемником ему избрал он человека «по образу и подобию своему» – Беринга. Грубый, неотесанный, нахальный и дерзкий до того, что имя его стало поговоркою не только в Москве, но по всей России. На этот раз московский трехбунчужный паша нашел человека по себе: гармония была невозмущаемая, и Москва обязана этим двум героям самым тяжелыми минутами, прожитыми ею в последние дни царствования Николая.

Какова же была отрада для Москвы, когда в одно прекрасное утро разнеслась весть, что с Беринга сорвали эполеты и дали ему несколько пощечин. В городе только и говорили, что об этом счастливом происшествии: едва ли кто станет отрицать, что за малыми исключениями удовольствие было всеобщее. Только одно неприятное чувство примешивалось к нему: знали, что человек, имевший мужество отпечатлеть свою ладонь на лице превосходительного Держиморды, – был солдат, и участь солдата в подобных случаях заставляет обливаться за себя сердце кровью. Каким же образом могло случиться это происшествие? Каким образом солдат, привыкший у нас к такой строгой дисциплине и подчиненности, забылся до того, что ударил по лицу своего начальника? Это страшная история, и я передаю ее вам так, как слышал ее от одного чиновника аудиториата, находившегося при следствии.

В Москве случился однажды ночью пожар. Изо всех частей прибыли пожарные команды, кроме главного депо. Это было замечено Закревским который сделал выговор Берингу, а Беринг, в свою очередь, намылил голову брандмайору Воробьеву. Воробьев был кругом виноват: по положению, депо не может выехать без брандмайора, а он где-то пробыл в гостях и прозевал пожар. Но надо было ему как-нибудь смыть с себя это пятно; поэтому Воробьев свалил всю вину на дежурного солдата, который будто бы, находясь на каланче, не подал сигнала. Беринг, не разбирая дела, велел солдата наказывать розгами; и брандмайор, как будто ни в чем не бывало, с совершенно спокойною совестью поспешил приступить к исполнению этой приятной обязанности. Но солдат выказал самое мужественное сопротивление: он был уверен в правоте своего дела; всем было известно, что сигнал был подан и депо долгое время ожидало брандмайора; наконец, солдат имел орден (не могу вам только с достоверностью сказать какой) – и потому не подлежал без суда телесному наказанию. В Москве многие доброжелатели Беринга упрекали впоследствии Воробьева, что он не прибегнул к насилию, не велел связать мнимого виновного по рукам и ногам и не высек его, несмотря на все его протесты, – но как бы то ни было, добросовестный брандмайор, должно быть, по врожденной глупости (ибо странно предполагать уважение к закону в подобных людях), оставил на время солдата в покое и донес о случившемся Берингу. Тот велел его посадить в одной рубашке под арест, на хлеб и на воду и обещал заехать сам допросить его. Действительно, через несколько недель он прибыл в частный дом, в котором содержался солдат, потребовал его к себе и начал его осыпать всякими ругательствами, на которые так богат русский язык вообще и генеральский язык в особенности. Солдат защищался, пробовал рассказать дело в настоящем виде; но можно себе представить,

77

как эта дерзость, эта решимость несчастного, который «осмелился рассказывать», подействовала на генерала. Беринг, вне себя, бросился на свою жертву и дал полную волю кулакам. Чувство собственной правоты, инстинктивное чувство собственного достоинства, сознание грубого беззакония, которое тяготело над ним, – заговорили вдруг в душе солдата Он отшатнулся и сказал резким голосом: «Ваше превосходительство, если я виноват, судите меня, – вы не можете истязать меня без суда». Слова эта лишили последнего сознания Беринга: он в остервенении продолжал колотить несчастного, – наконец, обратясь к Воробьеву, закричал: «Дать ему пятьсот палок, сейчас же». Но лишь только он произнес эти слова, как почувствовал, что эполеты его сорваны: он обернулся, громкий удар раздался на его щеке. Солдат в иступлении стоял перед ним, сжимая с такою силою в руках своих эполеты, что потребны были все бескорыстные усилия Воробьева и десятка полицейских, чтобы вырвать их у него.

Весть об этом происшествии разнеслась в тот же день по Москве. Беринг, впрочем, поспешил вечером явиться в театр, чтобы своим наружным спокойствием рассеять неблагоприятные слухи, – однако неудачно. Во всем обществе только и говорили, что об этом происшествии, даже извозчики толковали об нем на улицах с своими

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
седоками. Между прочим, наши правительственные власти переполошились; понятно, что Закревский должен был употребить всевозможные усилия, чтобы замазать эту историю: он ссадил с места Лужина, нарочно для того, чтобы оставить это место Берингу, он представил его государю как человека благородного и надежного во всех отношениях; Беринг был избранником его сердца, вернейшею опорой его власти, и вдруг теперь публично признаться, что этот избранник – негодяй! Во что бы то ни стало нужно было извратить дело. Сначала обратились к самому солдату – стали убеждать его, чтобы он показал, что не бил Беринга и не срывал с него эполет, а только «схватился» за них и был принужден их тотчас же оставить. Обещали солдату значительное уменьшение наказания, и несчастный, опомнившись от своего лихорадочного пыла, согласился под этим условием показать именно так, как хотелось чиновникам аудиториата. Дело было представлено в таком виде государю. Между прочим, все родственники Беринга – Норов, графиня Разумовская, княжна Вяемская и т. д. – пустили в Петербурге в ход все пружины, чтобы поддержать этого благородного сановника. С одной стороны – сам Закревский, целая толпа петербургских вельмож, толпа людей, близких к государю и готовых уверить его во всем, чего им хотелось, с другой – бедный солдат, голос которого никуда не мог достигнуть из его душной тюрьмы, не имевший никого, кто решился бы сказать слово в его защиту! Можно ли было сомневаться в результате? Несчастный был приговорен к 3000 ударам сквозь строй. Наказание было исполнено в Москве, в Крутицких казармах; он прошел только 2000 и упал замертво, его отвезли в больницу, – но, к счастью, он не вылезился; на третий день после своей пытки он умер, и Беринг считает за ним 1000 палок на том свете.

Вот вам рассказ, который может повернуть душу каждого честного человека.

Клянись, что в нем нет ни слова преувеличенного и каждый житель

78

Москвы подтвердит его вам до последней подробности. Происшествие случилось так гласно, в присутствии стольких людей, что, повторяю, невозможно было скрыть его. Один только государь знал его не в настоящем виде, но, по нашему мнению, это не совсем его оправдывает. Каким образом он мог так слепо доверяться Закревскому и его клеветам, каким образом он, имевший, кажется, возможность, хорошо узнать пассивную, забитую, задавленную натуру нашего солдата, не подумал, подписывая приговор преступника, сколько было вытерплено им гонений, преследований, беззаконий, несправедливости, чтобы забыть свою обычную роль и броситься в исступлении на своего начальника. Ведь он знал, что ожидает его за этим, каковы же должны были быть его страдания, что он предпочел им – в чем он и не ошибся – медленную и самую ужасную смерть? Общественное мнение в Москве ожидало по крайней мере одного: даже Николай не любил в своем услужении битых генералов – думали, что, следуя этому правилу, Беринг будет отставлен. Напротив. Неизвестно, правда ли, что государь по приезде в Москву пожал ему руку и успокоил его даже несколькими благосклонными словами, но достоверно известно, что ко дню коронации Беринг получил звезду, несмотря на данный ему незадолго до происшествия генеральский чин. В Москве говорили, что только Тотлебен получил Вдруг столько наград. Вот после того и говорите об общественном мнении!

Все это, повторяем, не позволяет сомневаться, что история с московскими студентами как нельзя более входит в обычные привычки московской полиции и ее достойного начальника. Чем же кончится эта история? Получит ли Беринг Александровскую звезду, осыпанную брильянтами, или будет выгнан из службы? Думаем, что первое вернее. Говорят, что Закревский уже поспешил известить по телеграфу государя, что в Москве произошло «волнение». С другой стороны, дело относится к ведомству министра народного просвещения Норова, а Норов – нежный дяденька Беринга. Видите ли, какое забавное сцепление обстоятельств. К тому же несколько времени тому назад был уже случай, который показал, с каким олимпийским презрением третирует московский обер-полицмейстер министерство народного просвещения. Дело опять-таки происходило на пожаре. Учитель одной из московских гимназий, возвращаясь из гостей поздно вечером, видит, что горит дом рядом с его собственным домом, в котором оставались его малолетние дети. Очень понятно, что первым движением его было броситься на их спасение, но все место пожара было оцеплено полицейскими, не дававшими ему проходу. Завязался спор, на шум явился сам обер-полицмейстер, который, не разобравши, в чем дело, начал ругать учителя самыми позорными именами и в заключение всего велел свести его в частный дом. Там он пробыл целую ночь и был выпущен только на следующее утро. Товарищи советовали ему жаловаться Норову. То есть, другими словами, потерять свое место и остаться на старости лет без куска хлеба?.. Скажите на милость, когда же прекратится это татарское управление, в котором все сводится к одному знаменателю, т. е. кулаку, где никакой закон, никакие гарантии не защищают человека от произволу и насилья

двух или трех негодяев? До какого же времени общество будет безмолвно присутствовать при непрерывных злоупотреблениях пред лицом верховной власти? и как правительство допускает все это? Неужели ему не известно до сих пор, какую репутацию пользуется Закревский в Москве? Неужели до него не дошли слухи о неистовстве его сбиров? И теперь, когда со всех сторон взоры, полные благодарности, обращены на государя, когда ожидают от него освобождения крестьян, когда мало-помалу отменяются меры, которые в предшествовавшее царствование не давали дышать всякому человеку, – неужели нет никакой возможности отделаться от людей прежнего времени, людей мрака и насилия, которые своими услугами могут только опозорить всякое благое начинание и отдалить от правительства всех порядочных людей, готовых содействовать ему? В заключение мы убедительно просим сообщать нам о последствиях этого события. Дело это чрезвычайно важно – мы узнаем по нем, что такое в самом деле правительственное направление в России.

ПОД СПУДОМ

Мы получили за прошлый месяц ворох писем; сердце обливается кровью и кипит бессильным негодованием, читая, что у нас делается под спудом.

Прежде нежели мы начнем страшный перечень злодеяний, мы еще раз умоляем всех особ, пишущих к нам, проникнуться – ради нашего дела, ради смысла и значения, которое мы хотим ему приобрести, – что всякий факт неверный, взятый по слухам, искаженный, может сделать нам ужасный вред, лишая нас доверия и позволяя преступникам прятаться за ошибочно обвиненных.

Одна горячая любовь к России, одно глубокое убеждение, что наш обличительный голос полезен, заставляет нас касаться страшных ран нашего жалкого общественного быта и их гноя. Мы крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиком, – да будет же этот крик исторгнут одной истинной болью!

Отсутствие николаевского гнета как будто расшевелило все гадкое, все отвратительное, все воруемое и в зубы быющее – под сенью императорской порфиры. Точно как по ночам поднимается скрытая вонь в больших городах во время оттепели или перед грозой.

Для нас «так это ясно, как простая гамма»: или гласность – или все начинания не приведут ни к чему. И не иносказательная гласность повести, намеков, а обличительные акты с именами, с разбором дел и действий лиц и правительственных мест.

Искренно, от души жалею мы Александра II, его положение действительно трагическое, не рассеять ему туман, скрывающий от него страшное состояние России, он устанет от борьбы,

81

оттого что борьба всего труднее в безгласную ночь, да еще не с врагами, а с толпой клеветов и мошенников.

Зачем он не знает старой русской пословицы: «Не вели казнить, вели правду говорить»? Это единственное средство правду узнать!

Вести, полученные нами, до того страшны, до того гадки, и лучшие из них до того глупы, что мы теряемся, с чего начать. Их все можно разделить на две части: часть сумасшедшего дома и часть смиренного дома. Во всех действуют безумные и воры, в разных сочетаниях и переложениях, иногда воры и безумные вместе, иногда безумные, но не воры (нет, это мы обмолвились: все воры!), – воры смиренные, воры бешеные, воры цепные, а потом духовные, военные, городские, полевые, садовые воришки; все это восходит, поднимается от станových приставов, заседателей, квартальных до губернаторов, полковников, от них до генерал-адъютантов, до действительных тайных советников (2-го класса и 1-го класса) и окончивается художественно, мягко, роскошно, женственно в Мине Ивановне, в этой Слоаса Махита современных гадостей, обложенной бриллиантами, золотой и серебряной работой (Сазикова), с народным калачом и православной просвирой³⁴[34] в руке, на которой потомок старинной русской фамилии велел вырезать: «Благословенна ты в женах!»³⁵[35] Хорош архангел, да и пречистая дева недурна!

А. По части дома умалишенных

Автор «Русского бога» к «нязь» Вяземский (мы его почти считаем нашим сотрудником по «Полярной звезде» за его милое стихотворение, напечатанное нами) разослал циркуляр, оскорбительный для министра внутренних дел Ланского (циркуляром согрешивший циркуляром и погибнет). За то ли он на

82

него сердится, что Ланской сам, а он товарищ, или за что другое, не знаю, но вот циркулярка экс- поэта, разосланная ценсорам:

«Г-н товарищ министра народного просвещения предлагает ценсурным комитетам сделать распоряжение о неперепечатывании никаких статей из отдела „Журнала министерства внутренних дел“ – „Правительственного указателя“ – потому что в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
означенном отделе помещаются такие статьи („Declaration du droit de l'Homme"?
„Contrat Social"?), кои, служа указанием, заключают в себе иногда описания
неправильных и ошибочных действий местных начальств. В журнале этом как органе
министерства они приличны, даже необходимы – но перепечатывание их в других
сочинениях и периодических изданиях совершенно неуместно». (Мы полагаем, в
„Колоколе" уместно, как вы думаете, г. товарищ?..)

К глупым полон благодати,

К умным через меру строг, Бог всего, что есть некстати, Вот он – вот он, русский бог.

А ведь «русский бог», по Вяземскому, – бог

Бар, служащих, как лакеи.

Раскольников продолжают теснить самым глупым образом, им не выдают купеческих свидетельств и принимают объявления капиталов только на правах временных купцов. Равномерно их не пускают за границу (это что же, чтоб не укрепились в расколе? Эки шалуны!..). Это изобрел Ланской и по секрету сообщил всем губернаторам – самому стыдно стало да и «товарищ по просвещению» проучил за многоглаголанье. Когда же они перестанут мешаться во все, всем управлять, все путать?

Воды, холодной воды на голову!

В. По части смирительного дома

1. Убийство и покровительство разврата

Вот рассказ, нами полученный, без изменения.

Во время коронации привезена была из Лифляндии в Москву каким-то офицером девушка 19 лет, по фамилии

83

Янсон, и в Москве брошена им. Не имея средств к существованию, она поступила к содержательнице развратного дома Чернявской, у которой проживала до июня 1857 г. Не желая продолжать более подобной жизни, после многих, но тщетных просьб о том, чтоб Чернявская ее выпустила, Янсон подала прошение обер-полицмейстеру Берингу. Она была потребована к полицмейстеру Сечинскому (начальнику всех развратных заведений в Москве) и им посажена в секретную сибирку при Рогожской части. Сестра Янсон, видя подобную несправедливость, обратилась с просьбою к прокурору, по дознанию которого оказалось, что девица Янсон, вследствие секретного предписания полицмейстера Сечинского, переведена из Рогожской части для додержания в смирительном доме. Прошение Янсон с дознанием прокурор представил в совестный суд, который, по предоставленному ему праву, предписал Сечинскому представить Янсон в суд. Сечинский на два предложения совестного суда отписывался, а Янсон не представлял, и наконец контора смирительного и рабочего домов уведомила, что девица Янсон, по случаю тяжкой болезни, явиться в суд не может. В объяснениях своих Сечинский писал, что Янсон посажена им в Рогожскую часть вследствие распоряжения врачебно-полицейского комитета³⁶ [36] за буйство и неповиновение хозяйке,

что Янсон подавала ему жалобы на дурное содержание, но жалобы эти не оправдались и что Янсон, не удовлетворяясь этим, подала просьбу обер-полицмейстеру, в которой объяснила, что, будучи увлечена молодостию лет, она вдалась в постыдный образ жизни, но ныне, желая оставить навсегда это постыдное ремесло, которое она по убеждению и даже по расстроенному здоровью переносить не в состоянии, просила содействия обер-полицмейстера к исключению ее из разряда таких женщин. На эту просьбу Сечинский донес обер- полицмейстеру подробно все обстоятельства, и по изложенным в донесении причинам обер- полицмейстер в просьбе девицы Янсон отказал. По объявлении такого отказа, продолжает Сечинский, мещанка Янсон стала уже буйствовать и совершенно отказалась выходить в залу

84

к посетителям заведения в надежде, что хозяйка выпустит ее из своего дома, и подбивала к тому других девиц.

Опасаясь дальнейших беспорядков в заведении и дурного примера прочим девицам от безнаказанности Янсон, Сечинский просил председателя комитета, в пример другим девицам, девицу Янсон отправить по этапам на место жительства и до отправления посадить в смирительный дом. По распоряжению председателя комитета, гражданского губернатора, Янсон была посажена в смирительный дом, а об отправлении ее по этапу представлено генерал-губернатору Закревскому, от которого последовало на это разрешение.

Совестный суд, узнав, что к скорому выздоровлению Янсон нет надежды, но что она может принять допрос в больнице, отправился присутствием в смирительный дом. Они застала девицу Янсон едва живую, одержимую тифозной горячкой и с признаками чахотки. Подтвердив прошение сестры, Янсон сильно жаловалась на Сечинского. Она едва могла говорить и, говоря, задыхалась; она была так замучена, что, когда вошли члены совестного суда, ее едва могли уверить, что к ней пришли не с тем, чтобы мучить ее, а с искренним желанием добра. Можно по этому судить, что делали

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
с ней в части. На вопрос присутствующих – можно ли ее перевезти в другую
больницу, подлекарь отвечал, что она не доедет.

Вследствие этого допроса совестный суд заключил: «Как настоящие девицы Янсон
оставить место разврата и отказ выходить в залу к посетителям заведения женщин
вольного обращения не только не составляет уголовного преступления, но,
напротив, служит доказательством ее искреннего обращения к раскаянию и
отвращения от распутства, а потому суд полагает: мешанку Янсон, как заключенную
в смиренный дом за поступок, не только <не> заслуживающий наказания, а,
напротив, требующий поощрения, немедленно из смиренного дома освободить».

Решение это состоялось 24 июля. На предписание суда контора рабочего и
смиренного дома донесла, что Янсон все больна, и наконец 20 августа донесли,
что девица Янсон 17 числа того месяца умерла от изнурительной чахотки...

Вот результаты распоряжений начальства: за слушание
Сечинского представить Янсон в совестный суд поступки его были переданы на
обсуждение губернского правления. Закревский, узнав об этом, успокоил Сечинского
в присутствии многих лиц, сказав: «Будьте покойны, Иван Иванович, не бойтесь,
совестный суд будет иметь дело со мной, а не с вами». Все кончилось тем, что
Сечинскому сделано административное замечание, и все остались правы, кроме
несчастной Янсон, жизнь поплавленной за то, что не хотела продолжать
развратной жизни в угодение содержательницы.

Какие деньги платят полиции содержательницы за такие страшные преступления? Не
дешево берут и полицейские за убийства! А Закревский-то! Ведь и не подумает
седой сатрап, что не нынче-завтра умрет, – а небось в ад и рай верит! И этого
человека поддерживают Адлерберги! И такие дела скрывает Долгорукий!.. Несчастный
Александр II!

2. Убийства, засекания, ужасы помещичьей власти
Волоколамский уездный предводитель Шипов, видя свирепое и отвратительное
обращение князя Вреде (не русского подданного) с крестьянами и получив от них
жалобу, вознамерился оградить их и между прочим поднял вопрос о том, законно ли
Вреде обладает именем.

На шесть представлений Шипова гражданскому губернатору Щербатову о поступках
Вреде не было ответа, а между тем Щербатов и Закревский старались делать Шипову
всякие неприятности, негодуя за то, что он сделался таким докучливым защитником
крестьян. Вреде систематически сек крестьян каждую неделю по воскресеньям, иных
пять недель сряду, начиная от 10 розог и прибавляя такое же количество каждое
воскресенье; за маловажные проступки давал он от 25 до 200 розог, не исключая и
женщин, и для того чтоб наказание не могло препятствовать господским работам,
эзекуции производились по праздникам. Так, например, в Богоявление он сек на
морозе почти голых, и так как кровь замерзала на розгах, то отвел их в контору и
там продолжал сечь. Для удостоверения, что наказываемые живы, он разжимал рот
палкою и вливал холодную воду. Розги готовились у него особым способом: он
клял сырые прутья в куль с солью, потом распаривал их

86
в горячем тесте. Нет надобности говорить, что после подобных наказаний
несчастные часто умирали. Положив 125 руб. асс. на тягло и услышав, что
крестьяне жалуются, что не в силах платить такого тяжкого оброка, и просили
перевести их на барщину, он велел спустить пруд и заставил его чистить по пояс в
грязи в самое холодное и ненастное время... Многие из них занемогли, другие
померли, но зато крестьяне согласились платить ему: работающие один день в
неделю уже не 125, а 140 рублей, работающие три дня в неделю – 70 рублей, а не
платили ничего только работающие шесть дней в неделю. Этот порядок хотел
уничтожить Шипов и этим-то навлек на себя негодование двух начальствующих лиц.
Собрание предводителей и депутатов, до сведения которых доведены были поступки
Вреде, ужаснулось, услышав о них, несмотря на то что в России отчасти привыкли
слышать подобные вещи, и сделало постановление: просить генерал-губернатора
Закревского повергнуть эти

бесчеловечные поступки на всемиростивейшее воззрение государя, а между тем
имение взять в опеку. Закревский не сделал ни того ни другого. Представление
предводителей обращено назад, а назначение опеки оставлено до окончания нового
следствия, несмотря на то что все вышеописанные жестокости подтверждены уже
формальными следствиями и что новое следствие вполне подтвердило все прежние.

87
ПО ДУХОВНОЙ И ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ

Один известный заводчик в центральной России выстроил при стеклянном и чугунном
заводе свою небольшую чугунную церковь. Для освящения ее он просил
епархиального архиерея, не пользующегося особенной репутацией св.

Космы-бессребреника, прислать протоиерея. Но усердный пастырь, ревнуя о
благолепии храма божия, предложил самого себя и приехал с клиром, иереями,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов иподиаконами, диаконами, певчими, подручниками и с прочим более или менее ангельским чином. Хозяин после трехдневного рыбного пиршества поднес архиерею богатый серебряный сервиз. Но смиренный пастырь отказался, глаголя, что «убогому монаху не приличествуют богатства скудельного мира сего». Хозяин пошел в кабинет и принес в замену сервиза толстую пачку ассигнаций. Их преосвященнейший владыка благомысливо принял и, тронувшись кроткосердием радушного амфитриклиона, а может, и вспомнив, как ветхозаветный Авраам принял золотые чаши от Мельхиседека, сказал секретарю: «Не хошу обижать нашего доброго и христоролюбивого хозяина, возьми, сыне, сервиз и положи в мою иноческую карету».

88

ПО ЧАСТИ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

«Пароход Тосна, под командой Опочинина, разбился 25 июля о каменную гряду, не означенную на картах». В Тихом океане, вы думаете, или по крайней мере в Беринговом проливе (мы серьезно советуем морскому ведомству переменить это название; после деяний московского обер-полицмейстера нельзя порядочному проливу так называться). Нет, эти неозначенные на картах гряды камней не у полюсов, а у подъезда Зимнего дворца, в Балтийском море. Неужели это и по морю они ездят с поддельными картами?

Когда новое общество железных дорог в России, состоящее преимущественно из иностранцев, обсуждало вопрос, сколько положить жалования офицерам путей сообщения, навязанным обществу правительством, то решило, что обер-офицеру следует давать 2000 рублей серебром, штаб-офицеру 3000 рублей серебром в год. Чевкин заметил: «Господа, вы отнимете у меня всех офицеров, такого большого жалованья нет в России!» Но дело вышло иначе: до настоящего времени еще никто из офицеров не явился на службу общества. Видно, с маленьким жалованьем служить царю почетнее! Вот небольшое объяснение сему факту.

Один подрядчик явился за получением денег за поставку материалов на новую железную дорогу в то же общество. Кассир, просмотрев его квитанцию, попросил подождать немного. Подрядчик повесил голову и снова обратился к другому лицу, от которого получил ответ, что сейчас выдадутся деньги. Бедный купец хорошо знал русское «сейчас» и хотел уже прийти в кассу через неделю, как вдруг был позван к кассиру и получил всю сумму сполна. Он не верил глазам, принял деньги, сосчитал и, отделив порядочную пачку ассигнаций, с поклоном подал кассиру. Кассир (иностранец) в недоумении спросил его, что не обчелся ли он; но купец, улыбаясь, сказал: «Это, батюшка следует получить вам, т. е. казенные проценты». Кассир отдал деньги обратно купцу и молча затворил свою дверку. Подрядчик стал на колени и, поклонившись к земле, сказал: «Тридцать лет занимаюсь поставкой на казну, и только в первый раз случилась со мной такая оказия!»

89

МОСКВА

Закревский отстоял Беринга, и он остается московским обер-полицмейстером! Вот вам и либеральный император, вот вам и сила общественного мнения! Там, где нет гласности, там, где нет прав, а есть только царская милость, там не общественное мнение дает тон, а козни передней и интриги алькова. Там какая-нибудь Мина Ивановна перевесит негодование и стон целого города, хотя бы этот город назывался Москвой. Итак, с богом, г. Беринг, в поход! Наживайтесь, деритесь, убивайте несчастных женщин в тюрьме, засекайте пожарных солдат, мешайте Москву освещать газом, – на что лишний свет вообще!..

За вас Закревский, за Закревского Мина Ивановна и Орлов... Кто ж против вас?

LA REGATA ПЕРЕД ОКНАМИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Государь не велел, чтоб в гражданские учебные места назначали воспитателей из военных, как было при Николае. «Петербургские ведомости», говоря об этом дельном и умном распоряжении, осмелились похвалить его. Иаков Ростовцев – который, по свидетельству Модеста Корфа, «двадцатилетним юношей, пламенно любящим отечество, в порыве молодого и неопытного энтузиазма», сделал донос в 1825 году на своих друзей – через тридцать лет с более зрелым и опытным энтузиазмом и с тем античным единством характера, которое пленяет нас в римлянах, донес государю, что статья в «Ведомостях» оскорбительна памяти покойного государя, оскорбительна для военного ведомства (как будто достаточно целую жизнь провести на конюшне, в экзерциргаузе и в казармах, чтоб сделаться способным на все, быть педагогом, учить истории, принимать детей, служить обедню, играть на кларнете...?), что, наконец, такое выражение сочувствия новым распоряжениям есть как бы осуждение старым.

В это время, взяв разные нужные меры против излишней свободы книгопечатания в Петербурге, автор «Русского бога» и товарищ по просвещению с покойным духом и сафьянным портфелем явился во дворец, а государь сидит с фельетоном и говорит: «Что это значит, это оскорбительно памяти покойного государя, оскорбительно

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
военному ведомству» (зри выше по тексту Иакова Энтузиаста).

«БОГ всех с Анною на шее!» – подумал князь-товарищ и пером разъяренного льва
принялся писать циркуляр, комментируя,
91

со всем магдалининским красноречием раскаявшегося и обратившегося сатирика,
слова Иакова.

Цензоры получили циркуляр и повесили голову; министерство, проклиная просвещение
и изобретение книгопечатания, искало виновного – и что же по справке оказалось?
Статью писал учитель московского кадетского корпуса Батистов, т. е. подчиненный
Ростовцева. Теперь черед Вяземского быть неопытным энтузиастом, пламенно любить
отечество. «С нами бог ухабов!» – и во дворец. «Монарх, – говорит он. – великий
государь! Неопытный и некогда юный, но пламенный Иаков жалуется в<ашему>

в<еличеству> на лжефельетон, а джефельетон писал его чиновник!»
Пламенно любящий отечество, но неопытный генерал с той ясной совестью, которую
чувствуют люди, исполнив с энтузиазмом «святой долг», входит к Александру
Николаевичу. А государь сидит с фельетоном и говорит ему: (зри выше по
товарищескому тексту).

Съел Яков Ростовцев вяземскую коврижку, с инбирем, делать нечего. Как нечего? В
1825 году, желая спасти Россию, говорит Корф, «от раздробления», он жертвовал
своими друзьями – а Батистов что ему за друг, целость Россия дороже. Он велел
отставить учителя. Оказалось, что Батистов один из лучших преподавателей,
директор корпуса попробовал его защитить – не тут-то было.

Батистова отставили!

При Николае нельзя было слова сказать против глупых и нелепых указов его.
При Александре так же опасно похвалить, когда он сделает что-нибудь умное и
полезное.

Что же делать? «Молчать!» – говорит, обтирая пот, жокей, выигравший приз на этом
steerplechase37[37] с препятствиями и ставя свечку русскому богу и Жуковскому,
памятью которого князь держится!

92

ЗАПАДНЫЕ КНИГИ

Многие из писавших к нам изъявляли желание, чтоб мы указывали в «Колоколе» на
важнейшие литературные произведения на Западе и в особенности на книги о России.
С удовольствием исполним мы их желание и именно будем указывать на книги – но не
больше; разборы их отвлекли бы нас от наших занятий, которые все в России, в
русских делах и книгах, а не в западных людях и интересах.

Наше время не богато особенно замечательными книгами Мы больше
перечитываем,

нежели читаем и пишем вновь; и это чрезвычайно важно. Обрыв, к которому
пришло

человеческое разумение и который обличился после 1848 г., сбил

с толку умы слабые и
обратил сильные умы на внутреннюю работу.

Мыслию и сознанием было много прожито в последнее десятилетие, горькие опыты,
потрясающие сомнения подкосили легкую речь, и старая школа риториков на манер
Ламартина умолкла или болтает свой вздор, не возбуждая никакого участия. В самом
деле, трудно было после таких потрясений «свистать одно и то же».

Не надобно забывать, что только Англия, одна Англия, тихо продолжала свое
нравственное развитие и невозмущаемый труд. Другим было не до продолжения и не
до писания. С внешней стороны – своеволие власти, конкордаты, казни38[38]. С
внутренней –

93

раздумье человека, который, прошедши полдороги начинает догадываться, что он
ошибся, и вследствие того перебирает свое прошедшее, близкое и далекое,
припоминает былое и сличает его с настоящим.

В литературе действительно все поглощено историей и социальным романом. Жизнь
отдельных эпох, государств, лиц – с одной стороны, и с другой, как бы для
сличения с былым, – исповедь современного человека под прозрачной маской романа
или просто в форме воспоминаний, переписки.

Развенчанный Ричард II говорит своей жене (в трагедии Шекспира), расставаясь с
нею перед ссылкой, куда его отправлял Боленбрук: «Скучными, зимними вечерами
собирай стариков и заставь их рассказывать о давно минувших скорбях их. Но
прежде нежели ты простишься с ними, расскажи, чтоб их утешить, о нашем печальном
падении». Слова эти идут к Европе и к тому литературному направлению, о котором
мы говорили.

Критическое положение Запада все еще у нас кажется преувеличенным. Нас сильно
увлекает наружность и справедливая ненависть к домашнему цинизму власти.

Известная гладкость форм, отсутствие наглого насилия, правительственной

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
грубости, отсутствие всякого рода побоев, результаты длинной цивилизации – скрывают, несмотря на все события, от глаз наших соотечественников серьезный характер нравственной болезни Франции и Германии, увлекающих с собою меньшие государства материка.

Сколько мы ни говорили об этом предмете, но по повторяющимся возражениям видим, что мысль наша неясна, по крайней мере не находит сочувствия. Здесь не место ее доказывать, сверх того, нам придется еще раз коснуться ее³⁹[39] – мы напомним только нашим противникам, что люди, которые посещали Рим или Галлию⁴⁰[40] в IV или V столетии, так же мало могли видеть смерть за плечами Империи, как русские не видят разрушительную лихорадку в усиленном и неестественном биении парижского пульса. Тем более, что французы с искренней (и обдающей вас холодом) надеждой ждут завтра исправления всех зол и считают настоящую эпоху за временную остановку, за небольшой отдых между двумя рощами лавров.

Государственные формы европейские несовместны с идеалом общественности, который выработался цивилизацией; вот главная причина. То, что можно было сделать взаимными ограничениями, соглашениями, уступками, то сделано; новый быт стремился с XVIII столетия установиться, мешая в разных пропорциях преемственный быт, историческое начало власти – с выводами науки и началами революционными. Борьба, которая необходимо должна была выйти отсюда продолжалась больше полувека; она-то и привела к той внутренней работе, о которой мы сказали, и к тому новому глубокомысленному пониманию, которое мы находим в передовых мыслителях, как Прудон, в социальных и положительных стремлениях современных умов.

Но практически в последней борьбе погибли все прежние упования. Она открыла ясно, что, как бы идеал ни был верен он принадлежит одному образованному меньшинству, а массе до него дела нет, или она понимает под ним совсем иное. Отсюда замечательный логический круг в жизни: экономические условия исторического быта должны измениться, для того чтоб массы поняли вопрос, я измениться в явную невыгоду тех, которые понимают его теперь! В этом тяжелом противуречии, при материальной победе власти, незанятые силы, уже зараженные исключительною страстью стяжания, отклонились совсем от общего развития и ударились в судорожную спекуляцию, в болезненный ажиотаж», в продажу всего.

Доведет ли деспотическое своеволие правительств до государственного банкротства, до экономического переворота, и выйдет ли из этого переворота Европа не только целой, невредимой, но и обновленной – в этом весь вопрос; именно он-то и не решен; а нерешенный вопрос имеет, разумеется, и против себя шансы. Но, во всяком случае, этот-то переход через экономический катаклизм и будет тем разрушением старых форм, который необходим или для нового порядка вещей – или для того, чтобы история приняла окончательно другое русло.

Рассматривая литературные произведения этого времени

95

недоумения и борьбы, мы видим явный след их в каждой замечательной книге. С одной стороны, потребность отделить чище и прямее науку от случайностей и судеб рушащегося мира политического; с другой – это себяощипывание, это тревожное состояние тяжело больного, который хочет поздним изучением уяснить себе свое положение, раздумье купца, который, видя неминуемое разорение, старается спасти что-нибудь.

Реализм естествознания захватывает больше и больше всю ученую деятельность, отвлекая ее от юридических и гражданских предметов. Школа Конта, Стюарта Милля, немецких

натуралистов и медиков приобрела большую смелость откровенного языка, совершеннолетнюю возмужалость мысли и с тем вместе чрезвычайную даль от общепринятых понятий. Восстановляя сбившуюся с дороги традицию ясных и гениальных умов, как Кант, Биша, Кабанис, Лаплас, наука делается прямо и открыто антиидеализмом сводя на естественное и историческое все богословское и таинственное. А народы в то же время, словно испуганные бесплодностью переворотов, снова отступают в подогретый католицизм или теряются в холодном изуверстве протестантизма. Общественное мнение снова без всякой терпимости требует решительного лицемерия, и Агасси или Либиг – в Филадельфии или Мюнхене, все равно – принуждены слабодушно отречься от истин науки и исказить их для того, чтоб не распугать толпу и иметь полную аудиторию; а так называемые политические революционеры, республиканцы, демократы – проповедуют риторический деизм, идеализм в политике, все предрассудки военно-теократического государства, так что их свобода очень похожа на заспанную фигуру Людвига XVI, которому в Версале нахлобучили на голову – фригийскую шапку.

Рядом с отчуждающейся наукой, входящей в жизнь только приложениями, идет другая

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
внутренняя работа, мы ее можем назвать социальной патологией. К ней равно
принадлежат Прудон и Диккенс. Новая вивисекция Прудона кажется нам самым
замечательным явлением последних двух лет – дальше скальпель еще не шел. Если вы
не читали его «Manuel d'un spéculateur à la bourse», которого четыре издания
расхватили в несколько месяцев в Париже, то мы не только рекомендуем, но

96

настойтельно просим изучить это сочинение. Врачом, наблюдателем сидит Прудон у
изголовья разлагающегося организма и следит шаг в шаг (копейка в копейку) за
успехом болезни, считая пульс по биржевому курсу, по приливу и отливу, hausse и
baisse⁴¹[41], спокойно приписывая на счетах увеличивающийся débit – смерти.
Не имея права говорить словами, он говорит цифрами, сложением и вычитанием; он
держит приходо–расходную книгу общества, несущегося к банкротству. Его «Manuel»
– арифметическое de profundis и с тем вместе сторожевой крик с высоты биржи.
Несмотря на большой расход книги Прудона, французы мало понимают его, напротив,
его обвиняют в безнравственном влиянии, в том, что он приводит в отчаяние, в то
время как надобно ободрять – вероятно, велеречиво толкуя о величии de la
grrrrande nation⁴²[42] и о скором водворении братства народов и всемирной
Республики...

«Вместо того, – говорит один путешественник о юго-испанских республиках в
центральной Америке, – чтоб изучением собственных ошибок подняться, вырваться из
своего жалкого

положения, испано-американцы стараются высокомерным хвастовством обмануть себя.
Опьяняющие средства эти отводят им глаза от предстоящих судеб».

Слова эти, по несчастью, относятся и не к одной Коста-Рике. Оттого-то мне
современное состояние европейского материка и кажется так печальным. Несчастье
бывает в двух случаях очень опасно: когда сознание сопровождается с совершенной
прострацией, т. е. когда ровное отчаяние и преданность судьбе заставляют покойно
сложить руки и понурить голову, или когда человек бессмысленно идет, не замечая
рва, пропасти и считая их неглубокими. Кто не видал с содроганием
самонадеянность больного, спокойно рассуждающего с вами о будущем, не зная,
сколько его умерло?

Франция так уверена в своем передовом месте, что, как далай-лама, и не считает
нужным доказывать это; но любопытно

97

видеть притязания Германии (именно теперь!) на всемирно-историческое первенство.
Их исключительный национализм, окруженный космополитическими фразами, их
ревнивая ненависть старой женщины к России и злопамятная зависть к Франции,
вместе с высоким мнением о себе, доходит до комизма.

Года три тому назад две книги, изданные Дицелем, обратили сильное внимание
публики. Одна трактовала о германской цивилизации, другая о Франции и ее
элементах развития. Вслед за тем Дицель издал брошюру «Rußland, Deutschland und
die östliche Frage». Брошюра эта, написанная с той же заднею мыслию, дополнила и
округлила его воззрение, которое вовсе не принадлежит ему лично, а есть, в
сущности, воззрение всех немецких патриотов-философов и людей движения.

Основная мысль Дицеля состоит в том, что романские народы, нося в себе элементы
мира древнего, по той мере принадлежат новому миру, по которой взошел в них
германский элемент, побеждая и вытесняя элемент романский. Во Франции галльское
начало берет верх над франкским – цезаризмом, подавляющей идеей государства,
поглощением личности – вследствие чего Дицель осуждает Францию на испанское
старчество и вместе с нею считает гулом весь романский мир отжившим, прошедшим.
Отвертываясь от маститого романского старца, классически согбенного над клюкой,
Дицель обращается к славянам. Если тому пора умирать, то славяне вряд родились
ли еще. Это дикие орды, сформированные в колоссальное военное поселение немецким
деспотизмом. Дицель отказывает народу русскому во всех политических
способностях, считает их только годными на коммунистическое житье и досадует на
немцев, сделавших из этих людских табунов – регулярные полки и усовершенствовавших их
благополучие (вероятно, канцелярским устройством и письменным
инквизиторальным процессом?)!

Из этого ясно, что современность и ближайшая будущность принадлежат той стране,
которая находится между дряхлым старцем и лентяем-мальчишкой, представительницей
всего возмужалого и энергического – Германия. Когда ему пришлось это сказать, он
сам испугался великого призвания Германии и скромной роли, которую она играет с
своими 36 суставами,

98

«с прусским отечеством, австрийским отечеством и пр.»⁴³[43] Дицель не мог не
остановиться перед этой горькой иронией – и тотчас прибегнул к средству, не
новому с некоторых пор, именно к тому, чтоб находить истинного представителя
германизма – в Англии.

Это на том основании, на котором известный добряк, которого хотели пригласить аккомпанировать, отвечал на вопрос: «Играете ли вы на скрипке?» – «Нет, но мой двоюродный брат, который в Париже, играет, и очень хорошо».

Признав Англию за Германию, нечего церемониться и с Северо-Американскими Штатами.

На легкое замечание мое в одном журнале один из патриархов немецкой космополитической, но исключительной национальности отвечал, что не только это справедливо, что Америка немецкая, но что, собственно, и Россия – Германия, что в ней русского только народ. Этим мы обязаны Сарепте, памятной книжке, немецким чинам – и городам, оканчивающимся на несчастное бург.

Но середь этих философских прений, в продолжение которых «Едгар Бауер» построил свою Россию *a priori*, немцам в острастку, да такую византийскую и православную, что сами славянофилы бы отказались от нее, а Дицель снял ее на основаниях всемирно-исторического развития и причислил к будущим, – явилась книга Вагнера о Коста-Рике («Costa Rica und das Central America»), из которой сейчас мы сделали выписку. Известный путешественник, живший более на Кордильерах и в Пампах, нежели в аудиториях и кабинетах, сам был в России и, вглядываясь в нее, пришел к иному результату. Его поразило сходство роста и духа между Америкой и Россией, и он, совсем напротив, утешает утомленную Европу, указывая ей на Америку и Россию – как на страны будущего, могучего, исторического развития.

Само собой разумеется, что его введение (которое мы рекомендуем прочесть) возбудило большое негодование.

99

Но чтоб и нам не впасть в израильский грех и не считать себя народом Божиим, как это делают наши (двоюродные) братья славянофилы, мы заметим мимоходом, что история не так

просто и легко двигается, чтоб ездить в одиночку; она скорей похожа на тяжелый дилижанс, которого тащат в гору разные клячки – одна посильнее, другая послабее, одна моложе, другая старше, но каждая тащит постромку. В числе лошадей, употребляемых на историческую гоньбу, есть добрые кони, но ни одного, который бы не имел своих пороков, ни одного, который бы в одиночку стащил старый рыдван. Русская лень да сон приобрели ей до сих пор только отрицательную силу; ничего не делая, нельзя ни затянуться, ни истощить сил; надежд у нас немало, притязаний тоже, но надобно посмотреть на деле.

Мы бы немецким космопатриотам стали возражать на другое. Куда им знать славянский мир, который сам себя едва знает и который знать только можно с той точки зрения, с которой естественный коммунизм наш считается не следствием дикого, стадного состояния, а условием будущего социального развития. Но с чего они воображают, что Англия и Америка – органическое продолжение Германии? Неужели Байрон похож на немца? Англия, совсем напротив, доказала, что можно сделать из германской породы, когда она перемешается с другою кровью, перестает быть немецкой. В основе английской жизни лежат циклопические фундаменты саксонского понятия о праве, с ним много германских элементов перешло в британский характер; но на этих основаниях Англия развила свою собственную народность, резко отделенную, как ее остров, от всех других народностей. Отыскивать в англичанах – немцев так же смешно, как в Ефраиме Лессинге – славянина Ефрема Лесника.

Сводя отдельные национальности к соплеменным народам и возводя их далее и далее к источникам и началам, мы все потеряемся в жидовской семье Адама; или по крайней мере должны считать немцев за персиан, по иранскому происхождению. Ritter⁴⁴[44] Бунцен им это доказал своим «Ипполитом».

100

Переходя к книгам, собственно вышедшим в 1857 году, я упомяну, во-первых, о IV томе поэтической, художественной «Истории XVI столетия» Мишле. Генрих IV, Габриэль, Ришлье; всё лица знакомые, но так живо, близко, *sans gêne*⁴⁵[45], с таким свежим колоритом и освещением мы их не видали. Может, есть частности, в которых историк увлекся воображением, но вообще эта книга, как мы имели случай заметить в «Полярной звезде» 1855, говоря о первом томе ее, – произведение мастерское, история тут становится искусством, эпопеей в прозе. Лета не имеют никакой власти над седьм Мишле – он юнеет.

Луи Блан напечатал IX том своей «Истории французской революции», еще начатой до февральской революции. Он остановился на начале процесса гебертистов – само собой разумеется, что этот кровавый эпизод кровавого террора рассказан у него с точки зрения Комитета общественного спасения т. е. Робеспьера.

О новом томе Тьеровой «Истории консулата и Империи» вы знаете. Интересно, бойко, поверхностно-быстро плывет он по плоскодонному устройству во всякой воде.

Из «Записок» особенно замечательны последние томы «Мемуаров маршала Мармон», испортившие много корсиканской крови: в бонапартовской семье. Иначе и быть не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов мог, пучки лавровых венков развязал герцог Рагузский, чтоб поделатъ из них простые розги. С каждым годом исчезает больше и больше prestige солдатской империи, и отяжелѣвший Наполеон, заменяющій упорными капризами тухнущій гений, окруженный своими кондотьерами в герцогских мантиях, готовыми предать его, как предали ему республику, являются совсем иными в записках Мармона, нежели в песнях Беранже и литографиях времен Карла X. Книге полковника Шараса – человека высокого нравственного достоинства и большого знатока военных наук – «О кампании 1815 года» – суждено, кажется, еще тяжело обрушиться на гробовую крышу в Доме инвалидов.

Записки и письма Чарльса Немира, изданные после его смерти, сделали некоторую сенсацию в Англии. Личность Немира

101

в самом деле ярко и поэтически отделяется на тяжелом и туманном фонде бездарной английской high-life⁴⁶[46]. Человек этот во всем далек от толпы, во всем поэт и мыслитель, много передумал, много и понял, и под конец, управляя целыми армиями и провинциями, печально прямо смотрел на людей и дела. В его гордом, своеобразно резко, самостоятельном уме, в его независимости от положения нам так и бросается в глаза различие английского и французского духа. Главнокомандующим войсками в 1848 году, во время чартистского движения О'Брайна, Мичеля и пр., он, далекий оттого, чтобы восхищаться резней, которая могла бы ему доставить каваньяковские и ламорисьеровские лавры, отмоченные в английской крови, – с грустью пишет в своем журнале о том, что вопросы, волнующие умы и являющиеся в чартизме, – на череду; что, что ни делай, их не обойдешь; и что народы, как будто влекомые провидением, идут к их разрешениям; а потому будущность все же их... К современным политическим деятелям он имел мало сочувствия; к партиям, попеременно стоящим у руля Англии, он тоже не мог принадлежать, думаем мы, по его резкой характеристике их: «Тори, – говорит он, – это грабители на больших дорогах, разбойники; а виги, воришки в маленьких переулках, – pickpockets»⁴⁷[47].

О жизнеописании Толя, изданном Бернарди (вероятно, по собственным запискам или рукописям Толя), и записках Сиверса мы поговорим особо в одном из следующих листов «Колокола». У Толя есть мастерские портреты и чрезвычайно интересные страницы. Писать военную историю так, чтоб она занимала и невоенных, дело нелегкое. Мы читали только первый том (их вышло три, но сочинение не окончено, третий том останавливается на кампании 1813 года), итальянский поход и Суворов выходят очень рельефно и необычайно занимательно. Предоставляя русским журналам поместить его очерк Суворова, мы скромно ограничимся штатским и мирным генералом от розог, графом Алексеем Андреевичем Аракчеевым. Толь с особенной любовью набросал нам дорогие черты этого злодея.

102

Записки Сиверса мы еще не получили, что же касается до брошюры Чичагова, напечатанной в Берлине, она мало имеет общего интереса или может только возбудить его тем чувством уважения, которое имеют все к памяти даровитого адмирала.

Из разных компиляций о России мы можем назвать как несколько интересную: «Menschen und Dinge in Rußland» Шницлер продолжает свою: «Empire des tzars». К истории «Русского двора со времен Петра I» Магнуса Крузенштольпе Гофман и Кампе прибавили историю императора Николая; для нас, сведенных на Устрялова и Корфа, и эта книга не без интереса. Мы рекомендуем, впрочем, и остальные томы, в них русский читатель много найдет любопытного, особенно о временах Елизаветы, Екатерины II и о совершенно неизвестном у нас царствовании Павла I.

Книга Баллейдье, о которой мы упоминали в предпрошлом листе «Колокола», – «Тридцать лет царствования Николая» – не принадлежит к числу произведений, о которых можно серьезно говорить. Это самая смешная и самая жалкая лесть – она даже жалка и смешна после плюгавой книги г. Зотова, под тем же названием. У Баллейдье Николай представлен одним из величайших людей нашего времени и притом каким-то сентиментальным тираном, сбивающимся на Векфильдского священника и на Домициана или Нерона... Предоставляем самому статс-секретарю Модесту быть Парисом и наградить почетным яблоком достойнейшего из двух состязателей – отечественного Рафаила или вчуже преданного Альфонса.

P. S. Отчего в наших обозрениях не переводят отрывков из чудесных и поэтических брошюр Грегоровиуса о Корсике, Италии, Риме?

103

ПАКИ И ПАКИ О КНЯЗЕ ПЕТРЕ ВЯЗЕМСКОМ

Еще циркуляр – и также под сурдинкой, секретный, воровской! Что же нашептывает на ухо ценсорам наш князь? Свою скорю, что в журналах в последнее время печатаются зловерные статьи, почему он предписывает ценсорам строжайше не допускать оные к напечатанию, ибо статьи сии служат только к развращению

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
изящного вкуса. О великий эстетик!

Неужели кастратское пение лучше? Это уж что-то католическое; не завелись ли в министерстве просвещения иезуиты! Кисловский, что ли? Нет, это Талейран, а не иезуит. Гаевский? Что он, православный, что ли? Разве Авраам Норов? – Ветхозаветный по имени, по занятиям и по посещению св<ятых> мест – он выше всех подозрений, да он же ничего и не делает, он только числится по министерству, Р. S. Уверяют, будто циркуляр этот состоялся после того, как цензура пропустила неприличную книгу Зотова о Николае. Оно правда, Рафаил заткнул за пояс самого Модеста. Но мы не думаем, чтоб это была настоящая причина секретного предписания.

Еще говорят, будто при прочтении этого циркуляра в цензуре цензор Фрейганг тотчас объявил, что он подает просьбу о переименовании его фамилии в Склавеганг – чтоб, подписываясь, не возвращать изящного вкуса слишком вольным именем.

104

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ О ЦЕНЗОРЕ ГОН-ЧА-РО ИЗ ШИ-ПАН-ХУ

Мы долго думали, зачем Гончаров плавал в Японию, или, правильнее, в Ши-Пан-Ху, без сведений, без всякого приготовления, без научного (да и другого, кроме кухонного) интереса. Нельзя же было в самом деле съездить в Японию только для того, чтоб длинно и вяло рассказать впечатления, сделанные Тихим океаном, Гон-Гонгом и Нагасаки на какого-то тупоумного денщика и какого-то глупорожденного слугу (мы просим у них извинения, мы не виноваты, что помещик их так представил, на то барская воля). Или для того, чтоб плотоядно прибавить к этому перечень всего, что он ел от Кронштадта до берегов Юго-небесной империи и обратно до Северо-небесной. Это была бы, конечно, очень необыкновенная история. Совсем нет, Гончаров просто хотел добросовестно подготовиться к должности цензора; где же можно лучше усовершениться а ценсурной хирургии, в искусстве заморения речи человеческой, как не в стране, не сказавшей ни одного слова с тех пор, как она обсохла после потопа?

Человек, имеющий такой хороший и такой всемирный аппетит, – человек, который, объехав вокруг света, не вышел ни на минуту из той атмосферы, которую носил с собой Гоголев Петрушка, всегда мог занять место Елагина или Фрейганга, умри только кто-нибудь из них (что при натурализации холеры в Петербурге и не представляет больших затруднений), но это была бы обыкновенная история. Начать же собою школу китайски-японскую цензурного членовредительства и за этим жариться на экваторе, смотреть, как японские писари сморкаются в бумажку, и есть рыбу с сахаром на рициновом масле – это гениально! Хоть бы теперь Вяземского-то отдать на выучку в годы в какую-нибудь Тунгузию – учиться тому, что ренегат просвещенью не товарищ!

<СЕЧЬ ИЛИ НЕ СЕЧЬ МУЖИКА?>

Сечь или не сечь мужика? That is the question! – Разумеется, сечь, и очень больно. Как же можно без розог уверить человека, что он шесть дней в неделю должен работать на барина, а только остальные на себя. Как же его уверить что он должен, когда вздумается барину, тащиться в город с сеном и дровами, а иногда отдавать сына в переднюю, дочь в спальную... Сомнение в праве сечь есть само по себе посягательство на дворянские права, на неприкосновенность собственности, признанной законом. И, в сущности, отчего же не сечь мужика, если это дозволено, если мужик терпит, церковь благословляет, а правительство держит мужика за ворот и само подстегивает?

Неужели в самом деле у нас есть райские души, которые думают, что целая каста людей, делящая с палачом право телесных наказаний и имеющая над ним то преимущество, что она сечет по собственному желанию, из собственного прибытка и притом знакомых, а не чужих, – что такая каста – из видов гуманности и благодати сердечной – бросит розги? Полноте дурачиться.

Несколько месяцев тому назад корабельный капитан, на дороге из Нью-Йорка в Англию, засек мальчика; случай, кажется, не редкий у нас. Когда корабль пришел в Англию, матросы пожаловались. Капитана отдали под суд, потом повесили на берегу океана. Вот как отучают от злоупотребления розги!

Второй случай. Года три тому назад офицер какой-то поссорился в Лондоне с извозчиком; слово за слово, офицер ударил кебмана; обиженный извозчик взял да и вытянул бичом

106

офицера по лицу. Офицер в полицию. Судья говорит: «Да помилуйте, ведь вас надобно наказать, а не кебмана, вы кругом виноваты да еще жалуетесь, ступайте в ваши казармы». Вот как отучают от злоупотребления кулака.

А вот как приучают к тому и другому. Кто не знает у нас историю (мы, краснея, читали в «Times/e» разные отрывки) о том, как флигель-адъютант

(Эльстон-Сумароков) был отправлен в Нижегородскую губернию на следствие о возмутившихся крестьянах. Дело само по себе замечательно. Крестьяне одного

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов помещика (помнится, Рахманова) предложили за себя взнос, помещик взял деньги, т. е. украл их, а мужиков продал другому, вместо того чтоб отпустить на волю. Крестьяне, разумеется отказались повиноваться новому помещику. Трудное ли дело разобрать? Но у нас суд нипочем, надобно комиссии, флигель-адъютанты, аксельбанты,

команда, розги. С розгами и послали Эльстон-Сумарокова. Мужики бросились на колени (бунт на коленях!). Он спросил их: «Чи вы?» Крестьяне сказали имя прежнего помещика, Сумароков же назвал имя нового помещика (кажется, Пашкова или наоборот) и после этого приказал без всякого разбора сечь мужиков. Крестьяне покорились. Тогда флигель-адъютант до того расхотелся, что дал предписание губернскому правлению одну часть на коленях бунтующих мужиков сослать в Сибирь на поселение, другую в арестантские роты, а третью да сорок⁴⁸[48] высечь. Губернское правление и радо бы исполнить, но не смело взять на себя такое явное нарушение положительного закона и отнеслось в сенат. За такое понятие о справедливости, за такое знание законов Эльстон-Сумароков сделан вице-директором одного из департаментов военного министерства.

А вы рассуждаете о том, сечь или не сечь мужиков? Секите, братцы, секите с миром! А устанете, царь пришлет флигель-адъютанта на помощь!!!

Какой-то «помещик тож» в «Земледельческой газете» справедливо восстал против дерзких возгласов против розог и дельно заметил, что «за маловажные проступки наказание несколькими (2, 20, 200, 2000?) ударами розог не убивает человека

107

ни нравственно, ни физически (иногда, правда, люди умирают, но нравственно это полезно православному, а физически мертвому не больно!). Власть помещика – власть родителя над детьми, а по нашим православным понятиям дети принимают без ропота наказания от своих родителей. Наказание розгами не заменить никакими заморскими затеями, потому что розги в руках благонамеренного и доброго помещика – истинное благодеяние для крестьян!»

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ О НОВЫХ КНИГАХ

Как бы охотно можно было этого Демосфена розог, этого «разбойника тож» облагодетельствовать на конюшне отеческим увещанием. Базилевский даже стал здоровее после православного наказания.

Нет худа без добра: оттого, что VI лист «Колола» опоздал, мы имеем удовольствие в подтверждение наших слов перевести несколько строк из «Аугсбургской газеты» от 13 декабря. Наивнее и яснее редко выказывались миродержавные притязания философского Израиля, которыми он невинно утешается в своем раздробленном, бессильном, обойденном существовании.

«Вникая, – говорит почтенная газета в передовой статье под заглавием „Rußland und Deutschland“, – в дух и стремление русских публикаций последнего времени, мы убеждаемся что их главная характеристика состоит в возмущении славянского высокомерия – против умственного превосходства немцев.

Из всех племен, составляющих (die Japhetische Menschheit) „яфетическое человечество“, ни одно не лишено так вполне всякого смысла политического устройства, переходящего за пределы тихой общинной жизни, как славяне. Их государственный строй сохранялся только благотворным влиянием германизма. Без немецкой партии, т. е. без тех значительных людей, которые прикладывают к русским делам мерилу германского образования, Россия потерялась бы в бесконечной путанице, и если теперь сбудется освобождение крестьян, то оно только и может совершиться на немецких основаниях и с той осторожностью, с которой Александр I привел в действие свой проект в остзейских губерниях».

Засим следует речь о том, что образование переносится не так легко, как моды, что даже железные дороги должны еще очень оклиматиться в России, прежде нежели их администрация

109

будет похожа на западную и, наконец, заключение: «А потому, вы, гг. русские, не очень торопитесь изгнанием германских элементов, как бы не пришлось потом горько раскаяться в этом, подобно той шведской журнальной черни, говорившей, что немцы только годны в кельнеры, дворники и слуги!»

Страшное противуречие в характере немцев – все они на словах, в теории космополиты и, в то же время, от безвыходно жалкого положения их отечества, что ли, исполнены самым раздражительным, самым исключительным и худо скрывающим свои притязания патриотизмом. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы междугосударственные, но чтоб Триест и Данциг принадлежали Германии. Я не шучу, я сам слышал подобные суждения. Впрочем, их все могли слышать. Разве воинственный конвент, собиравшийся в Павловской церкви в Франкфурте и состоявший из добрых и мирных профессоров, лекарей, теологов, фармацевтов и философов, не рукоплескал (за исключением нескольких членов) австрийским солдатам в Ломбардии; разве он хотел дать ход рекламациям познанских поляков? Самый вопрос о

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов Шлезвиг-Голштейне – stammverwandt49[49] – брал за живое только с точки зрения Тейхтума.

В Инсбруке есть итальянская пушка, ее городу подарили студенты, ходившие волонтерами бить ломбардов и завоевавшие этот трофей под начальством своего профессора.

Старик Арнд недавно писал стихи в альбом Радецкого.

Первое свободное слово, сказанное после веков политического молчания в революционной Германии 1848 года, было не в пользу, а против притесненных и слабых народностей. И не замечательно ли то, что та же умеренная, чопорная черно-желтая «Аугсбургская газета», перещеголяла дикий, звериный зык «Теймса», требовавшего крови и убийств в Индии, хладнокровно говоря, что это не люди, что индейцев надобно истреблять гуртом, «для того, чтобы поколения и поколения помнили и рассказывали бы с ужасом детям, что значит не принимать образования!»

110

А разве год тому назад не были немцы готовы ринуться на свободную Швейцарию – из-за гогенцоллернских интересов?

Но – чего нельзя простить за это милое, ненужное, вытянутое за волосы признание, что шведы их считают только способными «быть кельнерами, слугами и дворниками!» Кто бы это знал? Кому придет в голову читать шведские газеты? – Это презабавно!

111

LA CONSPIRATION RUSSE DE 1825

(EXTRAIT DU BULLETIN DE L'ASSOCIATION INTERNATIONALE)

La rédaction de l'Etoile Polaire vient de publier chez MM. Trübner & Cie un ouvrage en langue russe intitulé: le 26 décembre 1825 et l'empereur Nicolas. C'est une réfutation assez étendue d'un récit officiel des circonstances dans lesquelles eut lieu l'avènement de Nicolas au trône, récit fait par un secrétaire d'Etat et corrigé par Nicolas lui-même: œuvre ignoble d'un eunuque, et digne d'un rhéteur de Byzance ou d'un préfet bonapartiste.

C'est pour nous rendre au désir du Comité International, qui s'est si fraternellement rappelé de nos martyrs à l'anniversaire du 26 décembre, que nous avons écrit cet opuscule, résumé serré des principaux faits relatés dans notre ouvrage.

La mission historique de la dictature impériale qui, pendant longtemps, absorba toute l'activité nationale de la Russie, toutes les libertés et franchises, tous les pouvoirs, même ceux de l'église et de la civilisation, approche de sa fin. L'impérialisme, tel qu'il a été organisé par la main vigoureuse de Pierre I et développé par Catherine II, a fait son temps. Sa clôture a été solennelle. – Ce fut lorsque Alexandre I entra à Paris, suivi de ses alliés couronnés (les mêmes qui se pressaient dans l'antichambre de Bonaparte à Dresde) et qu'il disposa de la couronne de France en faveur des Bourbons, tandis que ses amis disposaient en sa faveur de la couronne de Pologne.

Le rêve de Pierre I, l'idée fixe de Catherine II étaient accomplis. Qu'avait voulu en effet Pierre I? – un moule, une forme

112

vaste pour un Etat fort et agressif. Il avait voulu avoir à la fois une main dans les affaires de l'Occident et une main dans les affaires de l'Orient. Cette création fondée sur un despotisme révolutionnaire qui niait la tradition et conservait le pouvoir – avait pourtant réussi. Il ne lui manquait qu'une grande épreuve; elle vint en 1812. L'empire allait-il s'écrouler, s'affaisser avec les murs du Kremlin? – Il résista, et deux ans après Alexandre rentra en «pacificateur de l'Europe» dans sa capitale incendiée.

Mais il portait sur son visage plutôt la tristesse du triomphe, que l'allégresse de la victoire. Il sentait très bien que la Russie entraît dans une nouvelle phase, et il sentait aussi les forces lui manquer, à lui, pour le grand travail qui se présentait.

Alexandre n'était pas un homme vulgaire et borné comme Nicolas. C'est une figure profondément mélancolique. Plein de grandes pensées, il n'arrivait jamais à les réaliser. Méfiant, irrésolu, sans foi en lui-même, entouré d'hommes médiocres ou rétrogrades, il était par dessus tout cela continuellement tourmenté par sa participation demi-involontaire à l'assassinat de son père. Hamlet couronné, il était réellement malheureux.

Pendant la lutte avec Bonaparte il avait encore des élans d'énergie; mais après la guerre nous le voyons apathique, brisé. Fatigué des obstacles qu'il rencontre dans le mauvais vouloir de son oligarchie bureaucratique, il abandonne de plus en plus les rênes du gouvernement aux mains d'un homme dur, borné, mais à la probité matérielle duquel il croyait, Araktchéïeff. – C'était un choix de fatigue, de mépris pour les autres, de désespoir.

Ce soldat dur, bilieux, vil et implacable gouvernait la Russie juste au moment –

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванович
après la guerre – où toute la société, respirant à larges poumons, tendait à des réformes.

Jusqu'à la guerre de 1812 le gouvernement – sauf un accès d'aliénation mentale et de rage du temps de Paul I, – avait été en tête du mouvement. Au moment dont nous parlons, le parti progressif se mit au pas avec lui, le dépassa. La noblesse formait pour ainsi dire le peuple actif, entre le peuple immobile en bas et le gouvernement qui, en haut, s'arrêtait pour tout de bon. Il était impossible de passer immédiatement de l'agitation d'une guerre nationale au plat mutisme du régime de Pétersbourg, et cela lorsqu'il perdait ce qui lui était resté de force intellectuelle. Cette activité ardente, noyée dans la boue des prévarications et des abus de l'administration, n'avait pour contrepois que l'autorité d'un ignoble caporal – le comte Araktchéïeff – armé de verges pour les soldats et de lettres de cachet pour les autres. Telles étaient les circonstances au milieu desquelles se forma peu à peu cette formidable association secrète qui, ainsi que nous le montrerons dans la suite, entrevit la possibilité de renverser le trône de Pétersbourg, et le mit en effet à deux doigts de sa perte.

II

En Lithuanie, dans le quartier général de la seconde armée, commandée par le maréchal prince Wittgenstein, deux officiers, deux frères, les Mouravioff, jetèrent, en 1815, les fondements d'une société politique. S'étant liés avec quelques officiers et voyant que l'affaire prenait, ils se rendirent à Pétersbourg pour sonder l'esprit de la Garde impériale. Ils y trouvèrent plus que de la sympathie, ils reconnurent dans les régiments des germes de société, des groupes d'officiers tout prêts à se réunir à eux: preuve incontestable que le temps était venu pour une grande réforme politique. Toutes ces associations vinrent se confondre dans la société Mouravioff, et il est facile d'expliquer pourquoi la société provinciale eut le dessus, et pourquoi les officiers de la Garde se réunirent aux officiers de la ligne, au lieu de les attirer à eux. Bientôt après la fondation de la société Mouravioff, les conjurés firent connaissance d'un aide de camp du maréchal, colonel d'un régiment de la ligne, P. Pestel. Il entra immédiatement dans la société, et, de ce jour, il en devint le centre, l'âme. Grâce à lui, les aspirations vagues, les tendances libérales eurent un but, une détermination pratique: sa grande figure domine toute la conspiration; elle est grande même dans les venimeux récits de la commission d'enquête. Républicain ardent et révolutionnaire déterminé, il n'impose, ne précipite rien. Il agit avec une prudence, une retenue admirables. Il ne cherche qu'à mieux organiser l'association. Il lui

114

donne un règlement, la centralise. Connaissant bien la conscience encore timorée de ces jeunes gens nobles, dévoués – mais à peine éveillés aux idées politiques, il leur accorde que la grande affaire serait de limiter l'arbitraire du tzar. Dans les fragments – cités par l'enquête – de ses entretiens avec les autres, il est impossible de ne pas admirer son tact et la richesse de ses moyens. Concédant aux uns qu'une constitution à l'anglaise serait très bonne, dès qu'un interlocuteur émet des doutes, il ajoute que, quant à lui, il préférerait la constitution américaine qui, dit-il, convient à tout le monde et non pas seulement «aux lords et aux marchands»; du reste il pense que si on pouvait imposer une Charte à l'empereur, ce serait, déjà un grand progrès; puis, en quelques mots, il fait entrevoir, parmi les éventualités possibles, la mort de l'empereur. Il doute de la possibilité de forcer, par la seule pression de l'opinion publique, un maître absolu à céder une partie de son pouvoir. Il fait voir que ce n'est que par la force qu'on y parvient, et que – pour limiter le pouvoir, il ne faut pas moins de force que pour l'abolir.

Quoiqu'il fût si prudent (la commission d'enquête prend tout cela pour des tergiversations) – on le comprit: il fit peur. Alexandre Mouravioff s'éloigna de la société. Les membres de l'Alliance du Bien-Etre murmuraient. La société du Nord commençait à craindre l'ambition de Pestel. Il semble que Nikita Mouravioff, qui en était le chef, et, après lui, Ryléïeff partageaient cette opinion. Pestel résolut alors de faire une convocation générale des sociétés du Nord et du Sud à Moscou. On se réunit. – On ne tomba d'accord sur rien. Certains membres se récrièrent contre la dictature de Pestel dans la société du Sud, disant que le but de l'association était dépassé; plusieurs envoyèrent leur démission par écrit. Alors les amis de Pestel, d'accord avec les membres les plus énergiques, proposèrent la dissolution complète de l'Alliance du Bien-Etre. La proposition fut adoptée, et la dissolution prononcée par N. Tourguéneff, qui

présidait ce jour-là. C'était à Moscou, au mois de février 1821. Le colonel Avramoff, indigné, protesta seul contre la dissolution de l'Alliance, disant énergiquement «que quand même tout le monde abandonnerait la société, elle ne serait pas dissoute

115

pour cela, car elle existerait encore en lui, fût-il seul». – Mais il se trompait fort. Jamais des hommes comme Pestel, Youhnefski, Von Viezen, N. Mouravioff, Bestoujeff-Rumine n'eurent l'idée d'en finir avec l'association. Pour Pestel, ce n'était qu'un moyen de se débarrasser des faibles et d'organiser une société, non seulement sans la participation des anciens membres, mais sans qu'ils en sussent rien. Réformée immédiatement, la nouvelle société nomma pour directeurs Pestel, Youhnefski et N. Mouravioff. Dès son origine elle prit un caractère décidé et révolutionnaire. En deux ans elle acquit une force et une étendue si grandes, que, en 1823, nous voyons déjà quatre sociétés nouvelles organisées sous la direction de la société-mère qui était à Toultschine, chef-lieu de l'Etat-major de la seconde armée. Pestel, affermi et puissant, ne «tergiverse» plus. Il va directement à son but, à la réorganisation complète et radicale du gouvernement sur des bases non seulement républicaines, mais socialistes⁵⁰[50].

Il ne s'agit plus maintenant de critiquer la constitution anglaise. Pestel pose purement et simplement aux membres de la société cette question: «En cas de succès qu'y a-t-il à faire de la famille impériale?» Le bannissement, la prison, l'exil sont proposés. Après avoir écouté tout cela, «Il faut l'exterminer!» dit Pestel. – «Comment, – s'écrient-ils tous, – c'est horrible!» – «Je le sais bien». – Les amis de Pestel étaient ébranlés. – On alla aux voix. – La majorité fut pour Pestel, majorité bien faible, six voix seulement.

Quelques mois après Pestel réunit tous les chefs et leur proposa encore une fois la même question. – Tout le monde fut pour lui. C'est en conséquence de cette résolution que Bestoujeff demandait, en 1824, aux sociétés polonaises, de mettre à mort, en cas d'éventualité, le Césarévitch Constantin.

Avant de parler des rapports de la société Pestel avec les sociétés révolutionnaires de Varsovie, nous devons dire quelques mots de l'association du Nord.

L'association dissoute s'était reconstruite aussi à Pétersbourg et avec beaucoup plus d'énergie. A la tête de cette société

116

nous voyons d'abord le prince Troubetzkoï, puis N. Mouravioff et le prince Obolénski. Un peu plus tard enfin elle est dirigée par l'homme le plus remarquable parmi ceux de Pétersbourg, le poète Ryléïeff. On s'était beaucoup rapproché des idées de la société du Sud: mais cette malheureuse pensée que «Pestel était plutôt un Bonaparte qu'un Washington» poursuivait les hommes du Nord et empêchait constamment l'entente et l'unité d'action. Les jeunes enthousiastes ne comprenaient pas l'homme mûr. Causant un jour, avec Pestel, de la nécessité d'une dictature provisoire qu'on lui conférerait, Poggio ajouta: «Certainement cet état de choses ne durera que quelques mois». – «Comment, – s'écria Pestel, – vous pensez à changer toute cette machine gouvernementale, à lui donner une autre base, à habituer les hommes à la nouvelle organisation, et cela en quelques mois! – Il faut une dizaine d'années pour cela». – Pestel avait profondément raison. Que son ambition entrât ou non pour quelque chose dans ses opinions, cela est assez indifférent. Le fait grave est que Pestel comprenait la révolution bien autrement que ses amis de Pétersbourg. «Vous aurez beau proclamer la république, – disait-il dans une séance, – ce ne sera qu'un changement de nom. Il faut toucher à la propriété territoriale. Il faut, de toute nécessité, donner la terre aux paysans: ce n'est qu'alors que la révolution sera accomplie».

Après sa constitution, la société du Sud entra en rapport avec les sociétés politiques de Varsovie. Bestoujeff-Rumine, qui fut le premier à les découvrir, en fit part au directoire et reçut immédiatement mission et pleins pouvoirs pour entrer avec elles en relations. Les Polonais, de leur côté, envoyèrent Krijanowski. L'alliance eut pour bases: la reconnaissance par la société russe de l'indépendance de la Pologne et des provinces qui n'étaient pas encore complètement russifiées, y compris la province de Bélostok et une partie des gouvernements de Grodno, Vilna, Minsk et Podolsk; l'engagement, de la part de la société Polonaise, de commencer l'insurrection en même temps que la seconde armée, et de s'emparer de la personne du Grand-Duc. Une autre condition était exigée par la société russe, – et faut-il dire que c'est Pestel qui l'avait dictée – c'était la proclamation de la République en Pologne.

117

Les Polonais ne voulaient pas se prononcer d'avance sur la forme du gouvernement; ils ne voulaient non plus s'engager à tuer le Grand-Duc. Bestoujeff-Rumine et S. Mouravioff, après de longues discussions, convinrent enfin avec les deux commissaires envoyés de Varsovie, Grodetzki et Carcoski, que les Polonais agiraient envers les membres de la famille impériale qui se trouveraient en Pologne de la même manière que la société russe agirait envers ceux qui se trouveraient en Russie. Pestel alla lui-même, accompagné du prince Volkonski à une seconde entrevue avec les commissaires Grodetzki et Yankofski. Vers le même temps la section de la société du Sud qui portait le nom de Vassilkoff (de l'endroit où elle siégeait) découvrit une autre association fondée par un officier d'artillerie, Borissoff. L'idée dominante de cette société, qui, formée de Russes et de Polonais, portait le nom de Slaves-unis, était de travailler à la réunion du monde slave en une «République fédérale» dans laquelle chaque peuple devait conserver sa souveraineté entière et ne s'unir aux autres que par un lien fédératif. Bestoujeff proposa à cette société de se réunir à la grande association, ce qu'elle fit. Les Slaves-unis, cela est remarquable et montre que, sous la direction de Pestel, on s'accordait sur tous les points, s'arrêtèrent aussi à l'idée de tuer l'empereur Alexandre, et ce n'est que quelque temps après que S. Mouravioff les réunit définitivement.

III

Le moment d'agir approchait. La société du Sud se ramifiant dans toute la seconde armée, et la société de Pétersbourg entourant le trône et gagnant du terrain dans l'aristocratie, les circonstances étaient propices. Pestel, qui sentait parfaitement la nécessité pressante de l'action, n'était pas content du doctrinarisme de Pétersbourg et du manque d'unité qui existait entre les sociétés du Sud et celles du Nord. En 1824, il alla lui-même à Pétersbourg. Il exigeait la fusion des sociétés sous une même direction, et, après de longs débats, on y consentit. Mais d'un autre côté, on s'opposait beaucoup aux mesures violentes et décisives qu'il proposait. – Il y avait encore un parti qui tenait au régime constitutionnel,

118

et ne voulait proclamer la République, qu'en cas de refus de l'empereur d'accepter la Charte. Dans ce cas on aurait exilé la famille impériale. Pestel ne changeait pas d'avis. – «Nous voulons faire maison nette», disait-il; et son plan était de se saisir, par un coup de main, de l'empereur et de sa famille et d'en finir avec eux; de s'emparer aussitôt du Sénat et du Synode, de les forcer à proclamer le nouveau gouvernement, et, dès que cela serait fait, de déclarer tous les fonctionnaires supérieurs, civils et militaires, démissionnaires, et de les remplacer par les membres de la société. Cependant Pestel dut quitter Pétersbourg sans avoir complètement réussi. Il proposa alors une réunion générale définitive pour le commencement de 1826. Mais il exigeait que, si alors on tombait d'accord, on procédât immédiatement à l'action.

La position était difficile. Les jeunes gens turbulents et exaltés des sections du Sud, nommément de celle de Vassilkoff, étaient à grand'peine contenus par l'autorité de Pestel, et lorsque, tout à coup, le gouvernement ôta, sans en dire la raison, le régiment de Saratoff à son colonel Schweikoffski – conspirateur ardent – l'insurrection fut près d'éclater. D'un autre côté la société devenait trop grande, trop nombreuse pour rester longtemps secrète. Pestel avait donc raison: l'urgence était évidente, et nous avons la pleine conviction que si depuis la fin de 1824, on n'eût pas perdu un temps précieux, l'insurrection aurait eu de grandes chances de réussir. Mais les deux dénonciations envoyées à Taganrog (suites naturelles de cette perte de temps) et la mort inattendue d'Alexandre confondirent entièrement le plan de Pestel.

Il faut, du reste, se rappeler que du temps de l'empereur Alexandre, cette formidable police – création de Nicolas – n'existait pas. On ne pensait à aucune attaque. Les palais, les forteresses étaient plutôt gardés par convenance militaire que sérieusement. Et d'un autre côté il ne faut pas oublier la position sociale des chefs de la conspiration. Pestel demeurait au quartier général de l'armée de Wittgenstein, avec qui il avait des rapports journaliers, étant son ancien aide de camp. En même temps il était colonel d'un régiment qui lui était dévoué, et parmi ses amis, partageant complètement ses vues, étaient le général-intendant

119

de la seconde armée, Youchnefski, et deux généraux actifs, Von Viezen et le prince Serge Volkonski.

Dans la même société du Sud nous trouvons, parmi les membres les plus

énergiques, six colonels:

Artamon Mouravioff, du régiment des hussards d'Achtysrsk.

Narychkine, du régiment de Taroutino.

Schweikoffski, du régiment de Saratoff.

Avramoff, du régiment de Kazan.

Tiesenhausen, du régiment de Poltava.

Vranitzkoï, colonel quartier-maître, auxquels il faut ajouter Serge et Matthieu Mouravioff qui, tous les deux, étaient lieutenants-colonels.

Avec ces éléments, et ayant à leur disposition un grand nombre d'officiers, l'argent des régiments et tous les secrets de l'Etat-major, de l'Intendance et de la Chancellerie du maréchal, il ne leur était point impossible d'arrêter le prince Wittgenstein, le jour où le régiment de Viatka serait de service, d'attendre l'empereur Alexandre aux manœuvres et de se saisir de lui, d'arrêter les généraux supérieurs, d'occuper immédiatement la forteresse de Bobrouisk, pour avoir un point d'appui, et de s'entendre, de là, avec Varsovie et Pétersbourg. – C'est ce que voulait Pestel.

La société du Nord, de son côté, devait tenter un mouvement insurrectionnel de la garde. Elle comptait parmi ses membres des officiers très influents, notamment le prince Troubetzkoï, colonel du régiment Préobrajenski et attaché à l'Etat-major, Mitkoff, colonel du régiment de Finlande, Nicolas Mouravioff, capitaine de l'Etat-major, le prince Obolénski, Bestoujeff, et des hommes remarquables par leur courage, comme Lounine, Yakoubovitch, Boulatoff etc. Mais la force de la société du Nord ne consistait pas exclusivement dans l'élément militaire. Partagée entre Moscou et Pétersbourg, cette société avait des membres dévoués ou des amis dans les diverses branches de l'administration centrale, dans la plus haute aristocratie et dans l'entourage de l'empereur. Chaque pas du gouvernement était immédiatement connu par les conspirateurs. C'est ainsi que, dans le rapport de la commission d'enquête, nous voyons le procureur du Sénat, Krasnokoutski,

120

accourir, le 26 décembre 1825, chez Ryléïeff pour le prévenir que les sénateurs ont décidé de se réunir le 14, à 7 heures du matin, pour prêter serment à Nicolas. Le chef de la chancellerie du prince Golizine à Moscou, Semenoff, était membre de la société, et un autre membre Yakoubowitch était ami du comte Miloradovitch, gouverneur-général de Pétersbourg.

A la veille du 26 décembre, les conspirateurs furent chaque jour avertis des démarches de la famille impériale. Le jeune prince Odoïefski, officier de la garde-à-cheval, les tenait au courant de tout ce qui se faisait et même se disait au Palais.

Leur influence sur l'opinion publique était considérable. Hommes civilisés, énergiques et purs – ce qui n'est pas trop commun en Russie – ils dominaient une partie de l'aristocratie, et, par la littérature qui leur appartenait, toute la jeune génération. Les poèmes énergiques de Ryléïeff, les nouvelles de Bestoujeff, l'Etoile Polaire⁵¹[51] – annuaire qu'ils rédigeaient ensemble, la Mnémosine – revue faite par Kùchelbecker et le prince W. Odoïefski circulaient dans les universités, les lycées, et même dans les écoles militaires. Ryléïeff est peut-être le plus remarquable des membres de la société du Nord. C'est le Schiller de la conspiration, l'élément exalté, adolescent, poétique, l'élément Girondin dans la meilleure acception du mot. Son poème de Voïnarowski (du temps de Mazeppa), ses légendes populaires, ont de grandes beautés. Sa poésie est pleine d'une résignation mélancolique. Pas de grandes espérances, mais un grand dévouement. Il va aux travaux forcés ou à la mort; il le sait, mais il demande: «Où donc avez-vous vu qu'on ait conquis la liberté sans victimes?» – «Je sais, – dit le cosaque Naliwaïko au prêtre qui le confesse, – je sais ce qui m'attend, mais je bénis mon sort avec joie!» – Voilà Ryléïeff tout entier. Quoique le dictateur élu fût le prince Troubetzkoï, c'était Ryléïeff qui, vers la fin de 1825, était le véritable chef de la société.

Pestel réussit à convaincre la société du Nord qu'il n'y avait pas de temps à perdre, et celle-ci se préparait à suivre la société du Sud, lorsque, coup sur coup, arrivèrent, comme autant de coups de tonnerre, ces nouvelles: Alexandre est mort. – La société du Sud

est dénoncée. – Constantin refuse la couronne. – Nicolas ne l'accepte pas. Pour donner une idée de ce temps d'anarchie au palais, d'aliénation mentale du gouvernement durant les premiers jours qui suivirent la mort de l'empereur Alexandre I, nous traduisons quelques lignes de la lettre que nous avons adressée à Alexandre II à propos de la publication du livre de M. Korff. «C'était un accès de folie, un moment de délire, qui s'était emparé du pouvoir.

Korff en parle avec détail, et en donnant un cachet caractéristique à cet événement. En l'examinant avec des yeux ordinaires, en l'étudiant avec le plus grand soin, on n'y comprend absolument rien...

Que signifie ce mystère profond de la part de l'empereur Alexandre I qui, en rédigeant un acte d'une aussi haute importance pour le public, que le remplacement du frère aîné par son cadet dans la succession au trône, n'en parle à personne, à l'exception de deux ou trois amis, ne le fait connaître ni au Conseil d'Etat, ni aux ministres, ni aux hommes qui entouraient son lit de mort à Taganrog? – Que signifie cette longue suite de politesses de famille entre Constantin et Nicolas: „Je vous prie de passer le premier". – „Oh, non, de grâce, je vous suis".

L'impératrice Marie verse des larmes de désespoir; le grandduc Michel va ventre à terre de Pétersbourg à Varsovie; retourne ventre à terre de Varsovie à Pétersbourg; Nicolas prête serment de fidélité à Constantin; Constantin jure fidélité à Nicolas; tout le monde appelle à grands cris le Césarévitch à Pétersbourg, et le Césarévitch ne bouge pas de son palais de Lazenki. Le premier qui revînt à la raison fut encore Michel, qui, s'étant arrêté à un relais entre Pétersbourg et Varsovie, y resta tranquille jusqu'à ce que les deux aînés eussent fini leur comédie.

Cette manière despotique de faire ses dispositions, et de les tenir cachées, quand il s'agit d'une couronne, ne prouve-t-elle pas le plus profond mépris pour la nation? Les destins de tout un peuple sont considérés comme de simples affaires de famille, et l'habitude de traiter ses sujets comme des choses est tellement enracinée, qu'Alexandre I lui-même, tout libéral qu'il fût, s'imaginait naïvement que la Russie était sa propriété: „Après ma mort on ouvrira mon testament et on verra à qui je lègue mon bien".

122

Les conjurés, déjà trahis dans le Midi et à Pétersbourg, n'avaient pas de meilleur parti à prendre que de profiter de cette confusion d'abdication, de cette alarme dans laquelle étaient ceux qui avaient prêté serment et ceux qui ne l'avaient pas prêté, de cet interrègne avec deux empereurs. – Les troupes ne furent pas seules à perdre la tête dans cette occasion: le général-gouverneur de Moscou, sur un ordre de Miloradovitch, va, à la tête des sénateurs, prêter serment à Constantin. Le

métropolitain de Moscou, de son côté, ne veut pas assister au serment, disant que ce sont des cornets, et qu'il a son secret à lui, – dans la grande cathédrale de l'Assomption.

Du reste, l'essai insurrectionnel du 14 décembre n'était pas aussi insensé qu'on veut bien le représenter. Le livre de Korff le prouve mieux que toute autre explication. Les conjurés n'ont pas réussi, c'est tout ce qu'on peut dire; mais le succès n'était pas impossible. Que serait-il arrivé si les conjurés avaient rassemblé les soldats non pas au matin du 14/<26> mais à minuit, et si avec les forces dont ils disposaient ils avaient entouré le Palais d'Hiver, où l'on ne se doutait de rien? Que serait-il arrivé, si, au lieu de se ranger en carré, les insurgés avaient attaqué les corps de garde du palais encore indécis et irrésolus? Fallut-il beaucoup de force à l'impératrice Elizabeth I lors de son avènement au trône – à l'impératrice Catherine II pour détrôner Pierre III?

Il n'y a pas de gouvernement où l'on puisse changer plus facilement la personne du chef que dans un gouvernement de despotisme militaire, qui défend au peuple de se mêler des affaires du pays, qui interdit toute publicité. Cette machine sans voix, que l'on appelle administration, obéit avec le même zèle et le même dévouement servile à quiconque parvient à s'emparer du pouvoir».

IV

Les détails de la journée du 26 sont assez connus. Nous n'en dirons que quelques mots.

Le 24, le prince Troubetzkoï était encore indécis. Mais Ryléïeff tira de sa poche une lettre adressée à Nicolas par un jeune officier (aujourd'hui général Rostovzoff, aide de camp de l'empereur et chef des écoles militaires), et, montrant cette lettre aux membres

123

de la société qui étaient présents, il s'écria: «Nous sommes perdus, vous le voyez; mais il vaut mieux périr les armes à la main».

Il avait parfaitement raison. L'effet moral produit par la journée du 26 décembre a été prodigieux. Les canons de la place d'Isaac réveillèrent toute une génération. Jusqu'alors on ne croyait pas à la possibilité d'une insurrection politique allant, à main armée, attaquer, au milieu même de Pétersbourg, le géant du tzarisme impérial. On savait bien que, de temps en temps, on assassinait au Palais un Pierre ou un Paul, pour les remplacer par d'autres.

Mais entre ces arcanes d'abattoir et une protestation solennelle contre le despotisme, protestation faite sur la place publique et scellée du sang et des souffrances de ces hommes héroïques, il n'y avait rien de commun. Du reste, ils ne comptaient pas beaucoup sur le succès; mais ils comprenaient la grande signification de leur acte. Le 25, un tout jeune homme, poète aussi, le prince Odoïefski disait avec enthousiasme, en embrassant ses amis: «Nous allons à la mort... mais à quelle mort glorieuse!»

Certes, Ryléïeff avait bien le droit de se glorifier de cette journée; aussi dit-il, quand il fut devant le tribunal: «Je pouvais tout arrêter, j'ai au contraire poussé à l'action. Je suis le principal fauteur des événements du 26. Si quelqu'un a mérité la mort pour cette journée, c'est moi». Cette réponse sublime est traitée dans le rapport de la commission d'enquête d'aveu de culpabilité.

De grand matin, le 26, l'ordre fut donné de faire prêter aux troupes le serment de fidélité à Nicolas. Une partie du régiment de la garde, dit de Moscou, refusa d'obéir et suivit le prince Rostovski et M. Bestoujeff sur la place d'Isaac. Plusieurs compagnies d'autres régiments (grenadiers de la Garde, marine de la Garde, etc.) se réunirent à eux et refusèrent aussi de prêter serment. Les troupes insurgées se formèrent en carré.

Après quelques pourparlers et quelques tentatives infructueuses de la part du vieux métropolitain Séraphin, à qui les soldats dirent de s'éloigner en paix, et du pauvre général Miloradovitch, – brave soldat et le meilleur homme certainement de l'entourage de Nicolas – qui tomba, blessé mortellement par une balle pendant qu'il haranguait les soldats, l'empereur ordonna une charge de cavalerie. Orloff fit trois charges successivement repoussées

124

avec une fermeté inébranlable. Nicolas alors, cédant aux conseils du duc de Wurtemberg et des généraux Toll et Soukhosanet, fit avancer l'artillerie.

Deux traits racontés par le baron Korff doivent être mentionnés ici. Lorsque Nicolas donna l'ordre de faire feu, et que Soukhosanet le transmit à l'officier, l'officier le répéta, mais le coup ne partit pas. Tout ébahi l'officier se jeta sur le canonnier en criant:

- N'as-tu donc pas entendu?
- J'ai entendu... mais... ce sont nos frères!
- Eh! quand-même je t'ordonnerais de tirer sur moi-même, oserais-tu ne pas obéir?

Le coup partit portant la mort dans les rangs du carré. Il est dommage seulement que Korff n'ajoute rien sur le sort du canonnier. Voici le second fait. Lorsque les soldats insurgés virent les canons pointés sur eux, ils forcèrent la masse du peuple à s'éloigner, en disant: «Allez vous-en, allez vous-en, cela devient dangereux: nous ne voulons pas qu'on vous tue pour nous!»

La mitraille, force majeure, rendit toute résistance impossible. A dix heures du soir Nicolas fut vainqueur, et de cette heure commença pour la Russie la sombre époque de son règne, règne inauguré par des gibets, et qui s'avance, nageant dans le sang et les larmes de la Pologne et du Caucase, accompagné, pendant les trente années de son existence, de l'unique allié fidèle de Nicolas, le choléra. Lorsque Ryléïeff descendit avec ses amis sur la place publique, Pestel était déjà arrêté. Alexandre I, lorsqu'il avait reçu les premières dénonciations à Taganrog, n'avait rien fait. Il était déjà malade, lorsque d'autres détails et informations arrivèrent par le général de Witt. Mais les généraux Diebitch, Allemand-Prussien, et Tchernychoff, connu pour avoir volé un plan stratégique à Napoléon, prirent sur eux de faire arrêter Pestel et quelques autres chefs de la conspiration.

Les officiers appartenant à la société des Slaves-unis, ayant appris cette terrible nouvelle, soulevèrent quelques compagnies de soldats et allèrent, à main armée, ouvrir la prison. Ils la forcèrent en effet et mirent en liberté les deux Mouravioff et quelques autres. Mais malheureusement Pestel n'y était plus. Serge Mouravioff et Bestoujeff-Rumine se mirent alors à la tête de ces

125

soldats et tentèrent un coup désespéré. Ils s'emparèrent, avec l'aide d'une partie du régiment de Tchernigoff de la ville de Vassilkoff, et allaient soulever les soldats des régiments amis, lorsque près de Belaïa Tzerkoff, ils rencontrèrent la division du général Geismar. Une bataille s'engagea. Serge Mouravioff, qui était en avant, tomba un des premiers grièvement blessé par la mitraille, et sans connaissance. Quand il revint à lui, il était, ainsi que ses amis, au pouvoir du gouvernement.

Ici finit l'histoire de la conspiration et commence le triste récit, le Carmen horrendum de l'enquête. Il y a quelque chose de hideux, de repoussant dans le

spectacle lugubre d'une réunion de vieillards blanchis dans le servilisme et l'intrigue, s'acharnant, pour plaire à un jeune homme qui était plus froidement cruel qu'eux tous, contre ces hommes purs et dévoués.

Pour ne pas se tromper, la haute Cour improvisée condamna à mort tout le monde, et cela illégalement, – la peine de mort ayant été abolie en Russie du temps de l'impératrice Elisabeth et n'ayant jamais été rétablie.

Ayant une marge si entière pour sa clémence, Nicolas en fit périr cinq: Pestel, Ryléïeff, Bestoujeff- Rumine, Serge Mouravioff et Kakhovski⁵²[52]. Pour ajouter à la mort l'infamie, il remplaça la hâche par la corde. Ce tyran stupide ne comprit pas que c'est ainsi qu'on fait d'un gibet une croix devant laquelle s'agenouilleni des générations.

Les amis de ces hommes – l'élite de tout ce qu'il y avait de civilisé, de véritablement noble en Russie – allèrent enchaînés aux travaux forcés, dans un coin presque inhabité de la Sibérie.

La température intellectuelle de la Russie baissa... et pour longtemps.

V

Avant de terminer notre esquisse, nous voudrions encore une fois résumer la philosophie historique de cet événement.

Pierre I, détachant une partie de la nation et l'entraînant dans

126

les voies de la civilisation européenne, forma, avec son aide, un Etat aux formes occidentales. Cette partie de la nation – le status in statu – la noblesse, était alors en Russie le seul peuple actif, gouvernant avec le gouvernement et profitant des avantages de la nouvelle organisation.

La civilisation européenne – nécessaire pour la réforme de la vieille Russie – réveilla dans la classe noble un mouvement intellectuel qui devait bientôt se trouver en hostilité avec l'absolutisme. Soudés pour un temps par la guerre, les deux éléments, après 1815, se virent face à face. Nous avons vu avec quelle vitesse les deux grandes sociétés politiques se répandirent au Sud et au Nord. La Russie active prouva sa majorité politique. Sortant de l'école occidentale, elle en portait l'empreinte, et on peut retrouver dans la littérature, et, mieux encore, dans les débats de la société de Pestel avec la société du Nord, toutes les nuances du libéralisme du temps de la Restauration, telles qu'elles se formulaient par les Riégo et les Mina, par les Carbonari et le Tugendbund, par Benjamin Constant et la tradition révolutionnaire de 92. Mais deux éléments étaient bien faiblement représentés dans la conspiration: c'était l'élément russe et l'élément social. L'un paraissait oublié; l'autre n'était pas encore connu.

Tous les conspirateurs voulaient ardemment l'affranchissement des paysans; mais nous ne voyons que Pestel qui cherchât à baser la révolution sur le peuple et sur l'élément économique, et – voici la conséquence.

Au jour de l'insurrection, sur la place d'Isaac et au centre de la seconde armée, ce qui manqua aux conjurés, ce fut le peuple. Leur libéralisme était trop exotique pour être populaire.

Loïn de nous toute idée de reproche. C'était la conséquence logique d'une civilisation importée dans une classe seulement, et de l'éloignement dans lequel la Russie civilisée se tenait de la Russie du peuple.

Le 26 décembre 1825 est le dernier résultat de la réforme de Pierre I, résultat plein d'espérance et qui montre par Pestel, – la vedette la plus avancée – quel chemin il faudra prendre.

Depuis ce jour, nous avons immensément soufferts, dans ce sombre tunnel de règne de Nicolas; mais nous avons beaucoup appris.

127

Détenus dans notre empire de correction, le baillon dans la bouche, foulés par les bottes fortes d'un caporal implacable et borné, le carcan au cou, le bâton sur le dos, nous avons eu tout le temps de voir et de penser. De grands événements passaient et repassaient devant le soupirail de notre prison. – La révolution de 1830 et son escamotage par le duc d'Orléans – l'insurrection de Pologne, étouffée, trahie par tous. – Et quoi encore? – la Sibérie – le knout; le knout – la Sibérie. – Dix-huit ans du règne de l'ordre. On était sans espérance. Les forces s'en allaient et les cheveux blancs venaient. On se résignait au repos. Tout-à-coup... on est réveillé en sursaut; on entend battre la générale; une commotion galvanique traverse l'Europe. C'étaient des moments de lucidité dans le délire... les croyances se réveillent; les paralysés marchent; et nous regardons avec une sympathie frénétique sur l'Occident. Mais l'action galvanique passe; les muscles se détendent: Cavaignac – Bonaparte. – «La Hongrie est aux pieds de Votre Majesté». – L'Immaculée Conception est prouvée. – Censure. – Concordat. – L'ordre de Varsovie devient l'ordre

œcuménique en Europe. Toutes nos espérances sont écrasées encore une fois! Les derniers, les meilleurs de ceux qui restaient, tombent d'exhaustion dans cette lutte inégale. Béliński d'abord... puis Granofski. Ce qui frappe aujourd'hui les yeux – et cela est vraiment très remarquable – c'est le changement de direction qui s'est fait tacitement dans les esprits, pendant la seconde partie du règne de Nicolas. A notre réveil, nous nous trouvons grandis. Ce n'est pas pour rien que nous avons passé par tous les malheurs chez nous, et que nous avons assisté à tous les malheurs de l'Europe. Deux pensées commencent à se faire jour et gagnent du terrain. La première, c'est le désir de s'émanciper de la tutelle morale de l'Europe, de s'assimiler sa science sans imiter son histoire. La seconde, c'est de prendre pour base de ce développement nouveau la vie populaire, d'abattre le mur qui divise les deux Russies, et tout cela par une révolution économique. C'est le testament de Pestel que la jeune Russie exécute maintenant!

128

ПЕРЕВОД

РУССКИЙ ЗАГОВОР 1825 ГОДА

(ИЗВЛЕЧЕНО ИЗ «БЮЛЛЕТЕНЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ»)

Редакция «Полярной звезды» недавно издала у гг. Трюбнера и К сочинение на русском языке, озаглавленное: «26 декабря 1825 года и император Николай». Это довольно пространное опровержение официального рассказа об обстоятельствах, при которых совершилось восшествие на престол Николая, – рассказа, написанного неким статс-секретарем и исправленного самим Николаем: подлое сочинение евнуха, достойное византийского ритора или бонапартистского префекта. Идея навстречу пожеланию Международного комитета, который так братски помянул наших мучеников в годовщину 26 декабря, мы написали это небольшое сочинение, сжатый пересказ основных фактов, приведенных в нашем труде.

I

Историческая миссия императорской диктатуры, которая в течение долгого времени поглощала всю национальную деятельность России, все свободы и вольности, все влияния, даже влияние церкви и цивилизации, приближается к концу. Императорская власть, в том виде, в каком она образована мощной рукой Петра I и развита Екатериной II, отжила свое время. Завершение ее было торжественно. Это произошло, когда Александр I вступил в Париж, в сопровождении своих коронованных союзников (тех самых, что толпились в передней у Бонапарта в Дрездене), и предоставил французскую корону

129

Бурбонам, в то время как друзья его предоставили ему самому корону польскую. Мечта Петра I, навязчивая идея Екатерины II воплотились в жизнь. Чего же, в самом деле, хотел Петр I? – готового образца, обширной формы для сильного и агрессивного государства. Он хотел вмешиваться одновременно в западные дела и в дела восточные. Это создание, основанное на революционном деспотизме, отрицавшем традицию и сохранявшем власть, тем не менее удалось. Ему недоставало лишь великого испытания; оно явилось в 1812 году. Рухнет ли, обрушится ли империя вместе с кремлевскими стенами? – Она устояла, и два года спустя Александр возвратился в свою сожженную столицу как «миротворец Европы».

Но на лице его скорей была печаль торжества, чем ликование победы. Он очень хорошо сознавал, что Россия вступает в новую фазу, но он сознавал также, что у него не хватает сил для предстоящего великого труда.

Александр не был заурядным и ограниченным человеком, подобно Николаю. Это личность глубоко меланхолическая. Преисполненный великих замыслов, он никогда не воплощал их в жизнь. Подозрительный, нерешительный, лишенный веры в себя, окруженный посредственностями или ретроgrадами, он, вдобавок, постоянно терзался своим полудобровольным участием в убийстве собственного отца. Коронованный Гамлет, он был поистине несчастен.

Во время борьбы с Бонапартом у него бывали еще вспышки энергии, но после войны мы видим его вялым, подавленным. Устав от сопротивления, оказываемого ему недоброжелательной бюрократической олигархией, он все более и более охотно препоручает бразды правления человеку жестокому, ограниченному, но в материальную честность которого он верит, – Аракчееву. – То был выбор, вызванный усталостью, презрением к людям, отчаянием.

Этот черствый, желчный, гадкий и неумолимый солдат управлял Россией как раз в то время, когда – после войны – все общество, дыша полной грудью, чаяло реформ. До войны 1812 года правительство, – если не считать приступа умопомешательства и бешенства при Павле I, – стояло

130

во главе движения. Но в тот момент, о котором мы говорим, прогрессивная партия зашагала рядом с правительством, обогнала его. Дворянство составляло, так

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
сказать, деятельную часть народа – между неподвижной массой внизу и

правительством, которое там, наверху, совсем остановилось. Немыслимо было сразу же перейти от возбуждения народной войны к томительной немоте петербургского режима, и притом еще в то время, когда он терял последние остатки своих умственных сил. Эта пламенная деятельность, потопленная в грязи вероломства и злоупотреблений администрации, не имела иного противовеса, кроме власти гнусного капрала – графа Аракчеева, вооруженного розгами для солдат и ордерами на арест для всех остальных.

Вот при каких обстоятельствах мало-помалу образовалось это грозное тайное общество, которое предвидело, как мы это покажем ниже, возможность ниспровержения петербургского трона и действительно поставило его на волосок от гибели.

II

В Литве, в главной квартире второй армии, которой командовал фельдмаршал князь Витгенштейн, два офицера, два брата Муравьевы, заложили, в 1815 году, основы политического общества. Сблизившись с несколькими офицерами и видя, что дело идет на лад, они отправились в Петербург, чтоб узнать о настроениях в императорской гвардии. Они нашли там больше чем сочувствие, они обнаружили в полках зародыши общества группы офицеров, вполне готовых присоединиться к ним – неопровержимое доказательство, что наступило время для обширных политических преобразований.

Все эти кружки влились затем в муравьевское общество, и легко объяснить, почему провинциальное общество взяло верх и почему гвардейские офицеры присоединились к армейским, а не привлекли их к себе. Вскоре после основания муравьевского общества, заговорщики познакомились с адъютантом фельдмаршала, армейским полковником П. Пестелем. Он тотчас же вступил в общество и, с того же дня, сделался его центром, его душой. Благодаря ему смутные стремления, свободолюбивые порывы получили цель, практическое применение: его

131

крупная фигура главенствует над всей заговором; она сохраняет величие даже в пропитанных ядом донесениях следственной комиссии.

Пылкий республиканец и решительный революционер, он ничего не навязывает, ничего не торопит. Он действует с осторожностью, с поразительной выдержкой. Он печется лишь о лучшей организации объединения. Он дает ему устав, централизует его.

Хорошо понимая, насколько робко еще сознание молодых людей, благородных, преданных, но совсем лишь не давно пробудившихся для политического мышления, он соглашается с ними в том, что главная задача – ограничить произвол царя.

Читая отрывки из этих бесед, приводимых в следственном деле, нельзя не восхищаться как его тактом, так и разнообразием его приемов. Он соглашается с одними, что конституция на английский манер весьма хороша, но, едва лишь его собеседник выражает сомнение, он тут же добавляет, что, со своей стороны, предпочел бы американскую конституцию, которая, говорит он, годна всем, а не только «лордам и купцам»; он думает, впрочем, что, если б можно было заставить императора принять Хартию, это явилось бы большим прогрессом; затем, в нескольких словах, он намекает – как на одну из возможных случайностей – на смерть императора. Он сомневается в том, что одно лишь давление общественного мнения может заставить самодержца уступить часть своей власти. Он доказывает, что этого можно добиться лишь силой и что для ограничения самодержавной власти потребуются не меньше усилий, чем для ее уничтожения.

Несмотря на то, что он был так осторожен (следственная комиссия принимает все это за увертки), – его разгадали: он внушал страх. Александр Муравьев отделился от общества. Члены «Союза благоденствия» роптали, Северное общество начало побаиваться честолюбия Пестеля. По-видимому, Никита Муравьев, являвшийся главой этого общества, и, вслед за ним, Рылеев разделяли это чувство. Тогда Пестель решил созвать в Москве съезд Северного и Южного обществ. Собрались. – Ни к какому соглашению не пришли. Некоторые члены громко сетовали на диктатуру Пестеля в Южном обществе, утверждая,

132

что цель объединения перешла ранее намеченные границы; многие сообщили письменно о выходе из общества. Тогда друзья Пестеля, сговорившись с наиболее энергичными членами, предложили полностью распустить «Союз благоденствия». Предложение было принято, и

Н. Тургенев, председательствовавший в тот день, объявил общество распущенным. Это произошло в Москве, в феврале 1821 года.

Полковник Аврамов, охваченный негодованием, один протестовал против роспуска «Союза», энергично заявляя что «если даже все оставят общество, оно не будет вследствие этого распущено, ибо продолжит свое существование в нем, Аврамове». Но он сильно ошибался. Никогда такие люди, как Пестель, Юшневский, Фонвизин, Н.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Муравьев, Бестужев-Рюмин не собирались покончить с обществом. Для Пестеля это было лишь средством избавиться от слабых и организовать общество не только без участия прежних членов, но даже и без тех, кто что-либо о нем знал. Новое общество, тотчас же преобразованное, назначило своими распорядителями Пестеля, Юшневского и Н. Муравьева. С самого своего основания оно приняло решительный и революционный характер. За два года оно приобрело столь большую силу и так широко распространилось, что в 1823 году мы видим уже четыре новых общества, созданных под руководством главного общества, находившегося в Тульчине, ставке штаба второй армии. Пестель, укрепившийся и могущественный, не прибегает более к «уверткам». Он прямо идет к своей цели, к полному и коренному переустройству правительства не только на республиканских, но и на социалистических основах⁵³[53].

Теперь уже речь идет не о критике английской конституции. Пестель ясно и просто ставит перед членами общества следующий вопрос: «Что делать с императорской фамилией в случае успеха?» Были предложены ссылка, тюрьма, изгнание. Выслушав все это, Пестель сказал: «Надобно истребить это». – «Как! – закричали все, – это ужасно!» – «Я отлично знаю это». – Друзья Пестеля заколебались. Произвели голосование. Большинство оказалось за Пестеля – большинство весьма незначительное, всего лишь в шесть голосов.

133

Несколько месяцев спустя Пестель собрал всех руководителей и еще раз предложил им тот же вопрос. – Все согласилось с ним. Исходя из этого решения, Бестужев в 1824 году потребовал от польских обществ вынесения смертного приговора цесаревичу Константину при соответствующих обстоятельствах. Прежде чем говорить о сношениях общества Пестеля с варшавскими революционными обществами, мы должны сказать несколько слов о Северном обществе. Распущенное общество было восстановлено также и в Петербурге и с гораздо большей энергией. Во главе этого общества мы видим вначале князя Трубецкого, затем Н. Муравьева и князя Оболенского. Немного позднее, наконец, им руководит самый замечательный из петербуржцев – поэт Рылеев. В своих взглядах Северное общество сильно сблизилось с Южным; однако несчастная мысль, что «Пестель скорей Бонапарт, чем Вашингтон», преследовала северян и постоянно препятствовала согласию и единству действий. Юные энтузиасты не понимали зрелого мужа. Беседуя однажды с Пестелем о необходимости временной диктатуры, которая будет ему вручена, Поджио добавил: «Конечно, это положение вещей продлится не более нескольких месяцев». – «Как, – вскричал Пестель. – вы думаете изменить всю эту правительственную машину, дать ей другое основание, приучить людей к новому устройству – и все это за несколько месяцев! – На это потребуется десяток лет». Пестель был глубоко прав. Играло ли хоть какую-нибудь роль в его взглядах личное честолюбие или нет – это не имеет особого значения. Важно лишь то, что Пестель понимал революцию совсем иначе, чем его петербургские друзья. «Вы можете провозгласить республику, – говорил он на одном заседании, – это явится только переменной названия. Надобно затронуть земельную собственность. Совершенно необходимо дать землю крестьянам: только тогда революция будет совершена». Южное общество, после своего учреждения, вступило в сношения с варшавскими политическими обществами. Бестужеву-Рюмину, первому узнавшему о них и сообщившему о том руководителям, тотчас же было поручено и даны все полномочия ступить с ними в переговоры. Поляки, со своей стороны, послали Крижановского. Условия для этого союза были следующие:

134

русское общество признавало независимость Польши и областей, еще не полностью обрусевших, включая Белостокскую область и часть губерний Гродненской, Виленской, Минской и Подольской; польское общество, со своей стороны, обязывалось начать восстание одновременно со второй армией и захватить самого великого князя. Другое условие было поставлено русским обществом – нужно ли говорить, что оно было продиктовано Пестелем, – провозглашение республики в Польше. Поляки не желали предрешать заранее форму правления, они не желали также принимать на себя обязательства казнить великого князя. Бестужев-Рюмин и С. Муравьев, после долгих споров, договорились, наконец, с двумя комиссарами, присланными из Варшавы, Гродецким и Чаркосским, о том, что поляки поступят с членами императорской фамилии, оказавшимися в Польше, таким же точно образом, как русское общество с теми, кто находится в России. Пестель отправился сам, в сопровождении князя Волконского, на второе свидание с комиссарами Гродецким и Янковским.

В это же время отделение Южного общества, называвшееся Васильковским (по месту своего расположения), узнало о новом обществе, основанном артиллерийским офицером Борисовым. Основная задача этого общества, образованного из русских и поляков и носившего название Соединенных славян, заключалась в работе над

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
воссоединением славянского мира в одну «федеративную республику», в которой
каждый народ должен сохранить свою полную самостоятельность и соединиться с
другими только федеративными узами. Бестужев предложил этому обществу
присоединиться к большому объединению, что оно и сделало. Соединенные славяне –
и это достойно внимания и показывает, что под руководством Пестеля
устанавливалось согласие во всех пунктах, – пришли также к мысли об убийстве
императора Александра, и только несколько времени спустя С. Муравьев присоединил
их окончательно.

Приближалось время действовать. Южное общество разветвлялось по всей второй
армии, а Петербургское –
135

около трона и подготавливало почву в среде аристократии; обстоятельства
складывались благоприятным образом. Пестель, который прекрасно сознавал
неотложную необходимость действовать, не был доволен петербургским
доктринарством и отсутствием единства между Южным и Северным обществами. В 1824
году он сам отправился в Петербург. Он потребовал слияния обществ под одним
руководством, и, после долгих споров, согласие было достигнуто. Однако, с другой
стороны, обнаружилась значительная оппозиция насильственным и решительным мерам,
предложенным Пестелем. – Была еще партия, стоявшая за конституционный режим и
соглашавшаяся на провозглашение республики лишь в случае отказа императора
принять Хартию. В этом случае предполагалось изгнать императорскую фамилию.
Пестель не изменил своего мнения. «Мы хотим согнать со двора всю прислугу, –
говорил он; его план заключался в том, чтобы захватить императора с его
семейством и покончить с ними; овладеть тотчас же сенатом и синодом, заставить
их провозгласить новое правительство и, как только это будет сделано, объявить
всех высших чиновников, гражданских и военных, уволенными в отставку и заменить
их членами общества.

Между тем Пестель вынужден был покинуть Петербург, не добившись полного успеха.
Тогда он предложил созвать всеобщий, решающий съезд в начале 1826 года. Он
требовал, однако, чтобы в случае, если будет достигнуто соглашение, немедленно
приступить к действиям.

Положение было нелегкое. Пестель едва сдерживал своим авторитетом пылких и
восторженных юношей из южных отделений общества, особенно из Васильковского, и
когда правительство вдруг, без объяснения причин, отстранило от командования
Саратовским полком пламенного заговорщика Швейковского, чуть было не вспыхнуло
восстание.

С другой стороны, общество становилось слишком многочисленным, чтобы долго
оставаться тайным. Пестель, следовательно, был прав: необходимость в немедленных
действиях была очевидна, и мы совершенно убеждены в том, что если бы в конце
1824 года не было упущено драгоценное время, восстание

имело бы большие шансы на успех. Но два доноса, отправленных в Таганрог
(естественные последствия этой потери времени), и неожиданная смерть Александра
совершенно разрушили план Пестеля.

Не следует однако забывать, что во времена императора Александра нынешней
грозной полиции – творения Николая – не существовало. Не думали ни о каком
нападении. Дворцы, крепости охранялись скорее для соблюдения военных
условностей, чем всерьез. И, с другой стороны, не должно забывать общественного
положения вождей заговора. Пестель жил в главной квартире армии Витгенштейна, с
которым имел повседневные сношения, будучи его давним адъютантом. В то же время
он был командиром преданного ему полка, и среди его друзей, полностью
разделявших его взгляды, были генерал-интендант второй армии Юшневский и два
деятельных генерала – фонвизин и князь Сергей Волконский.

В том же Южном обществе мы находим, среди самых энергичных его членов, шесть
полковников:

Артамона Муравьева – из Ахтырского гусарского полка,

Нарышкина – из Тарутинского полка,

Швейковского – из Саратовского полка,

Аврамова – из Казанского полка,

Тизенгаузена – из Полтавского полка,

Враницкого – полковника-квартирмейстера.

К ним следует присоединить Сергея и Матвея Муравьевых, которые оба были в чине
подполковника.

При таком составе и имея в своем распоряжении большое число офицеров, полковую
казну и все секреты Главного штаба, интендантства и фельдмаршальской канцелярий,
они имели возможность арестовать князя Витгенштейна в тот день, когда Вятский
полк должен был вступить в дежурство, дожидаясь приезда на маневры императора
Александра и схватить его, арестовать высших генералов, немедленно занять
Бобруйскую крепость, чтобы получить точку опоры, и связаться оттуда с Варшавой и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Петербургом. – Вот чего хотел Пестель.

Северное общество, со своей стороны, должно было попытаться произвести восстание в гвардии. Оно насчитывало среди своих членов очень влиятельных офицеров, в частности князя

Трубецкого, командира Преображенского полка, я прикомандированного к Главному штабу Митькова, командира Финляндского полка Николая Муравьева, капитана Главного штаба князя Оболенского, Бестужева и таких людей, замечательных своей храбростью, как Лунин, Якубович, Булатов и др.

Но сила Северного общества заключалась не только в военном элементе. Разделенное между Москвой и Петербургом, общество это имело преданных членов или друзей в самых различных разветвлениях центрального управления, в среде наивысшей аристократии и в окружении императора. Каждый шаг правительства сразу же становился известен заговорщикам. Так, из донесения следственной комиссии мы видим, что прокурор сената Краснокутский прибежал 26/14 декабря 1825 года к Рылееву с целью предупредить его, что сенаторы решили собраться 14-го в 7 часов утра для принесения присяги Николаю. Начальник канцелярии князя Голицына в Москве, Семенов, был членом общества, а другой его член, Якубович, был другом графа Милорадовича, петербургского генерал-губернатора.

Накануне 26 декабря заговорщиков ежедневно предупреждали о мероприятиях императорской фамилии. Юный князь Одоевский, кавалергардский офицер, держал их в курсе всего, что делалось и даже говорилось во дворце.

Влияние заговорщиков на общественное мнение было весьма значительно. Люди образованные, энергичные и чистые – а это довольно редкое явление в России – они главенствовали над частью аристократии и, благодаря находившейся в их руках литературе, – надо всем молодым поколением. Энергичные поэмы Рылеева, рассказы Бестужева, «Полярная звезда»⁵⁴[54] – ежегодник, который они издавали вместе, «Мнемозина» – журнал Кюхельбекера и князя В. Одоевского – распространялись в университетах, лицеях и даже в военных училищах. Рылеев был, может быть, самым замечательным из членов Северного общества. Это Шиллер заговора, элемент восторженный, отроческий,

138

поэтический, элемент жирондистский в лучшем значении этого слова. Его поэма «Войнаровский» (из времен Мазепы), его народные легенды заключают в себе большие красоты. Его поэзия исполнена меланхолической покорности судьбе. То не великие надежды, а великое самопожертвование. Он идет на каторгу или на смерть; он знает это, но спрашивает: «Где вы видели, чтобы без жертв была искуплена свобода?» – «Я знаю, – говорит казак Наливайко священнику, который его исповедует, – я знаю, что ждет меня, но радостно свой жребий я благословляю!» В этом весь Рылеев. Хотя диктатором был избран князь Трубецкой – истинным вождем общества к концу 1825 года стал Рылеев.

Пестелю удалось убедить Северное общество, что нельзя более терять времени, и оно уже готово было последовать за Южным обществом, когда одно за другим грянули, подобно

ударам грома, следующие известия: Александр умер. – На Южное общество поступил донос. – Константин отказывается от короны. – Николай ее не принимает.

Чтобы дать вам представление об этом периоде анархии во дворце, о приступе безумия, овладевшем правительством в течение первых дней, последовавших за смертью императора Александра I, переведем несколько строк из письма, с которым мы обратились к Александру II по поводу выхода в свет книги г. Корфа:

«Это был припадок безумия, время сумасшествия, овладевшего правительством. Корф говорит об этом подробно, накладывая характерную печать на это событие.

Рассматривая его обыкновенным взглядом и изучая его самым тщательным образом, в нем совершенно ничего не понимаешь...

Что означает эта глубокая тайна со стороны императора Александра I, который, совершив акт такой важности для общества, как замена старшего брата меньшим в престолонаследии, никому не говорит об этом, кроме двух или трех друзей, и не знакомит с ним ни Государственный совет, ни министров, ни людей, окружавших его смертный одр в Таганроге? – Что означает этот длинный ряд семейных учтивостей между Константином и Николаем: «Сделайте одолжение, вы вперед». – «Нет-с, помилуйте, за вами».

139

Императрица Мария в отчаянье проливает слезы; великий князь Михаил скачет во весь дух из Петербурга в Варшаву; скачет назад во весь дух из Варшавы в Петербург; Николай присягает на верность Константину; Константин клянется в верности Николаю; все громко зовут цесаревича в Петербург, а цесаревич не трогается из своего дворца в Лазенках. Первый пришедший в себя был опять-таки Михаил, который, остановившись на станции между Петербургом и Варшавой, спокойно оставался там, пока двое старших доиграют свою комедию.

Эта деспотическая манера делать распоряжения и держать их в тайне, когда дело идет о короне, не доказывает ли глубочайшее презрение к нации? Судьбы целого народа рассматриваются как простое семейное дело, и привычка обращаться со своими подданными, как с вещами, так укоренилась, что сам Александр I, несмотря на весь свой либерализм, наивно воображал, что Россия – его собственность: «После моей смерти раскроют мое завещание и увидят, кому я оставляю свое имущество».

Заговорщики, уже преданные на Юге и в Петербурге, не могли не воспользоваться этой сумятицей отречений, этой тревогой, в которой находились присягающие и неприсягающие, этим междуцарствием с двумя императорами. Не только войска потеряли при этом случае голову: московский генерал-губернатор по приказу Милорадовича идет во главе сенаторов присягать Константину. Московский митрополит, со своей стороны, не хочет принимать присяги, говоря, что все это вздор, что у него есть свой секрет – в большом Успенском соборе.

К тому же попытка восстания 14 декабря не была так безумна, как ее хотят представить. Книга Корфа это доказывает лучше, чем всякое другое объяснение. Заговорщиков постигла неудача, вот все, что можно сказать; но успех не был невозможен. Что было бы, если б заговорщики собрали солдат не утром четырнадцатого, а в полночь, и если бы всеми силами, которыми они располагали, они обложили Зимний дворец, где ни о чем не подозревали? Что было бы, если б, не строясь в каре, восставшие напали на дворцовый караул, еще шаткий и неуверенный? Много ли сил надо было иметь

140

Елизавете I при воцарении, императрице Екатерине II для того, чтобы свергнуть Петра III?

Нет правительства, в котором бы легче сменялось главное лицо, как в правительстве военного деспотизма, запрещающем народу мешаться в общественные дела, запрещающем гласность. Эта безмолвная машина, которую называют администрацией, повинуется с тем же усердием и с той же раблепной преданностью тому, кто сумеет овладеть властью».

IV

Подробности о дне 26 декабря достаточно известны. Мы скажем о них лишь несколько слов.

24 числа князь Трубецкой находился еще в нерешительности. Но Рылеев вытащил из кармана письмо, адресованное Николаю молодым офицером (ныне генерал-адъютант Ростовцев, начальник военно-учебных заведений), и, показывая это письмо присутствующим членам общества, воскликнул: «Мы погибли, вы видите это; но лучше погибнуть с оружием в руках».

Он был совершенно прав. Нравственный эффект, произведенный днем 26 декабря, был поразителен. Пушкины Исаакиевской площади разбудили целое поколение. До сих пор никто не верил в возможность политического восстания, устремляющегося, с оружием в руках, в атаку на великана императорского царизма, в самом центре Петербурга. Было хорошо известно, что время от времени во дворце убивали то Петра, то Павла, чтобы заменить их другими. Но между этими тайнами бойни и торжественным протестом против деспотизма, – протестом, провозглашенным на городской площади и скрепленным кровью и муками этих героев, не было ничего общего. Впрочем, они не слишком рассчитывали на успех, однако понимали огромное значение своего выступления. 25-го числа один совсем еще молодой человек, тоже поэт, князь Одоевский, говорил с восторгом, обнимая своих друзей: «Мы идем на смерть... но на какую славную смерть!»

Рылеев, конечно, имел полное право гордиться этим днем; поэтому он говорил, находясь перед судом: «Я мог все остановить, но я, напротив, побуждал к действию. Я главный

виновник событий 26 декабря. Если кто заслужил смерть за этот день – то это я». Этот величественный ответ был принят Следственной комиссией как сознание в собственной вине.

Ранним утром, 26-го, был отдан приказ подготовить войска к присяге Николаю. Часть гвардейского полка, так называемого Московского, отказалась повиниться и последовала за князем Ростовским и М. Бестужевым на Исаакиевскую площадь. Многие роты из других полков (гвардейских гренадеров, морской гвардии и пр.) присоединились к ним и также отказались принести присягу. Восставшие войска построились в каре.

После недолгих переговоров и нескольких безуспешных попыток со стороны старого митрополита Серафима, которому солдаты предложили удалиться с миром, как и со стороны бедного генерала Милорадовича, – храброго солдата и, несомненно, лучшего человека из николаевского окружения, который пал, смертельно раненный пулей в то время, как он держал речь к солдатам – император приказал атаковать кавалерией. Орлов совершил одну за другой три вылазки, последовательно отбитые с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов непоколебимой твердостью. Тогда Николай, уступая советам герцога Вюртембергского и генералов Толля и Сухозанета, приказал выдвинуть артиллерию.

Два случая, рассказанные бароном Корфом, должны быть здесь упомянуты. Когда Николай отдал приказ стрелять и Сухозанет передал его приказ офицеру, офицер повторил приказ, но выстрел не раздался. Пораженный офицер набросился на канонира с криком:

– Ты не слышал, что ли?

– Я слышал... но... ведь это наши братья!

– Да если б я тебе приказал стрелять в меня самого, посмел ли бы ты не повиноваться?

Раздался выстрел, внося смерть в ряды каре. Как жаль, что Корф ничего не добавляет о судьбе канонира. А вот второй случай. Когда восставшие солдаты увидели наведенные на них пушки, они заставили народ удалиться, говоря: «Уходите, уходите, дело становится опасным: мы не хотим, чтобы из-за нас вас убивали!»

Картечь, эта неодолимая сила, сделала всякое сопротивление невозможным. В десять часов вечера Николай был победителем,

142

и с этого часа началась для России мрачная эпоха его царствования, – царствования, которое торжественно открылось виселицами и шествует вперед, утопая в крови и слезах Польши и

Кавказа, сопровождаемое, в течение тридцати лет своего существования, единственным верным союзником Николая – холерой.

Когда Рылеев вышел со своими друзьями на площадь Пестель был уже арестован. Александр I, получив в Таганроге первые доносы, ничего не предпринял. Он был уже болен, когда другие подробности и сведения были доставлены генералом Виттом. Но генералы Дибич, немец-пруссак, и Чернышев, известный тем, что выкрал у Наполеона стратегический план, взяла на себя арест Пестеля и нескольких других вождей заговора.

Офицеры, принадлежавшие к обществу Соединенных славян, узнав эту ужасную новость, подняли несколько батальонов солдат и отправились, с оружием в руках, открывать двери тюрьмы. Они действительно взломали их, освободили обоих Муравьевых и еще нескольких человек. Но, к несчастью, Пестеля там уже не было. Тогда Сергей Муравьев и Бестужев-Рюмин стали во главе солдат и сделали отчаянную попытку. Они овладели, при помощи части Черниговского полка, городом Васильковом и отправились подымать солдат дружественных полков, но у Белой Церкви встретили дивизию генерала Гейсмара. Завязался бой. Сергей Муравьев, находившийся впереди, упал одним из первых, тяжело раненный картечью, и потерял сознание. Когда он пришел в себя, он уже был, как и его друзья, в руках правительства.

На этом кончается история заговора и начинается печальный рассказ, *carmen horrendum* следствия. Есть нечто отвратительное, отталкивающее в зловещем зрелище этого сборища стариков, поседевших в рабологии и интригах, с ожесточением нападающих на этих чистых и самоотверженных людей, чтоб угодить молодому человеку, еще более хладнокровно жестокому, чем они сами.

Чтобы не впасть в ошибку, импровизированный верховный суд приговорил к смерти всех, и сделал это совершенно незаконно, ибо смертная казнь была уничтожена в России еще во времена императрицы Елизаветы и никогда не была восстановлена.

143

Имея такой простор для оказания милосердия, Николай приговорил к смерти пятерых: Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Сергея Муравьева и Каховского⁵⁵[55]. Чтобы присоединить к смерти позор, он заменил топор веревкой. Этот тупой тиран не понял, что именно таким образом виселицу превращают в крест, пред которым склоняются целые поколения

Друзья этих людей – цвет всего, что было тогда образованного, истинно благородного в России, отправились в цепях на каторгу, в почти необитаемую часть Сибири.

Умственная температура России понизилась... и надолго.

Прежде чем закончить свой очерк, мы хотели б еще раз подытожить историческую философию этого события.

Петр I, отколов часть нации и вовлекши ее на путь европейской цивилизации, образовал, при ее помощи, государство, имеющее западные формы. Эта часть нации – *status in statu*⁵⁶[56] – дворянство было тогда в России единственной действенной силой, правящей вместе с правительством и пользующейся выгодами новой организации.

Европейская цивилизация, необходимая для преобразования старой России, пробудила в дворянском классе умственное движение, которому суждено было вскоре вступить во враждебные отношения с самодержавием. Спаянные на время войной, оба начала, после 1815 года, встретились лицом к лицу. Мы видели, с какой быстротой два

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
больших политических общества распространились на Юге и на Севере. Деятельная
Россия доказала свое политическое совершеннолетие. Выйдя из западной школы, она
носила на себе ее отпечаток, и в литературе, а еще больше в спорах общества
Пестеля с Северным обществом можно встретить все оттенки либерализма времен
Реставрации, как их формулировали Риего и Мина, карбонарии и Тугендбунд,
Бенжамен Констан и революционная традиция

144

92 года. Но два начала были очень слабо представлены в заговоре: начало русское
и начало социальное. Одно казалось забытым; другое еще не было известно.
Все заговорщики страстно желали освобождения крестьян; однако мы видим, что один
лишь Пестель хотел, чтобы революция опиралась на народ и на экономическое начало
– и вот следствие этого. В день восстания на Исаакиевской площади и внутри
второй армии заговорщикам не хватало именно народа. Их либерализм был слишком
чужеземным, чтобы сделаться народным.

Мы далеки от всякого упрека. То было логическое следствие цивилизации, ввезенной
извне для одного лишь класса, следствие отдаления, в каком цивилизованная Россия
держалась от России народной.

26 декабря 1825 года – последний результат преобразований Петра I, результат,
возбуждающий надежды и указывающий в лице Пестеля, который стоял в самом
передовом дозоре, какой путь следует от избрать.

Начиная с того дня, мы бесконечно много страдали в мрачном туннеле николаевского
царствования, но мы многому научились.

Заклученные в нашей исправительной империи, с кляпом во рту, попираемые
ботфортами неумолимого и ограниченного капрала, в железном ошейнике, избиваемые
палкой, мы имели достаточно времени для того, чтобы смотреть и думать. Великие
события неоднократно проходили перед отдушиной нашей тюрьмы. Революция 1830
года, ловко использованная герцогом Орлеанским, польское восстание, задушенное,
преданное всеми. И что еще? – Сибирь – кнут; кнут – Сибирь. – Восемнадцать лет
царства порядка. Надежды не было. Силы уходили, и седина прибавлялась. Все
покорно смирились. Вдруг... внезапное пробуждение; слышен барабанный бой перед
битвой; гальванический удар потрясает Европу. То были мгновения просвета в
безумии... верования пробуждаются; паралитики расхаживают; и мы с восторженным
сочувствием смотрим на Запад. Но гальваническое действие проходит; мускулы
разжимаются: Кавеньяк – Бонапарт. – «Венгрия у ног вашего величества». –
Непорочное зачатие доказано. –

145

Цензура. – Конкордат. – Варшавский порядок становится вселенским порядком в
Европе. Все надежды наши уничтожены!

Последние, лучшие из оставшихся, падают, истощенные этой неравной борьбой.
Сначала Белинский... затем Грановский.

Бросается теперь в глаза – и действительно это весьма замечательно – изменение
направления, которое подспудно совершалось во всех умах во время второй половины
царствования Николая. Пробудившись, мы почувствовали себя выросшими. Не без
пользы прошли мы через все несчастья у себя на родине и присутствовали при всех
несчастьях Европы.

Две мысли начинают пробиваться и завоевывают себе почву. Первая – желание
освободиться от нравственной опеки Европы, усвоить ее науку, не подражая ее
истории. Вторая – взять за основание этого нового развития народную жизнь,
разрушить стену, которая разделяет две России, и все это совершить путем
экономической революции.

LE PREMIER PAS VERS L'EMANCIPATION DES PAYSANS SERFS EN RUSSIE

Это завещание Пестеля, которое молодая Россия теперь выполняет!

Par une ordonnance en date du 2 décembre de cette année Alexandre II vient
d'autoriser les membres de la noblesse des gouvernements de Vilna, Kowno et
Grodno à élire des comités pour mettre à exécution le projet d'émancipation de
leurs paysans. En remerciant la noblesse de ces trois gouvernements de
l'empressement avec lequel elle a suivi les intentions par lui indiquées,
l'empereur ordonne au ministre de l'Intérieur de communiquer sa lettre et les
règlements qui l'accompagnent, à tous les préfets et maréchaux de la noblesse
russe, – «afin que si les nobles de quelque autre province avaient les mêmes
intentions, ils pussent s'y conformer».

Il y a près de dix ans que nous avons commencé diverses publications sur la
Russie, et nous n'avons jamais cessé de répéter ces trois choses: 1°. Que le
despotisme rétrograde, tel qu'il existait sous Nicolas, n'est ni aussi stable ni
aussi puissant qu'on se l'imagine, qu'il a fait son temps et qu'il ne se
soutenait en dernier lieu que par la force matérielle et la réaction européenne.
2°. Que la Russie entre dans une nouvelle phase historique, qui n'aura ni le
caractère agressif de la période de Pierre I, ni le caractère

contre-révolutionnaire qui a signalé le triste règne de Nicolas; que le grand problème dont la solution s'impose à la Russie c'est le développement des éléments nationaux par l'assimilation organique de la science sociale élaborée par l'Occident. 3°. Que le commencement officiel, inévitable, nécessaire de la nouvelle période – doit être l'affranchissement des paysans serfs, avec la concession de la terre qu'ils cultivent – non aux individus mais aux communes.

147

En 1850, – lorsqu'on ne croyait pas à la durée de la réaction en Europe – on se moquait un peu de ces thèses. Du temps de la guerre que Bonaparte faisait avec l'Angleterre – pour la liberté et la civilisation – on nous jetait la boue. Peut-être maintenant – tandis que l'Angleterre continue l'affranchissement de l'Inde et que Napoléon «couronne tranquillement son œuvre par la liberté», tandis que l'Allemagne catholique jouit sans restriction du concordat et l'Allemagne protestante du droit au silence – on peut hasarder quelques mots. Le lendemain même de la mort de Nicolas la débâcle a commencé. Le gouvernement s'est vu – nolens, volens – entraîné par le torrent. La littérature – la première à se réveiller – a vigoureusement commencé la grande instruction du procès de l'administration vénale et corrompue. Tout le monde s'est mis à parler de réformes. Le mécontentement, du reste, était général. L'incapacité gouvernementale de Nicolas, la stérilité de ses fatigues, l'inutilité de ses cruautés avaient été trop évidentes pendant la guerre de Crimée: l'opinion publique a prononcé un verdict unanime sur la tombe du sergent couronné. Pourtant dans la variété des projets et des aspirations, deux idées se détachaient, dominant tout le mouvement, – l'idée de la Publicité, celle de l'Émancipation des paysans.

On parlait des bonnes velléités du nouveau tzar. Il y avait en effet une amélioration négative; on ne persécutait plus pour un article de journal, pour une parole hardie, – mais il n'y avait encore aucun fait positif, franc, sur lequel on pût s'appuyer et baser quelque chose de plus qu'une vague espérance. Aujourd'hui ce pas est fait: c'est la circulaire du 2 décembre. Cette journée néfaste dans les annales européennes aura un autre sens dans les souvenirs du peuple russe.

Car, il ne faut pas s'y tromper, ce n'est ni de l'émancipation des paysans des trois provinces occidentales, ni du mode de cette émancipation spéciale qu'il s'agit, – c'est de l'émancipation générale. La circulaire du ministre n'est pas un conseil seulement ou une allusion à la volonté du maître; c'est bien plus: c'est un avertissement que le temps presse et que toute la responsabilité du délai et des malheurs qui pourraient suivre retombera sur la noblesse. L'empereur se prononce, évidemment pour l'émancipation;

148

il remercie la noblesse des trois gouvernements d'avoir bien compris ses intentions; il ordonne au ministre de communiquer la «noble résolution» de ce corps aux autres. – Est-ce clair?

Or, a-t-on jamais pensé en Europe à ce que c'est que l'émancipation des paysans en Russie? – C'est la déclaration de majorité sociale de 22 millions d'individus qui étaient hors la loi; c'est le changement le plus complet de l'existence de – je répète le chiffre – 22000000 de personnes⁵⁷[57].

Les hommes jusqu'à ce jour appartenant à la terre qu'ils cultivent. Pour ne pas avoir de prolétariat des champs, on rattacha de plus en plus, depuis le commencement du XVIIIe siècle, les hommes à la terre; on en fait des usufruitiers-galériens et cela – par droit de naissance, c'est-à-dire involontairement, fatalement. Maintenant, – et c'est là ce qui est grave – en détachant l'homme de la terre, en lui rendant la locomotion, l'émancipation ne détache pas du tout la terre de l'homme: l'usufruitier-galérien ne devient pas prolétaire indépendant; il devient, s'il le veut, co-propriétaire, par l'intermédiaire de la commune. Le prolétariat est optatif pour le paysan. La commune ne perd point le droit à l'usufruit de la terre qu'elle cultivait; elle ne peut donc évidemment refuser à un sien membre son lot de terre. Jusqu'à présent le membre de la commune ne pouvait non plus refuser le travail et toutes les charges et servitudes qui pesaient sur la commune, en outre il n'avait pas le droit de la quitter – il l'aura maintenant; et même dans ce dernier cas l'usufruit de la terre restera à la commune, et ne retournera pas au seigneur. Laisser la terre à la commune, en donnant à l'individu le droit de l'abandonner, à ses risques et périls, et en laissant à la commune le droit d'adoption – tel est le principe fondamental, le seul national sur lequel on puisse baser l'émancipation en Russie.

149

Ce principe est reconnu, quoique d'une manière très embrouillée par l'ordonnance

du 2 décembre. Après avoir fait une distinction scolastique, – en disant que la terre appartient au seigneur, et l'usufruit à la commune – l'ordonnance oblige le seigneur à céder aux paysans l'usufruit de la terre cultivée par la commune, moyennant une rente fixée avec le consentement du gouvernement. En outre, il est dit que l'usufruit de la maison, la cour, le jardin potager appartiennent à la famille considérée individuellement.

Nous voyons là une reconnaissance gauchement exprimée du principe. Au reste l'ordonnance du 2 décembre n'est pas du tout une norme, par cette raison toute simple qu'elle ne s'adresse qu'à trois provinces polonaises, où les conditions de la vie agricole ont subi de profonds changements. L'ordonnance – en disant «là où la commune existe» – nous montre que dans ces contrées il y a des propriétés seigneuriales où la commune est détruite.

En général les dispositions réglementaires ont été faites à la hâte et n'ont pas grande portée. La seule bonne chose c'est que le gouvernement a limité le temps des arrangements à 6 mois, après quoi il interviendra. La composition des comités eux-mêmes est très vicieuse.

Le paysan sera représenté par des employés de l'Etat, tandis que la noblesse sera représentée par ses députés élus. Mais a-t-on oublié que tous les employés sont nobles ou anoblis?

Nous répétons donc que pour le moment la grande affaire n'est pas dans les détails qui peuvent et doivent varier; elle n'est pas dans le bégayement timide et peu franc du gouvernement; elle est dans l'aveu, dans l'initiative; – elle est dans la parole prononcée.

Oui, c'est le commencement du remords, le commencement de la réhabilitation de la Russie opprimée; c'est l'aube d'une journée où un grand lit de justice sera tenu; c'est l'entrée de la Russie dans sa nouvelle phase, phase que nous avons prédite depuis notre jeunesse.

L'homme des champs, trahi, vendu, trompé, lutta un siècle entier – le XVIIe – versa sa sueur, versa son sang, et tomba enfin, meurtri et garrotté, au pouvoir d'une soldatesque féroce, d'une bureaucratie ignoble, qui travaillaient – avec l'empereur –

150

pour le compte de la noblesse. Cette lutte tragique est passée inaperçue, non comprise par l'Occident, calomniée à l'intérieur. On a jusqu'à présent représenté un Sténko Rasine, un Pougatcheff, comme des brigands de grande route⁵⁸[58].

Enfin il était anéanti – cet Abel des champs. Le régime impérial n'avait pour lui que des coups. Pour les autres, au milieu d'un despotisme effréné, insolent, brutal, il y avait une civilisation empruntée, le pouvoir, la gloire, des titres, des richesses. Pour le paysan, rien de tout cela: un travail ingrat, la misère, la honte, les verges. La seule participation à l'histoire qu'on lui concédât, c'était le sang qu'il était forcé de verser dans tous les carnages qu'inventaient la soif des conquêtes et l'ambition des gouvernants.

Chose étrange! les grands acteurs de ce drame historique, qui se déroulait à Pétersbourg, avaient quelquefois leur poésie, leur largeur d'idées, des vues non seulement politiques, mais humaines; tout cela dans le cercle restreint de la noblesse. Pour le

151

paysan ces grands acteurs ne furent que des tyrans féroces, sans entrailles: tels furent non seulement Pierre I, mais Catherine II.

Une lueur pâle, incertaine, quelque chose comme un remords, se fit voir chez Alexandre I; mais il n'en fit rien; et le milicien, le paysan qui prit les armes en 1812, après la lutte héroïque avec l'étranger, retourna, avec ses cicatrices, à l'ignoble chaîne du servage.

On veut nous faire accroire maintenant que Nicolas avait l'intention d'émanciper les paysans. Allons donc! Nicolas et l'émancipation ne vont pas ensemble.

L'ordonnance du 2 décembre 1857 est, depuis le 26 décembre 1825, le fait le plus grave de l'histoire russe.

– Mais attendons l'accomplissement de l'œuvre et n'anticipons pas sur sa marche!

Iscander,

rédacteur de l'Etoile Polaire.

26 décembre 1857.

P. S. Il pourra paraître étrange que le Times compte dans son article 1200000 des serfs, et que nous en comptions 2200000. Le fait est que le Times, ainsi que le gouvernement, compte seulement les hommes. Lorsqu'on dit, en Russie: «Cette commune a deux cents âmes», cela veut dire 200 mâles inscrits sur ses registres.

152

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
ПЕРЕВОД

ПЕРВЫЙ ШАГ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Рескриптом, датированным 2 декабря сего года, Александр II недавно уполномочил представителей дворянства Виленской, Ковенской и Гродненской губерний избрать комитеты для приведения в исполнение проекта освобождения их крестьян. Выражая благодарность дворянству этих трех губерний за ревностное выполнение тех пожеланий, которые он ему высказал, император приказывает министру внутренних дел ознакомиться с его письмом и уставом, к нему приложенным, всех губернаторов и предводителей русского дворянства, «чтобы в случае, если дворяне какой-либо другой губернии возымели подобные же намерения, они могли бы с ними сообразоваться».

Прошло уже около десяти лет с тех пор, как мы начали издавать различные сочинения о России, и мы никогда не переставали повторять следующие три положения: 1-е. Что ретроградный деспотизм, каким он был при Николае, не так устойчив и не так могущественен, как это воображают; что он отжил свое время и удерживается еще только с помощью грубой силы и европейской реакции. 2-е. Что Россия вступает в новую историческую фазу, которая не будет иметь ни наступательного характера эпохи Петра I, ни контрреволюционного характера, отметившего печальное царствование Николая; что великая задача, разрешение которой ложится на Россию, заключается в развитии народных элементов путем органического освоения науки об обществе, выработанной Западом. 3-е. Что официальным, неотвратимым, необходимым началом нового периода должно явиться освобождение крепостных крестьян с предоставлением

153

земли, которую они обрабатывают, – не отдельным лицам, а общинам.

В 1850 году, когда не верили в продолжительность европейской реакции, над этими положениями немного подтрунивали. Со времени войны Бонапарта с Англией – за свободу и цивилизацию – в нас бросали грязью. Быть может, теперь, когда Англия продолжает освобождать Индию, а Наполеон «спокойно увенчивает свой труд свободой», когда католическая Германия безгранично наслаждается конкордатом, а Германия протестантская – правом на молчание, – можно решиться высказать несколько слов.

Лед был сломан на следующий же день после смерти Николая. Правительство почувствовало себя – *polens, volens* – увлеченным течением. Литература – пробудившаяся первой – энергично начала обширное следствие по делу продажной и развращенной администрации. Все принялись говорить о реформах. Недовольство, впрочем, было всеобщим. Неспособность Николая к управлению, бесплодность его предприятий, бесцельность его жестокости – стали слишком очевидными во время Крымской войны: общественное мнение произнесло единодушный приговор на могиле коронованного сержанта.

Однако среди всего разнообразия проектов и стремлений выделяются две идеи, господствующие надо всем движением, – идея гласности и идея освобождения крестьян.

Говорили о добрых намерениях нового царя. И действительно, почувствовалось некоторое негативное улучшение; больше уже не подвергали преследованиям за газетную статью, за

смелое слово, – но не проявилось еще ни одного положительного, открытого факта, на который можно было бы опереться и основать что-нибудь большее, чем смутную надежду.

Сегодня шаг этот сделан: это циркуляр от 2 декабря. Этот роковой для европейских летописей день получит другой смысл в памяти русского народа.

Ибо – и в этом не должно заблуждаться – речь идет не об освобождении крестьян одних лишь трех западных губерний, не о способе этого частного освобождения – речь идет об общем освобождении. Циркуляр министра – не просто совет или намек на волю царя; это нечто большее: это предупреждение

154

о том, что время не терпит и что вся ответственность за промедление и за несчастья, которые могут произойти, падет на дворянство. Император ясно высказался за освобождение; он благодарит дворянство трех губерний за то, что оно хорошо поняло его намерения; он приказывает министру сообщить о «благородном решении» этого сословия дворянству других губерний. – Разве это не ясно? Итак, задумывались ли когда-либо в Европе над тем, что такое освобождение крестьян в России? – Это признание социального совершеннолетия 22 миллионов человек, находившихся вне закона; это полнейшее изменение жизни – повторяю цифру – 22000000 человек⁵⁹[59].

Люди до сего времени принадлежали земле, которую обрабатывали. Чтоб избежать появления сельского пролетариата с начала XVII века людей все более и более прикрепляли к земле; их превращают в арендаторов-каторжников, и все это по

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
причине их происхождения, т. е. произвольно, по воле судьбы. Теперь – и это особенно важно, – отрывая человека от земли, возвращая ему свободу передвижения, освобождение крестьян совсем не отрывает землю от человека: арендатор-каторжник не становится независимым пролетарием; он становится, если хочет, совладельцем, при посредничестве общины. Быть ли пролетарием – зависит от доброй воли крестьянина. Община не теряет права на доход от земли, обрабатываемой ею; она не может, следовательно, отнять у своего члена его земельный надел. До сих пор член общины не мог отказаться от работы и выполнения всех повинностей и сервитутов, которые лежали на общине, и, кроме того, не имел права из нее выйти, – теперь он будет иметь на это право; и даже в этом последнем случае право пользования землей останется за общиной и не возвратится к помещику.

Предоставить землю общине, давая каждому право покинуть ее, за свой страх и риск, и оставить за общиной право приема новых членов, – таков основной, единственный национальный принцип, на котором можно базировать освобождение крестьян в России. Этот принцип признается, хотя весьма путано, в рескрипте от 2 декабря. Сделав схоластическое разграничение, утверждая, что земля принадлежит помещику, а право пользования ею – общине, рескрипт обязывает помещика предоставить крестьянам право пользования землей, обрабатываемой общиной, за определенный выкуп, утвержденный правительством. Кроме того, там говорится, что право пользования домом, двором, огородом принадлежит семье, рассматриваемой самостоятельно.

Мы видим в этом неуклюже выраженное признание упомянутого принципа. Впрочем, рескрипт от 2 декабря совсем не является нормой по той простой причине, что он обращен всего лишь к трем польским губерниям, где условия сельской жизни претерпели глубокие изменения. Говоря: «Там, где община существует», рескрипт разъясняет нам, что в этих краях существуют помещичьи имения, где община уничтожена.

Вообще же отдельные статьи устава были составлены наскоро и большого значения не имеют. Хорошо там только то, что правительство ограничило срок переустройства, предписанный уставом, шестью месяцами, после чего оно будет распоряжаться само. Состав же комитетов весьма неудачен.

Крестьянин будет представлен государственными чиновниками, в то время как государство будет представлено выборными депутатами. Но разве забыли, что все чиновники – либо дворяне, либо стали дворянами?

Итак, мы повторяем, что в настоящий момент главное не в подробностях, которые могут и должны меняться; главное не в робком и не совсем искреннем бормотании правительства, – оно в признании, в инициативе; оно в слове, которое произнесено.

Да, это начало пробуждения мук совести, начало восстановления в правах угнетенной России; это заря того дня, когда совершится полное правосудие; это вступление России в ее новую фазу – фазу, которую мы предсказывали со времен нашей юности.

156

Земледелец, преданный, проданный, обманутый боролся целое столетие – XVIII-е, – проливал пот, проливал кровь и попал, наконец, истерзанный и связанный, во власть свирепой солдатчины, гнусной бюрократии, которые действовали – вместе с императором – в интересах дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной, непонятой на Западе, оклеветанная внутри страны. До сих пор таких людей, как Стенька Разин, как Пугачев, изображают разбойниками большой дороги⁶⁰[60].

В конце концов он был уничтожен – этот сельский Амель. От императорского режима он получал только удары. Для других, при всем безумном, наглом, грубом деспотизме, существовала заимствованная цивилизация, власть, слава, титулы, богатства. Для крестьянина же – ничего: только неблагодарный труд, нужда, позор, розги. В истории ему предоставлялось лишь право принимать участие своею кровью, которую его вынуждали проливать во всех побоищах, изобретавшихся жаждой побед и честолюбием правителей.

157

Странное дело! У великих актеров этой исторической драмы, развертывавшейся в Петербурге, бывала иногда своя поэзия, своя широта замыслов, виды не только политические, но и гуманные; все это в узком кругу дворянства. Для крестьянина же эти великие актеры были лишь свирепыми, бездушными тиранами: и не только Петр I, но и Екатерина II.

Бледное, неверное мерцание, нечто вроде угрызений совести можно было видеть у Александра I, но он ничего не сделал; и ополченец, крестьянин, взявшийся за оружие в 1812 году, после героической борьбы с чужеземцем возвратился, покрытый шрамами, к отвратительной цепи крепостного права.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Нас хотят теперь уверить, что Николай имел намерение освободить крестьян.
Полноте! Николай и освобождение не могут находиться рядом.
Рескрипт от 2 декабря 1857 года является самым важным событием русской истории с
26 декабря 1825 года.

Но подождем же выполнения этого дела и не будем упреждать заранее его ход!

Искандер,
редактор «Полярной звезды».
26 декабря 1857 г.

P. S. Может показаться странным, что «Times» насчитывает в своей статье 12000000 крепостных, а мы насчитываем их 22000000. Дело в том, что «Times», так же как правительство, принимает в расчет только мужчин. Когда в России говорят: «В этой общине двести душ», это означает двести лиц мужского пола, внесенных в ее списки.

ÜBER DEN ROMAN AUS DEM VOLKSLEBEN IN RUSSLAND
(BRIEF AN DIE ÜBERSETZERIN DER «FISCHER»)

Ich höre, daß Sie die Übersetzung eines russischen Romans von Grigorowitsch: «Die Fischer», vollendet haben. Sie haben da eine schwere Arbeit gehabt. Das große Talent von Grigorowitsch besteht nicht bloß in der getreuen und poetischen Wiedergabe des Lebens, sondern auch der Sprache der Bauern. – Die tägliche Sprache eines Volks ist nichts weniger als international.

Dennoch haben Sie wohlgetan, einen Roman aus dem Volksleben zu wählen. Derselbe hat in der letzteren Zeit eine gewisse Bedeutung in der russischen Literatur erlangt. Und, was sehr bemerkenswert ist, das ist, daß dieser Roman – nicht etwa Schäferroman oder Idylle, sondern sehr realistisch, mit einem patriarchalen Charakter und voller Sympathie für den Bauern – unmittelbar auf den Roman der Ironie, der Verneinung, des Protestes, ja vielleicht des Hasses folgt. Das scheint mir ein Symptom von einer großen Veränderung in der Richtung der Geister zu sein.

Sie wissen, daß in Rußland im Allgemeinen der Roman, die Komödie und selbst die Fabel, seit dem Anfang der europäisier-ten Literatur bei uns, also seit der Mitte des achtzehnten Jahrhunderts, den entschiedensten Charakter bitterer Ironie und spottender Kritik trugen, der nur durch die Zensur begrenzt wurde. Da war nichts Höfliches, nichts Gemütliches; wir haben niemals eine sentimentale Periode gehabt, ausgenommen der Zeit der Jugend von Karamsin, wo man die Romane a la Lafontaine übersetzte und nachahmte. Nichts, was einen antinationalen aufgedrungenen Charakter trug, hat seine Zeit überlebt, während

159

die Komödien von von Wiesen, in einer viel früheren Zeit geschrieben, in der Erinnerung bleiben als Wahrheiten, als Zeugnisse für das Wesen ihrer Epoche. Die russische Literatur, d. h. die moderne Laien-Literatur, hat sich in der Minorität des Adels entwickelt, welche durch die Revolution Peter's des Ersten vom Volke getrennt wurde. Die Existenz dieser Klasse des Volks war sonderbar, eine Existenz von Fremdlingen inmitten einer Nation derselben Rasse. Anstatt des Vaterlandes hatte man den Staat; für seine Kraft, für seinen Ruhm arbeitete man, indem man die natürliche Basis, auf welcher das Gebäude ruht, in den Staub trat. Natürlich herrschte eine historische Notwendigkeit vor, die diesen Zustand schuf, es war sogar ein relativer Fortschritt; aber davon ist jetzt nicht die Rede. Ich möchte ihre Aufmerksamkeit auf die Verwirrung lenken, die notwendig daraus in allen gesellschaftlichen Verhältnissen folgen, auf die traurigen und komischen Kollisionen, welche jeden Augenblick dadurch hervorgerufen werden mußten. Patriarchalismus und Bürokratie, Bysantinismus und Germanismus, barbarische, mongolische Kasernen-Brutalität und die Philosophie des achtzehnten Jahrhunderts, ein gigantisches Reich, in dem keine Persönlichkeit war außer dem Kaiser; zwischen der zivilisierten Klasse und dem Volke: vollkommener Bruch, andere Kleidung, andere Sprache, andere Ideen, kurz zwei verschiedene Rußlands (das übrige: einförmige Massen, Konglomerate von Individuen, diszipliniert unter dem Namen von Regimentern), die Gemeinde und der Adel, welche sich länger als ein Jahrhundert gegenüber standen, ohne sich zu verstehen. Das eine Rußland: veifeinert, höfisch, militärisch, nach der Mitte zustrebend, umgibt den Thron, indem es das Andere verachtet und ausbeutet. Dieses Andere: ackerbauend, zerstreut, dörflich, bäuerlich, steht außerhalb des Gesetzes.

Zwischen diesen Beiden bildet sich bald ein Zusammenhang oder vielmehr eine Vermittlung, durch den Staatsbeamten, der weniger roh, aber mehr Dieb ist als der Gutsbesitzer; der abscheulichste Typus, den man sich denken kann. Dieser Adel der Tinte entstieg immer den tiefsten Schichten der Gesellschaft und vermischte sich mit dem Adel des Bluts, aber er kehrte niemals zum Volke zurück.

160

Die gebildete Minorität, fortgerissen von dem Strome, in den Peter I die Geister

geworfen hatte, folgte während einiger fünfzig Jahre dem kaiserlichen Siegeswagen, indem sie die Fanfare und Panegyriken dazu lieferte. Das konnte aber nicht lange dauern. Die ersten ernsten und unabhängigen Geister begriffen die Anomalie dieses Zustandes, der ganz provisorisch war und, den schreienden Mißklängen, der Willkür, der Abgeschmacktheit zur Rechten und Linken gegenüber ohne andere Waffen als die Satire, fingen sie eine Opposition der Ironie, eine wahre Geißelung der Gesellschaft, voller Bitterkeit, ohne Schonung, ohne sentimentale Ausflüchte, ohne Vermittlung und Auflösung durch Rosenwasser, an. Eine der Eigenschaften des russischen Genius, welche ihn selbst von der anderen Slawen unterscheidet, ist die Fähigkeit, von Zeit zu Zeit auf sich selbst zurückzugehen, die eigne Vergangenheit zu verneinen, sie mit tiefer, aufrichtiger, unerbittlicher Ironie zu betrachten und den Mut zu haben, dies einzugestehen, ohne entweder den Egoismus eines verhärteten Bösewichts oder die Heuchelei, die sich anklagt, um von den Andern freigesprochen zu werden. Um noch klarer zu machen, was ich meine, bemerke ich, daß wir dieses selbe Talent der Aufrichtigkeit und Verneinung bei einigen großen englischen Schriftstellern finden von Shakespeare und Byron an bis auf Dickens und Thackeray. Die Franzosen, immer mit sich selbst zufrieden und voll Bewunderung für ihr großes Vaterland, kennen diese Saite wenig. Wenn wir einige Fragmente von Diderot, einige Verse von Barbier ausnehmen, so haben wir in der französischen Literatur, nach Montaigne, beinahe nichts, was als Beweis vom Gegenteil dienen könnte. Denn der einzige Mann des Genies und der Initiative unter den Franzosen, Proudhon, hat sehr viel von seiner Popularität verloren wegen seiner Sprache voller Kühnheit der Ironie und des tiefsten Skeptizismus. Die Deutschen hingegen verneinen viel zu leicht, es kostet sie gar nichts, denn sie tun es nur in den abstrakten Sphären, sub specie aeternitatis.

Der Bruch zwischen der russischen Literatur und dem sie umgebenden Leben war jedoch nicht gleich vom ersten Augenblick an so völlig und so giftig. Bis zum Regierungsantritt von Nikolaus war in der literarischen Opposition noch etwas Nachgebendes,

Versöhnendes, das Lachen war noch nicht völlig bitter. Wir finden das in den bewunderungswerten Fabeln von Kryloff (deren oppositionelle Tragweite nie recht begriffen worden ist) und in der berühmten Komödie von Gribojedoff «Das Unglück, Verstand zu haben». Aber als nach dem revolutionären Versuch von 1825 das nebelige, bedrückende System von Nikolaus sich auf jede geistige Bewegung schwer auflegte, mischte sich eine schweigende konzentrierte Verzweiflung mit dem Lachen und ein noch ganz anderer Schmerz wurde zwischen den Beschneidungen der Zensur fühlbar. Vergleichen Sie z. B. die Töne der Trauer in der Poesie von Puschkina mit denjenigen, welche in den Versen von Lermontoff durchdringen; in den ersten ist ein Unwille voller Kraft, in den zweiten der hoffnungslose Skeptizismus einer gebrochenen Seele.

Die Literatur dieser Epoche fängt mit einem Prolog an, der, wie die Inschrift der «Citta dolente», selbst die Zukunft abschneidet und jede Hoffnung tötet. Ich meine den berühmten Brief Tschaadajeffs⁶¹[61], der, obgleich verkannt, doch ganz Rußland im Jahre 1835 erschütterte. Man suchte sich zurechtzufinden, man tappte hierhin und dorthin, man probierte den historischen und den Sittenroman, man verfertigte ein wenig Walter Scott und ein wenig l'hermite de la chaussée d'Antin – Alles das schlug nicht wurzel und hatte nur einen vorübergehenden Erfolg. Dennoch fingen nach und nach in dieser Unbestimmtheit der Nachahmungen, der Versuche, des Hin- und Herfeuerns, zwei Richtungen an, sich bestimmter hervorzuheben.

Von der einen Seite war es der Schrei des Schmerzens und Protestes eines jungen Mannes voll glühender Wünsche, der die Kraft in seinen Muskeln fühlt, der Durst hat nach Tätigkeit und sich in einem Abgrund ohne Ausweg gefangen sieht ohne die Möglichkeit, sich zu bewegen. Daher kommt es, daß der nämliche Typus sich in allen Gedichten, Novellen und Romanen wiederholt, der Typus eines jungen Mannes voll edler Bestrebungen, aber gebrochen, der sich irgendwohin flüchtet, um sich zu verlieren, um hinzusterben wie ein überflüssiges, unnützes, über-zähliges Wesen. Onegin, Wladimir Lenski von Puschkina,

162

Petschorin von Lermontoff und die Helden der früheren Novellen von Turgenieff – es ist immer dieselbe Person. Es zeigt einen großen Mangel an Verständnis und Gefühl, hierin nur eine Nachahmung von Byron, eine idealistische Träumerei zu sehen – es ist dies vielmehr der Abglanz der Regierung von Nikolaus, das Erzeugnis seines Einflusses. Die junge Seele einer verfolgten, gedemütigten, mißhandelten Generation floh voll Verachtung aus der Wirklichkeit und suchte ihr Ideal in der Ferne. Es war das Bewußtsein, daß in unseren Herzen das Streben nach einer anderen

Existenz, als der eines stummen Kopisten, eines Soldaten ohne Stimme, eines Beamten, der stiehlt und eines Gutsherrn, der plündert – wohnte. Dieses ideale Wesen, dieser Mensch, der «ein Fremdling unter den Seinen» war, wandte sich fortwährend nach westen, und das war ganz natürlich. Das Vaterland seiner Zivilisation, seines Gedankens, war außerhalb Rußlands. Neben Nikolaus, der offen bekannte, daß er nicht wüßte, was anzufangen mit der Zivilisation, dem alles Menschliche fremd war, mußte uns das ferne revolutionäre Europa, mit dem Firniß von 1830, wie das gelobte Land erscheinen.

Lassen wir indeß die Idealisten und die Humanitätsträumer. Der Roman und die Novelle stürzten sich mit Leidenschaft auf einen viel irdischeren und ganz nationalen Gegenstand: den Vampyr der russischen Gesellschaft, den Staatsbeamten. Sein Gebieter überließ ihn feige der Literatur, vorausgesetzt, daß diese nur die Subalternen angriff. Diese neue Richtung hatte sogleich einen außerordentlichen Erfolg. Einer der ersten unerschrockenen Jäger, welcher, weder das Ungeziefer, noch die Ansleckung fürchtend, anfang sein wild mit zugespitzter Feder bis in die Kanzleien und die wirtshäuser, unter die Popen und unter die Polizeisoldaten, zu verfolgen, war der Kossack Luganski (Pseudonym von Herrn Dahl). Klein-Russe von Geburt, hatte er wenig Neigung für den Beamten, und begab mit einem außerordentlichen Talent der Beobachtung, kannte er sein Terrain vortrefflich und noch vortrefflicher das Volk. Auch hatte er alle Gelegenheit gehabt dies kennen zu lernen. Er durchreiste Rußland als Arzt, diente dann in Orenburg am Ural, arbeitete längere Zeit im Ministerium des Innern, sah Alles, beobachtete Alles und erzählte es mit einer

163

Malice und Originalität wieder, die zuweilen außerordentlich komisch sind. Bald nach ihm erschien N. Gogol, der seine Richtung und sogar seine Manier einer ganzen Generation aufgedrückt hat. Für einen Ausländer ist es schwer, die ungeheure Wirkung zu begreifen, welche die Aufführung des «Revisors» auf dem Theater bei uns hatte, dieses Stücks, das in Paris ein völliges Fiasko gemacht hat. Bei uns protestierte das Publikum durch sein Lachen und seinen Beifall gegen eine stupide und quälerische Administration, gegen eine räuberische Polizei und gegen das allgemeine «Malgoverno». Das große Gedicht in Prosa: «Die toten Seelen» von Gogol, machte in Rußland ein Aufsehen, dem ähnlich, welches durch «Die Hochzeit des Figaro» in Frankreich hervorgerufen wurde. Man könnte toll werden, wenn man diese Menagerie von Adligen und Beamten betrachtet, die in der tiefsten Finsterniß umhertappen und «tote Bauernseelen» kaufen und verkaufen.

Und doch fühlt man auch bei Gogol zuweilen eine andere Saite erklingen; es sind wie zwei Strömungen in seiner Seele. Sobald er sich in die Gemächer der Chefs der Departements, der Gouverneur, der Gutsbesitzer versteigt, sobald seine Helden zum wenigsten den St. Annenorden und den Assessorsrang im Kollegium haben, so ist er melancholisch, unerbittlich, mit einer Ader voll Sarkasmen, die zuweilen bis zu Krämpfen lachen machen, zuweilen eine Verachtung hervorrufen, die an Haß grenzt.

Wenn er aber, im Gegenteil sich mit den Fuhrleuten aus Klein-Rußland gemein macht, wenn er sich zu den Kossacken der Ukraine versetzt oder zu den Bauern, die mit Lärm um ein Wirtshaus tanzen, wenn er uns einen armen alten Schreiber malt, der aus Kummer stirbt, weil man ihm seinen Mantel gestohlen hat – dann ist er ein ganz anderer Mensch; mit demselben Talent, wie vorher, ist er zärtlich, liebevoll, menschlich, seine Ironie verwundet nicht mehr, vergiftet nicht mehr; es ist eine bewegliche und poetische Seele, welche überfließt und bleibt sich darin treu, wenn er nicht zufällig auf dem Wege einen Polizeikommissar findet, einen ersten Schiedsrichter, dessen Frau oder Tochter – dann ist alles vorbei, er reißt ihnen die menschliche Larve ab und verhängt über sie die Tortur der öffentlichen Schaustellung, mit einem tollen und bitteren Lachen.

164

Während die ganze gebildete Minorität wütete, indem sie sich in den Zügen eines «Chlestakoff» und «Nosdreff» wiedererkannte und mehr und mehr die Mitte, in die sie hineingeworfen war, verabscheute, hörte man von ferne, von unten herauf eine andere Stimme, wie eine Stimme des Trostes; einfache, manchmal klagende Töne aber ohne die geringste Ironie, Töne voll naiver Frühlingsfrische. Sie waren wie das grüne Gras, das unter dem Schnee hervorsproßt, wenn ihn die Frühlingssonne auftaut.

Diese Töne waren nicht etwa verfälscht, sie waren kein Maskeradenanzug einer aristokratischen Muse, die sich aus Coquetterie als Bäuerin anzieht, es waren geradezu die Lieder eines jungen, einfachen Viehtreibers aus Voronej, der, zu Pferd die Steppen mit seinen Heerden durchziehend, vor Traurigkeit und Langerweile das Leben des Volkes und seine eignen Leiden sang. Er wurde von

einem harten Vater, von einer groben Familie mißhandelt und liebte zärtlich eine arme Arbeiterin, welche die wirtschafft in ihrem Hause führte und seinetwegen weggeschickt wurde.

Es war eine andere welt, die sich in den Gesängen Kolzoff's auftrat, traurig, unglücklich, aber nicht im mindesten lächerlich, vielmehr unbeschreiblich rührend in ihrer naiven, natürlichen Einfachheit, in ihrem resignierten Elend. Es war das vergessene Rußland, das Rußland der Armen, der Bauern, welches sich hier auch einmal vernehmen ließ, das Rußland, welches zu Zeiten der Ironie Gogol's Einhalt tat und ihn aus einem Henker zum fröhlich teilnehmenden Gaste machte. Die Zeit war also gekommen, wo das Aschenbrödel in den Ballsal eintrat. Die Strömung von unten her fing an die Oberhand zu gewinnen. Das zivilisierte Rußland begann endlich, wie der Gott von Beranger, mit Neugierde auf die untere welt herabzusehen, die auf den Feldern umherschwärmte und arbeitete: «Sieh doch! sie sind mehr Menschen ähnlich als wir geglaubt haben. Wie sonderbar!» Das war wirklich eine große Entdeckung!

Und was sehr merkwürdig ist, das ist, daß die einzige Partei, die sich vorzugsweise national nennt, die moskowitische Partei, aus der man während des Krieges einen Bootsmann machte, durchaus nichts zu dieser Entdeckung beigetragen hat. Freilich ist es wahr, daß die Panslawisten Gogol zu den Ihrigen zählen; allein das ist die Kanonisation von Aristoteles. Gogol gehörte niemals irgend einer Partei an. Das Auflösungswort des Rätsels aber war dies, daß sie einfach das wirkliche Volk gar nicht kannten; sie hatten sich ein russisches Volk konstruiert (ein Ausdruck deutscher Philosophie) nach den Studien, die sie in der Chronik von Nestor über die Traditionen der andern slawischen Rassen gemacht hatten, ohne sich die Mühe zu geben, dasjenige kennen zu lernen, welches zu ihren Füßen lebte. Selbst Kolzoff, der Dichter-Viehtreiber, ist niemals unter den moskowitischen Revolutionären gewesen.

Wenn die Zeit gekommen ist, um eine Idee zur Reife zu bringen, so wird man von ihr fortgerissen, ohne daß man daran denkt. Einer der bedeutendsten Koryphäen der Byron'schen Richtung unternahm es, nachdem er in den Eingeweiden einer kleinlichen und gemeinen Gesellschaft herumgewühlt hatte – in der Alles, was Ansprüche auf ein edleres Leben machte, am Nichts des kleinlichen Elends ersticken mußte – uns zwei arme Bauern auf seine Art zu zeichnen; er gab ihnen, natürlich aus Scherz, dem einen den Charakter von Goethe, dem anderen den von Schiller. Aber in dem Maße, als Turgenieff das gutsherrliche Haus und die Mansarde des Intendanten in das Auge faßte, riß ihn sein Gegenstand fort, der Scherz vermischte sich mehr und mehr und der Dichter zeichnete uns zwei verschiedene, ernste, poetische Typen des russischen Bauern. Das Publikum, das nicht darauf vorbereitet war, klatschte Beifall. Der Dichter erschien mit seiner zweiten Erzählung «eines Jägers», sie war vortrefflich – so ging es weiter. Turgenieff hatte auch seinen besonderen widerwillen, er nagte nicht die Knochen ab, die Gogol ihm gelassen hatte, er verfolgte eine andere Beute: den Gutsherrn, dessen Frau Gemahlin, dessen Kabinett, den Intendanten und den Starosten des Dorfes. Niemals ist das innere Leben des gutsherrlichen Hauses so dem allgemeinen Lachen, dem Abscheu, dem Haß preisgegeben worden. Dabei muß man bemerken, daß Turgenieff nie starke Farben aufträgt, nie zu energische Ausdrücke anwendet, im Gegenteil er erzählt mit großer Plastizität und gebraucht immer nur die gebildetste Sprache, welche den Eindruck dieser poetischen Anklage gegen die Leibeigenschaft außerordentlich erhöht.

Turgenieff ist aber nicht bei dem Märtyrertum des Bauern stehen geblieben, er hat sich nicht gescheut, den leibeigenen Diener

166

in seiner erstickenden Stube aufzusuchen, wo derselbe nur einen einzigen Tröster hat: den Branntwein. Er hat uns die Existenz dieses russischen Onkel Tom mit dem Maße des Künstlers wiedergegeben, das selbst die doppelte Zensur zu umgehen wußte, und dennoch uns zittern macht vor Wut bei der Schilderung dieses erbärmlichen, unmenschlichen Leidens, unter welchem eine Generation nach der andern hinsinkt, ohne Hoffnung, nicht allein mit beleidigter Seele, sondern selbst mit verstümmeltem Körper.

Die Namen Turgenieff und Grigorowitsch werden weder von dem russischen Leibeigenen, noch von dem Freigelassenen jemals vergessen werden. Jetzt, am Vorabend der Emanzipation, unter einer milderen Regierung, predigen Viele gegen die Leibeigenschaft; jene Beiden haben es, als Dichter und Künstler, unter der Schrecken Herrschaft von Nikoiaus getan.

Als ich Rußland verließ, kannte ich wenig von dem, was Grigorowitsch geschrieben; er war damals einer der jungen Autoren, die eben anfangen zu schreiben. In Neapel, im Jahre 1848, war es, wo ich zuerst seinen «Anton der Leidensträger» las, die einfache Geschichte eines Bauern, den der Intendant

verfolgt, weil er eine, ihm von den andern Bauern diktierte Bittschrift an den Gutsherrn, gegen den Intendanten gerichtet, geschrieben hat. Dieses «memento patriam» war sehr hart inmitten der revolutionären Zeit in Italien und der süßen, schmeichelnden Lüfte des Mittelmeers. Ich fühlte Gewissensbisse, ich schämte mich, da zu sein, wo ich war. Der leibeigene Bauer, gefurcht von der Zeit, arm, gut, sanft, unschuldig und doch, die Kette am Fuß, nach Sibirien wandernd, verfolgte mich unaufhörlich mitten unter dem prächtigen Volke, bei welchem ich mich befand. –

Der Roman, den Sie übersetzt haben, bildet eine neue Phase der Volkspoesie. Die Strömung von unten hat gesiegt. Der Herr des Dorfes, der Intendant, der räuberische Richter, der Kommissar-Mörder – Alles das ist verschwunden, der Typus, ganz Nerv und Muskel, der Typus von Gleb Sawinitsch, Fischer-Bauer, beherrscht Alles. Es ist das Leben des Bauern, nicht in seinem ungleichen Kampfe mit dem Gutsherrn und dessen despotischen Rechten, oder den chikanösen Ausbeutungen der Administration, es ist das Leben des Bauern für sich. Der Feind, der in den «Fischern» auftritt, gehört schon zum

167

Hause selbst; es ist der Anfang eines ganz andern Kampfes, des Kampfes zwischen dem ackerbaubetriebenden, frugalen, einfachen Patriarchalismus und dem bourgeoisem Proletarier, der in den Städten, in den Fabriken arbeitet, und ein verderbtes Vagabondenleben führt. Dieser Kampf ist schon menschlicher, nicht mehr bloß in der Form einer brutalen Übermacht, sondern geführt mit gleichen Waffen und unter Gleichgestellten. Die unnütze und wohlthätige Einmischung der Polizei ist der größte Fehler des ganzen Romans von Grigorowitsch, da es eine Inkonsequenz und ein Verstoß gegen die Wirklichkeit ist.

Der Roman «Die Fischer» führt uns ein in den Anfang des unvermeidlichen Kampfes (eines Kampfes der Evolution) zwischen dem «bäuerischen» und dem «städtischen» Element, zwischen dem Bauer-Ackerbauer und dem Bauer-Fabrikarbeiter. Dieser Kampf wird jedoch bei uns nicht die Ausdehnung haben, die er in Frankreich und England hat. Die ackerbaubetriebende Bevölkerung hat bei uns weit mehr Wichtigkeit als irgendwo anders. Die Städte sind schlecht bevölkert, eine große Menge Arbeiter kommen vom Lande, ohne ihren Verband mit der Gemeinde aufzulösen und bleiben daher Bauern. Er wird aber auch noch aus einer andern Ursache nicht denselben erbitterten Charakter ohne Ausweg haben, wie dort. Die Reihe von Ideen, über die man sich noch nicht allgemein verständigt hat und die obenauf schwimmend geblieben sind auf dem Meere der europäischen Reaktion – welche mehr und mehr die Reste der revolutionären Armada, in welcher die alte Welt die Überfahrt zu machen gedachte, verschlingt – diese Reihe von Ideen ist theoretisch schon weit über den Kampf zwischen Bourgeoisie und Proletariat, zwischen Städter und Bauern hinaus. Diese Ideen gehören uns kraft des Rechts des Studiums und des Verständnisses an, wie sie kraft der Leiden und der Ausarbeitung dem westlichen Europa angehören. Das ist aber noch nicht Alles, und indem wir die Isba des russischen Bauern durchsuchten, indem wir diesen letzteren Schritt vor Schritt durch die Furchen, die sein Schweiß befeuchtet, nachgingen, haben wir einen Embryo von ökonomischen und administrativen Institutionen gefunden, der sich auf die Gemeinsamkeit des Grundbesitzes, auf einen agrarischen und instinktiven Kommunismus gründet.

168

Bei dieser Entdeckung hielten unsere alten Freunde, die moralischen Vagabonden – die nicht wußten, wo sie ihr Haupt hinlegen sollten, die sich verloren fühlten in einer antipathischen Mitte und mit Anstrengung ein fernes Ideal verfolgten, um einer widerwärtigen und gemeinen Wirklichkeit zu entfliehen – inne, sie wurden gewahr, daß unter der aussätzigen Oberfläche des kaiserlichen, gutsherrlichen, administrativen Rußlands etwas Lebendiges, Starkes, Unbekanntes lebte, eine Welt zum Studieren, eine Welt, gegründet auf die Gemeinde und den Besitz des Bodens.

Die Rolle der traurigen und melancholischen Person: des Menschen, der sich unnützlich fühlt, gerade weil er wirklich Mensch sein will, ist ausgespielt. Dieser Mensch hat jetzt eine Aufgabe zu erfüllen. Es gilt, die Elemente des russischen Gemeindelebens von den Zusätzen zu befreien, welche der Mongolismus, der Zarismus, die Bürokratie und die deutsche Kasernokratie durch das Regime der Ordonnanzen der Leibeigenschaft u. s. w. hinzugebracht haben, und sie, indem man sie zum natürlichen Ausgangspunkt nimmt, durch die soziale Idee des Occidents zu entwickeln und zu verklären zum Besten der allgemeinen Wissenschaft vom Wohlsein der Menschheit.

Und damit ist seine Aufgabe noch nicht zu Ende. Er hat noch eine andere. Die ist: diese Entwicklung vor den fieberhaften Krisen, vor dem gewaltsamen Zurückkommen auf das Vergangene, vor all' den blutigen und furchtbaren

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Konvulsionen zu bewahren, welche die soziale Idee geboren und gereift haben,
indem sie die Völker des Westens an den Rand des Grabes brachten.
Sie sehen, es hängt Alles davon ab, die intime Vereinigung von Wladimir
Lenski⁶²[62], dem Studenten der Göttinger Universität, dem Verehrer von Schiller
und Goethe, dem utopistischen Träumer, dem Dichter mit langem gelocktem Haar,
und unserm alten Gleb Sawinitsch, dem praktischen Philosophen, dem rauhen,
starken Charakter, dem wahren Typus der cyclopischen Rasse der Fischer-Bauern,
zu Stande zu bringen. Werden sie sich je verständigen? Der Alte ist wunderbarlich
und hartnäckig.
wer lebt, wird sehen!
Inzwischen räume ich dem alten Gleb den Platz. Er liebt ja ohnehin nicht die
langen Reden, und seine alte Frau bedachte sich ja erst immer zwei-, dreimal,
ehe sie ihn durch ihre Fürbitten zu Gunsten des Ankaufs einiger irdenen Töpfe
oder anderer derartiger Luxusgegenstände langweilte.
Putney bei London,
28 Dezember 1857.

170

ПЕРЕВОД

О РОМАНЕ ИЗ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ
(ПИСЬМО К ПЕРЕВОДЧИЦЕ «РЫБАКОВ»)

Я узнал, что вы закончили перевод русского романа Григоровича «Рыбаки». Вы
проделали трудную работу. Выдающийся талант Григоровича проявляется не только в
верном и поэтическом воспроизведении жизни крестьян, но и в передаче их языка, а
повседневная речь народа менее всего интернациональна.

И тем не менее вы хорошо поступили, обратившись к роману из народной жизни. В
последнее время он приобрел известное значение в русской литературе. И весьма
примечательно то, что этот роман – отнюдь не пастушеский или идиллический, а
вполне реалистический, написанный в патриархальном духе и преисполненный
симпатии к крестьянину, – следует непосредственно за романом иронии, отрицания,
протеста, а быть может, и ненависти. Это представляется мне признаком больших
перемен в направлении умов.

Вы знаете, что вообще в России и роман, и комедия, и даже басня, с самого начала
у нас литературы европейского типа, т. е. со середины восемнадцатого века, носили
ярко выраженный характер горькой насмешки и язвительной критики, сдерживаемых
лишь цензурой. Там не было ничего добродушного, ничего «gemüthlich»⁶³[63]. У нас
никогда не было периода сентиментализма, если не считать времен юности
Карамзина, когда переводили романы а la Лафонтен и подражали им. Из всего этого,
характер чего-то антинационального, насильственного, ничто не пережило своего
времени, тогда как комедии
Фонвизина, написанные значительно ранее, хранятся в сознании как истины, как
важнейшие памятники эпохи.

Русская литература, т. е. современная светская литература, развивалась в среде
дворянского меньшинства, отторгнутого от народа революцией Петра I.
Существование этого класса народа было странным – существование чужестранцев
среди своих же одноплеменников. Родину им заменяло государство; они трудились
ради его могущества, его славы, попирая естественную основу, на которой
покилось все здание. Конечно, этот порядок вещей был создан силой исторической
необходимости, – и это было даже относительным прогрессом, – но сейчас не о том
речь. Мне хочется обратить ваше внимание на то, что это неизбежно порождало
неясность во всех общественных отношениях, печальные и смешные коллизии, которые
должны были возникать на каждом шагу. Патриархальность и бюрократия, византизм
и германизм, варварская, монгольская казарменная грубость и философия XVIII
века, огромное государство, где не существовало другой личности, кроме личности
государя; между образованным классом и народом – полный разрыв: иная одежда,
иной язык, иные мысли, словом, две разных России (остальное – безликие массы,
конгломераты людей, классифицируемых по названиям полков); община и дворянство,
более ста лет противостоявшие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия
– утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презируя
и эксплуатируя другую. Другая, земледельческая, разобщенная, деревенская,
крестьянская, находится вне закона.

Между этими двумя Россиями вскоре образуется связь, или, вернее, посредник в
лице чиновника, меньшего хищника, чем помещик, но большего грабителя – самый
отвратительный тип, какой только можно себе представить. Это чернильное
дворянство выходило всегда из низших слоев общества и смешивалось с родовым
дворянством, но никогда не возвращалось к народу.

Образованное меньшинство, увлеченное течением, порожденным в умах Петром I,
следовало около пятидесяти лет за императорской триумфальной колесницей, трубя в
фанфары

и слагая панегирики. Но долго так не могло продолжаться Серьезные и независимые умы первыми поняли ненормальность этого положения вещей, положения временного. И, не имея иного оружия кроме сатиры, они противопоставили вопиющим противоречиям, произволу и пошлости оппозицию иронии настоящее бичевание общества, исполненное горечи, ожесточенное, без сентиментальных уверток и не разбавленное розовой водичкой.

Одним из свойств русского духа, которое отличает русских от других славян, является способность время от времени сосредоточиться в самом себе, отречься от своего прошлого, посмотреть на него с глубокой, искренней, неумолимой иронией, имея мужество сказать об этом открыто, без цинизма закоренелого злодея и без лицемерия, обвиняющего себя, чтоб получить оправдание от других. В пояснение этой мысли замечу, что мы находим тот же талант искренности и отрицания у некоторых великих английских писателей, от Шекспира и Байрона до Диккенса и Тэккерея. Французам, всегда самодовольным и полным восторга перед своей великой родиной, эта струна мало знакома. За исключением отдельных отрывков Дидро, нескольких стихотворений Барбье, во французской литературе после Монтеня нет почти ничего, что могло бы послужить доказательством противного. А популярность единственного гениального и инициативного человека среди французских писателей, Прудона, сильно пострадала из-за его языка, полного дерзкой иронии и глубочайшего скептицизма. Немцы, напротив, слишком легко все отрицают, это им ничего не стоит, ибо они делают это только в абстрактных сферах, *sub specie aeternitatis*⁶⁴ [64].

Впрочем, разрыв между русской литературой и окружающей жизнью сначала не был столь полным, столь разрушительным. До царствования Николая в литературной оппозиции было еще нечто снисходительное и примиряющее, смех еще не был столь горьким. Мы находим это в замечательных баснях Крылова (оппозиционное значение которых никогда не было оценено по достоинству) и в знаменитой комедии Грибоедова «Горе от ума».

173

Но когда, после революционной попытки 1825 года мрачный и гнетущий режим Николая обрушился на всякое интеллектуальное движение, к смеху присоединилось безмолвное, сосредоточенное отчаяние и совсем иная боль стала ощущаться за цензурными купюрами. Сравните, например, звуки грусти в поэзии Пушкина с теми, которыми проникнуты стихи Лермонтова: в первых звучит негодование, полное силы, во вторых – безнадежный скептицизм разбитой души.

Литература этой эпохи началась прологом, который как надпись над «Città dolente», лишает будущего и убивает надежду. Я имею в виду знаменитое письмо Чаадаева⁶⁵ [65], которое сейчас недооценивают, но которое потрясло всю Россию в 1836 году. Пытались разобраться, искали на ощупь тут и там, обращались к историческому роману и роману нравов и изготовляли нечто близкое к Вальтеру Скотту и *l'hermite de la chaussée d'Antin* – но все это не пустило глубоких корней и имело лишь временный успех. Однако в этой неопределенности подражаний, опытов и разногласий мало-помалу начали вырисовываться два направления. С одной стороны это был крик боли, протест молодого человека, полного пылких желаний, который ощущает в своих мышцах силу, жаждет деятельности и видит себя в пропасти, откуда

нет выхода и где обречен на неподвижность. Вот почему в стихах, новеллах, романах повторяется один и тот же тип молодого человека, полного благородных стремлений, но надломленного, бегущего куда глаза глядят, чтоб затеряться, погибнуть, как лишнее, бесполезное существо. Онегин, Владимир Ленский Пушкина, Печорин Лермонтова и герои ранних романов Тургенева – это одно и то же лицо. Видеть в этом лишь влияние Байрона, лишь идеалистическую мечтательность, – это значит обнаружить большой недостаток понимания и чутья; это в значительно большей мере отражение царствования Николая, результат его влияния. Молодая душа преследуемого, униженного и угнетенного поколения с презрением отворачивалась от действительности и искала свой идеал

174

вдали. Это было сознание того, что в нашей душе живет стремление к иной жизни, отличной от существования немого переписчика, безгласного солдата, чиновника, который ворует и помещика, который грабит.

Это идеальное существо, этот человек, который был «чужим среди своих», постоянно обращал свои взоры к Западу и это было совершенно естественно. Родина его цивилизации, его мысли находилась вне России. Рядом с Николаем, который откровенно заявлял, что не знает, как ему быть с цивилизацией, и которому все человеческое было чуждо, далекая революционная Европа с ее ореолом 1830 года должна была нам казаться землей обетованной.

Оставим однако идеалистов и мечтателей-гуманистов. Роман и новелла со страстью набросились на значительно более земной и вполне национальный предмет: на вампира русского общества – чиновника. Его начальник трусливо предал его литературе, в надежде, что ее атакам подвергнутся лишь низшие чины. Это новое направление, едва возникнув, уже имело исключительный успех. Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городских, – был казак Луганский (псевдоним г. Даля). Малоросс по происхождению, он не испытывал симпатии к чиновнику; одаренный выдающимся талантом наблюдения, он прекрасно знал свой край и еще лучше свой народ. К тому же он имел все возможности познакомиться с ним. Будучи врачом, он исколесил всю Россию, затем служил в Оренбурге на Урале, долгое время работал в министерстве внутренних дел, – все видел, за всем наблюдал и рассказывал об этом с лукавством и своеобразием, а временами с незаурядным комическим даром.

Вскоре после него появился Н. Гоголь, который привил свое направление и даже свою манеру целому поколению. Иностранцу трудно понять, какое огромное влияние имела у нас театральная постановка «Ревизора» – этой пьесы, потерпевшей полное фиаско в Париже.

У нас своим смехом и рукоплесканиями публика выражала протест против тупой и придирчивой администрации, против грабительской полиции и всеобщего «та́говето»⁶⁶[66]. Его великая поэма в прозе «Мертвые души» произвела в России сенсацию, подобную той, которую вызвала во Франции «Женитьба Фигаро». Было от чего сойти с ума, глядя на этот зверинец из дворян и чиновников, которые блуждают в глубочайшем мраке, покупая и продавая «мертвые души» крепостных. Но и у Гоголя звучит порой иная струна, в его душе есть как бы два течения. Когда он поднимается в покои главы департамента, губернатора, помещика, когда его герои имеют хотя бы крест св. Анны или чин коллежского асессора, он желчен, неумолим, полон саркастического остроумия, которое то заставляет смеяться до судорог, то вызывает презрение, граничащее с ненавистью. Но когда он имеет дело с ямщиками Малороссии, когда переносится мыслью к украинским казакам или крестьянам, шумно пляшущим у кабака, когда он рисует нам бедного старого писца, умирающего от огорчения, потому что у него украли шинель, – тогда Гоголь совсем иной человек, с прежним талантом, но нежный, любящий, гуманный; его насмешка уже не ранит, не уязвляет; теперь это впечатлительная и поэтическая, бьющая через край душа, и таким он остается до тех пор, пока не встретятся ему случайно городничий, мировой судья, их жены или дочери, – тогда все кончено, он срывает с них человеческую личину и с неистовым, горьким смехом подвергает их пытке общественного позора.

В то время как все образованное меньшинство краснело от стыда, узнавая себя в чертах Хлестакова и Ноздрева, и чувствовало все большее омерзение к той среде, в которую оно было брошено, – издали, снизу, послышался другой голос, точно голос утешения; простые, порой жалобные звуки, но без тени иронии – звуки, полные наивной, весенней свежести. Они походили на зеленую травку, пробивающуюся из-под снега, когда его начинает пригревать весеннее солнце.

В этих звуках не было фальши, то был не маскарадный костюм аристократической музыки, нарядившейся из кокетства крестьянкой, то были песни простого молодого воронежского прасола, который, проезжая верхом по степям со своими

176

стадами, пел с грустью и тоской о жизни народа и своих собственных страданиях. С ним дурно обращались жестокий отец и грубая семья, а он нежно любил бедную работницу, которая вела хозяйство в их доме и которую из-за него услали прочь. Совершенно другой мир раскрылся в песнях Кольцова, – мир печальный, несчастный, но отнюдь не смешной, а скорее невыразимо трогательный в своей наивной, естественной простоте, в своем смиренном страдании. Это была забытая Россия, Россия бедняков, крестьян, подавшая наконец голос, Россия, которая подчас сдерживала иронию Гоголя и из палача превращала его в веселого и участливого гостя.

Итак, наступило время, когда Золушка вошла в бальный зал. Течение снизу стало побеждать. Цивилизованная Россия как бог у Беранже, начала наконец с любопытством взирать на этот лежащий внизу мир, который копошится и работает на полях: «Смотри-ка! Они гораздо более походят на людей, чем мы думали! Как странно!» Это было действительно великое открытие!

И весьма примечательно то, что единственная партия, называющая себя по преимуществу национальной, московская партия, из которой во время войны сделали своеобразное пугало, совершенно не способствовала этому открытию. Правда, панслависты считают Гоголя своим, но это – канонизация Аристотеля. Гоголь никогда не принадлежал ни к какой партии. Решение загадки кроется в том, что они попросту не знали настоящего народа; они сконструировали (термин немецкой

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (философии) некий русский народ по данным, почерпнутым из летописи Нестора о традициях других славянских племен, не давая себе труда узнать тот народ, который жил у их ног. Даже Кольцов, поэт-прасол, никогда не был в рядах московских ретрореволюционеров.

Когда наступает пора расцвета для какой-либо идеи, он овладевает людьми помимо их воли. Один из корифеев байроновского направления, заглянув в недра мелкого и пошлого общества, в котором все стремившееся к более достойному существованию должно было задохнуться в пустоте мелочных невзгод, однажды попытался по-своему нарисовать нам двух

177

бедных крестьян; он наделил, конечно шутки рада, одного – характером Гете, а другого – характером Шиллера. Но по мере того как Тургенев приглядывался к господскому дому и к чердаку бурмистра, он увлекся своей темой. Шутка постепенно исчезла, и поэт нарисовал нам два различных, серьезных поэтических типа русских крестьян. Не привыкая к этому публике рукоплескала. Поэт выступил со своим вторым рассказом «охотника», он был превосходен, и так пошло дальше. У Тургенева есть свой предмет ненависти, он не подбирает крохи за Гоголем, он преследовал другую добычу – помещика, его супругу, его приближенных, его бурмистра и деревенского старосту. Никогда еще внутренняя жизнь помещичьего дома не подвергалась такому всеобщему осмеянию, не вызвала такого отвращения и ненависти. При этом надо отметить, что Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества.

Тургенев однако не ограничился изображением мученической доли крестьянина, он не побоялся заглянуть и в душную каморку дворового, где есть лишь одно утешение – водка. Он описал нам существование этого русского «дяди Тома» с таким художественным мастерством, которое, устояв перед двойною цензурой, заставляет нас содрогаться от ярости при виде этого тяжкого, нечеловеческого страдания, от которого изнемогает одно поколение за другим, без надежды, не только с оскорбленной душой, но и с искалеченным телом. Имена Тургенева и Григоровича не забудут ни русский крепостной, ни вольноотпущенный. Сейчас, накануне освобождения, при более мягком режиме, против крепостного права выступают многие; а эти два художника делали это при страшном господстве Николая.

Когда я покидал Россию, я мало знал из написанного Григоровичем. Он был тогда еще одним из молодых начинающих авторов. В Неаполе в 1848 году я впервые прочитал его «Антон Горемыку», простую историю крестьянина, преследуемого бурмистром за то, что он, под диктовку других крестьян,

178

написал на него жалобу помещику. Это *memento patriam*⁶⁷[67] было особенно тягостным в разгар революционных событий в Италии под сладостными и ласкающими порывами ветра с Средиземного моря. Я испытывал угрызения совести, мне было стыдно находиться там, где я был. Крепостной крестьянин, с преждевременными морщинами, нищий, добрый, смиренный, в кандалах безвинно бредущий в Сибирь, неотступно преследовал мое воображение, когда я жил среди прекрасного народа. Роман, переведенный вами, знаменует новую фазу народной поэзии. Течение снизу победило. Помещик, бурмистр, грабитель-судья, становой-убийца – все это исчезло, все заслонило собой весь из плоти и мускулов тип Глеба Савинича, крестьянина-рыбака. Это жизнь крестьянина не в условиях неравной борьбы с помещиком и его деспотическими правами или с крючкотворскими притеснениями администрации, это жизнь крестьянина в себе.

Враг, выступающий в «Рыбаках», это – свой; это начало совсем иной борьбы, борьбы между земледельческой, невзыскательной, простой патриархальностью и буржуазным, городским пролетариатом, работающим на фабриках и ведущим бесшабашную, бродяжническую жизнь. Эта борьба уже человечнее, она уже ведется не в форме грубого превосходства сил, а равным оружием между равными. Беспольное и благодетельное вмешательство полиции – самая большая ошибка романа Григоровича, ибо это непоследовательно и грешит против действительности.

Роман «Рыбаки» подводит нас к началу неизбежной борьбы (борьбы эволюционной) между «крестьянским» и «городским» элементом, между крестьянином-хлебопашцем и крестьянином – фабричным рабочим. Но эта борьба все же не приобретает у нас такого размаха, как во Франции и в Англии. Земледельческое население имеет у нас гораздо большее значение, нежели где-либо. Города мало заселены, многие рабочие прибывают из деревни, не порывая связей с сельской общиной и в силу этого остаются крестьянами. Но и по другой причине эта борьба не приобретает у нас того обостренного, безысходного характера, как там. Ряд идей, относительно

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов которых нет еще единого мнения, плавающих пока на поверхности моря европейской реакции, все более поглощающего остатки революционной Армады, при помощи которой старый мир надеялся совершить свою переправу, этот ряд идей теоретически уже вышел далеко за пределы борьбы между буржуазией и пролетариатом, между горожанами и крестьянами. Эти идеи нам принадлежат по праву изучения и понимания, как Западной Европе – в силу того, что они ею выстраданы и созданы. Но это еще не все. Пока мы шаг за шагом следовали за Европой по бороздам, омоченным ее потом, в избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме.

При этом открытии наши старые друзья, нравственные скитальцы, не знавшие куда преклонить голову, чувствовавшие себя затерянными в отвратительной среде и мучительно стремившиеся к далекому идеалу, чтобы бежать от гнусной и пошлой действительности, остановились; они увидели, что под разъедаемой проказой поверхностью царской, помещичьей, административной России есть нечто живое, сильное, неведомое, есть мир, нуждающийся в изучении, мир, основанный на общине и владении землей.

Роль печальной и меланхолической личности – человека, чувствующего себя бесполезным именно потому, что он хочет быть действительно человеком, изжила себя. Этому человеку надлежит сейчас выполнить одну задачу. Нужно освободить элементы русской общинной жизни от примесей, внесенных в нее монголизмом и царизмом, бюрократией и немецкой военщиной посредством режима приказов, крепостного права и т. д., и, приняв эти элементы как естественный отправной пункт, развить и просветить их социальными идеями Запада на благо всеобщей науки о процветании человечества.

На этом, однако, его задача не кончается. У него есть и другое дело – предохранить это развитие от лихорадочных кризисов, от насильственных возвратов к прошлому, прежде всего от кровавых, ужасных конвульсий, которые породили на свет

180

и далиш[ш] созреть социальной идее, а вместе с тем подвели народы Запада к краю могилы.

Как видите, все зависит от того, удастся ли установить внутреннее единение Владимира Ленского⁶⁸[68], студента Геттингенского университета, поклонника Шиллера и Гёте, утопического мечтателя, поэта с длинными кудрями, с нашим старым Глебом Савиным, этим практическим философом с суровым, сильным характером, этим подлинным представителем циклопической расы крестьян-рыбаков. Поймут ли они когда-нибудь друг друга? Старик чудаковат и упрям.

Поживем – увидим!

Пока же я уступаю место старому Глебу. Он ведь и без того не любит длинных разговоров, и его старуха, бывало, не раз подумает, прежде чем надоедать ему своими просьбами о покупке глиняного горшка или других подобных предметов роскоши.

Rutney, близ Лондона.

28 декабря 1857.

181

1858 ЧТО ЗНАЧИТ СУД БЕЗ ГЛАСНОСТИ

Торжественнее думали мы начать наш звон на 1858 г.; видно, нашему Колоколу не суждено еще издавать полные, радостные звуки, звать на праздники и ликования, возвещать благие вести. Видно, еще надолго он будет обречен на долю тюремного звонка, печально возвещающего всякий раз, что преступление, что несчастье вошло или вышло, что явился палач, заплаканная мать переступила порог или процессия двинулась к лобному месту.

А как искренно, как горячо хотелось нам, чтоб было иначе, с каким сердечным упованием смотрим мы на усилия Александра II вырвать у упорно своекорыстного дворянства веревку, на которой оно держит крестьян в кабале. «Опора престола» стада бревном на дороге, когда государь захотел сделать доброе дело!

Еще хуже с гласностью в суде. Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах. С этими гириями на ногах недалеко уйдет Александр Николаевич – спутанный формализмом, этикетом, ограниченный табелью о рангах, окруженный политическими старообрядцами и дворянством, которое выбрало себе девизом «я секу!» и за это право умеет стоять.

Государь очевидно стремится вырваться из заколдованного круга, но, не слыша свободного голоса, не имея средств узнать истины, теряется.

Князь Долгорукий после заграничного путешествия государя поднес ему полную «Хрестоматию», составленную Прянишниковым из подпечатанных писем, свидетельствующих о крамольных мыслях и крайнем недовольствии благородного российского дворянства при слухе об освобождении крестьян.

Отчего же он ему не доставляет «Колокол»? Уж коли доносить, так все доносить, что тут за выборы!

Государь не услышит от нас ничего оскорбительного.

Мы ему скажем: будьте мужественны, человечество глядит на вас, история записывает ваши дела, бедная Россия ждет; но что же история запишет, если Россия ничего не дождетя, если вы ее оставите на произвол новым Аракчеевым и новым Клейнмихелям?

«У него было доброе сердце и слабая воля!» – Неужели ваше самолюбие не идет дальше?

Вам, так благородно поступившему в деле Линранди, предлагавшего академию шпионства⁶⁹[69], очень легко узнавать людей и делить их ошую и одесную, шиболет ваш совсем готов. Кто против гласности, кто против освобождения крестьян, тот враг народа, тот ваш враг...

Отчего вы не боитесь гласности – а Панин и Вяземский боятся?

Отчего вы хотите искоренить взятки, а Ланской призывал двух литераторов и запретил им касаться этого предмета, освященного веками?

Постараемся показать на деле – отчего.

К Новому году нам прислали выписку из одного дела – нисколько не чрезвычайного, но очень характеристического для объяснения, почему запертые двери необходимы вертепам, называемым у нас судами.

13 июня 1853 года в доме и квартире действительного статского советника князя Льва Викторовича Кочубея раздался выстрел, и из комнат князя выбежал австрийский подданный Игнатий Зальцманн, раненный

из пистолета в грудь (рана в 174 дюйма, близ соединения восьмого ребра с грудиною). Зальцманн объясняет, что, не получив, за всеми просьбами и официальными жалобами, следующих ему от князя Кочубея по прежнему управлению домом его 875 рублей, он подал на князя жалобу государю императору, в которой выставляет причиною отказа ему от должности управляющего то, что князь Кочубей занимается контрабандой. Через несколько времени по подаче этой жалобы он был приглашен к князю Кочубею управляющим его, чиновником Богоявленским. Когда он, Зальцманн, вошедши в кабинет князя, остался с ним и Богоявленским, то князь требовал от него подписки в том, что жалоба его, поданная государю императору, ложная, – а когда Зальцманн не соглашался на это, то, после крупного разговора, князь схватил пистолет и приставил его к груди Зальцманна, угрожая выстрелом. Зальцманн хотел отвести пистолет, и в это время раздался выстрел. Князь же Кочубей показал, что он никогда Зальцманна к себе не приглашал, что он в кабинете его, князя, не был, а выстрелил в себя в его доме, для того чтоб возвести на него, князя, ложный извет в таком преступлении. Это событие, представляемое с каждой стороны в совершенно противоположном виде, подвергнуто было исследованию, которое, по существу и разнородности показаний множества опрошенных лиц⁷⁰[70], собранных отовсюду сведений по тем данным, которые выводятся из осмотров раны Зальцманна, сделанных докторами Мариинской больницы, физикатом, медицинским советом и известным профессором Пироговым, – составляет одно из любопытных и замечательных явлений в истории уголовных процессов. Но не менее любопытна и замечательна другая сторона этого дела, именно: тот оборот, который был придан событию 13 июня, направление производства следствия, усилия запутать его, уклонение от всех законных форм достижения истины и нарушение всякой справедливости...

1) В событии 13 июня участниками два лица: князь Кочубей и Зальцманн. Но князь Кочубей дал по делу только одно объяснение, затем выступает на сцену чиновник Богоявленский, который действует не по доверенности князя (так как доверенность в таком уголовном деле выдавать никому нельзя, а должен каждый действовать за себя лично), а от своего лица, объясняясь во всем и повсюду за себя и князя, и все его показания и доводы принимаются всеми как показания и доводы князя Кочубея, и никакое лицо, и ни одно судебное место не потребовало ни личной явки князя, ни даже одобрения с его стороны действия чиновника Богоявленского, как будто они представляют одно лицо.

2) Событие 13 июня представлено в деле не как происшествие, в котором два лица обвиняют друг друга, а как донос Зальцманна на князя Кочубея в преступлении; таким образом, в тот же день 13 июня в квартире Зальцманна делается обыск тотчас после происшествия. Зальцманн берется в съезжий дом, где свидетельствуют его рану, переводится затем в Мариинскую

184

больницу, где приставляется к нему караул, и, наконец, 23 июня отправляется в тюремный замок, в котором содержится до самого решения дела первой степенью суда – надворным уголовным судом, который определяет: «Князя Кочубея по предмету взведенного на него Зальцманном обвинения от суда

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов освободить, освободив от суда и самого Зальцманна по предмету ложного извета на Кочубей в преступлении», и Зальцманн из-под стражи освобождается.

Но с.-петербургская уголовная палата придумала решение замысловатее; она определила: оговор Зальцманна в нанесении ему князем Кочубеем раны выстрелом из пистолета, как бездоказательный, оставить без последствий, – а его, Зальцманна, по предмету ложного извета на князя Кочубея, оставить в подозрении и потом, согласно распоряжению графа Орлова, выслать за границу.

Во время производства дела все тот же чиновник Богоявленский, а не князь Кочубей, без всякого уполномочия со стороны последнего или с чьей бы то ни было, примешивает к событию 13 июня и вводит в следствие следующие предметы: 1) обвиняет Зальцманна в растрате вин и овса, принадлежащих князю; 2) доказывает переправку Зальцманном паспорта; 3) обвиняет Зальцманна в нанесении ему обид тем, что он назвал его, Богоявленского, «разбойником, свиньей, собакой»; 4) доказывает, что Зальцманн обидел иностранца Крипеля; 5) что Зальцманн посорился с иностранцем Принцем; 6) что Зальцманн неправильно называет себя лейтенантом австрийской службы. Наконец, всех, кто принимал какое-либо участие в судьбе несчастного Зальцманна, или, лучше и вернее сказать, всех, кто показывал в деле беспристрастие, чиновник Богоявленский клеймил не подозрением, а прямо обвинением в содействии преступнику Зальцманну; так обвинены в содействии в преступлении, в просьбах генерал-губернатору, Сенату приобщавший Зальцманна после выстрела св. тайн священник Марцынкевич, доктор Мариинской больницы, член надворного уголовного суда, освободившие Зальцманна из-под стражи и суда, лица, писавшие Зальцманну просьбы, – и даже на самого профессора Пирогова наброшена тень сомнения в том, что он благодетель Зальцманна!

Освобожденный судом из-под стражи Зальцманн пользуется свободой недолго: через две недели его приглашают в часть, где он берется под стражу безо всякого объявления повода к тому и отправляется для содержания в исправительное заведение. На просьбу жены Зальцманна об освобождении мужа ее, поданную Правительствующему сенату, куда между тем поступило это дело, Правительствующий сенат (по I отделению V департамента, 11 августа 1854 г.) определяет: «Объявить ей, Зальцманн, что как муж ее подвергнут содержанию в исправительном заведении не по распоряжению судебных мест, рассматривавших о нем дело, то и освобождение его из означенного заведения от Сената не зависит». Жена Зальцманна вследствие этого бросается к генерал-губернатору, который объявляет ей, что хотя муж ее «и арестован по его распоряжению»⁷¹[71], но как ему неизвестно,

185

будет ли Зальцманн оправдан Сенатом, в коем ныне рассматривается дело его с князем Кочубеем, – то посему и не может его освободить, и освобождение его зависит от Сената».

Как жена Зальцманна, вследствие этого указания, обратилась со вторичной просьбою в Сенат, то оный 11 ноября 1854 года заключил: «Как из вторичного прошения Зальцманн не видно, чтоб обстоятельства, служившие Сенату поводом к отказу на первое ее прошение, изменились, то, посему, не находя основания к изменению состоявшегося в Сенате по первому ее прошению заключения, Правительствующий сенат определяет объявить о сем просительнице».

Так как все усилия к обвинению и опутанию Зальцманна в разных взведенных на него преступлениях оказались недействительными, ибо две судебные инстанции не могли найти к тому достаточного повода

и доказательств, то чиновник Богоявленский, в июле 1854 года, подает в Правительствующий сенат прошение, в котором излагает донос на Зальцманна и жену его в том, что последняя совращена мужем ее из православия в католическую веру⁷²[72], что брак их был совершен одним католическим священником потому, что скрыто было настоящее имя и звание невесты; сверх того, брак русской подданной с иностранцем совершен без особого дозволения – и потому, как незаконный, подлежит расторжению, а дети Зальцманна, как рожденные в незаконном браке, должны быть признаны незаконнорожденными; что жена Зальцманна по вступлении уже в брак неправильно будто бы получала два раза в 1849 г. из главного казначейства пенсию, следовавшую ей как девице за службу ее отца.

По этой просьбе Правительствующий сенат 11 августа 1854 года заключил, что «выведенное Богоявленским обвинение на жену Зальцманна не имеет ничего общего с делом, производящимся в Сенате, особому же производству со стороны Сената не подлежит, как еще не обследованное и не рассмотренное в порядке судебных инстанций, а потому Правительствующий сенат определил объявить Богоявленскому, что выводимое им обвинение на жену Зальцманна, если желает, может доказывать установленным в законах порядком».

Богоявленский подает, в силу этого, донос свой в с.-петербургское губернское правление, которое предписывает царскосельской градской полиции произвести строгое по этому предмету следствие, а Правительствующий сенат (по I отделению V

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (департамент), не имеющий никакого права без особого высочайшего дозволения не только переменить, но и частию изменить или что-либо добавить в своем решении, вопреки решению своему 11 августа, в котором признавался донос Богоявленского не имеющим ничего общего с делом, производящимся в Сенате, через пять месяцев после того, рассуждал, что «взводимые на Зальцмана обвинения в совращении жены его из православия и в неправильном вступлении с нею в брак

186

должны быть рассмотрены в совокупности со всеми преступными деяниями Зальцманна», обратил все дело в уголовную палату, с тем чтоб она, приняв меры к скорейшему окончанию следствия, производящегося о Зальцманне и жене его, и истребовав от Зальцманна доказательств на право его наименования лейтенантом австрийской службы, постановила вновь, приговор по всем преступным действиям Зальцманна⁷³[73] и представила затем вновь все дело в Правительствующий сенат. Итак, объяснение князя Кочубея в преступлении, стираясь мало-помалу в этих хитросплетениях и удаляясь все более и более на задний план, наконец совершенно исчезло в высшей инстанции – и о князе Кочубее нет в Сенате и помину, а в виду и в действии одно преступление Зальцманна в обвинении князя и многие другие. Между тем царскосельская градская полиция, приняв к своему производству донос Богоявленского, распорядилась вытребовать жену Зальцманна в Царское Село и заключить ее там под стражу, о чем и сообщила с.-петербургской управе благочиния. Таким образом, заключив два существа в тюрьму, в двух городах, и лишив каждого из них взаимной помощи и ходатайства друг за друга, легко было бы окончательно запутать и устроить все по желанию или продлить все следствие на такое долгое время что больной Зальцманн с пулей в груди мог бы, наконец, умереть.

В эту критическую минуту поданная женою Зальцманна в I департамент Сената просьба приостановила несколько грозу, которая готова была рушиться над несчастной семьей, состоящей, кроме двух супругов, из двух малюток, которых ожидала по заточении и матери их под стражу ужасная участь быть содержимыми в тюремном приюте!..

Первый департамент Сената предписал производить следствие не в царскосельской градской полиции, а в С.-Петербурге, – а рассмотрение вопроса о том, следует ли жену Зальцманна заключать под стражу, отнес к обязанности следователя, предписав ему поступить в этом по точным предписаниям закона; после 19-месячного заключения освобожден из-под стражи и сам Зальцманн, не по распоряжению суда, а точно так же, как и был посажен, – по ходатайству генерал-адъютанта К. Еще несколько эпизодов того дела могут окончательно охарактеризовать отсутствие всякой гарантии для лица, имеющего несчастье иметь дело с более сильным его, и уклонение лиц, которым вверена судьба и защита прибегающих к покровительству закона, от всякой справедливости:

I) Заключенный под стражу и не знающий писать по-русски Зальцманн подает, через губернского прокурора, строго обязанного законом защищать дела арестантов и преподавать им все способы к оправданию, в Правительствующем сенате просьбу о допущении его к рукоприкладству под сенатскую запискою, чтоб видеть, все ли обстоятельства помещены

187

в ней, и чтобы представить из дела доводы к своему оправданию, каковое право предоставлено законом каждому подсудимому, – и Правительствующий сенат возвращает эту просьбу Зальцманну, через прокурора же, потому что она написана без высочайшего титула.

Зальцманн подает вторичную просьбу через того же прокурора, но и эта просьба возвращается ему, потому что после высочайшего титула написано и проч. и проч., титул написан в пять, а не в четыре строки, тогда как форма, приложенная к законам гражданским, указывает, что титул должен быть именно написан в пять строк, т. е. так, как написал Зальцманн.

И дело доложено потому Правительствующему сенату без рукоприкладства Зальцманна! Когда же является от Зальцманнов просьба, написанная по форме и потому не могущая быть возвращенною без производства, тогда Богоявленский подает всюду и всем жалобы на принятие этой просьбы, называет ее ябеднической и требует настоятельно открытия сочинителя и переписчика этой просьбы для предания их суду за доставление Зальцманнам средств к оправданию.

II) За несколько недель до решения Сенатом дела Зальцманн, лишенный Правительствующим сенатом средств и права сделать рукоприкладство, пишет из тюрьмы к министру юстиции графу Панину письмо, в котором, ссылаясь на всем известное дружество обер-секретаря, у которого производилось его дело, с Богоявленским, умоляет министра передать дело его в производство другому обер-секретарю. Под предлогом перевода этого письма, писанного на немецком языке, губернский прокурор, мимо которого не проходит ничего, что исходит от

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов арестанта, держит это письмо – и ордер графа Панина о передаче этого дела в производство другому обер-секретарю приходит в Сенат тогда, когда дело уже решено Сенатом!

III) Освобожденный из-под стражи Зальцманн является к обер-прокурору I отделения I департамента Правительствующего сената и просит выдать ему свидетельство на проживание – так как паспорт всякого уголовного подсудимого отбирается и находится при деле об этом подсудимом, подсудимому, если он на свободе, выдается от места, где производится его дело, свидетельство; но обер-прокурор решительно в том ему отказывает, не имея и не смея иметь к отказу никакого основания! Зальцманн обращается с требованием свидетельства на пропитание в уголовную палату, в которую пересылается между тем из Сената его дело; но и палата не выдает ему, а между тем полиция не держит и не пускает его на квартиру жены – и вот уже два года, как Зальцманн живет по виду, выданному ему от австрийского посольства! Но с этим видом никто не может дать ему никакой должности, ни даже принять его, Зальцманна, в услужение, и он не лишен покуда единственной возможности – нищенствования из-за угла.

Все или по крайней мере большая часть тут вышеизложенных действий судебных мест и должностных лиц составляют канцелярскую тайну, т. е. не должны быть никому известны, и разглашение их составляет уголовное преступление, влекущее за собою неминуемое наказание.

188

ИМПЕРАТОР И СТУДЕНТЫ

Спешим передать резолюцию Александра II на докладе о деле московских студентов. «Цвиленева, Морозова и Симонова (первый – частный пристав, два вторые – квартальные надзиратели) судить военным судом, а студента Ганусевича, принимая во внимание, что он был в необходимости учинить нарушение закона, оставить свободным от суда и взыскания».

С глубоким уважением печатаем мы это решение... как оно ни просто, ни естественно... но мы в нем видим новое доказательство, как далеко уже осталось за нами то несчастное время, когда полиция была во всем права!

189

<О ПИСЬМЕ, КРИТИКУЮЩЕМ «КОЛОКОЛ»>

На днях мы получили письмо, строго критикующее «Колокол».

Письмо это проникнуто таким теплым чувством любви к делу и желанием добра от наших изданий, что нам остается искренно поблагодарить анонимного критика и воспользоваться теми из его советов, с которыми согласна наша совесть. Нам очень жаль, что в письме именно сказано, чтоб мы его не печатали, нам хотелось бы сообщить его нашим читателям.

Одно замечание мы позволим себе. Автор письма мог видеть с первого листа «Колокола» до последнего, как усердно мы просим всех сообщающих нам вести подвергать их прежде строгой критике. Какие же мы можем иметь средства проверки? Если и в наших листах, как во всех журналах, прокрадываются ошибки, мы готовы их поправить – но не всегда можем предупредить.

Мы в VI листе сказали, что московский обер-полицейстер Беринг – остался, а он подал в отставку. «Le Nord», имеющий полуофициальные корреспонденции, говоря об окончании студентской истории в Москве, сообщил только об остановке частного пристава. Вслед за тем получили мы письмо в котором обращается внимание на то, что «Закревский отстоял Беринга». Дней десять спустя мы увидели, что Беринг заменен Кропоткиным. Нам остается повиниться в ошибке, поблагодарить государя и посоветовать Закревскому сделать нам такой же милый сюрприз.

190

Что касается до смешного, мы не совсем согласны с нашим критиком. Смех – одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых. Повторяю, что «предмет, о котором человек не может УЛЫБНУТЬСЯ, не впадая в кощунство, не боясь угрызений совести, – фетиш, и человек подавлен им; он боится его смешать с рядовыми предметами»⁷⁴[74].

Смех вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся. В древнем мире хохотали на Олимпе и хохотали на земле, слушая Аристофана и его комедии, хохотали до самого Лукиана. С IV столетия человечество перестало смеяться – оно все плакало, и тяжелые цепи пали на ум середь стенаний и угрызений совести. Как только лихорадка изуверства начала проходить, люди стали опять смеяться. Написать историю смеха было бы чрезвычайно интересно. В церкви, во дворце, во фрунте, перед начальником департамента, перед частным приставом, перед немцем-управляющим никто не смеется. Крепостные слуги лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни ровные смеются между собой.

Если низшим позволить смеяться при высших или если они не могут удержаться от смеха, тогда прощай чиновничество. Заставить улыбнуться над богом Аписом значит

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов расстричь его из священного сана в простые быки. Снимите рясу с монаха, мундир с гусара, сажу с трубочиста, и они не будут страшны ни для малых, ни для больших. Смех нивелирует – а этого-то и не хотят люди, боящиеся повиснуть на своем собственном удельном весе. Аристократы всегда так думали, и жена графского дворецкого Фигаро, жалуясь в «La Mère coupable» на горькие следы 1789 года, говорит, что теперь все сделались – как все, comme tout le monde! В русском характере вообще есть азиатская склонность к вычурному подобострастию, с одной стороны, и к надменному чванству – с другой. Объясните иностранцу и в особенности не немцу, что простой смертный носит рубашку, а барин сорочку, что один спит, а другой почивает, один пьет чай,

191

а другой «изволит его кушать», – все это пришло из Золотой орды и из томпаковой Германии.

И отчего это мы так обидчивы, когда дело идет о шутке, и так выносливы, когда нас бранят сверху? Это уже лет пятнадцать тому спрашивал Белинский. Перелистуйте лондонский «Пунш», посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажены муж королевы, – что же делает Виктория, что делает Альберт? – глядят «Пунш» и смеются с другими. Вот лучшее доказательство, как совершеннолетна Англия. С другой стороны, посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый свисток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах.

Другой корреспондент пишет, что в истории о следствии, деланном Эльстон-Сумароковым, фамилия помещика, продавшего имение, неверно выставлена. В «Теймсе» была только фамилия Пашкова – в письмах, нами полученных, три разные фамилии, – но обстоятельства рассказаны одинаковым образом, а в этом-то и сущность. Мы совершенно убеждены, что каждый из благородного сословия помещиков, мешающих государю освободить крестьян, способен так же поступить. Тем не менее мы благодарим за поправку и готовы впредь и всегда печатать всякое опровержение, основанное на фактах.

192

ОХАПКА ДРОВЕЦ СТАРУШКИ

Смешно и больно видеть, как в полицейском хоре, окружающем теперь уцелевшего Бонапарта, участвуют без всякой необходимости второстепенные газеты второстепенных городов и стран: «Так-таки и скажите, что Бобчинский и Добчинский в сильном негодовании против Англии».

Раз, в те счастливые времена, когда еще людей жгли за мысли, инквизиция приготовлялась во славу католической церкви зажарить великого славянина. Все было в порядке – попы и палачи, монахи и сторожа суетились, нарядные дамы хохотали вокруг на приготовленных местах. Костер уже был зажжен. Вдруг сквозь толпу продирается, торопится полоумная старушонка. «Ах, батюшки, – кричит она, – пустите меня, старую да хворую; ох, не поспею мою-то охабочку дровец бросить на костер ему, злодею, еретику, чтоб ему ни дна, ни покрывки не было! Авось, господь-бог увидит жертву моего усердия!» – «Пропустите ее, – сказал мученик, обращаясь к палачам, – разве вы не видите ее горячую веру?»

Хотя, по правде, мы не видим горячей веры, но легенду эту вспомнили, читая, с каким остервенением бельгийский журнал «Le Nord» (от 18 января) требует высылки иностранцев из Англии... требует диких полицейских мер от свободной страны. И все это в каком-то нервном, болезненном припадке. «Ум остается смущенным, – говорит он, – и воображение цепенеет при одной мысли о таком злодействе». В эти горячечные минуты всего лучше молчать, а то смущенный ум может ввести в самые забавные промахи. «Le Nord» заключает свою статью тем, что если б в Англии узнали о скопище торговцев невольниками, где-нибудь за океаном, то все филантропы и раскричались

193

бы, и потребовали бы самых деятельных мер против этих добрых людей, а против дикого сообщества извергов и злодеев, посылающих убийц, ядры, кинжалы, не берет террористических мер, по одному слову шпионов и других клеветов... и это только потому, что доказательства нет. Нужно очень доказательства в деле, где идет речь о высочайшем здравии, – по-помещичью, обоих высечь да и дело в шапке!

А каков пример о торговцах черными крепостными? Мы знали со времен перестройки Зимнего дворца, что усердие все превозмогает, до не знали, что оно превозмогает самый ум!

Мы вообще не мешаемся в полемику европейских журналов и тем больше не сказали бы ни слова об диких завываньях какой-нибудь газеты, издаваемой в Брюжже, Малине или Вервье, – но этот журнал недаром назвал себя «Севером». Его принимают в журналистике официальным органом России.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Ненависть народов к России, которую возбудил Николай, начинает теперь проходить, зачем же ее подновлять, то защищая короля-лаццарони, то комические права Гогенцоллерна на Невшателе, то бесплодными криками против Англии, которая с британским презрением смотрит на беснующихся.
Надобно нашим дипломатам новые прописи, новые словари! Или неужели мы при Александре II доживем до союза (о котором мы пророчили в 1854 году)75[75] двух императоров против единой свободной и сильной страны в Европе?
«Неужели вы думаете, – писал я тогда, – что они оставят в покое в 12 часах от усмиренного Парижа свободный Лондон, – Лондон – открытую гавань всем спасающимся от оргии деспотизма! – Никогда!»
Англия – страшное бельмо на глазу у всех континентальных властей; они ее не понимают, они ее ненавидят инстинктом, они ее ненавидят угрызениями собственной совести – пусть их,
да нам-то, вступая в новую жизнь, зачем соваться? Тем больше, что крики эти ничего не делают. Помните, что в гербе Англии написано великое слово: maintiendrai!»76[76]

194

<ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕ ХОТЕЛО ОСВОБОДИТЬ КРЕСТЬЯН...>

Тамбовское дворянство не хотело освободить крестьян и только когда на него прикрикнул министр, послало предводителя в Петербург. Что бы ни обрушилось на тамбовское дворянство – гнев государя или топор народный – все будет справедливо, и вечный позор его запишется в русскую летопись!

А, крамольники! верноподданные рабы! Заговорили вы – жаль расстаться с розгой, плантаторы... непокорные холопы... Во имя чего смеете вы роптать?

ЗАКРЕВСКИЙ БУНТУЕТ!

Арсений Андреевич, что это с вами, всю жизнь вы были фельдфебелем и вдруг мешаете освобождению крестьян? К лицу ль вам эти лица? Идти против государя! – против дисциплины!

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

В отставку старого лакея, в странноприемный дом, в сенат, в совет, в синод – вредного инвалида! только вон из Москвы! □

Ты победил, Галилеянин! и нам легко это сказать потому что у нас в нашей борьбе не замешано ни самолюбие ни личность. Мы боролись из дела, – кто его сделал, тому и честь.

Середь общего сетования, перерываемого дикими криками бесновавшихся реакционеров и солдат, пьяных от крови, середь нелепой войны и глубокого падения всего западного материка – мы, со страхом гадая, обращали взгляд наш на молодого человека, шедшего занять упраздненное место на железном троне, которого тяжелые ножки далеко вдавились в нашу грудь...

«От вас ждут кротости, – говорили мы ему, – от вас ждут человеческого сердца – вы необыкновенно счастливы!» и робко, мучимые сомнением, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову! Смойте с России позорное пятно крепостного состояния». И потом мы ждали с внутренним трепетом, надеясь, негодую, прислушиваясь к движению, к вестям. После тридцатилетнего ожидания – нетерпение простительно... Книга Корфа оскорбила нас, она так грубо дотронулась до воспоминаний, святых нам, она так беспощадно напомнила нам свинцовое время, в которое мы столько страдали.

...А там это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мешающие ему идти вперед... надежды удалялись, мы становились еще беднее и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями немых злодейств, совершающихся в мраке канцелярских тайн.

Но с того дня как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны освобождения

196

крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.

Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, – а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами – для великого будущего.

Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог, – все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут!

Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться. Нет, нет, пусть он довершит начатое – пусть полный венчик закроет его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противудействие закоснелых помещиков, их волчий вой – не опасен. Что они могут противопоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и общественное мнение?

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
И пуще всего общественное мнение. Лишь бы теперь нашим плантаторам и их противникам позволено было высказаться, помериться... И тут, как во всем, поневоле бьешься в другое великое искомое современной России – в гласность. Гласность их казнит, прежде нежели дойдет дело до правительственного бича или до крестьянского топора.

Посмотрели бы мы, право, au grand jour⁷⁷[77], на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами! Выходите же на арену – дайте на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете что – до помещичьего права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посечь и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить? Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог – Собакевичи, 197

Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться. Померяйтесь!

Вам можно было отпустить грех неправого наследства преемственного стяжания, преступления ваших злодеев-отцов, извергов-матерей за раскаяние, за молчание, за умение понести потерю, за угрызения совести. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю ответственность. Вы никогда не осмеливались даже поворчать, когда ваших детей ссылали в Сибирь, когда с самими вами обращались, как с холопами, и вы осмеливаетесь теперь показывать зубы. История вас рассудит с императором Александром II и с народом русским – смотрите только, как бы она для вас не настала слишком скоро. Подумайте об этом!

Что касается до нас – наш путь вперед назначен, мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает; в этом мы последовательны всей нашей жизни. Как бы слаб наш голос ни был, все же он живой голос, и как бы наш Колокол ни был мал, все же его слышно в России, а потому скажем еще раз, что мы убеждены, что Александр II не равнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию, – но так же сильно любят и свободу, «которым не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждут, ничего не просят».

Но, ничего не прося, они желали бы, чтоб Александр II видел в них представителей свободной русской речи, противников всему останавливающему развитие, во всем ограничивающем независимость – но не врагов! Они потому этого хотят, что им стало дорого мнение освободителя крестьян!

«Ты победил, Галилеянин!»

ЛАКЕИ И НЕМЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТ

И ты, Саксония? – Sachsen, wo die schöne Mädchen wachsen!

Указом 29 января запрещены в Саксонии «Колокол», «Полярная звезда» и «Голоса из России». В Пруссии давно уже учрежден цензурный кордон против нас. Говорят, что сам принц Липпе-Вальдек-Зондергаузен и Мейнинген хочет взять меры деятельные и энергические, – если это правда, мы пропали!

Все это делается внешними и внутренними немцами, сговорившимися с дворовыми генералами, крепостными министрами и вообще с людьми, на которых шапка горит. Ни печати, ни сбыта русских книг они не остановят этими мерами, которые нам же служат даровыми рекламами и придают нашим изданиям международную важность. Объяснимся раз навсегда. Дело русской пропаганды для нас не каприз, не развлечение, не кусок хлеба – а дело нашей жизни, наша религия, кусок нашего сердца, наша служба русскому народу.

Мы работали не унывая тогда, когда не было никакого успеха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранных дел и немецкие министры дел отечественных признают нашу силу, наше влияние, – мы остановимся?

Будьте уверены, что нет. С рукою на сердце присягаем мы перед лицом России – продолжать работу нашу до последнего биения пульса. Она даже не прервется с нашей смертью. Мы не одни и, умирая, завещаем наш станок грядущему, юному поколению – которое примет за него с новыми силами, с свежими идеями. 199

Нас остановить можно только уничтожением цензуры в России, а вовсе не введением русской цензуры в немецких краях.

Не надобно думать, чтобы меры эти были взяты только против нас, они столько же и еще больше взяты против государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лестницы, ведущей к дворцовой передней, старается обвернуть язык Колокола – немецкими препятствиями, для того чтоб его звон не доходил до Зимнего дворца!

Лестница рассердилась не за наши теории – мы теперь никаких не проповедуем, мы взяли за девиз:

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

Освобождение крестьян – от помещиков;

Освобождение слова – от цензуры;

Освобождение всех – от побоев.

Неужели это анархия, крамола, грабеж, бунт, пожар, Содом и Гоморра?

Они осерчали за то, что мы начали указывать на лица. Это мешает заговорщикам обманывать государя и обкрадывать народ.

Желая непременно довести до сведения государя об этих мерах, загораживающих от него истину, – мы в первый раз посылаем «Колокол» в запечатанном пакете на его имя и притом в собственные руки.

Дойдет он или нет?.. Пари держать трудно! Под надзором полиции государь или нет?

Распечатывают его письма или нет?

Увидим!

200

<A MONSIEUR LE MINISTRE DE L'INTERIEUR A DRESDE>

Monsieur le ministre,

Par une ordonnance du 29 janvier, vous avez interdit la circulation, en Saxe, de nos publications de Londres en langue russe. En notifiant cette ordonnance à la police du royaume, vous dites, pour motiver cette étrange mesure, que «les écrits périodiques que je publie sont remplis d'accusations calomnieuses et préméditées (böswillige und verläumderische Anschuldigungen) contre le gouvernement russe et la personne de l'empereur».

Que vous fassiez la police russe étant ministre saxon, – c'est tout naturel, vu l'état malheureux dans lequel se trouve l'Allemagne. Mais, tout en remplissant avec zèle les ordres qui viennent de la chancellerie de M. Gortchakoff, vous ne perdriez rien à ne pas répéter des allégations fausses.

J'ai des convictions; probablement elles ne sont pas les vôtres. Je sers mon pays à ma manière, en suppléant par mes publications à l'absence de publicité en Russie. Vous pouvez trouver que c'est un crime; mais vous n'avez pas le droit – sans provoquer une réponse de ma part – de publier que j'imprime des calomnies.

La pureté de mes intentions est très bien connue à Pétersbourg: c'est ce qui fait ma force. Je défie le gouvernement Russo-Saxon de citer une seule calomnie imprimée dans la Cloche, l'Etoile Polaire ou les Voix de la Russie... une seule! En outre je n'ai jamais attaqué l'empereur régnant. Je le plains d'être très mal entouré; mais certainement ce n'est pas moi qui le calomnierais, au moment où il fait une véritable révolution

201

sociale en émancipant les paysans. Son nom appartient à l'histoire, et il s'y distingue déjà d'une manière bien remarquable de celui de ses collègues.

Et sur ce – n'étant nullement rancuneux – je fais des vœux en toute sincérité, pour que vous obteniez, M. le Ministre, la croix de Ste Anne au cou, et veuillez bien recevoir dès à présent mes félicitations anticipées.

Londres, 10 février 1858.

Alexandre Herzen.

A Monsieur le Ministre de l'Intérieur à Dresde.

202

САКСОНСКОМУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

<ПЕРЕВОД С ПИСЬМА78[78]>

Господин министр,

Приказом 29 января вы запретили в Саксонии мои лондонские издания на русском языке. В приказе вашем вы говорите что они содержат «клеветы на правительство и на самое лицо государя».

Что вы, будучи саксонским министром, занимаетесь русской полицией – это естественное последствие того жалкого состояния, в котором находится теперь ваше отечество; но усердно исполняя приказания, которые вам насылают из канцелярии Горчакова, вы ничего не потеряли бы, не повторяя ложных обвинений.

Я имею убеждения, которые, весьма вероятно, с вашими не сходны, я служу моей родине по-своему, восполняя сколько могу недостаток публичности в ней моими изданиями. Вы можете это находить преступным, но вы не имеете права – не вызвав с моей стороны ответа – публиковать, что я печатаю клеветы.

Чистота моих намерений очень хорошо известна в Петербурге – и на ней-то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть одну клевету, напечатанную в «Колоколе», «Полярной звезде» или «Русских голосах», – хоть одну! Были ошибки – мы их тотчас указывали сами.

Сверх того – я никогда ничего не говорил против нынешнего императора; я жалел о том, что Александр II так скверно

203

окружен; но ни разу не нападал на него. Конечно, не я стану хулить его в то время, как он освобождает крестьян. Его имя уже принадлежит истории – и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов совершенно иным образом, нежели имена его товарищей по трону. Затем – не будучи злопамятным – я искренно желаю, чтоб вы получили Анну на шею, и прошу принять вперед мои поздравления с наступающим крестом.

А. Герцен.

10 февраля 1858.

204

ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах

Третье отделение сообщило Ланскому, что государь, по доведению до его сведения, что в Лондоне изготовляется для пересылки сюда воззвание к крестьянам для возбуждения их к восстанию, приказал «принять все меры, чтобы воззвания эти не проникли в Россию».

Так как донос был ложный и мы вовсе не думали о воззваниях к дикому насилию, зная намерение Александра II, то разумеется, не существовавшие воззвания и не проникнули.

Но министерство внутренних дел сочло нужным издать следующий циркуляр.

Приславший его нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин; мы не думаем – его сочинил кто-нибудь из сторожей министерства, и то в понедельник утром. Вот он:

М. В. Д. Секретно

Департамент полиции

исполнительной.

Отделение II.

Стол 2.

28 октября 1857.

№ 141

Господину начальнику губернии.

Циркуляром 26 декабря 1855 г. за № 267 было мною предложено всем начальникам губерний строго наблюдать за водворением (?!) издаваемых за границу на русском языке разных сочинений и своевременно останавливать этот незаконный промысел. Между тем сочинения эти продолжают печататься за границей (!!!). Министерству внутренних дел известно, что некоторые из них появляются в России и находятся в обращении между частными лицами.

В отвращение сего, вновь предлагаю вашему превосходительству усилить меры осторожности и

205

самым тщательным образом следить за появлением всех вообще издаваемых за границу на русском языке предметов книгопечатания (это уже зато не на русском языке), изготовляемых там ныне возмутительных сочинений, имеющих целью поколебать основания гражданского устройства нашего, и в случае открытия сей контрабанды немедленно оную конфисковать и доставлять в министерство внутренних дел, адресуя прямо ко мне в собственные руки.

(Подписал) С. Ланской,

Министр внутренних дел. □

С. Жданов, директор.

(Скрепил)

СОЛИДАРНОСТЬ

«Русский инвалид», говорят здешние журналы, журит Англию за то, что она еще не изменила тем великим началам, на которых выросла ее сила и слава, и хочет судить своих и чужих по законам своего Common law, а не по полицейским инструкциям шпионов и правительств, ими представляемых.

Что это мнение – правительственное или только инвалидное?

В последнем случае нам до него дела нет, хотя и считаем, что неприлично всякий раз позорить имя русское, прибавляя его для веса ко всякому топору, ко всякой гнусной мере; ведь еще не забыли ту страстную нежность, ту трогательную настойчивость, с которой Николай просил выдачу Кошута и его товарищей из Турции. Если же это мнение «кабинета-Горчаков», по французскому выражению, то мы не можем не сказать, что оно не достойно современного состояния дел в России. Да полноте вам соваться вперед и заявлять ваши сочувствия с всякой дикой властью, с всяким насилием, с всяким нарушением прав, с всяким кованием в колодки. Дайте нам отучить западного человека, чтоб онш[ш] не произносил рядом со словом Россия – слово кнут. Где ваш интерес в этом? Неужели в самом деле

206

вы не понимаете, что государству, едва вступающему теперь в новую эпоху, нельзя делить все пороки падающих народов?79[79]

Англия дала великий пример государственной нравственности и силы. Англия – единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей там давать советы, объявлять неудовольствия, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое знамя – розги, чтоб квартальные не дрались по улицам?

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Учитесь лучше у Англии да занимайтесь своим делом!

НЕ СТЫДНО ЛИ?

Петербургские «Полицейские ведомости» извещают о возобновлении полицейского самоуправления в Петербурге. Случай, ими рассказанный, грустно напоминает нам черное время прошедшего царствования, которое мы tout de bon⁸⁰[80] считали прошедшим. Г-н Мухин за публичное чтение (верно, он читал какому-нибудь приятелю вслух?) чего-то печатанного за границей (не «Колокола» ли? всё таинственность!) и притом преступного содержания⁸¹[81] сослан под надзор полиции в отдаленную губернию (в какую? что за секреты! – ведь и Красноярская губерния не близко). Новость эта очень важна. До нее мы еще не слыхали о политических гонениях Александра II. Что же, это начало их, что ли? И что за вздор всё вместе! Точно мы накануне восстания в Петербурге – надобно брать чрезвычайные меры для спасения отечества, религии, престола. Так-то хотят гласности? И зачем у нас судебные места, когда опять какая-нибудь канцелярия может ссылать, по доносу шпиона, за чтение чего-то

207

неназванного; и кто нашел преступным содержание – трактирщик, квартальный, жандарм, половой, Игнатъев, Долгорукий?

Неужели нам придется раскаяться в том, что мы верили в искреннее желание государя – начать человеческую эпоху в русском развитии – и поторопились сказать это?

<ОТПРАВКА ШТИГЛИЦОМ ЗОЛОТА ЗА ГРАНИЦУ>

Правда ли, что во время последнего денежного кризиса Штиглиц отправлял на пароходах большие суммы золотом за границу? Откуда он его брал в то время, как золота из разменных касс никому не выдавали? Промен был 70–80 на полуимпериал. Если Штиглиц должен был платить проценты по государственному долгу, то чего Брок секретничает? Если это пошло на уплату страшных сумм, издержанных за границей царской фамилией, мы понимаем, что в таком случае стыдно признаться; да ведь стыдно тогда и экономничать в курсах. За что же купцы, наивно веровавшие в русские ассигнации, должны были поплатиться за свое суеверие?

Ох, пора Брока послать, ну хоть послом к его величеству с мягким мозгом в Потсдам или к прежнему австрийскому императору совсем без мозгу. Тут же и Карльсбад недалеко, пищеварение свое можно поправить да и русские финансы тоже.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Мы только потому не говорим в «Полярной звезде» о великом почине императора Александра II, что так много и так радостно говорили об этом в «Колоколе». Не надобно забывать, что «Колокол» составляет именно прибавочные листы к «Полярной звезде».

Да, наши пророчества сбылись, Россия двинулась вперед, и мы ждем с нетерпением того времени, когда Полярная звезда потонет при полном дневном свете и Колокол не будет слышен при громком говоре свободной русской речи дома.

Путней, близ Лондона,

1 марта 1858.

209

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE?

Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 janvier

I

Nous avons fait encore un pas en avant: les vieux vers la tombe, les jeunes vers la virilité.

Encore une fois le vieux monde a été ébranlé d'une extrémité à l'autre; de nouvelles fissures se sont ouvertes; l'édifice séculaire a encore une fois craqué et s'est de nouveau et de plus en plus affaissé, et tout cela parce qu'un enthousiasme, voyant le malheur de son pays, s'est avisé de jeter sous la voiture de l'homme qu'il en croyait coupable, une bombe fulminante qui ne l'a pas atteint.

A l'Angleterre elle-même le pied a glissé; mais, heureusement, elle s'est redressée aussitôt.

Maintenant les journaux absolutistes ne parlent que d'une alliance ultra-monarchique contre l'Angleterre, – chose extrêmement naturelle et que l'on devait prévoir. On est allé jusqu'à présumer que dans cette conspiration despotique la Russie figurera à côté de la France. Nous ne le croyons pas, mais si cela était, ce serait une absurdité historique, qui, à elle seule, suffirait à montrer dans toute son étendue l'incapacité flagrante du gouvernement tel qu'il est aujourd'hui constitué en Russie.

Cette ligue contre l'Angleterre, qui est une nécessité de position, une conséquence logique pour les autres gouvernements du Continent, serait une faute pour la Russie. La Russie a été détournée de sa voie et trainée à la remorque par la réaction européenne; cela est vrai; mais la corde s'est brisée, et la

210

Avant la guerre de Crimée, il y a quatre ans, nous disions:

«Le despotisme n'est pas du tout conservateur. Il ne l'est pas même en Russie. Le despotisme c'est ce qu'il y a de plus corrosif, de plus délétère, de plus dissolvant. Quelquefois les peuples jeunes, cherchant à s'organiser, commencent par le despotisme, le traversent, s'en servent comme d'une dure éducation; mais plus souvent se sont les peuples retombés en enfance qui succombent sous le joug du despotisme.

Le despotisme militaire, algérien ou caucasien, bonapartiste ou cosaque, une fois maître de l'Europe, sera nécessairement entraîné à une lutte acharnée contre la vieille société; il ne pourra laisser exister les institutions libres, les droits indépendants, la civilisation habituée à la parole, la science habituée à l'analyse, l'industrie s'élevant en puissance.

Le despotisme, c'est la barbarie, c'est l'enterrement d'une civilisation décrépite, et quelquefois l'étable dans laquelle naît le Sauveur.

Le monde européen, tel qu'il est, a fini sa tâche; mais il nous semble qu'il pourrait finir plus honorablement sa carrière – passer à une autre forme d'existence non sans secousses, mais sans abaissement, sans dégradation. Les conservateurs, comme tous les avars, ont eu surtout peur de l'héritier; eh bien! le vieillard sera étranglé nuitamment par des voleurs et des brigands. Après avoir bombardé Paris, déporté, emprisonné les ouvriers – on pensa que le danger était passé. Mais la mort est un Protée. On la chasse comme ange de l'avenir – elle revient comme spectre du passé, – on la chasse comme République démocratique et sociale, elle revient comme Nicolas, tzar de toutes les Russies, ou comme Napoléon, tzar de France.

L'un ou l'autre – ou les deux ensemble – achèveront la lutte.

Pour lutter il faut que son adversaire ne soit pas encore terrassé. Où est donc le dernier champ clos, le dernier retranchement où la civilisation peut livrer une bataille, se défendre, au moins, contre les despotes?

A Paris? – Non.

Paris, comme Charles-Quint, a abdiqué de son vivant sa couronne révolutionnaire – un peu de gloire militaire et beaucoup de police suffiront pour maintenir l'ordre à Paris.

211

Le champ-clos est à Londres.

Tant que l'Angleterre, libre et fière de ses droits, existe, – rien n'est fait définitivement pour la cause de la barbarie.

Depuis le Dix Décembre 1848, la Russie et l'Autriche n'ont plus de haine contre Paris. Paris a perdu son prestige pour les rois, ils ne le craignent plus. Toute leur haine s'est portée contre l'Angleterre. Ils l'abhorrent, ils la détestent, ils voudraient la piller!

Il y a en Europe des pays réactionnaires, mais non des pays conservateurs.

L'Angleterre seule est conservatrice, et le pourquoi est tout clair: elle a quelque chose à conserver – la liberté individuelle.

Mais ce seul mot résume tout ce qui est poursuivi, haï par les Bonaparte et les Nicolas.

Et vous pensez qu'ils laisseront, eux vainqueurs, à douze heures de distance de Paris esclave, – Londres libre, Londres, foyer de la propagande et port ouvert à tout ce qui fuira les villes désertes et incendiées du Continent? Car tout ce qui doit être sauvé et peut l'être, au milieu de l'orgie de la destruction – sciences et arts, industrie et culture – tout cela sera nécessairement poussé en Angleterre.

Cela suffit pour une guerre.

Enfin le rêve du premier barbare moderne, de Napoléon le Grand, se réalisera.

Quel plus grand malheur peut attendre l'Angleterre qu'une Europe révolutionnaire, que du despotisme européen? Les peuples ont assez à faire chez eux pour ne pas penser à des invasions.

Ce n'est ni l'égoïsme, ni la cupidité qui empêchent les Anglais de voir cela clairement. Disons le franchement, c'est leur ignorance et la maudite routine des affaires qui rend ces hommes incapables de comprendre qu'on doit quelquefois marcher – non par des chemins battus, mais en se frayant une nouvelle route.

Eh bien! ceux qui ont des yeux et ne veulent pas les ouvrir, ceux-là sont dévoués aux dieux infernaux. Comment les sauver?»82[82]

Depuis cette époque une révolution s'est opérée en Russie. Le Général Février – devenu traître, comme le disait le Punch – a lancé, avec plus de succès qu'Orsini, sa bombe d'Eupatoria, et, par un «heureux hasard», la couronne impériale est tombée sur la tête d'un monarque qui a compris qu'il était au bord

d'un gouffre, vers lequel Nicolas avait attiré un peuple jeune et robuste, – gouffre d'abus, de vol, de désordre, d'arbitraire, où était menacée de se distoquer la machine immense de l'empire russe.

Alexandre II a vu qu'il n'y avait de salut que dans un grand travail intérieur, travail de développement, de réforme, qu'il a osé entamer.

Dans cette situation quel intérêt peut-il avoir à soutenir le despotisme continental contre la liberté insulaire?

Il est très concevable que le souverain d'une agglomération mécanique et forcée de parties hétérogènes, s'allie à Bonaparte, pour écraser de concert les derniers vestiges de toute indépendance. Si François Joseph ne le fait pas, c'est qu'il se méfie de Louis Napoléon à l'endroit de la question italienne. Cette politique, de la part de tous les monarques européens, est concevable; quoique, à vrai dire, ce complot de police œcuménique, vu l'état de parfaite prostration des peuples, ne soit qu'une affaire de luxe. Mais ils sont liés au sabot qu'ils ont mis à la grande roue de l'histoire, et ils ne peuvent s'en débarrasser.

La Russie, elle, n'a absolument rien à faire dans tout cela; la seule chance qu'elle y puisse courir, c'est de se heurter contre la borne et de se voir arrêtée dans sa nouvelle marche. Ce n'est pas par le mutisme, l'inquisition, les déportations et le knout que les réformes peuvent s'accomplir.

La Russie est dans une position toute exceptionnelle. Elle n'appartient pas à l'Europe. Elle n'appartient pas à l'Asie. Un changement de dynastie en Chine n'implique pas une intervention de sa part. La chute de Bonaparte et l'avènement au trône de France de Baroche ou de Pélissier, ne pourrait ni affaiblir ni raffermir la puissance du tzar. La Russie, en un mot, forme à elle seule une nouvelle partie du monde, qui se développe à sa manière, s'assimilant la civilisation occidentale par la couche supérieure, et restant parfaitement nationale à la base.

213

La tâche de Pierre I et de Catherine II est accomplie. Ils sacrifièrent tout, et en première ligne le bonheur du peuple, pour fonder l'Empire russe, pour organiser l'Etat fort, et pour en faire un Etat européen. Toujours ils s'efforcèrent de mêler la Russie aux questions de politique intérieure des Etats européens, et d'élargir l'influence diplomatique du nouvel empire. Il y entra, outre la convoitise, un peu de l'amour-propre des parvenus, et c'était avec ostentation qu'ils voulaient prendre part aux affaires des vieux aristocrates du Continent.

Et pourtant, malgré tout, l'empire moderne, commençant par la négation de sa propre tradition, était une création du XVIIIème siècle. On y sentait le souffle de la révolution passant au-dessus d'une nation écrasée et somnolente.

La solidarité d'un crime lia bientôt de plus en plus le gouvernement russe au despotisme le plus vieux en Europe, et au plus jeune de tous, – à l'Autriche et à la Prusse. Après le partage de la Pologne et les nouvelles «horribles» de la France révolutionnaire, Catherine II jeta franchement le masque du libéralisme et apparut enfin ce qu'elle était effectivement, une vieille Messaline sans cœur, une Lucrece Borgia, – avec la lymphe allemande dans les veines.

Son fils, moins astucieux, reprit avec un mesquin pédantisme de caporal le rêve de sa mère et se crut le protecteur des monarques. Paul I donna le spectacle hideux et ridicule d'un Don Quichotte couronné, opprimant tout, knoutant tout, avec rage, avec fureur. Il n'était pas même supportable pour les ci-devant mignons de Catherine.

Mais ce qui est assurément très remarquable, c'est que Catherine II et son fils n'eurent absolument rien de russe, rien de national. Le patriotisme frelaté de Catherine ne fut qu'une des armes dont elle se servit pour tuer le bon Holstinois, son mari. L'éducation cellulaire qu'elle donna à son fils-rival, à son fils – ennemi naturel de la mère, qui lui avait volé la couronne, en fit un Caspar-Hauser du palais impérial. C'était un produit artificiel et morbide des sérails d'hommes et des salles d'exercice. Pas un trait naturel de caractère russe dans ce Grand-maître de l'Ordre de Malte.

Alexandre I, appelé à une grande lutte qui causa le réveil

214

du peuple et commença une nouvelle époque, ne pouvait pas, et, ajoutons-le, ne voulait pas continuer le rôle de son père. Il était réservé à Nicolas de reprendre frénétiquement ce rôle. Chevalier de la triste figure, lui aussi, il lutta trente ans avec un fantôme; mais malheureusement ses coups portaient sur la poitrine réelle de ses sujets. Nicolas s'occupait, jour et nuit, pendant plus d'un quart de siècle, à punir l'insurrection de 1825 et le soulèvement de la Pologne de 1831. Sa manie, sa folie de réaction, alla jusqu'à mettre, au mépris

des traités, et comptant sur l'humilité de l'Europe entière, la main sur des cités libres, et à les offrir ensuite comme pourboire à l'Autriche. Pour soutenir le principe de l'autocratie du plus proche ennemi de la Russie, il fit une guerre mortelle à un peuple ami, et lui-même dit ensuite à Olmütz, en montrant la statue de Jean Sobieski: «Nous sommes, lui et moi, les deux Slaves les plus fous: nous avons sauvé l'Autriche!»

Pendant les trente ans que dura ce règne néfaste, la Russie n'exista pour les autres peuples que comme une brosse de baïonnettes qui se hérissait au moindre souffle de liberté, au moindre cri d'indépendance. Les deux cent mille baïonnettes prêtes à passer la frontière pour la sainte cause de l'ordre et de la police – comme les célèbres deux cent mille ouvriers de Paris qu'on faisait prendre part à chaque démonstration – étaient dans la bouche de tous les réactionnaires; et dès qu'un micro-prince allemand était mécontent de ses deux ou trois vains bourgeois, il faisait dire par son premier ministre à ces pauvres diables de Schultze et de Müller, que les deux cent mille baïonnettes russes

s'avançaient vers la frontière. Et derrière les baïonnettes on voyait la figure sombre, boutonnée, de Nicolas, avec ses énormes bottes et son regard fauve, que le négrier Douglas a trouvé si doux.

Par ce chemin Nicolas est arrivé non seulement à faire haïr et détester le nom russe, mais encore à désorganiser complètement la Russie, à la réduire à cet état déplorable que nous avons très bien constaté pendant la guerre de Crimée. Tous les vrais Russes bénissent la paix de Paris. Cette guerre et cette paix ont humilié la fiction impériale. L'hyperbole s'est dissoute en fumée, et la triste vérité a commencé à paraître s'élevant comme un reproche des ruines de Sébastopol.

215

Dès lors le paysan de la Mer Blanche sut, aussi bien que le cosaque de la Mer Noire, que la Russie ne manquait ni de courage, ni de dévouement, ni de moyens, mais qu'on avait été battu parce que l'âme, l'organisation, le centre intelligent, l'ordre manquait. Oui, en tout opposé au citoyen Marc Caussidière, Nicolas avait fait du désordre avec l'ordre. Il s'en aperçut trop tard et en mourut de honte.

Il n'y avait que deux voies pour son fils.

Il pouvait devenir un persécuteur implacable, refouler encore plus la pensée et la parole, punir les larmes, arracher le dernier jeune homme à sa famille et l'envoyer se faire tuer, frapper de nouveaux coups sur le dos sanglant de son peuple, jeter des générations entières en Sibérie, et maintenir ainsi pendant quelque temps une tranquillité de tetanus, qui se terminerait par une explosion telle, que l'Empire éclaterait au milieu du cœur d'une Jacquerie universelle. Il ne l'a pas voulu.

Dès lors, la seconde route était toute tracée, – route de développement, des réformes, d'émancipation; aussi le progrès qu'a fait la Russie dans les trois années du règne d'Alexandre II est-il immense. Tout commence à se mouvoir; les muscles, raidis par la camisole de force, s'étendent. Les questions de la plus grande vitalité se posent. La Russie entre avec tranquillité dans une révolution économique.

Et l'on vient, au milieu de tout cela, nous parler d'une alliance française, au nom du despotisme s'acharnant contre le seul refuge de l'indépendance, de la liberté!.. mais cela n'a pas le sens commun.

Tout ce que vous voudrez, Sire, mais pas d'alliance avec Bonaparte.

Je n'ai pas la moindre intention de faire une attaque personnelle contre l'empereur des Français, – loin de là: je l'envisage lui-même comme un instrument fatal; je vois sur son front une marque tragique, un signe noir à travers les rayons rouges de sang de la gloire de son oncle.

Il est l'élu de la Mort, – son représentant.

Les Bonapartes – comme les Césars – ne sont pas des causes, mais des effets, des symptômes. Ce sont les tubercules sur les poumons d'une Rome lorsqu'elle a fait son temps. C'est

une maladie de caducité, de marasme; c'est la force de la crispation, l'énergie insensée de la fièvre.

Le Bonapartisme ne procède que par la mort. Sa gloire est toute de sang, toute de cadavre. Il n'a pas de force créatrice, pas d'activité productive; il est éminemment stérile: tout ce qu'il a produit n'est qu'illusion, rêve: cela paraît, cela n'est pas; ce sont des fantômes, des spectres: empires, royaumes, dynasties, ducs, princes, maréchaux, frontières, alliances... Attendez un quart d'heure: tout cela n'existe pas; ce sont des contours de nuages. Ce qui est réel, c'est la terre d'Espagne engraisée par les cadavres français; ce sont les

sables de l'Egypte parsemés d'ossements français; ce sont les neiges de la Russie rougies par le sang français.

Le Bonapartisme, remarquez-le bien, n'a, comme le délire, ni but, ni principe; c'est une contradiction, un bal masqué. Quand il chante, il chante un non-sens: «Partant pour la Syrie!»

Que voulait Napoléon? – Questionné par le naïf Las-Casse, il n'a jamais pu formuler une réponse plausible. – A quoi bon la campagne d'Egypte? – L'Orient, c'est un beau piédestal, un fond de tableau magnifique, – Et la guerre atroce d'Espagne? – Ah! c'est que l'Empire – c'est la révolution couronnée; c'est l'affranchissement des peuples. – Ecoutez le poète du Bonapartisme:

Les nations, reines par nos conquêtes, Ceignaient de fleurs le front de nos soldats.

Ceux qui s'évertuent à expliquer d'une manière raisonnable les orgies d'assassinat qui firent la gloire de la France au temps de l'Empire, ne trouvent rien de mieux que de dire que Napoléon faisait la guerre pour occuper les esprits en France. Y a-t-il quelque chose de plus cyniquement immoral, de plus monstrueux que cette explication? Tuer des hommes pour distraire les autres; anéantir des générations pour substituer, chez celles qui restent, aux idées du progrès social – des hallucinations de gloire sanguinaire, l'apothéose du carnage, et l'amour illimité – de la légion d'honneur?

Oui, c'est le despotisme de la fin, de l'index. Métastase de la Révolution, il n'est que destructeur; tuant ensemble et la Révolution et la tradition; 89 par l'église, et l'église par 89;

217

tuant enfin le suffrage universel par l'élu. Il inocule la mort. Il a failli perdre l'Angleterre par son attouchement: il n'y a pas de santé qui tienne contre une goutte de sang malade.

Prenez garde à vous, Sire, et ne mettez pas, par dépit et rancune contre un récent ennemi, la Russie – cette jeune et robuste paysanne – dans le lit d'un vieillard usé. Le David gaulois peut mourir sans elle.

Entre les deux alliances, l'alliance anglaise et l'alliance française, il n'y a, raisonnablement, pas à hésiter pour la Russie.

L'état dans lequel se trouve l'Occident n'a jamais été plus simple. Cette simplicité même est un signe alarmant. Tout ce qui est plein de nerfs, de sève, de vie, de force, est très compliqué, très embrouillé; c'est ce que nous pouvons voir en examinant le pays le plus vivant, le plus vivace de l'Europe, l'Angleterre.

L'alternative de ces deux alliances est donc d'une clarté extraordinaire.

L'alliance française – c'est la ligue du despotisme contre l'Angleterre; c'est la guerre, le retour à la barbarie, le coup de grâce donné à l'Europe. Quel avertissement sinistre que la haine implacable, stupide, et heureusement impuissante, de Napoléon I pour l'Angleterre – c'est un des plus beaux titres de la fière Albion. L'instinct astucieux du grand condottiere lui disait bien que rien n'est stable pour le Césarisme tant que l'Angleterre existe indépendante de la France. Et c'est à cette œuvre de dissolution sociale dans la servitude, que la Russie, à peine éveillée à une nouvelle existence, irait prêter le secours de son bras. Elle couperait court aux réformes, remettrait les chaînes aux paysans, écraserait les germes qui palpitent, ferait de ses champs un caravansérail de hordes disciplinées pour la destruction, et tout cela pour se ruer sur l'Europe, s'unir à d'autres hordes carnassières, et, tous ensemble, Kalmouks et Zouaves, se précipiter sur l'Angleterre, au cri de «Mort à la liberté!»

L'alliance avec l'Angleterre, au contraire, n'est point une ligue contre la France. L'Angleterre n'attaque pas. Elle n'a plus cet héroïsme des chasseurs bibliques, des bandits du moyen-âge, des reîtres et lansquenets de tous les temps. L'Angleterre

218

aime la paix, parce que la paix c'est le grand loisir du travail. S'allier avec l'Angleterre, c'est donner à entendre que la Russie n'a rien à craindre de la liberté, qu'elle n'est solidaire de rien sur le continent. C'est arriver enfin à reconnaître, de part et d'autre, que les deux pays n'ont rien à se disputer et peuvent immensément s'entraider. N'est-il donc pas temps d'anéantir ce spectre illusoire d'une rivalité, qui n'a d'autre base que l'ignorance de la géographie? Peut-on, après la campagne de Crimée, sérieusement croire que la Russie ira entreprendre de vaincre des difficultés presque insurmontables pour pénétrer aux Indes; et, après la promenade Baltique, peut-on penser que l'Angleterre entretiendra des flottes exclusivement pour empêcher la civilisation américaine d'entrer en Sibérie, par la seule voie possible – l'Amour? – Mais ouvrez donc une carte.

Et ce n'est pas tout. L'Angleterre est l'unique, la seule école qui nous convienne. Grand peuple, avec une petite armée et de vastes conquêtes, elle nous déshabitue des uniformes, des parades, de la police, de l'arbitraire. Pays sans centralisation, sans bureaucratie, sans préfets, sans gendarmes, sans restriction de la presse, sans entraves au droit de réunion, sans révolutions, sans réaction: tout le contraire de la Russie et de la France. Et quel rôle que le sien! Après la chute et la décadence du Continent, seule, debout, la tête haute, tranquille, pleine de sécurité, elle regarde, du milieu des vagues, le sabbat hideux, la danse macabre de la mort et des commissaires de police. Oui, c'est encore, comme le dit le vieux Gaunt, «le diamant enchâssé dans l'argent de la mer». Il commençait un peu à perdre de son eau, de son éclat; mais on était tellement habitué au teint noirci par les siècles, de tout ce qui est anglais, que la rouille du moyen-âge, semblable à la mousse qui couvre la bouteille, ne parlait pas seulement de la vieillesse, mais aussi de la force. Il fallait cependant avoir eu un moment de terrible vertige pour se laisser entraîner par de piètres faiseurs de coups d'Etat à la Française, par de mauvais copistes de grands criminels, vers l'outrage fait à ses droits les plus précieux.

Je ne suis nullement anglomane. Je suis tout simplement un Russe qui a abandonné sa patrie pour la liberté. Habitué

219

aux voyages, je ne tiens nullement au degré de latitude ou de longitude. Ne prenant part à aucune conspiration, je n'étais en aucune façon menacé par la loi sur le meurtre... des libertés anglaises. Et quand-même... j'aurais pris ma presse sous le bras et me serais embarqué pour New York. Mais, je l'avoue, après la première lecture de la loi sur la suspension de l'inviolabilité personnelle en Angleterre, mon cœur se serra. Je fus terrifié, abasourdi. C'est alors que je compris que j'aimais l'Angleterre!

Mais, pensais-je, sont-ils donc fous? Est-ce qu'ils ne savent pas ce qu'ils votent? Comment, il suffira de deux espions, de deux parjures de profession, pour donner à la police le droit de fouiller la maison d'un Anglais, ce sanctuaire, ce «non me tangere», cette forteresse, pour le salut de laquelle le pays a souffert joueurs, banqueroutiers, prostituées, voleurs..., que sais-je encore. Et maintenant on ouvre une porte basse pour des mouchards!

Le jury acquittera... c'est possible; mais les papiers fouillés, les secrets de famille salis par la main des espions, et, par dessus le marché, la prison préventive! Cette loi, à elle seule, était un coup d'Etat, un 2 Décembre masqué, un suicide, un parricide véritable. Pour punir l'intention d'un meurtre, on donnait par derrière un coup de couteau à la Common law.

Quels jours de malheurs avons-nous donc à voir encore? et quelle triste existence que de passer ainsi d'un enterrement à un autre. Le deuil pour la France – comme les souliers de la mère d'Hamlet – n'était pas encore usé, et déjà on flairait l'encens funéraire d'un autre côté, et on semblait entendre les sons lugubres du Requiem:

Dies iræ, dies illa,

et, Juif errant, je me préparais à partir.

Mais l'Angleterre se releva. Elle rejeta non seulement la loi, mais les conspirateurs. Et ce ne fut pas le Parlement seul qui se souleva. Dans les plus grandes cités et dans les moindres carrefours, sur les places publiques et près de l'âtre de la famille, un cri d'indignation se fit entendre, traversant l'île d'un bout à l'autre; et un cri d'horreur vint le corroborer lorsque les Anglais virent la terre libre de leur patrie couverte d'une vermine

220

d'espions à moustaches, figures patibulaires des prostitués de l'ordre continental.

L'exaspération était telle que, dans les rues, les gamins poursuivaient tous les étrangers du cri de «French spy!» et cela avec accompagnement de grognements et quelquefois de boue. Ils me l'ont crié, à moi. – Et comme, au fond du cœur, je les en ai remerciés!

Un peuple qui sait haïr la police politique – est libre à perpétuité. Ce n'est pas en vain que la reine Elisabeth nommait l'Angleterre Common wealth!

II

La Révolution est française. Le Socialisme – son dernier mot et son idéal – a été élaboré par les penseurs français, au milieu des souffrances du prolétariat français.

Je ne veux pas dire que les prolétaires des autres pays aient moins souffert ou que des penseurs d'autres nations n'aient eu des idées de régénération sociale très prononcées. – Robert Owen est Anglais. Mais c'est en France que le

prolétariaire a non seulement souffert, mais en a eu conscience et a compris que cela n'était pas seulement un grand malheur, mais aussi une grande iniquité. C'est en France que le Socialisme, de passion qu'il était du temps de Gracchus Babeuf, se fit religion avec St. Simon, doctrine avec Fourier, philosophie avec Proudhon.

Y a-t-il là une raison suffisante pour conclure que la régénération sociale, annoncée en France, se réalisera aussi en France? – Nous ne le pensons pas. Mais, nous nous hâtons de le dire, si cela n'est pas logiquement nécessaire, cela peut être. Cela dépend, en première ligne, de la manière dont la France sortira de la crise présente et de sa prostration actuelle.

Elle en sortira peut-être comme un phénix glorieux, transfigurée, rajeunie, et entraînant les vieillards du monde Romain à une troisième existence; ou, c'est aussi possible – ne trouvant plus de forces régénératrices, elle fera de son programme un testament qu'elle laissera, comme sa dernière volonté de grand peuple, aux autres races, aux autres pays. Ainsi Jérusalem légua l'Évangile au monde, ne se réservant que l'espérance éternelle de rebâtir demain le temple de Salomon!

Cette question est très grave, très difficile. Mais le doute est déjà un grand pas en avant, et l'affranchissement de la foi aveugle dans l'avenir révolutionnaire de la France pourrait bien être le véritable commencement de cet avenir.

Nous n'avons pas à cette question de réponse toute faite. Nous ne tirons pas d'horoscopes. L'avenir est variable. La seule chose raisonnable que nous puissions faire, c'est de constater les conditions dans lesquelles une régénération sociale est possible pour une nation, et les crises, les catastrophes, les phases par lesquelles elle doit passer.

Or, une grande autorité dans les palingénésies sociales a dit: «Il faut mourir dans le vieil Adam, pour renaître dans le nouveau; s'est par la fosse qu'on va à la résurrection: le baptême par l'eau (le changement d'étiquette – Monarchie, République) ne suffit pas».

À côté de ces paroles, il y a un exemple. C'est la Rome des Césars passant par la mort pour devenir la Rome des Papes.

Rome faisait beaucoup de révolutions; elle changeait souvent de peau; mais avec Marius et Sylla, avec le Sénat et Jules César, avec Néron et Marc-Aurèle, elle restait la Rome antique. Devant le Christianisme le vieil édifice dut s'écrouler pour être rebâti. Il n'en resta pas pierre sur pierre. Tout passa par la mort, et en sortit transfiguré.

Au lieu des arcs de triomphe, attendant avec leur «Ave, César» les légions victorieuses... des processions de moines allant s'agenouiller devant un gibet romain. Au lieu de l'aigle carnassier des Césars... l'Esprit saint sous la forme d'une colombe.

Lorsque Rome fut mûre pour la tombe, un homme vint qui, possédant toute la culture antique, dit à ses concitoyens, à ces orgueilleux Cives Romani, qui ne s'estimaient qu'à cause de ce titre: «Allez... vos vertus sont, pour nous, des vices brillants. Notre sagesse est folie pour vous». Et il ne fut pas lapidé. Au contraire, on l'écouta avec stupeur et tristesse.

Dès lors il n'y avait plus d'accommodement possible. Il fallait exterminer les Chrétiens ou ensevelir la vieille Rome. Il n'y avait pas de mezzo termine. St. Augustin ou Julien l'Apostat devait seul rester vainqueur.

La lutte dura des siècles. Siècles de misères et de souffrances

222

sans bornes. Pendant ce temps le grand travail se faisait. Tandis que l'Empire, avili, en démeure, rongé par la pourriture au centre, meurtri, roué de coups aux frontières, tombait en lambeaux – le prêtre, le moine, tranquilles, n'ayant rien à perdre, rien à enterrer, émancipés du culte traditionnel, continuaient leur propagande.

Si on ouvre les écrits des premiers pères de l'Église, on est tout étonné de trouver entre les vieux et les nouveaux Romains une différence complète. Pas de trace, chez ces derniers, de ce chauvinisme qui rendait les citoyens de la ville éternelle si insolents envers les autres peuples; pas de trace de cette jactance frivole qui portait les Romains à s'admirer comme le grand peuple de l'antiquité; pas de trace de ce patriotisme avide et exclusif qui poussait les Romains à applaudir avec frénésie à chaque victoire et à tout pardonner aux Césars, pourvu qu'il y eût un peuple sanglant et égorgé à genoux devant les légions invincibles.

Vae victis! Tout abandonne la cité impériale, la vieille Rome décrépète et passe à l'ennemi. La pensée sérieuse, le génie poétique, le talent fougueux et entraînant, tout se livre aux évêques et aux prêtres – ces anarchistes des

premiers siècles. Rome n'a plus de grands auteurs; elle n'a que des stylistes. La rhétorique emporte le fond. Les gens, n'ayant rien à dire, ne font que parler. Pour cacher l'absence de l'initiative, la pauvreté de la pensée, ils remplissent de fioritures l'immense vide qui pèse sur eux, comme un reproche, comme un remords. C'est au point que si le semi-laïque Apollonius Sidonius nous intéresse encore, c'est uniquement parce qu'il a décrit les mœurs de son temps, et que nous pouvons suivre, avec une excitation toute nerveuse, dans ses récits, les progrès de la mort, les convulsions d'une civilisation qui agonise. Lorsqu'un peuple vise, dans ses paroles, à l'effet, parle par des phrases faites et avec un étalage intempérant de grands mots, qui vous laissent froid comme glace, il est en pleine décadence, en plein Bas-Empire. Les peuples de l'Orient qui, sans doute, peuvent aussi avoir, un jour, leur régénération, ne parlent, dans le lourd sommeil de leur enfance sénile, que par des exagérations, et en remplaçant le sens par l'expression et le sujet par des adjectifs...

223

Le Socialisme n'exige pas moins, d'une nation chrétienne, que le Christianisme n'exigeait de la Rome polythéiste. Il ne demande pas moins, au soldat, au bourgeois, au citoyen, que ne demandait l'homme sans pays, sans origine, humble et pauvre, prêtre vagabond et mendiant, au patricien conservateur – si orgueilleux avec ses clients et si servile avec l'empereur – esprit fort en laticlave, qui baisait pieusement l'anneau portant l'effigie de César-Dieu. La question que nous avons posée n'est pas de savoir – si la vieille France a fait son temps. Cela est hors de doute. La question se pose plutôt dans les limites où Hamlet renfermait la sienne. Ce qui l'intéressait, ce n'était pas la mort, mais le rêve qui viendra après la mort.

Au point où en sont les choses, nous pouvons encore admettre le beau rêve de la transfiguration sociale. Mais le sommeil lourd du dépérissement devient de jour en jour plus probable; et, dans ce cas, la France entrerait insensiblement, peu à peu, sans secousse, et tout en gardant les formes extérieures de la vie et de la civilisation, dans l'ennuyeux semper idem de la vieillesse – vieillesse corrompue et servile, comme celle de Byzance, ou sèche, raide, grave, imposante par la forme et stationnaire par le fond, comme celle de l'Espagne.

Ce n'est pas exclusivement l'état actuel de la France qui rend possible cette hypothèse. Nous l'avons dit, Bonaparte est un effet et non une cause. C'est le châtement si l'on veut, mais la faute est ailleurs.

L'Empire ne durerait pas deux jours s'il ne trouvait un point d'appui quelconque dans le caractère français. Il correspond nécessairement à des éléments parfaitement nationaux. On dira tout ce qu'on voudra; l'élection du 10 décembre 1848 fut libre et populaire.

La France est belliqueuse, militaire. Elle aime l'étalage de la puissance, les mesures extraordinaires qui immolent l'individu à l'Etat, l'homme à l'idée. C'est plus qu'il n'en faut pour le Césarisme. Peut-on, au contraire, imaginer, par exemple, une Angleterre bonapartiste?

On dit pourtant que depuis quelque temps un grand changement s'est opéré dans l'esprit populaire en France. La docilité

224

passive indique en effet un travail intérieur; mais nous avons peu de faits pour déterminer ce changement.

Il y a cependant un moyen très simple d'apprécier le lot de Dieu et le lot de César en France; le voici. Le régime abrutissant de l'impérialisme est détesté; car la France n'aime que la poésie du bonapartisme et non sa prose. Après tout, il n'y a pas de pays au monde qui courbe la tête sous le joug par amour pour la tyrannie. Toute la différence consiste en ceci, qu'un peuple souffre l'esclavage, pour un plat de lentilles ou pour autre chose, tandis que tel autre peuple ne s'en accommoderait pour rien au monde. Or, il y a une minorité de républicains, de socialistes qui protestent avec énergie contre l'oppression sous laquelle la France est écrasée. Cette minorité doit nécessairement être contre tout ce qui peut corroborer la puissance de Bonaparte et des janissaires qui le soutiennent. C'est évident.

Il y a quelques jours tout le monde a entrevu la possibilité d'une guerre entre la France et l'Angleterre.

L'Angleterre maintenant avec fermeté sa liberté et le droit d'asile; «The Empire espionage»⁸³[83] du Times ne peut tolérer près de la France un reproche si vivant et si accablant; et, dès qu'il se sentira assez fort, Bonaparte fera la guerre à l'Angleterre. Chacun à sa place en ferait autant.

Je voudrais savoir, maintenant, quelle partie de la minorité française fera des vœux pour le succès des hordes zouaves en Angleterre et quelle autre regardera

avec horreur cet attentat contre la liberté menacée de mort dans le dernier coin de l'Europe, et applaudira aux Waterloo futurs? Remarquez qu'il ne s'agit que de la minorité: quant à la majorité, on peut être sûr qu'elle verra avec enthousiasme l'humiliation de la fière Albion.

Eh bien, les hommes qui préfèrent la gloire militaire de leur patrie à la liberté, n'aiment pas la liberté. Ce sont des Romains de l'ancienne Rome, des braves de la grande armée; se sont les derniers Abencérages, les derniers Mohicans... tout ce que l'on voudra; mais ce ne sont pas les hommes du nouveau monde.

On peut appliquer successivement cette épreuve à des séries de questions dumême genre. Le résultat sera presque toujours le même.

225

La peau du vieil Adam tient d'autant plus fort qu'il ne s'en aperçoit pas. Le Français, convaincu qu'il est révolutionnaire et qu'il marche à l'avant-garde de l'humanité, n'a pas de préoccupations. Il est content de lui-même, et s'il a perdu son chemin et revient sur ses pas, il ne s'en rend pas compte. C'est justement ce qui nous fait penser que les Français devraient entreprendre un grand travail de remue-ménage intérieur, d'analyse psychiatrique. Cela leur serait si facile, ayant parmi eux de graves penseurs qui regardent, pleins d'amertume, tout ce qui se passe. Mais on ne les écoute pas. Ils sont trop peu patriotes, trop peu dans la tradition révolutionnaire, trop indépendants d'elle. C'est là qu'est le mal: car c'est peu de renier la France monarchique et féodale; elle n'existe presque pas. Il faut s'émanciper de la France de Béranger. C'est peu de ne pas sympathiser avec la St. Barthélémy, il faut aussi ne pas sympathiser avec les journées de Septembre. C'est peu de ne pas vouloir se venger de Waterloo, il faut ne plus se complaire dans le souvenir d'Austerlitz.

Heureusement, plus que pour tout autre peuple vieux dans l'histoire, il est facile pour la France d'entrer dans une autre phase, et c'est un immense avantage qu'elle a. L'Angleterre, par exemple, comme les énormes châtaigniers de ses parcs, tient à son sol par des racines qui vont se ramifier et se perdre dans les profondeurs de la terre. Par un travail séculaire, elle a accumulé des richesses immenses; l'alliage n'est pas séparé de l'or, et elle tremble de les séparer, craignant que le métal ne lui échappe. La France, au contraire, n'a rien de définitivement acquis. Elle n'a fait que secouer d'une main vigoureuse la poussière gothique et la poudre de Versailles, elle n'est pas entrée dans un état normal depuis 89, et elle est encore en proie à toute agitation convulsive, à toute incohérence de la lutte qui a, déjà deux fois, abouti à une négation complète de tous les droits. Aimant l'émeute et la centralisation, dénuée de l'instinct de la liberté – et voulant émanciper les autres peuples, intolérante au nom de l'indépendance, la France n'est pas arrivée à fixer les points cardinaux de son édifice social. Ayant eu une coalition formidable à combattre, distraite par la guerre, elle a perdu dans les victoires toutes les acquisitions de 1789.

Elle a confondu la révolution avec la guerre, et ayant une fois voilé la statue de la liberté, elle n'a plus ôté le voile.

De génération en génération elle se lève, tient ses assises, reprend son alphabet de droit, le revise et puis l'oublie. Elle n'a pas de Credo de Nicée adopté une fois pour toutes; elle n'a pas de Common law; elle n'a pas de principes fondamentaux reconnus: non, rien de pareil. Les Français recommencent chaque fois par le commencement. «Quels sont les droits imprescriptibles de l'homme? – Est-ce que la liberté de la presse est un droit imprescriptible? – Est-ce que le droit de réunion doit être garanti?» Toutes ces questions, impossibles en Angleterre depuis Cromwell, en Amérique depuis Washington, sont posées en France à chaque changement de gouvernement.

Les solutions les plus excentriques sont quelquefois données à ces questions primaires; mais elles n'étonnent pas et même on les accepte. «Oui, les hommes peuvent se réunir si leur nombre ne dépasse pas 21. – Non, ils ne peuvent pas se réunir si leur nombre dépasse 21». Sur ce arrive une révolution, et de nouveau: «Quels sont les droits imprescriptibles de l'homme? – Est-ce que la liberté de la presse est un droit imprescriptible? – Est-ce que le droit de réunion doit être garanti?» – on change le dictionnaire et le vieil ordre de choses renversé reparait aussitôt sous un autre costume. Cela me rappelle la farce qu'on jouait au Vaudeville, en 1848, – La propriété c'est le vol. Proudhon arrivait pour proclamer une nouvelle loi. Art. I. – Les agents de change sont abolis. Art. II. – Les agents de change sont rétablis sous le nom d'agents d'échange.

Si on veut suivre le fil rouge qui passe à travers les corsi e ricorsi révolutionnaires, on trouvera un élément constant dans toutes les variations,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
même dans les plus contradictoires; c'est le vieux péché romain – c'est le grand
ennemi de la liberté – le gouvernementalisme, la réglementation d'en haut,
l'imposition forcée par l'autorité. Chaque nuance qui arrive au pouvoir devient
aussitôt Eglise, et – malheur aux schismatiques. Rien n'est laissé à l'individu;
ses croyances, ses vertus, ses convictions, tout est ordonné par l'Etat. Des
idées philosophiques sont proclamées sous forme de loi civile. On reconnaît
l'Être suprême par un décret. On oblige les gens à se tutoyer sous peine

227

d'être suspects, et à être fraternels pour se mettre en règle avec la police. On
intime l'ordre de croire à l'immortalité de l'âme... et ce n'est pas tout: on
prend cela au sérieux; on obéit, et on punit les réfractaires.

Quel amour effréné du pouvoir a dû se développer dans ces circonstances, et
aussi quel profond mépris pour l'individu! Peut-on trouver étonnant que Louis
XIV, ayant passé par le bonnet phrygien, soit devenu Napoléon.

Cet état de fluctuation, d'incertitude de l'alphabet social ne peut plus durer.
L'Empire est là, exterminant la pensée et l'aspiration, persécutant le regret et
la douleur, écoutant aux portes et regardant par les fentes, corrompant,
achetant, à prix d'argent et de croix d'honneur. Si on le laisse faire, chez un
peuple qui n'a que des notions contradictoires sur le droit, pendant une ou deux
générations, il sera peut-être trop tard pour la guérison.

D'un autre côté le despotisme centralisé est toujours prêt à s'écrouler. Ce que
Caligula désirait pour Rome, s'est accompli à Paris, – la France n'a qu'une
tête. L'Empire met tout en enjeu sur une seule carte, qui peut sauter par une
dépêche d'Eupatoria, par une bombe d'Orsini ou par le choléra du bon Dieu. – Et
alors s'ouvre un champ immense.

Arrivée à ce point, la France peut-elle sortir – nouvelle Minerve toute armée de
la tête fendue de cette larve qui l'enserme? – Nous l'espérons. Mais, dans tous
les cas, elle n'en sortira pas sans avoir passé par le purgatoire d'une
éducation bien différente de celle qu'elle a reçue jusqu'à ce jour. Il faut
abjurer ses vieux péchés; il faut s'émanciper de la maison paternelle ou
s'ensevelir sous ses ruines.

Cette éducation sera-t-elle longue?

Rome eut besoin, pour se régénérer, de quatre siècles de Césarisme avant
Constantin, et de quatre encore après. Mais avec un conducteur comme le César
actuel, on est sûr de faire un chemin rapide. Et puis... de nos jours, les morts
vont vite!

20 mars 1858. Putney.

228

FRANCIЯ ИЛИ АНГЛИЯ?

Русские вариации на тему 14 января 1858

Брошюру эту, напечатанную по-французски шесть месяцев тому назад, я тогда хотел
поместить в «Колоколе» – но время прошло, а перевода не было сделано.

На днях г. С. Тхуржевский получил перевод и спрашивал моего мнения, печатать ли
его. Издание этой брошюры на русском языке я не считаю бесполезным, несмотря на
то, что события, совершившиеся с тех пор, так ясно подтвердили мнения, нами
высказанные, что самая возможность сомнения становится непонятной. Кто и теперь
еще не разглядит, что представляет Франция и что представляет Англия, тот не
близорук, а просто слепой или человек, забитый доктриной.

Все в Европе идет с поразительной быстротой к пятому действию, мы в антракте, и
занавесь уже вполнину поднялась... и пролог был сказан, остается ждать
развязки: актерам идти на сцену, а нам, зрителям, смотреть на игру. – Мир
событий, обыкновенно запутанный, сложный сам, представляет свою аллегория;
сфинкс во всеуслышание рассказывает свою тайну, и все так просто, без переходов,
без теней, без тушовки...

Тут нечего ни долго изучать, ни отыскивать источников, стоит только взять газету
и читать.

Тяжелый, тучный «Теймс», не любящий поэтизировать, ненавидящий отвлеченные
теории, политические построения, сам вышел из своих деловых привычек, из своей
обычной колеи,

приздумался перед странной игрой случайности и, бросая на минуту свою косу,
которой косит ежедневную траву для насущного пропитания, делается авгуром и по
теплым трепещущим событиям заглядывает в даль и пророчит.

229

«В то самое время, – говорит «Теймс», – как без умолка гремели залпы со всех
фортов Шербурга, мирный пароход, не замечаемый при этом громе, тихо входил в
гавань. Он привез весть о деле, сделанном британскими руками, в сравнении с
которым Шербург и его крепости теряют значение, – он привез телеграфическую
депешу о том, что Англия и Америка соединены электрической ниткой! – Новая

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
страница истории открывается...» (11 августа 1858).

Я не знаю, что к этому прибавить... Прибавлю анекдот. «Странная случайность» так мало странна и так мало случайность, что она повторялась на всех размерах, на тысячи ладов.

В тот самый день, в который пришел «скромный пароход», сажился я часу в седьмом вечера в вагон на Виндзорской дороге. В вагоне был какой-то офицер с рыжими подвитыми бакенбардами, трое истых лавочников, с их откормленно-тупым выражением и неловкой грубостью приемов, и мальчик лет двенадцати. Пока я рассматривал моих соседей, отворилась дверь и вошел высокий, худой господин весь в черном, сел в угол и спрятался за листом вечерней газеты. Следуя его примеру, вынул и я «Express», но не успел прочитать одной строки, как вдруг старик с восторженным лицом воскликнул: «O glorious, glorious!..84[84] Господа, – прибавил он, – вы, кажется, не знаете, – атлантический телеграф прикреплен и действует!» – «Как! – закричали все остальные, – прикреплен? Позвольте газету... и мне, и мне!» Гордая радость виднелась в этих бесстрастных людях, даже мальчик принимал участие в великом событии.

И в то самое время толпы диких бретонцев, постукивая деревянными башмаками, шли по нестерпимому жару, бросая страдную работу, чтоб где-нибудь на дороге, прождавши сутки, склонить голову перед деспотом Франции. Другие толпы с кровожадным упоением смотрели на роскошь орудий смерти, на бойницы, от которых потонут корабли, и на корабли, которые понесут разорение, смерть и равенство рабства в соседний остров. Наконец-то они унизят гордую соперницу, отомстят Англии за то чувство зависти к ее свободе, утрата которой все-таки оставила угрызение на совести и рубцы на сердце. Такие угрызения и такая зависть часто скрываются за дерзкой речью куртизаны, когда она говорит о честной женщине.

Во французском задоре замешались, сверх племенной ненависти, отчаяние собственного падения и суетная надежда кровью и победой скрыть его от чужих глаз.

Ложь франко-английского союза обличилась. Аванпост воинственных орд романо-галльской Европы стоит готовым перед последним этапом старой англосаксонской цивилизации. Франция рвется на бой, и никакая сила не удержит этих варваров просвещения.

Устоят ли готические твердыни готической свободы?. Стары они, поросли мохом, расселись?..

Помните ли слова нотрдамского архидиакона, когда он, указывая аббату *beatī, sanctī Martīnī* на печатную книгу и на собор, сказал: «*Ceci tuera cetera!*»? Телеграф не убьет ли Шербурга?

Что можно сделать со страной, у которой бьется непрерывный пульс с Америкой, для которой океан сделался внутренней цистерной? В сущности, тут не два государства, а два разных берега, принадлежащих англосаксонцам.

Англию так же трудно поймать, как рыбу голой рукой, – у ней нет границ, Англия – не один остров, но остров и Океан. Она может переплыть по ту сторону и остаться той же Англией. Она не *glebae adscripta*85[85], не крепка земле, не похожа на первозданные граниты, базальты, переживающие – без способности разрушенья, без способности развития – подвижные слои, тучные жизнью и полные здоровьем, смываемые тут, наносимые там и всегда полные пластической мощи.

С этими мыслями вышел я из вагона. В амбаркадере сидел, дожидаясь своего поезда, один знакомый, «пришедший за Ламанш отыскывать свободы», сильно красный по мнениям, и тоже читал газету – вот что он вычитал *sur le «Time»*86[86]:

– Что, скажите, каково они нас побаиваются, – сказал он мне с самодовольнейшей улыбкой в мире, – они просто дрожат!

231

– Чему же вы удивляетесь? – спросил я. – Вселять страх одной дикой силой принадлежит не только народам, пошедшим в солдаты, но каждому медведю и волку.

– Пора, пора заплатить Англии за все ее козни; Англия – это средоточие реакции; пока Англия цела с своими аристократическими учреждениями, эра всеобщей свободы не начнется в Европе.

– Так это ее и карать за то, что вы не умеете быть свободными?

– Послушайте, скажите мне серьезно, неужели вы в самом деле думаете, что Англия свободна?

– Думаю, что она во сто раз свободнее Франции и всей Европы, за исключением разве Швейцарии.

– *Erreur, erreur profonde!*187[87] Ваш приятель Прудон, которого вы так отстаиваете, – и он в последнем сочинении своем сказал, что, несмотря ни на что, Франция все-таки остается самая свободная страна в мире; разве не она во главе революционного движения? Это будет не война, а крестовый поход – с нашими знаменами революция обойдет мир!

«Waterloo only!»⁸⁸[88] – закричал сторож, звоня изо всех сил, и мой Атилла, будущий бич господень и учитель французской грамматики per interim⁸⁹[89], сел в одну из карет и исчез.

«Франция или Англия?» – спросим мы опять. Да, нам, русским, больше нравится Франция. Мы воспитаны на ее литературе, на ее понятиях. Парижские нравы ближе к нашим, чем лондонские, и bal Mabille веселее Cremorne-Gardea's. Все это так. Даже без всякого отношения к нам англо-германская порода гораздо грубее во всем франко-романской.

Но речь не о том; нам не суженого выбирать, а попутчика в будущее.

Романские народы, наследники театральной доблести древнего мира, кастильской утонченной вежливости и шипучего образования аристократической Франции XVIII века – изящнее своих соседей. Они, как гладиаторы, знают искусство красиво

232

умирать и увядают, как старые маркизы, с трагической грацией и с предсмертным кокетством Рашели, зарывшейся в кружева за день до кончины, чтобы скрыть худобу от Наполеона Бонапарта.

Где же с ними равняться неуклюжему, тяжелому англо-саксонскому работнику, с своими потными руками, которыми он срубил себе избу, «в которую дождь и град может взойти, но королевская власть не может», – да две-три Европы расчистил за одним океаном и теперь расчищает за другим!

Зато в то время, как Венеция, Сиенна, Севилья и самый Рим своей старческой худобой вызывают грусть и печальное уважение, в то время, как их улицы пусты, дворцы почернели, лавки бедны, торговля не цветет, в то время, как народонаселение во Франции останавливается, начинает убывать и умственный горизонт становится уже и уже, – в Англии, не говоря об Америке, в старой, неуклюжей Англии, в этой стране Быка и Пива, все растет, переполняется, тучнеет, зеселяет и, не имея места, плывет во все части света и строит Drury Lane в Мельбурне и Гаймаркет где-нибудь в Порт-Сен-Филиппе.

По ту сторону океана – то же самое, сравните Мексику, испанскую Америку вообще с Америкой английской. А уж, конечно, испанец нам симпатичнее «янки».

Взгляните, наконец, на нас самих. Нельзя сказать, чтоб мы приобрели, особенно в царствование Николая, права на любовь других народов. Империя солдат и розог, крепостного состояния и чиновников, немецкого абсолютизма и византийского раболепия – но со всем тем рост наш не подлежит сомнению, мы чувствуем нашу юность, мы чувствуем избыток сил, через два поколения нельзя узнать некоторые края России; мы влечемся к Тихому океану, мы идем вперед с ядрами на ногах. Это может не нравиться; немцы просто сердятся на нас за это и ворчат, англичане дуются, французы не знают – но отрицать этот факт не может никто, так, как мы не можем отрицать фактов их жизни, – раз навсегда будемте уважать выше всего объективную истину.

Во имя ее мы и спрашиваем теперь, как шесть месяцев тому назад, – можно ли серьезно задуматься над выбором союза

233

между Англией и Францией? Можно ли из двух знамен выбрать то, которое держит Наполеон III, и уверять, что Россия вступает в эпоху улучшений, реформ, освобождений?

Это знамя войска, а не народа, хоругвь смерти, а не жизни. Союз с Францией бесплоден, с ней можно соединиться только на чью-нибудь гибель, только на разрушение. Зачем нам участвовать в казни мира, не согрешившего против нас, зачем нам быть саранчой, нападающей, как кара небесная, на страны, которых горьким опытом, которых выстраданной мудростью мы воспользовались? Галльский цезарь справится сам с дряхлеющей цивилизацией, если час ее настал, на это довольно обращенных в дикарей зуавов, – к чему же казаки?

В предстоящей борьбе России, пожалуй, вовсе не нужно принимать деятельного участия – это их «семейная ссора». Мы тут не ждем наследства и равно не связаны ни воспоминаньями, ни надеждами. Что нам нужно было, – их теоретическую мысль, – мы взяли, мы посильно усвоили себе. Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все западные дела, не замечая того, что человечество съезжает с европейского материка; если она освободится от петербургской традиции, у ней есть один союзник: это Северо-Американские штаты!

Но в выборе между Францией и Англией лежит пробный камень, великое нравственное сознание, как правительство понимает себя и Россию.

С Англией – свобода и мир!

С Францией – рабство и война!

3 сентября 1858. Путней.

ПЕРЕВОД

I

Мы сделали еще шаг вперед: старые к могиле, юные к возмужалости.

Еще раз старый мир покачнулся от края и до края; раскрылись новые щели; вековое здание еще раз затрещало и снова

234

стало все больше и больше оседать, и все это от того, что какой-то энтузиаст, при виде бедствий своей родины, вздумал бросить под карету человека, которого считал виновником этих бедствий, врывчатую бомбу, не причившую тому никакого вреда.

Сама Англия оступилась было, но, к счастью, тотчас же снова выпрямилась. Теперь абсолютистские газеты только и твердят, что об ультрамонархическом союзе против Англии, – что вполне естественно и что следовало предвидеть. Дошли до предположения, будто в этом деспотическом заговоре Россия примет участие бок-о-бок с Францией. Мы не верим этому, однако, если б так случилось, это явилось бы исторической бессмыслицей, и ее одной было бы совершенно достаточно, чтоб обнаружить во всем объеме вопиющую бездарность правительства, ныне стоящего у власти в России.

Этот заговор против Англии, являющейся географической необходимостью, логическим следствием для других континентальных правительств, был бы ошибкой для России. Россию свлекли с ее пути, и ее потащила на буксире европейская реакция; это правда; но канат оборвался, и Россия вступает на свою естественную дорогу.

Перед Крымской войной, четыре года тому назад, мы говорили:

«Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего более разъедающего, разлагающего, тлетворного, чем деспотизм. Случается иногда, что юные народы, в поисках общественного устройства, начинают с деспотизма, проходят через него, пользуются им, как суровым искусом; но чаще под игом деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство.

Если военный деспотизм, алжирский или кавказский, бонапартистский или казацкий, овладеет Европой, то он непременно будет вовлечен в жестокую войну со старым обществом; он не сможет допустить существования свободных учреждений, независимых правопорядков, цивилизации, привыкшей к вольной речи, науки, привыкшей к исследованию, промышленности, становящейся великой силой.

235

Деспотизм – это варварство, это погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в которых рождается Спаситель.

Европейский мир в той форме, в которой он теперь существует, выполнил свое назначение; но вам кажется, что он мог бы почетнее кончить свое поприще – переменить форму существования, не без потрясений, но без падения, без унижения. Консерваторы, как все скупцы, больше всего боятся наследника; так вот – старца задушат ночью воры и разбойники.

После того как бомбардировали Париж, ссылали и заточали в тюрьмы работников, вообразили, что опасность миновала. Но смерть – Протей. Ее изгоняют как ангела будущего – она возвращается призраком прошедшего, ее изгоняют как республику демократическую и социальную – она возвращается Николаем, царем всея Руси, или Наполеоном, царем Франции.

Тот или другой, или оба вместе окончат борьбу.

Для борьбы нужен противник, еще не поверженный во прах. Где же последняя арена, последнее укрепление, за которым цивилизация может вступить в бой или по крайней мере защищаться против деспотов?

В Париже? – Нет.

Как Карл V, Париж еще при жизни отрекся от своей революционной короны, – немного военной славы и множество полицейских – этого достаточно, чтобы сохранить порядок в Париже.

Арена – в Лондоне.

Пока существует Англия, свободная и гордая своими правами, дело варваров нельзя еще считать окончательно выигранным.

С 10 декабря 1848 года Россия и Австрия не питают более ненависти к Парижу. Париж потерял в глазах королей свое значение, они его больше не боятся. Вся их злоба обратилась против Англии. Они ее ненавидят, они питают к ней отвращение, они хотели бы ограбить ее! В Европе есть государства реакционные, но нет консервативных. Одна лишь Англия консервативна, и понятно почему: ей есть что хранить – личную свободу.

236

Но одно это слово совмещает в себе все то, что преследуют и ненавидят Бонапарти и Николаи.

И вы думаете, что они, победив, оставят в двенадцати часах езды от Парижа поработанного – Лондон свободный, Лондон – очаг пропаганды и гавань, открытую всем бегущим из опустошенных и сожженных городов материка? Ведь все, что должно и может быть спасено среди оргии разрушения – науки и искусства, промышленность

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов и образование, – все это неизбежно устремится в Англию. Этого достаточно для войны.

Наконец-то осуществится мечта Наполеона Великого первого варвара нового времени. Какого же большего бедствия может ожидать Англия от революционной Европы, чем от европейского деспотизма? У народов слишком много дела дома, чтоб они могли думать о захвате других стран.

Не эгоизм, не жадность мешают англичанам ясно в этом разобраться. Скажем прямо, из-за невежества и проклятой деловой рутины люди неспособны понять, что следует иногда, избегая проторенных путей, прокладывать новую дорогу.

Что же! Те, которые, имея глаза, не хотят смотреть, посвящены богам ада. Как их спасти?»⁹⁰[90]

С той поры в России произошла революция. Генерал Февраль, ставший предателем, по утверждению «Пунша», – бросил более удачно, чем Орсини, свою евпаторийскую бомбу; «по счастливой случайности» императорская корона упала на голову монарха, понявшего, что он находится на краю пропасти, к которой Николай привел молодой и могучий народ, – пропасти злоупотреблений, воровства, беспорядка, произвола, где громадной машине Российской империя грозила опасность распасться.

Александр II увидел, что спасение – только в огорочной внутренней работе, работе развития, преобразования, к которой он и осмелился приступить.

При таком положении дел, что может он выгадать, поддерживая континентальный деспотизм против свободы островитян?

Вполне понятно, что государь, который стоит во главе объединения, механически и насильственно созданного из разнородных частей, вступает в союз с Бонапартом, чтобы соединенными усилиями уничтожить последние следы всякой независимости.

Если франц- Иосиф не делает этого, то потому только, что он не доверяет Луи-Наполеону в итальянском вопросе. Эта политика европейских монархов понятна, хотя, по правде говоря, подобный заговор вселенской полиции, при том состоянии полного изнеможения, в каком находятся народы является излишней роскошью.

Европейские монархи однако связаны с тормозом, который они сами прикрепили к великому колесу истории, и не могут от него избавиться.

России же до всего этого решительно нет никакого дела; единственное, что может с ней произойти, – это что она ударится о межевой столб и вынуждена будет остановиться на своем новом пути. Ведь не посредством же немоты, инквизиции, ссылок и кнута могут совершаться реформы.

Россия находится в совершенно исключительном положении. Она не принадлежит Европе. Она не принадлежит Азии. Перемена династии в Китае не требует вмешательства с ее стороны. Падение Бонапарта и восшествие на французский престол Бароша или Пелисье не могли бы ни ослабить, ни укрепить могущество царя. Одним словом, Россия сама является новой частью света, развивающейся на свой лад; западная цивилизация усваивается лишь ее верхушкой, в то время как основание остается совершенно национальным.

Задача Петра I и Екатерины II разрешена. Они пожертвовали всем, и прежде всего счастьем народа, чтоб основать Российскую империю, чтоб организовать сильное государство и сделать его государством европейским. Они постоянно старались впутывать Россию в вопросы внутренней политики европейских государств и расширять дипломатическое влияние новой империи. К этим страстным стремлениям примешивалось кое-что и от самолюбия выскочек, и, одержимые чванством, они желали принимать участие в делах старых континентальных аристократов.

238

И все же, несмотря на все это, современная империя, начавшая с отрицания своей собственной традиции, была созданием XVIII века. В ней ощущалось дыхание революции, пронесшееся над угнетенным и погруженным в дремоту народом.

Соучастие в преступлении стало вскоре все больше и больше связывать русское правительство с самой старой из европейских деспотий и с самой молодой из них – с Австрией и с Пруссией. После раздела Польши и «ужасных» новостей, получавшихся из

революционной Франции, Екатерина II откровенно сбросила с себя маску либерализма и явилась наконец такой, какой она и была на самом деле; старой, бессердечной Мессалиной, Лукрецией Борджиа с немецкой лимфой в жилах.

Ее сын, менее лукавый, принял с мелочным капральским педантизмом воплощать в жизнь мечту своей матери и вообразил себя покровителем монархов. Павел I явил собой отвратительное и смехотворное зрелище коронованного Дон-Кихота, который все притесняет, все истязает с яростью, со злобою. Он был невыносим даже для бывших любимчиков Екатерины.

Но особенно замечательно то, что ни в Екатерине II, ни в ее сыне совершенно не было ничего русского, ничего национального. Поддельный патриотизм Екатерины являлся для нее лишь оружием, которым она воспользовалась, чтоб уничтожить добродушного голштинца, своего мужа. Келейное воспитание, которое она дала

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
своему сопернику–сыну, естественному врагу матери, укравшей у него корону, превратило его в какого–то Каспара Гаузера императорского дворца. То было искусственное и болезненное порождение мужских сералей и экзерциргаузов. Ни одной природной черты русского характера не было в этом гроссмейстере Мальтийского ордена.

Александр I, призванный к великой борьбе, разбудившей народ и начавшей новую эпоху, не мог и, прибавим, не хотел больше продолжать роль своего отца. Исступленно сыграть эту роль предназначено было Николаю. И, рыцарь печального образа, он тридцать лет боролся с призраком; но, к несчастью, удары его падали на живую грудь подданных. Более четверти века Николай занимался день и ночь только

239

тем, что наказывал за возмущение 1825 года и за польское восстание 1831 года. Его помешательство, его реакционное безумие дошло до того, что, презрев договоры и рассчитывая на унижение всей Европы, он стал накладывать руку на вольные города и предлагать их затем в качестве чаевых Австрии. Чтобы поддержать принцип самодержавия у врага, ближе всего находившегося к России, он вступил в смертельную борьбу с братским народом и сам сказал потом в Ольмюце, указывая на статую Яна Собеского: «Я и он – двое самых глупых славян: мы спасли Австрию!» В продолжение тридцати лет этого злополучного царствования Россия была в представлении других народов лишь щетиной из штыков, становившейся дыбом при малейшем веянии свободы, при малейшем возгласе независимости. Двести тысяч штыков, готовых перейти границу за священное дело порядка и полиции, были на устах у всех реакционеров, как и те пресловутые двести тысяч парижских работников, якобы участвующих в каждой демонстрации; и как только какой–нибудь немецкий микроскопический принц бывал недоволен двумя или тремя своими добрыми мещанами, он сообщал через премьер–министра этим беднякам Шульцам и Мюллерам, что двести тысяч русских штыков приближаются к границе. А за этими штыками маячила мрачная, застегнутая на все пуговицы и в огромных ботфортах, фигура Николая, чей хищный взгляд негроторговец Дуглас находил столь кротким. Так Николай достиг не только того, что внушил ненависть и отвращение к русскому имени, но и сумел довести Россию до полного развала – до того плачевного состояния, которое мы так отчетливо увидели во время Крымской войны. Все истинно русские благословляют Парижский мир. Эта война и этот мир посрамили императорскую ложь. Преувеличенные представления рассеялись, как дым, и печальная правда начала проявляться, вздымаясь, словно укор, над руинами Севастополя.

С той поры крестьянину на Белом море стало так же хорошо известно, как и черноморскому казаку, что у России не было недостатка ни в отваге, ни в самоотверженности, ни в средствах, но что она была побеждена потому, что ей не хватало

240

души, организации, разумного центра, порядка. Да, во всем противоположный гражданину Марку Коссидьеру, Николай создал беспорядок из порядка. Он заметил это слишком поздно и скончался от стыда.

Для сына его осталась лишь две дороги.

Он мог бы сделаться неумолимым преследователем, еще сильнее притеснять мысль и слово, наказывать за слезы, отрывать последнего сына от семьи и посылать его на убой, обрушивать новые удары на окровавленную спину своего народа, ссылая целые поколения в Сибирь и поддерживать таким образом в продолжение некоторого времени спокойствие столбняка, которое завершилось бы таким взрывом, что империя разлетелась бы вдребезги среди хора всеобщей жакерии. Он не захотел этого.

И с той поры явно обозначилась вторая дорога, – дорога развития, реформ, освобождения; поэтому–то Россия за три года царствования Александра II сделала такие огромные успехи. Все приходит в движение; мышцы, сдавленные смирительной рубашкой, расправляются. Ставятся на очередь самые жизненные вопросы. Россия спокойно вступает на путь экономической революции.

И в это самое время нам начинают говорить о союзе с Францией, во имя деспотии, ополчившейся против единственного убежища независимости, свободы!.. Да это противно здравому смыслу.

Все, что вам будет угодно, государь, но только не союз с Бонапартом.

У меня нет ни малейшего намерения нападать лично на французского императора – я далек от этого: я смотрю на него как на роковое орудие; я вижу на лбу его трагическое клеймо, черное пятно, проступающее сквозь кроваво–красные лучи славы его дяди.

Он избранник Смерти, – представитель ее.

Бонапарты – как и Цезари – не причины, а только следствия, симптомы. Это бугорки на легких отжившего свой век Рима. Это болезнь дряхлости, маразма; это сила

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
судорог, бессмысленная энергия горячки.

Бонапартизм действует лишь при помощи смерти. Его слава

241

вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной деятельности; он совершенно бесплоден: все созданное им – только иллюзия, сон: кажется, будто что-то есть, а в сущности нет ничего; это призраки, привидения: империи, королевства, династии, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... Подождите четверть часа: всего этого не существует; это очертания облаков. Реальность – это земля Испании, утучненная французскими трупами; это пески Египта, усеянные французскими костями; ото снега России, обгаренные французской кровью.

Бонапартизм, заметьте это хорошенько, подобно бреду, не имеет ни цели, ни принципа; это противоречие, костюмированный бал. Когда он поет – то поет бессмыслицу: «Отправляясь в Сирию!»

Чего хотел Наполеон? – На вопросы наивного Лас-Каза он никогда не в состоянии был дать удовлетворительного ответа. – «Зачем была предпринята Египетская кампания?» – «Восток – это прекрасный пьедестал, великолепный фон картины». – «А жестокая война в Испании?» – «Ах! дело в том, что империя – это коронованная революция; это освобождение народов». Послушайте-ка поэта бонапартизма: Народы, воцарившиеся благодаря нашим победам, Венчали цветами чело наших солдат. Те, кто пытается разумно объяснить оргии убийств, составлявшие славу Франции во времена Империи, не находят ничего лучшего, как сказать, что Наполеон вел войну, чтобы занять умы во Франции. Есть ли на свете что-нибудь более цинично-безнравственное, более чудовищное, чем это объяснение? Убивать одних людей, чтобы развлекать других; уничтожить целые поколения, чтобы тем, которые остались, дать взамен идей общественного прогресса – галлюцинации кровавой славы, апофеоз резни и безграничную любовь – к ордену Почетного легиона?

Да, это деспотизм конца, последней страницы. Метастаз революции, он только разрушает, убивая вместе и революцию и традицию, 89-й год церковью и церковью 89-м годом, убивая, наконец, всеобщее голосование избранныком. Он прививает

242

смерть. Он едва не погубил своим прикосновением Англию: никакое здоровье не устоит против капли больной крови.

Берегитесь, государь, и не бросайте, с досады и от злобы против недавнего врага, Россию – эту молодую и здоровую крестьянку – на ложе истасканного старика.

Галльский Давид может умереть и без нее.

Между двумя союзами, английским и французским, России здраво рассуждая, нечего и колебаться.

Положение, в котором находится Запад, никогда не было проще. Самая простота эта – тревожный сигнал. Все обильно снабжено нервами, энергией, жизнью, силой, чрезвычайно сложно, чрезвычайно запутано; в этом мы можем убедиться, изучая самую живую, самую живучую страну в Европе – Англию.

Итак, выбор между этими двумя союзами предельно ясен.

Союз с Францией – это заговор деспотизма против Англии; это война, возвращение к варварству, смертельный удар, нанесенный Европе. Зловещим предостережением явилась неутолимая, бессмысленная и, к счастью, бессильная ненависть Наполеона I к Англии, – одна из почетнейших грамот гордого Альбиона. Хитрый инстинкт великого кондотьера справедливо подсказывал ему, что нет ничего прочного для цезаризма, пока существует Англия, независимая от Франции. И этому-то делу растворения общества в рабстве Россия, едва пробудившаяся для новой жизни, подаст руку помощи! Она прервет подготовку реформ, снова наденет цепи на крестьян, растопчет пробивающиеся ростки, превратит свои поля в караван-сарай для орд, вымуштрованных с целью разрушения, – и все это для того, чтобы ринуться на Европу, соединиться с другими кровожадными ордами, и всем вместе, калмыкам и зуавам, обрушиться на Англию с криком: «Смерть свободе!»

Союз же с Англией, напротив, не является заговором против Франции. Англия не нападает. Она не обладает более героизмом библейских звероловов, средневековых бандитов, рейтеров и ландскнехтов всех времен. Англия любит мир, ибо мир – это приволье для работы. Соединиться с Англией – это значит призвать, что Россия нисколько не боится свободы, что она ни с кем на материке не связана круговой порукой. Это

значат, наконец, обоюдно признать, что этим странам нечего оспаривать друг у друга и что они могут оказывать помощь одна другой. Не пора ли уничтожить этот обманчивый призрак соперничества, не имеющий другого основания, кроме незнания географии? Можно ли после Крымской кампании всерьез предполагать, что Россия отправится штурмовать почти непреодолимые препятствия, чтобы пропикнуть в Индию; и после балтийской прогулки можно ли думать, что Англия будет содержать флот с одной только целью помешать американской цивилизации проникнуть в Сибирь

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
единственным возможным путем – через Амур? Да разверните же карту.

И это не всё. Англия – это единственная годная для нас школа. Великий народ с маленькой армией и огромными завоеваниями отучил нас от мундиров, парадов, полиции, произвола. Страна без централизации, без бюрократии, без префектов, без жандармов, без стеснения печати, без ограничения права собраний, без революций, без реакции: полная

противоположность России и Франции. И какова роль ее! После упадка и падения материка, единственно уцелевшая, с высоко поднятой головой, спокойная, полная уверенности в себе, она глядит из-за волн на отвратительный шабаш, на макабрскую пляску смерти и полицейских комиссаров.

Да, она до сих пор еще, как говорил старый Гаунт, – «алмаз, оправленный в серебро моря». Он начал несколько терять свой блеск чистой воды, свое сверкание; но все так привыкли к потускневшему от веков цвету всего английского, что средневековый налет, похожий на плесень, покрывающую бутылку, говорил не только о старости, но и о силе.

Действительно, надобно было на минуту почувствовать ужаснейшее головокружение, чтобы позволить себе увлечься жалкими вершителями государственных переворотов на французский манер, дрянными подражателями крупных злодеев, чтобы нанести оскорбление самым драгоценным своим правам.

Я совсем не англоман. Я просто-напросто русский, покинувший свою родину во имя свободы. Привыкнув путешествовать, я нисколько не забочусь о градусах широты и долготы. Поскольку я не принимал никакого участия в заговорах, мне ни коим образом не угрожал закон об убийстве... английских свобод.

244

И все же... я взял бы свой печатной станок под мышку и отправился бы в Нью-Йорк. Однако сознаюсь, что после первого чтения закона об отмене личной неприкосновенности в Англии сердце мое сжалось. Я пришел в ужас, я был ошеломлен. Только тогда я понял, что люблю Англию!

Однако, – подумал я, – неужели они сошли с ума? Неужели они не знают, за что голосуют? Как, достаточно будет двух шпионов, двух профессиональных клятвопреступников, чтобы предоставить полиции право обшаривать дом англичанина, это святыхище, это «non me tangere»⁹¹[91], эту крепость для спасения которой страна терпела игроков, банкротов, распутниц, воров... бог знает кого еще. И вот теперь отворяют дверь с черного хода полицейским шпионам!

Присяжные оправдают... это возможно; но перерытые бумаги, семейные тайны, оскверненные рукой шпионов, и, сверх того, предварительное тюремное заключение! Этот закон, сам по себе, являлся государственным переворотом замаскированным 2 декабря, самоубийством, подлинным отцеубийством. Наказывая за намерение убить, наносили сзади удар ножом Common law.

Какие же несчастные дни предстоит нам еще узреть? И что за тягостное существование – переходить так с одних похорон на другие. Траур по Франции – словно башмаки матери Гамлета – еще не износился, когда потянуло запахом погребального ладана с другой стороны и словно послышались мрачные звуки реквиема:

«Dies irae, dies illa»⁹²[92],

и, вечный жид, я принялся было готовиться в путь.

Но Англия воспрянула. Она отвергла не только закон, но и заговорщиков. И не один парламент поднялся. В самых больших городах и на самых малых перекрестках дорог, на городских рынках и у домашнего очага прозвучал крик негодования, который пронесся над островом из конца в конец; и крик отвращения стал ему вторить, когда англичане увидели, как свободную землю

245

их родины усеяла усатая шпионская сволочь с физиономиями висельников, распутников континентального режима.

Возмущение было так сильно, что на улицах мальчишки преследовали всех иностранцев криком: «French spy!»⁹³[93], сопровождая крики хрюканьем, а иногда и комками грязи. Они кричали это и мне. И как, в глубине души, благодарил я их за это!

Народ, умеющий ненавидеть политическую полицию, – свободен на веки веков.

Недаром королева Елизавета называла Англию Common wealth!⁹⁴[94]

II

Революция – дело французское. Социализм – ее последнее слово и ее идеал – был выработан французскими мыслителями среди страданий французского пролетариата. Я не хочу сказать, что пролетарии других стран страдали меньше или что мыслители других народов не обладали отчетливо выраженными представлениями об общественном возрождении. Роберт Оуэн – англичанин. Однако лишь во Франции пролетарий не только страдал, но и сознавал это и понимал, что его страдание являлось не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
только большим несчастьем, но и большой несправедливостью. Именно во Франции социализм из страсти, каким он был во времена Гракха Бабёфа, сделался религией с Сен-Симоном, учением с Фурье, философией с Прудоном.
Можно ли из этого с достаточным основанием заключить, что общественное возрождение, которое впервые было провозглашено во Франции, именно во Франции и осуществится? – Мы не думаем этого. Однако спешим сказать, что если в этом нет логической необходимости, это может произойти. Это зависит в первую очередь от того, каким образом Франция выйдет из нынешнего кризиса и из состояния изнеможения, в котором она теперь находится.
Быть может, она выйдет из этого положения, подобно прославленному фениксу, преобразенная, помолодевшая и увлекая за собой старцев римского мира к третьему существованию; или –

246

это также возможно – не находя более сил для возрождения, она превратит свою программу в завещание, которое оставит как последнюю волю великого народа другим племенам, другим странам. Так Иерусалим завещал миру евангелие, сохранив для себя лишь вечную надежду вновь отстроить назавтра Соломонов храм!

Вопрос этот чрезвычайно важен, чрезвычайно труден. Однако сомнение само по себе есть уже великий шаг вперед, и освобождение от слепой веры в революционную будущность Франции могло бы стать подлинным началом этой будущности.

У нас на этот вопрос нет готового ответа. Мы не составляем гороскопов. Будущее изменчиво. Единственная разумная вещь, которую мы в состоянии сделать, – это уяснить, при каких условиях становится возможным общественное возрождение народа, а также и те кризисы, катастрофы, фазы, через которые он должен пройти. Один крупный авторитет в области общественного палингенеза сказал: «Надобно умереть в старом Адаме для того, чтобы возродиться в новом; путь к воскресению лежит через могилу: крещения водою (перемены ярлыка – Монархия, Республика) недостаточно».

Рядом с этими словами есть и пример. Это Рим цезарей, прошедший через смерть, чтобы сделаться Римом пап.

Рим совершал множество переворотов; он часто менял кожу; однако с Марием и Суллой, с сенатом и Юлием Цезарем, с Нероном и Марком-Аврелием он оставался древним Римом. Перед лицом христианства старое здание должно было рухнуть, чтобы выстроиться заново. От него не осталось камня на камне. Все прошло через смерть и вышло из нее преобразенным.

Вместо триумфальных ворот, ожидающих со своим «Ave, цезарь» победоносные легионы... процессии монахов, идущих преклонить колена перед римской виселицей. Вместо кровожадного орла цезарей... святой дух в виде голубя.

Когда Рим созрел для могилы, явился человек, который обладал всей античной культурой, и сказал своим согражданам,

247

этим надменным *Cives Romani*⁹⁵[95], уважавшим себя только из-за этого звания: «Полноте... ваши добродетели для нас лишь блестящие пороки. Наша мудрость – безумие в ваших глазах». И он не был побит камнями. Напротив, его слушали с недоумением и грустью.

С тех пор примирение стало невозможным. Надобно было либо уничтожить христиан, либо похоронить древний Рим. *Mezzo termine*⁹⁶[96] не было. Св. Августин или Юлиан Отступник – один из них должен был остаться победителем.

Борьба длилась века. Века несчастий и безграничных страданий. В течение всего этого времени совершалась великая работа. Между тем как Империя, униженная, отупевшая, охваченная гниением изнутри, омертвевшая, нещадно избиваемая на границах, распадалась на части, – священник, монах, совершенно спокойные, ибо им нечего было терять, нечего хоронить, освобожденные от традиционного культа, продолжали свою проповедь.

Когда раскрываешь писания первых отцов церкви, изумляешься, находя между старыми и новыми римлянами такое полное различие. Ни следа у последних того шовинизма, который делал жителей вечного города столь заносчивыми по отношению к другим народам; ни следа того суетного самохвальства, с которым римляне восхищались собою как великим народом древности; ни следа того алчного и исключительного патриотизма, который заставлял римлян бешено рукоплескать каждой победе и все прощать цезарям, лишь бы нашелся какой-нибудь истекающий кровью народ, с перерезанным горлом, преклонивший колена перед непобедимыми легионами.

*Uae victis!*⁹⁷[97] Все покидает императорский град, древний Рим разваливается и переходит в руки врага. Серьезная мысль, поэтический гений, бурный и увлекательный талант – все поступает на службу к епископам и священникам, этим анархистам первых веков. Не стало более в Риме великих писателей; у него есть теперь только стилисты. Риторика

248

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов преобладает над содержанием. Люди, которым сказать нечего, только и знают что болтать. Чтобы скрыть отсутствие инициативы, бедность мысли, они заполняют фиоритурами огромную пустоту, давящую их словно упрек, словно угрызения совести. И если полумирской Аполлоний Сидоний интересуется нас, то лишь потому, что он описал современные ему нравы, и мы можем в его рассказах проследить с чисто нервным возбуждением за успехами смерти, судорогами агонизирующей цивилизации. Когда народ домогается в своей речи одного лишь эффекта, говорит готовыми фразами, неумеренно хвастаясь громкими словами, оставляющими вас холодными, как лед, он находится в совершеннейшем упадке, в состоянии Восточной Империи. Народы Востока, которые, без сомнения, могут также дожидаться когда-нибудь своего возрождения, говорят в тяжелом сне своего дряхлого детства только преувеличениями, заменяя смысл выражением, а подлежащее – определениями... Социализм требует от христианской нации не меньше чем христианство требовало от политеистического Рима. Он требует не меньше от солдата, от мещанина, от гражданина, чем требовал человек без роду и племени, смиренный и бедный, бродячий и нищий проповедник – от консервативного патриция, столь надменного со своими клиентами и подобострастного с императором, вольнодумца в латиклаве, благочестиво целующего перстень с изображением цезаря-бога. Вопрос, поставленный нами, заключается не в том, чтоб узнать, отжила ли свой век старая Франция. Это не вызывает сомнения. Вопрос этот скорее ставится в тех пределах, в каких ставил свой вопрос Гамлет. Его занимала не смерть, а сны, которые будут сниться после смерти. При настоящем положении вещей мы можем еще допустить дивную мечту об общественном преображении. Но тяжелый сон упадка становится день ото дня все вероятней; и, в этом случае, Франция незаметно, мало-помалу вступит, без потрясений и сохраняя внешние формы жизни и цивилизации, в унылый *semper idem*⁹⁸[98] старости, – старости развратной и раболопной, 249

вроде византийской, или же сухой, неповоротливой, важной, внушительной с виду и косной по существу – вроде испанской. Не одно лишь современное состояние Франции делает допустимым это предположение. Как мы сказали уже, Бонапарт – это следствие, а не причина. Это кара, если хотите, а не вина. Империя не просуществовала бы и двух дней, если б не находила себе какой-то опоры во французском характере. Она необходимейшим образом соответствует чисто национальным элементам. Пусть говорят что угодно; выборы 10 декабря 1848 года были свободными и общенародными. Франция – страна воинственная, солдатская. Она любит выставку власти, чрезвычайные меры, приносящие личность в жертву государству, человека – идее. Этого более чем достаточно для цезаризма. Можно ли, напротив того, вообразить себе Англию, например, бонапартистской? Говорят однако, что в народном духе во Франции с некоторого времени произошла огромная перемена. Пассивная покорность действительно указывает на внутреннюю работу; однако в нашем распоряжении слишком мало фактов, чтоб определить эту перемену. Есть однако очень простое средство, чтоб оценить долю богову и долю кесареву во Франции; вот оно: отупляющий режим императорского самовластия ненавидим во Франции, Франция любит лишь поэзию бонапартизма, а вовсе не его прозу. Впрочем, нет народа в мире, который склонил бы свою голову под ярмо из любви к тирании. Вся разница заключается лишь в том, что один народ выносит рабство ради блюда чечевичной похлебки или ради чего-либо иного, тогда как другой народ не станет приспособляться к рабству ни за что на свете. Есть меньшинство, состоящее из республиканцев, социалистов, которые энергично протестуют против ига, гнетущего Францию. Это меньшинство должно непременно выступать против всего, что может укрепить могущество Бонапарта и поддерживающих его янычаров. Это очевидно. Несколько дней тому назад все предвидели возможность войны между Францией и Англией. Англия твердо отстаивает свою свободу и право убежища; «the Empire espionage»⁹⁹[99] «Таймса» не может терпеть рядом с Францией такой живой и тягостный упрек, и как только Бонапарт почувствует себя достаточно сильным, он вступит в войну с Англией. Каждый поступил бы так на его месте. Теперь мне хотелось бы знать, какая часть французского меньшинства будет возносить молебны за успех зуавских орд в Англии и какая будет с ужасом созерцать это покушение на свободу, подвергаемую смертельной опасности в последнем уголке Европы, и рукоплескать грядущим Ватерлоо? Заметьте, что речь идет лишь о меньшинстве; что же касается большинства, то можно быть уверенным, что оно с восторгом будет глядеть на унижение гордого Альбиона.

Да, люди, предпочитающие военную славу своей родине свободе, – не любят свободы. Это римляне древнего Рима, храбрцы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикиане... все, что хотите, но только не люди нового мира.

Это испытание можно последовательно применить к целому ряду вопросов подобного же рода. Результат почти всегда будет одинаков.

Кожа древнего Адама держится на нем тем более прочно, чем менее он замечает это. Француз, убежденный в том, что он революционер и что он шествует в авангарде человечества, ни о чем не заботится. Он доволен собой и если сбился с пути и идет вспять, то не отдает себе в этом отчета. Именно это заставляет нас думать, что французам следовало бы предпринять великий труд внутренней перестройки, психиатрического анализа. Это было бы для них так легко, ибо между ними есть серьезные мыслители, которые с горечью глядят на все, что происходит. Однако их не слушают. Они слишком мало патриоты, слишком мало принадлежат революционной традиции, слишком независимы от нее.

Вот в этом-то и заключается зло: ибо мало отрицать монархическую и феодальную Францию, – она почти не существует.

251

Надобно освободиться от Франции Беранже. Мало не сочувствовать Варфоломеевской ночи, надобно также не сочувствовать Сентябрьским дням. Мало не желать отомстить за Ватерлоо, надобно не любоваться собой при воспоминании об Аустерлице.

К счастью, Франции легче, чем любому другому старому народу в истории, вступить в другую фазу, и в этом ее громадное преимущество. Англия, например, подобно огромным каштановым деревьям в ее парках, укрепилась в своей почве корнями, разветвляющимися и теряющимися в земных глубинах. Вековым трудом накопила она несметные богатства;

примесь не отделена от золота, и Англия страшится разделить их, опасаясь, как бы не ускользнул от нее металл. Франция же, напротив того, ничего окончательного не приобрела. Она лишь стряхнула сильной рукой готическую пыль и версальскую пудру, она еще не вошла в нормальное состояние с 89-го года и до сих пор находится во власти каждой судорожной вспышки, каждой непоследовательности борьбы, которые уже дважды доводили ее до совершенного отрицания всех своих прав. Любя мятеж и централизацию, лишенная чутья свободы и желая освободить другие народы, нетерпимая во имя независимости, Франция не дошла до определения главнейших основ своего общественного здания. Обязанная бороться с огромной коалицией, отвлеченная войной, она утратила во время своих побед все достижения 1789 года. Она смешала революцию с войной и, однажды завесив статую свободы, не снимала уже более с нее покрывала.

Из поколения в поколение она восстает, сзывает свои собрания, принимается за свою азбуку права, пересматривает ее и затем забывает. У нее нет никейского Символа веры, принятого раз навсегда; у нее нет Common Law; у нее нет основных признанных начал – ничего подобного. Французы всякий раз начинают все сначала. «Каковы нерушимые права человека? – Является ли свобода печати нерушимым правом? – Должно ли быть гарантировано право собрания?» Все эти вопросы, невозможные в Англии со времен Кромвеля, в Америке со времен Вашингтона, ставятся во Франции при каждой перемене правительства.

252

На эти азбучные вопросы даются самые эксцентричные ответы; однако они никого не удивляют, с ними даже соглашаются. «Да, люди имеют право сходиться, если их число не превышает 21. – Нет, они не имеют права сходиться, если их число превышает 21». Затем происходит революция, и опять: «Каковы нерушимые права человека? – Является ли свобода печати нерушимым правом? – Должна ли быть гарантирована свобода собраний?» Меняют словарь, и старый, низвергнутый порядок тотчас же появляется вновь в ином одеянии. Это напоминает мне фарс, игранный в «Водевиле» в 1848 году: «Собственность – это кража». Прудон появлялся, чтобы провозгласить новый закон. Ст<атья> I. Биржевые маклеры уничтожены. Ст<атья> II. Биржевые маклеры восстанавливаются под именем биржевых посредников.

Тот, кто захочет проследить за красной нитью, проходящей через революционные со<веты> е псотл00[100], найдет одно неизменное начало во всех этих, даже самых противоречивых, вариациях: это старый римский грех, это великий враг свободы – гуверnementализм, регламентация сверху, насильственное навязывание власти. Всякий оттенок мнений, приходя к власти, тотчас же становится религией – и горе раскольникам. Ничего не оставляется на долю личности; ее верования, ее добродетели, ее убеждения – все предписывается государством. Философские идеи провозглашаются в форме гражданского закона. Декретом устанавливается Верховное существо. Людей принуждают говорить друг другу ты, под страхом попасть в число подозрительных, и испытывать друг к другу братскую любовь, выполняя предписания полиции. Объявляют приказание верить в бессмертие души... и это еще не все: это принимается всерьез; подчиняются и подвергают наказанию непокорных.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Какая безумная страсть к власти должна была развиться при подобных обстоятельствах и вместе с тем какое глубокое презрение к личности! Можно ли удивляться тому, что Людовик XIV, пройдя через фригийский колпак, сделался Наполеоном?

253

Это состояние шаткости, неопределенности общественной азбуки не может продолжаться долее. Империя уже здесь, уничтожая мысль и стремления, преследуя сожаление и скорбь, подслушивая за дверьми и подглядывая в щели, развращая, подкупая деньгами и орденовыми крестами. Если позволить этому так продолжаться, то через одно-два поколения излечить народ, имеющий лишь сбивчивые понятия о праве, возможно, будет уже слишком поздно.

С другой стороны, централизованный деспотизм всегда готов рухнуть. То, чего Калигула желал Риму, исполнилось в Париже, – у Франции лишь одна голова. Империя ставит все на одну карту, которая может лопнуть от депеши из Евпатории, от бомбы Орсини или же от холеры господ бога. – И тогда откроются безграничные просторы. Дойдя до этого, сможет ли Франция – новая Минерва – выйти во всеоружии из треснувшей головки этой сжавшей ее личинки? – Мы надеемся на это. Во всяком случае она не выйдет оттуда, не пройдя через чистилище воспитания, совершенно не похожего на то, которое она до сих пор получала. Надобно отречься от своих старых грехов; надобно отказаться от родительского дома или же похоронить себя под его развалинами.

Будет ли продолжительно это воспитание?

Риму понадобилось для перерождения четыре века цезаризма до Константина и еще четыре – после него. Однако с таким проводником, как нынешний цезарь, можно быть уверенным, что путь этот будет короток. И притом... призраки ходят быстро в наши дни!

<ЗАКРЕВСКИЕ БЕРУТ ВЕРХ>

20 марта 1858 г. Путней.

Письма, полученные нами, печальны. Партия Александра Николаевича решительно не в авантаже. Орловы и Панины в Петербурге, Закревские в Москве одолевают и смело ведут Россию и царя вспять.

Средь полнейшей тишины, в то самое время, как связь государя с народом делается связью не страха, а любви – заговорщики поддерживают в государе мысль о близком мятеже в Москве Закревский выдает боевые патроны и заводит полицейские сигналы. Когда новый обер-полицеймейстер Кропоткин приказал полицейским чиновникам обращаться вежливее с народом, Закревский сказал ему, что он нововведений терпеть не может и что Москву надобно держать в ежовых рукавицах.

Носился слух, что его, наконец, сдадут на покой в Государственный совет, но совсем напротив: он на днях ответил одному генералу, спросившему его – правда ли, что он оставляет Москву: «Я счел бы себя подлецом, если б оставил Москву в такое смутное время». Уж не пойдет ли и Клейнмихель опять на службу – спасти отечество? – *La pair est en danger!*..101[101] Миныны, Пожарские да и только.

255

<ЦЕНЗУРА УСИЛИВАЕТСЯ>

Вместо уничтожения цензуры – цензуру удвоили, запутали; прежде цензировали – цензоры, попы и тайная полиция; теперь все ведомства будут цензировать, каждое министерство приставит своего евнуха к литературному сералю, и это в то время, как ждали облегчения цензуры. И действительно, новый проект был подан в комитет министров, но Панин и за ним все единогласно (за исключением «великого» к<нязя> Константина Николаевича) – отвергли всякое улучшение с благородным негодованием. Право, мы начинаем думать, что все это делается для «Колокола» и для «Полярной звезды». Заставить молчать, позволивши хоть немного говорить, – трудно и нелепо. Русская литература переедет в Лондон. Мы ей, сверх английской свободы и родного приветствия, приготовим лучшую бумагу и отличные чернила.

ПОЛЬЗА ОТ ГЛАСНОСТИ

Московский полицмейстер Сечинский пустил в ход записку по делу девицы Янсон, умершей в тюрьме, где она была заключена незаконно полицией. Дело это, забытое совестью□

виновных, равнодушием посторонних и преступным потворством начальства, поднято статьею, бывшей в 5 листе «Колокола». Факт этот очень важен. Полицмейстер, оправдывающийся перед публикой, – пример превосходный. Без сомнения, он на это имеет полное право.

Как же правительство и общество не понимают всей пользы гласности? Панин, прочитавши в «Колоколе», вытребовал дело на первый случай только удивился, что решение сиротского суда в статье, помещенной нами, списано слово в слово. Подождем, как он разберет дело, копии он слышит мастерски. Ведь министр юстиции генерал-прокурор, око царев и так высоко поставленное притом, что оно все может видеть, как с каланчи, начиная с Топильского и окончивая почтенной

Марией Бредау, содержательницей «девок вольного обращения».

Сечинский не согласен с царевым оком насчет верности изложения и окончивает свое оправдание страшным ругательством – нам, или, лучше, нашему корреспонденту (не выдумали же мы в Лондоне историю Янсон).

Недостаток места в нынешнем «Колоколе» заставил нас отложить любопытную промеморию, пущенную в Москве Сечинским. Олимпийский гнев, сопровождаемый квартальной бранью и риторикой управы благочиния, обязывает нас передать ее нашим читателям. Если б он мог оправдаться, мы кротко приняли бы его брань и готовы были бы просить у него прощение. Но его записка не оправдывает его, и если в частностях нашего корреспондента есть различия с сведениями, данными Марией Бредау, содержательницей публичного дома, и приставом частного дома, то одно личное знакомство и дружба с ними может вселить к ним доверие; мы же с ними вовсе не знакомы, а что касается до приятного ремесла Марии Бредау, оно не вселяет особенного доверия.

ДЕЛО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Г. ПОДПОЛКОВНИКА СЕЧИНСКОГО

Да если б и все было правда – и строптивость характера девицы Янсон, и незаплаченные долги, и развратное поведение (???) в публичном доме, то все же она не подлежала заключению без суда и смертной казни в тюрьме; но об этом в следующем листе «Колокола».

Правительство, получив рапорт «Колокола» о том, как оный г. полицмейстер заморил «девку вольного обращения», распорядилось переследовать дело. Г-ну Сечинскому это, конечно, не понравилось, и он пустил в обращение рукопись (замечательно, что и господин Сечинский, подполковник и полицмейстер, не раз отбиравший рукописи, недозволенные цензурой, и он идет против законов о цензуре, и он пробирается в подземную литературу; как развивается у нас потребность гласности!). Рукопись эта – его оправдание перед публикой. И то дело! Наконец и полицмейстер начинает уважать общественное мнение. Она так драгоценна по слогу, содержанию и приложенному документу, что мы решаемся сохранить ее для потомства и потому целиком печатаем ее в «Колоколе», с несколькими примечаниями.

Записка из дела умершей любавской мещанки Анны Янсон

1855 года в феврале месяце московская мещанка, содержательница девок вольного обращения, Мария Бредау, будучи в С.-Петербурге, вывезла любавскую мещанку Анну Янсон, которая жила в С.-Петербурге у содержательницы девок вольного обращения Анны Михайловой Гейдер102[102], заплатив ей 200 р. денег, перебранных Янсон. По приезде Янсон в Москву она с первых дней слишком рано стала обнаруживать не только строптивость своего буйного характера, но даже развратным разгулом своего поведения она представляла исключение между прочими девками. Не подчиняясь ни правилам, ни порядку того места, где она пребывала, вследствие

258
необузданности своего характера. Не признавая никаких правил, она произвольно бросила заведение, где была должна, скиталась без вести по городу или переходила своевольно в другие заведения, где новым буйством, нетрезвым поведением, вредным влиянием на прочих девок возмущала их и восстанавляла против всякого

порядка103[103] и установленного обычая. Таким образом, совершая беспрестанные переходы из одного заведения в другое, оставляя в каждом долги и разительные следы своего буйства104[104], Янсон вынудила каждую из содержательниц, где она временно пребывала, жаловаться комитету, ища законной защиты я справедливого вознаграждения за все ее убытки. Жалобы приносились содержательницами на Янсон по заведенному порядку словесно, и по личной поверке полицмейстера или старшего комитетского надзирателя Янсон было сделано строгое внушение, телесному же наказанию подвергнута никогда не была. 10 мая и 25 июня 1857 года

содержательницы Жихарева в Чернецкая подали сведения, содержание коих по изложенным в них обстоятельствам были предложены обсуждению частного заседания комитета, о чем последовали заключения по журналам 18 мая и 8 июля 1857 года; жалобы эти по распоряжению ближайшим

начальством были подтверждены и оправданы поверкою старшего комитетского надзирателя и полицмейстера. Принимая во внимание, что развратное поведение девки Янсон, буйное и немерное сопротивление против всех мер кротости и убеждения и угроз не произвели ни малейшего влияния на Янсон, но продолжение ее поступков заставило комитет по журналу 8 июля предоставить члену комитета полицмейстеру Сечинскому войти с представлением к председателю комитета и просить законного распоряжения об отсылке Янсон на родину, а до того времени, согласно правилам комитета, в смиренный дом, и с этим вместе, чтобы прекратить буйную и пьяную жизнь Янсон, полицмейстер Сечинский предписанием на имя Рогожского частного пристава от 9 июня 1857 за № 2056 приказал задержать Янсон в частном доме в ожидании разрешения начальника губернии, которое последовало 18 июня 1857 за № 14481105[105] и в тот же день исполнено; с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
какового времени влияние Сечинского на участь Янсон прекратилось.
Что полицмейстер Сечинский в задержании Янсон видел необходимую меру
административного взыскания как единственное средство, чтобы

259

предупредить буйный разгул девицы Янсон и оградить общественное
спокойствие¹⁰⁶[106] от дальнейших последствий ее развратных действий, и что он
не имел в виду ни истязания, ни притеснения, ни даже преследования Янсон, что
это доказывается предписанием его рогожскому частному приставу, чтобы при
задержании Янсон отведена была ей особая комната, и сверх того, подтверждено
было частному приставу, если Янсон пожелает иметь обед или чай со стороны, то
чтобы исполнять ее требования. Для большей очевидности и доказательства правды
было бы весьма полезно послать благонадежное лицо в рогожский частный дом и
личным осмотром комнаты, в которой содержалась Янсон, убедиться, что это
содержание нисколько не возбуждает сомнения или подозрения в пристрастных
действиях полицмейстера Сечинского¹⁰⁷[107].

При этом положении вопроса полицмейстер Сечинский получает отношение губернского
прокурора от 25 июня за № 3103, в котором прокурор, основываясь на поданном к
нему прошении сестры Янсон, тоже женщины вольного поведения¹⁰⁸[108], с жалобой
на действия полицмейстера Сечинского, требует от него объяснения по этому
предмету. Полицмейстер Сечинский уведомляет губернского прокурора тогда ж, что
буйные действия девицы Янсон были в рассмотрении комитета, по распоряжению
которого представлено начальнику губернии об отправлении Янсон в смирительный
дом, и при этом полицмейстер Сечинский объяснил, что дальнейшие подробности по
этому делу он не считает себя вправе объяснять, потому что по званию члена
комитета, где порядок действий и заседание основаны на коллегиальном начале,
следовательно, всякий член, вне заседания, по духу коллегии, не имеет никакого
самостоятельного значения, и личность его совершенно исчезает¹⁰⁹[109]. Затем
губернский прокурор препроводил жалобу в совестный суд. Совестьный суд, имея в
виду из препровожденного губернским прокурором ответа полицмейстера Сечинского,
в котором полицмейстер Сечинский на основаниях, приведенных в своей бумаге,
отрицает всякое юридическое значение в своем лице, вне заседания комитета. Но
тем не менее совестный суд, не убеждаясь на буквальном смысле коренного

260

закона¹¹⁰[110], определяющего существо и начала коллегии, и не принимая во
внимание сделанное полицмейстером Сечинским толкование и объяснение законного
порядка, изложенные в отношении губернскому прокурору первым своим действием по
этому делу, вышел из легального порядка и все-таки обратился к лицу
полицмейстера Сечинского, требуя от него объяснения по этому делу и о
доставлении содержащейся в смирительном доме Янсон. Полицмейстер Сечинский в
ответе своем совестному суду повторяет указание, что совестный суд не в
надлежащем порядке обратился к нему¹¹¹[111]. Между тем среди этой переписки,
веденной с губернским прокурором и совестным судом, вопреки всякого порядка и
форм гражданского делопроизводства¹¹²[112], губернский прокурор и совестный суд
в настоящем домогательстве защитить развратную и позорную девку, уже
несколько лет продолжающей постыдное ремесло, изыскивают все возможные средства,
чтобы или обвинить действия полицмейстера Сечинского, или по крайней мере
выставить их в весьма невыгодном свете и всему ряду распоряжений полицмейстера
Сечинского дать характер двусмысленный¹¹³[113].

Наконец совестный суд, в исправление своей ошибки, решился обратиться к
губернскому начальству и просить его, чтобы сделать распоряжение о доставлении
девки Янсон в совестный суд к давно желанному допросу Но по болезни Янсон не
имела возможности прибыть в суд, что подало повод совестному суду
откомандировать члена и секретаря в место содержания Янсон¹¹⁴[114].
Смерть Янсон, последовавшая в смирительном доме, приостановила исполнение по
распоряжению московского военного генерал-губернатора о высылке Янсон за дурное
поведение на место родины. При таком изложении обстоятельств и при таком
сближении фактов, выведенных из последовательного развития целого хода дела,
дело получает очевидную достоверность¹¹⁵[115], подтвержденную официальною
перепискою, и вот юридическая

сторона дела; но теперь надо перейти к вопросу в том положении, как
представляется клеветой, вымыслом, бессовестным включением таких событий и
обстоятельств, которые даже не существовали в деле.

Итак, развратное поведение Янсон¹¹⁶[116], признанное положительными фактами,
вызвало живое участие некоторых людей, которые во имя благородного стремления
защищают невинную жертву и решились прибегнуть к постыдному вымыслу и настоящее
дело представили в следующем виде: 1) Развратная девка любавская мешанка Янсон
перерождается в дворянку ¹¹⁷[117], делается жертвою молодого человека, который
обманом привозит ее из С.-Петербурга в Москву, наконец бросает ее без гроша, без

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов приюта, посреди совершенно чуждого ей города. Положение женщины весьма трогательно. 2) Но чтобы еще более одраматизировать публичную женщину, избобретательный автор прибавляет, что полицмейстер Сечинский, узнавши, о юной несчастной жертве, приказал представить ее к себе и после личного с нею объяснения велел препроводить ее в дом публичных женщин¹¹⁸[118], где конечно, она, гнушаясь по своей невинности развратом, не согласилась и бежала из дому; преследование Сечинского возобновлялось каждый раз – и, наконец, он, встретив окончательное ее сопротивление, приказал высечь розгами в частном доме и отправить ее в смиренный дом. Жестокое наказание Сечинского было причиной болезни¹¹⁹[119], которую нежное тело Янсон не могло переносить, и через это последовала смерть. На этих двух основаниях созданы обвинения Сечинского¹²⁰[120].

В общей массе человеческих действий есть преступление крови, которое заставляет бледнеть человека и трепетать сердце. Но во сколько для человека, нравственно развитого, честь дороже жизни, настолько преступление против чести выше всякого кровавого злодеяния. Если бы это неблагородное обвинение против Сечинского имело вид или характер доноса, тогда Сечинский имел бы полную возможность отразить клевету и разразить клеветника, но автор лишил его и этой последней благородной защиты, он направил свой лживый донос таким путем, что, предоставляя полную гарантию недостойной своей личности, он бросил на позор целой России

262

оклеветанное имя Сечинского, до сей минуты признаваемое и начальством и общественным мнением чистым и безукоризненным. Этот поступок есть презренный в самом своем источнике и в своем проявлении, потому что он потрясает все начала человеческих законов, в этом поступке поднято знамя разрушения всего челооечества, всего святого на земле¹²¹[121], что противоречие духу времени, это отчаянный протест против всех принципов современного. Вот почему Сечинский пребывает в полной вере, что подобный поступок, который так безнаказанно стремится опозорить честного человека, вызовет в каждом порядочном человеке благородное негодование с клеймом позора на главу хищника чести¹²²[122], который спасается невозможностью огласить его имя. Приложение. Копия с сведения умершей родной сестры Янсон, вдовы-солдатки Екатерины Ясиновой, данного ею приставу Тверской части:

На требование вашего высокоблагородия во исполнение предписания полицмейстера г. подполковника Сечинского имею честь объяснить: я и сестра моя, Анна-Луиза-Шарлотта-Доротея Янсон, родились в г. Либаве от тамошнего мещанина Иоганна-Мартына Янсона и жены его Анны; сестра моя, девица Анна, во время отсутствия моего из Либавы лет пять тому назад, из дома родителей уехала в С.-Петербург для приискания себе места; в С.-Петербурге она жила года три с небольшим, где я с ней не видалась, а из одного письма ее к родителям было видно, что она живет на Большой Садовой улице, но в чьем доме – не упомяну; впоследствии было получено от нее письмо, что она по приглашению какой-то госпожи переехала в Москву, у которой находится в услужении; в письме писала адрес этой госпожи, фамилии не упомяну, Сретенской части, в Пильниковом переулке, но в чьем доме – тоже не упомяну. По прибытии моем в Москву из Либавы осенью прошлого 1856 года для приискания какого-либо места я обратилась по вышеозначенному адресу сестры в дом, состоящий в Пильниковом переулке, где, взошедши в сени, была встречена девицею, из обращения коей я могла заметить, что тут живут девицы вольного обращения; на спрос мой о сестре она сказала, что у нас ее нет, а указала дом напротив – спроситься, нет ли в том доме ее, – где, по приходе на двор, вышли две или три девицы, как заметила, такого же разряда, у которых я спросила про сестру, и они сказали, что она живет у Александрины, и одна хотела меня отвести к ней, но извозчик, который со мною приехал, сказал, что он знает квартиру Александрины; по прибытии куда нашла сестру свою Анну живущею у содержательницы; между разговорами она, Анна, объяснила мне, что в С.-Петербурге жила у содержательницы девок вольного обращения, откуда по приглашению прибывшей из Москвы такой же содержательницы Бредау отправилась с ней в Москву и жила у нее, но сколько времени и

263

у кого жила еще у других подобных содержательниц, она мне ничего не говорила; от Александрины же, у которой я нашла ее, она перешла к другой содержательнице, Жихаревой, от оной к прежней Бредау где, проживши с неделю, по распоряжению комитета возвратилась к Жихаревой, от нее к Александрине.

Из разговоров сестры видно, что она в Москве постоянно проживала у содержательниц девок вольного обращения, занятия ее были обыкновенно как девицы такого обращения; проживала ли она под чужим именем и с присвоением не принадлежащего ей звания, мне неизвестно, только знаю, что в этих заведениях ее звали Клименсою; чтобы сестра моя подвергаема была когда-либо в Москве телесному

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
наказанию, я от нее никогда не слыхала, а если бы была подвергаема, то наверно
мне бы сказала, тоже никогда не слыхала, чтобы делаемы ей были какие-либо
истязания или притеснения. От Александрины она была взята и содержалась в
Рогожском частном доме, из оного переведена в смиренный дом, где и умерла;
причем дополню, что покойною сестрою моею Анною было подаваемо прошение г.
обер-полицейстеру об освобождении ее из заведения Жихаревой по слабости ее
здоровья¹²³[123].

Подлинное сведение вместо вдовы-солдатки Екатерины Иогановы Ясиновой, за
неумением ее русской грамоте, по личной ее просьбе подписал старший пастор
евангелической св. апостолов Петра и Павла церкви консисториальный ассессор –
Гейнрих Дикгоф.

Сведение отбирал пристав Тверской части Акуньков.

264

О ГРАФ ВИКТОР НИКИТИЧ!

В «Норде» (№ 97) есть несколько подробностей о проекте II отделения собственной
канцелярии е<го> в<еличества>. Весь проект очевидно составлен с целью, чтоб
обмануть государя и совет, чтобы за многословием скрыть намерение не только не
изменить наше отвратительное судопроизводство, но еще более затемнить его, если
возможно.

«Отныне все документы будут вносимы в особую книгу, чтобы тяжущиеся могли всегда
отыскать их».

Стало, будет новое лицо для ведения этой книги (а между тем книга входящих и
исходящих бумаг и теперь существует во всех присутственных местах). Стало, будет
новый чиновник, новое жалованье, новое продажное место, которого будут
добиваться, то целуя руку у г. Панина, то платя взятку кому следует. Да кто же
поручится, чтобы при безгласности такой господин не вписал в книгу или
искаженный документ, или вовсе несуществующий, а потом и будут судить, за
утрату оригинала, по оной книге.

«Доклад о деле будет составлен и читан перед присутствием не секретарем – а
членом суда».

Но при безгласности судопроизводства – кто бы ни был докладчик – доклад все
останется в руках чиновничьего произвола. Да еще и этого члена-докладчика
создадут нового – новый чиновник, новое продажное место, новый способ брать
взятки!

Г–н министр юстиции полагает, что учреждение адвокатов опасно для правительства,
потому что:

«Не надо забывать, что вредно и опасно для государства, если глубокое знание
права будет распространено в классе людей, не состоящих на государственной
службе».

Цинизм невежества, вражда против всякого успеха редко выражались с такой наглой
дерзостью, даже у католических монахов. Не многому же научился Панин в
Оксфордском университете. Его предок, служивший при Екатерине, был современнее
его.

Нет, не вывезет Александр Николаевич из грязи государственную колымагу, пока в
ней будут такие свинцовые министры.

Summum jus – summa injuria¹²⁴[124]; не оттого ли, что министр юстиции так
высок, ни одна человеческая мысль не может возвыситься до чела его, а ходят, как
облака по Альпам, – оставляя сухую каменную вершину мерзнуть на солнце.

Попробовать бы маленького министра юстиции – может, будет и лучше.

ПОБЕДА

Сей час мы получаем известие об отрешении Брока, Норова и Вяземского. Это
большое торжество разума, большая победа Александра II над рутинной. С
нетерпением станем мы ожидать, что сделает новый министр финансов. Во всяком
случае, долой откуп, потому что откуп – подкуп чиновничества; пока он
существует, государство ни шагу не сделает вперед.

Ну! а когда же Панина-то с Закревским? Пора бы, пора бы!

L'APPETIT VIENT EN MANGEANT¹²⁵[125]

После нелепой нападки на книгопродавца Трулова, издавшего брошюрку Адамса:
«Tyrannicide is it justifiable?» – здешнее правительство сделало новое
посягательство на свободу книгопечатания... оно добудится львиного зыка
свободной Британии, если французское похмелье переживет Пальмерстона. Марта 23,
утром, был арестован и отдан под суд польский изгнанник Станислав Тхоржевский за
издание письма Феликса Пья к членам парламента.

СЛУХИ

В Париже разнесся слух и был поддержан какой-то пиэмонтской газетой – будто было
посягательство на жизнь Александра II, будто его хотели отравить ядом в ванне,
но что он из нее вышел и велел химически разложить воду, где был найден яд.

Мы этому не верим, – так, потому что не хочется верить, потому что для нас

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
Александр II – «счастливая случайность» как сказал Александр I m-me de Staël. Но поручиться за то, чтоб это было невероятно, – мы не можем. Мы только скажем одно: конечно, ни один благородный человек в России не захочет смерти царя, который идет заодно с народом и с образованием.

Но чего хочет старая дворня – за это поручиться нельзя.

Да прогоните же, наконец, старую дворню. Оно будет спокойнее, доблестнее, человеколюбивее и – безопаснее!

ВАТЕРЛОО 17 АПРЕЛЯ 1858

Семнадцатого апреля, в мрачной зале Олд-Бейльи, в присутствии четырех главных судей острова, свобода Англии одержала великую победу над французским деспотизмом. СИМОН БЕРНАР был найден присяжными невинным. Двенадцать англичан из народа не решились (как того хотела аристократия и богатое мещанство) жизнь Бернара снова купить благорасположение императора от полиции. Наполеону мира – мирное Ватерлоо. А народу английскому честь, слава и свобода.

267

ДВУСПАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Мы очень серьезно советуем князю Горчакову разуверить Европу, что «Le Nord» – русский полуофициальный орган, или не удивляться тому, что русский кабинет будет смешан с кабинетом французского начальника общественного спокойствия. Что за громісцитé126[126] такое! Есть же в канцелярии министерства иностранных дел писцы, которые не только читают по-французски^], но и умеют понимать, – пусть же к<князь> Горчаков велит им следить за французскими статьями этого журнала» цинизм раболепия их превышает «Patrie» и «Сопбишюппегил^]». Если надобно иметь орган в Европе, неужели нельзя иметь свой собственный? «Аугсбургская газета» давно уж толкует о французской болезни «Норда»; что это за однокорытничество?

Ведь и против балованного дитяти «Le Nord» – неаполитанского короля – кричал за то, что он сковал Поэрио черт знает с кем!

ПОПРАВКА

В нашей книге «14 декабря 1825 года и император Николай», – пишет нам один корреспондент, – вкралась важная ошибка (стр. 248–249). Юшневский скончался не на похоронах Н. Муравьева, а другого товарища, Вадковского.

Спешим исправить ошибку и притом не можем не повторить, что мы просим, умоляем всех соотечественников, имеющих в

268

своих руках какие-нибудь документы о наших мучениках, о наших героях, доставлять их нам. Ведь для них настала история, это признал уже сам государь непечатанием Корфовой книги. Мудрено ли, что мы наделали ошибок, не имея решительно никаких документов, кроме воспоминаний о двух-трех разговорах шепотом за закрытыми дверями. Пусть же нам помогут – сыновья, братья, друзья великих предшественников наших.

<КОРФ>

Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу «О 14 декабре 1825 года»? – Просим и желаем.

ЕЩЕ ПОБЕДА!

Вместо Сухозанета назначен исправляющим должность военного министра Васильчиков – человек, о котором мы слышали прекрасные отзывы.

269

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА АВРААМИЯ СЕРГИЕВИЧА НОРОВА

Что город – то Норов, что столица –

то Закревский!

Авраамий Сергиевич почил от министерства, и для него, как для Наполеона на острове св. Елены, «уже потомство настает». Отставной министр просвещения Гизо сам пишет свою биографию; келарь Авраамий Палицын тоже о себе писал сам, но Авраамий Сергиевич, подобно родоначальнику всех Авраамов (доведшему свое историческое подобострастие и верноподданнические чувства до того, что чуть не прирезал родного сына Исаака), ждет нового Моисея.

Для этого – то будущего Моисея хотим и мы передать несколько подробностей о добросовестных трудах Авраамия Сергиевича и о неусыпных попечениях его, сделанных с просвещенной целью помешать распространению наших книг.

Летом 1857 года Авраамий Сергиевич прожил в Берлине, лихорадочно поджидая государя (как будто он не мог наговориться с ним досыта и до ленты в Петербурге?). Вдруг... в его замке народного просвещения т рагВЪт раздается рожок, гремят цепи подъемного моста и въезжает оруженосец Марковский, посланный от маркиза Паулуччи, начальника тайной полиции в Варшаве. Паулуччи поручал министру просвещения, через Марковского, иметь неослабное наблюдение в Германии за русскими книгами, печатаемыми в Лондоне. Просвещенный министр, желая оправдать доверие Паулуччи, тотчас

принялся за дело и сам поехал с пакетом в Дрезден. В Германии, надо вам сказать, есть два, три отделения Третьего отделения собственной е<го> и<мператорского> в<еличества> канцелярии. Еще при незабвенных Леонтии Васильевиче и Николае Павловиче они были очень хорошо устроены: берлинским отделением III отделения собственной канцелярии заведовал Мантейфель, саксонским – Бейст. К нему-то первому и обратился старец Авраамий, поддерживаемый старцем Шредером (из русских) – человеком, которого учтивость была до того велика, что почти выходила из пределов приличия. Бейст, видя жандармское рвение министра народного просвещения, поддержанное учтивейшим человеком из всех Шредеров, не исключая Шредера Девриен, дал слово (и сдержал его) – запретить в Саксонии русские книги, печатаемые в Лондоне, признаваясь откровенно и всенародно этим фактом, что Саксония находится на положении Грузии и что ее царь Ираклий – гражданский губернатор саксонский и военный генерал-губернатор города Дрездена. Авраамий Сергиевич, довольный успехом, снова возвратился в Берлинскую область. В уездном городе Потсдаме он встретил г. Адлерберга, князя Горчакова и самого государя, с ужасом жаловался он им всем на распространение русских книг, печатаемых в духе свободы и независимости, дерзающих касаться не только до предметов священных, но и до первых трех классов, не щадящих ничего, ни даже графа Панина. Он удивлялся преступному равнодушию Брунова, который терпит в Берлине продажу их. (Он не рассудил, что Брунов, проживши в Англии так долго, утратил рабскую книгобоязнь.) Горчаков обещался принять меры, попросить, убедить, склонить кого надобно; у короля-наместника мозг уже размягчался тогда не по дням, а по часам, Мантейфель – свой человек, Герлах – покойников человек, успех был несомненен. Но что довольно для успеха – того не довольно для усердия, и потому состоящий при маркизе Паулуччи министр народного просвещения отправился сам к Мантейфелю. «Кейзер, говорит, – ни хт волен... Зи мусен махен, – Прусиш, Русиш – камрад!»

271

Мантейфель запретил наши книги во всей вверенной ему губернии. И нам пришлось печатать после всех этих реклам, переписок, совещаний, Бейстов, маркизов от инквизиции, министров от просвещения, Марковского, Мантейфеля – ровно вдвое больше наших книг!

А надобно признаться, оригинально понимал отец Авраамий министерство просвещения, – он, верно, думал, что оно, как пожарное депо, назначено не для увеличения просвещения, а для предупреждения и прекращения его, где оно (чего боже сохрани) нечаянно случится. Зато по-еврейски знает он, по свидетельству «Аугсбургской газеты», лучше всякого раввина и талмуд толкует, как будто не выходил всю жизнь из синагоги.

<ПОГЕНПОЛЬ>

Нам пишут, что секретарь русского посольства в Неаполе, г. Погенполь, ходил по лавкам 27 апреля, страшая книгопродавцев и угрожая полицией, если они будут продолжать продажу «Колокола» и «Полярной звезды» (об «ЛОМ'е» не сказано ничего?).

Охота же им компрометировать правительство, посольство, себя!

Впрочем, где есть порядочный и умный посланник, там и не делают этих мелочных набегов, – возьмите в доказательство полное достоинства поведение нашей миссии в Париже. Отчего? Оттого, что послом там граф Киселев.

272

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «„О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ" КНЯЗЯ М. ЩЕРАБАТОВА И „ПУТЕШЕСТВИЕ" А РАДИЩЕВА...»»

После этого спросят меня, как же управляется эта страна и на чем она держится? Управляется она случаем и держится на естественном равновесии – подобно огромным глыбам, которые сплочает собственный вес.

(Согъегоп – французский посол в своей депеше от 9 апреля 1778)

Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца сего времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр I, и за нею видит чинную, чванную Русь московскую, скучный и полудикакий быт наших предков кажется недовольному старику каким-то утраченным идеалом.

А. Радищев – смотрит вперед, на него пахнуло сильным веянием последних лет XVIII века. Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну девяностых

годов, – все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями. Еммануил Кант, сняв шапочку, говорил, удрученный величием событием, при провозглашении

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
французской республики: «Ныне отпускаеши!..» С восторженными идеалами того
времени Радищеву пришлось жить в России – слезы, негодование, сострадание,
ирония – родная наша ирония, ирония-утешительница, мстительница –
273

все это вылилось в его превосходной книге. Радищев гораздо ближе к нам, чем
к<князь> Щербатов; разумеется, его идеалы были так же высоко на небе, как идеалы
Щербатова – глубоко в могиле; но это наши мечты, мечты декабристов.

Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца, он не ограничивает первыми
тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины – он
едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками,
дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию
– громкий протест против крепостного состояния. Тогдашняя риторическая форма,
филантропическая философия, которая преобладала в французской литературе до
реставрации Бурбонов и поддельного романтизма, – устарело для нас. Но юмор его
совершенно свеж, совершенно истинен и необычайно жив. И что бы он ни писал, так
и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях
Пушкина, и в «Думах» Рыльева, и в собственном нашем сердце.

Что для него были убеждения – это он доказал, возвратясь из ссылки. Вызванный
самим Александром I на работу, он надеялся провести несколько своих мыслей и
пуще всего мысль об освобождении крестьян в законодательство, и когда –
пятидесятилетний мечтатель – он убедился, что нечего и думать об этом, – тогда
он принял яду и умер!

К<князь> Щербатов дошел до своей славянофильской точки зрения, сверх частных
причин, тем же путем, которым на нашей памяти дошла до нее часть московской
молодежи. Раздавленная николаевским гнетом, не видя конца ему, не видя выхода,
она прокляла петровский период, отреклась от него и надела, нравственно и в
самом деле – зипун.

Само собою разумеется, что в этой лести, в этих герлай¹²⁷[127] есть натяжка.
Когда пуритане с щербатовским омерзением смотрели на развратный двор Карла II и,
качая головой, вспоминали времена протектора, не надобно забывать, что, при всей
утомительной суровости своей, пуританские нравы представляли по всей энергии
многие стороны англосаксонского характера; на эти времена и теперь англичанин
обращается с гордостью.

Допетровская русская жизнь не представляет такого прошедшего, она была похожа на
большой сонный пруд, покрытый тиной; сверху донизу все дремало в этом затишье, в
котором складывалось, оседало государство. Не приходя в себя, безличные
поколения сменялись, как листья на дереве, жили тесно, связанные тяжелыми,
периодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни незавидны. В
природе все неразвитое тихо и покойно. Камень лежит себе века увальнем,
выветриваясь понемногу, а птица часу на месте не посидит.

А так как объективной истины в этом возвращении к жизни из которой мы выросли,
нет и она только взята назло, чтоб современники казнились, то к<князь> Щербатов
часто впадает в противуречия и просто в ошибки. Можно ли, в самом деле, делить
его негодование на женщин и девиц, что им лучше понравилось поехать и
одеваться, чем всю жизнь проводить в тюремном заключении отцовского или мужнина
дома. Тем больше, что к<князь> Щербатов, говоря о недостатках и грубости
императрицы Анны Иоанновны, прибавляет, что причиною тому было ее старинное
воспитание. Мы находим далее чрезвычайно человеческим, что невестам хотелось
видеть прежде брака своих женихов, и очень довольны, что русский, православный
обычай сватать и соединять пары помимо воли пациентов остался в употреблении
только на конских заводах...

Но чтоб понять желчевое увлечение к<князя> Щербатова, надобно вспомнить, что
такое были пресловутые екатерининские времена в середине своего разгара. Со
всяким днем пудра и блески, румяна и мишура, Вольтер, «Наказ» и прочие драпри,
покрывавшие матушку- императрицу, падают больше и больше и седая развратница
является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде¹²⁸[128]. Между
«фонариком» и Эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и
Баркова. Двор – Россия жила тогда двором – был

275
постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без
плана. У каждой партии вместо знамени – гвардейский гладиатор, которого седые
министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую
порфирами Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин – каждый имеет запас кандидатов, за
ними посылают, в случае надобности, курьеров в действующую армию. Особая
статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворец (в комнатах
предшественника, которому дают отступной тысяч пять крестьян в крепости)
покрывают брильянтами (пуговицы Ланского стоили 80000 серебр<ом>), звездами,
лентами – и сама императрица везет его показывать в оперу; публика,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
предупрежденная, ломится в театр и тридорого плотит, чтоб посмотреть нового
наложника.

Потемкин, этот незабавный blasé129[129], избалованный степной барич на
содержании, из которого, к стыду России, сделали великого человека стихами
Державина, раболепием дворцовой черни и, наконец, семинарской прозой Надеждина,
– Потемкин не любит шутить; что касается до фаворитов, он позволяет Екатерине
брать подставных сколько душе угодно, но только из его клеветов. Старуха в
отчаянии, не слушается – и Потемкин грубит с ней, бранится.

Le balâfré130[130], угрюмо живущий в дальнем имении, услышал это – и снова
является перед женщиной, которую посадил на престол. «Помогите мне», – говорит
ему императрица, рыдая. «Я готов», – отвечает граф Алексей Григорьевич. Готов –
значит на его языке: готов задушить Потемкина, если в<ашему> в<еличеству>
угодно, – так, как задушил вашего мужа, так, как сбыл с рук княжну Тараканову.
Но нервы венчанной куртизаны ослабли, она шепчет старому сообщнику: «Помиритесь
с ним, смягчите его». С сожалением смотрит на нее Чесменский, пожимает плечами и
идет прочь... «Non, vous n'êtes plus ma Lisette!..» и оставляет уголовный
дворец, в котором, сверх плачущей императрицы, бродит князь Григорий Орлов –
сошедший с ума. С воплем и дикими

276

речами ходит он из угла в угол по кабинету Екатерины. Она не велит его
останавливать – она с оцепенением и ужасом ходит за ним, слушает его бред, с
ужасом видит в его безумии угрызения совести, кару за совершенное ими вместе
преступление и, задавленная темными мыслями, «не может больше заниматься делами
весь день» – и только успокаивается ночью в объятиях нового лейб-гвардейского
гладиатора.

Вот мир, о котором наши деды и отцы поминали с умилением, – мир, в котором жил
Щербатов, – всякому честному человеку должна была древняя Русь показаться чистой
и доблестной в сравнении с этим бесстыдным развратом, с этим переходом Руси
допетровской в новую Русь – через публичный дом. Современнику трудно было
отделиться от всего и широким взглядом историка обнять это время; стоять возле
вообще мешает хорошо видеть, гармония целого пропадает, многое загорожено
случайно близким – мелкое кажется громадным.

Мог ли думать князь Щербатов, когда он писал свой строгий разбор дворцового
разврата, что в одно мгновение все сразу переменится? – Часы пробил двенадцать,
и вместо нелепости жирной масленицы – настает противоположная нелепость сурового
поста. Дворец превращается в смиренный дом, везде дребезжит барабан, везде
бьют палкой, бьют кнутом, тройки летят в Сибирь, император марширует, учит
эспонтоном, все безумно, бесчеловечно, неблагородно; народ по-прежнему оттерт,
смят, ограблен, дикое своеволие наверху, и п'у а йе
grand chez moi que celui a qui je parle et pendant que je lui parle – рабство,
дисциплина, молчание, рунд и высочайше приказы.

И в то же время Суворов на Альпах, под Требией и Нови, завязывает ту борьбу,
которая привела всю континентальную Европу в Кремль, а нашу армию в Париж.
Вот это–то и отделяет так резко петровскую эпоху от московской, что в ней –
какие бы обстоятельства ни были – чувствуется движение, чуется возбужденная
мощь; можно выбиться из сил, можно погибнуть в ней, но нет того удушья,
бесцветного, безвыходного, утягивающего без вести какими–то немymi стихиями и
страданье, и счастье, и лица, и поколенья... и всю допетровскую Русь.

277

Петербургская Россия не имеет той безнадежной оседлости; она, очевидно, не есть
достигнутое состояние, а достижение чего–то, это репные зубы, которые должны
выпасть; она носит во всех начинаниях характер переходного, временного; империя
стропил – столько же, сколько фасад, она не в самом деле, не «взаправду», как
говорят дети. Это глиняная форма, которая была, может, необходима, чтоб
остановить, собрать славянскую распущенность, – но которая сделала свое дело;
это хирургическая повязка, которую надобно снять, как только органы будут
поздоровее: она уже порвалась в десяти местах, и по тем мышцам, которые видны,
можно судить о том, насколько мы выросли и окрепли.

Нашему нетерпению мало (и самое это нетерпение свидетельствует о том же
внутреннем движении), – у нас самих десять раз опускались руки, и мы
останавливались, исполненные ужаса и печали, перед уродливым, капризным сфинксом
русского развития.

Все это понятно, но лишь бы люди не шли вспять, как князь Щербатов, и не
предавались бы полному отчаянию, как А. Радищев.

Медленно идет наше развитие – срывается с дороги; проводники плохи, давят народ
– топчут нивы, – а как приостановишься, оботрешь пот с лица, а иной раз и слезы,
да посмотришь назад, – а пути–то сделано много!

Кто из нас смел думать пять лет тому назад, что твердыня крепостного права,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи, – покачнется? И кто же скажет, что вслед за нею не рухнет и табель о рангах, и потаенный суд, и произвол министров, и управление основанное на телесных наказаниях и боящемся гласности?

Что по дороге будут не только времена устали, но безумной реакции – в этом нет сомнения, для этого достаточно знать главных актеров. Да ведь исторический путь и не есть прогулка по Невскому!

<ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПУТЕШЕСТВИЮ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А РАДИЩЕВА>

В VII томе сочинений А. Пушкина помещена его статья о А. Радищеве. Статья, не делающая особенной чести поэту. Он или перехитрил ее из цензурных видов, или в самом деле так думал – и тогда лучше было бы ее не печатать. Из нее берем мы некоторые подробности об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву». Александр Радищев родился около 1750. Он обучался сперва в пажеском корпусе, потом в Лейпцигском университете. Его друг Ушаков, служивший секретарем при тайном советнике Теплове, оставил службу и отправился в Лейпциг вместе с молодыми людьми, посланными Екатериной II – для окончания своего образования. «Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге – застал русских студентов за книгою „О разуме“ и привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей братии». Ушаков, имевший большое влияние на Радищева, умер на 21 году. Осужденный врачом на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей, А. М. Кутузова. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось одним из любимых предметов его размышлений. «Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в службу, не переставая [vii], между тем, заниматься словесностью. Он женился. Состояние его было для него достаточно, граф Воронцов ему покровительствовал, государыня его знала лично и определила

279

его в собственную канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему иное.

Радищев был мартинист – поклонник возникавшей революции и философии энциклопедистов. Энергический и смелый – он один поднял голос протеста и среди лести и раболепия, которыми окружали богоподобную фелицу, – «спокойно пустил в продажу» свое «Путешествие из Петербурга в Москву», напечатав его тайно в своей типографии, говорит Пушкин¹³¹[131].

Книга Радищева дошла до государыни, Екатерина сильно была поражена. «Он мартинист, – говорила она Храповицкому. – Он хуже Пугачева: он хвалит Франклина»¹³²[132]. Пушкин находит это замечание глубоко знаменательным – нам оно кажется чрезвычайно глупым. Радищева отдали под суд, потом сослали. Сенат осудил его на смерть (по какому закону – не знаем). Екатерина велела преступника лишить чинов и дворянства и в оковах сослать в Сибирь.

До воцарения Павла Радищев жил в Илимске. Павел возвратил его из ссылки, император Александр I определил Радищева в комиссию составления законов и приказал ему «изложить свое мнение касательно некоторых гражданских постановлений». Радищев, «увлеченный предметом, некогда близким к его умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству, предался прежним мечтаниям. Граф З. ¹³³[133] удивился молодости его седин и сказал ему с дружеским упреком: „Эх, Александр Николаевич, охота тебе пустословить

280

по-прежнему! или мало тебе Сибири?“ – Пришедши домой, огорченный Радищев вспомнил о друге своей молодости и отравился»!

Не ужасно ли все это!

Как же может память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!

281

СЛОВОБОЯЗНЬ

«Кельнская газета» объявляет на днях о новом запрещении «Колокола» в Пруссии. В Саксонии все наши периодические издания запрещены. В Неаполе секретарь

посольства
страшает¹³⁴[134] книгопродавцев; *commis voyageur*'bi Третьего отделения в генерал- адъютантских мундирах, статские советники, воображающие себя тайными, обтекают всю падшую часть Европы, шныряют по лавкам, открывают, доносят, употребляют немецких министров вроде полицейских сыщиков и трюфельных ищек и немецких князьков вроде бульдогов на «Полярную звезду» и «Колокол». Зачем все это? Откуда эта невежественная нетерпимость? Жаль, если это идет от государя: это так недостойно его; жаль, если это от министра Горчакова: нам говорили, что он благонамеренный человек, и мы готовы были верить!

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Или все это шалют «вторые места», добровольные ревнители и николаевские
жандармы, оставленные теперь без занятий?

Неужели всякой власти, даже той, которая хочет добра, написано на роду не уметь
иначе слушать истину, как обвернутую в фразы битого раболепия, как подслащенную
пошлой лестию? Язык свободного человека режет ухо, размягченное риторикой
византийских евнухов в гвардейском мундире, старых ключников и дворецких
покойного барина...

Как все это старо! Подобные вещи наверно говорились Тарквиниям в Риме, Кадму в
Афинах, самому Мельхиседеку (если спросить равви Авраамия Сергиевича) – и
все-таки лесть слушается, и все-таки ласка куртизаны принимается за чистые
деньги.

282

С 1 января нынешнего года «Колокол» поставил своим знаменем «освобождение
крестьян!» Только этим вопросом и занимался... по дороге приходилось иной раз
хлестнуть – как кучера здесь хлещут засаленных мальчишек, которые вешаются на
рессоры – наших баловней, наших gamins и gamines¹³⁵[135]: Закревского, Панина,
Марию Бредау, Сечинского, Мину Ивановну; но, во-первых, зачем же они вешаются за
рессоры а потом неужели Александр II и Горчаков II, III отделение и IV министра
– эти quatre mendiants немецких дворян – все это ополчилось за семейные
добротели Мины Ивановны, за ум Закревского, за целомудрие Марии Бредау, за..
за рост Панина (других достоинств он еще не успел показать)?

А потому мы и просим позволение еще раз повторить сказанное нами в 9 листе
«Колокола»:

«Дело русской пропаганды для нас не каприз, не развлечение, не кусок хлеба – а
дело нашей жизни, наша религия, кусок нашего сердца, наша служба русскому
народу.

Мы работали не унывая тогда, когда не было никакого успеха. Неужели теперь,
когда русское министерство иностранных дел и немецкие министры дел отечественных
признают нашу силу, наше влияние, – мы остановимся?

Будьте уверены, что нет. С рукою на сердце присягаем мы перед лицом России –
продолжать работу нашу до последнего биения пульса. Она даже не прервется с
нашей смертью. Мы не одни и, умирая, завещаем наш станок грядущему, юному
поколению, которое примет за него с новыми силами, с свежими идеями.

Нас остановить можно только уничтожением цензуры в России, а вовсе не введением
русской цензуры в немецких краях.

Не надобно думать, чтобы меры эти были взяты только против нас: они столько же и
еще больше взяты против государя. Чернильное и казарменное масонство,
завоевавшее четырнадцать степеней лестницы, ведущей к дворцовой передней,
старается обвернуть язык Колокола – немецкими препятствиями, для того чтоб его
звон не доходил до Зимнего дворца!»

283

ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

Мы получили на днях письмо, в котором какой-то друг тамбовского дворянства
упрекает нас в поспешности, с котрой мы «предали это дворянство анафеме»,
поверив статье «Норда». Хотя автор письма и сознается, что он «мало знает
расположение тамбовского дворянства относительно освобождения крестьян», тем не
менее желает защитить его. И мы ничего лучше не просим, как исполнить его доброе
желание и «снять анафему»; мы сделаем это тотчас, как только почтенный
корреспондент наш много узнает о хорошем расположении тамбовского дворянства
относительно освобождения крестьян. Мы до сих пор, сверх статьи «Норда», читали
речь какого-то Бланка, перед которой иезуитское сочинение Безобразова –
зажигательная статья и циркуляр министра Ланского – такое же якобинское
произведение, как бюллетен Ледрю-Роллена. В конце этого отвратительного дифирамба
в пользу крепостного состояния и рабства сказано в скобках: «Речь сия была
принята собравшимся дворянством с восторгом и рукоплесканием».

Что касается до князя Голицына и до г. Лиона, нам до них нет дела; мы охотно
верим корреспонденту, что князь Голицын виноват, и без малейшего труда примем,
что г. Лион неправ. Мы знаем, что такое российское благородное дворянство, мы
знаем, как Орловы и Панины бросились стремглав со ступеней трона, да которых они
стоят, закладывая именья, боясь освобождения крестьян.

Мы искренно будем рады [Ш], если тамбовское дворянство да и все прочие поймут,
что оппозиция правительству и народу в деле освобождения не только
безнравственна и гнусна, но чрезвычайно опасна и может навлечь на них вещи,
несравненно более чувствительные, чем несколько строк «Колокола».

PAS DE REVERIES! PAS DE REVERIES!

Из Украйны пишут, что польским журналам не только не дозволено печатать статей
об освобождении крестьян, но не позволяют перепечатывать статей из петербургских
и московских журналов. Что это за безобразие, что это за тупоумие! Своим глазам

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
не веришь... Александр II похож на тех средневековых паломников, которые ходили
в Иерусалим два шага вперед да один назад, это лучшая метода, чтоб никуда не
дойти и оттоптать себе ноги до страшных мозолей... По крайней мере те шалили из
любви к богу. А тут что за цель???

КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЕ МЕСТНИЧЕСТВО В НАУКЕ И В ОРЕНБУРГЕ

Из военной рассадницы, взлелеянной императором Николаем, вышла целая
лейб-ширинга молодых генералов, играющих важные роли, назначенных к еще большим
и потому имеющих полное право на переключку в «Колоколе».

Главная отличительная черта их состоит в том, что они не участвовали в Крымской
войне или участвовали в ней по мирной части.

Выращенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свет Николаем, эти
неогатчинские воины мира, эти якобинцы шагистики, эти Клейнмихеля под разными
названиями – Катениных, Герстенцвейгов, Тимашевых, эти люди консерватизма,
строая, погончиков и петличек прикинулись реформаторами Катенин-Лютер!

Тимашев-Гус! Кто во что горазд, тот то и улучшает... пекутся о цивилизации, об
эманципации, распространяют

285

свет, строятся в уровень века, чувствуют силу новых идей. Эпоха возрождения да и
только! Вот вам образчик.

«Аугсбургская газета» от 2 мая рассказывает о радикальном улучшении кадетского
корпуса в Оренбурге. Прежде кадетский корпус состоял из двух классов
(Schwadronen?136[136]), в

которых учение было почти одинаковое, и ученик в тот или другой вступал по
желанию. Но генерал-губернатор Катенин иначе рассудил дело и для того, чтоб
поставить на современную точку образования Оренбургский кадетский корпус, велел
в одном батальоне принимать только из родовых дворян и учить их больше, а в
другой принимать всякую всячину и учить меньше!.. А сколько классов в
сумасшедшем доме?

<МЕЛЬНИКОВ>

Правда ли, что нижегородский литератор, переведенный в Петербург за изящный
стиль, г. Мельников, готовит к печати рассказ апостольских подвигов своих, иже
на обращение заблудших братьев-раскольников направленных? Если же неправда, мы их
расскажем, пожалуй.

286

ФАНАТИК ПАСПОРТОВ

Каких фанатиков не бывало – от фанатиков языческих, христианских, магометанских
до фанатиков вертящихся столов и толкущихся духов; но «Северная пчела» знакомит
нас с новым видом этой проказы, с фанатиком паспортов (в 78 №). В. Кокорев
навлек на себя гнев привилегированных и цеховых литературных дел мастеров за то,
что стал печатать свои статьи, да еще предпочел бельгийскую «Пчелу» – северной.
Гнев этот в петербургском «Норде» дошел у какого-то Ст. В до бешенства к
паспортам. В. Кокорев заметил, что «где нет паспортов, где движение каждого не
опутано никакими формами, полицейские чиновники не имеют надобности придирааться
– там крестьянин не несет бесполезных расходов и деятельность в жизни простого
народа сильное развивается».

Этого Ст. В. не может вынести, его полицейский патриотизм оскорблен этим.

Он, разумеется, не знает, что паспорта вообще учреждались с политической и
военной целью, что они должны препятствовать сообщению, а не способствовать ему;
необходимость паспорта и визы есть уже полицейский надзор, есть уже рабство. С
усиленной системой паспортов соединяются воспоминания самых мрачных периодов:
террора 94 года,

николаевского царствования и пр.

Сидя под крыльями Пчелы, разумеется, можно писать такую нелепость: что «в Англии
были бы реже страшные злодеяния, если б всякий обязан был доказать, кто таков». Лучшее
организованной полиции, как в Лондоне и в Англии, не существует в мире, ее
деятельность и смьшенность поразительны.

Она только не ловка в политических преследованиях, ей не было случая развиться в
них. Здешнее III отделение в подметки не годится тимашевскому, это новый цветок,
пересаженный в Англию трудами таких людей, как Пальмерстон. Порядочный человек,
идуший здесь не краснея в констабли, так же не пойдет на службу в Scotland Yard,
как порядочный русский не пойдет в III отделение.

Арест Лани, убившего француженку в Арундель-стрите, на корабле, отплывавшем в
Монтевидео, в то время как никто не знал ни имени, ни места жительства его,
должно изумить наших сыщиков, даже тех, которые, плутовски и лжесвидетельствуя,
обирают у раскольников иконы и книги – особенно когда они узнают, что здесь
нельзя полиции ни в дом взойти без зова или судебного приговора, ни сечь
по-эртелевски, ни бить по-берингски. Как же полиция наша? Отгадайте-ка, Фаддей
Венедиктович, на старости лет? Убийство было открыто тогда, когда убийца,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
ночевавший у своей жертвы, ушел, т. е. затерялся, исчез в этом омуте, которого
народонаселение равняется народонаселению всей Сибири. Все, что об нем знали, –
это то, что он итальянец и молод.

Ст. В. справедливо заметит, что если б у него был паспорт в кармане, то его
легко бы было узнать, но для этого надобно было две вещи: карман и самого Лани –
имея то и другое в руках, паспорт делается милым излишеством.

Так и быть, мы вам откроем секрет. В четыре часа того дня, в который совершилось
преступление, печатные афиши о нем уже были приклеены в Гаймаркете и других
близких местах, в 5 часов все вечерние газеты перепечатали его, в 6 весь Лондон
читал и в том числе один дворник. «Ба, – говорит он себе, – итальянец, – дома не
ночевал, – у нас был итальянец, утром пришел с исцарапанным лицом, взял чемодан
и уехал в доки». Он сообщил тому, сему. Полиция, услышав это, бросилась в доки,
корабль был готов плыть в Монтевидео, Лани так мало думал о возможности быть
пойманным, что преспокойно завтракал, когда полицейские взошли.

Не попробовать ли гласности вместо паспортов? В Лондоне много воруют, хотя и
далеко не столько, как у нас в гражданской и военной службе, несмотря на то, что
у

288

служащих есть не только паспорт, но формулярный список, подорожная, дворянская
грамота, ученый диплом и свидетельство о святом причастии, – но ведь в Лондоне
не только крадут, но и много находят краденого, и не только находят, но – я
знаю, что в России никто мне не поверит, – отдают найденное хозяевам.

Больно видеть, что в русскую литературу пробирается больше и больше
гувернементальный тон, отстаивание устарелых, рабских учреждений, этого прежде
не было. Литература молчала, говорила вздор, иногда льстила властям, – но
какой-то стыд, какое-то сознание своего загнанного, но оппозиционного положения
удерживали литераторов от защиты крепостного состояния, розог, палок,
полицейских стеснений. Едва нам позволили немного громче говорить – явился
Бланк, доблестный защитник помещного права, Безобразов, желающий освобождением
еще больше закрепить крестьян, его сиятельство князь Голицын, который каким-то
лабазно-извозчицким языком с разными прибаутками хочет уверить крестьян, что
земля не их. «Один помещик» – трогательно хвалит розги. «Один чиновник» –
умильно просит не учить крестьян грамоте, и – от цинизма до цинизма – мы доходим
до обоготворения полиции. Горе дерзновенному, касающемуся до святыни паспортов,
адрес-билетов и других полицейских ярлыков!

Если г. Ст. В. под заглавием «Дела и слова» мог для защиты паспортов напечатать:
«К чему крестьянам разъезжать и разгуливать, с крестьянина, идущего на поле, не
требуют паспорта!», то я спрашиваю, отчего не поместить г. В. Ст. под заглавием
«Слово и дело», статью о пользе преображенского приказа и пыток, доказывая ее
тем, что в Англии именно оттого так сыро и так много идет дождя, что в ней
никого не пытаются?

Что касается до личностей против г. Кокорева, которого мы не видывали и не
знаем, они просто поселяют отвращение. Мы ненавидим откуп, считаем его
безнравственным, но виним правительство, а не откупщиков. Г-н Кокорев нажилась
откупками – ну а все остальные, которые нажились, лучше разве нажились? Не все,
как Фаддей Венедиктович Булгарин

289

и Николай Иванович Греч, с рождением принесли высокое аристократическое имя и
колоссальное богатство.

И отчего же, например, помещик, грабящий весь век своих крестьян, опираясь на ту
же защиту штыков, чище и доблестнее откупщика? Особенно когда откупщик сам
нападает на откуп и предлагает выкупать землю для крестьян, а помещики будут ее
продавать для самих себя?

290

АРХИПАСТЫРСКОЕ РВЕНИЕ О МРАКЕ

Мертвые восстают! немые глаголят! православные святители поднимают слабый глас
свой на противудействие науке, во грехе мысли светской зачатой. Вот что
благовестит

преосвященный митрополит новгородский и с.-петербургский за № 641 –
обер-прокурору Святейшего синода, сему стражеблустителю, охраняющему, яки пес
верный, паству господню, паству православную;

«Неоднократно доходили до меня слухи, что некто иностранец Роде здесь, в Спб., в
разных высших учебных заведениях, разными картинками, не упоминая ни слова о
боге-создателе показывает, что образование нашей земли со всеми ее растениями и
животными, не исключая и людей, произошло только от действия естественных сил
какой-то первобытной материи, в продолжение не простых шести дней, а шести более
или менее длинных периодов.

В настоящее же время, как сказывают, этот Роде уже делает свои представления

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов публично, близ большого театра, в цирке, и для большого привлечения народа – с торжественною музыкою.

Такое представление, явно колеблющее основание христианства и истребляющее в народе всеми христианскими народами благоговейно признаваемую и чтимую истину в создании нашей земли от всемогущего, премудрого и всеблагого творца-бога, весьма вредно для народной веры и нравственности.

Посему покорнейше прошу ваше сиятельство, чтобы означенное даваемое в цирке представление было прекращено».

...Может, пастыри наши умиленно мечтают, что, уничтожая свет дневный, они усугубят продажу свечей церковных!

148

il remercie la noblesse des trois gouvernements d'avoir bien compris ses intentions; il ordonne au ministre de communiquer la «noble résolution» de ce corps aux autres. – Est-ce clair?

Or, a-t-on jamais pensé en Europe à ce que c'est que l'émancipation des paysans en Russie? – C'est la déclaration de majorité sociale de 22 millions d'individus qui étaient hors la loi; c'est le changement le plus complet de l'existence de – je répète le chiffre – 22000000 de personnes¹³⁷[57].

Les hommes jusqu'à ce jour appartenaient à la terre qu'ils cultivent. Pour ne pas avoir de prolétariat des champs, on rattacha de plus en plus, depuis le commencement du XVIIIe siècle, les hommes à la terre; on en fait des usufruitiers-galériens et cela – par droit de naissance, c'est-à-dire involontairement, fatalement. Maintenant, – et c'est là ce qui est grave – en détachant l'homme de la terre, en lui rendant la locomotion, l'émancipation ne détache pas du tout la terre de l'homme: l'usufruitier-galérien ne devient pas prolétaire indépendant; il devient, s'il le veut, co-propriétaire, par l'intermédiaire de la commune. Le prolétariat est optatif pour le paysan. La commune ne perd point le droit à l'usufruit de la terre qu'elle cultivait; elle ne peut donc évidemment refuser à un sien membre son lot de terre. Jusqu'à présent le membre de la commune ne pouvait non plus refuser le travail et toutes les charges et servitudes qui pesaient sur la commune, en outre il n'avait pas le droit de la quitter – il l'aura maintenant; et même dans ce dernier cas l'usufruit de la terre restera à la commune, et ne retournera pas au seigneur. Laisser la terre à la commune, en donnant à l'individu le droit de l'abandonner, à ses risques et périls, et en laissant à la commune le droit d'adoption – tel est le principe fondamental, le seul national sur lequel on puisse baser l'émancipation en Russie.

149

Ce principe est reconnu, quoique d'une manière très embrouillée par l'ordonnance du 2 décembre. Après avoir fait une distinction scolastique, – en disant que la terre appartient au seigneur, et l'usufruit à la commune – l'ordonnance oblige le seigneur à céder aux paysans l'usufruit de la terre cultivée par la commune, moyennant une rente fixée avec le consentement du gouvernement. En outre, il est dit que l'usufruit de la maison, la cour, le jardin potager appartiennent à la famille considérée individuellement.

Nous voyons là une reconnaissance gauchement exprimée du principe. Au reste l'ordonnance du 2 décembre n'est pas du tout une norme, par cette raison toute simple qu'elle ne s'adresse qu'à trois provinces polonaises, où les conditions de la vie agricole ont subi de profonds changements. L'ordonnance – en disant «là où la commune existe» – nous montre que dans ces contrées il y a des propriétés seigneuriales où la commune est détruite.

En général les dispositions réglementaires ont été faites à la hâte et n'ont pas grande portée. La seule bonne chose c'est que le gouvernement a limité le temps des arrangements à 6 mois, après quoi il interviendra. La composition des comités eux-mêmes est très vicieuse.

Le paysan sera représenté par des employés de l'Etat, tandis que la noblesse sera représentée par ses députés élus. Mais a-t-on oublié que tous les employés sont nobles ou anoblis?

Nous répétons donc que pour le moment la grande affaire n'est pas dans les détails qui peuvent et doivent varier; elle n'est pas dans le bégayement timide et peu franc du gouvernement; elle est dans l'aveu, dans l'initiative; – elle est dans la parole prononcée.

Oui, c'est le commencement du remords, le commencement de la réhabilitation de la Russie opprimée; c'est l'aube d'une journée où un grand lit de justice sera tenu; c'est l'entrée de la Russie dans sa nouvelle phase, phase que nous avons prédite depuis notre jeunesse.

L'homme des champs, trahi, vendu, trompé, lutta un siècle entier – le XVIIe – versa sa sueur, versa son sang, et tomba enfin, meurtri et garrotté, au pouvoir

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
d'une soldatesque féroce, d'une bureaucratie ignoble, qui travaillaient – avec

l'empereur –
pour le compte de la noblesse. Cette lutte tragique est passée inaperçue, non
comprise par l'Occident, calomniée à l'intérieur. On a jusqu'à présent
représenté un Sténko Rasine, un Pougatcheff, comme des brigands de grande
route138[58].

Enfin il était anéanti – cet Abel des champs. Le régime impérial n'avait pour
lui que des coups. Pour les autres, au milieu d'un despotisme effréné, insolent,
brutal, il y avait une civilisation empruntée, le pouvoir, la gloire, des
titres, des richesses. Pour le paysan, rien de tout cela: un travail ingrat, la
misère, la honte, les verges. La seule participation à l'histoire qu'on lui
concédat, c'était le sang qu'il était forcé de verser dans tous les carnages
qu'inventaient la soif des conquêtes et l'ambition des gouvernants.

Chose étrange! les grands acteurs de ce drame historique, qui se déroulait à
Pétersbourg, avaient quelquefois leur poésie, leur largeur d'idées, des vues non
seulement politiques, mais humaines; tout cela dans le cercle restreint de la
noblesse. Pour le

151

paysan ces grands acteurs ne furent que des tyrans féroces, sans entrailles:
tels furent non seulement Pierre I, mais Catherine II.

Une leur pâle, incertaine, quelque chose comme un remords, se fit voir chez
Alexandre I; mais il n'en fit rien; et le milicien, le paysan qui prit les armes
en 1812, après la lutte héroïque avec l'étranger, retourna, avec ses cicatrices,
à l'ignoble chaîne du servage.

On veut nous faire accroire maintenant que Nicolas avait l'intention d'émanciper
les paysans. Allons donc! Nicolas et l'émancipation ne vont pas ensemble.

L'ordonnance du 2 décembre 1857 est, depuis le 26 décembre 1825, le fait le plus
grave de l'histoire russe.

– Mais attendons l'accomplissement de l'œuvre et n'anticipons pas sur sa marche!
Isclander,

rédacteur de l'Etoile Polaire.

26 décembre 1857.

P. S. Il pourra paraître étrange que le Times compte dans son article 12000000
des serfs, et que nous en comptons 22000000. Le fait est que le Times, ainsi
que le gouvernement, compte seulement les
hommes. Lorsqu'on dit, en Russie: «Cette commune a deux cents âmes», cela veut
dire 200 mâles inscrits sur ses registres.

152

ПЕРЕВОД

ПЕРВЫЙ ШАГ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ

Рескриптом, датированным 2 декабря сего года, Александр II недавно уполномочил
представителей дворянства Виленской, Ковенской и Гродненской губерний избрать
комитеты для приведения в исполнение проекта освобождения их крестьян. Выражая
благодарность дворянству этих трех губерний за ревностное выполнение тех
пожеланий, которые он ему высказал, император приказывает министру внутренних
дел ознакомить с его письмом и уставом, к нему приложенным, всех губернаторов и
предводителей русского дворянства, «чтобы в случае, если дворяне какой-либо
другой губернии возымели подобные же намерения, они могли бы с ними
сообразоваться».

Прошло уже около десяти лет с тех пор, как мы начали издавать различные
сочинения о России, и мы никогда не переставали повторять следующие три
положения: 1-е. Что ретроградный деспотизм, каким он был при Николае, не так
устойчив и не так могущественен, как это воображают; что он отжил свое время и
удерживается еще только с помощью грубой силы и европейской реакции. 2-е. Что
Россия вступает в новую историческую фазу, которая не будет иметь ни
наступательного характера эпохи Петра I, ни контрреволюционного характера,
отметившего печальное царствование Николая; что великая задача, разрешение
которой ложится на Россию, заключается в развитии народных элементов путем
органического освоения науки об обществе, выработанной Западом. 3-е. Что
официальным, неотвратимым, необходимым началом нового периода должно явиться
освобождение крепостных крестьян с предоставлением

153

земли, которую они обрабатывают, – не отдельным лицам, а общинам.

В 1850 году, когда не верили в продолжительность европейской реакции, над этими
положениями немного подтрунивали Со времени войны Бонапарта с Англией – за
свободу и цивилизацию – в нас бросали грязью. Быть может, теперь, когда Англия
продолжает освобождать Индию, а Наполеон «спокойно увенчивает свой труд
свободой», когда католическая Германия безгранично наслаждается конкордатом, а

брани сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Германия протестантская – правом на молчание, – можно решиться высказать несколько слов.

Лед был сломан на следующий же день после смерти Николая. Правительство почувствовало себя – *potens, volens* – увлеченным течением. Литература – пробудившаяся первой – энергично начала обширное следствие по делу продажной и развращенной администрации. Все принялись говорить о реформах. Недовольство, впрочем, было всеобщим. Неспособность Николая к управлению, бесплодность его предприятий, бесцельность его жестокости – стали слишком очевидными во время Крымской войны: общественное мнение произнесло единодушный приговор на могиле коронованного сержанта.

Однако среди всего разнообразия проектов и стремлений выделяются две идеи, господствующие надо всем движением, – идея гласности и идея освобождения крестьян.

Говорили о добрых намерениях нового царя. И действительно, почувствовалось некоторое негативное улучшение; больше уже не подвергали преследованиям за газетную статью, за смелое слово, – но не проявилось еще ни одного положительного, открытого факта, на который можно было бы опереться и основать что-нибудь большее, чем смутную надежду.

Сегодня шаг этот сделан: это циркуляр от 2 декабря. Этот роковой для европейских летописей день получит другой смысл в памяти русского народа.

Ибо – и в этом не должно заблуждаться – речь идет не об освобождении крестьян одних лишь трех западных губерний, не о способе этого частного освобождения – речь идет об общем освобождении. Циркуляр министра – не просто совет или намек на волю царя; это нечто большее: это предупреждение

154

о том, что время не терпит и что вся ответственность за промедление и за несчастья, которые могут произойти, падет на дворянство. Император ясно высказался за освобождение; он благодарит дворянство трех губерний за то, что оно хорошо поняло его намерения; он приказывает министру сообщить о «благородном решении» этого сословия дворянству других губерний. – Разве это не ясно? И так, задумывались ли когда-либо в Европе над тем, что такое освобождение крестьян в России? – Это признание социального совершенноголетия 22 миллионов человек, находившихся вне закона; это полнейшее изменение жизни – повторяю цифру – 22000000 человек¹³⁹[59].

Люди до сего времени принадлежали земле, которую обрабатывали. Чтоб избежать появления сельского пролетариата с начала XVII века людей все более и более прикрепляли к земле; их превращают в арендаторов-каторжников, и все это по причине их происхождения, т. е. произвольно, по воле судьбы. Теперь – и это особенно важно, – отрывая человека от земли, возвращая ему свободу передвижения, освобождение крестьян совсем не отрывает землю от человека: арендатор-каторжник не становится независимым пролетарием; он становится, если хочет, совладельцем, при посредничестве общины. Быть ли пролетарием – зависит от доброй воли крестьянина. Община не теряет права на доход от земли, обрабатываемой ею; она не может, следовательно, отнять у своего члена его земельный надел. До сих пор член общины не мог отказаться от работы и выполнения всех повинностей и сервитутов, которые лежали на общине, и, кроме того, не имел права из нее выйти, – теперь он будет иметь на это право; и даже в этом последнем случае право пользования землей останется за общиной и не возвратится к помещику.

155

Предоставить землю общине, давая каждому право покинуть ее, за свой страх и риск, и оставить за общиной право приема новых членов, – таков основной, единственный национальный принцип, на котором можно базировать освобождение крестьян в России. Этот принцип признается, хотя весьма путано, в рескрипте от 2 декабря. Сделав схоластическое разграничение, утверждая, что земля принадлежит помещику, а право пользования ею – общине, рескрипт обязывает помещика предоставить крестьянам право пользования землей, обрабатываемой общиной, за определенный выкуп, утвержденный правительством. Кроме того, там говорится, что право пользования домом, двором, огородом принадлежит семье, рассматриваемой самостоятельно.

Мы видим в этом неуклюже выраженное признание упомянутого принципа. Впрочем, рескрипт от 2 декабря совсем не является нормой по той простой причине, что он обращен всего лишь к трем польским губерниям, где условия сельской жизни претерпели глубокие изменения. Говоря: «Там, где община существует», рескрипт разъясняет нам, что в этих краях существуют помещичьи имения, где община уничтожена.

Вообще же отдельные статьи устава были составлены наскоро и большого значения не имеют. Хорошо там только то, что правительство ограничило срок переустройства, предписанный уставом, шестью месяцами, после чего оно будет распоряжаться само.

Состав же комитетов весьма неудачен.

Крестьянин будет представлен государственными чиновниками, в то время как государство будет представлено выборными депутатами. Но разве забыли, что все чиновники – либо дворяне, либо стали дворянами?

Итак, мы повторяем, что в настоящий момент главное не в подробностях, которые могут и должны меняться; главное не в робком и не совсем искреннем бормотании правительства, – оно в признании, в инициативе; оно в слове, которое произнесено.

Да, это начало пробуждения мук совести, начало восстановления в правах угнетенной России; это заря того дня, когда совершится полное правосудие; это вступление России в ее новую фазу – фазу, которую мы предсказывали со времен нашей юности.

Земледелец, преданный, проданный, обманутый боролся целое столетие – ХУП-е, – проливал пот, проливал кровь и попал, наконец, истерзанный и связанный, во власть свирепой солдатчины, гнусной бюрократии, которые действовали – вместе с императором – в интересах дворянства. Эта трагическая борьба прошла незамеченной, непонятой на Западе, оклеветанная внутри страны. До сих пор таких людей, как Стенька Разин, как Пугачев, изображают разбойниками большой дороги¹⁴⁰[60].

В конце концов он был уничтожен – этот сельский Амель. От императорского режима он получал только удары. Для других, при всем безумном, наглом, грубом деспотизме, существовала заимствованная цивилизация, власть, слава, титулы, богатства. Для крестьянина же – ничего: только неблагодарный труд, нужда, позор, розги. В истории ему предоставлялось лишь право принимать участие своею кровью, которую его вынуждали проливать во всех побоищах, изобретавшихся жаждой побед и честолюбием правителей.

157

Странное дело! У великих актеров этой исторической драмы, развертывавшейся в Петербурге, бывала иногда своя поэзия, своя широта замыслов, виды не только политические, но и гуманные; все это в узком кругу дворянства. Для крестьянина же эти великие актеры были лишь свирепыми, бездушными тиранами: и не только Петр I, но и Екатерина II.

Бледное, неверное мерцание, нечто вроде угрызений совести можно было видеть у Александра I, но он ничего не сделал; и ополченец, крестьянин, взявшийся за оружие в 1812 году, после героической борьбы с чужеземцем возвратился, покрытый шрамами, к отвратительной цепи крепостного права.

Нас хотят теперь уверить, что Николай имел намерение освободить крестьян.

Полноте! Николай и освобождение не могут находиться рядом.

Рескрипт от 2 декабря 1857 года является самым важным событием русской истории с 26 декабря 1825 года.

Но подождем же выполнения этого дела и не будем упреждать заранее его ход!

Искандер,

P. S. Может показаться странным, что «Times» насчитывает в своей статье 12000000 крепостных, а мы насчитываем их 22000000. Дело в том, что «Times», так же как правительство, принимает в расчет только мужчин. Когда в России говорят: «В этой общине двести душ», это означает двести лиц мужского пола, внесенных в ее списки.

редактор «Полярной звезды».

158

ÜBER DEN ROMAN AUS DEM VOLKSLEBEN IN RUSSLAND

(BRIEF AN DIE ÜBERSETZERIN DER «FISCHER»)

Ich höre, daß Sie die Übersetzung eines russischen Romans von Grigorowitsch: «Die Fischer», vollendet haben. Sie haben da eine schwere Arbeit gehabt. Das große Talent von Grigorowitsch besteht nicht bloß in der getreuen und poetischen Wiedergabe des Lebens, sondern auch der Sprache der Bauern. – Die tägliche Sprache eines Volks ist nichts weniger als international.

Dennoch haben Sie wohlgetan, einen Roman aus dem Volks-leben zu wählen. Derselbe hat in der letzteren Zeit eine gewisse Bedeutung in der russischen Literatur erlangt. Und, was sehr bemerkenswert ist, das ist, daß dieser Roman – nicht etwa Schäferroman oder Idylle, sondern sehr realistisch, mit einem patriarchalen Charakter und voller Sympathie für den Bauern – unmittelbar auf den Roman der Ironie, der Verneinung, des Protestes, ja vielleicht des Hasses folgt. Das scheint mir ein Symptom von einer großen Veränderung in der Richtung der Geister zu sein.

Sie wissen, daß in Rußland im Allgemeinen der Roman, die Komödie und selbst die Fabel, seit dem Anfang der europäisier-ten Literatur bei uns, also seit der Mitte des achtzehnten Jahrhunderts, den entschiedensten Charakter bitterer Ironie

und spottender Kritik trugen, der nur durch die Zensur begrenzt wurde. Da war nichts Höfliches, nichts Gemütliches; wir haben niemals eine sentimentale Periode gehabt, ausgenommen der Zeit der Jugend von Karamsin, wo man die Romane a la Lafontaine übersetzte und nachahmte. Nichts, was einen antinationalen aufgedrungenen Charakter trug, hat seine Zeit überlebt, während die Komödien von von Wiesen, in einer viel früheren Zeit geschrieben, in der Erinnerung bleiben als Wahrheiten, als Zeugnisse für das Wesen ihrer Epoche. Die russische Literatur, d. h. die moderne Laien-Literatur, hat sich in der Minorität des Adels entwickelt, welche durch die Revolution Peter's des Ersten vom Volke getrennt wurde. Die Existenz dieser Klasse des Volks war sonderbar, eine Existenz von Fremdlingen inmitten einer Nation derselben Rasse. Anstatt des Vaterlandes hatte man den Staat; für seine Kraft, für seinen Ruhm arbeitete man, indem man die natürliche Basis, auf welcher das Gebäude ruht, in den Staub trat. Natürlich herrschte eine historische Notwendigkeit vor, die diesen Zustand schuf, es war sogar ein relativer Fortschritt; aber davon ist jetzt nicht die Rede. Ich möchte ihre Aufmerksamkeit auf die Verwirrung lenken, die notwendig daraus in allen gesellschaftlichen Verhältnissen folgen, auf die traurigen und komischen Kollisionen, welche jeden Augenblick dadurch hervorgerufen werden mußten. Patriarchalismus und Bürokratie, Bysantinismus und Germanismus, barbarische, mongolische Kasernen-Brutalität und die Philosophie des achtzehnten Jahrhunderts, ein gigantisches Reich, in dem keine Persönlichkeit war außer dem Kaiser; zwischen der zivilisierten Klasse und dem Volke: vollkommener Bruch, andere Kleidung, andere Sprache, andere Ideen, kurz zwei verschiedene Rußlands (das übrige: einförmige Massen, Konglomerate von Individuen, diszipliniert unter dem Namen von Regimentern), die Gemeinde und der Adel, welche sich länger als ein Jahrhundert gegenüber standen, ohne sich zu verstehen. Das eine Rußland: veifeinert, höfisch, militärisch, nach der Mitte zustrebend, umgibt den Thron, indem es das Andere verachtet und ausbeutet. Dieses Andere: ackerbauend, zerstreut, dörflich, bäuerlich, steht außerhalb des Gesetzes.

Zwischen diesen Beiden bildet sich bald ein Zusammenhang oder vielmehr eine Vermittlung, durch den Staatsbeamten, der weniger roh, aber mehr Dieb ist als der Gutsbesitzer; der abscheulichste Typus, den man sich denken kann. Dieser Adel der Tinte entstieg immer den tiefsten Schichten der Gesellschaft und vermischte sich mit dem Adel des Bluts, aber er kehrte niemals zum Volke zurück.

160

Die gebildete Minorität, fortgerissen von dem Strome, in den Peter I die Geister geworfen hatte, folgte während einiger fünfzig Jahre dem kaiserlichen Siegeswagen, indem sie die Fanfare und Panegyriken dazu lieferte. Das konnte aber nicht lange dauern. Die ersten ernsten und unabhängigen Geister begriffen die Anomalie dieses Zustandes, der ganz provisorisch war und, den schreienden Mißklängen, der Willkür, der Abgeschmacktheit zur Rechten und Linken gegenüber ohne andere Waffen als die Satire, fingen sie eine Opposition der Ironie, eine wahre Geißelung der Gesellschaft, voller Bitterkeit, ohne Schonung, ohne sentimentale Ausflüchte, ohne Vermittlung und Auflösung durch Rosenwasser, an. Eine der Eigenschaften des russischen Genius, welche ihn selbst von der anderen Slawen unterscheidet, ist die Fähigkeit, von Zeit zu Zeit auf sich selbst zurückzugehen, die eigne Vergangenheit zu verneinen, sie mit tiefer, aufrichtiger, unerbittlicher Ironie zu betrachten und den Mut zu haben, dies einzugestehen, ohne entweder den Egoismus eines verhärteten Bösewichts oder die Heuchelei, die sich anklagt, um von den Ändern freigesprochen zu werden. Um noch klarer zu machen, was ich meine, bemerke ich, daß wir dieses selbe Talent der Aufrichtigkeit und Verneinung bei einigen großen englischen Schriftstellern finden von Shakespeare und Byron an bis auf Dickens und Thackeray. Die Franzosen, immer mit sich selbst zufrieden und voll Bewunderung für ihr großes Vaterland, kennen diese Saite wenig. Wenn wir einige Fragmente von Diderot, einige Verse von Barbier ausnehmen, so haben wir in der französischen Literatur, nach Montaigne, beinahe nichts, was als Beweis vom Gegenteil dienen könnte. Denn der einzige Mann des Genies und der Initiative unter den Franzosen, Proudhon, hat sehr viel von seiner Popularität verloren wegen seiner Sprache voller Kühnheit der Ironie und des tiefsten Skeptizismus. Die Deutschen hingegen verneinen viel zu leicht, es kostet sie gar nichts, denn sie tun es nur in den abstrakten Sphären, sub specie aeternitatis.

Der Bruch zwischen der russischen Literatur und dem sie umgebenden Leben war jedoch nicht gleich vom ersten Augenblick an so völlig und so giftig. Bis zum Regierungsantritt von Nikolaus war in der literarischen Opposition noch etwas Nachgebendes,

161

Versöhnendes, das Lachen war noch nicht völlig bitter. Wir finden das in den

bewunderungswerten Fabeln von Kryloff (deren oppositionelle Tragweite nie recht begriffen worden ist) und in der berühmten Komödie von Gribojedoff «Das Unglück, Verstand zu haben». Aber als nach dem revolutionären Versuch von 1825 das nebelige, bedrückende System von Nikolaus sich auf jede geistige Bewegung schwer auflegte, mischte sich eine schweigende konzentrierte Verzweiflung mit dem Lachen und ein noch ganz anderer Schmerz wurde zwischen den Beschneidungen der Zensur fühlbar. Vergleichen Sie z. B. die Töne der Trauer in der Poesie von Puschkin mit denjenigen, welche in den Versen von Lermontoff durchdringen; in den ersten ist ein Unwille voller Kraft, in den zweiten der hoffnungslose Skeptizismus einer gebrochenen Seele.

Die Literatur dieser Epoche fängt mit einem Prolog an, der, wie die Inschrift der «Citta dolente», selbst die Zukunft abschneidet und jede Hoffnung tötet. Ich meine den berühmten Brief Tschaadajeffs¹⁴¹[61], der, obgleich verkannt, doch ganz Rußland im Jahre 1835 erschütterte. Man suchte sich zurechtzufinden, man tappte hierhin und dorthin, man probierte den historischen und den Sittenroman, man verfertigte ein wenig Walter Scott und ein wenig l'hermite de la chaussée d'Antin – Alles das schlug nicht wurzel und hatte nur einen vorübergehenden Erfolg. Dennoch fingen nach und nach in dieser Unbestimmtheit der Nachahmungen, der Versuche, des Hin- und Herfeuerns, zwei Richtungen an, sich bestimmter hervorzuheben.

Von der einen Seite war es der Schrei des Schmerzens und Protestes eines jungen Mannes voll glühender Wünsche, der die Kraft in seinen Muskeln fühlt, der Durst hat nach Tätigkeit und sich in einem Abgrund ohne Ausweg gefangen sieht ohne die Möglichkeit, sich zu bewegen. Daher kommt es, daß der nämliche Typus sich in allen Gedichten, Novellen und Romanen wiederholt, der Typus eines jungen Mannes voll edler Bestrebungen, aber gebrochen, der sich irgendwohin flüchtet, um sich zu verlieren, um hinzusterben wie ein überflüssiges, unnützes, über-zähliges Wesen. Onegin, Wladimir Lenski von Puschkin,

162

Petschorin von Lermontoff und die Helden der früheren Novellen von Turgenieff – es ist immer dieselbe Person. Es zeigt einen großen Mangel an Verstandnis und Gefühl, hierin nur eine Nachahmung von Byron, eine idealistische Träumerei zu sehen – es ist dies vielmehr der Abglanz der Regierung von Nikolaus, das Erzeugnis seines Einflusses. Die junge Seele einer verfolgten, gedemütigten, mißhandelten Generation floh voll Verachtung aus der Wirklichkeit und suchte ihr Ideal in der Ferne. Es war das Bewußtsein, daß in unseren Herzen das Streben nach einer anderen Existenz, als der eines stummen Kopisten, eines Soldaten ohne Stimme, eines Beamten, der stiehlt und eines Gutsherrn, der plündert – wohnte. Dieses ideale Wesen, dieser Mensch, der «ein Fremdling unter den Seinen» war, wandte sich fortwährend nach Westen, und das war ganz natürlich. Das Vaterland seiner Zivilisation, seines Gedankens, war außerhalb Rußlands. Neben Nikolaus, der offen bekannte, daß er nicht wüßte, was anzufangen mit der Zivilisation, dem alles Menschliche fremd war, mußte uns das ferne revolutionäre Europa, mit dem Firniß von 1830, wie das gelobte Land erscheinen.

Lassen wir indeß die Idealisten und die Humanitätsträumer. Der Roman und die Novelle stürzten sich mit Leidenschaft auf einen viel irdischeren und ganz nationalen Gegenstand: den Vampyr der russischen Gesellschaft, den Staatsbeamten. Sein Gebieter überließ ihn feige der Literatur, vorausgesetzt, daß diese nur die Subalternen angriff. Diese neue Richtung hatte sogleich einen außerordentlichen Erfolg. Einer der ersten unerschrockenen Jäger, welcher, weder das Ungeziefer, noch die Ansleckung fürchtend, anfang sein Wild mit zugespitzter Feder bis in die Kanzleien und die Wirtshäuser, unter die Popen und unter die Polizeisoldaten, zu verfolgen, war der Kossack Luganski (Pseudonym von Herrn Dahl). Klein-Russe von Geburt, hatte er wenig Neigung für den Beamten, und begab mit einem außerordentlichen Talent der Beobachtung, kannte er sein Terrain vortrefflich und noch vortrefflicher das Volk. Auch hatte er alle Gelegenheit gehabt dies kennen zu lernen. Er durchreiste Rußland als Arzt, diente dann in Orenburg am Ural, arbeitete längere Zeit im Ministerium des Innern, sah Alles, beobachtete Alles und erzählte es mit einer

163

Malice und Originalität wieder, die zuweilen außerordentlich komisch sind. Bald nach ihm erschien N. Gogol, der seine Richtung und sogar seine Manier einer ganzen Generation aufgedrückt hat. Für einen Ausländer ist es schwer, die ungeheure Wirkung zu begreifen, welche die Aufführung des «Revisors» auf dem Theater bei uns hatte, dieses Stücks, das in Paris ein völliges Fiasko gemacht hat. Bei uns protestierte das Publikum durch sein Lachen und seinen Beifall gegen eine stupide und quälerische Administration, gegen eine räuberische Polizei und gegen das allgemeine «Malgoverno». Das große Gedicht in Prosa: «Die

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
toten Seelen» von Gogol, machte in Rußland ein Aufsehen, dem ähnlich, welches durch «Die Hochzeit des Figaro» in Frankreich hervorgerufen wurde. Man könnte toll werden, wenn man diese Menagerie von Adligen und Beamten betrachtet, die in der tiefsten Finsterniß umhertappen und «tote Bauernseelen» kaufen und verkaufen.

Und doch fühlt man auch bei Gogol zuweilen eine andere Saite erklingen; es sind wie zwei Strömungen in seiner Seele. Sobald er sich in die Gemächer der Chefs der Departements, der Gouverneur, der Gutsbesitzer versteigt, sobald seine Helden zum wenigsten den St. Annenorden und den Assessorsrang im Kollegium haben, so ist er melancholisch, unerbittlich, mit einer Ader voll Sarkasmen, die zuweilen bis zu Krämpfen lachen machen, zuweilen eine Verachtung hervorrufen, die an Haß grenzt.

Wenn er aber, im Gegenteile sich mit den Fuhrleuten aus Klein-Rußland gemein macht, wenn er sich zu den Kossacken der Ukraine versetzt oder zu den Bauern, die mit Lärm um ein Wirtshaus tanzen, wenn er uns einen armen alten Schreiber malt, der aus Kummer stirbt, weil man ihm seinen Mantel gestohlen hat – dann ist er ein ganz anderer Mensch; mit demselben Talent, wie vorher, ist er zärtlich, liebevoll, menschlich, seine Ironie verwundet nicht mehr, vergiftet nicht mehr; es ist eine bewegliche und poetische Seele, welche überfließt und bleibt sich darin treu, wenn er nicht zufällig auf dem Wege einen Polizeikommissar findet, einen ersten Schiedsrichter, dessen Frau oder Tochter – dann ist alles vorbei, er reißt ihnen die menschliche Larve ab und verhängt über sie die Tortur der öffentlichen Schaustellung, mit einem tollen und bitteren Lachen.

164

Während die ganze gebildete Minorität wütete, indem sie sich in den Zügen eines «Chlestakoff» und «Nosdreff» wiedererkannte und mehr und mehr die Mitte, in die sie hineingeworfen war, verabscheute, hörte man von ferne, von unten herauf eine andere Stimme, wie eine Stimme des Trostes; einfache, manchmal klagende Töne aber ohne die geringste Ironie, Töne voll naiver Frühlingsfrische. Sie waren wie das grüne Gras, das unter dem Schnee hervorsproßt, wenn ihn die Frühlingssonne auftaut.

Diese Töne waren nicht etwa verfälscht, sie waren kein Maskeradenanzug einer aristokratischen Muse, die sich aus Coquetterie als Bäuerin anzieht, es waren geradezu die Lieder eines jungen, einfachen Viehtreibers aus Voronej, der, zu Pferd die Steppen mit seinen Heerden durchziehend, vor Traurigkeit und Langerweile das Leben des Volkes und seine eignen Leiden sang. Er wurde von einem harten Vater, von einer groben Familie mißhandelt und liebte zärtlich eine arme Arbeiterin, welche die Wirtschaft in ihrem Hause führte und seinetwegen weggeschickt wurde.

Es war eine andere Welt, die sich in den Gesängen Kolzoff's auftrat, traurig, unglücklich, aber nicht im mindesten lächerlich, vielmehr unbeschreiblich rührend in ihrer naiven, natürlichen Einfachheit, in ihrem resignierten Elend. Es war das vergessene Rußland, das Rußland der Armen, der Bauern, welches sich hier auch einmal vernehmen ließ, das Rußland, welches zu Zeiten der Ironie Gogol's Einhalt tat und ihn aus einem Henker zum fröhlich teilnehmenden Gaste machte. Die Zeit war also gekommen, wo das Aschenbrödel in den Ballsal eintrat. Die Strömung von unten her fing an die Oberhand zu gewinnen. Das zivilisierte Rußland begann endlich, wie der Gott von Beranger, mit Neugierde auf die untere Welt herabzusehen, die auf den Feldern umherschwärmte und arbeitete: «Sieh doch! sie sind mehr Menschen ähnlich als wir geglaubt haben. Wie sonderbar!» Das war wirklich eine große Entdeckung!

Und was sehr merkwürdig ist, das ist, daß die einzige Partei, die sich vorzugsweise national nennt, die moskowitzische Partei, aus der man während des Krieges einen Bootsmann machte, durchaus nichts zu dieser Entdeckung beigetragen hat. Freilich ist es wahr, daß die Panslawisten Gogol zu den Ihrigen zählen; allein

165

das ist die Kanonisation von Aristoteles. Gogol gehörte niemals irgend einer Partei an. Das Auflösungsword des Rätsels aber war dies, daß sie einfach das wirkliche Volk gar nicht kannten; sie hatten sich ein russisches Volk konstruiert (ein Ausdruck deutscher Philosophie) nach den Studien, die sie in der Chronik von Nestor über die Traditionen der andern slawischen Rassen gemacht hatten, ohne sich die Mühe zu geben, dasjenige kennen zu lernen, welches zu ihren Füßen lebte. Selbst Kolzoff, der Dichter-Viehtreiber, ist niemals unter den moskowitzischen Revolutionären gewesen.

Wenn die Zeit gekommen ist, um eine Idee zur Reife zu bringen, so wird man von ihr fortgerissen, ohne daß man daran denkt. Einer der bedeutendsten Koryphäen der Byron'schen Richtung unternahm es, nachdem er in den Eingeweiden einer

kleinlichen und gemeinen Gesellschaft herumgewählt hatte – in der Alles, was Ansprüche auf ein edleres Leben machte, am Nichts des kleinlichen Elends ersticken mußte – uns zwei arme Bauern auf seine Art zu zeichnen; er gab ihnen, natürlich aus Scherz, dem einen den Charakter von Goethe, dem anderen den von Schiller. Aber in dem Maße, als Turgenieff das gutsherrliche Haus und die Mansarde des Intendanten in das Auge faßte, riß ihn sein Gegenstand fort, der Scherz verwischte sich mehr und mehr und der Dichter zeichnete uns zwei verschiedene, ernste, poetische Typen des russischen Bauern. Das Publikum, das nicht darauf vorbereitet war, klatschte Beifall. Der Dichter erschien mit seiner zweiten Erzählung «eines Jägers», sie war vortrefflich – so ging es weiter. Turgenieff hatte auch seinen besonderen Widerwillen, er nagte nicht die Knochen ab, die Gogol ihm gelassen hatte, er verfolgte eine andere Beute: den Gutsherrn, dessen Frau Gemahlin, dessen Kabinett, den Intendanten und den Starosten des Dorfes. Niemals ist das innere Leben des gutsherrlichen Hauses so dem allgemeinen Lachen, dem Abscheu, dem Haß preisgegeben worden. Dabei muß man bemerken, daß Turgenieff nie starke Farben aufträgt, nie zu energische Ausdrücke anwendet, im Gegenteil er erzählt mit großer Plastizität und gebraucht immer nur die gebildetste Sprache, welche den Eindruck dieser poetischen Anklage gegen die Leibeigenschaft außerordentlich erhöht.

Turgenieff ist aber nicht bei dem Märtyrertum des Bauern stehen geblieben, er hat sich nicht gescheut, den leibeigenen Diener in seiner erstickenden Stube aufzusuchen, wo derselbe nur einen einzigen Tröster hat: den Branntwein. Er hat uns die Existenz dieses russischen Onkel Tom mit dem Maße des Künstlers wiedergegeben, das selbst die doppelte Zensur zu umgehen wußte, und dennoch uns zittern macht vor Wut bei der Schilderung dieses erbärmlichen, unmenschlichen Leidens, unter welchem eine Generation nach der ändern hinsinkt, ohne Hoffnung, nicht allein mit beleidigter Seele, sondern selbst mit verstümmeltem Körper.

Die Namen Turgenieff und Grigorowitsch werden weder von dem russischen Leibeignen, noch von dem Freigelassenen jemals vergessen werden. Jetzt, am Vorabend der Emanzipation, unter einer milderer Regierung, predigen Viele gegen die Leibeigenschaft; jene Beiden haben es, als Dichter und Künstler, unter der Schrecken Herrschaft von Nikoiaus getan.

Als ich Rußland verließ, kannte ich wenig von dem, was Grigorowitsch geschrieben; er war damals einer der jungen Autoren, die eben anfangen zu schreiben. In Neapel, im Jahre 1848, war es, wo ich zuerst seinen «Anton der Leidensträger» las, die einfache Geschichte eines Bauern, den der Intendant verfolgt, weil er eine, ihm von den andern Bauern diktierte Bittschrift an den Gutsherrn, gegen den Intendanten gerichtet, geschrieben hat. Dieses «memento patriam» war sehr hart inmitten der revolutionären Zeit in Italien und der süßen, schmeichelnden Lüfte des Mittelmeers. Ich fühlte Gewissensbisse, ich schämte mich, da zu sein, wo ich war. Der leibeigene Bauer, gefurcht von der Zeit, arm, gut, sanft, unschuldig und doch, die Kette am Fuß, nach Sibirien wandernd, verfolgte mich unaufhörlich mitten unter dem prächtigen Volke, bei welchem ich mich befand. –

Der Roman, den Sie übersetzt haben, bildet eine neue Phase der Volkspoese. Die Strömung von unten hat gesiegt. Der Herr des Dorfes, der Intendant, der räuberische Richter, der Kommissar-Mörder – Alles das ist verschwunden, der Typus, ganz Nerv und Muskel, der Typus von Gleb Sawinitsch, Fischer-Bauer, beherrscht Alles. Es ist das Leben des Bauern, nicht in seinem ungleichen Kampfe mit dem Gutsherrn und dessen despotischen Rechten, oder den chikanösen Ausbeutungen der Administration, es ist das Leben des Bauern für sich. Der Feind, der in den «Fischern» auftritt, gehört schon zum

167

Hause selbst; es ist der Anfang eines ganz andern Kampfes, des Kampfes zwischen dem ackerbaureibenden, frugalen, einfachen Patriarchalismus und dem bürgerlichen Proletarier, der in den Städten, in den Fabriken arbeitet, und ein verderbtes Vagabondenleben führt. Dieser Kampf ist schon menschlicher, nicht mehr bloß in der Form einer brutalen Übermacht, sondern geführt mit gleichen Waffen und unter Gleichgestellten. Die unnütze und wohlthätige Einmischung der Polizei ist der größte Fehler des ganzen Romans von Grigorowitsch, da es eine Inkonsequenz und ein Verstoß gegen die Wirklichkeit ist.

Der Roman «Die Fischer» führt uns ein in den Anfang des unvermeidlichen Kampfes (eines Kampfes der Evolution) zwischen dem «bäuerischen» und dem «städtischen» Element, zwischen dem Bauer-Ackerbauer und dem Bauer-Fabrikarbeiter. Dieser Kampf wird jedoch bei uns nicht die Ausdehnung haben, die er in Frankreich und England hat. Die ackerbaureibende Bevölkerung hat bei uns weit mehr Wichtigkeit als irgendwo anders. Die Städte sind schlecht bevölkert, eine große Menge

Arbeiter kommen vom Lande, ohne ihren Verband mit der Gemeinde aufzulösen und bleiben daher Bauern. Er wird aber auch noch aus einer andern Ursache nicht denselben erbitterten Charakter ohne Ausweg haben, wie dort. Die Reihe von Ideen, über die man sich noch nicht allgemein verständigt hat und die obenauf schwimmend geblieben sind auf dem Meere der europäischen Reaktion – welche mehr und mehr die Reste der revolutionären Armada, in welcher die alte Welt die Überfahrt zu machen gedachte, verschlingt – diese Reihe von Ideen ist theoretisch schon weit über den Kampf zwischen Bourgeoisie und Proletariat, zwischen Städter und Bauern hinaus. Diese Ideen gehören uns kraft des Rechts des Studiums und des Verständnisses an, wie sie kraft der Leiden und der Ausarbeitung dem westlichen Europa angehören. Das ist aber noch nicht Alles, und indem wir die Isba des russischen Bauern durchsuchten, indem wir diesen letzteren Schritt vor Schritt durch die Furchen, die sein Schweiß befeuchtet, nachgingen, haben wir einen Embryo von ökonomischen und administrativen Institutionen gefunden, der sich auf die Gemeinsamkeit des Grundbesitzes, auf einen agrarischen und instinktiven Kommunismus gründet.

168

Bei dieser Entdeckung hielten unsere alten Freunde, die moralischen Vagabonden – die nicht wußten, wo sie ihr Haupt hinlegen sollten, die sich verloren fühlten in einer antipathischen Mitte und mit Anstrengung ein fernes Ideal verfolgten, um einer widerwärtigen und gemeinen Wirklichkeit zu entfliehen – inne, sie wurden gewahr, daß unter der aussätzigen Oberfläche des kaiserlichen, gutschherrlichen, administrativen Rußlands etwas Lebendiges, Starkes, Unbekanntes lebte, eine Welt zum Studieren, eine Welt, gegründet auf die Gemeinde und den Besitz des Bodens.

Die Rolle der traurigen und melancholischen Person: des Menschen, der sich unnütz fühlt, gerade weil er wirklich Mensch sein will, ist ausgespielt. Dieser Mensch hat jetzt eine Aufgabe zu erfüllen. Es gilt, die Elemente des russischen Gemeindelebens von den Zusätzen zu befreien, welche der Mongolismus, der Zarismus, die Bürokratie und die deutsche Kasernokratie durch das Regime der Ordonnanzen der Leibeigenschaft u. s. w. hinzugebracht haben, und sie, indem man sie zum natürlichen Ausgangspunkt nimmt, durch die soziale Idee des Occidents zu entwickeln und zu verklären zum Besten der allgemeinen Wissenschaft vom Wohlsein der Menschheit.

Und damit ist seine Aufgabe noch nicht zu Ende. Er hat noch eine andere. Die ist: diese Entwicklung vor den fieberhaften Krisen, vor dem gewaltsamen Zurückkommen auf das Vergangene, vor all' den blutigen und furchtbaren Konvulsionen zu bewahren, welche die soziale Idee geboren und gereift haben, indem sie die Völker des Westens an den Rand des Grabes brachten.

Sie sehen, es hängt Alles davon ab, die intime Vereinigung von Wladimir Lenski¹⁴²[62], dem Studenten der Göttinger Universität, dem Verehrer von Schiller und Goethe, dem utopistischen

Träumer, dem Dichter mit langem gelocktem Haar, und unserm alten Gleb Sawinitsch, dem praktischen Philosophen, dem rauhen, starken Charakter, dem wahren Typus der cyclopischen Rasse der Fischer-Bauern, zu Stande zu bringen. Werden sie sich je verständigen? Der Alte ist wunderbarlich und hartnäckig.

Wer lebt, wird sehen!

169

Inzwischen räume ich dem alten Gleb den Platz. Er liebt ja ohnehin nicht die langen Reden, und seine alte Frau bedachte sich ja erst immer zwei-, dreimal, ehe sie ihn durch ihre Fürbitten zu Gunsten des Ankaufs einiger irdenen Töpfe oder anderer derartiger Luxusgegenstände langweilte.

Putney bei London,

28 Dezember 1857.

170

ПЕРЕВОД

О РОМАНЕ ИЗ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ

(ПИСЬМО К ПЕРЕВОДЧИЦЕ «РЫБАКОВ»)

Я узнал, что вы закончили перевод русского романа Григоровича «Рыбаки». Вы проделали трудную работу. Выдающийся талант Григоровича проявляется не только в верном и поэтическом воспроизведении жизни крестьян, но и в передаче их языка, а повседневная речь народа менее всего интернациональна.

И тем не менее вы хорошо поступили, обратившись к роману из народной жизни. В последнее время он приобрел известное значение в русской литературе. И весьма примечательно то, что этот роман – отнюдь не пастушеский или идиллический, а вполне реалистический, написанный в патриархальном духе и преисполненный симпатии к крестьянину, – следует непосредственно за романом иронии, отрицания, протеста, а быть может, и ненависти. Это представляется мне признаком больших

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
перемен в направлении умов.

Вы знаете, что вообще в России и роман, и комедия, и даже басня, с самого начала у нас литературы европейского типа, т. е. со середины восемнадцатого века, носили ярко выраженный характер горькой насмешки и язвительной критики, сдерживаемых лишь цензурой. Там не было ничего добродушного, ничего «летись»¹⁴³[63]. У нас никогда не было периода сентиментализма, если не считать времен юности Карамзина, когда переводили романы а-ля Лафонтен и подражали им. Из всего этого, характер чего-то антинационального, насильственного, ничто не пережило своего времени, тогда как комедии

171

Фонвизина, написанные значительно ранее, хранятся в сознании как истины, как важнейшие памятники эпохи.

Русская литература, т. е. современная светская литература, развивалась в среде дворянского меньшинства, отторгнутого от народа революцией Петра I. Существование этого класса народа было странным – существование чужестранцев среди своих же одноплеменников. Родину им заменяло государство; они трудились ради его могущества, его славы, попирая естественную основу, на которой покоилось все здание. Конечно, этот порядок вещей был создан силой исторической необходимости, – и это было даже относительно прогрессом, – но сейчас не о том речь. Мне хочется обратить ваше внимание на то, что это неизбежно порождало неясность во всех общественных отношениях, печальные и смешные коллизии, которые должны были возникать на каждом шагу. Патриархальность и бюрократия, византизм и германизм, варварская, монгольская казарменная грубость и философия XVIII века, огромное государство, где не существовало другой личности, кроме личности государя; между образованным классом и народом – полный разрыв: иная одежда, иной язык, иные мысли, словом, две разные России (остальное – безликие массы, конгломераты людей, классифицируемых по названиям полков); община и дворянство, более ста лет противостоявшие друг другу и друг друга не понимавшие. Одна Россия – утонченная, придворная, военная, тяготеющая к центру – окружает трон, презируя и эксплуатируя другую. Другая, земледельческая, разобщенная, деревенская, крестьянская, находится вне закона.

Между этими двумя Россиями вскоре образуется связь, или, вернее, посредник в лице чиновника, меньшего хищника, чем помещик, но большего грабителя – самый отвратительный тип, какой только можно себе представить. Это чернильное дворянство выходило всегда из низших слоев общества и смешивалось с родовым дворянством, но никогда не возвращалось к народу. Образованное меньшинство, увлеченное течением, порожденным в умах Петром I, следовало около пятидесяти лет за императорской триумфальной колесницей, трубя в фанфары и слагая панегирики. Но долго так не могло продолжаться. Серьезные и независимые умы первыми поняли ненормальность этого положения вещей, положения временного. И, не имея иного оружия кроме сатиры, они противопоставили вопиющим противоречиям, произволу и пошлости оппозицию иронии настоящее бичевание общества, исполненное горечи, жесточенное, без сентиментальных уверток и не разбавленное розовой водичкой.

Одним из свойств русского духа, которое отличает русских от других славян, является способность время от времени сосредоточиться в самом себе, отречься от своего прошлого, посмотреть на него с глубокой, искренней, неумолимой иронией, имея мужество сказать об этом открыто, без цинизма закоренелого злодея и без лицемерия, обвиняющего себя, чтоб получить оправдание от других. В пояснение этой мысли замечу, что мы находим тот же талант искренности и отрицания у некоторых великих английских писателей, от Шекспира и Байрона до Диккенса и Тэккерея. Французам, всегда самодовольным и полным восторга перед своей великой родиной, эта струна мало знакома. За исключением отдельных отрывков Дидро, нескольких стихотворений Барбье, во французской литературе после Монтеня нет почти ничего, что могло бы послужить доказательством противного. А популярность единственного гениального и инициативного человека среди французских писателей, Прудона, сильно пострадала из-за его языка, полного дерзкой иронии и глубочайшего скептицизма. Немцы, напротив, слишком легко все отрицают, это им ничего не стоит, ибо они делают это только в абстрактных сферах, *sub specie aeternitatis*¹⁴⁴[64].

Впрочем, разрыв между русской литературой и окружающей жизнью сначала не был столь полным, столь разрушительным. До царствования Николая в литературной оппозиции было еще нечто снисходительное и примиряющее, смех еще не был столь горьким. Мы находим это в замечательных баснях Крылова (оппозиционное значение которых никогда не было оценено по достоинству) и в знаменитой комедии Грибоедова «Горе от ума».

173

Но когда, после революционной попытки 1825 года мрачный и гнетущий режим Николая

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов обрушился на всякое интеллектуальное движение, к смеху присоединилось безмолвное, сосредоточенное отчаяние и совсем иная боль стала ощущаться за цензурными купюрами. Сравните, например, звуки грусти в поэзии Пушкина с теми, которыми проникнуты стихи Лермонтова: в первых звучит негодование, полное силы, во вторых – безнадежный скептицизм разбитой души.

Литература этой эпохи началась прологом, который как надпись над «Città dolente», лишает будущего и убивает надежду. Я имею в виду знаменитое письмо Чаадаева¹⁴⁵[65], которое сейчас недооценивают, но которое потрясло всю Россию в 1836 году. Пытались разобраться, искали на ощупь тут и там, обращались к историческому роману и роману нравов и изготавляли нечто близкое к Вальтеру Скотту и *L'hermite de la chaussée d'Antin* – но все это не пустило глубоких корней и имело лишь временный успех. Однако в этой неопределенности подражаний, опытов и разногласий мало-помалу начали вырисовываться два направления. С одной стороны это был крик боли, протест молодого человека, полного пылких желаний, который ощущает в своих мышцах силу, жаждет деятельности и видит себя в пропасти, откуда нет выхода и где обречен на неподвижность. Вот почему в стихах, новеллах, романах повторяется один и тот же тип молодого человека, полного благородных стремлений, но надломленного, бегущего куда глаза глядят, чтоб затаиться, погибнуть, как лишнее, бесполезное существо. Онегин, Владимир Ленский Пушкина, Печорин Лермонтова и герои ранних романов Тургенева – это одно и то же лицо. Видеть в этом лишь влияние Байрона, лишь идеалистическую мечтательность, – это значит обнаружить большой недостаток понимания и чутья; это в значительно большей мере отражение царствования Николая, результат его влияния. Молодая душа преследуемого, униженного и угнетенного поколения с презрением отворачивалась от действительности и искала свой идеал

174

вдали. Это было сознание того, что в нашей душе живет стремление к иной жизни, отличной от существования немого переписчика, безгласного солдата, чиновника, который ворует и помещика, который грабит. Это идеальное существо, этот человек, который был «чужим среди своих», постоянно обращал свои взоры к Западу и это было совершенно естественно. Родина его цивилизации, его мысли находилась вне России. Рядом с Николаем, который откровенно заявлял, что не знает, как ему быть с цивилизацией, и которому все человеческое было чуждо, далекая революционная Европа с ее ореолом 1830 года должна была нам казаться землей обетованной. Оставим однако идеалистов и мечтателей-гуманистов. Роман и новелла со страстью набросились на значительно более земной и вполне национальный предмет: на вампира русского общества – чиновника. Его начальник трусливо предал его литературе, в надежде, что ее атакам подвергнутся лишь низшие чины. Это новое направление, едва возникнув, уже имело исключительный успех. Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городских, – был Казак Луганский (псевдоним г. Даля). Малоросс по происхождению, он не испытывал симпатии к чиновнику; одаренный выдающимся талантом наблюдения, он прекрасно знал свой край и еще лучше свой народ. К тому же он имел все возможности познакомиться с ним. Будучи врачом, он исколесил всю Россию, затем служил в Оренбурге на Урале, долгое время работал в министерстве внутренних дел, – все видел, за всем наблюдал и рассказывал об этом с лукавством и своеобразием, а временами с незаурядным комическим даром.

Вскоре после него появился Н. Гоголь, который привил свое направление и даже свою манеру целому поколению. Иностранцу трудно понять, какое огромное влияние имела у нас театральная постановка «Ревизора» – этой пьесы, потерпевшей полное фиаско в Париже.

У нас своим смехом и рукоплесканиями публика выражала протест против тупой и придиричливой администрации, против

175

грабительской полиции и всеобщего «*ma]governo*»¹⁴⁶[66]. Его великая поэма в прозе «Мертвые души» произвела в России сенсацию, подобную той, которую вызвала во Франции «Женитьба Фигаро». Было от чего сойти с ума, глядя на этот зверинец из дворян и чиновников, которые блуждают в глубочайшем мраке, покупая и продавая «мертвые души» крепостных.

Но и у Гоголя звучит порой иная струна, в его душе есть как бы два течения. Когда он поднимается в покои главы департамента, губернатора, помещика, когда его герои имеют хотя бы крест св. Анны или чин коллежского асессора, он желчен, неумолим, полон саркастического остроумия, которое то заставляет смеяться до судорог, то вызывает презрение, граничащее с ненавистью. Но когда он имеет дело с ямщиками Малороссии, когда переносит мыслью к украинским казакам или

крестьянам, шумно пляшущим у кабака, когда он рисует нам бедного старого писца, умирающего от огорчения, потому что у него украли шинель, – тогда Гоголь совсем иной человек, с прежним талантом, но нежный, любящий, гуманный; его насмешка уже не ранит, не уязвляет; теперь это впечатлительная и поэтическая, бьющая через край душа, и таким он остается до тех пор, пока не встретятся ему случайно городничий, мировой судья, их жены или дочери, – тогда все кончено, он срывает с них человеческую личину и с неистовым, горьким смехом подвергает их пытке общественного позора.

В то время как все образованное меньшинство краснело от стыда, узнавая себя в чертах Хлестакова и Ноздрева, и чувствовало все большее омерзение к той среде, в которую оно было брошено, – издали, снизу, послышался другой голос, точно голос утешения; простые, порой жалобные звуки, но без тени иронии – звуки, полные наивной, весенней свежести. Они походили на зеленую травку, пробивающуюся из-под снега, когда его начинает пригревать весеннее солнце.

В этих звуках не было фальши, то был не маскарадный костюм аристократической музыки, нарядившейся из кокетства крестьянкой, то были песни простого молодого воронежского прасола, который, проезжая верхом по степям со своими стадами, пел с грустью и тоской о жизни народа и своих собственных страданиях. С ним дурно обращались жестокий отец и грубая семья, а он нежно любил бедную работницу, которая вела хозяйство в их доме и которую из-за него услали прочь.

Совершенно другой мир раскрылся в песнях Кольцова, – мир печальный, несчастный, но отнюдь не смешной, а скорее невыразимо трогательный в своей наивной, естественной простоте, в своем смиренном страдании. Это была забытая Россия, Россия бедняков, крестьян, подавшая наконец голос, Россия, которая подчас сдерживала иронию Гоголя и из палача превращала его в веселого и участливого гостя.

Итак, наступило время, когда Золушка вошла в бальный зал. Течение снизу стало побеждать. Цивилизованная Россия как бог у Беранже, начала наконец с любопытством взирать на этот лежащий внизу мир, который копошится и работает на полях: «Смотри-ка! Они гораздо более походят на людей, чем мы думали! Как странно!» Это было действительно великое открытие!

И весьма примечательно то, что единственная партия, называющая себя по преимуществу национальной, московская партия, из которой во время войны сделали своеобразное пугало, совершенно не способствовала этому открытию. Правда, панслависты считают Гоголя своим, но это – канонизация Аристотеля. Гоголь никогда не принадлежал ни к какой партии. Решение загадки кроется в том, что они попросту не знали настоящего народа; они сконструировали (термин немецкой философии) некий русский народ по данным, почерпнутым из летописи Нестора о традициях других славянских племен, не давая себе труда узнать тот народ, который жил у их ног. Даже Кольцов, поэт-прасол, никогда не был в рядах московских ретрореволюционеров.

Когда наступает пора расцвета для какой-либо идеи, он овладевает людьми помимо их воли. Один из корифеев байронического направления, заглянув в недра мелкого и пошлого общества, в котором все стремившееся к более достойному существованию должно было задохнуться в пустоте мелочных невзгод, однажды попытался по-своему нарисовать нам двух

177

бедных крестьян; он наделил, конечно шутки рада, одного – характером Гете, а другого – характером Шиллера. Но по мере того как Тургенев приглядывался к господскому дому и к чердаку бурмистра, он увлекся своей темой. Шутка постепенно исчезла, и поэт нарисовал нам два различных, серьезных поэтических типа русских крестьян. Не привыкшая к этому публика рукоплескала. Поэт выступил со своим вторым рассказом «охотника», он был превосходен, и так пошло дальше. У Тургенева есть свой предмет ненависти, он не подбирает крохи за Гоголем, он преследовал другую добычу – помещика, его супругу, его приближенных, его бурмистра и деревенского старосту. Никогда еще внутренняя жизнь помещичьего дома не подвергалась такому всеобщему осмеянию, не вызывала такого отвращения и ненависти. При этом надо отметить, что Тургенев никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества.

Тургенев однако не ограничился изображением мученической доли крестьянина, он не побоялся заглянуть и в душную каморку дворового, где есть лишь одно утешение – водка. Он описал нам существование этого русского «дяди Тома» с таким художественным мастерством, которое, устояв перед двойной цензурой, заставляет нас содрогаться от ярости при виде этого тяжкого, нечеловеческого страдания, от которого изнемогает одно поколение за другим, без надежды, не только с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов оскорбленной душой, но и с искалеченным телом.

Имена Тургенева и Григоровича не забудут ни русский крепостной, ни вольноотпущенный. Сейчас, накануне освобождения, при более мягком режиме, против крепостного права выступают многие; а эти два художника делали это при страшном господстве Николая.

Когда я покидал Россию, я мало знал из написанного Григоровичем. Он был тогда еще одним из молодых начинающих авторов. В Неаполе в 1848 году я впервые прочитал его «Антон Горемыку», простую историю крестьянина, преследуемого бурмистром за то, что он, под диктовку других крестьян,

178

написал на него жалобу помещику. Это *memento patriam*¹⁴⁷[67] было особенно тягостным в разгар революционных событий в Италии под сладостными и ласкающими порывами ветра с Средиземного моря. Я испытывал угрызения совести, мне было стыдно находиться там, где я был. Крепостной крестьянин, с преждевременными морщинами, нищий, добрый, смиренный, в кандалах безвинно бредущий в Сибирь, неотступно преследовал мое воображение, когда я жил среди прекрасного народа. Роман, переведенный вами, знаменует новую фазу народной поэзии. Течение снизу победило. Помещик, бурмистр, грабитель-судья, становой-убийца – все это исчезло, все заслонил собой весь из плоти и мускулов тип Глеба Савинича, крестьянина-рыбака. Это жизнь крестьянина не в условиях неравной борьбы с помещиком и его деспотическими правами или с крюкотворскими притеснениями администрации, это жизнь крестьянина в себе.

Враг, выступающий в «Рыбаках», это – свой; это начало совсем иной борьбы, борьбы между земледельческой, невзыскательной, простой патриархальностью и буржуазным, городским пролетариатом, работающим на фабриках и ведущим бесшабашную, бродяжническую жизнь.

Эта борьба уже человечнее, она уже ведется не в форме грубого превосходства сил, а равным оружием между равными. Бесплезное и благодетельное вмешательство полиции – самая большая ошибка романа Григоровича, ибо это непоследовательно и грешит против действительности.

Роман «Рыбаки» подводит нас к началу неизбежной борьбы (борьбы эволюционной) между «крестьянским» и «городским» элементом, между крестьянином-хлебопашцем и крестьянином – фабричным рабочим. Но эта борьба все же не приобретает у нас такого размаха, как во Франции и в Англии. Земледельческое население имеет у нас гораздо большее значение, нежели где-либо. Города мало заселены, многие рабочие прибывают из деревни, не порывая связей с сельской общиной и в силу этого остаются крестьянами. Но и по другой причине

179

эта борьба не приобретает у нас того обостренного, безысходного характера, как там. Ряд идей, относительно которых нет еще единого мнения, плавающих пока на поверхности моря европейской реакции, все более поглощающего остатки революционной Армады, при помощи которой старый мир надеялся совершить свою переправу, этот ряд идей теоретически уже вышел далеко за пределы борьбы между буржуазией и пролетариатом, между горожанами и крестьянами. Эти идеи нам принадлежат по праву изучения и понимания, как Западной Европе – в силу того, что они ею выстраданы и созданы. Но это еще не все. Пока мы шаг за шагом следовали за Европой по бороздам, омоченным ее потом, в избе русского крестьянина мы обрели зародыш экономических и административных установлений, основанных на общности землевладения, на аграрном и инстинктивном коммунизме. При этом открытии наши старые друзья, нравственные скитальцы, не знавшие куда преклонить голову, чувствовавшие себя затерянными в отвратительной среде и мучительно стремившиеся к далекому идеалу, чтобы бежать от гнусной и пошлой действительности, остановились; они увидели, что под разъедаемой проказой поверхностью царской, помещичьей, административной России есть нечто живое, сильное, неведомое, есть мир, нуждающийся в изучении, мир, основанный на общине и владении землей.

Роль печальной и меланхолической личности – человека, чувствующего себя бесполезным именно потому, что он хочет быть действительно человеком, изжила себя. Этому человеку надлежит сейчас выполнить одну задачу. Нужно освободить элементы русской общественной жизни от примесей, внесенных в нее монголизмом и царизмом, бюрократией и немецкой военной посредственностью режима приказов, крепостного права и т. д., и, приняв эти элементы как естественный отправной пункт, развить и просветить их социальными идеями Запада на благо всеобщей науки о процветании человечества.

На этом, однако, его задача не кончается. У него есть и другое дело – предохранить это развитие от лихорадочных кризисов, от насильственных возвратов к прошлому, прежде всего от кровавых, ужасных конвульсий, которые породили на свет

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов и далш[ш] созреть социальной идее, а вместе с тем подвели народы Запада к краю могилы.

Как видите, все зависит от того, удастся ли установить внутреннее единение Владимира Ленского¹⁴⁸[68], студента Геттингенского университета, поклонника Шиллера и Гёте, утопического мечтателя, поэта с длинными кудрями, с нашим старым Глебом Савиным, этим практическим философом с суровым, сильным характером, этим подлинным представителем циклопической расы крестьян-рыбаков. Поймут ли они когда-нибудь друг друга? Старик чудаковат и упрям.

Поживем – увидим!

Пока же я уступаю место старому Глебу. Он ведь и без того не любит длинных разговоров, и его старуха, бывало, не раз подумает, прежде чем надоедать ему своими просьбами о покупке глиняного горшка или других подобных предметов роскоши.

Rutney, близ Лондона.

28 декабря 1857.

181

1858 ЧТО ЗНАЧИТ СУД БЕЗ ГЛАСНОСТИ

Торжественнее думали мы начать наш звон на 1858 г.; видно, нашему Колоколу не суждено еще издавать полные, радостные звуки, звать на праздники и ликования, возвещать благие вести. Видно, еще надолго он будет обречен на долю тюремного звонка, печально возвещающего всякий раз, что преступление, что несчастье вошло или вышло, что явился палач, заплаканная мать переступила порог или процессия двинулась к лобному месту.

А как искренно, как горячо хотелось нам, чтоб было иначе, с каким сердечным упованием смотрим мы на усилия Александра II вырвать у упорно своекорыстного дворянства веревку, на которой оно держит крестьян в кабале. «Опора престола» стада бревном на дороге, когда государь захотел сделать доброе дело!

Еще хуже с гласностью в суде. Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах. С этими гирями на ногах недалеко уйдет Александр Николаевич – спутанный формализмом, этикетом, ограниченный табелью о рангах, окруженный политическими старообрядцами и дворянством, которое выбрало себе девизом «я секу!» и за это право умеет стоять.

Государь очевидно стремится вырваться из заколдованного круга, но, не слыша свободного голоса, не имея средств узнать истины, теряется.

Князь Долгорукий после заграничного путешествия государя поднес ему полную «Хрестоматию», составленную Прянишниковым из подпечатанных писем, свидетельствующих о крамольных мыслях и крайнем недовольствии благородного российского дворянства при слухе об освобождении крестьян.

182

Отчего же он ему не доставляет «Колокол»? Уж коли доносить, так все доносить, что тут за выборы!

Государь не услышит от нас ничего оскорбительного.

Мы ему скажем: будьте мужественны, человечество глядит на вас, история записывает ваши дела, бедная Россия ждет; но что же история запишет, если Россия ничего не дождет, если вы ее оставите на произвол новым Аракчеевым и новым Клейнмихелям?

«У него было доброе сердце и слабая воля!» – Неужели ваше самолюбие не идет дальше?

Вам, так благородно поступившему в деле Линранди, предлагавшего академию шпионства¹⁴⁹[69], очень легко узнавать людей и делить их ошую и одесную, шиболет ваш совсем готов. Кто против гласности, кто против освобождения крестьян, тот враг народа, тот ваш враг...

Отчего вы не боитесь гласности – а Панин и Вяземский боятся?

Отчего вы хотите искоренить взятки, а Ланской призывал двух литераторов и запретил им касаться этого предмета, освященного веками?

Постараемся показать на деле – отчего.

К Новому году нам прислали выписку из одного дела – нисколько не необычайного, но очень характеристического для объяснения, почему запертые двери необходимы вертепам, называемым у нас судами.

13 июня 1853 года в доме и квартире действительного статского советника князя Льва Викторовича Кочубея раздался выстрел, и из комнат князя выбежал австрийский подданный Игнатий Зальцманн, раненный

183

из пистолета в грудь (рана в ка дюйма, близ соединения восьмого ребра с грудиною). Зальцманн объясняет, что, не получив, за всеми просьбами и официальными жалобами, следующих ему от князя Кочубея по прежнему управлению домом его 875 рублей, он подал на князя жалобу государю императору, в которой выставляет причиною отказа ему от должности управляющего то, что князь Кочубей

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов занимается контрабандой. Через несколько времени по подаче этой жалобы он был приглашен к князю Кочубею управляющим его, чиновником Богоявленским. Когда он, Зальцманн, вошедши в кабинет князя, остался с ним и Богоявленским, то князь требовал от него подписки в том, что жалоба его, поданная государю императору, ложная, – а когда Зальцманн не соглашался на это, то, после крупного разговора, князь схватил пистолет и приставил его к груди Зальцманна, угрожая выстрелом. Зальцманн хотел отвести пистолет, и в это время раздался выстрел. Князь же Кочубей показал, что он никогда Зальцманна к себе не приглашал, что он в кабинете его, князя, не был, а выстрелил в себя в его доме, для того чтоб возвести на него, князя, ложный извет в таком преступлении. Это событие, представляемое с каждой стороны в совершенно противоположном виде, подвергнуто было исследованию, которое, по существу и разнородности показаний множества опрошенных лиц¹⁵⁰[70], собранных отовсюду сведений по тем данным, которые выводятся из осмотров раны Зальцманна, сделанных докторами Мариинской больницы, физикатом, медицинским советом и известным профессором Пироговым, – составляет одно из любопытных и замечательных явлений в истории уголовных процессов. Но не менее любопытна и замечательна другая сторона этого дела, именно: тот оборот, который был придан событию 13 июня, направление производства следствия, усилия запутать его, уклонение от всех законных форм достижения истины и нарушение всякой справедливости...

1) В событии 13 июня участниками два лица: князь Кочубей и Зальцманн. Но князь Кочубей дал по делу только одно объяснение, затем выступает на сцену чиновник Богоявленский, который действует не по доверенности князя (так как доверенность в таком уголовном деле выдавать никому нельзя, а должен каждый действовать за себя лично), а от своего лица, объясняясь во всем и повсюду за себя и князя, и все его показания и доводы принимаются всеми как показания и доводы князя Кочубея, и никакое лицо, и ни одно судебное место не потребовало ни личной явки князя, ни даже одобрения с его стороны действия чиновника Богоявленского, как будто они представляют одно лицо.

2) Событие 13 июня представлено в деле не как происшествие, в котором два лица обвиняют друг друга, а как донос Зальцманна на князя Кочубея в преступлении; таким образом, в тот же день 13 июня в квартире Зальцманна делается обыск тотчас после происшествия. Зальцманн берется в съезжий дом, где свидетельствуют его рану, переводится затем в Мариинскую 184

больницу, где приставляется к нему караул, и, наконец, 23 июня отправляется в тюремный замок, в котором содержится до самого решения дела первой степенью суда – надворным уголовным судом, который определяет: «князя Кочубея по предмету взведенного на него Зальцманном обвинения от суда освободить, освободив от суда и самого Зальцманна по предмету ложного извета на Кочубея в преступлении», и Зальцманн из-под стражи освобождается.

Но с.-петербургская уголовная палата придумала решение замысловатее; она определила: оговор Зальцманна в нанесении ему князем Кочубеем раны выстрелом из пистолета, как бездоказательный, оставить без последствий, – а его, Зальцманна, по предмету ложного извета на князя Кочубея, оставить в подозрении и потом, согласно распоряжению графа Орлова, выслать за границу.

Во время производства дела все тот же чиновник Богоявленский, а не князь Кочубей, без всякого уполномочия со стороны последнего или с чьей бы то ни было, примешивает к событию 13 июня и вводит в следствие следующие предметы: 1) обвиняет Зальцманна в растрате вин и овса, принадлежащих князю; 2) доказывает переправку Зальцманном паспорта; 3) обвиняет Зальцманна в нанесении ему обид тем, что он назвал его, Богоявленского, «разбойником, свиньей, собакой»; 4) доказывает, что Зальцманн обидел иностранца Крипеля; 5) что Зальцманн поссорился с иностранцем Принцем; 6) что Зальцманн неправильно называет себя лейтенантом австрийской службы. Наконец, всех, кто принимал какое-либо участие в судьбе несчастного Зальцманна, или, лучше и вернее сказать, всех, кто показывал в деле беспристрастие, чиновник Богоявленский клеймил не подозрением, а прямо обвинением в содействии преступнику Зальцманну; так обвинены в содействии в преступлении, в просьбах генерал-губернатору, Сенату приобщавший Зальцманна после выстрела св. тайн священник Марцынкевич, доктор Мариинской больницы, член надворного уголовного суда, освободившие Зальцманна из-под стражи и суда, лица, писавшие Зальцманну просьбы, – и даже на самого профессора Пирогова наброшена тень сомнения в том, что он благодетель Зальцманна!

Освобожденный судом из-под стражи Зальцманн пользуется свободой недолго: через две недели его приглашают в часть, где он берется под стражу безо всякого объявления повода к тому и отправляется для содержания в исправительное заведение. На просьбу жены Зальцманна об освобождении мужа ее, поданную Правительствующему сенату, куда между тем поступило это дело, Правительствующий

сенат (по I отделению V департамента, 11 августа 1854 г.) определяет: «Объявить ей, Зальцманн, что как муж ее подвергнут содержанию в исправительном заведении не по распоряжению судебных мест, рассматривавших о нем дело, то и освобождение его из означенного заведения от Сената не зависит». Жена Зальцманна вследствие этого бросается к генерал-губернатору, который объявляет ей, что хотя муж ее «и арестован по его распоряжению»¹⁵¹[71], но как ему неизвестно, будет ли Зальцманн оправдан Сенатом, в коем ныне рассматривается дело его с князем Кочубеем, – то посему и не может его освободить, и освобождение его зависит от Сената».

Как жена Зальцманна, вследствие этого указания, обратилась со вторичной просьбою в Сенат, то оный 11 ноября 1854 года заключил: «Как из вторичного прошения Зальцманн не видно, чтоб обстоятельства, служившие Сенату поводом к отказу на первое ее прошение, изменились, то, посему, не находя основания к изменению состоявшегося в Сенате по первому ее прошению заключения, Правительствующий сенат определяет объявить о сем просительнице».

Так как все усилия к обвинению и опутанию Зальцманна в разных взведенных на него преступлениях оказались недействительными, ибо две судебные инстанции не могли найти к тому достаточного повода и доказательств, то чиновник Богоявленский, в июле 1854 года, подает в Правительствующий сенат прошение, в котором излагает донос на Зальцманна и жену его в том, что последняя совращена мужем ее из православия в католическую веру¹⁵²[72], что брак их был совершен одним католическим священником потому, что скрыто было настоящее имя и звание невесты; сверх того, брак русской подданной с иностранцем совершен без особого дозволения – и потому, как незаконный, подлежит расторжению, а дети Зальцманна, как рожденные в незаконном браке, должны быть признаны незаконнорожденными; что жена Зальцманна по вступлении уже в брак неправильно будто бы получала два раза в 1849 г. из главного казначейства пенсию, следовавшую ей как девице за службу ее отца.

По этой просьбе Правительствующий сенат 11 августа 1854 года заключил, что «выведенное Богоявленским обвинение на жену Зальцманна не имеет ничего общего с делом, производящимся в Сенате, особому же производству со стороны Сената не подлежит, как еще не обследованное и не рассмотренное в порядке судебных инстанций, а потому Правительствующий сенат определил объявить Богоявленскому, что выводимое им обвинение на жену Зальцманна, если желает, может доказывать установленным в законах порядком».

Богоявленский подает, в силу этого, донос свой в с.-петербургское губернское правление, которое предписывает царскосельской градской полиции известить строгое по этому предмету следствие, а Правительствующий сенат (по I отделению V департамента), не имеющий никакого права без особого высочайшего дозволения не только переменить, но и частию изменить или что-либо добавить в своем решении, вопреки решению своему 11 августа, в котором признавался донос Богоявленского не имеющим ничего общего с делом, производящимся в Сенате, через пять месяцев после того, рассуждал, что «вводимые на Зальцманна обвинения в совращении жены его из православия и в неправильном вступлении с нею в брак

186

должны быть рассмотрены в совокупности со всеми преступными деяниями Зальцманна», обратил все дело в уголовную палату, с тем чтоб она, приняв меры к скорейшему окончанию следствия, производящегося о Зальцманне и жене его, и истребовав от Зальцманна доказательства на право его наименования лейтенантом австрийской службы, постановила вновь, приговор по всем преступным действиям Зальцманна¹⁵³[73] и представила затем вновь все дело в Правительствующий сенат. Итак, объяснение князя Кочубея в преступлении, стираясь мало-помалу в этих хитросплетениях и удаляясь все более и более на задний план, наконец совершенно исчезло в высшей инстанции – и о князе Кочубее нет в Сенате и помину, а в виду и в действии одно преступление Зальцманна в обвинении князя и многие другие. Между тем царскосельская градская полиция, приняв к своему производству донос Богоявленского, распорядилась вытребовать жену Зальцманна в Царское Село и заключить ее там под стражу, о чем и сообщила с.-петербургской управе благочиния. Таким образом, заключив два существа в тюрьму, в двух городах, и лишив каждого из них взаимной помощи и ходатайства друг за друга, легко было бы окончательно запутать и устроить все по желанию или продлить все следствие на такое долгое время что больной Зальцманн с пулей в груди мог бы, наконец, умереть.

В эту критическую минуту поданная женою Зальцманна в I департамент Сената просьба приостановила несколько грозу, которая готова была рушиться над несчастной семьей, состоящей, кроме двух супругов, из двух малюток, которых ожидала по заточении и матери их под стражу ужасная участь быть содержимыми в тюремном приюте!..

Первый департамент Сената предписал производить следствие не в царскосельской

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
градской полиции, а в С.-Петербурге, – а рассмотрение вопроса о том, следует ли
жену Зальцманна заключать под стражу, отнес к обязанности следователя, предписав
ему поступить в этом по точным предписаниям закона; после 19-месячного
заключения освобожден из-под стражи и сам Зальцманн, не по распоряжению суда, а
точно так же, как и был посажен, – по ходатайству генерал-адъютанта К.
Еще несколько эпизодов того дела могут окончательно охарактеризовать отсутствие
всякой гарантии для лица, имеющего несчастье иметь дело с более сильным его, и
уклонение лиц, которым вверена судьба и защита прибегающих к покровительству
закона, от всякой справедливости:

I) Заключенный под стражу и не знающий писать по-русски Зальцманн подает,
через губернского прокурора, строго обязанного законом защищать дела арестантов
и преподавать им все способы к оправданию, в Правительствующем сенате просьбу о
допущении его к рукоприкладству под сенатскую записку, чтоб видеть, все ли
обстоятельства помещены

187

в ней, и чтобы представить из дела доводы к своему оправданию, каковое право
предоставлено законом каждому подсудимому, – и Правительствующий сенат
возвращает эту просьбу Зальцманну, через прокурора же, потому что она написана
без высочайшего титула.

Зальцманн подает вторичную просьбу через того же прокурора, но и эта просьба
возвращается ему, потому что после высочайшего титула написано и проч. и проч.,
титул написан в пять, а не в четыре строки, тогда как форма, приложенная к
законам гражданским, указывает, что титул должен быть именно написан в пять
строк, т. е. так, как написал Зальцманн.

И дело доложено потому Правительствующему сенату без рукоприкладства Зальцманна!
Когда же является от Зальцманнов просьба, написанная по форме и потому не
могущая быть возвращенною без производства, тогда Богоявленский подает всюду и
всем жалобы на принятие этой просьбы, называет ее ябеднической и требует
настоятельно открытия сочинителя и переписчика этой просьбы для предания их суду
за доставление Зальцманнам средств к оправданию.

II) За несколько недель до решения Сенатом дела Зальцманн, лишенный
Правительствующим сенатом средств и права сделать рукоприкладство, пишет из
тюрьмы к министру юстиции графу Панину письмо, в котором, ссылаясь на всем
известное дружество обер-секретаря, у которого производилось его дело, с
Богоявленским, умоляет министра передать дело его в производство другому
обер-секретарю. Под предлогом перевода этого письма, писанного на немецком
языке, губернский прокурор, мимо которого не проходит ничего, что исходит от
арестанта, держит это письмо – и ордер графа Панина о передаче этого дела в
производство другому обер-секретарю приходит в Сенат тогда, когда дело уже
решено Сенатом!

III) Освобожденный из-под стражи Зальцманн является к обер-прокурору I
отделения I департамента Правительствующего сената и просит выдать ему
свидетельство на проживание – так как паспорт всякого уголовного подсудимого
отбирается и находится при деле об этом подсудимом, подсудимому, если он на
свободе, выдается от места, где производится его дело, свидетельство; но обер-
прокурор решительно в том ему отказывает, не имея и не смея иметь к отказу
никакого основания! Зальцманн обращается с требованием свидетельства на
пропитание в уголовную палату, в которую пересылается между тем из Сената его
дело; но и палата не выдает ему, а между тем полиция не держит и не пускает его
на квартиру жены – и вот уже два года, как Зальцманн живет по виду, выданному ему
от австрийского посольства! Но с этим видом никто не может дать ему никакой
должности, ни даже принять его, Зальцманна, в услужение, и он не лишен покуда
единственной возможности – нищенствования из-за угла.

Все или по крайней мере большая часть тут вышеизложенных действий судебных мест
и должностных лиц составляют канцелярскую тайну, т. е. не должны быть никому
известны, и разглашение их составляет уголовное преступление, влекущее за собою
неминуемое наказание.

188

ИМПЕРАТОР И СТУДЕНТЫ

Спешим передать резолюцию Александра II на докладе о деле московских студентов.
««Цвиленева, Морозова и Симонова (первый – частный пристав, два вторые –
квартильные надзиратели) судить военным судом, а студента Ганусевича, принимая
во внимание, что он был в необходимости учинить рушение закона, оставить
свободным от суда и взыскания»».

С глубоким уважением печатаем мы это решение... как оно ни просто, ни
естественно... но мы в нем видим новое доказательство, как далеко уже осталось
за нами то несчастное время, когда полиция была во всем права!

<О ПИСЬМЕ, КРИТИКУЮЩЕМ «КОЛОКОЛ»>

На днях мы получили письмо, строго критикующее «Колокол».

Письмо это проникнуто таким теплым чувством любви к делу и желанием добра от наших изданий, что нам остается искренно поблагодарить анонимного критика и воспользоваться теми из его советов, с которыми согласна наша совесть.

Нам очень жаль, что в письме именно сказано, чтоб мы его не печатали, нам хотелось бы сообщить его нашим читателям.

Одно замечание мы позволим себе. Автор письма мог видеть с первого листа «Колокола» до последнего, как усердно мы просим всех сообщающих нам вести подвергать их прежде строгой критике. Какие же мы можем иметь средства проверки? Если и в наших листах, как во всех журналах, прокрадываются ошибки, мы готовы их поправить – но не всегда можем предупредить.

Мы в VI листе сказали, что московский обер-полицмейстер Беринг – остался, а он подал в отставку. «Le Nord», имеющий полуофициальные корреспонденции, говоря об окончании студентской истории в Москве, сообщил только об остановке частного пристава. Вслед за тем получили мы письмо в котором обращается внимание на то, что «Закревский отстоял Беринга». Дней десять спустя мы увидели, что Беринг заменен Кропоткиным. Нам остается повиниться в ошибке, поблагодарить государя и посоветовать Закревскому сделать нам такой же милый сюрприз.

190

Что касается до смешного, мы не совсем согласны с нашим критиком. Смех – одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится бог знает на чем, важной развалиной, мешая расти свежей жизни и пугая слабых. Повторяю, что «предмет, о котором человек не может улыбнуться, не впадая в кощунство, не боясь угрызений совести, – фетиш, и человек подавлен им; он боится его смешать с рядовыми предметами»¹⁵⁴[74].

Смех вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся. В древнем мире хохотали на Олимпе и хохотали на земле, слушая Аристофана и его комедии, хохотали до самого Лукиана. С IV столетия человечество перестало смеяться – оно все плакало, и тяжелые цепи пали на ум середь стенаний и угрызений совести. Как только лихорадка изуверства начала проходить, люди стали опять смеяться. Написать историю смеха было бы чрезвычайно интересно. В церкви, во дворце, во фрунте, перед начальником департамента, перед частным приставом, перед немцем-управляющим никто не смеется. Крепостные слуги лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни ровные смеются между собой.

Если низшим позволить смеяться при высших или если они не могут удержаться от смеха, тогда прощай чинопочитание. Заставить улыбнуться над богом Аписом значит расстричь его из священного сана в простые быки. Снимите рясу с монаха, мундир с гусара, сажу с трубочиста, и они не будут страшны ни для малых, ни для больших. Смех нивелирует – а этого-то и не хотят люди, боящиеся повиснуть на своем собственном удельном весе. Аристократы всегда так думали, и жена графского дворецкого Фигаро, жалуясь в «La Mère coirable» на горькие следы 1789 года, говорит, что теперь все сделались – как все, comme tout le monde!

В русском характере вообще есть азиатская склонность к вычурному подбострастию, с одной стороны, и к надменному чванству – с другой. Объясните иностранцу и в особенности не немцу, что простой смертный носит рубашку, а барин сорочку, что один спит, а другой почивает, один пьет чай,

191

а другой «изволит его кушать», – все это пришло из Золотой орды и из томпаковой Германии.

И отчего это мы так обидчивы, когда дело идет о шутке, и так выносливы, когда нас бранят сверху? Это уже лет пятнадцать тому спрашивал Белинский. Перелистуйте лондонский «Пунш», посмотрите на политические карикатуры его, в которых всего меньше пощажены муж королевы, – что же делает Виктория, что делает Альберт? – глядят «Пунш» и смеются с другими. Вот лучшее доказательство, как совершеннолетна Англия. С другой стороны, посмотрите это исступление, эту тревогу, с которой преследуют каждый свисток, каждую улыбку во Франции... и подумайте о причинах.

Другой корреспондент пишет, что в истории о следствии, деланном Эльстон-Сумароковым, фамилия помещика, продавшего имение, неверно выставлена. В «Теймсе» была только фамилия Пашкова – в письмах, нами полученных, три разные фамилии, – но обстоятельства рассказаны одинаким образом, а в этом-то и сущность. Мы совершенно убеждены, что каждый из благородного сословия помещиков, мешающих государю освободить крестьян, способен так же поступить. Тем не менее мы благодарим за поправку и готовы впредь и всегда печатать всякое опровержение, основанное на фактах.

ОХАПКА ДРОВЕЦ СТАРУШКИ

Смешно и больно видеть, как в полицейском хоре, окружающем теперь уцелевшего Бонапарта, участвуют без всякой необходимости второстепенные газеты

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
второстепенных городов и стран: «Так-таки и скажите, что Бобчинский и Добчинский
в сильном негодовании против Англии».

Раз, в те счастливые времена, когда еще людей жгли за мысли, инквизиция
приготовлялась во славу католической церкви зажарить великого славянина. Все
было в порядке – попы и палачи, монахи и сторожа суетились, нарядные дамы
хохотали вокруг на приготовленных местах. Костер уже был зажжен. Вдруг сквозь
толпу продирается, торопится полоумная старушонка. «Ах, батюшки, – кричит она, –
пустите меня, старую да хворую; ох, не успею мою-то охабочку дровец бросить на
костер ему, злодею, еретику, чтоб ему ни дна, ни покрышки не было! Авось,
господь-бог увидит жертву моего усердия!» – «Пропустите ее, – сказал мученик,
обращаясь к палачам, – разве вы не видите ее горячую веру?»

Хотя, по правде, мы не видим горячей веры, но легенду эту вспомнили, читая, с
каким остервенением бельгийский журнал «Le Nord» (от 18 января) требует высылки
иностранцев из Англии... требует диких полицейских мер от свободной страны. И
все это в каком-то нервном, болезненном припадке. «Ум остается смущенным, –
говорит он, – и воображение цепенеет при одной мысли о таком злодействе». В эти
горячечные минуты всего лучше молчать, а то смущенный ум может ввести в самые
забавные промахи. «Le Nord» заключает свою статью тем, что если б в Англии
узнали о скопище торговцев невольниками, где-нибудь за океаном, то все
филантропы и раскричались

193

бы, и потребовали бы самых деятельных мер против этих добрых людей, а против
дикого сообщества извергов и злодеев, посылающих убийц, ядры, кинжалы, не берет
террористических мер, по одному слову шпионов и других клеветов... и это только
потому, что доказательств нет. Нужно очень доказательства в деле, где идет речь
о высочайшем здравии, – по-помещичью, обоих высечь да и дело в шапке!

А каков пример о торговцах черными крепостными? Мы знали со времен перестройки
Зимнего дворца, что усердие все превозмогает, до не знали, что оно превозмогает
самый ум!

Мы вообще не мешаемся в полемику европейских журналов и тем больше не сказали бы
ни слова об диких завываньях какой-нибудь газеты, издаваемой в Брюжже, Малине
или Вервье, – но этот журнал недаром назвал себя «Севером». Его принимают в
журналистике официозным органом России.

Ненависть народов к России, которую возбудил Николай, начинает теперь проходить,
зачем же ее подновлять, то защищая короля-лаццарони, то комические права
Гогенцоллерна на

Невшателе, то бесплодными криками против Англии, которая с британским презрением
смотрит на беснующихся.

Надобно нашим дипломатам новые прописи, новые словари! Или неужели мы при
Александре II доживем до союза (о котором мы пророчили в 1854 году)155[75] двух
императоров против единой свободной и сильной страны в Европе?

«Неужели вы думаете, – писал я тогда, – что они оставят в покое в 12 часах от
усмиренного Парижа свободный Лондон, – Лондон – открытую гавань всем спасающимся
от оргии деспотизма! – Никогда!»

Англия – страшное бельмо на глазу у всех континентальных властей; они ее не
понимают, они ее ненавидят инстинктом, они ее ненавидят угрызениями собственной
совести – пусть их, да нам-то, вступая в новую жизнь, зачем соваться? Тем
больше, что крики эти ничего не делают. Помните, что в гербе Англии написано
великое слово: Де тат11епГа1!»156[76]

194

<ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕ ХОТЕЛО ОСВОБОДИТЬ
КРЕСТЬЯН...»

Тамбовское дворянство не хотело освободить крестьян и только когда на него
прикрикнул министр, послало предводителя в Петербург. Что бы ни обрушилось на
тамбовское дворянство – гнев государя или топор народный – все будет
справедливо, и вечный позор его запишется в русскую летопись!

А, крамольники! верноподданные рабы! Заговорили вы – жаль расстаться с розгой,
плантаторы... непокорные холопы... Во имя чего смеете вы роптать?

ЗАКРЕВСКИЙ БУНТУЕТ!

Арсений Андреевич, что это с вами, всю жизнь вы были фельдфебелем и вдруг
мешаете освобождению крестьян? К лицу ль вам эти лица? Идти против государя! –
против дисциплины! □

В отставку старого лакея, в странноприемный дом, в сенат, в совет, в синод –
вредного инвалида! только вон из Москвы!

195

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

(18 февраля 1858 года)

Ты победил, Галилеянин! и нам легко это сказать потому что у нас в нашей борьбе

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов не замешано ни самолюбие ни личность. Мы боролись из дела, – кто его сделал, тому и честь.

Середь общего сетования, перерываемого дикими криками бесновавшихся реакционеров и солдат, пьяных от крови, середь нелепой войны и глубокого падения всего западного материка – мы, со страхом гадая, обращали взгляд наш на молодого человека, шедшего занять упраздненное место на железном троне, которого тяжелые ножки далеко вдавились в нашу грудь...

«От вас ждут кротости, – говорили мы ему, – от вас ждут человеческого сердца – вы необыкновенно счастливы!» и робко, мучимые сомнением, прибавляли: «Дайте свободу русскому слову! Смойте с России позорное пятно крепостного состояния». И потом мы ждали с внутренним трепетом, надеясь, негодуя, прислушиваясь к движению, к вестям. После тридцатилетнего ожидания – нетерпение прощительно... Книга Корфа оскорбила нас, она так грубо дотронулась до воспоминаний, святых нам, она так беспощадно напомнила нам свинцовое время, в которое мы столько страдали.

...А там это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мешающие ему идти вперед... надежды удалялись, мы становились еще беднее и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями немых злодейств, совершающихся в мраке канцелярских тайн.

крестьян, что он его хочет, с тех пор наше положение к нему изменилось.

Но с того дня как Александр II подписал первый акт, всенародно высказавший, что он со стороны осовождения

Мы имеем дело уже не с случайным преемником Николая, – а с мощным деятелем, открывающим новую эру для России, он столько же наследник 14 декабря, как Николая. Он работает с нами – для великого будущего.

Имя Александра II отныне принадлежит истории; если б его царствование завтра окончилось, если б он пал под ударами каких-нибудь крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог, – все равно. Начало освобождения крестьян сделано им, грядущие поколения этого не забудут!

Но из этого не следует, чтоб он мог безнаказанно остановиться. Нет, нет, пусть он довершит начатое – пусть полный венюк закроет его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодействие закоснелых помещиков, их волчий вой – не опасен. Что они могут противопоставить, когда против них власть и свобода, образованное меньшинство и весь народ, царская воля и общественное мнение?

И пуще всего общественное мнение. Лишь бы теперь нашим плантаторам и их противникам позволено было вполне высказаться, помериться... И тут, как во всем, поневоле бьешься в другое великое искомое современной России – в гласность. Гласность их казнит, прежде нежели дойдет дело до правительственного бича или до крестьянского топора.

Посмотрели бы мы, право, au grand jour¹⁵⁷[77], на этих защитников розог и крещеной собственности, забрызганных кровью жертв, на этих грабителей по дворянской грамоте, на этих людокрадов, отнимающих у матерей детей, торгашей, продающих девок, барышников рекрутами! Выходите же на арену – дайте на вас посмотреть, родные волки великороссийские, может, вы поумнели со времен Пугачева, какая у вас шерсть, есть ли у вас зубы, уши? Знаете что – до помещичьего права добираются, до вольности дворянской! Это мужика-то и не посечь и не заставить поработать четвертый и пятый день, дворового-то и не поколотить? Помилуйте! Выходите же из ваших тамбовских и всяческих берлог – Собакевичи, 197

Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пеночкины, попробуйте не розгой, а пером, не в конюшне, а на белом свете высказаться. Померяйтесь!

Вам можно было отпустить грех неправого наследства преемственного стяжания, преступления ваших злодеев-отцов, извергов-матерей за раскаяние, за молчание, за уменье понести потерю, за угрызения совести. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю ответственность. Вы никогда не осмеливались даже поворчать, когда ваших детей ссылали в Сибирь, когда с самими вами обращались, как с холопами, и вы осмеливаетесь теперь показывать зубы. История вас рассудит с императором Александром II и с народом русским – смотрите только, как бы она для вас не настала слишком скоро. Подумайте об этом!

Что касается до нас – наш путь вперед назначен, мы идем с тем, кто освобождает и пока он освобождает; в этом мы последовательны всей нашей жизни. Как бы слаб наш голос ни был, все же он живой голос, и как бы наш Колокол ни был мал, все же его слышно в России, а потому скажем еще раз, что мы убеждены, что Александр II не равнодушно примет приветствие людей, которые сильно любят Россию, – но так же сильно любят и свободу, «которым не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждут, ничего не просят».

Но, ничего не прося, они желали бы, чтоб Александр II видел в них представителей

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
свободной русской речи, противников всему останавливающему развитие, во всем
ограничивающем независимость – но не врагов! Они потому этого хотят, что им
стало дорого мнение освободителя крестьян!

«Ты победил, Галилеянин!»

198

ЛАКЕИ И НЕМЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТ

И ты, Саксония? – Sachsen, wo die schöne Mädchen wachsen!

Указом 29 января запрещены в Саксонии «Колокол», «Полярная звезда» и «Голоса из России». В Пруссии давно уже учрежден цензурный кордон против нас. Говорят, что сам принц Липпе-Вальдек-Зондергаузен и Мейнинген хочет взять меры деятельные и энергические, – если это правда, мы пропали!

Все это делается внешними и внутренними немцами, сговорившимися с дворовыми генералами, крепостными министрами и вообще с людьми, на которых шапка горит. Ни печати, ни сбыта русских книг они не останавливают этими мерами, которые нам же служат даровыми рекламами и придают нашим изданиям международную важность. Объяснимся раз навсегда. Дело русской пропаганды для нас не каприз, не развлечение, не кусок хлеба – а дело нашей жизни, наша религия, кусок нашего сердца, наша служба русскому народу.

Мы работали не унывая тогда, когда не было никакого успеха. Неужели теперь, когда русское министерство иностранных дел и немецкие министры дел отечественных признают нашу силу, наше влияние, – мы остановимся?

Будьте уверены, что нет. С рукою на сердце присягаем мы перед лицом России – продолжать работу нашу до последнего биения пульса. Она даже не прервется с нашей смертью. Мы не одни и, умирая, завещаем наш станок грядущему, юному поколению – которое примет за него с новыми силами, с свежими идеями.

Нас остановить можно только уничтожением цензуры в России, а вовсе не введением русской цензуры в немецких краях.

Не надобно думать, чтобы меры эти были взяты только против нас, они столько же и еще больше взяты против государя. Чернильное и казарменное масонство, завоевавшее четырнадцать степеней лестницы, ведущей к дворцовой передней, старается обернуть язык Колокола – немецкими препятствиями, для того чтоб его звон не доходил до Зимнего дворца!

Лестница рассердилась не за наши теории – мы теперь никаких не проповедуем, мы взяли за девиз:

Освобождение крестьян – от помещиков;

Освобождение слова – от цензуры;

Освобождение всех – от побоев.

Неужели это анархия, крамола, грабеж, бунт, пожар, Содом и Гоморра?

Они осерчали за то, что мы начали указывать на лица. Это мешает заговорщикам обманывать государя и обкрадывать народ.

Желая непременно довести до сведения государя об этих мерах, загораживающих от него истину, – мы в первый раз посылаем «Колокол» в запечатанном пакете на его имя и притом в собственные руки.

Дойдет он или нет?.. Пари держать трудно! Под надзором полиции государь или нет? Распечатывают его письма или нет?

Увидим!

200

<A MONSIEUR LE MINISTRE DE L'INTERIEUR A DRESDE>

Monsieur le ministre,

Par une ordonnance du 29 janvier, vous avez interdit la circulation, en Saxe, de nos publications de Londres en langue russe. En notifiant cette ordonnance a la police du royaume, vous dites, pour

motiver cette étrange mesure, que «les écrits périodiques que je publie sont remplis d'accusations calomnieuses et préméditées (böswillige und verläumderische Anschuldigungen) contre le gouvernement russe et la personne de l'empereur».

Que vous fassiez la police russe étant ministre saxon, – c'est tout naturel, vu l'état malheureux dans lequel se trouve l'Allemagne. Mais, tout en remplissant avec zèle les ordres qui viennent de la chancellerie de M. Gortchakoff, vous ne perdriez rien à ne pas répéter des allégations fausses.

J'ai des convictions; probablement elles ne sont pas les vôtres. Je sers mon pays à ma manière, en suppléant par mes publications à l'absence de publicité en Russie. Vous pouvez trouver que c'est un crime; mais vous n'avez pas le droit – sans provoquer une réponse de ma part – de publier que j'imprime des calomnies.

La pureté de mes intentions est très bien connue à Pétersbourg: c'est ce qui fait ma force. Je défie le gouvernement Russo-Saxon de citer une seule calomnie imprimée dans la Cloche, l'Etoile Polaire ou les Voix de la Russie... une seule! En outre je n'ai jamais attaqué l'empereur régnant. Je le plains d'être très mal

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
entouré; mais certainement ce n'est pas moi qui le calomnierais, au moment où il
fait une véritable révolution

201

sociale en émancipant les paysans. Son nom appartient à l'histoire, et il s'y distingue déjà d'une manière bien remarquable de celui de ses collègues. Et sur ce – n'étant nullement rancuneux – je fais des vœux en toute sincérité, pour que vous obteniez, M. le Ministre, la croix de Ste Anne au cou, et veuillez bien recevoir dès à présent mes félicitations anticipées.

Londres, 10 février 1858.

Alexandre H e r z e n.

САКСОНСКОМУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

A Monsieur le Ministre de l'Intérieur à Dresde.

<ПЕРЕВОД С ПИСЬМА158[78]>

Господин министр,

Приказом 29 января вы запретили в Саксонии мои лондонские издания на русском языке. В приказе вашем вы говорите что они содержат «клеветы на правительство и на самое лицо государя».

Что вы, будучи саксонским министром, занимаетесь русской полицией – это естественное последствие того жалкого состояния, в котором находится теперь ваше отечество; но усердно исполняя приказания, которые вам насылают из канцелярии Горчакова, вы ничего не потеряли бы, не повторяя ложных обвинений.

Я имею убеждения, которые, весьма вероятно, с вашими не сходны, я служу моей родине по-своему, восполняя сколько могу недостаток публичности в ней моими изданиями. Вы можете это находить преступным, но вы не имеете права – не вызвав с моей стороны ответа – публиковать, что я печатаю клеветы.

Чистота моих намерений очень хорошо известна в Петербурге – и на ней-то основана моя сила. Я вызываю русско-саксонское правительство указать хоть одну клевету, напечатанную в «Колоколе», «Полярной звезде» или «Русских голосах», – хоть одну! Были ошибки – мы их тотчас указывали сами.

Сверх того – я никогда ничего не говорил против нынешнего императора; я жалел о том, что Александр II так скверно

203

окрыжен; но ни разу не нападал на него. Конечно, не я стану хулить его в то время, как он освобождает крестьян. Его имя уже принадлежит истории – и совершенно иным образом, нежели имена его товарищей по трону.

Затем – не будучи злопамятным – я искренно желаю, чтоб вы получили Анну на шею, и прошу принять вперед мои поздравления с наступающим крестом.

А. Герцен.

ЛОЖНЫЙ ДОНОС НА НАС И БЕЗГРАМОТНЫЙ ЦИРКУЛЯР О НАШИХ КНИГАХ

Третье отделение сообщило Ланскому, что государь, по доведению до его сведения, что в Лондоне изготовляется для пересылки сюда воззвание к крестьянам для возбуждения их к восстанию, приказал «принять все меры, чтобы воззвания эти не проникли в Россию».

Так как донос был ложный и мы вовсе не думали о воззваниях к дикому насилию, зная намерение Александра II, то разумеется, не существовавшие воззвания и не проникнули.

Но министерство внутренних дел сочло нужным издать следующий циркуляр.

Приславший его нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин; мы не думаем – его сочинил кто-нибудь из сторожей министерства, и то в понедельник утром. Вот он:

М. В. Д. Секретно

Департамент полиции

исполнительной.

Отделение II.

Стол 2.

28 октября 1857.

№ 141

Господину начальнику губернии.

Циркуляром 26 декабря 1855 г. за № 267 было мною предложено всем начальникам губерний строго наблюдать за водворением (?!) издаваемых за границу на русском языке разных сочинений и своевременно останавливать этот незаконный промысел.

Между тем сочинения эти продолжают печататься за границей (!!!). Министерству внутренних дел известно, что некоторые из них появляются в России и находятся в обращении между частными лицами.

В отвращение сего, вновь предлагаю вашему превосходительству усилить меры осторожности и

самым тщательным образом следить за появлением всех вообще издаваемых за границу на русском языке предметов книгопечатания (это уже зато не на русском языке), изготовляемых там ныне возмутительных сочинений, имеющих целью

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
поколебать основания гражданского устройства нашего, и в случае открытия сей
контрабанды немедленно оную конфисковать и доставлять в министерство внутренних
дел, адресуя прямо ко мне в собственные руки.

(Подписал) С. Ланской,
Министр внутренних дел.
(Скрепил) С. Жданов, директор.

СОЛИДАРНОСТЬ

«Русский инвалид», говорят здешние журналы, журит Англию за то, что она еще не
изменила тем великим началам, на которых выросла ее сила и слава, и хочет судить
своих и чужих по законам своего Common Law, а не по полицейским инструкциям
шпионов и правительств, ими представляемых.

Что это мнение – правительственное или только инвалидное?

В последнем случае нам до него дела нет, хотя и считаем, что неприлично всякий
раз позорить имя русское, прибавляя его для веса ко всякому топору, ко всякой
гнушной мере; ведь еще не забыли ту страстную нежность, ту трогательную
настойчивость, с которой Николай просил выдачу Кошута и его товарищей из Турции.
Если же это мнение «кабинета-Горчаков», по французскому выражению, то мы не
можем не сказать, что оно не достойно современного состояния дел в России. Да
полноте вам соваться вперед и заявлять ваши сочувствия с всякой дикой властью, с
всяким насилием, с всяким нарушением прав, с всяким кованием в колодки. Дайте
нам отучить западного человека, чтоб онх[т] не произносил рядом со словом Россия
– слово кнут. Где ваш интерес в этом? Неужели в самом деле вы не понимаете, что
государству, едва вступающему теперь в новую эпоху, нельзя делить все пороки
падающих народов?159[79]

Англия дала великий пример государственной нравственности и силы. Англия –
единая страна, где есть справедливость. А вы будете ей там давать советы,
объявлять неудовольствия, вы, не имеющие ни прав, ни законов; вы, которые не
можете дойти до того, чтоб судьи не были воры, чтоб дворяне не брали за свое
знамя – розги, чтоб квартальные не дрались по улицам?

Учитесь лучше у Англии да занимайтесь своим делом!

НЕ СТЫДНО ЛИ?

Петербургские «Полицейские ведомости» извещают о возобновлении полицейского
самоуправства в Петербурге. Случай, ими рассказанный, грустно напоминает нам
черное время прошедшего царствования, которое мы tout de bon160[80] считали
прошедшим. Г-н Мухин за публичное чтение (верно, он читал какому-нибудь приятелю
вслух?) чего-то печатанного за границей (не «Колокола» ли? всё таинственность!)
и притом преступного содержания161[81] сослан под надзор полиции в отдаленную
губернию (в какую? что за секреты! – ведь и Красноярская губерния не близко).
Новость эта очень важна. До нее мы еще не слыхали о политических гонениях
Александра II. Что же, это начало их, что ли? И что за вздор всё вместе! Точно
мы накануне восстания в Петербурге – надобно брать чрезвычайные меры для
спасения отечества, религии, престола. Так-то хотят гласности? И зачем у нас
судебные места, когда опять какая-нибудь канцелярия может ссылать, по доносу
шпиона, за чтение чего-то

207

неназванного; и кто нашел преступным содержание – трактирщик, квартальный,
жандарм, половой, Игнатъев, Долгорукий?

Неужели нам придется раскаяться в том, что мы верили в искреннее желание
государя – начать человеческую эпоху в русском развитии – и поторопились сказать
это?

<ОТПРАВКА ШТИГЛИЦОМ ЗОЛОТА ЗА ГРАНИЦУ>

Правда ли, что во время последнего денежного кризиса Штиглиц отправлял на
пароходах большие суммы золотом за границу? Откуда он его брал в то время, как
золота из разменных касс никому не выдавали? Промен был 70–80 на полуимпериал.
Если Штиглиц должен был платить проценты по государственному долгу, то чего Брок
секретничает? Если это пошло на уплату страшных сумм, издержанных за границей
царской фамилией, мы понимаем, что в таком случае стыдно признаться; да ведь
стыдно тогда и экономничать в курсах. За что же купцы, наивно веровавшие в
русские ассигнации, должны были поплатиться за свое суеверие?

Ох, пора Брока послать, ну хоть послом к его величеству с мягким мозгом в
Потсдам или к прежнему австрийскому императору совсем без мозгу. Тут же и
Карльсбад недалеко, пищеварение свое можно поправить да и русские финансы тоже.

208

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Мы только потому не говорим в «Полярной звезде» о великом почине императора
Александра II, что так много и так радостно говорили об этом в «Колоколе».
Не надобно забывать, что «Колокол» составляет именно прибавочные листы к
«Полярной звезде».

Да, наши пророчества сбылись, Россия двинулась вперед, и мы ждем с нетерпением того времени, когда Полярная звезда потонет при полном дневном свете и Колокол не будет слышен при громком говоре свободной русской речи дома.

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE?

Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 janvier

Путней, близ Лондона, 1 марта 1858.

Nous avons fait encore un pas en avant: les vieux vers la tombe, les jeunes vers la virilité.

Encore une fois le vieux monde a été ébranlé d'une extrémité à l'autre; de nouvelles fissures se sont ouvertes; l'édifice séculaire a encore une fois craqué et s'est de nouveau et de plus en plus affaissé, et tout cela parce qu'un enthousiasme, voyant le malheur de son pays, s'est avisé de jeter sous la voiture de l'homme qu'il en croyait coupable, une bombe fulminante qui ne l'a pas atteint.

A l'Angleterre elle-même le pied a glissé; mais, heureusement, elle s'est redressée aussitôt.

Maintenant les journaux absolutistes ne parlent que d'une alliance ultra-monarchique contre l'Angleterre, – chose extrêmement naturelle et que l'on devait prévoir. On est allé jusqu'à présumer que dans cette conspiration despotique la Russie figurera à côté de la France. Nous ne le croyons pas, mais si cela était, ce serait une absurdité historique, qui, à elle seule, suffirait à montrer dans toute son étendue l'incapacité flagrante du gouvernement tel qu'il est aujourd'hui constitué en Russie.

Cette ligue contre l'Angleterre, qui est une nécessité de position, une conséquence logique pour les autres gouvernements du Continent, serait une faute pour la Russie. La Russie a été détournée de sa voie et traînée à la remorque par la réaction européenne; cela est vrai; mais la corde s'est brisée, et la Russie reprend maintenant son cours naturel.

210

Avant la guerre de Crimée, il y a quatre ans, nous disions:

«Le despotisme n'est pas du tout conservateur. Il ne l'est pas même en Russie.

Le despotisme c'est ce qu'il y a de plus corrosif, de plus délétère, de plus dissolvant. Quelquefois les peuples jeunes, cherchant à s'organiser, commencent par le despotisme, le traversent, s'en servent comme d'une dure éducation; mais plus souvent se sont les peuples retombés en enfance qui succombent sous le joug du despotisme.

Le despotisme militaire, algérien ou caucasien, bonapartiste ou cosaque, une fois maître de l'Europe, sera nécessairement entraîné à une lutte acharnée contre la vieille société; il ne pourra laisser exister les institutions libres, les droits indépendants, la civilisation habituée à la parole, la science habituée à l'analyse, l'industrie s'élevant en puissance.

Le despotisme, c'est la barbarie, c'est l'enterrement d'une civilisation décrépite, et quelquefois l'étable dans laquelle naît le Sauveur.

Le monde européen, tel qu'il est, a fini sa tâche; mais il nous semble qu'il pourrait finir plus honorablement sa carrière – passer à une autre forme d'existence non sans secousses, mais sans

abaissement, sans dégradation. Les conservateurs, comme tous les avarés, ont eu surtout peur de l'héritier; eh bien! le vieillard sera étranglé nuitamment par des voleurs et des brigands.

Après avoir bombardé Paris, déporté, emprisonné les ouvriers – on pensa que le danger était passé. Mais la mort est un Protée. On la chasse comme ange de l'avenir – elle revient comme spectre du passé, – on la chasse comme République démocratique et sociale, elle revient comme Nicolas, tzar de toutes les Russies, ou comme Napoléon, tzar de France.

L'un ou l'autre – ou les deux ensemble – achèveront la lutte.

Pour lutter il faut que son adversaire ne soit pas encore terrassé. Où est donc le dernier champ clos, le dernier retranchement où la civilisation peut livrer une bataille, se défendre, au moins, contre les despotes?

A Paris? – Non.

Paris, comme Charles-Quint, a abdiqué de son vivant sa couronne révolutionnaire – un peu de gloire militaire et beaucoup de police suffiront pour maintenir l'ordre à Paris.

211

Le champ-clos est à Londres.

Tant que l'Angleterre, libre et fière de ses droits, existe, – rien n'est fait définitivement pour la cause de la barbarie.

Depuis le Dix Décembre 1848, la Russie et l'Autriche n'ont plus de haine contre Paris. Paris a perdu son prestige pour les rois, ils ne le craignent plus. Toute

leur haine s'est portée contre l'Angleterre. Ils l'abhorrent, ils la détestent, ils voudraient la piller!

Il y a en Europe des pays réactionnaires, mais non des pays conservateurs. L'Angleterre seule est conservatrice, et le pourquoi est tout clair: elle a quelque chose à conserver – la liberté individuelle.

Mais ce seul mot résume tout ce qui est poursuivi, haï par les Bonaparte et les Nicolas.

Et vous pensez qu'ils laisseront, eux vainqueurs, à douze heures de distance de Paris esclave, – Londres libre, Londres, foyer de la propagande et port ouvert à tout ce qui fuira les villes désertes et incendiées du Continent? Car tout ce qui doit être sauvé et peut l'être, au milieu de l'orgie de la destruction – sciences et arts, industrie et culture – tout cela sera nécessairement poussé en Angleterre.

Cela suffit pour une guerre.

Enfin le rêve du premier barbare moderne, de Napoléon le Grand, se réalisera.

Quel plus grand malheur peut attendre l'Angleterre qu'une Europe révolutionnaire, que du despotisme européen? Les peuples ont assez à faire chez eux pour ne pas penser à des invasions.

Ce n'est ni l'égoïsme, ni la cupidité qui empêchent les Anglais de voir cela clairement. Disons le franchement, c'est leur ignorance et la maudite routine des affaires qui rend ces hommes incapables de comprendre qu'on doit quelquefois marcher – non par des chemins battus, mais en se frayant une nouvelle route.

Eh bien! ceux qui ont des yeux et ne veulent pas les ouvrir, ceux-là sont dévoués aux dieux infernaux. Comment les sauver?»162[82]

212

Depuis cette époque une révolution s'est opérée en Russie. Le Général Février – devenu traître, comme le disait le Punch – a lancé, avec plus de succès qu'Orsini, sa bombe d'Eupatoria, et, par un «heureux hasard», la couronne impériale est tombée sur la tête d'un monarque qui a compris qu'il était au bord d'un gouffre, vers lequel Nicolas avait attiré un peuple jeune et robuste, – gouffre d'abus, de vol, de désordre, d'arbitraire, où était menacée de se disloquer la machine immense de l'empire russe.

Alexandre II a vu qu'il n'y avait de salut que dans un grand travail intérieur, travail de développement, de réforme, qu'il a osé entamer.

Dans cette situation quel intérêt peut-il avoir à soutenir le despotisme continental contre la liberté insulaire?

Il est très concevable que le souverain d'une agglomération mécanique et forcée de parties hétérogènes, s'allie à Bonaparte, pour écraser de concert les derniers vestiges de toute indépendance. Si François Joseph ne le fait pas, c'est qu'il se méfie de Louis Napoléon à l'endroit de la question italienne. Cette politique, de la part de tous les monarques européens, est concevable; quoique, à vrai dire, ce complot de police œcuménique, vu l'état de parfaite prostration des peuples, ne soit qu'une affaire de luxe. Mais ils sont liés au sabot qu'ils ont mis à la grande roue de l'histoire, et ils ne peuvent s'en débarasser.

La Russie, elle, n'a absolument rien à faire dans tout cela; la seule chance qu'elle y puisse courir, c'est de se heurter contre la borne et de se voir arrêtée dans sa nouvelle marche. Ce n'est pas par le mutisme, l'inquisition, les déportations et le knout que les réformes peuvent s'accomplir.

La Russie est dans une position toute exceptionnelle. Elle n'appartient pas à l'Europe. Elle n'appartient pas à l'Asie. Un changement de dynastie en Chine n'implique pas une intervention de sa part. La chute de Bonaparte et l'avènement au trône de France de Baroche ou de Pélissier, ne pourrait ni affaiblir ni raffermir la puissance du tzar. La Russie, en un mot, forme à elle seule une nouvelle partie du monde, qui se développe à sa manière, s'assimilant la civilisation occidentale par la couche supérieure, et restant parfaitement nationale à la base.

213

La tâche de Pierre I et de Catherine II est accomplie. Ils sacri-èrent tout, et en première ligne le bonheur du peuple, pour fonder l'Empire russe, pour organiser l'Etat fort, et pour en faire un Etat européen. Toujours ils s'efforcèrent de mêler la Russie aux questions de politique intérieure des Etats européens, et d'élargir l'influence diplomatique du nouvel empire. Il y entraît, outre la convoitise, un peu de l'amour-propre des parvenus, et c'était avec ostentation qu'ils voulaient prendre part aux affaires des vieux aristocrates du

Et pourtant, malgré tout, l'empire moderne, commençant par la négation de sa propre tradition, était une création du XVIIIème siècle. On y sentait le souffle de la révolution passant au-dessus d'une nation écrasée et somnolente.

La solidarité d'un crime lia bientôt de plus en plus le gouvernement russe au despotisme le plus vieux en Europe, et au plus jeune de tous, – à l'Autriche et à la Prusse. Après le partage de la Pologne et les nouvelles «horribles» de la France révolutionnaire, Catherine II jeta franchement le masque du libéralisme et apparut enfin ce qu'elle était effectivement, une vieille Messaline sans cœur, une Lucrece Borgia, – avec la lympe allemande dans les veines.

Son fils, moins astucieux, reprit avec un mesquin pédantisme de caporal le rêve de sa mère et se crut le protecteur des monarques. Paul I donna le spectacle hideux et ridicule d'un Don Quichotte couronné, opprimant tout, knoutant tout, avec rage, avec fureur. Il n'était pas même supportable pour les ci-devant mignons de Catherine.

Mais ce qui est assurément très remarquable, c'est que Catherine II et son fils n'eurent absolument rien de russe, rien de national. Le patriotisme frelaté de Catherine ne fut qu'une des armes dont elle se servit pour tuer le bon Holstinois, son mari. L'éducation cellulaire qu'elle donna à son fils-rival, à son fils – ennemi naturel de la mère, qui lui avait volé la couronne, en fit un Caspar-Hauser du palais impérial. C'était un produit artificiel et morbide des sérails d'hommes et des salles d'exercice. Pas un trait naturel de caractère russe dans ce Grand-maître de l'Ordre de Malte.

Alexandre I, appelé à une grande lutte qui causa le réveil

214

du peuple et commença une nouvelle époque, ne pouvait pas, et, ajoutons-le, ne voulait pas continuer le rôle de son père. Il était réservé à Nicolas de reprendre frénétiquement ce rôle. Chevalier de la triste figure, lui aussi, il lutta trente ans avec un fantôme; mais malheureusement ses coups portaient sur la poitrine réelle de ses sujets. Nicolas s'occupa, jour et nuit, pendant plus d'un quart de siècle, à punir l'insurrection de 1825 et le soulèvement de la Pologne de 1831. Sa manie, sa folie de réaction, alla jusqu'à mettre, au mépris des traités, et comptant sur l'humilité de l'Europe entière, la main sur des cités libres, et à les offrir ensuite comme pourboire à l'Autriche. Pour soutenir le principe de l'autocratie du plus proche ennemi de la Russie, il fit une guerre mortelle à un peuple ami, et lui-même dit ensuite à Olmütz, en montrant la statue de Jean Sobieski: «Nous sommes, lui et moi, les deux Slaves les plus fous: nous avons sauvé l'Autriche!»

Pendant les trente ans que dura ce règne néfaste, la Russie n'exista pour les autres peuples que comme une brosse de baïonnettes qui se hérissait au moindre souffle de liberté, au moindre cri d'indépendance. Les deux cent mille baïonnettes prêtes à passer la frontière pour la sainte cause de l'ordre et de la police – comme les célèbres deux cent mille ouvriers de Paris qu'on faisait prendre part à chaque démonstration – étaient dans la bouche de tous les réactionnaires; et dès qu'un micro-prince allemand était mécontent de ses deux ou trois braves bourgeois, il faisait dire par son premier ministre à ces pauvres diables de Schultze et de Müller, que les deux cent mille baïonnettes russes s'avançaient vers la frontière. Et derrière les baïonnettes on voyait la figure sombre, boutonnée, de Nicolas, avec ses énormes bottes et son regard fauve, que le négrier Douglas a trouvé si doux.

Par ce chemin Nicolas est arrivé non seulement à faire haïr et détester le nom russe, mais encore à désorganiser complètement la Russie, à la réduire à cet état déplorable que nous avons très bien constaté pendant la guerre de Crimée. Tous les vrais Russes bénissent la paix de Paris. Cette guerre et cette paix ont humilié la fiction impériale. L'hyperbole s'est dissoute en fumée, et la triste vérité a commencé à paraître s'élevant comme un reproche des ruines de Sébastopol.

215

Dès lors le paysan de la Mer Blanche sut, aussi bien que le Cosaque de la Mer Noire, que la Russie ne manquait ni de courage, ni de dévouement, ni de moyens, mais qu'on avait été battu parce que l'âme, l'organisation, le centre intelligent, l'ordre manquait. Oui, en tout opposé au citoyen Marc Caussidière, Nicolas avait fait du désordre avec l'ordre. Il s'en aperçut trop tard et en mourut de honte.

Il n'y avait que deux voies pour son fils.

Il pouvait devenir un persécuteur implacable, refouler encore plus la pensée et la parole, punir les larmes, arracher le dernier jeune homme à sa famille et l'envoyer se faire tuer, frapper de nouveaux coups sur le dos sanglant de son

peuple, jeter des générations entières en Sibérie, et maintenir ainsi pendant quelque temps une tranquillité de tetanus, qui se terminerait par une explosion telle, que l'Empire éclaterait au milieu du cœur d'une Jacquerie universelle. Il ne l'a pas voulu.

Dès lors, la seconde route était toute tracée, – route de développement, des réformes, d'émancipation; aussi le progrès qu'a fait la Russie dans les trois années du règne d'Alexandre II est-il immense. Tout commence à se mouvoir; les muscles, raidis par la camisole de force, s'étendent. Les questions de la plus grande vitalité se posent. La Russie entre avec tranquillité dans une révolution économique.

Et l'on vient, au milieu de tout cela, nous parler d'une alliance française, au nom du despotisme s'acharnant contre le seul refuge de l'indépendance, de la liberté!.. mais cela n'a pas le sens commun.

Tout ce que vous voudrez, Sire, mais pas d'alliance avec Bonaparte.

Je n'ai pas la moindre intention de faire une attaque personnelle contre l'empereur des Français, – loin de là: je l'envisage lui-même comme un instrument fatal; je vois sur son front une marque tragique, un signe noir à travers les rayons rouges de sang de la gloire de son oncle.

Il est l' élu de la Mort, – son représentant.

Les Bonapartes – comme les Césars – ne sont pas des causes, mais des effets, des symptômes. Ce sont les tubercules sur les poumons d'une Rome lorsqu'elle a fait son temps. C'est

216

une maladie de caducité, de marasme; c'est la force de la crispation, l'énergie insensée de la fièvre.

Le Bonapartisme ne procède que par la mort. Sa gloire est toute de sang, toute de cadavre. Il n'a pas de force créatrice, pas d'activité productive; il est éminemment stérile: tout ce qu'il a produit n'est qu'illusion, rêve: cela paraît, cela n'est pas; ce sont des fantômes, des spectres: empires, royaumes, dynasties, ducs, princes, maréchaux, frontières, alliances... Attendez un quart d'heure: tout cela n'existe pas; ce sont des contours de nuages. Ce qui est réel, c'est la terre d'Espagne engraisée par les cadavres français; ce sont les sables de l'Egypte parsemés d'ossements français; ce sont les neiges de la Russie rougies par le sang français.

Le Bonapartisme, remarquez-le bien, n'a, comme le délire, ni but, ni principe; c'est une contradiction, un bal masqué. Quand il chante, il chante un non-sens: «Partant pour la Syrie!»

Que voulait Napoléon? – Questionné par le naïf Las-Casse, il n'a jamais pu formuler une réponse plausible. – A quoi bon la campagne d'Egypte? – L'Orient, c'est un beau piédestal, un fond de tableau magnifique, – Et la guerre atroce d'Espagne? – Ah! c'est que l'Empire – c'est la révolution couronnée; c'est l'affranchissement des peuples. – Ecoutez le poète du Bonapartisme:

Les nations, reines par nos conquêtes, Ceignaient de fleurs le front de nos soldats.

Ceux qui s'évertuent à expliquer d'une manière raisonnable les orgies d'assassinat qui firent la gloire de la France au temps de l'Empire, ne trouvent rien de mieux que de dire que Napoléon faisait la guerre pour occuper les esprits en France. Y a-t-il quelque chose de plus cyniquement immoral, de plus monstrueux que cette explication? Tuer des hommes pour distraire les autres; anéantir des

générations pour substituer, chez celles qui restent, aux idées du progrès social – des hallucinations de gloire sanguinaire, l'apothéose du carnage, et l'amour illimité – de la légion d'honneur?

Oui, c'est le despotisme de la fin, de l'index. Métastase de la Révolution, il n'est que destructeur; tuant ensemble et la Révolution et la tradition; 89 par l'église, et l'église par 89;

217

tuant enfin le suffrage universel par l' élu. Il inocule la mort. Il a failli perdre l'Angleterre par son attouchement: il n'y a pas de santé qui tienne contre une goutte de sang malade.

Prenez garde à vous, Sire, et ne mettez pas, par dépit et rancune contre un récent ennemi, la Russie – cette jeune et robuste paysanne – dans le lit d'un vieillard usé. Le David gaulois peut mourir sans elle.

Entre les deux alliances, l'alliance anglaise et l'alliance française, il n'y a, raisonnablement, pas à hésiter pour la Russie.

L'état dans lequel se trouve l'Occident n'a jamais été plus simple. Cette simplicité même est un signe alarmant. Tout ce qui est plein de nerfs, de sève, de vie, de force, est très compliqué, très embrouillé; c'est ce que nous pouvons

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
voir en examinant le pays le plus vivant, le plus vivace de l'Europe,
l'Angleterre.

L'alternative de ces deux alliances est donc d'une clarté extraordinaire.
L'alliance française – c'est la ligue du despotisme contre l'Angleterre; c'est
la guerre, le retour à la barbarie, le coup de grâce donné à l'Europe. Quel
avertissement sinistre que la haine implacable, stupide, et heureusement
impuissante, de Napoléon I pour l'Angleterre – c'est un des plus beaux titres de
la fière Albion. L'instinct astucieux du grand condottiere lui disait bien que
rien n'est stable pour le Césarisme tant que l'Angleterre existe indépendante de
la France. Et c'est à cette œuvre de dissolution sociale dans la servitude, que
la Russie, à peine éveillée à une nouvelle existence, irait prêter le secours de
son bras. Elle couperait court aux réformes, remettrait les chaînes aux paysans,
écraserait les germes qui palpitent, ferait de ses champs un caravansérail de
hordes disciplinées pour la destruction, et tout cela pour se ruer sur l'Europe,
s'unir à d'autres hordes carnassières, et, tous ensemble, Kalmouks et Zouaves,
se précipiter sur l'Angleterre, au cri de «Mort à la liberté!»

L'alliance avec l'Angleterre, au contraire, n'est point une ligue contre la
France. L'Angleterre n'attaque pas. Elle n'a plus cet héroïsme des chasseurs
bibliques, des bandits du moyen-âge, des reîtres et lansquenets de tous les
temps. L'Angleterre

aime la paix, parce que la paix c'est le grand loisir du travail. S'allier avec
l'Angleterre, c'est donner à entendre que la Russie n'a rien à craindre de la
liberté, qu'elle n'est solidaire de rien sur le continent. C'est arriver enfin à
reconnaître, de part et d'autre, que les deux pays n'ont rien à se disputer et
peuvent immensément s'entr'aider. N'est-il donc pas temps d'anéantir ce spectre
illusoire d'une rivalité, qui n'a d'autre base que l'ignorance de la géographie?
Peut-on, après la campagne de Crimée, sérieusement croire que la Russie ira
entreprendre de vaincre des difficultés presque insurmontables pour pénétrer aux
Indes; et, après la promenade Baltique, peut-on penser que l'Angleterre
entretiendra des flottes exclusivement pour empêcher la civilisation américaine
d'entrer en Sibérie, par la seule voie possible – l'Amour? – Mais ouvrez donc
une carte.

Et ce n'est pas tout. L'Angleterre est l'unique, la seule école qui nous
convienne. Grand peuple, avec une petite armée et de vastes conquêtes, elle nous
déshabitue des uniformes, des parades, de la police, de l'arbitraire. Pays
sans centralisation, sans bureaucratie, sans préfets, sans gendarmes, sans
restriction de la presse, sans entraves au droit de réunion, sans révolutions,
sans réaction: tout le contraire de la Russie et de la France. Et quel rôle que
le sien! Après la chute et la décadence du Continent, seule, debout, la tête
haute, tranquille, pleine de sécurité, elle regarde, du milieu des vagues, le
sabbat hideux, la danse macabre de la mort et des commissaires de police.
Oui, c'est encore, comme le dit le vieux Gaunt, «le diamant enchâssé dans
l'argent de la mer». Il commençait un peu à perdre de son eau, de son éclat;
mais on était tellement habitué au teint noirci par les siècles, de tout ce qui
est anglais, que la rouille du moyen-âge, semblable à la mousse qui couvre la
bouteille, ne parlait pas seulement de la vieillesse, mais aussi de la force.
Il fallait cependant avoir eu un moment de terrible vertige pour se laisser
entraîner par de piètres faiseurs de coups d'Etat à la Française, par de mauvais
copistes de grands criminels, vers l'outrage fait à ses droits les plus
précieux.

Je ne suis nullement anglomane. Je suis tout simplement un Russe qui a abandonné
sa patrie pour la liberté. Habitué

219

aux voyages, je ne tiens nullement au degré de latitude ou de longitude. Ne
prenant part à aucune conspiration, je n'étais en aucune façon menacé par la loi
sur le meurtre... des libertés anglaises. Et quand-même... j'aurais pris ma
presse sous le bras et me serais embarqué pour New York. Mais, je l'avoue, après
la première lecture de la loi sur la suspension de l'inviolabilité personnelle
en Angleterre, mon cœur se serra. Je fus terrifié, abasourdi. C'est alors que je
compris que j'aimais l'Angleterre!

Mais, pensais-je, sont-ils donc fous? Est-ce qu'ils ne savent pas ce qu'ils
votent? Comment, il suffira de deux espions, de deux parjures de profession,
pour donner à la police le droit de fouiller la maison d'un Anglais, ce
sanctuaire, ce «non me tangere», cette forteresse, pour le salut de laquelle le
pays a souffert joueurs, banqueroutiers, prostituées, voleurs..., que sais-je
encore. Et maintenant on ouvre une porte basse pour des mouchards!

Lé jury acquittera... c'est possible; mais les papiers fouillés, les secrets de
famille salis par la main des espions, et, par dessus le marché, la prison

préventive! Cette loi, à elle seule, était un coup d'Etat, un 2 Décembre masqué, un suicide, un parricide véritable. Pour punir l'intention d'un meurtre, on donnait par derrière un coup de couteau à la Common law.

Quels jours de malheurs avons-nous donc à voir encore? et quelle triste existence que de passer ainsi d'un enterrement à un autre. Le deuil pour la France – comme les souliers de la mère d'Hamlet – n'était pas encore usé, et déjà on flairait l'encens funéraire d'un autre côté, et on semblait entendre les sons lugubres du Requiem:

Dies irae, dies illa,
et, Juif errant, je me préparais à partir.

Mais l'Angleterre se releva. Elle rejeta non seulement la loi, mais les conspirateurs. Et ce ne fut pas le Parlement seul qui se souleva. Dans les plus grandes cités et dans les moindres carrefours, sur les places publiques et près de l'âtre de la famille, un cri d'indignation se fit entendre, traversant l'île d'un bout à l'autre; et un cri d'horreur vint le corroborer lorsque les Anglais virent la terre libre de leur patrie couverte d'une vermine

220

d'espions à moustaches, figures patibulaires des prostitués de l'ordre continental.

L'exaspération était telle que, dans les rues, les gamins poursuivaient tous les étrangers du cri de «French spy!» et cela avec accompagnement de grognements et quelquefois de boue. Ils me l'ont crié, à moi. – Et comme, au fond du cœur, je les en ai remerciés!

Un peuple qui sait haïr la police politique – est libre à perpétuité. Ce n'est pas en vain que la reine Elisabeth nommait l'Angleterre Common wealth!

II

La Révolution est française. Le Socialisme – son dernier mot et son idéal – a été élaboré par les penseurs français, au milieu des souffrances du prolétariat français.

Je ne veux pas dire que les prolétaires des autres pays aient moins souffert ou que des penseurs d'autres nations n'aient eu des idées de régénération sociale très prononcées. – Robert Owen est

Anglais. Mais c'est en France que le prolétaire a non seulement souffert, mais en a eu conscience et a compris que cela n'était pas seulement un grand malheur, mais aussi une grande iniquité. C'est en France que le Socialisme, de passion qu'il était du temps de Gracchus Babœuf, se fit religion avec St. Simon, doctrine avec Fourier, philosophie avec Proudhon.

Y a-t-il là une raison suffisante pour conclure que la régénération sociale, annoncée en France, se réalisera aussi en France? – Nous ne le pensons pas.

Mais, nous nous hâtons de le dire, si cela n'est pas logiquement nécessaire, cela peut être. Cela dépend, en première ligne, de la manière dont la France sortira de la crise présente et de sa prostration actuelle.

Elle en sortira peut-être comme un phénix glorieux, transfigurée, rajeunie, et entraînant les vieillards du monde Romain à une troisième existence; ou, c'est aussi possible – ne trouvant plus de forces régénératrices, elle fera de son programme un testament qu'elle laissera, comme sa dernière volonté de grand peuple, aux autres races, aux autres pays. Ainsi Jérusalem léguait l'Évangile au monde, ne se réservant que l'espérance éternelle de rebâtir demain le temple de Salomon!

221

Cette question est très grave, très difficile. Mais le doute est déjà un grand pas en avant, et l'affranchissement de la foi aveugle dans l'avenir révolutionnaire de la France pourrait bien être le véritable commencement de cet avenir.

Nous n'avons pas à cette question de réponse toute faite. Nous ne tirons pas d'horoscopes. L'avenir est variable. La seule chose raisonnable que nous puissions faire, c'est de constater les conditions dans lesquelles une régénération sociale est possible pour une nation, et les crises, les catastrophes, les phases par lesquelles elle doit passer.

Or, une grande autorité dans les palingénésies sociales a dit: «Il faut mourir dans le vieil Adam, pour renaître dans le nouveau; s'est par la fosse qu'on va à la résurrection: le baptême par l'eau (le changement d'étiquette – Monarchie, République) ne suffit pas».

A côté de ces paroles, il y a un exemple. C'est la Rome des Césars passant par la mort pour devenir la Rome des Papes.

Rome faisait beaucoup de révolutions; elle changeait souvent de peau; mais avec Marius et Sylla, avec le Sénat et Jules César, avec Néron et Marc-Aurèle, elle restait la Rome antique. Devant le Christianisme le vieil édifice dut s'écrouler

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
pour être rebâti. Il n'en resta pas pierre sur pierre. Tout passa par la mort,
et en sortit transfiguré.

Au lieu des arcs de triomphe, attendant avec leur «Ave, César» les légions victorieuses... des processions de moines allant s'agenouiller devant un gibet romain. Au lieu de l'aigle carnassier des Césars... l'Esprit saint sous la forme d'une colombe.

Lorsque Rome fut mûre pour la tombe, un homme vint qui, possédant toute la culture antique, dit à ses concitoyens, à ces orgueilleux Cives Romani, qui ne s'estimaient qu'à cause de ce titre: «Allez... vos vertus sont, pour nous, des vices brillants. Notre sagesse est folie pour vous». Et il ne fut pas lapidé. Au contraire, on l'écouta avec stupeur et tristesse.

Dès lors il n'y avait plus d'accommodement possible. Il fallait exterminer les Chrétiens ou ensevelir la vieille Rome. Il n'y avait pas de mezzo termine. St. Augustin ou Julien l'Apostat devait seul rester vainqueur.

La lutte dura des siècles. Siècles de misères et de souffrances

222

sans bornes. Pendant ce temps le grand travail se faisait. Tandis que l'Empire, avili, en démece, rongé par la pourriture au centre, meurtri, roué de coups aux frontières, tombait en lambeaux – le prêtre, le moine, tranquilles, n'ayant rien à perdre, rien à enterrer, émancipés du culte traditionnel, continuaient leur propagande.

Si on ouvre les écrits des premiers pères de l'Eglise, on est tout étonné de trouver entre les vieux et les nouveaux Romains une différence complète. Pas de trace, chez ces derniers, de ce chauvinisme qui rendait les citoyens de la ville éternelle si insolents envers les autres peuples; pas de trace de cette jactance frivole qui portait les Romains à s'admirer comme le grand peuple de l'antiquité; pas de trace de ce patriotisme avide et exclusif qui poussait les Romains à applaudir avec frénésie à chaque victoire et à tout pardonner aux Césars, pourvu qu'il y eût un peuple sanglant et égorgé à genoux devant les légions invincibles.

Vae victis! Tout abandonne la cité impériale, la vieille Rome décrépète et passe à l'ennemi. La pensée sérieuse, le génie poétique, le talent fougueux et entraînant, tout se livre aux évêques et aux prêtres – ces anarchistes des premiers siècles. Rome n'a plus de grands auteurs; elle n'a que des stylistes. La rhétorique emporte le fond. Les gens, n'ayant rien à dire, ne font que parler. Pour cacher l'absence de l'initiative, la pauvreté de la pensée, ils remplissent de fioritures l'immense vide qui pèse sur eux, comme un reproche, comme un remords. C'est au point que si le semi-laïque Apollonius Sidonius nous intéresse encore, c'est uniquement parce qu'il a décrit les mœurs de son temps, et que nous pouvons suivre, avec une excitation toute nerveuse, dans ses récits, les progrès de la mort, les convulsions d'une civilisation qui agonise.

Lorsqu'un peuple vise, dans ses paroles, à l'effet, parle par des phrases faites et avec un étalage intempérant de grands mots, qui vous laissent froid comme glace, il est en pleine décadence, en plein Bas-Empire.

Les peuples de l'Orient qui, sans doute, peuvent aussi avoir, un jour, leur régénération, ne parlent, dans le lourd sommeil de leur enfance sénile, que par des exagérations, et en remplaçant le sens par l'expression et le sujet par des adjectifs...

Le Socialisme n'exige pas moins, d'une nation chrétienne, que le Christianisme n'exigeait de la Rome polythéiste. Il ne demande pas moins, au soldat, au bourgeois, au citoyen, que ne demandait l'homme sans pays, sans origine, humble et pauvre, prêtre vagabond et mendiant, au patricien conservateur – si orgueilleux avec ses clients et si servile avec l'empereur – esprit fort en laticlave, qui baisait pieusement l'anneau portant l'effigie de César-Dieu. La question que nous avons posée n'est pas de savoir – si la vieille France a fait son temps. Cela est hors de doute. La question se pose plutôt dans les limites où Hamlet renfermait la sienne. Ce qui l'intéressait, ce n'était pas la mort, mais le rêve qui viendra après la mort.

Au point où en sont les choses, nous pouvons encore admettre le beau rêve de la transfiguration sociale. Mais le sommeil lourd du dépérissement devient de jour en jour plus probable; et, dans ce cas, la France entrerait insensiblement, peu à peu, sans secousse, et tout en gardant les formes extérieures de la vie et de la civilisation, dans l'ennuyeux semper idem de la vieillesse – vieillesse corrompue et servile, comme celle de Byzance, ou sèche, raide, grave, imposante par la forme et stationnaire par le fond, comme celle de l'Espagne.

Ce n'est pas exclusivement l'état actuel de la France qui rend possible cette hypothèse. Nous l'avons dit, Bonaparte est un effet et non une cause. C'est le

châtiment si l'on veut, mais la faute est ailleurs.

L'Empire ne durerait pas deux jours s'il ne trouvait un point d'appui quelconque dans le caractère français. Il correspond nécessairement à des éléments parfaitement nationaux. On dira tout ce qu'on voudra; l'élection du 10 décembre 1848 fut libre et populaire.

La France est belliqueuse, militaire. Elle aime l'étalage de la puissance, les mesures extraordinaires qui immolent l'individu à l'Etat, l'homme à l'idée.

C'est plus qu'il n'en faut pour le Césarisme. Peut-on, au contraire, imaginer, par exemple, une Angleterre bonapartiste?

On dit pourtant que depuis quelque temps un grand changement s'est opéré dans l'esprit populaire en France. La docilité

224

passive indique en effet un travail intérieur; mais nous avons peu de faits pour déterminer ce changement.

Il y a cependant un moyen très simple d'apprécier le lot de Dieu et le lot de César en France; le voici. Le régime abrutissant de l'impérialisme est détesté; car la France n'aime que la poésie du bonapartisme et non sa prose. Après tout, il n'y a pas de pays au monde qui courbe la tête sous le joug par amour pour la tyrannie. Toute la différence consiste en ceci, qu'un peuple souffre l'esclavage, pour un plat de lentilles ou pour autre chose, tandis que tel autre peuple ne s'en accommoderait pour rien au monde. Or, il y a une minorité de républicains, de socialistes qui protestent avec énergie contre l'oppression sous laquelle la France est écrasée. Cette minorité doit nécessairement être contre tout ce qui peut corroborer la puissance de Bonaparte et des janissaires qui le soutiennent. C'est évident.

Il y a quelques jours tout le monde a entrevu la possibilité d'une guerre entre la France et l'Angleterre.

L'Angleterre maintenant avec fermeté sa liberté et le droit d'asile; «The Empire espionage»¹⁶³[83] du Times ne peut tolérer près de la France un reproche si vivant et si accablant; et, dès qu'il se sentira assez fort, Bonaparte fera la guerre à l'Angleterre. Chacun à sa place en ferait autant.

Je voudrais savoir, maintenant, quelle partie de la minorité française fera des vœux pour le succès des hordes zouaves en Angleterre et quelle autre regardera avec horreur cet attentat contre la liberté menacée de mort dans le dernier coin de l'Europe, et applaudira aux waterloo futurs? Remarquez qu'il ne s'agit que de la minorité: quant à la majorité, on peut être sûr qu'elle verra avec enthousiasme l'humiliation de la fière Albion.

Eh bien, les hommes qui préfèrent la gloire militaire de leur patrie à la liberté, n'aiment pas la liberté. Ce sont des Romains de l'ancienne Rome, des braves de la grande armée; se sont les derniers Abencérages, les derniers Mohicans... tout ce que l'on voudra; mais ce ne sont pas les hommes du nouveau monde.

On peut appliquer successivement cette épreuve à des séries de questions dumême genre. Le résultat sera presque toujours le même.

225

La peau du vieil Adam tient d'autant plus fort qu'il ne s'en aperçoit pas. Le Français, convaincu qu'il est révolutionnaire et qu'il marche à l'avant-garde de l'humanité, n'a pas de préoccupations. Il est content de lui-même, et s'il a perdu son chemin et revient sur ses pas, il ne s'en rend pas compte. C'est justement ce qui nous fait penser que les Français devraient entreprendre un grand travail de remue-ménage intérieur, d'analyse psychiatrique. Cela leur serait si facile, ayant parmi eux de graves penseurs qui regardent, pleins d'amertume, tout ce qui se passe. Mais on ne les écoute pas. Ils sont trop peu patriotes, trop peu dans la tradition révolutionnaire, trop indépendants d'elle. C'est là qu'est le mal: car c'est peu de renier la France monarchique et féodale; elle n'existe presque pas. Il faut s'émanciper de la France de Béranger. C'est peu de ne pas sympathiser avec la St. Barthélémy, il faut aussi ne pas sympathiser avec les journées de Septembre. C'est peu de ne pas vouloir se venger de Waterloo, il faut ne plus se complaire dans le souvenir d'Austerlitz.

Heureusement, plus que pour tout autre peuple vieux dans l'histoire, il est facile pour la France d'entrer dans une autre phase, et c'est un immense avantage qu'elle a. L'Angleterre, par exemple, comme les énormes châtaigniers de ses parcs, tient à son sol par des racines qui vont se ramifier et se perdre dans les profondeurs de la terre. Par un travail séculaire, elle a accumulé des richesses

immenses; l'alliage n'est pas séparé de l'or, et elle tremble de les séparer, craignant que le métal ne lui échappe. La France, au contraire, n'a rien de

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
définitivement acquis. Elle n'a fait que secouer d'une main vigoureuse la
poussière gothique et la poudre de Versailles, elle n'est pas entrée dans un
état normal depuis 89, et elle est encore en proie à toute agitation convulsive,
à toute incohérence de la lutte qui a, déjà deux fois, abouti à une négation
complète de tous les droits. Aimant l'émeute et la centralisation, dénuée de
l'instinct de la liberté – et voulant émanciper les autres peuples, intolérante
au nom de l'indépendance, la France n'est pas arrivée à fixer les points
cardinaux de son édifice social. Ayant eu une coalition formidable à combattre,
distrainée par la guerre, elle a perdu dans les victoires toutes les acquisitions
de 1789.

226

Elle a confondu la révolution avec la guerre, et ayant une fois voilé la statue
de la liberté, elle n'a plus ôté le voile.

De génération en génération elle se lève, tient ses assises, reprend son
alphabet de droit, le revise et puis l'oublie. Elle n'a pas de Credo de Nicée
adopté une fois pour toutes; elle n'a pas de Common law; elle n'a pas de
principes fondamentaux reconnus: non, rien de pareil. Les Français recommencent
chaque fois par le commencement. «Quels sont les droits imprescriptibles de
l'homme? – Est-ce que la liberté de la presse est un droit imprescriptible? –
Est-ce que le droit de réunion doit être garanti?» Toutes ces questions,
impossibles en Angleterre depuis Cromwell, en Amérique depuis Washington, sont
posées en France à chaque changement de gouvernement.

Les solutions les plus excentriques sont quelquefois données à ces questions
primaires; mais elles n'étonnent pas et même on les accepte. «Oui, les hommes
peuvent se réunir si leur nombre ne dépasse pas 21. – Non, ils ne peuvent pas se
réunir si leur nombre dépasse 21». Sur ce arrive une révolution, et de nouveau:
«Quels sont les droits imprescriptibles de l'homme? – Est-ce que la liberté de
la presse est un droit imprescriptible? – Est-ce que le droit de réunion doit
être garanti?» – on change le dictionnaire et le vieil ordre de choses renversé
reparaît aussitôt sous un autre costume. Cela me rappelle la farce qu'on jouait
au Vaudeville, en 1848, – La propriété c'est le vol. Proudhon arrivait pour
proclamer une nouvelle loi. Art. I. – Les agents de change sont abolis. Art. II.
– Les agents de change sont rétablis sous le nom d'agents d'échange.

Si on veut suivre le fil rouge qui passe à travers les corsi e ricorsi
révolutionnaires, on trouvera un élément constant dans toutes les variations,
même dans les plus contradictoires; c'est le vieux péché romain – c'est le grand
ennemi de la liberté – le gouvernementalisme, la réglementation d'en haut,
l'imposition forcée par l'autorité. Chaque nuance qui arrive au pouvoir devient
aussitôt Eglise, et – malheur aux schismatiques. Rien n'est laissé à l'individu;
ses croyances, ses vertus, ses convictions, tout est ordonné par l'Etat. Des
idées philosophiques sont proclamées sous forme de loi civile. On reconnaît
l'Être suprême par un décret. On oblige les gens à se tutoyer sous peine d'être
suspects, et à être fraternels pour se mettre en règle avec la police. On intime
l'ordre de croire à l'immortalité de l'âme... et ce n'est pas tout: on prend
cela au sérieux; on obéit, et on punit les réfractaires.

Quel amour effréné du pouvoir a dû se développer dans ces circonstances, et
aussi quel profond mépris pour l'individu! Peut-on trouver étonnant que Louis
XIV, ayant passé par le bonnet phrygien, soit devenu Napoléon.

Cet état de fluctuation, d'incertitude de l'alphabet social ne peut plus durer.
L'Empire est là, exterminant la pensée et l'aspiration, persécutant le regret et
la douleur, écoutant aux portes et regardant par les fentes, corrompant,
achetant, à prix d'argent et de croix d'honneur. Si on le laisse faire, chez un
peuple qui n'a que des notions contradictoires sur le droit, pendant une ou deux
générations, il sera peut-être trop tard pour la guérison.

D'un autre côté le despotisme centralisé est toujours prêt à s'écrouler. Ce que
Caligula désirait pour Rome, s'est accompli à Paris, – la France n'a qu'une
tête. L'Empire met tout en enjeu sur une seule carte, qui peut sauter par une
dépêche d'Eupatoria, par une bombe d'Orsini ou par le choléra du bon Dieu. – Et
alors s'ouvre un champ immense.

Arrivée à ce point, la France peut-elle sortir – nouvelle Minerve toute armée de
la tête fendue de cette larve qui l'enserme? – Nous l'espérons. Mais, dans tous
les cas, elle n'en sortira pas sans avoir passé par le purgatoire d'une
éducation bien différente de celle qu'elle a reçue jusqu'à ce jour. Il faut
abjurer ses vieux péchés; il faut s'émanciper de la maison paternelle ou
s'ensevelir sous ses ruines.

Cette éducation sera-t-elle longue?

Rome eut besoin, pour se régénérer, de quatre siècles de Césarisme avant
Constantin, et de quatre encore après. Mais avec un conducteur comme le César

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
actuel, on est sûr de faire un chemin rapide. Et puis... de nos jours, les morts
vont vite!

20 mars 1858. Putney.

228

ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?

Русские вариации на тему 14 января 1858

Брошюру эту, напечатанную по-французски шесть месяцев тому назад, я тогда хотел поместить в «Колоколе» – но время прошло, а перевода не было сделано.

На днях г. С. Тхуржевский получил перевод и спрашивал моего мнения, печатать ли его. Издание этой брошюры на русском языке я не считаю бесполезным, несмотря на то, что события, совершившиеся с тех пор, так ясно подтвердили мнения, нами высказанные, что самая возможность сомнения становится непонятной. Кто и теперь еще не разглядит, что представляет Франция и что представляет Англия, тот не близорук, а просто слепой или человек, забытый доктриной.

Все в Европе идет с поразительной быстротой к пятому действию, мы в антракте, и занавесь уже вполовину поднялась... и пролог был сказан, остается ждать развязки: актерам идти на сцену, а нам, зрителям, смотреть на игру. – Мир событий, обыкновенно запутанный, сложный сам, представляет свою аллегория; сфинкс во всеуслышание рассказывает свою тайну, и все так просто, без переходов, без теней, без тушовки...

Тут нечего ни долго изучать, ни отыскивать источников, стоит только взять газету и читать.

Тяжелый, тучный «Теймс», не любящий поэтизировать, ненавидящий отвлеченные теории, политические построения, сам вышел из своих деловых привычек, из своей обычной колеи, призадумался перед странной игрой случайности и, бросая на минуту свою косу, которой косит ежедневную траву для насущного пропитания, делается авгуром и по теплым трепещущим событиям заглядывает в даль и пророчит.

229

«В то самое время, – говорит «Теймс», – как без умолка гремели залпы со всех фортов Шербурга, мирный пароход, не замечаемый при этом громе, тихо входил в гавань. Он привез весть о деле, сделанном британскими руками, в сравнении с которым Шербург и его крепости теряют значение, – он привез телеграфическую депешу о том, что Англия и Америка соединены электрической ниткой! – Новая страница истории открывается...» (11 августа 1858).

Я не знаю, что к этому прибавить... Прибавлю анекдот. «Странная случайность» так мало странна и так мало случайность, что она повторялась на всех размерах, на тысячи ладов.

В тот самый день, в который пришел «скромный пароход», садился я часу в седьмом вечера в вагон на Виндзорской дороге. В вагоне был какой-то офицер с рыжими подвитыми бакенбардами, трое истых лавочников, с их откормленно-тупым выражением и неловкой грубостью приемов, и мальчик лет двенадцати. Пока я рассматривал моих соседей, отворилась дверь и вошел высокий, худой господин весь в черном, сел в угол и спрятался за листом вечерней газеты. Следуя его примеру, вынул и я «Express», но не успел прочитать одной строки, как вдруг старик с восторженным лицом воскликнул: «O glorious, glorious!..164[84] Господа, – прибавил он, – вы, кажется, не знаете, – атлантический телеграф прикреплен и действует!» – «Как! – закричали все остальные, – прикреплен? Позвольте газету... и мне, и мне!» Гордая радость виднелась в этих бесстрастных людях, даже мальчик принимал участие в великом событии.

И в то самое время толпы диких бретонцев, постукивая деревянными башмаками, шли по нестерпимому жару, бросая страдную работу, чтоб где-нибудь на дороге, прождавши сутки, склонить голову перед деспотом Франции. Другие толпы с кровожадным упоением смотрели на роскошь орудий смерти, на бойницы, от которых потонут корабли, и на корабли, которые понесут разорение, смерть и равенство рабства в соседний остров. Наконец-то они унижат гордую соперницу, отомстят Англии за то чувство зависти к ее свободе, утрата которой

230

все-таки оставила угрызение на совести и рубцы на сердце. Такие угрызения и такая зависть часто скрываются за дерзкой речью куртизаны, когда она говорит о честной женщине.

Во французском задоре замешались, сверх племенной ненависти, отчаяние собственного падения и суетная надежда кровью и победой скрыть его от чужих глаз.

Ложь франко-английского союза обличилась. Аванпост воинственных орд романо-галльской Европы стоит готовым перед последним этапом старой англосаксонской цивилизации. Франция рвется на бой, и никакая сила не удержит этих варваров просвещения.

Устоят ли готические твердыни готической свободы?. Стары они, поросли мохом,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
расселись?..

Помните ли слова нотрдамского архидиакона, когда он, указывая аббату *beatī, sanctī Martīnī* на печатную книгу и на собор, сказал: «*Ceci tuera cela!*»?

Телеграф не убьет ли Шербурга?

Что можно сделать со страной, у которой бьется непрерывный пульс с Америкой, для которой океан сделался внутренней цистерной? В сущности, тут не два государства, а два разных берега, принадлежащих англосаксонцам.

Англию так же трудно поймать, как рыбу голой рукой, – у ней нет границ, Англия – не один остров, но остров и Океан. Она может переплыть по ту сторону и остаться той же Англией. Она не *glebae adscripta*¹⁶⁵[85], не крепка земле, не похожа на первозданные граниты, базальты, переживающие – без способности разрушения, без способности развития – подвижные слои, тучные жизнью и полные здоровья, смываемые тут, наносимые там и всегда полные пластической мощи.

С этими мыслями вышел я из вагона. В амбаркадере сидел, дожидаясь своего поезда, один знакомый, «пришедший за Ламанш отыскивать свободы», сильно красный по мнениям, и тоже читал газету – вот что он вычитал *sur le «Time»*¹⁶⁶[86]:

– Что, скажите, каково они нас побаиваются, – сказал он мне с самодовольнейшей улыбкой в мире, – они просто дрожат!

231

– Чему же вы удивляетесь? – спросил я. – Вселять страх одной дикой силой принадлежит не только народам, пошедшим в солдаты, но каждому медведю и волку.

– Пора, пора заплатить Англии за все ее козни; Англия – это средоточие реакции; пока Англия цела с своими аристократическими учреждениями, эра всеобщей свободы не начнется в Европе.

– Так это ее и карать за то, что вы не умеете быть свободными?

– Послушайте, скажите мне серьезно, неужели вы в самом деле думаете, что Англия свободна?

– Думаю, что она во сто раз свободнее Франции и всей Европы, за исключением разве Швейцарии.

– *Erreur, erreur profonde!*¹⁶⁷1871 Ваш приятель Прудон, которого вы так отстаиваете, – и он в последнем сочинении своем сказал, что, несмотря ни на что, Франция все-таки остается самая свободная страна в мире; разве не она во главе революционного движения? Это будет не война, а крестовый поход – с нашими знаменами революция обойдет мир!

«*Waterloo only!*»¹⁶⁸[88] – закричал сторож, звоня изо всех сил, и мой Аттила, будущий бич господень и учитель французской грамматики *per interim*¹⁶⁹[89], сел в одну из карет и исчез.

«Франция или Англия?» – спросим мы опять. Да, нам, русским, больше нравится Франция. Мы воспитаны на ее литературе, на ее понятиях. Парижские нравы ближе к нашим, чем лондонские, и *bal Mabille* веселее *Cremonne-Gardea's*. Все это так. Даже без всякого отношения к нам англо-германская порода гораздо грубее во всем франко-романской.

Но речь не о том; нам не суженого выбирать, а попутчика в будущее.

Романские народы, наследники театральной доблести древнего мира, кастильской утонченной вежливости и шипучего образования аристократической Франции ХУТТТ века – изящнее своих соседей. Они, как гладиаторы, знают искусство красиво

232

умирать и увядают, как старые маркизы, с трагической грацией и с предсмертным кокетством Рашели, зарывшейся в кружева за день до кончины, чтобы скрыть худобу от Наполеона Бонапарта.

Где же с ними равняться неуклюжему, тяжелому англо-саксонскому работнику, с своими потными руками, которыми он срубил себе избу, «в которую дождь и град может взойти, но королевская власть не может», – да две-три Европы расчистил за одним океаном и теперь расчищает за другим!

Зато в то время, как Венеция, Сиенна, Севилья и самый Рим своей старческой худобой вызывают грусть и печальное уважение, в то время, как их улицы пусты, дворцы почернели, лавки бедны, торговля не цветет, в то время, как народонаселение во Франции останавливается, начинает убывать и умственный горизонт становится уже и уже, – в Англии, не говоря об Америке, в старой, неуклюжей Англии, в этой стране Быка и Пива, все растет, переполняется, тучнеет, зеселяет и, не имея места, плывет во все части света и строит *Drury Lane* в Мельбурне и *Gai Market* где-нибудь в Порт-Сен-Филиппе.

По ту сторону океана – то же самое, сравните Мексику, испанскую Америку вообще с Америкой английской. А уж, конечно, испанец нам симпатичнее «янки».

Взгляните, наконец, на нас самих. Нельзя сказать, чтоб мы приобрели, особенно в царствование Николая, права на любовь других народов. Империя солдат и розог, царственного состояния и чиновников, немецкого абсолютизма и византийского раболепия – но со всем тем рост наш не подлежит сомнению, мы чувствуем нашу

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
юность, мы чувствуем избыток сил, через два поколения нельзя узнать некоторые
края России; мы влечемся к Тихому океану, мы идем вперед с ядрами на ногах. Это
может не нравиться; немцы просто сердятся на нас за это и ворчат, англичане
думаются, французы не знают – но отрицать этот факт не может никто, так, как мы не
можем отрицать фактов их жизни, – раз навсегда будемте уважать выше всего
объективную истину.

Во имя ее мы и спрашиваем теперь, как шесть месяцев тому назад, – можно ли
серьезно задуматься над выбором союза между Англией и Францией? Можно ли из двух
знамен выбрать то, которое держит Наполеон III, и уверять, что Россия вступает в
эпоху улучшений, реформ, освобождений?

Это знамя войска, а не народа, хоругвь смерти, а не жизни. Союз с Францией
бесплоден, с ней можно соединиться только на чью-нибудь гибель, только на
разрушение. Зачем нам участвовать в казни мира, не согрешившего против нас,
зачем нам быть саранчой, нападающей, как кара небесная, на страны, которых
горьким опытом, которых выстраданной мудростью мы воспользовались? Галльский
цезарь справится сам с дряхлеющей цивилизацией, если час ее настал, на это
довольно обращенных в дикарей зуавов, – к чему же казаки?

В предстоящей борьбе России, пожалуй, вовсе не нужно принимать деятельного
участия – это их «семейная ссора». Мы тут не ждем наследства и равно не связаны
ни воспоминаниями, ни надеждами. Что нам нужно было, – их теоретическую мысль, –
мы взяли, мы посылно усвоили себе. Одно пустое, раздражительное,
дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все
западные дела, не замечая того, что человечество съезжает с европейского
материка; если она освободится от петербургской традиции, у ней есть один
союзник: это Северо-Американские штаты!

Но в выборе между Францией и Англией лежит пробный камень, великое нравственное
сознание, как правительство понимает себя и Россию.

С Англией – свобода и мир!

С Францией – рабство и война!

3 сентября 1858. Путней.

ПЕРЕВОД

I

Мы сделали еще шаг вперед: старые к могиле, юные к возмужалости.

Еще раз старый мир покачнулся от края и до края; раскрылись новые щели; вековое
здание еще раз затрещало и снова
стало все больше и больше оседать, и все это от того, что какой-то энтузиаст,
при виде бедствий своей родины, вздумал бросить под карету человека, которого
считал виновником этих бедствий, врывчатую бомбу, не причившую тому никакого
вреда.

Сама Англия оступилась было, но, к счастью, тотчас же снова выпрямилась.
Теперь абсолютистские газеты только и твердят, что об ультрамонархическом союзе
против Англии, – что вполне естественно и что следовало предвидеть. Дошли до
предположения, будто в этом деспотическом заговоре Россия примет участие
бок-о-бок с Францией. Мы не верим этому, однако, если б так случилось, это
явилось бы исторической бессмыслицей, и ее одной было бы совершенно достаточно,
чтоб обнаружить во всем объеме вопиющую бездарность правительства, ныне стоящего
у власти в России.

Этот заговор против Англии, являющейся географической необходимостью, логическим
следствием для других континентальных правительств, был бы ошибкой для России.
Россию совлекли с ее пути, и ее потащила на буксире европейская реакция; это
правда; но канат оборвался, и Россия вступает на свою естественную дорогу.
Перед Крымской войной, четыре года тому назад, мы говорили:

«Деспотизм вовсе не консервативен. Не консервативен он даже в России. Нет ничего
более разъедающего, разлагающего, тлетворного, чем деспотизм. Случается иногда,
что юные народы, в поисках общественного устройства, начинают с деспотизма,
проходят через него, пользуются им, как суровым искусом; но чаще под игом
деспотизма изнемогают народы, впавшие в детство.

Если военный деспотизм, алжирский или кавказский, бонапартистский или казацкий,
овладеет Европой, то он непременно будет вовлечен в жестокую войну со старым
обществом; он не сможет допустить существования свободных учреждений,
независимых правопорядков, цивилизации, привыкшей к вольной речи, науки,
привыкшей к исследованию, промышленности, становящейся великой силой.

235

Деспотизм – это варварство, это погребение дряхлой цивилизации, а иногда ясли, в
которых рождается Спаситель.

Европейский мир в той форме, в которой он теперь существует, выполнил свое
назначение; но вам кажется, что он мог бы почетнее кончить свое поприще –
переменить форму существования, не без потрясений, но без падения, без унижения.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Консерваторы, как все скупцы, больше всего боятся наследника; так вот – старца
задушат ночью воры и разбойники.

После того как бомбардировали Париж, ссылали и заточали в тюрьмы работников,
вообразили, что опасность миновала. Но смерть – Протей. Ее изгоняют как ангела
будущего – она возвращается призраком прошедшего, ее изгоняют как республику
демократическую и социальную – она возвращается Николаем, царем всея Руси, или
Наполеоном, царем Франции.

Тот или другой, или оба вместе окончат борьбу.

Для борьбы нужен противник, еще не поверженный во прах. Где же последняя арена,
последнее укрепление, за которым цивилизация может вступить в бой или по крайней
мере защищаться против деспотов?

В Париже? – Нет.

Как Карл V, Париж еще при жизни отрекся от своей революционной короны, – немного
военной славы и множество полицейских – этого достаточно, чтобы сохранить
порядок в Париже.

Арена – в Лондоне.

Пока существует Англия, свободная и гордая своими правами, дело варваров нельзя
еще считать окончательно выигранным.

С 10 декабря 1848 года Россия и Австрия не питают более ненависти к Парижу.
Париж потерял в глазах королей свое значение, они его больше не боятся. Вся их
злорадность обратилась против Англии. Они ее ненавидят, они питают к ней отвращение,
они хотели бы ограбить ее! В Европе есть государства реакционные, но нет
консервативных. Одна лишь Англия консервативна, и понятно почему: ей есть что
хранить – личную свободу.

236

Но одно это слово совмещает в себе все то, что преследуют и ненавидят Бонапарты
и Николаи.

И вы думаете, что они, победив, оставят в двенадцати часах езды от Парижа
порабощенного – Лондон свободный, Лондон – очаг пропаганды и гавань, открытую
всем бегущим из опустошенных и сожженных городов материка? Ведь все, что должно
и может быть спасено среди оргии разрушения – науки и искусства, промышленность
и образование, – все это неизбежно устремится в Англию.

Этого достаточно для войны.

Наконец-то осуществится мечта Наполеона Великого первого варвара нового времени.
Какого же большего бедствия может ожидать Англия от революционной Европы, чем от
европейского деспотизма? У народов слишком много дела дома, чтоб они могли
думать о захвате других стран.

Не эгоизм, не жадность мешают англичанам ясно в этом разобраться. Скажем прямо,
из-за невежества и проклятой деловой рутины люди неспособны понять, что следует
иногда, избегая проторенных путей, прокладывать новую дорогу.

Что же! Те, которые, имея глаза, не хотят смотреть, посвящены богам ада. Как их
спасти?»170[90]

С той поры в России произошла революция. Генерал Февраль, ставший предателем, по
утверждению «Пунша», – бросил более удачно, чем Орсини, свою евпаторийскую
бомбу; «по счастливой случайности» императорская корона упала на голову монарха,
понявшего, что он находится на краю пропасти, к которой Николай привел молодой и
могучий народ, – пропасти злоупотреблений, воровства, беспорядка, произвола, где
громоздкой машине Российской империи грозила опасность распастаться.

Александр ТТ увидел, что спасение – только в огорочной внутренней работе, работе
развития, преобразования, к которой он и осмелился приступить.

237

При таком положении дел, что может он выгадать, поддерживая континентальный
деспотизм против свободы островитян?

Вполне понятно, что государь, который стоит во главе объединения, механически и
насилственно созданного из разнородных частей, вступает в союз с Бонапартом,
чтобы соединенными усилиями уничтожить последние следы всякой независимости.

Если франц- Иосиф не делает этого, то потому только, что он не доверяет

Луи-Наполеону в итальянском вопросе. Эта политика европейских монархов понятна,
хотя, по правде говоря, подобный заговор вселенской полиции, при том состоянии
полного изнеможения, в каком находятся народы является излишней роскошью.

Европейские монархи однако связаны с тормозом, который они сами прикрепили к
великому колесу истории, и не могут от него избавиться.

России же до всего этого решительно нет никакого дела; единственное, что может с
ней произойти, – это что она ударится о межевой столб и вынуждена будет
остановиться на своем новом пути. Ведь не посредством же немоты, инквизиции,
ссылки и кнута могут совершаться реформы.

Россия находится в совершенно исключительном положении. Она не принадлежит
Европе. Она не принадлежит Азии. Перемена династии в Китае не требует

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
вмешательства с ее стороны. Падение Бонапарта и восшествие на французский престол Бароша или Пелисье не могли бы ни ослабить, ни укрепить могущество царя. Одним словом, Россия сама является новой частью света, развивающейся на свой лад; западная цивилизация усваивается лишь ее верхушкой, в то время как основание остается совершенно национальным.

Задача Петра I и Екатерины II разрешена. Они пожертвовали всем, и прежде всего счастьем народа, чтоб основать Российскую империю, чтоб организовать сильное государство и сделать его государством европейским. Они постоянно старались впутывать Россию в вопросы внутренней политики европейских государств и расширять дипломатическое влияние новой империи. К этим страстным стремлениям примешивалось кое-что и от самолюбия выскочек, и, одержимые чванством, они желали принимать участие в делах старых континентальных аристократов.

238

И все же, несмотря на все это, современная империя, начавшая с отрицания своей собственной традиции, была созданием XVIII века. В ней ощущалось дыхание революции, пронесшееся над угнетенным и погруженным в дремоту народом. Соучастие в преступлении стало вскоре все больше и больше связывать русское правительство с самой старой из европейских деспотий и с самой молодой из них – с Австрией и с Пруссией. После раздела Польши и «ужасных» новостей, получавшихся из революционной Франции, Екатерина II откровенно сбросила с себя маску либерализма и явилась наконец такой, какой она и была на самом деле; старой, бессердечной Мессалиной, Лукрецией Борджиа с немецкой лимфой в жилах.

Ее сын, менее лукавый, принялся с мелочным капральским педантизмом воплощать в жизнь мечту своей матери и вообразил себя покровителем монархов. Павел I явил собой отвратительное и смехотворное зрелище коронованного Дон-Кихота, который все притесняет, все истязает с яростью, со злобою. Он был невыносим даже для бывших любимчиков Екатерины.

Но особенно замечательно то, что ни в Екатерине II, ни в ее сыне совершенно не было ничего русского, ничего национального. Поддельный патриотизм Екатерины являлся для нее лишь оружием, которым она воспользовалась, чтоб уничтожить добродушного голштинца, своего мужа. Келейное воспитание, которое она дала своему сопернику-сыну, естественному врагу матери, укравшей у него корону, превратило его в какого-то Каспара Гаузера императорского дворца. То было искусственное и болезненное порождение мужских сералей и экзерциргаузов. Ни одной природной черты русского характера не было в этом гроссмейстере Мальтийского ордена.

Александр I, призванный к великой борьбе, разбудившей народ и начавшей новую эпоху, не мог и, прибавим, не хотел больше продолжать роль своего отца. Исступленно сыграть эту роль предназначено было Николаю. И, рыцарь печального образа, он тридцать лет боролся с призраком; но, к несчастью, удары его падали на живую грудь подданных. Более четверти века Николай занимался день и ночь

тем, что наказывал за возмущение 1825 года и за польское восстание 1831 года. Его помешательство, его реакционное безумие дошло до того, что, презрев договоры и рассчитывая на унижение всей Европы, он стал накладывать руку на вольные города и предлагать их затем в качестве чаевых Австрии. Чтобы поддержать принцип самодержавия у врага, ближе всего находившегося к России, он вступил в смертельную борьбу с братским народом и сам сказал потом в Ольмюце, указывая на статую Яна Собеского: «Я и он – двое самых глупых славян: мы спасли Австрию!» В продолжение тридцати лет этого злополучного царствования Россия была в представлении других народов лишь щетиной из штыков, становившейся дыбом при малейшем веянии свободы, при малейшем возгласе независимости. Двести тысяч штыков, готовых перейти границу за священное дело порядка и полиции, были на устах у всех реакционеров, как и те пресловутые двести тысяч парижских работников, якобы участвующих в каждой демонстрации; и как только какой-нибудь немецкий микроскопический принц бывал недоволен двумя или тремя своими добрыми мешанами, он сообщал через премьер-министра этим беднягам Шульцам и Мюллерам, что двести тысяч русских штыков приближаются к границе. А за этими штыками маячила мрачная, застегнутая на все пуговицы и в огромных ботфортах, фигура Николая, чей хищный взгляд неготорговец Дуглас находил столь кротким. Так Николай достиг не только того, что внушил ненависть и отвращение к русскому имени, но и сумел довести Россию до полного развала – до того плачевного состояния, которое мы так отчетливо увидели во время Крымской войны. Все истинно русские благословляют Парижский мир. Эта война и этот мир посрамили императорскую ложь. Преувеличенные представления рассеялись, как дым, и печальная правда начала проявляться, вздымаясь, словно укор, над руинами Севастополя.

С той поры крестьянину на Белом море стало так же хорошо известно, как и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
черноморскому казаку, что у России не было недостатка ни в отваге, ни в
самоотверженности, ни в средствах, но что она была побеждена потому, что ей не
хватало

240

души, организации, разумного центра, порядка. Да, во всем противоположный
Гражданину Марку Коссидьеру, Николай создал беспорядок из порядка. Он заметил
это слишком поздно и скончался от стыда.

Для сына его осталась лишь две дороги.

Он мог бы сделаться неумолимым преследователем, еще сильнее притеснять мысль и
слово, наказывать за слезы, отрывать последнего сына от семьи и посылать его на
убой, обрушивать новые удары на окровавленную спину своего народа, ссылая целые
поколения в Сибирь и

поддерживать таким образом в продолжение некоторого времени спокойствие
столбняка, которое завершилось бы таким взрывом, что империя разлетелась бы
вдребезги среди хора всеобщей жакерии. Он не захотел этого.

И с той поры явно обозначилась вторая дорога, – дорога развития, реформ,
освобождения; поэтому-то Россия за три года царствования Александра ТТ сделала
такие огромные успехи. Все приходит в движение; мышцы, сдавленные смиренной
рубашкой, расправляются. Ставятся на очередь самые жизненные вопросы. Россия
спокойно вступает на путь экономической революции.

И в это самое время нам начинают говорить о союзе с Францией, во имя деспотии,
ополчившейся против единственного убежища независимости, свободы!.. Да это
противно здравому смыслу.

Все, что вам будет угодно, государь, но только не союз с Бонапартом.

У меня нет ни малейшего намерения нападать лично на французского императора – я
далек от этого: я смотрю на него как на роковое орудие; я вижу на лбу его
трагическое клеймо, черное пятно, проступающее сквозь кроваво-красные лучи славы
его дяди.

Он избранник Смерти, – представитель ее.

Бонапарты – как и Цезари – не причины, а только следствия, симптомы. Это бугорки
на легких отжившего свой век Рима. Это болезнь дряхлости, маразма; это сила
судорог, бессмысленная энергия горячки.

Бонапартизм действует лишь при помощи смерти. Его слава

241

вся из крови, вся из трупов. В нем нет созидательной силы, нет производительной
деятельности; он совершенно бесплоден: все созданное им – только иллюзия, сон:
кажется, будто что-то есть, а в сущности нет ничего; это призраки, привидения:
империи, королевства, династии, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы...
Подождите четверть часа: всего этого не существует; это очертания облаков.
Реальность – это земля Испании, утучненная французскими трупами; это пески
Египта, усеянные французскими костями; ото снега России, обгаренные французскою
кровью.

Бонапартизм, заметьте это хорошенько, подобно бреду, не имеет ни цели, ни
принципа; это противоречие, костюмированный бал. Когда он поет – то поет
бессмыслицу: «Отправляясь в Сирию!»

Чего хотел Наполеон? – На вопросы наивного Лас-Каза он никогда не в состоянии
был дать удовлетворительного ответа. – «Зачем была предпринята Египетская
кампания?» – «Восток – это прекрасный пьедестал, великолепный фон картины». – «А
жестокая война в

Испании?» – «Ах! дело в том, что Империя – это коронованная революция; это
освобождение народов». Послушайте-ка поэта бонапартизма:

Народы, воцарившиеся благодаря нашим победам, Венчали цветами чело наших солдат.
Те, кто пытается разумно объяснить оргии убийств, составлявшие славу Франции во
времена Империи, не находят ничего лучшего, как сказать, что Наполеон вел войну,
чтобы занять умы во Франции. Есть ли на свете что-нибудь более
цинично-безнравственное, более чудовищное, чем это объяснение? Убивать одних
людей, чтобы развлекать других; уничтожить целые поколения, чтобы тем, которые
остались, дать взамен идей общественного прогресса – галлюцинации кровавой
славы, апофеоз резни и безграничную любовь – к ордену Почетного легиона?

Да, это деспотизм конца, последней страницы. Метастаз революции, он только
разрушает, убивая вместе и революцию и традицию, 89-й год церковью и церковь
89-м годом, убивая, наконец, всеобщее голосование избранником. Он прививает

242

смерть. Он едва не погубил своим прикосновением Англию: никакое здоровье не
устоит против капли большой крови.

Берегитесь, государь, и не бросайте, с досады и от злобы против недавнего врага,
Россию – эту молодую и здоровую крестьянку – на ложе истасканного старика.

Галльский Давид может умереть и без нее.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Между двумя союзами, английским и французским, России здраво рассуждая, нечего и колебаться.

Положение, в котором находится Запад, никогда не было проще. Самая простота эта – тревожный сигнал. Все обильно снабжено нервами, энергией, жизнью, силой, чрезвычайно сложно, чрезвычайно запутано; в этом мы можем убедиться, изучая самую живую, самую живучую страну в Европе – Англию.

Итак, выбор между этими двумя союзами предельно ясен.

Союз с Францией – это заговор деспотизма против Англии; это война, возвращение к варварству, смертельный удар, нанесенный Европе. Зловещим предостережением явилась

неутолимая, бессмысленная и, к счастью, бессильная ненависть Наполеона I к Англии, – одна из почетнейших грамот гордого Альбиона. Хитрый инстинкт великого кондотьера справедливо подсказывал ему, что нет ничего прочного для цезаризма, пока существует Англия, независимая от Франции. И этому-то делу растворения общества в рабстве Россия, едва пробудившаяся для новой жизни, подает руку помощи! Она прервет подготовку реформ, снова наденет цепи на крестьян, растопчет пробивающиеся ростки, превратит свои поля в караван-сарай для орд, вымуштрованных с целью разрушения, – и все это для того, чтобы ринуться на Европу, соединиться с другими кровожадными ордами, и всем вместе, калмыкам и зуавам, обрушиться на Англию с криком: «Смерть свободе!»

Союз же с Англией, напротив, не является заговором против Франции. Англия не нападает. Она не обладает более героизмом библейских звероловов, средневековых бандитов, рейтеров и ландскнехтов всех времен. Англия любит мир, ибо мир – это приволье для работы. Соединиться с Англией – это значит призвать, что Россия нисколько не боится свободы, что она ни с кем на материке не связана круговой порукой. Это

243

значат, наконец, обоюдно признать, что этим странам нечего оспаривать друг у друга и что они могут оказывать помощь одна другой. Не пора ли уничтожить этот обманчивый призрак соперничества, не имеющий другого основания, кроме незнания географии? Можно ли после Крымской кампании всерьез предполагать, что Россия отправится штурмовать почти непреодолимые препятствия, чтобы пропикнуть в Индию; и после Балтийской прогулки можно ли думать, что Англия будет содержать флот с одной только целью помешать американской цивилизации проникнуть в Сибирь единственным возможным путем – через Амур? Да разверните же карту.

И это не всё. Англия – это единственная годная для нас школа. Великий народ с маленькой армией и огромными завоеваниями отучит нас от мундиров, парадов, полиции, произвола. Страна без централизации, без бюрократии, без префектов, без жандармов, без стеснения печати, без ограничения права собраний, без революций, без реакции: полная

противоположность России и Франции. И какова роль ее! После упадка и падения материка, единственно уцелевшая, с высоко поднятой головой, спокойная, полная уверенности в себе, она глядит из-за волн на отвратительный шабаш, на макабрскую пляску смерти и полицейских комиссаров.

Да, она до сих пор еще, как говорил старый Гаунт, – «алмаз, оправленный в серебро моря». Он начал несколько терять свой блеск чистой воды, свое сверкание; но все так привыкли к потускневшему от веков цвету всего английского, что средневековый налет, похожий на плесень, покрывающую бутылку, говорил не только о старости, но и о силе.

Действительно, надобно было на минуту почувствовать ужаснейшее головокружение, чтобы позволить себе увлечься жалкими вершителями государственных переворотов на французский манер, дрянными подражателями крупных злодеев, чтобы нанести оскорбление самым драгоценным своим правам.

Я совсем не англоман. Я просто-напросто русский, покинувший свою родину во имя свободы. Привыкнув путешествовать, я нисколько не забочусь о градусах широты и долготы. Поскольку я не принимал никакого участия в заговорах, мне ни коим образом не угрожал закон об убийстве... английских свобод.

244

И все же... я взял бы свой печатный станок под мышку и отправился бы в Нью-Йорк. Однако сознаюсь, что после первого чтения закона об отмене личной неприкосновенности в Англии сердце мое сжалось. Я пришел в ужас, я был ошеломлен. Только тогда я понял, что люблю Англию!

Однако, – подумал я, – неужели они сошли с ума? Неужели они не знают, за что голосуют? Как, достаточно будет двух шпионов, двух профессиональных клятвопреступников, чтобы предоставить полиции право обшаривать дом англичанина, это святилище, это «non me tangere»¹⁷¹[91], эту крепость для спасения которой страна терпела игроков, банкротов, распутниц, воров... бог знает кого еще. И вот теперь отворяют дверь с черного хода полицейским шпионам!

Присяжные оправдают... это возможно; но перерытые бумаги, семейные тайны, оскверненные рукой шпионов, и, сверх того, предварительное тюремное заключение! Этот закон, сам по себе, являлся государственным переворотом замаскированным 2 декабря, самоубийством, подлинным отцеубийством. Наказывая за намерение убить, наносили сзади удар ножом Common law.

Какие же несчастные дни предстоит нам еще узреть? И что за тягостное существование – переходить так с одних похорон на другие. Траур по Франции – словно башмаки матери Гамлета – еще не износился, когда потянуло запахом погребального ладана с другой стороны и словно послышались мрачные звуки реквиема:

«Dies irae, dies illa»172[92],

и, вечный жид, я принялся было готовиться в путь.

Но Англия воспрянула. Она отвергла не только закон, но и заговорщиков. И не один парламент поднялся. В самых больших городах и на самых малых перекрестках дорог, на городских рынках и у домашнего очага прозвучал крик негодования, который пронесся над островом из конца в конец; и крик отвращения стал ему вторить, когда англичане увидели, как свободную землю

245

их родины усеяла усатая шпионская сволочь с физиономиями висельников, распутников континентального режима.

Возмущение было так сильно, что на улицах мальчишки преследовали всех иностранцев криком: «French spy!»173[93], сопровождая крики хрюканьем, а иногда и комками грязи. Они кричали это и мне. И как, в глубине души, благодарил я их за это!

Народ, умеющий ненавидеть политическую полицию, – свободен на веки веков.

Недаром королева Елизавета называла Англию Common wealth!174[94]

II

Революция – дело французское. Социализм – ее последнее слово и ее идеал – был выработан французскими мыслителями среди страданий французского пролетариата. Я не хочу сказать, что пролетарии других стран страдали меньше или что мыслители других народов не обладали отчетливо выраженными представлениями об общественном возрождении. Роберт Оуэн – англичанин. Однако лишь во Франции пролетарий не только страдал, но и сознавал это и понимал, что его страдание являлось не только большим несчастьем, но и большой несправедливостью. Именно во Франции социализм из страсти, каким он был во времена Гракха Бабёфа, сделался религией с Сен-Симоном, учением с Фурье, философией с Прудоном.

Можно ли из этого с достаточным основанием заключить, что общественное возрождение, которое впервые было провозглашено во Франции, именно во Франции и осуществится? – Мы не думаем этого. Однако спешим сказать, что если в этом нет логической необходимости, это может произойти. Это зависит в первую очередь от того, каким образом Франция выйдет из нынешнего кризиса и из состояния изнеможения, в котором она теперь находится.

Быть может, она выйдет из этого положения, подобно прославленному фениксу, преображенная, помолодевшая и увлекая за собой старцев римского мира к третьему существованию; или –

это также возможно – не находя более сил для возрождения, она превратит свою программу в завещание, которое оставит как последнюю волю великого народа другим племенам, другим странам. Так Иерусалим завещал миру евангелие, сохранив для себя лишь вечную надежду вновь отстроить назавтра Соломонов храм!

Вопрос этот чрезвычайно важен, чрезвычайно труден. Однако сомнение само по себе есть уже великий шаг вперед, и освобождение от слепой веры в революционную будущность Франции могло бы стать подлинным началом этой будущности.

У нас на этот вопрос нет готового ответа. Мы не составляем гороскопов. Будущее изменчиво. Единственная разумная вещь, которую мы в состоянии сделать, – это уяснить, при каких условиях становится возможным общественное возрождение народа, а также и те кризисы, катастрофы, фазы, через которые он должен пройти. Один крупный авторитет в области общественного палингенеза сказал: «Надобно умереть в старом Адаме для того, чтобы возродиться в новом; путь к воскрешению лежит через могилу: крещения водою (перемены ярлыка – Монархия, Республика) недостаточно».

Рядом с этими словами есть и пример. Это Рим цезарей, прошедший через смерть, чтобы сделаться Римом пап.

Рим совершал множество переворотов; он часто менял кожу; однако с Марием и Суллой, с сенатом и Юлием Цезарем, с Нероном и Марком-Аврелием он оставался древним Римом. Перед лицом христианства старое здание должно было рухнуть, чтобы выстроиться заново. От него не осталось камня на камне. Все прошло через смерть и вышло из нее преображенным.

Вместо триумфальных ворот, ожидающих со своим «Ave, цезарь» победоносные

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
легионы... процессии монахов, идущих преклонить колена перед римской виселицей.
Вместо кровавого орла цезарей... святой дух в виде голубя.
Когда Рим созрел для могилы, явился человек, который обладал всей античной
культурой, и сказал своим согражданам,
этим надменным *Cives Romani*¹⁷⁵[95], уважавшим себя только из-за этого звания:
«Полноте... ваши добродетели для нас лишь блестящие пороки. Наша мудрость –
безумие в ваших глазах». И он не был побит камнями. Напротив, его слушали с
недоумением и грустью.

С тех пор примирение стало невозможным. Надобно было либо уничтожить христиан,
либо похоронить древний Рим. *Mezzo termine*¹⁷⁶[96] не было. Св. Августин или
Юлиан Отступник – один из них должен был остаться победителем.

Борьба длилась века. Века несчастий и безграничных страданий. В течение всего
этого времени совершалась великая работа. Между тем как Империя, униженная,
отупевшая, охваченная гниением изнутри, омертвевшая, нещадно избиваемая на
границах, распадалась на части, – священник, монах, совершенно спокойные, ибо им
нечего было терять, нечего хоронить, освобожденные от традиционного культа,
продолжали свою проповедь.

Когда раскрываешь писания первых отцов церкви, изумляешься, находя между старыми
и новыми римлянами такое полное различие. Ни следа у последних того шовинизма,
который делал жителей вечного города столь заносчивыми по отношению к другим
народам; ни следа того суетного самохвальства, с которым римляне восхищались
собой как великим народом древности; ни следа того алчного и исключительного
патриотизма, который заставлял римлян бешено рукоплескать каждой победе и все
прощать цезарям, лишь бы нашелся какой-нибудь истекающий кровью народ, с
перерезанным горлом, преклонивший колена перед непобедимыми легионами.

*Vae victis!*¹⁷⁷[97] Все покидает императорский град, древний Рим разваливается и
переходит в руки врага. Серьезная мысль, поэтический гений, бурный и
увлекательный талант – все поступает на службу к епископам и священникам, этим
анархистам первых веков. Не стало более в Риме великих писателей; у него есть
теперь только стилисты. Риторика

248

преобладает над содержанием. Люди, которым сказать нечего, только и знают что
болтать. Чтобы скрыть отсутствие инициативы, бедность мысли, они заполняют
фиоритурами огромную пустоту, давящую их словно упрек, словно угрызения совести.
И если полумирской Аполлоний Сидоний интересуется нас, то лишь потому, что он
описал современные ему нравы, и мы можем в его рассказах проследить с чисто
нервным возбуждением за успехами смерти, судорогами агонизирующей цивилизации.
Когда народ домогается в своей речи одного лишь эффекта, говорит готовыми
фразами, неумеренно хвастаясь громкими словами, оставляющими вас холодными, как
лед, он находится в совершеннейшем упадке, в состоянии Восточной Империи.
Народы Востока, которые, без сомнения, могут также дожидаться когда-нибудь своего
возрождения, говорят в тяжелом сне своего дряхлого детства только
преувеличениями, заменяя смысл выражением, а подлежащее – определениями...
Социализм требует от христианской нации не меньше чем христианство требовало от
политеистического Рима. Он требует не меньше от солдата, от мещанина, от
гражданина, чем требовал человек без роду и племени, смиренный и бедный,
бродячий и нищий проповедник – от консервативного патриция, столь надменного со
своими клиентами и подобострастного с императором, вольнодумца в латиклаве,
благочестиво целующего перстень с изображением цезаря-бога.

Вопрос, поставленный нами, заключается не в том, чтоб узнать, отжила ли свой век
старая Франция. Это не вызывает сомнения. Вопрос этот скорей ставится в тех
пределах, в каких ставил свой вопрос Гамлет. Его занимала не смерть, а сны,
которые будут сниться после смерти.

При настоящем положении вещей мы можем еще допустить дивную мечту об
общественном преображении. Но тяжелый сон упадка становится день ото дня все
вероятней; и, в этом случае, Франция незаметно, мало-помалу вступит, без
потрясений и сохраняя внешние формы жизни и цивилизации, в унылый *semper
idem*¹⁷⁸[98] старости, – старости развратной и раблепной,

249

вроде византийской, или же сухой, неповоротливой, важной, внушительной с виду и
косной по существу – вроде испанской.

Не одно лишь современное состояние Франции делает допустимым это предположение.
Как мы сказали уже, Бонапарт – это следствие, а не причина. Это кара, если
хотите, а не вина.

Империя не просуществовала бы и двух дней, если б не находила себе какой-то
опоры во французском характере. Она необходимейшим образом соответствует чисто
национальным элементам. Пусть говорят что угодно; выборы 10 декабря 1848 года
были свободными и общенародными.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Франция – страна воинственная, солдатская. Она любит выставку власти, чрезвычайные меры, приносящие личность в жертву государству, человека – идее. Этого более чем достаточно для цезаризма. Можно ли, напротив того, вообразить себе Англию, например, бонапартистской?

Говорят однако, что в народном духе во Франции с некоторого времени произошла огромная перемена. Пассивная покорность действительно указывает на внутреннюю работу; однако в нашем распоряжении слишком мало фактов, чтоб определить эту перемену.

Есть однако очень простое средство, чтоб оценить долю богову и долю кесареву во Франции; вот оно: оупляющий режим императорского самовластия ненавидим во Франции, Франция любит лишь поэзию бонапартизма, а вовсе не его прозу. Впрочем, нет народа в мире, который склонил бы свою голову под ярмо из любви к тирании. Вся разница заключается лишь в том, что один народ выносит рабство ради блюда чечевичной похлебки или ради чего-либо иного, тогда как другой народ не станет приспосабливаться к рабству ни за что на свете. Есть меньшинство, состоящее из республиканцев, социалистов, которые энергично протестуют против ига, гнетущего Францию. Это меньшинство должно непременно выступать против всего, что может укрепить могущество Бонапарта и поддерживающих его янычаров. Это очевидно. Несколько дней тому назад все предвидели возможность войны между Францией и Англией.

250

Англия твердо отстаивает свою свободу и право убежища; «the Empire espionage»¹⁷⁹[99] «Таймса» не может терпеть рядом с Францией такой живой и тягостный упрек, и как только Бонапарт почувствует себя достаточно сильным, он вступит в войну с Англией. Каждый поступил бы так на его месте. Теперь мне хотелось бы знать, какая часть французского меньшинства будет возносить мольбы за успех зуавских орд в Англии и какая будет с ужасом созерцать это покушение на свободу, подвергаемую смертельной опасности в последнем уголке Европы, и рукоплескать грядущим Ватерлоо? Заметьте, что речь идет лишь о меньшинстве; что же касается большинства, то можно быть уверенным, что оно с восторгом будет глядеть на унижение гордого Альбиона.

Да, люди, предпочитающие военную славу своей родине свободе, – не любят свободы. Это римляне древнего Рима, храбрецы Великой армии; это последние Абенсераги, последние могикане... все, что хотите, но только не люди нового мира.

Это испытание можно последовательно применить к целому ряду вопросов подобного же рода. Результат почти всегда будет одинаков.

Кожа древнего Адама держится на нем тем более прочно, чем менее он замечает это. Француз, убежденный в том, что он революционер и что он шествует в авангарде человечества, ни о чем не заботится. Он доволен собой и если сбился с пути и идет вспять, то не отдает себе в этом отчета. Именно это заставляет нас думать, что французам следовало бы предпринять

великий труд внутренней перестройки, психиатрического анализа. Это было бы для них так легко, ибо между ними есть серьезные мыслители, которые с горечью глядят на все, что происходит. Однако их не слушают. Они слишком мало патриоты, слишком мало принадлежат революционной традиции, слишком независимы от нее.

Вот в этом-то и заключается зло: ибо мало отрицать монархическую и феодальную Францию, – она почти не существует.

251

Надобно освободиться от Франции Беранже. Мало не сочувствовать Варфоломеевской ночи, надобно также не сочувствовать Сентябрьским дням. Мало не желать отомстить за Ватерлоо, надобно не любоваться собой при воспоминании об Аустерлице.

К счастью, Франции легче, чем любому другому старому народу в истории, вступить в другую фазу, и в этом ее громадное преимущество. Англия, например, подобно огромным каштановым деревьям в ее парках, укрепилась в своей почве корнями, разветвляющимися и теряющимися в земных глубинах. Вековым трудом накопила она несметные богатства; примесь не отделена от золота, и Англия страшится разделить их, опасаясь, как бы не ускользнул от нее металл. Франция же, напротив того, ничего окончательного не приобрела. Она лишь стряхнула сильной рукой готическую пыль и версальскую пудру, она еще не вошла в нормальное состояние с 89-го года и до сих пор находится во власти каждой судорожной вспышки, каждой непослывательности борьбы, которые уже дважды доводили ее до совершенного отрицания всех своих прав. Любя мятеж и централизацию, лишенная чутья свободы и желая освободить другие народы, нетерпимая во имя независимости, Франция не дошла до определения главнейших основ своего общественного здания. Обязанная бороться с огромной коалицией, отвлеченная войной, она утратила во время своих побед все достижения 1789 года. Она смешала революцию с войной и, однажды закрыв статую свободы, не снимала уже более с нее покрывала.

Из поколения в поколение она восстает, сзывает свои собрания, принимается за

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов свою азбуку права, пересматривает ее и затем забывает. У нее нет никейского Символа веры, принятого раз навсегда; у нее нет Common Law; у нее нет основных признанных начал – ничего подобного. Французы всякий раз начинают все сначала. «Каковы нерушимые права человека? – является ли свобода печати нерушимым правом? – Должно ли быть гарантировано право собрания?» Все эти вопросы, невозможные в Англии со времен Кромвеля, в Америке со времен Вашингтона, ставятся во Франции при каждой перемене правительства.

На эти азбучные вопросы даются самые эксцентричные ответы; однако они никого не удивляют, с ними даже соглашаются. «Да, люди имеют право сходиться, если их число не превышает 21. – Нет, они не имеют права сходиться, если их число превышает 21». Затем происходит революция, и опять: «Каковы нерушимые права человека? – является ли свобода печати нерушимым правом? – Должна ли быть гарантирована свобода собраний?» Меняют словарь, и старый, низвергнутый порядок тотчас же появляется вновь в ином одеянии. Это напоминает мне фарс, игранный в «Водевиле» в 1848 году: «Собственность – это кража». Прудон появлялся, чтобы провозгласить новый закон. Ст<атья> I. Биржевые маклеры уничтожены. Ст<атья> II. Биржевые маклеры восстанавливаются под именем биржевых посредников. Тот, кто захочет проследить за красной нитью, проходящей через революционные события и события 180[100], найдет одно неизменное начало во всех этих, даже самых противоречивых, вариациях: это старый римский грех, это великий враг свободы – гуввернментализм, регламентация сверху, насильственное навязывание властью. Всякий оттенок мнений, приходя к власти, тотчас же становится религией – и горе раскольникам. Ничего не оставляется на долю личности; ее верования, ее добродетели, ее убеждения – все предписывается государством. Философские идеи провозглашаются в форме гражданского закона. Декретом устанавливается Верховное существо. Людей принуждают говорить друг другу ты, под страхом попасть в число подозрительных, и испытывать друг к другу братскую любовь, выполняя предписания полиции. Объявляют приказание верить в бессмертие души... и это еще не все: это принимается всерьез; подчиняются и подвергаются наказанию непокорных. Какая безумная страсть к власти должна была развиться при подобных обстоятельствах и вместе с тем какое глубокое презрение к личности! Можно ли удивляться тому, что Людовик XIV, пройдя через фригийский колпак, сделался Наполеоном?

253

Это состояние шаткости, неопределенности общественной азбуки не может продолжаться далее. Империя уже здесь, уничтожая мысль и стремления, преследуя сожаление и скорбь, подслушивая за дверьми и подглядывая в щели, развращая, подкупая деньгами и орденскими крестами. Если позволить этому так продолжаться, то через одно-два поколения излечить народ, имеющий лишь сбивчивые понятия о праве, возможно, будет уже слишком поздно.

С другой стороны, централизованный деспотизм всегда готов рухнуть. То, чего Калигула желал Риму, исполнилось в Париже, – у Франции лишь одна голова. Империя ставит все на одну карту, которая может лопнуть от депеши из Евпатории, от бомбы Орсини или же от холеры господ бога. – И тогда откroются безграничные просторы. Дойдя до этого, сможет ли Франция – новая Минерва – выйти во всеоружии из треснувшей головки этой сжавшей ее личинки? – Мы надеемся на это. Во всяком случае она

не выйдет оттуда, не пройдя через чистилище воспитания, совершенно не похожего на то, которое она до сих пор получала. Надобно отречься от своих старых грехов; надобно откатиться от родительского дома или же похоронить себя под его развалинами.

Будет ли продолжительно это воспитание?

Риму понадобилось для перерождения четыре века цезаризма до Константина и еще четыре – после него. Однако с таким проводником, как нынешний цезарь, можно быть уверенным, что путь этот будет короток. И притом... призраки ходят быстро в наши дни!

20 марта 1858 г. Путней.

254

<ЗАКРЕВСКИЕ БЕРУТ ВЕРХ>

Письма, полученные нами, печальны. Партия Александра Николаевича решительно не в авантаже. Орловы и Панины в Петербурге, Закревские в Москве одолевают и смело ведут Россию и царя вспять.

Середь полнейшей тишины, в то самое время, как связь государя с народом делается связью не страха, а любви – заговорщики поддерживают в государе мысль о близком мятеже в Москве Закревский выдает боевые патроны и заводит полицейские сигналы. Когда новый обер-полицеймейстер Кропоткин приказал полицейским чиновникам обращаться вежливее с народом, Закревский сказал ему, что он нововведений терпеть не может и что Москву надобно держать в ежовых рукавицах.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Носился слух, что его, наконец, сдадут на покой в Государственный совет, но совсем напротив: он на днях ответил одному генералу, спросившему его – правда ли, что он оставляет Москву: «Я счел бы себя подлецом, если б оставил Москву в такое смутное время». Уж не пойдет ли и Клейнмихель опять на службу – спасти отечество? – *La pair est en danger!*..181[101] минины, Пожарские да и только.

<ЦЕНЗУРА УСИЛИВАЕТСЯ>

Вместо уничтожения цензуры – цензуру удвоили, запутали; прежде цензировали – цензоры, попы и тайная полиция; теперь все ведомства будут цензировать, каждое министерство приставит своего евнуха к литературному сералу, и это в то время, как ждали облегчения цензуры. И действительно, новый проект был подан в комитет министров, но Панин и за ним все единогласно (за исключением в<еликого> к<нязя> Константина Николаевича) – отвергли всякое улучшение с благородным негодованием. Право, мы начинаем думать, что все это делается для «Колокола» и для «Полярной звезды». Заставить молчать, позволивши хоть немного говорить, – трудно и нелепо. Русская литература переедет в Лондон. Мы ей, сверх английской свободы и родного приветствия, приготовим лучшую бумагу и отличные чернила.

ПОЛЬЗА ОТ ГЛАСНОСТИ

Московский полицмейстер Сечинский пустил в ход записку по делу девицы Янсон, умершей в тюрьме, где она была заключена незаконно полицией. Дело это, забытое совестью виновных, равнодушием посторонних и преступным потворством начальства, поднято статьею, бывшей в 5 листе «Колокола». Факт этот очень важен.

Полицмейстер, оправдывающийся перед публикой, – пример превосходный. Без сомнения, он на это имеет полное право.

Как же правительство и общество не понимают всей пользы гласности? Панин, прочитавши в «Колоколе», вытребовал дело на первый случай только удивился, что решение сиротского суда в статье, помещенной нами, списано слово в слово. Подождем, как он разберет дело, копии он сличает мастерски. Ведь министр юстиции генерал-прокурор, око царево и так высоко поставленное притом, что оно все может видеть, как с каланчи, начиная с Топильского и окончивая почтенной

256

Марией Бредау, содержательницей «девок вольного обращения».

Сечинский не согласен с царевым оком насчет верности изложения и окончивает свое оправдание страшным ругательством – нам, или, лучше, нашему корреспонденту (не выдумали же мы в Лондоне историю Янсон).

Недостаток места в нынешнем «Колоколе» заставил нас отложить любопытную промеморию, пущенную в Москве Сечинским. Олимпийский гнев, сопровождаемый квартальной бранью и риторикой управы благочиния, обязывает нас передать ее нашим читателям. Если б он мог

оправдаться, мы кротко приняли бы его брань и готовы были бы просить у него прощение. Но его записка не оправдывает его, и если в частностях нашего корреспондента есть различия с сведениями, данными Марией Бредау, содержательницей публичного дома, и приставом частного дома, то одно личное знакомство и дружба с ними может вселить к ним доверие; мы же с ними вовсе не знакомы, а что касается до приятного ремесла Марии Бредау, оно не вселяет особенного доверия.

Да если б и все было правда – и строптивость характера девицы Янсон, и незаплаченные долги, и развратное поведение (???) в публичном доме, то все же она не подлежала заключению без суда и смертной казни в тюрьме; но об этом в следующем листе «Колокола».

257

ДЕЛО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Г. ПОДПОЛКОВНИКА СЕЧИНСКОГО

Правительство, получив рапорт «Колокола» о том, как оный г. полицмейстер заморил «девку вольного обращения», распорядилось переследовать дело. Г-ну Сечинскому это, конечно, не понравилось, и он пустил в обращение рукопись (замечательно, что и господин Сечинский, подполковник и полицмейстер, не раз отбиривший рукописи, недозволенные цензурой, и он идет против законов о цензуре, и он пробирается в подземную литературу; как развивается у нас потребность гласности!). Рукопись эта – его оправдание перед публикой. И то дело! Наконец и полицмейстер начинает уважать общественное мнение. Она так драгоценна по слогу, содержанию и приложенному документу, что мы решаемся сохранить ее для потомства и потому целиком печатаем ее в «Колоколе», с несколькими примечаниями.

Записка из дела умершей любавской мещанки Анны Янсон

1855 года в феврале месяце московская мещанка, содержательница девок вольного обращения, Мария Бредау, будучи в С.-Петербурге, вывезла любавскую мещанку Анну Янсон, которая жила в С.-Петербурге у содержательницы девок вольного обращения Анны Михайловой Гейдер182[102], заплатив ей 200 р. денег, перебранных Янсон. По приезде Янсон в Москву она с первых дней слишком рано стала обнаруживать не только строптивость своего буйного характера, но даже развратным разгулом своего

поведения она представляла исключение между прочими девками. Не подчиняясь ни правилам, ни порядку того места, где она пребывала, вследствие необузданности своего характера. Не признавая никаких правил, она произвольно бросила заведение, где была должна, скиталась без вести по городу или переходила своевольно в другие заведения, где новым буйством, нетрезвым поведением, вредным влиянием на прочих девок возмущала их и восстанавливала против всякого порядка¹⁸³[103] и установленного обычая. Таким образом, совершая беспрестанные переходы из одного заведения в другое, оставляя в каждом долги и разительные следы своего буйства¹⁸⁴[104], Янсон вынудила каждую из содержательниц, где она временно пребывала, жаловаться комитету, ища законной защиты и справедливого вознаграждения за все ее убытки. Жалобы приносились содержательницами на Янсон по заведенному порядку словесно, и по личной поверке полицмейстера или старшего комитетского надзирателя Янсон было сделано строгое внушение, телесному же наказанию подвергнута никогда не была. 10 мая и 25 июня 1857 года содержательницы Жихарева в Чернецкая подали сведения, содержание коих по изложенным в них обстоятельствам были предложены обсуждению частного заседания комитета, о чем последовали заключения по журналам 18 мая и 8 июля 1857 года; жалобы эти по распоряжению ближайшим начальством были подтверждены и оправданы поверкою старшего комитетского надзирателя и полицмейстера. Принимая во внимание, что развратное поведение девки Янсон, буйное и немерное сопротивление против всех мер кротости и убеждения и угроз не произвели ни малейшего влияния на Янсон, но продолжение ее поступков заставило комитет по журналу 8 июля предоставить члену комитета полицмейстеру Сечинскому войти с представлением к председателю комитета и просить законного распоряжения об отсылке Янсон на родину, а до того времени, согласно правилам комитета, в смиренный дом, и с этим вместе, чтобы прекратить буйную и пьяную жизнь Янсон, полицмейстер Сечинский предписанием на имя Рогожского частного пристава от 9 июня 1857 за № 2056 приказал задержать Янсон в частном доме в ожидании разрешения начальника губернии, которое последовало 18 июня 1857 за № 14481185^[105] и в тот же день исполнено; с какого времени влияние Сечинского на участь Янсон прекратилось. Что полицмейстер Сечинский в задержании Янсон видел необходимую меру административного взыскания как единственное средство, чтобы

259 предупредить буйный разгул девки Янсон и оградить общественное спокойствие¹⁸⁶[106] от дальнейших последствий ее развратных действий, и что он не имел в виду ни истязания, ни притеснения, ни даже преследования Янсон, что это доказывается предписанием его рогожскому частному приставу, чтобы при задержании Янсон отведена была ей особая комната, и сверх того, подтверждено было частному приставу, если Янсон пожелает иметь обед или чай со стороны, то чтобы исполнять ее требования. Для большей очевидности и доказательства правды было бы весьма полезно послать благонадежное лицо в рогожский частный дом и личным осмотром комнаты, в которой содержалась Янсон, убедиться, что это содержание несколько не возбуждает сомнения или подозрения в пристрастных действиях полицмейстера Сечинского¹⁸⁷[107].

При этом положении вопроса полицмейстер Сечинский получает отношение губернского прокурора от 25 июня за № 3103, в котором прокурор, основываясь на поданном к нему прошении сестры Янсон, тоже женщины вольного поведения¹⁸⁸[108], с жалобой на действия полицмейстера Сечинского, требует от него объяснения по этому предмету. Полицейстер Сечинский уведомляет губернского прокурора тогда ж, что буйные действия девки Янсон были в рассмотрении комитета, по распоряжению которого представлено начальнику губернии об отправлении Янсон в смиренный дом, и при этом полицмейстер Сечинский объяснил, что дальнейшие подробности по этому делу он не считает себя вправе объяснять, потому что по званию члена комитета, где порядок действий и заседание основаны на коллегиальном начале, следовательно, всякий член, вне заседания, по духу коллегии, не имеет никакого самостоятельного значения, и личность его совершенно исчезает¹⁸⁹[109]. Затем губернский прокурор препроводил жалобу в совестный суд. Совестьный суд, имея в виду из препровожденного губернским прокурором ответа полицмейстера Сечинского, в котором полицмейстер Сечинский на основаниях, приведенных в своей бумаге, отрицает всякое юридическое значение в своем лице, вне заседания комитета. Но тем не менее совестный суд, не убеждаясь на буквальном смысле коренного

260 закона¹⁹⁰[110], определяющего существо и начала коллегии, и не принимая во внимание сделанное полицмейстером Сечинским толкование и объяснение законного порядка, изложенные в отношении губернскому прокурору первым своим действием по этому делу, вышел из легального порядка и все-таки обратился к лицу полицмейстера Сечинского, требуя от него объяснения по этому делу и о

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов доставлении содержащейся в смирительном доме Янсон. Полицмейстер Сечинский в ответе своем совестному суду повторяет указание, что совестный суд не в надлежащем порядке обратился к нему¹⁹¹[111]. Между тем среди этой переписки, веденной с губернским прокурором и совестным судом, вопреки всякого порядка и форм гражданского делопроизводства¹⁹²[112], губернский прокурор и совестный суд в настоятельном домогательстве защитить развратную и позорную девку, уже несколько лет продолжающей постыдное ремесло, изыскивают все возможные средства, чтобы или

обвинить действия полицмейстера Сечинского, или по крайней мере выставить их в весьма невыгодном свете и всему ряду распоряжений полицмейстера Сечинского дать характер двусмысленный¹⁹³[113].

Наконец совестный суд, в исправление своей ошибки, решился обратиться к губернскому начальству и просить его, чтобы сделать распоряжение о доставлении девки Янсон в совестный суд к давно желанному допросу. Но по болезни Янсон не имела возможности прибыть в суд, что подало повод совестному суду откомандировать члена и секретаря в место содержания Янсон¹⁹⁴[114].

Смерть Янсон, последовавшая в смирительном доме, приостановила исполнение по распоряжению московского военного генерал-губернатора о высылке Янсон за дурное поведение на место родины. При таком изложении обстоятельств и при таком сближении фактов, выведенных из последовательного развития целого хода дела, дело получает очевидную достоверность¹⁹⁵[115], подтвержденную официальной перепискою, и вот юридическая

261

сторона дела; но теперь надо перейти к вопросу в том положении, как представляется клеветой, вымыслом, бессовестным включением таких событий и обстоятельств, которые даже не существовали в деле.

Итак, развратное поведение Янсон¹⁹⁶[116], признанное положительными фактами, вызвало живое участие некоторых людей, которые во имя благородного стремления защищают невинную жертву и решились прибегнуть к постыдному вымыслу и настоящее дело представили в следующем виде: 1) Развратная девка любавская мещанка Янсон перерождается в дворянку¹⁹⁷[117], делается жертвою молодого человека, который обманом привозит ее из С.-Петербурга в Москву, наконец бросает ее без гроша, без приюта, посреди совершенно чуждого ей города. Положение женщины весьма трогательно. 2) Но чтобы еще более одраматизировать публичную женщину, изобретательный автор прибавляет, что полицмейстер Сечинский, узнавши, о юной несчастной жертве, приказал представить ее к себе и после личного с нею объяснения велел препроводить ее в дом публичных женщин¹⁹⁸[118], где конечно, она, гнушаясь по своей невинности развратом, не согласилась и бежала из дому; преследование Сечинского возобновлялось каждый раз – и, наконец, он, встретив окончательное ее сопротивление, приказал высечь розгами в частном доме и отправить ее в смирительный дом. Жестокое наказание Сечинского было причиною болезни¹⁹⁹[119], которую нежное тело Янсон не могло переносить, и через это последовала смерть. На этих двух основаниях созданы обвинения Сечинского²⁰⁰[120].

В общей массе человеческих действий есть преступление крови, которое заставляет бледнеть человека и трепетать сердце. Но во сколько для человека, нравственно развитого, честь дороже жизни, настолько преступление против чести выше всякого кровавого злодеяния. Если бы это неблагородное обвинение против Сечинского имело вид или характер доноса, тогда Сечинский имел бы полную возможность отразить клевету и разразить клеветника, но автор лишил его и этой последней благородной защиты, он направил свой лживый донос таким путем, что, предоставляя полную гарантию недостойной своей личности, он бросил на позор целой России

262

оклеветанное имя Сечинского, до сей минуты признаваемое и начальством и общественным мнением чистым и безукоризненным.

Этот поступок есть презренный в самом своем источнике и в своем проявлении, потому что он потрясает все начала человеческих законов, в этом поступке поднято знамя разрушения всего челооечества, всего святого на земле²⁰¹[121], что противоречие духу времени, это отчаянный протест против всех принципов современного. Вот почему Сечинский пребывает в полной вере, что подобный поступок, который так безнаказанно стремится опозорить честного человека, вызовет в каждом порядочном человеке благородное негодование с клеймом позора на главу хищника чести²⁰²[122], который спасается невозможностью огласить его имя. Приложение. Копия с сведения умершей родной сестры Янсон, вдовы-солдатки Екатерины Ясиновой, данного ею приставу Тверской части:

На требование вашего высокоблагородия во исполнение предписания полицмейстера г. подполковника Сечинского имею честь объяснить: я и сестра моя, Анна-Луиза-Шарлотта-Доротей Янсон, родились в г. Либаве от тамошнего мещанина

Иоганна-Мартына Янсона и жены его Анны; сестра моя, девица Анна, во время отсутствия моего из Ливавы лет пять тому назад, из дома родителей уехала в С.-Петербург для приискания себе места; в С.-Петербурге она жила года три с небольшим, где я с ней не видалась, а из одного письма ее к родителям было видно, что она живет на Большой Садовой улице, но в чьем доме – не упомяну; впоследствии было получено от нее письмо, что она по приглашению какой-то госпожи переехала в Москву, у которой находится в услужении; в письме писала адрес этой госпожи, фамилии не упомяну, Сретенской части, в Пильниковом переулке, но в чьем доме – тоже не упомяну. По прибытии моем в Москву из Ливавы осенью прошлого 1856 года для приискания какого-либо места я обратилась по вышеозначенному адресу сестры в дом, состоящий в Пильниковом переулке, где, взойдя в сени, была встречена девицею, из обращения коей я могла заметить, что тут живут девицы вольного обращения; на спрос мой о сестре она сказала, что у нас ее нет, а указала дом напротив – справиться, нет ли в том доме ее, – где, по приходе на двор, вышли две или три девицы, как заметила, такого же разряда, у которых я спросила про сестру, и они сказали, что она живет у Александрины, и одна хотела меня отвести к ней, но извозчик, который со мною приехал, сказал, что он знает квартиру Александрины; по прибытии куда нашла сестру свою Анну живущую у содержательницы; между разговорами она, Анна, объяснила мне, что в С.-Петербурге жила у содержательницы девок вольного обращения, откуда по приглашению прибывшей из Москвы такой же содержательницы Бредау отправилась с ней в Москву и жила у нее, но сколько времени и

263

у кого жила еще у других подобных содержательниц, она мне ничего не говорила; от Александрины же, у которой я нашла ее, она перешла к другой содержательнице, Жихаревой, от оной к прежней Бредау где, проживши с неделей, по распоряжению комитета возвратилась к Жихаревой, от нее к Александрине.

Из разговоров сестры видно, что она в Москве постоянно проживала у содержательниц девок вольного обращения, занятия ее были обыкновенно как девицы такого обращения; проживала ли она под чужим именем и с присвоением не принадлежащего ей звания, мне неизвестно, только знаю, что в этих заведениях ее звали Клименсою; чтобы сестра моя подвергается была когда-либо в Москве телесному наказанию, я от нее никогда не слыхала, а если бы была подвергается, то наверно мне бы сказала, тоже никогда не слыхала, чтобы делаемы ей были какие-либо истязания или притеснения. От Александрины она была взята и содержалась в Рогожском частном доме, из оного переведена в смиренный дом, где и умерла; причем дополню, что покойною сестрою моею Анною было подаваемо прошение г. обер-полицейстеру об освобождении ее из заведения Жихаревой по слабости ее здоровья²⁰³[123].

Подлинное сведение вдове-солдатки Екатерины Иогановой Ясиновой, за неумением ее русской грамоте, по личной ее просьбе подписал старший пастор евангелической св. апостолов Петра и Павла церкви консисториальный ассессор – Гейнрих Дикгоф.

Сведение отбирал пристав Тверской части Акуньков.

264

О ГРАФ ВИКТОР НИКИТИЧ!

В «Норде» (№ 97) есть несколько подробностей о проекте II отделения собственной канцелярии е-го в-чества. Весь проект очевидно составлен с целью, чтоб обмануть государя и совет, чтобы за многословием скрыть намерение не только не изменить наше отвратительное судопроизводство, но еще более затемнить его, если возможно.

«Отныне все документы будут вносимы в особую книгу, чтобы тяжущиеся могли всегда отыскать их».

Стало, будет новое лицо для ведения этой книги (а между тем книга входящих и исходящих бумаг и теперь существует во всех присутственных местах). Стало, будет новый чиновник, новое жалованье, новое продажное место, которого будут добиваться, то целуя руку у г. Панина, то платя взятку кому следует. Да кто же поручится, чтобы при безгласности такой господин не вписал в книгу или искаженный документ, или вовсе несуществующий, а потом и будут судить, за утрату оригинала, по оной книге.

«Доклад о деле будет составлен и читан перед присутствием не секретарем – а членом суда».

Но при безгласности судопроизводства – кто бы ни был докладчик – доклад все останется в руках чиновничьего произвола. Да еще и этого члена-докладчика создадут нового – новый чиновник, новое продажное место, новый способ брать взятки!

Г-н министр юстиции полагает, что учреждение адвокатов опасно для

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
правительства,

потому что:

«Не надо забывать, что вредно и опасно для государства, если глубокое знание
права будет распространено в классе людей, не состоящих на государственной
службе».

265

Цинизм невежества, вражда против всякого успеха редко выражались с такой наглой
дерзостью, даже у католических монахов. Не многому же научился Панин в
Оксфордском университете. Его предок, служивший при Екатерине, был современнее
его.

Нет, не вывезет Александр Николаевич из грязи государственную колымагу, пока в
ней будут такие свинцовые министры.

Summum jus – summa injuria²⁰⁴[124]; не оттого ли, что миристр юстиции так
высок, ни одна человеческая мысль не может возвыситься до чела его, а ходят, как
облака по Альпам, – оставляя сухую каменную вершину мерзнуть на солнце.

Попробовать бы маленького министра юстиции – может, будет и лучше.

Сей час мы получаем известие об отрешении Брока, Норова и Вяземского. Это
большое торжество разума, большая победа Александра II над рутинной. С
нетерпением станем мы ожидать, что сделает новый министр финансов. Во всяком
случае, долой откуп, потому что откуп – подкуп чиновничества; пока он
существует, государство ни шагу не сделает вперед.

Ну! а когда же Панина-то с Закревским? Пора бы, пора бы!

L'APPETIT VIENT EN MANGEANT²⁰⁵[125]

После нелепой нападки на книгопродавца Трулова, издавшего брошюрку Адамса:

«Tyranicide is it justifiable?» – здешнее правительство сделало новое
посягательство на свободу книгопечатания... оно добудится львиного зыка
свободной Британии, если французское похмелье переживет Пальмерстона. Марта 23,
утром, был арестован и отдан под суд польский изгнанник Станислав Тхоржевский за
издание письма Феликса Пья к членам парламента.

266

СЛУХИ

В Париже разнесся слух и был поддержан какой-то пиэмонтской газетой – будто было
посягательство на жизнь Александра II, будто его хотели отравить ядом в ванне,
но что он из нее вышел и велел химически разложить воду, где был найден яд.

Мы этому не верим, – так, потому что не хочется верить, потому что для нас
Александр II – «счастливая случайность» как сказал Александр I m-me de Staël. Но
поручиться за то, чтоб это было невероятно, – мы не можем. Мы только скажем
одно: конечно, ни один благородный человек в России не захочет смерти царя,
который идет заодно с народом и с образованием.

Но чего хочет старая дворня – за это поручиться нельзя.

Да прогоните же, наконец, старую дворню. Оно будет спокойнее, доблестнее,
человеколюбивее и – безопаснее!

Семнадцатого апреля, в мрачной зале Олд-Бейльи, в присутствии четырех главных
судей острова, свобода Англии одержала великую победу над французским
деспотизмом. СИМОН БЕРНАР был найден присяжными невиноватым. Двенадцать англичан
из народа не решились (как того хотела аристократия и богатое мещанство) жизнь
Бернара снова купить благорасположение императора от полиции.

Наполеону мира – мирное Ватерлоо. А народу английскому честь, слава и свобода.

267

ДВУСПАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Мы очень серьезно советуем князю Горчакову разуверить Европу, что «Le Nord» –
русский полуофициальный орган, или не удивляться тому, что русский кабинет будет
смешан с кабинетом французского начальника общественного спокойствия. Что за
promiscuité²⁰⁶[126] такое! Есть же в канцелярии министерства иностранных дел
писцы, которые не только читают по-французски^х], но и умеют понимать, – пусть
же к-князь> Горчаков велит им следить за французскими статьями этого журнала»
цинизм раболепия их превышает «Patrie» и «Сошйшюппе1хп^]». Если надобно иметь
орган в Европе, неужели нельзя иметь свой собственный? «Аугсбургская газета»
давно уж толкует о французской болезни «Норда»; Что это за однокорытничество?
Ведь и против балованного дитяти «Le Nord» – неаполитанского короля – кричал за
то, что он сковал Поэрию черт знает с кем!

ПОПРАВКА

В нашей книге «14 декабря 1825 года и император Николай», – пишет нам один
корреспондент, – вкралась важная ошибка (стр. 248–249). Юшневский скончался не
на похоронах Н. Муравьева, а другого товарища, Вадковского.

Спешим исправить ошибку и притом не можем не повторить, что мы просим, умоляем
всех соотечественников, имеющих в

268

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
своих руках какие-нибудь документы о наших мучениках, о наших героях, доставлять их нам. Ведь для них настала история, это признал уже сам государь непечатанием Корфовой книги. Мудрено ли, что мы наделали ошибок, не имея решительно никаких документов, кроме воспоминаний о двух-трех разговорах шепотом за закрытыми дверями. Пусть же нам помогут – сыновья, братья, друзья великих предшественников наших.

<КОРФ>

Правда ли, что Модест Корф хочет отвечать на нашу книгу «О 14 декабря 1825 года»? – Просим и желаем.

ЕЩЕ ПОБЕДА!

Вместо Сухозанета назначен исправляющим должность военного министра Васильчиков – человек, о котором мы слышали прекрасные отзывы.

269

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА АВРААМИЯ СЕРГИЕВИЧА НОРОВА

Что город – то Норов, что столица – то Закревский!

Авраамий Сергиевич почил от министерства, и для него, как для Наполеона на острове св. Елены, «уже потомство настает». Отставной министр просвещения Гизо сам пишет свою биографию; келарь Авраамий Палицын тоже о себе писал сам, но Авраамий Сергиевич, подобно родоначальнику всех Авраамов (доведшему свое историческое подобострастие и верноподданнические чувства до того, что чуть не прирезал родного сына Исаака), ждет нового Моисея.

Для этого – то будущего Моисея хотим и мы передать несколько подробностей о добросовестных трудах Авраамия Сергиевича и о неусыпных попечениях его, сделанных с просвещенной целью помешать распространению наших книг.

Летом 1857 года Авраамий Сергиевич проживал в Берлине, лихорадочно поджидая государя (как будто он не мог наговориться с ним досыта и до ленты в Петербурге?). Вдруг... в его замке народного просвещения т рагиЪиБ раздается рожок, гремят цепи подъемного моста и въезжает оруженосец Марковский, посланный от маркиза Паулуччи, начальника тайной полиции в Варшаве. Паулуччи поручал министру просвещения, через Марковского, иметь неослабное наблюдение в Германии за русскими книгами, печатаемыми в Лондоне. Просвещенный министр, желая оправдать доверие Паулуччи, тотчас

270

принялся за дело и сам поехал с пакетом в Дрезден. В Германии, надо вам сказать, есть два, три отделения Третьего отделения собственной е<го> и<мператорского> в<еличества> канцелярии. Еще при незабвенных Леонтии Васильевиче и Николае Павловиче они были очень хорошо устроены: берлинским отделением III

отделения собственной канцелярии заведовал

Мантейфель, саксонским – Бейст. К нему – то первому и обратился старец Авраамий, поддерживаемый старцем Шредером (из русских) – человеком, которого учтивость была до того велика, что почти выходила из пределов приличия.

Бейст, видя жандармское рвение министра народного просвещения, поддержанное учтивейшим человеком из всех Шредеров, не исключая Шредера Девриен, дал слово (и сдержал его) – запретить в Саксонии русские книги, печатаемые в Лондоне, признаваясь откровенно и всенародно этим фактом, что Саксония находится на положении Грузии и что ее царь Ираклий – гражданский губернатор саксонский и военный генерал-губернатор города Дрездена.

Авраамий Сергиевич, довольный успехом, снова возвратился в Берлинскую область. В уездном городе Потсдаме он встретил г. Адлерберга, князя Горчакова и самого государя, с ужасом жаловался он им всем на распространение русских книг, печатаемых в духе свободы и независимости, дерзающих касаться не только до предметов священных, но и до первых трех классов, не щадящих ничего, ни даже графа Панина. Он удивлялся преступному равнодушию Брунова, который терпит в Берлине продажу их. (Он не рассудил, что Брунов, проживши в Англии так долго, утратил рабскую книгобоязнь.) Горчаков обещался принять меры, попросить, убедить, склонить кого надобно; у короля-наместника мозг уже размягчался тогда не по дням, а по часам, Мантейфель – свой человек, Герлах – покойников человек, успех был несомненен. Но что довольно для успеха – того не довольно для усердия, и потому состоящий при маркизе Паулуччи министр народного просвещения отправился сам к Мантейфелю. «Кейзер, говорит, – ни хт волен... Зи мусен махен, – Прусиш, Русиш – камрад!»

271

Мантейфель запретил наши книги во всей вверенной ему губернии.

И нам пришлось печатать после всех этих реклам, переписок, совещаний, Бейстов, маркизов от инквизиции, министров от просвещения, Марковского, Мантейфеля – ровно вдвое больше наших книг!

А надобно признаться, оригинально понимал отец Авраамий министерство

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
просвещения, – он, верно, думал, что оно, как пожарное депо, назначено не для
увеличения просвещения, а для предупреждения и прекращения его, где оно (чего
боже сохрани) нечаянно случится. Зато по-еврейски знает он, по свидетельству
«Аугсбургской газеты», лучше всякого раввина и талмуд толкует, как будто не
выходил всю жизнь из синагоги.

<ПОГЕНПОЛЬ>

Нам пишут, что секретарь русского посольства в Неаполе, г. Погенполь, ходил по
лавкам 27 апреля, страшая книгопродавцев и угрожая полицией, если они будут
продолжать продажу «Колокола» и «Полярной звезды» (об «лом'е» не сказано
ничего?).

Охота же им компрометировать правительство, посольство, себя!

Впрочем, где есть порядочный и умный посланник, там и не делают этих мелочных
набегов, – возьмите в доказательство полное достоинства поведение нашей миссии в
Париже. Отчего? Оттого, что послом там граф Киселев.

272

<ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «„О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ"
КНЯЗЯ М. ЩЕРАБАТОВА И „ПУТЕШЕСТВИЕ" А РАДИЩЕВА...»>

После этого спросят меня, как же управляется эта страна и на чем она держится?
Управляется она случаем и держится на естественном равновесии – подобно огромным
глыбам, которые сплочает собственный вес.

(Согьегоп – французский посол в своей депеше от 9 апреля 1778)

Князь Щербатов и А. Радищев представляют собой два крайних воззрения на Россию
времен Екатерины. Печальные часовые у двух разных дверей, они, как Янус, глядят
в противоположные стороны. Щербатов, отворачиваясь от распутного дворца сего
времени, смотрит в ту дверь, в которую взшел Петр I, и за нею видит чинную,
чванную Русь московскую, скучный и полудиккий быт наших предков кажется
недовольному старику каким-то утраченным идеалом.

А. Радищев – смотрит вперед, на него пахнуло сильным веянием последних лет XVIII
века. Никогда человеческая грудь не была полнее надеждами, как в великую весну
девятидесятых годов, – все ждали с бьющимся сердцем чего-то необычайного; святое
нетерпение тревожило умы и заставляло самых строгих мыслителей быть мечтателями.
Еммануил Кант, сняв шапочку, говорил, удрученный величием событием, при
провозглашении французской республики: «Ныне отпускаеши!..» С восторженными
идеалами того времени Радищеву пришлось жить в России – слезы, негодование,
сострадание, ирония – родная наша ирония, ирония-утешительница, мстительница –

273

все это вылилось в его превосходной книге. Радищев гораздо ближе к нам, чем
к<князь> Щербатов; разумеется, его идеалы были так же высоко на небе, как идеалы
Щербатова – глубоко в могиле; но это наши мечты, мечты декабристов.

Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца, он не ограничивает первыми
тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины – он
едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками,
дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилью
– громкий протест против крепостного состояния. Тогдашняя риторическая форма,
филантропическая философия, которая преобладала в французской литературе до
реставрации Бурбонов и поддельного романтизма, – устарело для нас. Но юмор его
совершенно свеж, совершенно истинен и необычайно жив. И что бы он ни писал, так
и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях
Пушкина, и в «Думах» Рылеева, и в собственном нашем сердце.

Что для него были убеждения – это он доказал, возвратясь из ссылки. Вызванный
самим Александром I на работу, он надеялся провести несколько своих мыслей и
пуще всего мысль об освобождении крестьян в законодательство, и когда –
пятидесятилетний мечтатель – он убедился, что нечего и думать об этом, – тогда
он принял яду и умер!

К<князь> Щербатов дошел до своей славянофильской точки зрения, сверх частных
причин, тем же путем, которым на нашей памяти дошла до нее часть московской
молодежи. Раздавленная николаевским гнетом, не видя конца ему, не видя выхода,
она прокляла петровский период, отеклась от него и надела, нравственно и в
самом деле – зипун.

Само собою разумеется, что в этой лести, в этих гергёвашеБ207[127] есть натяжка.
Когда пуритане с щербатовским омерзением смотрели на развратный двор Карла II и,
качая головой, вспоминали времена протектора, не надобно забывать, что, при всей
утомительной суровости своей, пуританские нравы представляли по всей энергии
многие стороны англосаксонского

274

характера; на эти времена и теперь англичанин обращается с гордостью.

Допетровская русская жизнь не представляет такого прошедшего, она была похожа на
большой сонный пруд, покрытый тиной; сверху донизу все дремало в этом затишьи, в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
котором складывалось, оседало государство. Не приходя в себя, безличные поколения сменялись, как листья на дереве, жили тесно, связанные тяжелыми, периодическими обрядами. Покой и отрицательная простота этой жизни незавидны. В природе все неразвитое тихо и покойно. Камень лежит себе века увальнем, выветриваясь понемногу, а птица часу на месте не посидит.

А так как объективной истины в этом возвращении к жизни из которой мы выросли, нет и она только взята назло, чтоб современники казнились, то к<князь> Щербатов часто впадает в противуречия и просто в ошибки. Можно ли, в самом деле, делить его негодование на женщин и девиц, что им лучше понравилось выезжать и одеваться, чем всю жизнь проводить в тюремном заключении отцовского или мужнина дома. Тем больше, что к<князь> Щербатов, говоря о недостатках и грубости императрицы Анны Иоанновны, прибавляет, что причиною тому было ее старинное воспитание. Мы находим далее чрезвычайно человеческим, что невестам хотелось видеть прежде брака своих женихов, и очень довольны, что русский, православный обычай сватать и соединять пары помимо воли пациентов остался в употреблении только на конских заводах...

Но чтоб понять желчевое увлечение к<князя> Щербатова, надобно вспомнить, что такое были пресловутые екатерининские времена в середине своего разгара. Со всяким днем пудра и блески, румяна и мишура, Вольтер, «Наказ» и прочие драпри, покрывавшие матушку- императрицу, падают больше и больше и седая развратница является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде²⁰⁸[128]. Между «фонариком» и Эрмитажем разыгрывались сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова. Двор – Россия жила тогда двором – был

275

постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана. У каждой партии вместо знамени – гвардейский гладиатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин – каждый имеет запас кандидатов, за ними посылают, в случае надобности, курьеров в действующую армию. Особая статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворец (в комнатах предшественника, которому дают отступной тысяч пять крестьян в крепость) покрывают брильянтами (пуговицы Ланского стоили 80000 серебр<ом>, звездами, лентами – и сама императрица везет его показывать в оперу; публика, предупрежденная, ломится в театр и тридорого плотит, чтоб посмотреть нового наложника.

Потемкин, этот незабавный blasé²⁰⁹[129], избалованный степной барич на содержании, из которого, к стыду России, сделали великого человека стихами Державина, раболепием дворцовой черни и, наконец, семинарской прозой Надеждина, – Потемкин не любит шутить; что касается до фаворитов, он позволяет Екатерине брать подставных сколько душе угодно, но только из его клеветов. Старуха в отчаянии, не слушается – и Потемкин грубит с ней, бранится.

Le balâfré²¹⁰[130], угрюмо живущий в дальнем имении, услышал это – и снова является перед женщиной, которую посадил на престол. «Помогите мне», – говорит ему императрица, рыдая. «Я готов», – отвечает граф Алексей Григорьевич. Готов – значит на его языке: готов задушить Потемкина, если в<ашему> в<еличеству> угодно, – так, как задушил вашего мужа, так, как сбыл с рук князю Тараканову. Но нервы венчанной куртизаны ослабли, она шепчет старому сообщнику: «Помириться с ним, смягчите его». С сожалением смотрит на нее Чесменский, пожимает плечами и идет прочь... «Non, vous n'êtes plus ma Lisette!..» и оставляет уголовный дворец, в котором, сверх плачущей императрицы, бродит князь Григорий Орлов – сошедший с ума. С воплем и дикими речами ходит он из угла в угол по кабинету Екатерины. Она не велит его останавливать – она с оцепенением и ужасом ходит за ним, слушает его бред, с ужасом видит в его безумии угрызения совести, кару за совершенное ими вместе преступление и, задавленная темными мыслями, «не может больше заниматься делами весь день» – и только успокоивается ночью в объятиях нового лейб-гвардейского гладиатора.

Вот мир, о котором наши деды и отцы поминали с умилением, – мир, в котором жил Щербатов, – всякому честному человеку должна была древняя Русь показаться чистой и доблестной в сравнении с этим бесстыдным развратом, с этим переходом Руси допетровской в новую Русь – через публичный дом. Современнику трудно было отделиться от всего и широким взглядом историка обнять это время; стоять возле вообще мешает хорошо видеть, гармония целого пропадает, многое загорожено случайно близким – мелкое кажется громадным.

Мог ли думать князь Щербатов, когда он писал свой строгий разбор дворцового разврата, что в одно мгновение все сразу переменится? – Часы пробили двенадцать, и вместо нелепости жирной масленицы – настает противоположная нелепость сурового поста. Дворец превращается в смиренный дом, везде дребезжит барабан, везде бьют палкой, бьют кнутом, тройки летят в Сибирь, император марширует, учит

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
эспонтоном, все безумно, бесчеловечно, неблагородно; народ по-прежнему оттерт,
смят, ограблен, дикое своеволие наверху, il n'y a de grand chez moi que celui a
qui je parle et pendant que je lui parle – рабство, дисциплина, молчание, рунд и
высочайше приказы.

И в то же время Суворов на Альпах, под Требией и Нови, завязывает ту борьбу,
которая привела всю континентальную Европу в Кремль, а нашу армию в Париж.
Вот это–то и отделяет так резко петровскую эпоху от московской, что в ней –
какие бы обстоятельства ни были – чувствуется движение, чуется возбужденная
мощь; можно выбиться из сил, можно погибнуть в ней, но нет того удушья,
бесцветного, безвыходного, утягивающего без вести какими-то немymi стихиями и
страданье, и счастье, и лица, и поколенья... и всю допетровскую Русь.

277

Петербургская Россия не имеет той безнадежной оседлости; она, очевидно, не есть
достигнутое состояние, а достижение чего-то, это репные зубы, которые должны
выпасть; она носит во всех начинаниях характер переходного, временного; империя
стропил – столько же, сколько фасад, она не в самом деле, не «взаправду», как
говорят дети. Это глиняная форма, которая была, может, необходима, чтоб
остановить, собрать славянскую распущенность, – но которая сделала свое дело;
это хирургическая повязка, которую надобно снять, как только органы будут
поздоровее: она уже порвалась в десяти местах, и по тем мышцам, которые видны,
можно судить о том, насколько мы выросли и окрепли.

Нашему нетерпению мало (и самое это нетерпение свидетельствует о том же
внутреннем движении), – у нас самих десять раз опускались руки, и мы
останавливались, исполненные ужаса и печали, перед уродливым, капризным сфинксом
русского развития.

Все это понятно, но лишь бы люди не шли вспять, как князь Щербатов, и не
предавались бы полному отчаянию, как А. Радищев.

Медленно идет наше развитие – срывается с дороги; проводники плохи, давят народ
– топчут нивы, – а как приостановишься, оботрешь пот с лица, а иной раз и слезы,
да посмотришь назад, – а пути-то сделано много!

Кто из нас смел думать пять лет тому назад, что твердыня крепостного права,
поддерживаемая розгой внутри и штыками снаружи, – покачнется?

И кто же скажет, что вслед за нею не рухнет и табель о рангах, и потаенный суд,
и произвол министров, и управление основанное на телесных наказаниях и боящемся
гласности?

Что по дороге будут не только времена устали, но безумной реакции – в этом нет
сомнения, для этого достаточно знать главных актеров. Да ведь исторический путь
и не есть прогулка по Невскому!

Путней, 25 мая 1858.

278

<ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПУТЕШЕСТВИЮ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А РАДИЩЕВА>

В VII томе сочинений А. Пушкина помещена его статья о А. Радищеве. Статья, не
делающая особенной чести поэту. Он или перехитрил ее из цензурных видов, или в
самом деле так думал – и тогда лучше было бы ее не печатать. Из нее берем мы
некоторые подробности об авторе «Путешествия из Петербурга в Москву».

Александр Радищев родился около 1750. Он обучался сперва в пажеском корпусе,
потом в Лейпцигском университете. Его друг Ушаков, служивший секретарем при
тайном советнике Теплове, оставил службу и отправился в Лейпциг вместе с
молодыми людьми, посыланными Екатериной II – для окончания своего образования.
«Гримм, странствующий агент французской философии, в Лейпциге – застал русских
студентов за книгою „О разуме“ и

привез Гельвецию известие, лестное для его тщеславия и радостное для всей
братии». Ушаков, имевший большое влияние на Радищева, умер на 21 году.

Осужденный врачом на смерть, он равнодушно услышал свой приговор; вскоре муки
его сделались нестерпимы, и он потребовал яду от одного из своих товарищей, А.
М. Кутузова. Радищев тому воспротивился, но с тех пор самоубийство сделалось
одним из любимых предметов его размышлений.

«Возвратясь в Петербург, Радищев вступил в службу, не переставаяхлп], между
тем, заниматься словесностью. Он женился. Состояние его было для него
достаточно, граф Воронцов ему покровительствовал, государыня его знала лично и
определила

279

его в собственную канцелярию. Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен
был достигнуть одной из первых степеней государственных. Но судьба готовила ему
иное.

Радищев был мартинист – поклонник возникавшей революции и философии
энциклопедистов. Энергический и смелый – он один поднял голос протеста и середь
лести и раболепия, которыми окружали богоподобную фелицу, – «спокойно пустил в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
продажу» свое «Путешествие из Петербурга в Москву», напечатав его тайно в своей
типографии, говорит Пушкин²¹¹[131].

Книга Радищева дошла до государыни, Екатерина сильно была поражена. «Он
мартинист, – говорила она Храповицкому. – Он хуже Пугачева: он хвалит
Франклина»²¹²[132]. Пушкин находит это замечание глубоко знаменательным – нам
оно кажется чрезвычайно глупым. Радищева отдали под суд, потом сослали. Сенат
осудил его на смерть (по какому закону – не знаем). Екатерина велела преступника
лишить чинов и дворянства и в окопах сослать в Сибирь.

До воцарения Павла Радищев жил в Илимске. Павел возвратил его из ссылки,
император Александр I определил Радищева в комиссию составления законов и
приказал ему «изложить свое мнение касательно некоторых гражданских
постановлений». Радищев, «увлеченный предметом, некогда близким к его
умозрительным занятиям, вспомнил старину и в проекте, представленном начальству,
предался прежним мечтаниям. Граф З.213[133] удивился молодости его седин и
сказал ему с дружеским упреком: „Эх, Александр Николаевич, охота тебе
пустословить

по-прежнему! или мало тебе Сибири?“ – Пришедши домой, огорченный Радищев
вспомнил о друге своей молодости и отравился»!

Не ужасно ли все это!

Как же может память этого страдальца не быть близка нашему сердцу!

281

СЛОВОБОЯЗНЬ

«Кёльнская газета» объявляет на днях о новом запрещении «Колокола» в Пруссии. В
Саксонии все наши периодические издания запрещены. В Неаполе секретарь
посольства страшает²¹⁴[134] книгопродавцев; *commis voyageur*'bi Третьего
отделения в генерал- адъютантских мундирах, статские советники, воображающие
себя тайными, обтекают всю падшую часть Европы, шныряют по лавкам, открывают,
доносят, употребляют немецких министров вроде полицейских сыщиков и трюфельных
ищеек и немецких князьков вроде бульдогов на «Полярную звезду» и «Колокол».
Зачем все это? Откуда эта невежественная нетерпимость? Жаль, если это идет от
государя: это так недостойно его; жаль, если это от министра Горчакова: нам
говорили, что он благонамеренный человек, и мы готовы были верить!

Или все это шалят «вторые места», добровольные ревнители и николаевские
жандармы, оставленные теперь без занятий?

Неужели всякой власти, даже той, которая хочет добра, написано на роду не уметь
иначе слушать истину, как обвернутую в фразы битого раболепия, как подслащенную
пошлой лестью? Язык свободного человека режет ухо, размягченное риторикой
византийских евнухов в гвардейском мундире, старых ключников и дворецких
покойного барина...

Как все это старо! Подобные вещи наверное говорились Тарквиниям в Риме, Кадму в
Афинах, самому Мельхиседеку (если спросить равви Авраамия Сергиевича) – и
все-таки лесть слушается, и все-таки ласка куртизаны принимается за чистые
деньги.

С 1 января нынешнего года «Колокол» поставил своим знаменем «освобождение
крестьян!» Только этим вопросом и занимался... по дороге приходилось иной раз
хлестнуть – как кучера здесь хлещут засаленных мальчишек, которые вешаются на
рессоры – наших баловней, наших *gamins* и *gamines*²¹⁵[135]: Закревского, Панина,
Марию Бредау, Сечинского, Мину Ивановну; но, во-первых, зачем же они вешаются за
рессоры а потом неужели Александр II и Горчаков II, III отделение и IV министра
– эти *quatre mendiants* немецких дворян – все это ополчилось за семейные
добродетели Мины Ивановны, за ум Закревского, за целомудрие Марии Бредау, за...
за рост Панина (других достоинств он еще не успел показать)?

А потому мы и просим позволение еще раз повторить сказанное нами в 9 листе
«Колокола»:

«Дело русской пропаганды для нас не каприз, не развлечение, не кусок хлеба – а
дело нашей жизни, наша религия, кусок нашего сердца, наша служба русскому
народу.

Мы работали не унывая тогда, когда не было никакого успеха. Неужели теперь,
когда русское министерство иностранных дел и немецкие министры дел отечественных
признают нашу силу, наше влияние, – мы остановимся?

Будьте уверены, что нет. С рукою на сердце присягаем мы перед лицом России –
продолжать работу нашу до последнего биения пульса. Она даже не прервется с
нашей смертью. Мы не одни и, умирая, завещаем наш станок грядущему, юному
поколению, которое примет за него с новыми силами, с свежими идеями.

Нас остановить можно только уничтожением цензуры в России, а вовсе не введением
русской цензуры в немецких краях.

Не надобно думать, чтобы меры эти были взяты только против нас: они столько же и
еще больше взяты против государя. Чернильное и казарменное масонство,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов завоевавшее четырнадцать степеней лестницы, ведущей к дворцовой передней, старается обернуть язык Колокола – немецкими препятствиями, для того чтоб его звон не доходил до Зимнего дворца!»

283

ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

Мы получили на днях письмо, в котором какой-то друг тамбовского дворянства упрекает нас в поспешности, с котрой мы «предали это дворянство анафеме», поверив статье «Норда». Хотя автор письма и сознается, что он «мало знает расположение тамбовского дворянства относительно освобождения крестьян», тем не менее желает защитить его. И мы ничего лучше не просим, как исполнить его доброе желание и «снять анафему»; мы сделаем это тотчас, как только почтенный корреспондент наш много узнает о хорошем расположении тамбовского дворянства относительно освобождения крестьян. Мы до сих пор, сверх статьи «Норда», читали речь какого-то Бланка, перед которой иезуитское сочинение Безобразова – зажигательная статья и циркуляр министра Ланского – такое же якобинское произведение, как бюллетен Ледрю-Роллена. В конце этого отвратительного дифирамба в пользу крепостного состояния и рабства сказано в скобках: «Речь сия была принята собравшимся дворянством с восторгом и рукоплесканием».

Что касается до князя Голицына и до г. Лиона, нам до них нет дела; мы охотно верим корреспонденту, что князь Голицын виноват, и без малейшего труда примем, что г. Лион неправ. Мы знаем, что такое российское благородное дворянство, мы знаем, как Орловы и Панины бросились стремглав со ступеней трона, да которых они стоят, закладывая именья, боясь освобождения крестьян.

Мы искренно будем рады АШ], если тамбовское дворянство да и все прочие поймут, что оппозиция правительству и народу в деле освобождения не только безнравственна и гнусна,

284

но чрезвычайно опасна и может навлечь на них вещи, несравненно более чувствительные, чем несколько строк «Колокола».

PAS DE REVERIES! PAS DE REVERIES!

Из Украйны пишут, что польским журналам не только не дозволено печатать статей об освобождении крестьян, но не позволяют перепечатывать статей из петербургских и московских журналов. Что это за безобразие, что это за тупоумие! Своим глазам не веришь... Александр II похож на тех средневековых паломников, которые ходили в Иерусалим два шага вперед да один назад, это лучшая метода, чтоб никуда не пойти и оттоптать себе ноги до страшных мозолей... По крайней мере те шалили из любви к богу. А тут что за цель???

КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЕ МЕСТНИЧЕСТВО В НАУКЕ И В ОРЕНБУРГЕ

Из военной рассадницы, взлелеянной императором Николаем, вышла целая лейб-ширинга молодых генералов, играющих важные роли, назначенных к еще большим и потому имеющих полное право на переключку в «Колоколе».

Главная отличительная черта их состоит в том, что они не участвовали в Крымской войне или участвовали в ней по мирной части.

Выращенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свет Николаем, эти неогатчинские воины мира, эти якобинцы шагистики, эти Клейнмихеля под разными названиями – Катениных, Герстенцвейгов, Тимашевых, эти люди консерватизма, строя, погончиков и петличек прикинулись реформаторами Катенин-Лютер!

Тимашев-Гус! Кто во что горазд, тот то и улучшает... пекутся о цивилизации, об эманципации, распространяют

285

свет, строятся в уровень века, чувствуют силу новых идей. Эпоха возрождения да и только! Вот вам образчик.

«Аугсбургская газета» от 2 мая рассказывает о радикальном улучшении кадетского корпуса в Оренбурге. Прежде кадетский корпус состоял из двух классов (Бсьшаьгопеп?216[136]), в которых учение было почти одинаковое, и ученик в тот или другой вступал по желанию. Но генерал-губернатор Катенин иначе рассудил дело и для того, чтоб поставить на современную точку образования Оренбургский кадетский корпус, велел в одном батальоне принимать только из родовых дворян и учить их больше, а в другой принимать всякую всячину и учить меньше!.. А сколько классов в сумасшедшем доме?

<МЕЛЬНИКОВ>

ФАНАТИК ПАСПОРТОВ

Правда ли, что нижегородский литератор, переведенный в Петербург за изящный стиль, г. Мельников, готовит к печати рассказ апостольских подвигов своих, иже на обращение заблудших братьев-раскольников направленных? Если же неправда, мы их расскажем, пожалуй.

Каких фанатиков не бывало – от фанатиков языческих, христианских, магометанских

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов до фанатиков вертящихся столов и толкущихся духов; но «Северная пчела» знакомит нас с новым видом этой проказы, с фанатиком паспортов (в 78 №). В. Кокорев навлек на себя гнев привилегированных и цеховых литературных дел мастеров за то, что стал печатать свои статьи, да еще предпочел бельгийскую «Пчелу» – северной. Гнев этот в петербургском «Норде» дошел у какого-то Ст. В до бешенства к паспортам. В. Кокорев заметил, что «где нет паспортов, где движение каждого не опутано никакими формами, полицейские чиновники не имеют надобности придирааться – там крестьянин не несет бесполезных расходов и деятельность в жизни простого народа сильное развивается».

Этого Ст. В. не может вынести, его полицейский патриотизм оскорблен этим. Он, разумеется, не знает, что паспорта вообще учреждались с политической и военной целью, что они должны препятствовать сообщению, а не способствовать ему; необходимость паспорта и визы есть уже полицейский надзор, есть уже рабство. С усиленной системой паспортов соединяются воспоминания самых мрачных периодов: террора 94 года, николаевского царствования и пр.

Сидя под крыльями Пчелы, разумеется, можно писать такую нелепость: что «в Англии были бы реже страшные злодеяния, если б всякий обязан был доказать, кто таков». Лучше организованной полиции, как в Лондоне и в Англии, не существует в мире, ее деятельность и смысленность поразительны.

287

Она только не ловка в политических преследованиях, ей не было случая развиться в них. Здешнее III отделение в подметки не годится тимашевскому, это новый цветок, пересаженный в Англию трудами таких людей, как Пальмерстон. Порядочный человек, идущий здесь не краснея в констабли, так же не пойдет на службу в Scotland Yard, как порядочный русский не пойдет в III отделение.

Арест Лани, убившего француженку в Арундель-стрите, на корабле, отплывавшем в Монтевидео, в то время как никто не знал ни имени, ни места жительства его, должно изумить наших сыщиков, даже тех, которые, плутовски и лжесвидетельствуя, обируют у раскольников иконы и книги – особенно когда они узнают, что здесь нельзя полиции ни в дом взойти без зова или судебного приговора, ни сечь по-эртелевски, ни бить по-берингски. Как же полиция нашла? Отгадайте-ка, Фаддей Венедиктович, на старости лет? Убийство было открыто тогда, когда убийца, ночевавший у своей жертвы, ушел, т. е. затерялся, исчез в этом омуте, которого народонаселение равняется народонаселению всей Сибири. Все, что об нем знали, – это то, что он итальянец и молод.

Ст. В. справедливо заметит, что если б у него был паспорт в кармане, то его легко бы было узнать, но для этого надобно было две вещи: карман и самого Лани – имея то и другое в руках, паспорт делается милым излишеством.

Так и быть, мы вам откроем секрет. В четыре часа того дня, в который совершилось преступление, печатные афиши о нем уже были приклеены в Гаймаркете и других близких местах, в 5 часов все вечерние газеты перепечатали его, в 6 весь Лондон читал и в том числе один дворник. «Ба, – говорит он себе, – итальянец, – дома не ночевал, – у нас был итальянец, утром пришел с исцарапанным лицом, взял чемодан и уехал в доки». Он сообщил тому, сему. Полиция, услышав это, бросилась в доки, корабль был готов плыть в Монтевидео, Лани так мало думал о возможности быть пойманным, что преспокойно завтракал, когда полицейские взошли.

Не попробовать ли гласности вместо паспортов? В Лондоне много воруют, хотя и далеко не столько, как у нас в гражданской и военной службе, несмотря на то, что у

288

служащих есть не только паспорт, но формулярный список, подорожная, дворянская грамота, ученый диплом и свидетельство о святом причастии, – но ведь в Лондоне не только крадут, но и много находят краденого, и не только находят, но – я знаю, что в России никто мне не поверит, – отдадут найденное хозяевам.

Больно видеть, что в русскую литературу пробирается больше и больше гуверnementальный тон, отстаивание устарелых, рабских учреждений, этого прежде не было. Литература молчала, говорила вздор, иногда льстила властям, – но какой-то стыд, какое-то сознание своего загнанного, но оппозиционного положения удерживали литераторов от защиты крепостного состояния, розог, палок, полицейских стеснений. Едва нам позволили немного громче говорить – явился Бланк, доблестный защитник помещного права, Безобразов, желающий освобождением еще больше закрепить крестьян, его сиятельство князь Голицын, который каким-то лабазно-извозничьим языком с разными прибаутками хочет уверить крестьян, что земля не их. «Один помещик» – трогательно хвалит розги. «Один чиновник» – умильно просит не учить крестьян грамоте, и – от цинизма до цинизма – мы доходим до обоготворения полиции. Горе дерзновенному, касающемуся до святыни паспортов, адрес-билетов и других полицейских ярлыков!

Если г. Ст. В. под заглавием «Дела и слова» мог для защиты паспортов напечатать: «К чему крестьянам разезжать и разгуливать, с крестьянина, идущего на поле, не требуют паспорта!», то я спрашиваю, отчего не поместить г. В. Ст. под заглавием «Слово и дело», статью о пользе преображенского приказа и пыток, доказывая ее тем, что в Англии именно оттого так сыро и так много идет дождя, что в ней никого не пытаются?

Что касается до личностей против г. Кокорева, которого мы не видывали и не знаем, они просто поселяют отвращение. Мы ненавидим откуп, считаем его безнравственным, но виним правительство, а не откупщиков. Г-н Кокорев нажился откупками – ну а все остальные, которые нажались, лучше разве нажались? Не все, как Фаддей Венедиктович Булгарин и Николай Иванович Греч, с рождением принесли высокое аристократическое имя и колоссальное богатство.

И отчего же, например, помещик, грабящий весь век своих крестьян, опираясь на ту же защиту штыков, чище и доблестнее откупщика? Особенно когда откупщик сам нападает на откуп и предлагает выкупать землю для крестьян, а помещики будут ее продавать для самих себя?

290

АРХИПАСТЫРСКОЕ РВЕНИЕ О МРАКЕ

Мертвые восстают! немые глаголят! православные святители поднимают слабый глас свой на противудействие науке, во грехе мысли светской зачатой. Вот что благовестит преосвященный митрополит новгородский и с.-петербургский за № 641 – обер-прокурору Святейшего синода, сему стражеблюстителю, охраняющему, яки пес верный, паству господню, паству православную;

«Неоднократно доходили до меня слухи, что некто иностранец Роде здесь, в СПб., в разных высших учебных заведениях, разными картинками, не упоминая ни слова о боге-создателе показывает, что образование нашей земли со всеми ее растениями и животными, не исключая и людей, произошло только от действия естественных сил какой-то первобытной материи, в продолжение не простых шести дней, а шести более или менее длинных периодов.

В настоящее же время, как сказывают, этот Роде уже делает свои представления публично, близ большого театра, в цирке, и для большего привлечения народа – с торжественною музыкою.

Такое представление, явно колеблющее основание христианства и истребляющее в народе всеми христианскими народами благоговейно признаваемую и чтимую истину в создании нашей земли от всемогущего, премудрого и всеблагого творца-бога, весьма вредно для народной веры и нравственности.

Поэтому покорнейше прошу ваше сиятельство, чтобы означенное даваемое в цирке представление было прекращено».

...Может, пастыри наши умиленно мечтают, что, уничтожая свет дневный, они усугубят продажу свечей церковных!

ПРАВО ГРАЖДАНСТВА, ПРИОБРЕТЕННОЕ «КОЛОКОЛОМ»

В РОССИИ

Наконец-то разрешено в России говорить о «Колоколе», хотя для начала только по-китайски (не выдумал ли это наш японский цензор?) читая буквы сверху вниз, а не в строчку. *Se n'est que le premier pas qui coûte!*²¹⁷[137] Перепечатаваем стихотворение, вышедшее в Петербурге с тавром цензуры Слухи о Conspiracy-Bill (который ученый поэт смешал с Alien-Bill) вдохновили Ижицу, а надежда видеть меня повешенного «за полюса-звезду» или сосланного на каторгу в Ботани-Бей (куда теперь не посылают) излилась следующими виршами:

Басня ОРОСКОП КОТА (Акrostих)

Кот Васька, желчный и кривой,

Отсюда в альбион забрался,

Ломать придумал край родной,

Он вчуже, знать, ума набрался:

К мадзиновским рядам пристал.

Онучки с полушубком тертым,

Лежанку, на которой спал,

ь

Щипать да рыть не уставал И весь тот сор в журнале издавал!

Как вдруг молва о том идет У бритов Alien-Bill в закон войдет!

Пришельцу Ваське стал грозить

Европы общий приговор:

Таких, как он, велят ловить;

Ловить, чтобы печатный вздор Ясновельможный кот и вор, Гремучим наполняя сором,

Отважно не бросал в людей!

Тут Ваську как освищут хором, Отправят вдруг в Ботанибей,

Велят: за полюса-звезду повесить,

А колокол коту к хвосту привесить;

292

И выйдет тут такой трезвон,
Что мыши, крысы и педанты,
Сулил которым гибель он,
Не попадут уж в арестанты!

И ж и ц и н

т. е. Колокольщику петля готова ичсн. Оно мило, забавно, но крепко сама Ижица чихнула, иначе я не могу объяснить окончание акростиха ичсн. A vos souhaits!218[138] Будьте здоровы, Ижица!

<СЕРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН>

Известный старичок, князь Сергей Михайлович Голицын скрывавший свою героическую натуру Сидя-ель-Кампеадора лет около восьмидесяти, услышав об освобождении крестьян сказал: «Прошу бога об одном только, чтоб позволил умереть до 12 лет!»... Ведь это «qu'il mourût!»

Мы предлагаем поставить ему статую. Брут! Регул!

<ПОМЕЩИКИ, ПЕРЕСЕЛЯЮЩИЕ КРЕСТЬЯН

Правда ли, что множество помещиков, пользуясь остатками прежней власти, принуждают крестьян переносить свои усадьбы, огороды и конопляники с жирной земли на тощую, без всяких удобств, затем только, чтоб завладеть удобренной землей, а крестьян заставить купить под свои новые усадьбы негодную землю? Преступления эти до того гнусны, до того отвратительны, что мы просили доставить нам имена этих землекрадов. Мы обращаем особенное внимание государя на эти злодеяния.

293

1 июля 1858

Год тому назад вышел первый лист «Колокола». Невольно останавливаемся мы, смотрим на пройденный путь... и на душе становится грустно и тяжело.

А между тем в продолжение этого года сбылось одно из наших пламеннейших упований, начался один из величайших переворотов в России, тот который мы предсказывали, жаждали, звали с детских лет, – началось освобождение крестьян. Но на душе не легче, и чуть ли мы в этот год не сделали шаг назад.

Причина очевидна, мы ее скажем прямо и мужественно: Александр II не оправдал надежд, которые Россия имела при его воцарении. В прошлом июне он еще стоял, как богатырь наших сказок, на перекрестке – пойдете ли он направо, пойдете ли он налево, нельзя было знать; казалось, что он непременно пойдет по пути развития, освобождения, устройства... вот шаг и еще шаг – но вдруг он одумался и повернул: Слева да направо.

Может, еще есть время... но его мчат дворцовые кучера, пользуясь тем, что он дороги не знает. И наш Колокол напрасно звонит ему, что он сбился с дороги, звонит ему бедствия России и собственную опасность.

Но в том-то и беда, что сильные мира сего не имеют ни слушать, ни даже вспоминать. История перед ними, но не для них она передает горький опыт народов и строгий суд царей потомством.

Не уметь воспользоваться таким удивительным положением, какое события в Европе и прошлое царствование дали

294

в задаток Александру II, до такой степени нелепо, что это трудно помещается в человеческую голову.

Выбрать, имея в своей воле выбор, из двух ролей – Петра I и Пия IX, – роль Пия IX – это высший пример христианского смирения.

«Но, – скажут нам, – Петр I был гений – гении рождаются веками, не всякий царь, который захочет быть Петром, будет им». В том-то и дело, чтоб быть для России вторым Петром в наше время, не нужно быть гением, для этого достаточно любить Россию, уважить, понять человеческое достоинство в русском и вслушаться в его мысль, в его стремления. Может, гений повредил бы многому, как сам Петр I; он втеснил бы свою личную волю вместо развития зародышей, которые вззошли и которых только не надо ни полоть, ни топтать, ни насиловать, – предоставляя им самим рост и устраняя препятствия. Петру I приходилось создавать и казнить, в одной руке у него был заступ, в другой – топор. Он делал просек в дичи и, разумеется, зря порубил хорошее рядом с дурным. Мы перестали любить террор, в чем бы он ни был и какая бы цель его ни была.

Террор столько же не нужен, как и гений, в наше время. Деятельная, мыслящая часть России идет быстро вперед, знает чего хочет, заявляет это общественным мнением. В конце прошлого царствования, несмотря на опасность, на гонения, мысли, бродившие в умах, были до того сильны, что создали подземную, рукописную литературу, ходившую из рук в руки. Впоследствии тот же порядок мыслей выразался восторгом, с которым были приняты все хорошие начинания нового правительства.

Половина петровского дела, и самая трудная, делается теперь хором. Около Петра все молчало; он, проснувшись раньше других, должен был будить, догадываться, выдумывать. Теперь проснулись многие, теперь многие опередили и ждут, когда их позовут на совет. Реформам Петра противился весь народ, кроме нескольких человек; реформам Александра II весь народ готов содействовать, кроме гнилой части дворянства и стариков, выживших из ума. Что касается до поддельной, служилой олигархии, до всех рагуелиБ219[139] из казарм и из чернильниц, до этого смиренного дома, до этих

арестантских рот николаевских питомцев – они никакого мнения не имеют. Сегодня они будут засекают крестьян за то, что они хотят освободиться, завтра – расстреливать дворян за то, что они не хотят освобождать.

Но, может быть, реформы, о которых говорил Александр II в речах манифестах, указах, приказах и официальных журналах, не совпадают с теми желаниями мыслящей России, которые проявляются в литературе, в общественном мнении?

Совсем нет, они одни и те же.

В том-то и состоит беспредельная, раздирающая сердце ирония, трагический комизм нашего положения. Правительство никогда не бывает так мощно, как в согласии с общественным мнением. Легисты Англии, страны строжайшей законности, много раз выражали мысль, что «исполнительная власть сильнее закона, в тех случаях, где она встречается с народным желанием». Какова же у нас должна быть самодержавная власть, когда она заодно с народом?

Царь силится подать руку народу, народ силится взять ее и не может достать через Панина и компанию. Это аристофановская сцена! Только что государь совсем готов, приподнявшись на цыпочках, коснуться протянутой к нему руки, как кто-нибудь из этих седых шалунов – Орлов, Закревский – закричит: «Ваше величество, боже мой! они вам палец откусят!»

Ну, что бы попробовать, кажется! Был же ведь государь на Кавказе в деле с горцами, любят охотиться по медведям. Да и что черкесы и медведи? Разве государь не подвергается ежедневно опасности быть с этими столпами отечества, которые заслоняют ему Россию и составляют около него приятный венок старцев, который в случае нужды, сдвигаясь, может превратиться в петлю.

Ведь К. И. Арсеньев рассказывал за уроками Александру Николаевичу уголовное дело, называемое русской историей от Петра I до Александра I.

У нас ничего нет за душой, мы всё говорим. Пусть же каждый читатель, положи руку на сердце, скажет, где были в «Колоколе» несбыточные требования, политические утопии, призывы к восстанию?

В существовании «Колокола» есть черта, перелом. С обнародования рескрипта об освобождении крестьян наш путь должен был измениться, не в существенном, но в образе действия. Мы пожертвовали частью полемики и стеснили еще больше круг наших вопросов. Мы сделали ближе к правительству, потому что правительство сделалось ближе к нам. Нам дела нет до форм правления, мы все их видели на деле и видели, что все они никуда не годятся, если они реакционны, – и все хороши, если они современны и прогрессивны. Нам искренно и откровенно казалось, что Александр II заменит кровавую эру революции и будет мирным, кротким переходом от устарелого деспотизма к человечески свободному состоянию России.

Ошибались ли мы, нет ли, но, думая таким образом, мы совершенно последовательно в продолжение шести месяцев издания рескрипта занимались почти исключительно осуществлением его220[140].

Чего требовали мы, о чем писали?

297

Мы требовали, чтоб помещики не украли у крестьян освобождение, чтоб желание, выраженное робко и картаво правительством относительно усадеб и земли, не было объяснено в пользу собственников. Были ли мы правы? Это доказывают – красноречие Безобразова и Бланка, центральный комитет, усиленная цензура, дворянская оппозиция и насильственные переселения крестьян на неудобную землю.

Мы говорили, сверх того, что освобождение крестьян само по себе недостаточно, что рядом с помещиком стоит второй бич русского народа – чиновник, т. е. полиция и суд. Мы говорили, что пока не падет японская табель о рангах, пока суд будет инквизиционный, с запертыми дверями, с канцелярской тайной, – пока полиция будет увещевать розгами, допрашивать кулаками, наказывать палками без суда, – до тех пор освобождение крестьян не принесет настоящей пользы.

Но разве сам государь, испуганный тем, что вся гражданская служба – одно огромное faux dans les papiers publics221[141], не заявлял того же мнения, и если б Панин утвердил или принял бы благосклонно его предложение, то, может, у нас явились бы и защитники подсудимых и присяжные, и суд производился бы при дневном свете.

Государь хотел бы изменить, но бродит впотьмах, не знает, с чего начать; от подканцеляриста до канцлера все его обманывают, – а голос неслужащих до него не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов доходит. Общественное положение всей неслужащей России или невыслужившейся таково, что она только может в присутствии монарха танцевать на бале – если из дворян – и по всякому поводу, счастию и несчастию, носить на золотом блюде хлеб и соль если она из купечества.

Это также логически приводит к нашему третьему требованию – к гласности.

Не смешно ли, что сами поставили плотину, заперли ее да и удивляются, что воды нет? Поднимите ценсурный шлюз, и тогда узнаете, что думает народ, от чего ему больно, что его жмет, мучит, разоряет... может, сначала пойдет по поверхности всякая всплывшая дрянь, – что за важность, лишь

298

бы этой водой унесло всех этих полумертвых владимирских кошек и андреевских зайцев.

С гласностью огласятся дела; которые бросят тот страшный свет на подземные злодейства полиции и суда, который бросили наши статьи о Сечинском, кочубеевском процессе, о Вреде, об Эльстон-Сумарокове, о губернаторе Новосильцеве и пр. Снявши цензурную колодку, можно закрыть и Третье отделение; пишущие сами будут доносить на себя, и, наконец, в России уничтожится этот вертеп шпионов; Тимашева можно сделать наместо Гедеонова директором театров и царских увеселений; на месте срытой Бастилии поставили же в 1789 году надпись: «Ici l'on dense!» Требовали ли мы чего-нибудь больше?

Какие бы ни были наши теоретические мнения, как бы мы ни были в них «неисправимы», мы их не высказывали, мы стирались и охотно это делали, пока государственный рыдван плелся так себе вперед, но когда он решительно начинает пятиться, давит своими тяжелыми колесами ноги, тогда мы пойдем другой дорогой. И вот третья фаза, в которую входит «Колокол».

Мы поставили эпитафией – *Vivos voco!* Где же живые в России? Нам показалось, что живые есть в самом дворце, мы обращали нашу речь к ним, мы не раскаиваемся в этом. Как бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положивший начало освобождению крестьян, заслужил великое имя в истории, и благодарность наша останется неизменной. Но говорить нам с ним нечего. Живые – это те рассеянные по всей России люди мысли, люди добра всех сословий, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснеют и плачут, думая о крепостном состоянии, о беспорядках в суде, о своеволии полиции, которые пламенно хотят гласности, которые с сочувствием читают нас.

«Колокол» – их орган, их голос, – на бесплодных, каменистых вершинах некому его слушать, чистый звон его может раздаться сильнее в долине!

БЕШЕНСТВО ЦЕНСУРЫ

Пять дней тому назад известили нас из Рима, что проискамы Киселева и челядинцев его (т. е. того Киселева, а не этого – *fagot et fagot!*) – святой отец благословил запрещение всех русских книг, печатаемых в Лондоне, и, разумеется, «Колокола». Ну, инквизиции и папе – папское и дело. Наши-то из чего лезут из кожи – мелкие, крошечные люди?.. Отчего в «еликая» княгиня Елена Павловна, бывши в Риме, не хлопотала о предании анафеме и сожжению «Колокола»?

300

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

Совесть нужна человеку в частном, домашнем быту, а на службе и в гражданских отношениях ее заменяет высшее начальство.

Иаков Ростовцев

Полезная сентенция эта напечатана знаменитым «энтузиастом» в «Наставлении для преподавателей в военно-учебных заведениях». Она служит объяснением, почему разнесся слух, что Ростовцев, так блестяще начавший свою карьеру с доноса назначается на место Долгорукова начальником всех доносчиков в России.

Говорят, сверх того, что его сделают министром внутренних дел²²²[142]. Да уж сделать бы его и Долгоруким, – тогда у государя был бы свой Яков Долгорукий.

301

А Не-якова Долгорукова можно упразднить. Он лучше последней интриги ничего не сделает, он истощился на нее – *andate a letto, Don Basilio!* До его ценсурного похода о нем

только и знали, что он был совершенно не способен управлять военным министерством. Менщиков, имеющий на откуп придворные колкости и острящий за двух после кончины Михаила Павловича, не забыл Долгорукова и, оставшись без пороку во время войны, заметил, что «по всему заметно, что военный министр пороку не выдумал». Остальная часть его жизни покрыта облаками пыли от маневров и бесследно теряется в архивах военной бюрократии и в собственном формулярном списке²²³[143]. Перейдя в тайную полицию, он по месту служения сделался чем-то секретным. Но не удовлетворенный известностью, которую ему доставил Менщиков, он не хотел докинуть III отделение, не оставив явного следа тайных занятий своих, и, нанеся страшный удар России во время Крымской войны, он нанес ей другой,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
мирный удар, исказив самую цензуру беззаконным, неслыханным при Николае
требованием рукописи от издателя. Он своим доносом начал новую полосу реакции и
невежественных гонений слова. Ростовцев ли его научил этому, Тимашев ли подучил
его – нам дела нет, – его имя будет связано с этим нововведением.

Верный своей бюрократической науке, он сплел себе венок – не из лавровых
листьев, а из черновых и корректурных. Мы получили несколько писем об этой
мрачной, couleur jesuite истории; подробности довольно сходны. Мы просим
позволение передать одно из них, именно потому, что оно писано явным образом
человеком очень умеренных мнений.

...«Статья об освобождении крестьян в «Современнике», из-за которой вышло все
дело, была до напечатания в руках

302

всех возможных великих и малых людей, начиная с Елены Павловны и Константина
Николаевича. Потом она прошла через цензуру Тройницкого, состоящего при
министерство внутренних дел – Тройницкий этот был прежде издателем „Одесского
вестника“. Граф Воронцов подарил ему этот журнал, который он и издавал в свою
пользу до появления в Одессе Пирогова. Пирогов, как и следовало, возвратил
журнал одесскому лицу; Тройницкий, лишенный знаменитым оператором средств
литературно грешить в Одессе, определился (с помощью, вероятно, подателя всех
благ и мест по министерству внутренних дел Гвоздева) в должность евнуха при той
же печатной литературе в Петербурге. Он сделал со статьей, о которой идет речь,
свои урезывания, обыкновенная цензура свои отрезывания, и статья процеженная
явилась в „Современнике“. Вслед за ее появлением редактор „Современника“
получает от Ковалевского предписание явиться к шефу жандармов. Надобно сказать,
что Ковалевский не сам, он телеграф, через который Черный кабинет (Орлов, Панин,
Ростовцев, Муравьев, Долгорукий) передает ценсурные циркуляры и противудействует
путями просвещения – всему образованному. Ковалевский вроде понытчика скрепляет
своей слабостью акты своих начальников, „добросовестно заменяя свою совесть их
волей“. Он так хорошо знает свою роль – страдательного инструмента, что даже не
пригласил издателя, а прямо и за глаза передал его в тайную полицию. В Ш
отделение истребована была первоначальная рукопись Кавелина, затем помарки
ценсоров, и на этих основаниях сделан доклад, уже не имевший ничего общего с
напечатанной статьей. Повторяем, что этого не было ни разу во все время
царствования Николая и Дубельта.

Рукопись, как известно, составлена была до появления рескриптов, и естественно,
что некоторые из ее положения могли расходиться с официальными предписаниями.
Места эти, хотя и были выпущены в печати, представлены в докладе, как
оппозиционные рескриптам. Затем поставлены на вид все выпуски, сделанные в
рукописи обыкновенной ценсурой, и возведено обвинение в злоумышлении на
министерство просвещения за то, что оно допустило, зная содержание выпусков, к
печати статью, и притом статью, которой отрывки были в „Голосах

303

из России“. Итак, доклад был сделан по рукописи, писанной четыре года тому
назад, для немногих тогдашних эмансипаторов, по местам, которые не были в
печати, и притом с такой недобросовестностью, что автор, цензура, журналы,
министерство просвещения, литература – все это представлено чем-то мятежным,
крамольным в то самое время, когда литература и все образованное в России
поддерживает всеми силами реформы, начатые Александром II.

До чего ненависть к свету и речи довели недобросовестность, можно судить по
тому, что ясная и простая мысль, высказанная в статье, – что с уничтожением
крепостного права делаются невозможными ни самозванцы, ни Пугачевы, выставлена в
докладе к государю как мечта автора об этих явлениях, как его желание, чтоб они
повторились!!!» (А хорошо должно быть верноподданническое мнение Долгорукова о
проницательности государя, когда он рискнул на такую штуку?)

«В дополнение надобно сказать, что государь в этом деле был фактически введен в
заблуждение. Его уверили, что статья напечатана несмотря на сопротивление
Тройницкого, но он запрещенья никогда не накладывал, а места, им замеченные,
были исключены.

Последствия известны – наука, ум, искренняя преданность и образование отстранены
в лице Титова, Щербатова, Кавелина и Бабста. Все, что только есть мыслящего в
России и любящего отечество, находится в унынии и грустном ожидании». Вот
циркуляры Ковалевского:

1

В апрельской книжке журнала «Современник» напечатана статья о новых условиях
сельского быта. Не говоря уже о некоторых неуместных выражениях и суждениях
автора сей статьи о столь важном государственном вопросе, в ней главная мысль
состоит в том, что помещичьи крестьяне должны, вопреки главным началам,
установленным высочайшими рескриптами касательно устройства быта крестьян, при

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Освобождении их из крепостного состояния, получить в полную собственность землю, которую они ныне пользуются.

Находя такое направление статей о помещичьих крестьянах противным высочайше установленным для цензуры их правилам, я покорнейше

304

прошу сделать распоряжение о недопущении к печати статей вышеизъясненного содержания и вообще о строгом соблюдении предписанных правил.

Министр народного просвещения Б. Ковалевский

2

В некоторых периодических изданиях начали появляться статьи, относящиеся до предпринятого улучшения и устройства крестьянского быта, где предлагаются не те начала, кои указаны правительством; излагается необходимость освободить крестьян вполне от всякой зависимости помещиков и даже от полицейской их власти; помещаются противу дворян и помещиков резкие суждения и, наконец, стараются доказать права собственности крестьян на помещичью землю и на приобретение усадеб в собственность без выкупа. В некоторых литературных статьях начали помещаться весьма неприличные рассказы случаев злоупотребления помещичьей власти.

Такое направление печатаемых ныне статей может возбудить крестьян противу помещиков, оскорбляет сословие дворян и вселяет в умы крестьян такие надежды, кои впоследствии едва ли могут осуществиться. Кроме того, дошло до сведения его императорского величества, что цензура, разрешая к печатанию статьи, написанные в видах пользы крестьянского сословия, запрещает все те статьи, кои пишутся в пользу помещиков. Государь император, признавая необходимым, чтобы при настоящем положении крестьянского вопроса не были решительно допускаемы к напечатанию такие статьи, в какой бы форме они ни были, кои могут волновать умы и помещиков и крестьян, рассеивая между ними последними нелепые толки и суждения, изволил высочайше повелеть: ни в каком случае не отступать от духа и смысла правил, указанных уже по сему предмету его императорским величеством в минувшем январе. Его величеству угодно, чтобы с изданием ныне особой программы для занятий дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян цензура дозволяла к печатанию только те чисто ученые, теоретические и статистические статьи, где обсуживаются исключительно предметы сельского хозяйства и благоустройства, статьи, не противные духу и направлению означенной программы, не вдаваясь отнюдь в суждения о предметах будущего устройства крестьян в окончательном периоде предпринятого правительством преобразования. Вместе с тем его императорское величество изволит признавать необходимым, чтобы цензура, разрешая печатание статей, написанных в пользу крестьянского сословия, не препятствовала печатать статьи, написанные в пользу помещиков, запрещая критику главных начал, в высочайших рескриптах и в означенной выше программе указанных, и вообще сочинения, кои могут возбуждать одно сословие противу другого, но всегда обращая строгое – внимание на дух и благонамеренность сочинения. Сверх того государю императору благоугодно, чтобы в отдельных листках, продаваемых ныне на улицах и перекрестках, не было вовсе допускаемо суждений и статей вообще до крестьянского вопроса относящихся, и чтобы было обращено особое строгое внимание на отдельные книжки, издаваемые для простого

305

народа, дабы в них не было допускаемо не только ничего не согласного с постановленными для устройства крепостного сословия началами, но и ничего такого, что бы могло давать повод, хотя и намеками, к превратным толкованиям.

Министр народного просвещения Е. Ковалевский.

О равви Авраамий-бен-Норов! Нам приходится жалеть о нашем библейском министре и скорбеть, что мы рассказали о его интрижках с Мантейфелем и Бейстом, – его увлекло усердие... конь и о четырех копытах, да спотыкается... да что Авраамий – Иегова с ним!.. Как бы бог Иакова и ростовский иезуитизм не заставил нас жалеть о вяземском!

306

ХАРЬКОВСКАЯ ИСТОРИЯ

Студенты Харьковского университета подали в числе 280 просьбу об увольнении, как говорит «Аугсбургская газета». Событие замечательное и ставящее очень высоко харьковское юношество. Ждем с нетерпением, чем окончится это дело. Мы получили несколько писем об нем, но не знаем еще, чем Ковалевский заключит его.

Ковалевский, показавший такую жалкую слабость перед орловским комитетом упрочения крепостного состояния и уничтожения всякой гласности, – Ковалевский, подавленный допотопным Паниным, Иаковом-энтузиастом, Муравьевым, «который вешает», Долгоруким, который слушает, и другими врагами государя и России, мало подает надежд. Как можно иметь такого попечителя, как Зиновьев? Неужели достаточно иметь брата в дворцовой детской, чтоб быть попечителем? Зиновьев

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов известен по Москве, известен по управлению арестантской ротой или смиренным домом где-то, своими дикими мнениями о вреде свободы торговли, слова и пр. Будто из Катакази некуда упасть как в Зиновьева.

Дело, как нам пишут, было очень просто. В Харькове есть Салтыков и есть Лужин, Салтыков женат на дочери Лужина, вследствие этого его дворня бесчинствует, а его свекор покрывает эти бесчинства. Однажды вечером дворня напала на студентские шинели, отсюда вышла драка, на шум которой явился в качестве хозяина дома сам Салтыков; у него в доме отдаются внаймы небольшие квартиры под разные увеселительные заведения.

Дворня свекра, т. е. полиция, явилась на помощь дворне зятя, студентов захватили и без суда отправили с конвоем к атаману Хомутову на Дон, потому что они были казаки.

307

Товарищи их явились к Зиновьеву, прося разобрать дело как следует законным порядком; Зиновьев нагрубил студентам и отказал им в просьбе. Тогда 280 человек подали просьбу об увольнении. «Кто знает, что значительное число студентов – люди бедные, для которых вопрос об окончании университетского курса – вопрос о куске хлеба тот поймет все благородство поступка харьковских студентов» – пишет нам корреспондент, и мы прибавим с ним: «Честь им и слава!»

Посланных с конвоем студентов воротили, вероятно опасаясь последствий такого самовольного распоряжения. Нам пишут что «бумага, при которой они были посланы, составлена задним числом и что студентов обвиняли совсем в ином деле».

<ЗАХВАТ «КОЛОКОЛА» ВО ФРАНКФУРТЕ>

Сейчас получили мы письмо о том, что в вольном городе Франкфурте, на железной дороге, захватили «Колокол» и другие книги, печатаемые в лондонской русской типографии.

Мы будем протестовать против этого нового незаконного акта в немецкой Малороссии. Пусть бы уж Бейсты и Мантейфели отличались, а то и вольный город туда же идет в немецкую свободу. Что, Лабенский там городничим, что ли? А президент сената доктор Гарнье – градской голова? «Колокол» никакого не подал повода, он никогда не занимался никаким Франкфуртом на свете – ни тем, который на Майне, ни тем, который на Одере. И в первый раз говорит об нем, оцарапанный им.

Пусть Гарнье и вся Германия знают, в чьих руках Франкфурт, – мало, что он зависит от диеты, от Австрии, от Пруссии, он еще зависит от III отделения и от Тимашева. Пусть они знают, что родина Гёте превратилась в западный Краков.

<НАМ ПИШУТ, ЧТО У НАС СВОЕГО РОДА МОНОПОЛЬ...>

Нам пишут, что у нас своего рода монополия, что мы можем печатать что хотим, а нам отвечать нельзя. Это не совсем так, – в Германии теперь, с нашей легкой руки, три русских типографии. Сверх того, всякое возражение, всякую поправку мы готовы печатать или обязуемся сказать, почему не печатаем.

309

A L'ILLUSTRE SENAT DE LA VILLE LIBRE DE FRANCFORT-SUR-LE-MEIN

Monsieur le Président,

Patres conscripti!

L'ÉDILITÉ de la ville de Francfort a fait un acte inique, absurde et, par-dessus le marché, extrêmement blessant pour la pauvre Allemagne... qui caresse encore le rêve de l'indépendance politique, et pour l'autorité du Sénat souverain de la ville libre de Francfort. Il y a quelques jours, la police a saisi, dans le débarcadère du chemin de fer, les feuilles d'un journal russe que je rédige à Londres et, sans motif, sans enquête, sur un simple commandement du résident russe, en a prohibé la vente.

Des actes de soumission humiliante et de brutalité internationale pareils à celui-ci ont été accomplis par des rois affectés de maladie mentale et de jésuitisme, par des princes... infinitésimaux; mais on ne s'attendait pas à tant de servilité de la part d'une ville libre et située sur les bords du Mein. Qui donc commande, règne et gouverne à Francfort: vous, Patres conscripti, ou le résident russe? – Si c'est M. Fonton, je vous laisserai en paix – sans pourtant m'adresser à lui. Dans le doute – et n'ayant pas encore lu la promulgation officielle de l'annexion de Francfort aux Provinces Baltiques – je me vois forcé d'en appeler aux autorités constituées.

Et d'abord, je me crois obligé de vous faire remarquer que la gravité du fait ne consiste pas dans la prohibition d'une petite feuille. La parole, la pensée, persécutées dans l'Europe continentale, ne pouvaient s'attendre à trouver à Francfort une Saragosse

de la liberté de la presse. Mais, remarquez-le, de grâce! jusqu'à présent – même pendant le long règne de Nicolas en Allemagne – on connaissait le contenu des imprimés que l'on persécutait.

Patres conscripti! Etes-vous dans ce cas? Je vous le demande, sur votre honneur. – Quels sont les passages de cette malheureuse Cloche russe, qui rendent sa circulation dangereuse pour la virginité politique de la bonne ville de Francfort-sur-le-Mein?

Vous n'en savez rien: soyez francs, rien. Qu'est-ce que c'est que cette Cloche qui se publie à Londres et qui est persécutée en Allemagne? – Est-ce qu'elle appelle les vivants; est-ce qu'elle plaint les morts? – Est-ce qu'elle est catholique ou républicaine? – Est-ce une feuille pathologique, communiste, monarchique ou mormonne? Qui le sait à Francfort? – M. Fonton et son secrétaire. La police de Francfort a simplement exécuté l'ordre supérieur de la chancellerie de M. Gortchakoff, le ministre, et du prince Dolgorouki, le gendarme, avec la passivité, l'obéissance du nègre. Voilà ce qui est grave. C'est un acte de haute trahison, par lequel la police a fortement compromis l'indépendance politique de la ville. Et quelle est donc cette insolence de la part du gouvernement russe! A un allié, si faible qu'il soit, on motive, par égard, par politesse, des pareilles exigences; on les soumet au gouvernement. Chez vous, il en est autrement: Pétersbourg ordonne, et votre commissaire de police exécute. Il a suffi qu'un employé russe, un tchinovnik, ait dit que la Cloche était une feuille incendiaire, pour qu'on la saisît à Dresde, à Berlin, je ne sais où. Pauvre Allemagne, à quel état de Pologne elle passe!

Craignez, Patres conscripti, les employés russes «et dona ferentest»! Est-ce que vous ne voyez pas, par les feuilles publiées à Pétersbourg même, que chez nous on se méfie moins des voleurs de grands chemins, que des brigands de petite chancellerie. Mais je vais vous dire de quel quartier vient l'acharnement contre la Cloche. Puis, ne vous en déplaise, il vous faudra subir notre profession de foi. Ce n'est que justice. Lorsqu'on frappe une Cloche, elle sonne. Et, comme le sonneur de Notre-Dame de Paris, je tiens furieusement à ma Cloche.

Au reste, votre grand compatriote – qui ne se doutait guère

311

qu'avec le temps il deviendrait le mien (si l'annexion de la ville libre à l'Empire russe se réalise) – Gæthe, cite un mot fort joli, qu'il a vu gravé sur un mur de l'Hôtel de ville de Francfort, et que vous pouvez voir de vos propres yeux – si M. Fonton ne l'a pas fait effacer:

Eines Mannes Rede

Ist keines Mannes Rede:

Soll sie billig hören Beede.

Maintenant, Patres, venons au fait. Il faut vous dire qu'en Russie il y a aussi deux gouvernements, – comme à Francfort-sur-le-Mein; l'un officiel, couronné à Moscou, salué à Pétersbourg: c'est le gouvernement de parade, de grands levers, des processions, des revues, avec Alexandre II pour bourgmestre; l'autre occulte, caché, détesté à Moscou, craint à Pétersbourg, aussi invisible que les miasmes et non moins pestilentiel, et qui domine la Russie, comme M. Fonton domine, en attendant mieux, la police de Francfort.

Ce cabinet noir est composé des derniers Mohicans du règne néfaste, et sombre de Nicolas. Vous y trouverez, en première ligne, le descendant du régicide, Alexis Orloff – ami du défunt; un M. Mouravioff, qui se vante de ne pas appartenir aux Mouravioff que l'on pend – mais bien à ceux qui pendent; un général Rostovzoff (Jacob) qui, tout jeune encore, dénonça, par entraînement et enthousiasme, ses amis, comme le dit le secrétaire d'Etat, baron Korff, dans son ouvrage sur l'avènement de Nicolas I au trône (ouvrage que M. Fonton sera enchanté de vous prêter, M. le Président); un comte Panine, ministre de la Justice (vous comprenez, c'est une manière de dire, comme lorsqu'on ajoute le mot libre au nom d'une cité, parce qu'elle a quatre maîtres au lieu d'un, ou qu'on appelle Re di Cipro Ferdinand II, par la grâce de Dieu – très mal placée cette fois – roi absolu des Deux-Siciles); un ministre de la Justice donc, qui a commencé sa carrière en défendant une pauvre bonne femme, une princesse Troubetzkoï, qui n'était accusée... que d'avoir fouetté à mort sa femme de chambre. Autour de ce centre grouille un tas de subalternes qui descendent par les degrés du tchin jusqu'aux petits propriétaires d'âmes, jusqu'à cette noblesse de verges, qui, avec la noblesse de l'encre, forme une couche dense,

312

et bien soudée, d'opposition, de résistance à tout progrès, à toute amélioration.

Pas une bonne intention qui ne soit contrecarrée par eux, mutilée, frelatée, rendue impossible ou faussée par une réalisation tronquée.

Alexandre II voit, par exemple, l'urgence de l'émancipation des paysans. Le cabinet noir devient à l'instant même abolitionniste. Mais il veut l'émancipation la plus complète; il veut émanciper le paysan non seulement du

seigneur, mais aussi de la terre qu'il cultive. Le cabinet noir sait très bien que l'affranchissement dans le prolétariat est impossible en Russie, contraire à la tradition, au génie du peuple, au bon sens. Tant mieux; l'émancipation ne sera qu'un fata Morgana, une illusion, un mensonge. Mais une difficulté se présente. La question de l'émancipation se traite dans tous les journaux russes, et tous les journaux influents sont pour l'émancipation avec la terre. Rien de plus facile que de lever cet obstacle. On met à la porte un ministre de l'instruction publique; on le remplace par un Ponce Pilate tout prêt à se laver les mains des taches d'encre, et on fait signer à celui-ci un ordre à la censure de ne pas donner l'imprimatur aux articles qui parlent de l'émancipation avec la terre.

Voilà pour la publicité.

Eh bien, voyant cela, nous avons crié notre «Prenez garde à vous!» à l'empereur Alexandre II. Nous – le seul organe libre, que possède la Russie – nous avons commencé à dévoiler ces sourdes menées. Voilà la véritable cause des persécutions mesquines dirigées contre notre journal. La Cloche les gêne... ces braves gens, elle leur fait peur; et votre police leur aide, Patres conscripti! Maintenant, un mot concernant la religion du journal. S'il y a à Francfort-sur-le-Mein un Russe honnête homme, ou seulement qui ne soit pas attaché à la Chancellerie Impériale, ou enfin un Allemand qui, par prévoyance, ait étudié la langue russe, faites-vous traduire notre programme, et prenez tous nos articles de fond depuis le 1er janvier, vous verrez que notre motto humble, modeste, restreint, n'a jamais été dépassé. Qu'avons-nous demandé?

313

L'ÉMANCIPATION DES PAYSANS –
AVEC LA TERRE CULTIVÉE PAR EUX;
L'ABOLITION DE LA CENSURE PRÉVENTIVE;
L'ABOLITION DE L'INSTRUCTION SECRÈTE ET DES JUGEMENTS
A HUIS CLOS;
L'ABOLITION DES PEINES CORPORELLES.

Ce n'est pas tellement Robespierre et Marat, je pense. Eh bien, nous ne demandons pas autre chose... pour le moment.

On nous aurait laissé passer avec cela. Mais pour corroborer nos théories, nous les avons illustrées par des exemples. Nous avons livré à la publicité des faits monstrueux, infâmes, horribles, de l'administration russe; et, pour le faire, nous n'avons pas cru nécessaire d'inventer des types, de désigner par des noms fictifs tous ces scélérats de la police, prévaricateurs, voleurs et brigands. Non, nous les avons timbrés, enregistrés avec leurs noms et prénoms, chaque fois que nous avons été sûrs des faits. Nous avons mis la date et le nom de la ville; quelquefois même nous avons copié textuellement les documents officiels, les actes des tribunaux. La Cloche devenait en même temps, dans ce pays de souffrances comprimées, de mutisme imposé, et le cri de douleur du serf fouetté par son seigneur, du prisonnier mourant dans son cachot, et une menace incessante pour tous ces faiseurs de faux en écritures publiques.

La peur de se voir dans la Cloche a tourné l'encre de ces braves bureaucrates. Ils opprimaient, ils volaient doucement, paisiblement, sous l'égide du silence imposé par la censure; et, tout à coup, voilà qu'en Angleterre, à Londres, un... Dieu sait qui, commence à soulever leur masque. A partir de ce moment ils ne savent plus ce qu'ils font. Pourquoi, par exemple, exiger de la police de Francfort l'interdiction de la vente d'un journal russe? – Si c'est une épreuve de soumission, dans le genre du chapeau planté par Gessler, c'est du luxe; nul ne doute de l'obéissance toute filiale des gouvernements allemands envers leur cadet de Pétersbourg. Guillaume Tell est exclu de la walhalla: c'est une production trop suisse. C'est donc uniquement pour nous couper le sifflet, nous bloquer, nous affamer? – Mais alors cela ne suffit pas; ils le savent très bien.

314

Nous le leur avons dit, deux fois déjà, dans la Cloche:

«La propagande russe n'est pour nous ni un caprice, ni une distraction, ni un gagne-pain. C'est l'œuvre de notre existence, notre religion, notre manière de servir le peuple russe. Nous avons travaillé sans abattement, alors que nous ne rencontrions encore ni sympathie, ni encouragement. Est-il probable que, maintenant que le gouvernement russe reconnaît notre force, notre influence, et que la jeunesse russe nous lit avec avidité, nous nous arrêtons?»

La main sur le cœur, nous jurons, devant la Russie, de continuer notre œuvre jusqu'au dernier souffle. Notre mort même ne l'arrêtera pas: nous ne sommes pas seuls et nous avons à qui léguer notre presse.

Il n'y a qu'un moyen de couper court à la propagande russe à l'étranger: ce

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
n'est pas d'introduire en Allemagne la censure de Pétersbourg, mais d'abolir la
censure allemande en Russie».

La seule chose qui puisse résulter de ces persécutions pour nos Gessler auliques
et princes- gendarmes, c'est que nous soyons forcés – pour notre justification –
s'ils continuent leurs tracasseries, de traduire nos articles, et, au lieu de
laver en famille notre linge sale, de porter à la connaissance de l'Europe
entière les faits et gestes de ces oligarques de casernes, de ces maréchaux
d'encre et valets d'Etat, qui pullulent dans l'antichambre du Palais d'hiver.
Quant à vous – M. le Président et MM. les Pères Conscrits, – lavez la tête à
votre police, choisissez mieux vos agents, et faites lever l'embargo mis sur mes
publications à l'embarcadère, afin que je puisse vous prendre sérieusement pour
les sénateurs d'une ville libre, et vous témoigner sincèrement ma haute
considération.

A. Herzen,
rédacteur de la Cloche et de

ПЕРЕВОД

l'Etoile Polaire.

1-er août 1858.

Putney, près Londres.

ПРОСЛАВЛЕННОМУ СЕНАТУ ВОЛЬНОГО ГОРОДА ФРАНКФУРТА-НА-МАЙНЕ

Господин президент,

Patres conscripti!224[144]

ПРАВИТЕЛИ города Франкfurта совершили акт, незаконный, нелепый и вдобавок крайне
осокорбительный и для бедной Германии... которая все еще тешит себя мечтой о
политической независимости, – и для авторитета верховного сената вольного города
Франкfurта. Несколько дней тому назад полиция конфисковала на железнодорожной
станции номера русской газеты, издаваемой мною в Лондоне, и, не разъясняя
причины, без расследования, по простому приказанию русского резидента, запретила
ее продажу.

Подобные действия, свидетельствующие об унижительном подчинении и международной
грубости, совершались королями, одержимыми умственным расстройством и
иезуитизмом, князьками... бесконечно малой величины, но нельзя было ожидать
подобного раболепия со стороны вольного города, расположенного на берегах Майна.
Кто ж однако распоряжается, царит управляет во Франкfurте: вы, Patres
conscripti, или русский резидент? Если это г. Фонтон, – я оставляю вас в покое,
не обращаясь, впрочем, и к нему. Находясь в сомнении и не прочитав еще
официального сообщения о присоединении Франкfurта к Балтийским
губерниям, я принужден обратиться к существующим властям.

Я, прежде всего, считаю своим долгом указать вам, что значительность этого факта
заключается вовсе не в запрещении маленькой газетки. Слово, мысль,
подвергающиеся преследованиям в континентальной Европе, не могли рассчитывать,
что найдут во Франкfurте Сарагоссу свободы почати. Но до сих пор – заметьте это,
пожалуйста! – и в Германии, даже во время продолжительного царствования Николая,
с содержанием произведений печати, подвергающихся преследованиям, бывали
знакомы.

Patres conscripti! Можете ли вы это сказать о себе в данном случае? Отвечайте
откровенно. – Что именно в этом злосчастном русском «Колоколе» делает его
распространение опасным для политического целомудрия добропорядочного вольного
города Франкfurта-на-Майне?

Вы ничего об этом не знаете, – будьте искренни: ничего. Что же собою
представляет этот «Колокол», издаваемый в Лондоне и преследуемый в Германии?
Призывает ли он живых, оплакивает ли мертвых? Католический он или
республиканский? Патологическая ли это газета, коммунистическая, монархическая
или же мормонская? Кому известно это во Франкfurте? – Г-ну Фонтону и его
секретарю.

Франкfurтская полиция просто-напросто с покорностью и послушанием негра привела
в исполнение строгое предписание канцелярии г. Горчакова, министра, и князя
Долгорукого, жандарма. Вот что важно. Это акт государственной измены, которым
полиция сильно скомпрометировала политическую независимость города. Но какова же
однако наглость русского правительства! Союзнику, даже самому слабому, из
уважения, из вежливости, мотивируют подобные требования; их передают на
рассмотрение правительству. У вас же это происходит по-иному: Петербург
предписывает, а ваш полицейский комиссар исполняет.

Достаточно было русскому служащему, чиновнику, сказать, что «Колокол» –
зажигательный листок, чтоб его конфисковали в Дрездене, в Берлине, бог знает где
еще. Бедная Германия, в какую Польшу она превращается!

317

Бойтесь, Patres conscripti, русских чиновников «et dona ferentes»! Разве вы не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
видите по газетам, издаваемым в самом Петербурге, что у нас менее опасаются
грабителей с большой дороги, чем разбойников из малой канцелярии? Но я сейчас
разъясню вам, откуда идет озлобление против «Колокола». Затем, не прогневайтесь
– вам придется выслушать наше исповедание веры. Это не более чем справедливость.
Когда ударяют в Колокол – он звонит. И, подобно звонарю Собора Парижской
богоматери, я страстно привязан к своему Колоколу.

Впрочем, ваш великий соотечественник Гёте – у которого и в мыслях не было, что
со временем он сделается и моим соотечественником (если осуществится
присоединение вольного города к Российской империи), – приводит очень милое
изречение, которое он видел вырезанным на стене франкфуртской ратуши и которое
вы можете увидеть собственными глазами, если г. фонтоном приказал его стереть:
Eines Mannes Rede Ist keines Mannes Rede: Soll sie billig hören Beede.

Теперь же, Patres, перейдем к делу. Должно сказать вам, что в России имеется два
правительства, как и во Франкфурте-на-Майне: одно – официальное, коронованное в
Москве, провозглашенное в Петербурге; это правительство парадов, торжественных
приемов, процессий, смотров; бургомистром его является Александр II; другое –
тайное, скрывающееся, ненавидимое в Москве, вызывающее страх в Петербурге, столь
же незримое, как миазмы, и не менее тлетворное, и управляющее Россией так же,
как г. фонтоном управляет, в ожидании лучшего, франкфуртской полицией.

Этот черный кабинет составлен из последних могикан злополучного и мрачного
царствования Николая. Вы найдете там, в первом ряду, потомка цареубийцы, Алексея
Орлова – друга покойного; некоего г. Муравьева, хвастающегося тем, что он
принадлежит не к тем Муравьевым, которых вешают, а, наоборот, к тем, которые
вешают; генерала Ростовцева (Якова), который еще совсем молодым сделал в порыве
увлечения и

318

энтузиазма донос на своих друзей, как говорит об этом статс-секретарь барон Корф
в своем сочинении о восшествии на престол Николая I (в сочинении, которое г.
фонтоном с радостью одолжит вам, г. президент); некоего графа Панина, министра
юстиции (вы понимаете, что это только манера выражаться – вроде того, как
прибавляют слово вольный к названию города потому лишь, что в нем четыре
правителя вместо одного, или как называют Фердинанда II ие С1рго225[145]
милостью божьей – очень дурно на этот раз примененной – самодержца Обеих
Сицилий); министра юстиции, начавшего свою карьеру защитой бедной доброй
женщины, некоей княгини Трубецкой, обвиняемой лишь в том... что она до смерти
засекла свою горничную. Вокруг этого центра кишмя кишит куча подначальных лиц,
которые ниспускаются по ступеням чинов до мелких владельцев душ, до этого
секущего дворянства, образующего вместе с дворянством чернильным плотный и
прочный спаянный слой оппозиции, сопротивления всякому прогрессу, всякому
улучшению.

Нет ни одного благого намерения, которому они бы не воспрепятствовали, которого
они бы не искалечили, не извратили, не сделали бы невыполнимым или же не
исказили при осуществлении.

Александр II видит, например, срочную необходимость освобождения крестьян.
Черный кабинет тотчас же становится аболиционистским. Но он желает наиболее
полного освобождения: он желает освободить крестьянина не только от помещика, но
и от земли, которую он обрабатывает. Черный кабинет прекрасно знает, что
освобождение с переходом в пролетариат невозможно в России, противоречит
традиции, народному духу, здравому смыслу. Тем лучше; освобождение будет лишь
fata Morgana, иллюзией, ложью. Однако встречается затруднение. Вопрос об
освобождении обсуждается во всех русских периодических изданиях, и все
влиятельные органы стоят за освобождение с землей.

Нет ничего более легкого, как устранить это препятствие. Выставляют за дверь
министра народного просвещения;

319

заменяют его Понтием Пилатом, тотчас же готовым смыть чернильные пятна со своих
рук, и заставляют его подписать приказ цензуре не разрешать к печати статей, в
которых говорится об освобождении с землей.

Так обстоит дело с гласностью.

И вот, видя это, мы крикнули свое «Берегитесь!» императору Александру II. Мы –
единственный свободный орган, которым обладает Россия, – мы начали разоблачать
эти глухие происки. Вот истинная причина мелочных преследований, направленных
против нашей газеты. «Колокол» беспокоит их... этих милых людей, он пугает их;
ваша же полиция оказывает им помощь, Patres conscripti!

Теперь одно слово насчет верований нашей газеты. Если есть во
Франкфурте-на-Майне честный русский человек, или просто русский, не состоящий на
службе в императорской канцелярии, или же, наконец, немец, изучивший из
предусмотрительности русский язык, заставьте его перевести нашу программу и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
ознакомьтесь со всеми нашими основными статьями, начиная с 1 января, – вы увидите, что ваш скромный, умеренный motto226[146] ни разу не был нами превышен. Чего же просили мы?

ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЕСТЬЯН –

С ЗЕМЛЕЙ, ОБРАБАТЫВАЕМОЙ ИМИ;

УНИЧТОЖЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ;

УНИЧТОЖЕНИЯ ТАЙНОГО СЛЕДСТВИЯ И СУДА

ПРИ ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЯХ; УНИЧТОЖЕНИЯ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ.

Я полагаю, что это не слишком пахнет Робеспьером или Маратом. И вот, мы больше ничего не просим... пока.

Это бы нам еще простили. Но, чтоб подкрепить свои теории, мы иллюстрировали их примерами. Мы предавали гласности чудовищные, бесстыдные, отвратительные деяния русской администрации, и для этого мы не считали нужным измышлять типы, называть выдуманными именами всех этих негодяев из полиции, предателей, воров и разбойников. Нет,

320

мы клеймили их, называя их по именам и фамилиям всякий раз, когда были уверены в фактах. Мы ставили дату и название города; иногда мы даже воспроизводили дословно текст официальных документов, судебных актов. В стране подавленных страданий, вынужденной немоты «Колокол» становился одновременно и сдвоенным криком боли крепостного, которого сечет помещик, узника, умирающего в темнице, и непрестанной угрозой для всех фальшивомонетчиков гласности.

От страха увидеть себя в «Колоколе» свернулись чернила у всех этих почтенных бюрократов. Они притесняли, они крали потихоньку, спокойно, под эгидой молчания, предписанного цензурой; и вот вдруг в Англии, в Лондоне, некто... бог весть кто... начинает приподымать их маску. С этого времени они сами не знают, что делают. Зачем, например, требовать от франкфуртской полиции запрещения продажи русской газеты? – Если это – испытание покорности, вроде шляпы, повешенной Геслером, то это уж роскошь; никто не сомневается в поистине сыновнем послушании немецких правительств их младшему, петербургскому. Вильгельм Телль изгнан из Валгаллы: это произведение чересчур швейцарское. Значит, все делается только для того, чтобы захватить нам рот, подвергнуть нас блокаде, уморить голодом? Но в таком случае этого недостаточно, им хорошо это известно.

Мы заявляли им уже дважды в «Колоколе»:

«Русская пропаганда для нас не каприз, не развлечение, не заработок. Это дело нашей жизни, наша религия, наш способ служения русскому народу.

Мы работали, не унывая, тогда, когда не встречали еще ни сочувствия, ни ободрения. Неужели теперь, когда русское правительство признаёт нашу силу, наше влияние и когда русская молодежь читает нас с жадностью, – мы остановимся?

Положа руку на сердце, мы присягаем перед лицом России продолжать работу нашу до последнего вздоха. Даже смерть наша не остановит ее: мы не одни, и у нас есть кому завещать наш печатный станок.

Существует одно только средство покончить с русской заграничной пропагандой: не вводить петербургскую цензуру в Германию, а уничтожить немецкую цензуру в России».

321

Единственным результатом этих преследований для наших придворных Гесслеров и князей-жандармов явится то, что мы будем вынуждены – для своего оправдания, – если они будут продолжать свои козни, переводить наши статьи и вместо того, чтобы стирать наше грязное белье келейно, – знакомить всю Европу с деяниями и подвигами этих казарменных олигархов, этих чернильных камергеров и государственных лакеев, кишаших в передней Зимнего дворца.

Что же касается вас, господин президент и господа отцы сенаторы, задайте головоломку своей полиции, выбирайте получше своих агентов и заставьте снять на станции запрещение с моих изданий, чтоб я мог принимать вас всерьез за сенаторов вольного города и искренне свидетельствовать вам свое высокое почтение.

А. Г ерцен, редактор «Колокола» и «Полярной звезды».

1 августа 1858 г.

Путней, близ Лондона.

322

<ГОСУДАРЬ, МЫ С УЖАСОМ ПРОЧЛИ...>

Государь,

Мы с ужасом прочли проекты центрального комитета. Остановитесь! Не утверждайте! Вы подпишете свой стыд и гибель России. Как честные люди, от искренней скорби и от искреннего желания добра, ради всего святого, умоляем вас: не утверждайте! Одумайтесь!

Искандер, Н. Огарев.

RAPPEL A LA PUDEUR!227[147]

Мы с глубоким чувством жалости и отвращения читаем в английских газетах отрывки из «С.-Петербургских ведомостей» против Англии и «нордовскую» лесть перед Францией. Как же это делается, что едва позволили вам говорить, так вы и начали ругать свободу и кадить деспотизму?

323

А. ИВАНОВ

Еще раз коса смерти прошла по нашему бедному полю и еще один из лучших деятелей пал – странно, безвременно. Дворовые косари помогли его подкосить в то самое время, как он усталой рукой касался, после целой жизни труда и лишений, лаврового венка. Больной, измученный нуждой Иванов не вынес грубого прикосновения царской дворни и – умер!

Да и зачем нам художники и поэты, зачем эти нежные, нервные организации, которые не могут выносить воздуха передней, дерзости дворецких, образованности фельдфебелей? Теперь нам надобны бойцы, теперь нам надобны люди, которые за обиду плотят не своим здоровьем, а двойной обидой, за пренебрежение невежд – презрением и ненавистью!

Жизнь Иванова была анахронизмом; такое благочестие к искусству, религиозное служение ему, с недоверием к себе, со страхом и верою, мы только встречаем в рассказах о средневековых отшельниках, молившихся кистью, для которых искусство было нравственным подвигом жизни, священнодействием, наукой.

Молодым человеком принял за свою картину «Иоанна Предтечи» и состарелся с нею; кисть, взятая юношеской рукой, ослабела на том же полотне, целая жизнь была употреблена на созерцание, обдумывание, изучение своего предмета, и при каких условиях. «Нищета его, – пишет мне один из друзей его, – была такова, что он по суткам довольствовался стаканом кофея и черствой булкой или чашкой чечевицы,

сваренной из экономии им самим, в той студии, где работал, и на воде, за которой наш художник ходил сам к ближайшему фонтану». И в этой борьбе шли годы и годы. В продолжение двадцати лет он получил десять тысяч рублей из кассы цесаревича Александра Николаевича, который, будучи в Риме, сказал Иванову, что он его картину считает своей.

В прошедшем году он выставил свою картину в Риме, общество художников всех стран осыпало ее похвалами, это были единственные сладкие минуты Иванова, но и они не были без примеси горького элемента внутренней борьбы. Об ней мы скажем после.

Его звали в Россию; два месяца перед кончиной приехал он в Петербург. Полный надежд и дум, он мечтал, что для него легко откроется новая деятельность. Он мечтал о своих давно задуманных эскисах из жизни Христа, думал съездить в Иерусалим, и потом ему хотелось распространять больше и больше великую художественную традицию живописи – молодому поколению. Как действительный художник, он с грустью смотрел, с одной стороны, на легкую, эффектную манеру, с другой – на растление вкуса иконописью – этим лицемерием в живописи, этой ложью в искусстве.

Петербургскую жизнь Иванов совсем не знал или знал смутно по слухам. Простой, отвыкший от людей, он каким-то чуждым явился с своей картиной – перед толпой цеховых интригантов, равнодушных невежд, казарменных эстетиков.

Начались маленькие *avanies*, которых он не умел переносить, – все огорчало его, мучило. Ему дали во дворце Белую залу со скверным освещением для картины. Государь взглянул на нее, оглушенный громом и звоном, рассеянный торжеством освящения Исаакиевского собора.

Второй и третьей гильдии живописных дел мастера пожимали плечами, придворным было не до Иванова...

Ему бы к Мине Ивановне – не догадался.

Денег у него не было, он жил у одного приятеля, не понимая, что ему надобно было снискать покровителей, приобрести ходатаев.

Наконец, 29 июня президент Академии художеств, т. е. графиня Строганова, т. е. экс- великая княгиня Мария Николаевна

325

потребовала Ивановна и объявила ему, что ему определяется 10000 рублей вознаграждения и назначается 2000 рублей пенсии, и желала знать, доволен ли он. Несмотря на свою застенчивость, Иванов не спешил принять предложения и просил его обдумать.

На другой день, 30 июня, курьер снова требует Иванова.

Его заставляют ждать в передней три часа, после которых выходит морганатический великий князь граф Строганов и объявляет ему, чтоб он за окончательным ответом обратился к Адлербергу.

Чего же церемониться с живописцем, что такое живописец? Ведь мы не папы римские, чтоб дружески принимать какого-нибудь Бенвенуто Челлини или с уважением какого-нибудь Бонарроти. Граф Строганов, помнится, бывши в Женеве, находил, что

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Александр Николаевич – красный революционер и что пора его остановить на этой
скользкой стезе... Столбовые-с!

Иванов, пораженный этим приемом, не пошел к Адлербергу, ему довольно было одной
передней. Расстроенный, огорченный, побрел он к одному знакомому, вечером он
почувствовал себя дурно, к полуночи явились первые признаки холеры, и ночью с
2/14 на 3/15 июля его не стало.

Наутро явился курьер с пакетом, возвещавшим труп художника, что ему жалуются
15000 рублей и владимирский крест в петлицу.

Мы не думаем, что Иванова намеренно теснили, но ведь это тем хуже. А. Л.
Витберга Николай поймал в канцелярские тиски и пропускал его в них до тех пор,
пока крик умолк, мышцы опустились и страдалец самоотверженно склонил голову. Он
этого хотел. А тут, напротив, одна небрежность, рассеянность вздором, чиновничье
неуважение к искусству и к художнику. Им в голову не приходит, что нельзя
одинаковым образом обращаться с Ивановым и с Сквозником-Дмухановским; что на
художнике есть свое помазание, хотя и не успешное, но прочное; что художник
тоже власть, что это ровный – pares; что генералов, обер-фор-шнейдеров,
нидер-нах-шустеров можно делать десятками, стадами, а художники рождаются и что
если владимирский крест может иной раз предохранить лицо

326

станционного зрителя от генеральского кулака, то он смешон в петлице такого
артиста.

Картину свою Иванов завещал своему брату – зодчему; интересно узнать, как с ним
будут торговаться...

Теперь скажу несколько слов о моих личных сношениях с Ивановым. Я познакомился с
ним в Риме, в 1847 году. При первом свидании мы чуть не поссорились. Разговор
зашел о «Переписке» Гоголя, Иванов страстно любил автора, я считал эту книгу
преступлением. Влияние этого разговора не изгладилось, многое поддерживало его.
Настал громовый 1848 год, я жил на площади, Иванов плотнее запирался в своей
студии, сердился на шум истории, но понимал его, я сердился на него за это. К
тому же он был тогда под влиянием восторженного мистицизма и своего рода
эстетического христианства. Тем не менее иногда вечером Иванов приходил ко мне
из своей студии и всякий раз, наивно улыбаясь, заводил речь именно о тех
предметах, в которых мы совершенно расходились.

В Париже была провозглашена республика, престол папы покачнулся, вся Европа
приподымалась, я забыл Иванова и поскакал в Париж.

Десять лет миновали, и между нами не было никаких сношений.

Вдруг получаю я в августе месяце прошлого года из Интерлакена письмо от Иванова.
Каждое слово его дышит иным веянием, сильной борьбой, запертая дверь студии не
помешала, мысль века прошла сквозь замок, страдания побитых разбудили его...

«Следя за современными успехами, я не могу не заметить, что и живопись должна
получить новое направление. Я полагаю, что нигде не могу разъяснить мыслей моих,
как в разговорах с вами, а потому решаюсь приехать на неделю в Лондон, от 3 до
10 сентября...

... В итальянских художниках не слышно ни малейшего стремления к новым идеям в
искусстве, не говоря уже о теперешнем гнилом состоянии Рима, они и в 1848 и 49
годах, когда церковь рушилась до основания, думали, как бы получить для церквей
новые заказы».

327

В заключение он писал мне, что ему было бы приятно встретиться у меня с Маццини.
(Этого ему не удалось, Маццини был тогда на континенте, но я познакомил Иванова
с Саффи.)

Письмо Иванова удивило меня, с нетерпением ждал я его. Наконец он приехал, много
состарелся он в эти десять лет, поседел волосы, типически русское выражение его
лица стало еще сильнее; простота, добродушие ребенка во всех приемах, во всех
словах. На другой день мы ходили с ним в National Gallery, потом пошли вместе
обедать; Иванов был задумчив, тяжелая мысль сквозила даже в его улыбке. После
обеда он стал разговорчивее и, наконец, сказал:

– Да, вот что меня тяготит, с чем я не могу сладить: я утратил ту религиозную
веру, которая мне облегчала работу, жизнь, когда вы были в Риме. Часто поминал я
наши разговоры, вы правы, – да что мне от этого, что от этого искусства. Мир
души расстроился, сыщите мне выход, укажите идеалы?... События, которыми мы были
окружены, навели меня на ряд мыслей, от которых я не мог больше отделаться, годы
целые занимали они меня, и, когда они начали становиться яснее, я увидел, что в
душе нет больше веры. Я мучусь о том, что не могу формулировать искусством, не
могу воплотить мое новое воззрение, а до старого касаться я считаю преступным, –
прибавил он с жаром. – Писать без веры религиозные картины – это безнравственно,
это грешно, я не надвильюсь на французов и итальянцев, – разбирая по камню
католическую церковь, они наперехват пишут картины для ее стен. Этого я не могу,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
нет, никогда – никогда! Мне предлагали главное заведование живописных работ в
новом соборе. Место, которое доставило бы и славу и материальное обеспечение; я
думал, думал да и

отказался, – что же я буду в своих глазах, взойдя без веры в храм и работая в
нем с сомнением в душе, – лучше остаться бедняком и не брать кисти в руки!
– Хвала русскому художнику, бесконечная хвала, – сказал я со слезами на глазах и
бросился обнимать Иванова. – Не знаю, сыщете ли вы формы вашим идеалам, по вы
подаете не только великий пример художникам, но даете свидетельство

328

о той непочатой, цельной натуре русской, которую мы внаем чутьем, о которой
догадываемся сердцем и за которую, вопреки всему делаемому у нас, мы так
страстно любим Россию, так горячо надеемся на ее будущность!

Сими словами и заключим надгробную скорбь нашу об истинном художнике
русском228[148].

329

БЕЗОБРАЗНОЕ ОКОНЧАНИЕ ХАРЬКОВСКОЙ СТУДЕНТСКОЙ ИСТОРИИ

Черный кабинет победил и тут. Как далеко ушли в реакцию Александр Николаевич и
Ковалевский со времен московской истории! Тринадцать студентов исключены, 4 с
опубликованием, чтоб ни один университет их не принимал, остальные с правом
поступить через год в какой хотят университет, – за сим всеобщий выговор. За
недостатком положительных обвинений брали степень дерзости в ответах, во время
следствия, за доказательство!! Что за патриархальная тупость, что за
деспотический рааврат! И так молодёжь пожертвована пустому, бездарному,
ничтожному попечителю, этой луне петербургского Зиновьева. Старший мешает
просвещению наследника, более скромный меньшей – просвещению Харьковского
округа!

О Ковалевский! Ковалевский! Вы напоминаете нам одного сельского попа, который
писал помещику в ответ на его вопрос, достоин ли дьячок, чтоб хлопотать о его
постановлении

диаконом: «Человек он смиренный, но не безызвестно вашему высокородию – что
honores mutant mores!»229[149]

Ну, а обер-фор-шнейдер просвещения, что он делает во всем этом, как он режет его
крылышки и подает?.. Небось, Жуковский заставлял же Александра Николаевича
читать Шекспира; Генрих V, только будучи цесаревичем, кутил с фальстафом, а как
поступил в цари, то уж не за столом и не на кухне стал искать товарищей
просвещения.

330

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЕЗУИТИЗМА В ПЕТЕРБУРГЕ

Ревность о госпде раба божия Григория, митрополита с.-петербургского, все более
и более выступает из пределов храма божия. Успешно поставив плотины
злохульственному распространению геологических сведений, усердие архипастыря
ныне бросилось на торжища, изгоняя из оных продавцев повременниц светского
гнилословного содержания. Спира града св. Петра, вняв гласу пастыря, воспретила
продажу журналов на стогнах. Не тому ли же столпу твердому, поддерживающему
адамонтовый свод под православныя церкви, мы обязаны глупым в разуме, но мудрым
в вере объяснением, бывшим в русских газетах, что без вселенского собора нельзя
изменить грубую астрономическую ошибку месяцеслова. Поистине, глаголю вам,
братия; что могут значить дванадесять дней – пред вечностию райского вселения.
Люди благочестивые советовали нам оставить в покое ангельский чин, мы слушались
их, – но ведь для этого и ангельскому чину не следует переходить в полицейский.
Живые мертвецы так хорошо века целые представляли настоящих, что стоило
продолжать. Вдруг какая-то богоусердная муха кольнула их, и они вообразили себе
туда же, что они, будучи ангелами, могут быть квартальными и не только мешаться
в дела вечные, но и в дела временные. Нет, господа живые мертвецы, мы не
католики, у нас своих, настоящих жандармов довольно, чтоб иметь еще иезуитских,
на постном масле да на семинарской риторике! Ходите в ваших маскарадных платьях
по монастырскому двору, издавайте для взаимного возбуждения ваши «яхонтовые
цветы православного благочестия», «вечноцелебное и изумрудное млеко богородицы,
за ны точимое», и прочие нелепости, но не мешайтесь в наши дела, а то как бы мы,
миряне не приподняли немного ваши рясы!

ЕЩЕ И ЕЩЕ РАЗ

Один из наших корреспондентов извещает нас, что в некоторых частных анекдотах
вкрались у нас погрешности. Жалеем от всей души и охотно готовы помещать всякую
поправку, дополнение, объяснение, так, как мы напечатали защиту г. Сечинского.
Нам сказывали, что г. Закревский, следуя примеру красноречивого полицмейстера,
хотел что-то прислать, и мы приготовили нашу лучшую сажу, чтоб отпечатать его
статью, но он еще ее не присылал.

У нас нет личностей, большая часть чиновников, о которых мы пишем, совершенно

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов нам не известна, мы с честной целью печатаем об них. На днях мы получили, например, очень интересную статью о новой отрасли торговли почтовыми местами, устроенной в западных губерниях статским советником Ган, под высшим начальством Прянишникова. Подробности до того живы, резки, что трудно сомневаться, и мы в одном из листов «Колокола» напечатаем их, предоставляя Гану и Прянишникову возражать; они могут быть уверены, что если их возражения будут сколько-нибудь человечески написаны, мы их поместим. А публика пусть судит. В этом-то и состоит гласность.

До частных дел мы не касаемся никогда, а если говорили о Мине Ивановне, то ведь это не частное, а публичное дело. Мария же Бредау у нас являлась более как блюстительница нравов, как лицо административное и юридическое, снабжающая публику удовольствиями, а полицию сведениями. Тем не меньше мы еще и еще раз просим тех, кому дорога гласность, нами открытая, кому дорог наш орган, быть очень осторожными, сообщая нам новости, — ничем нельзя больше лишить «Колокол» его силы, как заставляя его повторять неосновательные слухи и ложные вести.

332

LO TZAR ALESSANDRO II E IL GIORNALE «LA CAMPANA»

Dall'ultima guerra in poi, si pensa, e vero, piu seriamente alla Russia; e nondimeno la Russia rimane ancora remota nella sua distanza, come un vasto ed oscuro edificio, che si disegni con forme indefinite nel buio d'una notte d'inverno.

Che e cotesto edificio? Forse una prigione? una fortezza? un falanstere? Difficile a dirsi anche da un Russo; perche esso non e terminato, e puo servire ad usi molteplici e diversi. L'Impero dei contorni²³⁰[150] non presenta che una cornice, nella quale si veggono muraglie nude, ossature, frontiere, designazioni di luoghi, lavori forzati. L'opera dell'organizzazione esotica s'arresta ad un tratto, sotto il regno di Nicolò. La sua morte et la guerra diedero una scossa terribile al Leviathan moscovita, trascinando nell'impulso paesani e Tzar, la letteratura e l'esercito. Alessandro II si presenta con una serie di tentativi di riforme e col progetto dell'emancipazione dei paesani; tuttavia niente è fatto sin'ora; e noi guardiamo inquieti ed afflitti, chiedendoci: si moverà egli o no il Leviathan del Settentrione? correrà a dritta o a sinistra?

Alessandro II, sebbene Tzar, è appunto l'uomo dell'età nostra; l'uomo d'un programma, d'una prefazione; somiglia esattamente a que'rivoluzionari d'un tempo non molto lontano, i quali si soddisfacevano di grandi parole, di discorsi da banchetti, e si davano beatamente ad intendere che, sol che annunciasero l'inaugurazione della Repubblica universale, nè seguirebbe in un istante la solidarietà delle nazioni.

333

Il figlio dell'uomo più prosaico del secolo, è un sognatore, e non sa bene cio che si voglia. Fu educato da un poeta romantico; possiede aspirazioni e velleità; ma è privo di carattere e piange sovente; il che nulla vale pel posto che occupa. Indi i programmi splendidi e l'esecuzione meschina e monca, indi errori, tergiversazioni continue; difetto di franchezza e d'unità. Alessandro II, malgrado le migliori intenzioni del mondo, non farà niente: — niente di positivo, ben inteso; perché una cosa resterà pure ad ogni modo, ed è questa, ch'egli ha sconnesso tutta la machina governativa, e suscitato questioni, le quali travagliano la società tutta quanta, dai gabinetti dell'aristocrazia alle capanne dei contadini.

Prendiamo ad esempio i due fatti più importanti, l'emancipazione dei servi e le relazioni esterne. Non vi troveremo nulla da notare, tranne un arretrarsi continuo e continui errori.

Dieci mesi or sono, Alessandro II si dichiaro per l'emancipazione dei paesani, parlo nelle sue ordinanze e commise al Ministro dell'Interno di parlare, nelle sue circolari, dell'usufrutto della terra da concedersi ai contadini; della casa e del recinto (enclos)²³¹[151] da riscattare; tutto, questo è vero, con frasi molto indefinite; ma il pensiero del governo poteva, non ostante, indovinarsi. In seguito, una provincia dopo l'altra, pur facendo la più ostinata opposizione contro qualsiasi affrancamento, domanda facoltà d'aprire de'comitati di emancipazione. In segno di gratitudine da parte del governo, la parola recinto apparisce più di rado, o si cambia a poco a poco in capanna, pollaio, o non so che. E intanto il Ministro dell'Interno sostituisce, nella sua circolare, all'espressione «affrancamento de'contadini» quella di «miglioramento della loro condizione».

Il Comitato centrale, sotto la vice-presidenza del Principe Orloff (già capo della polizia segreta al tempo di Nicolò),

deputato ad apparecchiare un progetto di emancipazione, o di miglioramento, présente un lavoro talmente mostruoso ed as-surdo, che lo stato dei contadini cadrebbe di maie in peggio, se mai si adottasse una derisione tanto crudele. La nobiltà dalla sua parte non vuol cedere la terra coltiva dai paesani, si mostra passivamente ribelle. Il governo cede; è liberale dove dovrebbe essere arbitrario; e giunge di gran corsa ad un fiasco completo. La questione dell'emancipazione diventa per assunta Crimea della pace. Se il governo non saprà dominare la opposizione della nobiltà, perderà il suo prestigio civile, come perde il prestigio militare nell'ultima guerra.

A colmare la misura della confusione delle idee, v'ha un partito di liberali della vecchia stampa, che grida al socialismo e al comunismo, quando si parla della terra. Vi veggono un'invasione del diritto tre volte tanto della proprietà. E come volete che l'imperatore Alessandro II non abbia paura della parola «socialismo» mentre buon numero di rivoluzionari non ne intendono, per immaginari terrori, il significato?

Il contadino russo al contrario, troppo povero per temere il socialismo, non si cura d'emancipazione, se non gli sia data la terra. E l'otterrà, siatene certi. Noi lo esortiamo a star fermo. Sin qui fu incatenato alla gleba, è ormai tempo di mutare le parti; incateni la terra a se stesso e non dia campo agli assalti de' suoi nemici. Alessandro, Orloff, Comitato centrale, Comitati speciali, tutto passerà; ma dove si abbandoni la terra, questa sfuggirà per lungo tempo ancora alle mani che la lavorano. Ora delle relazioni esterne.

L'Europa si prepara ad una lotta. La menzogna dell'alleanza franco-inglese è svelata; la contraddizione, l'antinomia de' due paesi, rendono necessaria una collisione. Da questa mischia suprema può uscire il rinascimento, o l'agonia dell'Europa. In ambe i casi la Russia non ha alcuno interesse che la tragga a mescolarsi in questa lite intestina; essa non ha ne speranze, ne ricordi associati a tal lotta, ne credito da riceverne. La sola eredità alla quale abbia diritto, quella della scienza, l'ha già convertita in sostanza propria, e questa maggioranza almeno non può perire.

L'avvenire della Russia è assai più volto all'Oriente che

335

all'Occidente. Intervenire attivamente in tutto ciò che si fa in Europa, cercare influenza in ogni complicazione politica, sono effetti dell'amor proprio iracibile di una diplomazia esotica e falsa.

Se vuoi, la Russia ha una naturale alleanza, - quella degli Stati Uniti di America.

Alessandro II, altrettanto infelice nella questione esterna, quanto nella interna riforma, cerca l'alleanza della Francia.

A quai bene? L'alleanza della Francia è sterile in grado supremo. Non è dato allearsi con essa che per la guerra, cioè per la distruzione. Lasciando stare che la Russia non è punto apparecchiata ad una

guerra, una tale tendenza e per noi sinistra come manifestazione di simpatia pel principio rappresentato dalla Francia in antagonismo coll'Inghilterra. La Francia di Bonaparte e la Roma degli Imperatori, la schiavitù armata, il suffragio universale che vota il dispotismo, la democrazia che si ordina ad assolutismo livellatore.

Ogni dubbio sul significato della lotta futura ci sembra impossibile, da che gli stessi avvenimenti, ordinariamente complicati e confusi, si aggruppano in allegorie; da che la sfinge proferisce ad alta voce la parola dell'enigma; da che, ad una esposizione di cittadelle, di cannoni e di bastioni, rispondesi con un filo elettrico che lega l'America all'Inghilterra.

La scelta fra l'Inghilterra e la Francia è pietra di paragone pel senso morale del governo russo.

La posizione di Alessandro II era ammirabile; ma la perderà. Era necessario levarsi contro la tradizione governativa di Pietroburgo, la quale pesa, come una fatalità, sul capo di chiunque porti la corona imperiale; corona che ha coperto tanti delitti e si pochi rimorsi. Egli ebbe delle velleità, ma gli fallì il coraggio necessario all'uopo, e si arretro inanzi all'immensità dell'impresa. Ora i cocchieri di Corte, guidatori del carro dello stato, lo trascinano sempre più in una falsa via.

Noi gli abbiamo gridato, con quanta lena era in noi: - provvedete a' casi vostri; ma il rumore delle ruote lo assorda sì, ch'ei non ode il suono lontano della nostra campana.

Non essendo noi dilettranti d'insurrezione, ne amatori della rivoluzione per se medesima, avemmo pensato, e il pensiero ci consolava, che la Russia potrebbe muoversi suoi primi passi

336

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
verso la liberta a la giustizia, senza violenza e senza colpi di fucile. Il governo e stato forte abbastanza per cominciare dall'alto questa rivoluzione: ora non lo e piu. Alessandro ha permesso, nella sua debolezza, che levin la testa e prendano nuove radici nel corrotto suolo della vecchia Russia tutti i nemici del progresso e della liberta, per condizione, per ignoranza, o per cupidigia – come gli Orloff, i Panine, i Rostofzoff. In qual parte potra egli trovare la forza per vincere questo cerchio incantato? Dove andiamo noi dunque? Molto probabilmente verso una terribile jacquerie, verso una leva in massa de'contadini. Noi siamo lungi dal desiderarlo, e lo dichiariamo; ma, dall'altra parte, peggiore delli jacquerie e il servaggio, e lo stato di straziante incertezza nel quale si lascia il paese.

10 Settembre.

Putney.

PEREVOД

ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II И ГАЗЕТА «КОЛОКОЛ»

По окончании последней войны стали, правда, серьезнее задумываться над тем, что же представляет собой Россия; и все же Россия остается еще очень далекой, как большое, темное здание, которое неясно вырисовывается во мраке зимней ночи. Что же это за здание? Может быть, тюрьма? крепость? фаланстер? На этот вопрос трудно ответить даже русскому: здание не закончено и может служить самым разнообразным целям. Империя фасадов²³²[152] представляет собой лишь раму, в которой видны голые стены, остов, границы, обозначение отдельных пунктов и каторжный труд. Строительство странного здания в царствование Николая резко оборвалось. Смерть его и война дали страшный толчок московскому Левиафану, сдвинулись с места крестьяне и царь, литература и армия. Александр II выступил с попытками ряда реформ и с проектом

337

освобождения крестьян, и тем не менее ничего – до сих пор не сделано, и мы грустно и тревожно смотрим: сдвинется ли наконец Северный Левиафан? И куда, направо или налево?

Хотя Александр II и царь, но он человек нашего времени. Это человек, у которого есть программа, который начинает с предисловия: он очень похож на революционеров недавнего времени, которые удовлетворялись громкими словами, речами на банкетах и блаженно верили, что достаточно провозгласить идеал Всеобщей республики, чтобы в тот же миг установилось братство между всеми народами.

Сын самого прозаического человека нашего времени – мечтатель, и он сам не знает, чего хочет. Его воспитывал поэт-романтик, у него есть порывы и стремления, но у него нет характера и он легко плачет, а это никуда не годится для человека, занимающего такое положение. Отсюда – великолепные проекты и жалкое, ущербное их осуществление, отсюда ошибки, постоянные уловки, отсутствие искренности и цельности. Александр II, несмотря на самые лучшие намерения, не сделает ничего, мы хотим сказать – ничего положительного, потому что одно во всяком случае уже сделано: он расшатал всю государственную машину и поднял вопросы, которые волнуют все общество, от кабинетов аристократов до крестьянских хижин.

Возьмем, например, два важнейших вопроса: освобождение крепостных и внешнюю политику. Мы увидим здесь лишь постоянное отставание и постоянные ошибки.

Десять месяцев тому назад Александр II заявил, что он за освобождение крестьян, в своих указах он говорил (и то же самое от его имени говорил в циркулярах министр внутренних дел) о пользовании землей, которое должно быть предоставлено крестьянам, о доме и усадьбе (eпcлoб)²³³[153], которые должны быть выкуплены; правда, все это говорилось весьма неопределенно, но все же, в чем состояло намерение правительства –

338

можно было догадаться. После этого одна губерния за другой, упорно сопротивляясь какому бы то ни было освобождению, все же стали просить разрешения создать свои комитеты. В знак благодарности со стороны правительства слово «усадьба» появляется все реже и постепенно заменяется словом «изба», «курятник» или чем-то еще в этом роде. Между тем в циркулярах министра внутренних дел вместо слов «освобождение крестьян» появляются слова «улучшение условий» их жизни.

На Главный комитет по крестьянскому делу под председательством князя Орлова (бывшего начальника тайной полиции во времена Николая) было возложено подготовить проект освобождения крестьян или улучшения их положения. Но проект, представленный Комитетом, настолько чудовищен и абсурден, что положение крестьян несомненно ухудшилось бы, если бы эта жестокая насмешка была претворена в жизнь. Дворянство, со своей стороны, не желает отдавать землю, обрабатываемую крестьянами, и пассивно сопротивляется. Правительство уступает, оно либерально там, где должно быть применено насилие, и потому быстро идет к полному провалу. Вопрос об освобождении крестьян становится для него второй Крымской кампанией.

Если правительство не сумеет подавить противодействие дворянства, оно потеряет свой гражданский престиж, точно так же как в последней войне оно потеряло свой военный престиж.

В довершение всей этой путаницы существует еще партия старомодных либералов, которая начинает кричать о социализме и коммунизме, как только заговаривают о земле. Они видят в этом посягательство на трижды священное право собственности. Как же императору Александру II не бояться слова «социализм», если есть довольно много революционеров, которые из-за воображаемых страхов не понимают значения этого слова?

Русский крестьянин, наоборот, слишком беден, чтобы бояться социализма, ему не нужно освобождение, если ему не дадут земли. И, вы можете быть уверены, он получит землю. Мы побуждаем его быть стойким. До сих пор крестьяне были прикреплены к земле, теперь пришло время изменить отношения: пусть крестьяне закрепят землю за собой и не дадут возможности своим врагам на них нападать. Александр, Орлов, Главный комитет, Особые комитеты – все это исчезнет; но там, где земля не будет закреплена за крестьянами, она долго не попадет в их руки, – руки тех, кто ее обрабатывает. Теперь перейдем к внешней политике.

Европа готовится к борьбе. Фальшь франко-английского союза теперь стала очевидной; противоречия, противоположность этих двух стран неминуемо ведут к столкновению. Эта решительная схватка может привести Европу к возрождению или к агонии. В обоих случаях у России нет никаких причин, которые бы заставили ее вмешаться в эту внутреннюю распрю; для нее с этой борьбой не связаны ни надежды, ни воспоминания, ни получение наследства. Единственное наследство, на которое она имеет право, – научное. Это наследство она уже сделала собственным достоянием, и уж оно по крайней мере не может быть потеряно.

Будущее России гораздо более связано с Востоком, чем с Западом. Активное вмешательство во все европейские дела, попытка влиять на любые политические осложнения являются следствием раздражительного самолюбия нелепой и ошибочной дипломатии.

Если хотите знать, то у России есть естественный союзник – это Соединенные Штаты.

Александр II, такой же неудачливый в вопросах внешней политики, как и в вопросе внутренних реформ, хочет заключить союз с Францией.

Зачем? Союз с Францией в высшей степени бесплоден. Заключить с ней союз возможно только на случай войны, т. е. для разрушения. Не говоря уже о том, что Россия совершенно не готова к войне, такое стремление является для нас зловещим – как демонстрация симпатии к принципам, утверждаемым Францией в ее борьбе с Англией. Франция Бонапарта – это императорский Рим, вооруженное рабовладельческое государство;

340

всеобщее голосование, которое поддерживает деспотизм; демократия, которая превращается в уравнивающий граждан абсолютизм.

Нам кажется что смысл будущей борьбы не вызывает никаких сомнений, с тех пор как сами события, обычно сложные и запутанные, приобретают аллегорический характер; с тех пор как сфинкс вслух раскрыл свою тайну; с тех пор как в ответ на экспозицию крепостей, пушек и бастионов электрический провод соединил Англию с Америкой.

Выбор между Англией и Францией является пробным камнем для нравственного чувства русского правительства.

Позиция, занятая Александром II, была превосходной, но он ее потеряет. Было необходимо выступить против правительственной традиции Петербурга, давящей, как рок, всех тех, кто носит императорскую корону, которая покрывала так много преступлений и так мало угрызений совести. У Александра II есть добрые стремления, но нет необходимого мужества, и он отступает перед безмерностью деяния, которое надо совершить. Между тем придворные кучера, правящие государственной колесницей, увлекают его на все более ложный путь.

Мы ему кричали изо всех сил; заботьтесь сами о ваших делах! Но шум колес так его оглушает, что он не слышит отдаленного звона нашего колокола.

Мы не любители восстаний и революции ради революции, и мы думаем, – и мысль эта нас радовала, – что Россия могла бы сделать свои первые шаги к свободе и справедливости без насилия и ружейных выстрелов. Наше правительство было достаточно сильным, чтобы начать сверху эту революцию, теперь оно свою силу утратило. Александр, по своей слабости, допустил, чтобы подняли голову и пустили новые корни в прогнившую почву старой России все те, кто по своему положению, по невежеству или по жадности являются врагами прогресса и свободы, – все эти Орловы, Панины, Ростовцевы.

Где же он найдет силу, чтобы выйти из этого заколдованного круга?

Куда же мы идем? Очень возможно – к ужасной жакерии, к массовому восстанию крестьян. Мы вовсе не хотим его и заявляем об этом, но, с другой стороны, рабство и состояние мучительной неизвестности, в котором находится страна, еще хуже, чем жакерия.

10 сентября,

Путней.

342

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Закревский доставил в таможенную список лиц с строжайшим предписанием по возвращении в Россию обыскать их и доставить их письма и бумаги в Третье отделение.

Не смеем печатать имена, но просим, умоляем всех молодых москвичей, возвращающихся на печальную родину нашу, не брать с собой ничего запрещенного, никаких бумаг.

В какую грязь, в какую мерзость влекут государя эти гнусные шпионы, эти сыщики, эти Закревские... Да и что же в самом деле, государь-то сам? Доброе сердце, благие намерения, кроткий взгляд – все это очень хорошо, но всего этого мало. Теперь не до сентиментальности. Мы накануне министерства Ростовцева (а может, и Липранди), накануне разделения России на пятнадцать пашалыков, в каждом из которых будет по Закревскому, по 715 Тимашева, с маленькими Третьими отделенными, с уездными конторками шпионства... да ведь при этой кротости придется задохнуться.

Мы каемся перед Россией в нашей ошибке. Это то же николаевское время, но разварное, с патокой.

А этот седой клевет, маститый доносчик – неужели на них нет и смерти, если нет у них раскаяния перед ней?

Старший чиновник III отделения, действительный статский советник Гедерштерн, путешествует по Европе с специально учеными целями.

343

ОТ РЕДАКЦИИ

Помещая это письмо, как довольно резкий отголосок мнения, которое мы не можем не уважать, мы не думаем ни возражать на него, ни начинать полемики. Но считаем себя вправе сделать несколько очень коротких замечаний.

Внося в наше дело безусловную искренность и беспредельное желание блага России, мы приветствовали от души Александра II, когда он начал освобождение крестьян и ряд реформ. Напрасно автор письма видит в этом какую-то заднюю мысль – «возвращения». Мы ничего личного не вводили в наши публикации. Как ни тяжела разлука с родным краем, но мы никогда не купим уступкой убеждений право возвращения. Казалось бы, что это доверие мы заслужили.

Далее мы совершенно не согласны с автором, что наша обязанность – все печатать, что нам присылают, без малейших изменений, урезываний. Эту «смелость» мы будем иметь и никак не считаем «достоянием» России всякую всячину, которую нам посылают. Мы не знаем редакции в мире, которая бы без разбора согласилась печатать грамотные и безграмотные статьи, иногда полные личностями, иногда неосторожностями, которые вздумают ей посылать. Колокол в таком случае придется перевернуть и сделать из него яму, в которую без разбора будут сыпать хорошие вещи и сор.

«Пророком» мы себя не выдавали и не знаем, к чему эта ирония из дружеского стана; цензором быть неприятно, но на редакции лежит нравственная ответственность, которую она принимает.

В сомнительных случаях мы часто останавливались. Но почему

344

же – желает знать автор письма – одной вести мы верили, а другой нет? Между прочим укажем ему на один из критериев: часть сведений прислана нам при письмах от лиц, совершенно знакомых нам и с их удостоверением, например, история Сечинского и Кочубея; не ясно ли, что мы менее боимся печатать эту часть?

Мы готовы открыть в «Колоколе» новую «Книгу обличений» и печатать в ней частные дела, процессы, злоупотребления и проч. на том условии, на котором это делает «Теймс». Пусть редакция будет известно имя посылающего. Его никто, никогда не узнает, но если новость обличится совершенно ложной или искаженной, то по требованию обвиненного мы напечатаем имя.

Надеемся, что автор письма с тем же добродушием прочтет эти строки, с каким мы прочли его письмо, и не откажет нам в сочувствии во имя общего дела нашего.

345

ИЗ ПОЛЬШИ

Наконец-то получили мы довольно длинное письмо о польских делах или, лучше, о русском управлении в Польше. Все одно и то же. Хотят каких-то новых порядков и

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов употребляют старых николаевских слуг; а что может быть николаевский слуга, служивший в Польше, можно догадаться. Люди, тридцать лет занимавшиеся с таким успехом ухудшением состояния Польши, ныне употребляются на улучшение его. Чего же путного можно ждать?

Из «сильных, но нечистых» рук Паскевича, как выражается автор письма, управление перешло к князю Горчакову, тяжелому, скучному формалисту, человеку честному, но бездарному и выжившему из ума. Вечно занятый мелочами, Горчаков заваливает себя пустыми бумагами и за множеством дел не может добраться до дела, предоставляя собственно управление Муханову. Попечитель Варшавского округа, он вместе с тем заведывает внутренними и духовными делами. Учебные заведения, цензура, почты, театры, дороги – все находится под его начальством.

Александр II имел намерение восстановить Варшавский университет и вообще значительно улучшить организацию высших учебных заведений в Польше. Муханов самым деятельным образом противудействовал исполнению этих проектов. Он представлял государю во время его приезда в Варшаву, что ни под каким видом не следует изменять программ, введенных во время пущего николаевского террора, что после закрытия им кафедры правоведения в 1846 и 1848 годах молодые люди ведут себя хорошо, «ш думают о независимости и не делают заговоров».

346

Таким образом он настоял, чтобы юридическое преподавание свести на начальные курсы, и когда граф Скарбек, директор юстиции, заметил недостаточность такого учения, Муханов пожаловался на него, и граф Скарбек лишился места.

Очень замечателен анекдот, рассказываемый автором письма, как усердно Муханов исполняет волю государя. Известно всем, как Николай, в своем диком преследовании науки ограничил число вступающих в учебные заведения, известно тоже и то, что со вступлением Александра II позорные стеснения эти тотчас пали. В Польше, как и во всей России, было предписано принимать учеников и студентов, не ограничивая их числа. Муханов, сообщив официально об этом по своему ведомству, призвал келейно директоров учебных заведений и каждому сказал с глаза на глаз, что такие распоряжения делаются для Европы и что они должны принимать по-прежнему ограниченное число, отталкивая под разными вздорными предлогами излишнее число кандидатов.

Польский язык велено ввести во все школы для преподавания, Муханов не исполнил этого до сих пор. В гимназиях начальство старается преимущественно принимать дворян и проч.²³⁴[154]

Мы помним какой-то старинный портрет императора Павла, под которым была надпись: «D'autres ont fait le mal, il a mal fait le bien»²³⁵[155], – поневоле приходит в голову эта характеристика, думая о Александре II. Слыхали мы, что неспособные старики слепо привязываются к молоденьким девчонкам, – но чтоб человек в цвете мужеских лет имел такое пристрастие к неспособным старикам, никогда не слыхивали.

Ну есть ли тень здравого смысла оставлять – и где же – в Польше – николаевских опричников, которых имя связано со всеми ужасами его правления!

О УСЕРДНОМУ, О ПАСТЫРЮ
БЛАГОРЕВНОСТНОМУ!

Едва успели мы предать тиснению о подвигах высокопреосвященного Григория-газетоборца, Григория – клянуща геологию, как получили драгоценный ревности его документ, свидетельствующий о том, что и Майя пятнадцатого уже спасительное безумие его было в той же каникулярной степени. Касаясь всего перстом веры своей, он не побоялся и адской одежды Евы, высокопреосвященный владыко разоблачая по картинке женщину, волосы плетущую и драгия ткани носящую, совлек с нее одежду соблазнительную, несмотря на то, что она лицемерно якобы отжениется знаменем креста от похоти греховной.

Газетоборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнания гонителю – моли богу о нас!

Конфиденциально

Ваше высокопревосходительство милостивый государь,
При последнем (19) номере издаваемого здесь журнала под названием «Сын отечества» разослана к подписчикам картинка парижских мод, на которой одна женская фигура представлена в платье, украшенном вместо обыкновенных женских уборов – крестами, подобно тому, как изображаются они на церковных священных облачениях.

Находя таковое злоупотребление священного знамени креста крайне неприличным, оттого долгом считаю препроводить доставленную мне картинку к вашему высокопревосходительству с тем, не признаете ли нужным воспретить в здешних мастерских устройство означенных платьев и принять другие, по усмотрению вашему, меры, чтобы платья эти не были в употреблении.

348

С совершенным почтением и преданностью, имею честь быть вашего
высокопревосходительства покорнейший слуга

Григорий

(митрополит новгородский и с-петербургский)

№ 1107

Конфиденциально

Ваше высокопреосвященство

милостивый архипастырь,

При почтеннейшем отношении вашего высокопреосвященства от 15 числа сего месяца за № 1107, получив возвращаемую при сем картинку, принадлежащую к 19 № периодического издания «Сын отечества», долгом поставлю доложить вам, высокоуважаемый мною архипастырь, что воспрещение изготовления в здешних мастерских подобных женских убранств оказывается неудобным, ибо многие таковые бываю привозимы из-за границы или по иностранным рисункам изготавливаются в домашнем быту. Притом воспрещение сие дало бы повод к неуместной отговорке, что изображение уподобляется не церковному облачению, а математическому знаку умножения.

Тем не менее сообщил я министру просвещения, что замечание ваше надлежало бы предписать к руководству цензуре при пропуске рисунков всякого рода.

Примите уверение в душевном уважении и пр.

Павел Игнатьев (С.-Петербургский генерал-губернатор).

349

А. ДЮМА

Со стыдом, с сожалением читаем мы, как наша аристократия стелется у ног А. Дюма, как бегаёт смотреть «великого и курчавого человека» сквозь решетки сада – просится погулять в парк к Кушелеву-Безбородке. Нет, видно образованным не станешь, как ни соединишь по несколько аристократических фамилий и как ни разорьёшь по несколько тысяч душ. – «Nation of flunkeys»²³⁶[156], – говорит «Daily Telegraph», рассказывая об этом. Наши аристократы действительно составляют дворню, и оттого у них немного больше такта, как вообще в передних. Несколько месяцев тому назад *la fine fleur*²³⁷[157] нашей знати праздновала в Париже свадьбу. Юриковские князья и князья вчерашнего дня, графы и сенаторы, литераторы, увенчанные любовью народной, и чины, почтенные его ненавистию, все русское население, гуляющее в Париже, собралось на домашний, русский пир к послу; один иностранец и был приглашен как почетное исключение – Гекерен, убийца Пушкина!

Ну найдите мне пошехонцев, ирокезов, лилипутов, немцев, которые бы имели меньше такта!

350

СТРУНА ИЗ ГРАФСКОЙ ЛИРЫ РОСТОПЧИНОЙ

Ценсура выпустила из стихотворения графини Ростопчиной, напечатанного в «Северной пчеле», следующие строфы, направленные против нас:

В учителя, в апостолы, в Мессии

Пошли теперь поэты и писцы,

И уж у нас чрез меру по России

Незванные плодятся мудрецы;

Ученье их – бессмысленный недоносок,

Плод чужих стран, и дико им самим,

Любовь их к меньшей братье – отголосок

Отчаянной вражды к большим.

*

Легко бежать с миллионом на чужбину и клеветой оттуда нас громить,

Ложь с истиной мешать наполовину,

чтоб нищих духом с толку сбить,

чужую жизнь легко переиначить и ближнего не трудно очернить,

толпы трескучим словом одурачить и даже на ходули взгромоздить.

Легко корить того, кто не ответит,

и как легко позорить мертвеца²³⁸[158],

и тайной цели (?) свет в том не приметит и подтакнуть всех простачков сердца.

Вот, например, вот подвиг знаменитый –

встревожить женский неостывший прах²³⁹[159],

метнуть в него стрелою ядовитой и желчь излить в язвительных стихах.

351

<ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «MEMOIRES DE L'IMPERATRICE CATHERINE II»>

Спешим известить наших читателей, что Н. Трюбнер издает в октябре месяце на французском языке:

Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même (1744-1758)

Записки эти, давно известные в России по слухам и хранившиеся под спудом,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов печатаются в первый раз. Мы взяли меры, чтоб они тотчас были переведены на русский язык[160].

Нужно ли говорить о важности, о необычайном интересе «Записок» той женщины, которая больше тридцати лет держала в своей руке судьбы России и занимала собою весь мир, от Фридриха II и энциклопедистов до крымских ханов и кочующих киргизов.

В «Записках» описана молодость ее, первые годы замужества, – тут в зачатках, в распускающихся почках можно изучить ту женщину, о которой Пушкин сказал:

Насильно Зубову мила,
Старушка милая жила,
Приятно, понаслышке блудно,
Вольтеру лучший друг была,
Писала прозу, флоты жгла И умерла, садясь на судно.
И с той поры в России мгла,
Россия, бедная держава,
С Екатериною прошла Екатерининская слава.

352

О БОРОДЕ А. А. ИВАНОВА

Когда мы писали наши печальные строки о кончине Иванова («Колокол», лист 22), мы не знали еще одной гнусной подробности его приема в Петербурге. Один из петербургских сановников нагрубил ему за то, что он носил бороду.

Ради имени Христова, подайте нам фамилию этого осла!

Теряемся, теряемся в этом омуте глупости, преступлений, грубости и поневоле повторим стихи, ходившие по рукам в Петербурге, тем больше что не видим никакого конца этому народонаселению седых идиотов.

Грустно матушке России,

Грустно юному царю.

Царь покойный гнуть лишь выи

«Грустно!» – думаю я часто Про отечество отцов:

Незабвенный лет ведь на сто Заготовил дураков.

353

ПИСЬМО К ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Государыня,

У нас нет настоящего, и поэтому неудивительно, что нас больше всего занимает будущее нашей родины. Первые всходы, после суровой и продолжительной зимы, поблекли, едва дав ростки... и мы стали беднее, чем были прежде, беднее всей ненавистью – которую утратили, всем негодованием – которое смягчилось. Мы поддались весеннему веянию, раскрыли давно закалившиеся сердца чувствам, незнакомым с детства... но нам не было суждено видеть исполнение ни этих мечтаний, ни других... Народы и цари в наше промежуточное время остаются при воззваниях и афишах. Следующему поколению, может, будет принадлежать действие и драма.

Мы не завидуем. Наше дело близко к концу... скоро пройдем мы, истощенные, но не низложенные тридцатилетней борьбой. Пусть новое поколение, идущее обновить нас, найдет лучшее употребление своих сил. И вы, государыня, можете этому способствовать на первом плане.

По несчастью, очень многое в судьбах самодержавных монархий зависит от личности царя. Петр I недаром жертвовал своей реформе династическим интересом и жизнь своего сына. <De по suis qu'un heureux hasard> Александра I перешло в историю. Вот в этой-то азартной игре вы можете увеличить счастливые шансы – в пользу ближайшего будущего России.

До сих пор воспитание наследника престола в ваших руках, года через два оно ускользнет из них.

Подумайте об этом... одни – когда шум дворцовый уляжется, когда весь этот ненужный вихрь приемов, пустых речей, пустых ответов успокоится, когда сядут все андреевские и владимирские звезды и вы – женщина и мать – останетесь одни с вашей совестью... Подумайте тогда о великой ответственности, о великом долге, лежащем на вас...

О вас говорят, что вы умны, что современное веяние идей недаром проходило сквозь двойные рамы Зимнего дворца, о вас говорят, что вы желаете освобождения крестьян. Это очень много.

Вы любите Россию, это не может быть иначе. Как же вам не любить ту страну, которая, окружив вас всеми благами, надела на вас императорскую мантию. И это не всё; у вас с народом образовалась другая связь. Корона, падшая на главу вашу в мрачную годину войны и внутреннего запустения, представляла для народа исход к новой жизни. Он с детской верой встретил новое царствование. Вы делили вместе с государем те взрывы народного восторга, которые в России не были слышны с тех пор, как Александр I, усталый от торжества, возвращался в 1815 году из Парижа на

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
пепелище Москвы. Как же вам не любить России! К тому же в этой стране пульс
бьется сильно; в самом ее неустройстве, в ее неловких движениях чувствуется
молодая мощь, чувствуется, что в этой колыбели, в этих туго затянутых
свивальниках расправляет члены будущая история. Участвовать в росте и судьбах
такого народа – огромное, великое дело.

Вам ваше сердце матери давно указало, что вы можете сделать, чем вы должны
благодарить народ. Вы сделали опыт спасти вашего сына, будущего царя, от худшего
воспитания великокняжеского, т. е. солдатского, окруженного военной дисциплиной
и немецким клиентизмом. Вся Россия радовалась, услышав, что люди высокого и
притом штатского образования призваны вами. Многие думали даже, что увидят
вашего сына на лавках Московского университета, этого Севастополя науки и
образования, свято, самоотверженно продержавшего свое знамя – истины и мысли в
продолжение тридцатилетнего гонения. И увидят его там без пикета
генерал-адъютантов, без прикрытия тайной и явной полиции, так

355

как видят в аудиториях сына королевы Виктории. И мы издали благословляли вас...
Но это не могло нравиться Черному кабинету – чему же тут удивиться? Разве вы
прежде не знали этих людей, которые, как бревно, мешают всякому прогрессу,
гласности, открытым судам, препятствуют освобождению крестьян? Как же они могли
равнодушно смотреть на то, что сын ваш получит человеческое образование?
Довольно того, что Лагарп чуть не испортил Александра I. Но вы-то зачем так
скоро изменили ваше мнение и так запнулись на первом шагу? Зачем же в деле такой
важности вы не только допустили, чтоб закулисная интрига, подтасованная в
застенке Третьего отделения, вытолкнула из учебной вашего сына людей, на которых
Россия и вы сами смотрели с доверием, – но допустили, чтоб их место занял
какой-то бездарный немецкий школяр?

Ведь не гессен-дармштатского наследника вы ему вверяете... да и того было бы
жаль. Что же знает этот немец о России, что он понимает в ней, что ему за дело
до нее? – Он по вольному найму пошел бы точно так же учить сына алжирского
дея... Бьется ли его сердце от русской песни, и обливается ли оно кровью при
слухе о рекрутском наборе, о неистовствах помещичьих, о чиновничьем грабеже?
Стих Пушкина родной ли ему, и понятен ли ему быт нашего мужика?... Чему научит
этот чужой вашего русского сына... или вы не знаете высокомерную ненависть
немцев ко всему русскому, их отвращение к нам, которое они едва могут скрывать
под личиной клиентизма и низкопоклонства, напоминающих рабов- грамматиков
древнего мира?

Да, но немец немцу рознь! Конечно – но ведь вы не Шиллера какого-нибудь взяли
или не Форстера – а Августа-Теодора фон Гримм.

Посмотрим, что это за фон Гримм. Я развертываю его «ШапМешлеп пась
БйТо5леп»241[161]. Вот что он говорит в своем посвящении Константину
Николаевичу: «Но эти прекрасные воспоминания помрачатся черно-печальной мыслью,
что великий муж, под покровительством и благословением которого мы

356

путешествовали, не существует более в среде нашей, – тот великий император,
которого вы называете отцом, в котором Россия находила свою гордость и славу и
на которого Европа, обуреваемая смутами, смотрела как на незыблемую полярную
звезду. Величие его созданий и дел всего лучше измеряются числом и усилием его
противников, которые, желая разрушить его творения, только уничтожают свою
славу».

Государыня, будьте откровенны и скажите, неужели какой-нибудь немец мог
искренно, добросовестно сказать такую пошлую, такую неумеренную лесть... Я
уверен, что вы этого не думаете; если же вы не думаете, то как же вы могли
допустить этого сладкоглазого льстеца до участия в воспитании наследника?
Грубая похвала иногда может нравиться, за нее дают табатерку, перстень, но как
же награждать душою отрока? Бедный мальчик ваш сын! Да будь он кто-нибудь
другой, нам дела не было бы до него; мы знаем, что большая часть
аристократических детей у нас воспитывается очень дурно. Но ведь с его развитием
связаны судьбы России, и вот оттого-то у нас на душе тяжело, когда мы слышим,
что к нему приставлен человек, который мог напечатать эти строки. Что, если сын
ваш поверит, что Николай был величайшим мужем XIX века, да и захочет ему
подражать?

Или, может, сторону государственной мудрости и пониманья Руси вперит ему
Зиновьев? Ну, а этот где стал педагогом и отчего он способнее пятидесяти...
пятисот дивизионных и всяческих генералов, командующих сиплым голосом и
воспитывающих палкой солдат? Мы знаем за ним одну добродетель – нежную любовь к
брату, которого он всеми неправдами вывел из каких-то зрителей смиренного
дома в попечители Харьковского округа и

отстоял его против правых студентов. Но эти семейные добродетели, ценимые в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Аркадии равняются преступлениям в государственных сферах. Да, наконец, будь
Зиновьев образован – как Закревский, оратор – как Панин, чист – как Ростовцев, и
целомудрен – как Бутков, – разве нельзя было сыскать наместо людей, оттертых им
и интригой Черного кабинета, – русских, образованных, любящих отечество и не
носящих эполет?

Эполеты – великое дело, военный мундир, как ряса монаха –
357

отрезывает человека от прочих людей; ни монах, ни военный – не равны нам, для
того они и помечены. Они оба неполные люди, люди в исключительном положении. У
одного руки сложены, как у мертвеца, у другого вечно подняты, как у дерущегося.
Ни смерть, ни убийство не составляют лучшей минуты жизни.

Звание русского царя не есть военный чин. Пора оставить дикую мысль завоеваний,
кровавых трофеев, городов, взятых приступом, разоренных деревень, потоптанных
жатв, – что за мечтания Нимврода и Аттилы? Время этих бичей человечества, вроде
Карла XII и Наполеона, минует. Все, что требует Россия, основано на мире,
возможно при мире; Россия жаждет внутренних перемен, ей необходимо новое
гражданское и экономическое развитие, а войско и без войны мешает тому и
другому. Войско – разорение, насилие, притеснение; его основание – безмолвная
дисциплина; солдат потому и вреден гражданскому порядку, что не рассуждает, с
него снята ответственность, отличающая человека от животного.

Научите вашего сына носить фрак, перечислите его в гражданскую службу; вы
сделаете ему великое благо. Займите его ум чем-нибудь более благородным, нежели
вечная игра в солдаты; учебная наследника престола не должна походить на
кордегардию. Это особенность прусских принцев и других мелконемецких князьков.
Королевский дом в Англии не хуже, кажется, других; отчего же принц Вельский,
вместо того чтоб учить каких-нибудь Horse-Gard, Royal-Blue или Cold-Stream, –
сидит за микроскопом и занимается зоологией?

С каким глубоким огорчением слышим мы рассказы, как к наследнику посылают кадет
для игры и как они в залах Зимнего дворца играют в войну... в черкесов и
русских... Какая пустота, какая бедность интересов, какое однообразие... и
притом какой нравственный вред! Неужели вы никогда не подумали, что значит эта
игра, что она представляет... зачем ружья, штыки, сабли, зачем эти биваки, для
которых камер-лакей зажигает спиртовую лампу на полу вместо костра? Вся эта игра
представляет несчастье сражений, т. е. гуртовое убийство, торжество грубой
силы... тут недостает одного – крови по колена, стона раненых, груды трупов и
диких криков

победителей. Что же это за детская игра, что за дрессировка в бесчеловечье или в
бессмыслие – когда это выражается в одно капральство?

К тому же все это окружено ложью, обманом, – кадетам под страхом наказаний
приказывают хвалить начальников и содержание, говорить, что у них всегда такое
тонкое белье и проч. ...полнейшее растление детства! Вы этого не знаете, очень
можот быть; но согласитесь, что если мы в Лондоне можем знать, то вам через
улицу еще легче. Но в этом-то и задача – шайка стариков и интригантов,
окружающих вас обоих... они – темная вода в ваших глазах, они застыт истину;
спросите кого-нибудь из Гриммов – правда ли все это, он наверное скажет, что
нет... что кадеты благоденствуют, вознося к небу молитвы за августейший дом и
Иакова Ростовцева и что у них только одна печаль и есть – печаль о «незабвенном»
отце отечества, величайшем монархе XIX столетия.

Но думайте, чтоб, увлеченные сентиментальностью, мы хотели сказать, что военная
наука и военное ремесло бесполезны для наследника. Нет! Печальная необходимость
– середь мира держать себя наготове к отпору – обуславливает необходимость
военного устройства. Готовясь быть главою государства, наследник должен знать и
военную часть, но как часть; финансовые и гражданские вопросы, судебные и
социальные имеют гораздо больше прав на то, чтоб он их знал, и знал хорошо.
Не жалко ли видеть великих князей, изучивших до мелочей форму каждого полка,
постигнувших все тайны метанья ружьем, командования повзводно и побатальонно и
не знающих ни гражданского делопроизводства, ни пределов разных властей, ни
хозяйственного состояния разных стран России, чуждых русской литературе и тем
современным вопросам, которые колеблют мир, потрясают весь род людской. Спросите
любого из них, и вы увидите, правы ли мы. Да и зачем спрашивать? Посмотрите, как
бесплодна их жизнь, как бесполезны их скитания по России... один едет смотреть
конские заводы, другой – стены какой-нибудь цитадели, третий – выправку пятой
дивизии или пятнадцатой...

359

Страшно подумать, до чего дошла стертая пустота велико-княжеских существований у
нас... Возле вас жил и умер человек, может, от природы одаренный добрым сердцем,
но которого вся жизнь прошла в каком-то ненужном недосуге, в бесцельной суете...
Чем Михаил Павлович отметил свою биографию, прошедшую возле самого трона?..

Разве своим фельдцейхмейстерством?

Михаил Павлович не знал России, он и Петербурга не знал, он знал гвардейский корпус, артиллерию, кадет... и умер, приехав с ученья и отдав императорскую честь Паскевичу... Он никогда не был употреблен ни на что дельное. Попавши с молодых лет в Марсово колесо – фрунтов и учений, ему не было времени одуматься: в семь часов рапорт, в восемь прием, в девять парад, в десять ученье со стрельбой, а тут чистота кадетских корпусов, выправка ребятишек, а там пятнадцать верст в час, – ямщики избиты, лошади надорваны, летит за две тысячи верст, – что случилось? – осматривать вторую армию! Опять ученье, опять маршируют солдаты тихим и скорым шагом – пыль столбом, скука, распеканье. Это ужасно!

Есть действительно что-то зловещее и тупое в этой страсти к солдатам, она невольно напоминает несчастного голштинского принца, невзначай попавшего вместо прусских каптенармусов в русские императоры, который целые дни играл в деревянные солдаты и вешал по военному суду крыс – на стенах крепости из картонной бумаги...

Государыня, спасите ваших детей от этой будущности!

Я очень знаю, что мои слова, если они дойдут до вас, удивят вас своей дерзостью: резкая речь свободного человека как-то дико раздастся в залах Зимнего дворца. Но победите ваше негодование и вникните в смысл моих печальных слов, вы, может, в них найдете следы великой скорби, разъедающей сердце, и больше чистого желания блага России без всяких личных видов – чем обиды и дерзости.

Вы стоите слитком высоко, чтоб обидеться; я – слишком независимо, чтоб быть дерзким.

В старые годы цари снимали с себя иногда порфиру и, одеваясь простыми смертными, ходили по рынкам и площадям,

360

вслушиваясь в говор народный и поучаясь житейской мудрости в толпе. Нынче это вывелось, да оно и не нужно – свободная речь сама проникает за кавалергардов. Не отталкивайте ее, подумайте об ней, и если вам это приятнее – забудьте, кто ее писал, хотя он искренно желает вам добра.

1 ноября 1858.

361

НАС УПРЕКАЮТ

Нас упрекают либеральные консерваторы в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно.

Нас упрекают свирепые красные демократы в том, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян.

Нас упрекают славянофилы в западном направлении.

Нас упрекают западники в славянофильстве.

Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости, оттого что мы зимой жалуемся на холод, а летом совсем напротив – на жар.

На сей раз только несколько слов в ответ последнему упреку.

Он вызван двумя или тремя признаниями, что мы ошиблись, что мы были увлечены; не станем оправдываться тем, что мы ошибались и увлекались со всей Россией, мы не отклоняем ответственности, которую добровольно взяли на себя. Мы должны быть последовательны, единство – необходимое условие всякой пропаганды, с нас в праве его требовать. Но, принимая долю вины на себя, мы хотим ее разделить с другими виновниками.

Идти по одной линии легко, когда имеешь дело с спетым порядком дел, с последовательным образом действия, – что трудного взять резкое положение относительно английского правительства или французского императорства? Трудно ли было быть последовательным во время прошлого царствования?

362

Но мы этого единства не находим в действиях Александра II; он то является освободителем крестьян, реформатором, то заступает за николаевскую построжку и грозит растоптать едва всходящие ростки.

Как согласить речь его к московскому дворянству и генерал-губернаторство Закревского?

Как согласить облегчение ценсурных пут и запрещение писать об освобождении крестьян с землею?

Как согласить амнистии, желания публичности с проектом Ростовцева, с силой Панина?

Фридрих II говорил, что он не боялся ни одного генерала так, как Салтыкова, потому что никогда не мог догадаться за минуту вперед, какое движение он сделает: Салтыков все их делал зря.

Шаткость в правительстве отразилась в наших статьях. Мы, следуя за ним, терялись

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов и, откровенно досадуя на себя не скрывали этого. В этом была своего рода связь между нами и нашими читателями. Мы не вели, а шли вместе; мы не учили, а служили отголоском дум и мыслей, умалчиваемых дома. Ринутые в современное движение России, мы носимся с ним по переменному ветру, дующему с Невы.

Конечно, тот, кто, останавливая надежду и страх, молча выждет результата, тот не ошибется. Надгробное слово – истории – гораздо больше предохранено от промахов, нежели всякое участие в совершающихся событиях.

Доктринеры на французский манер и гелертеры на немецкий, люди, производящие следствия, составляющие описи, приводящие в порядок, твердые в положительной религии или религиозные в положительной науке, люди обдуманые, точные доживают до старости лет, не сбиваясь с дороги и не сделав ни орфографических, ни иных ошибок; а люди, брошенные в борьбу, исходят страстной верой и страстным сомнением, истощаются гневом и негодованием, перегорают быстро, падают в крайность, увлекаются и мрут на полдороге – много раз споткнувшись.

Не имея ни исключительной системы, ни духа партии – всё отталкивающего, – мы имеем незыблемые основы, страстные сочувствия, проводившие нас – от ребячества до

363

седых волос, в них у нас нет легкомыслия, нет колебания, нет уступок! Остальное нам кажется второстепенным; средства осуществления бесконечно различны, которое изберется... в этом поэтический каприз истории – мешать ему неучтиво.

Освобождение крестьян с землею – один из главных и существенных вопросов для России и для нас. Будет ли это освобождение «сверху или снизу» – мы будем за него! Освободят ли их крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения – мы благословим их искренно и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты – мы первые поздравим их братски и также от души. Прикажет ли, наконец, государь отобрать именья у крамольной аристократии, а ее выслать, – ну хоть куда-нибудь на Амур к Муравьеву, – мы столько же от души скажем: «Быть по сему».

Из этого вовсе не следует, что мы рекомендуем эти средства, что нет других, что это лучшие, совсем нет, – наши читатели знают, как мы думаем об этом.

Но так как главное дело в том, чтоб крестьяне были освобождены с землею, то из-за средств спора мы не поднимем.

При таком отсутствии обязательной доктрины, предоставляя, так сказать, самой природе действовать и сочувствуя каждому шагу, согласному с нашим воззрением, мы можем часто ошибаться, всегда будем очень рады, когда «ученые друзья наши», спокойно сидящие в сторожках на берегу, прокричат нам «правее или левее» держаться; но мы желали бы, чтоб они не забывали, что им легче делать наблюдения над силой волн и слабостью пловцов, нежели нам плыть... и притом так далеко от берега.

Из-за стен доктрины, как из-за монастырских стен, сполугоря смотреть на треволение мирское. Доктрины счастливы, они не увлекаются и... не увлекают других.

СЕКУЩЕЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Английские, бельгийские и немецкие журналы («Morning Advertiser», «Independence», «Allgemeine Zeitung» и др.) рассказывают, заимствуя из Позенской гаветы, страшную историю нового злодеяния русской администрации в западных краях.

Гродненской губ., Волковицкого уезда, деревня Пороцево перешла из унии к греческой церкви – в то душеспасительное время, когда Николай с благочестивым свирепством всекал униат в православие. Поп им достался какой-то мошенник, притеснявший их и грабивший. Мужики, услышав, что новый государь поладил с католическим духовенством, перешли опять в унию. Поп донес. Генерал-губернатор Назимов отправил туда отряд солдат, шайку полиции и своего адъютанта Попова. Вооруженная орава эта напала на деревню и без суда и следствия перепорола всех; говорят, что несколько человек умерли под наказаниями.

Если это выдуманно или увеличено, пусть Назимов оправдывается, а до тех пор мы будем считать это – со всей Европой – за истину. Впрочем, тут невероятного ничего нет, это все совершенно в нравах аракчеево-бибиковской школы. Давно ли Симашко свирепствовал тому же секущему православию? Разумеется, раскольники правы, презирая полицейскую церковь, благословляющую розгами и поддерживаемую разбойниками с аксельбантами и сыщиками в камилавах.

Кстати, мы слышали на днях, что не только рязанские, и московские крестьяне молятся за убиенного Новосильцевым и его сообщниками старца в Деднове (см. «Колокол» лист 26) – причисляя его к святым мученикам!.. Несчастливая Русь!

Сколько страдальческой крови пролито на пажитях

365

твоих! Твои нивы – поля битвы, – битвы свирепой, в которой все злодеяние с одной стороны. Сколько уст замкнулось на веки веков под позорной розгой твоих

брани сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
палачей–помещиков, воров– чиновников и пьяной полиции?

Забудь это, когда наступят дни твоего светлого воскресения, – прости детям свирепых врагов твоих, просто потому, что месть, чтоб быть достойной зла, – была бы слишком велика!

<Г–Н ФОНТОН>

Говорят, что известный дипломат наш, Фонтон, осужденный докторами на самую тощую диету из всех диет, с негодованием отвергает приписанное нами ему влияние на преследование в Франкфурте «Колокола», о чем мы в свое время и утруждали правительствующий сенат того города – всепокорнейшим нашим прошением. Мы с искренним удовольствием услышали о негодовании г. Фонтон (само собою разумеется, мы говорили не о лице, а о русском резиденте, и это так справедливо, что в первой статье назвали его Лабенским). Мы были уверены, что все дельные русские дипломаты (в числе которых считаем и г. Фонтон) ясно понимают, что ничего нет общего между сношениями России с другими державами и вертепом III отделения. Делать жандармов из послов – изобретение Николая. Поццо ди Борго, Пален и др. старались ему объяснить, что не всякий способен быть Дупельтом. – Покойник этого не понимал и с тем изволил отбыть в Петропавловскую крепость.

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Нас уверяют, что речь государя к московским плантаторам не была напечатана в русских газетах. Государь под надзором полиции, под ценсурой помещиков испытывает теперь на себе, каково жить в стране без гласности.

366

Верные нашей программе, мы предлагаем Александру II всякий раз, когда цензура не пропустит его речь или что другое, присылать в «Колокол». Запрещенную речь его мы поместим с удовольствием; мы только не принимаем то, что имеет целью поддерживать рабство и самоуправство в России – все это может без нашего содействия печататься в России.

<ПРАВДА ЛИ?.. – НЕТ, НЕПРАВДА!>

Правда ли, что православное духовенство, скопившее страшные богатства по монастырям, обирающее – свечами маслом и другими поборами – народ русский, предлагает христороливно все сии богатства на выкуп крестьян с землею? – Нет, неправда!

ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ – КРАЖА ВОСЬМИДЕСЯТИ ВЕРСТ!!

Английские журналы с гомерическим смехом рассказывают, что при новом измерении расстояний между Москвой и Петербургом, сделанном известным астрономом Струве, оказывается, что казна заплатила за восемьдесят лишних верст!

Что, почтенный Петр Андреевич, астрономия–то подвелахv[ix], недаром вы с Николаем Павловичем так ненавидели науку.

«Усердие все превозмогает», даже растягивает пространство!

Мы покорнейше просим г. Чевкина сообщать нам о следствии, назначенном по этому делу; неужели и тут виновные будут скрыты, как по делу крымских злоупотреблений, потому что замешаны все полные генералы; должно быть, они самому государю дают взятки?.. Безнаказанность воров, поставленных так высоко, что их, как адмиралтейский шпиц, видно отовсюду, – служит особенным поощрением маленьким воришкам.

367

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

<ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОЙ КНИЖКЕ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»>

Читатели наши, может, помнят несколько пояснительных слов, сказанных нами в предисловии к первой книжке «Голосов из России». – Мы просим не забывать, что в отношении к «Голосам» мы – типографы, готовые печатать всё – исключая одно писанное с целью упрочить современный порядок дел в России, потому что все усилия наши только к тому и устремлены, чтоб его заменить свободными и народными учреждениями. Что же касается до средств, мы отворяем двери на все стороны, вызываем на все споры, – не отвечая, разумеется, за мнения, изложенные не нами. Даже те мнения, с которыми мы вовсе не согласны, должны быть закреплены печатанием, чтоб остаться свидетельством того, какие мысли волновали в нашу переходную эпоху русскую душу.

Большой шаг сделан от скромного желания освобождения крестьян, робко высказывавшегося в первой книжке «Голосов», до строгого ответа вяземского мужичка – князю Голицыну.

В первой книжке все подкрашено розовой краской – Николай умер, мир заключен, реформы обещаны. Во второй книжке – скептицизм примешивается к уверенности... Он возрастает в IV книжке до озлобленного негодования («Письмо к редактору»). Автор письма винит уже не правительство, он идет далее и обрушивает всю ответственность на народ. Не соглашаясь с автором, мы и не думали порицать этот гнев, мы сами знакомы с ним. Это та же любовь, только опрокинутая. Мы

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов вполне понимаем страстную логику, по которой автор дошел до чаадаевского раздражительного отчаяния и по которой вяземский крестьянин должен был так отвечать балагуру князю – с его наивными угрозами «бушке барану» и с его сиятельно любезным красноречием.

Между ними мы поместили спокойную деловую статью об удельных крестьянах; она, может, была бы больше на месте в пятой книжке с глубоко обдуманым и очень замечательным проектом «освобождения крестьян», но мы так поторопились передать его читателям, что только его и поместили.

Что касается до статьи «Об удельных крестьянах», мы в одном не можем согласиться с автором. Удельные крестьяне не идут в сравнение с крепостными. Помещичьи крестьяне – печальный факт, но факт частного владения, а удельные крестьяне – призрак. Это те же государственные крестьяне с иным названием. Они нам напоминают барыню, которая Кузьме велела называться Васильем. Отделить помещичьим крестьянам не менее 73 земли совершенно справедливо; но – отделить удельным крестьянам 73 земли значит отнять у них остальную, которую они пользуются так же, как государственные крестьяне пользуются своей землей. Такой несправедливости для примера господам помещикам сделать нельзя. Все, что можно сделать, – это уничтожить министерство уделов и оставить одни государственные имущества. Правительство уже тем много выигрывает, что везде будут окружные, получающие 1000 р. жалованья – вместо удельных управляющих, получающих 7000 р. с «серебром» жалованья и 4000 и более от общественной запашки. Правительство жестоко ошибается, думая, что при большом жалованье в государстве, где нет ни суда, ни гласности, чиновники станут меньше красть; доказательство противного – то, что удельные управляющие так же грабят при 11000 дохода, как окружные – при 1000 р. жалованья. Крестьяне же выиграют уничтожением министерства уделов то, что они не будут пахать на управляющего, воспользуются землей запашек, теперь для них бесполезною, и избавятся от ежеминутного притеснителя, который не оставляет в покое ни хозяйственной, ни семейной жизни крестьянина, т. е. от удельного управляющего.

<MEMOIRES DE CATHERINE II>

PREFACE

10 ноября 1858. путней. □

Quelques heures après la mort de l'impératrice Catherine, son fils, l'empereur Paul, ordonna au comte Rostoptchine de mettre les scellés sur les papiers de l'impératrice. Il était lui-même présent à la mise en ordre de ces papiers. On y trouva la célèbre lettre d'Alexis Orloff²⁴²[162], par laquelle, d'un ton cynique et d'une main ivre, il annonçait à l'impératrice l'assassinat de son mari, Pierre III, – et un manuscrit écrit entièrement de la main de Catherine; ce dernier était contenu dans une enveloppe cachetée, portant cette inscription: «Его императорскому высочеству, цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему» («A son altesse impériale, le Césarévitch et grand-duc Paul, mon fils bien-aimé»). Sous cette enveloppe se trouvait le manuscrit des Mémoires que nous publions.

Le cahier se termine brusquement vers la fin de 1759. On dit qu'il y avait des notes détachées qui auraient dû servir de matériaux pour la continuation. Il y a des personnes qui disent que Paul les a jetées au feu: il n'y a pas de certitude à ce sujet. Paul tenait en grand secret le manuscrit de sa mère, et ne le confia jamais qu'à son ami d'enfance, le prince Alexandre Kourakine. Celui-ci en prit une copie. Une vingtaine d'années après la mort de Paul, Alexandre Tourguéneff et le prince Michel Vorontzoff obtinrent des copies de l'exemplaire de Kourakine. L'empereur Nicolas, ayant entendu parler de cela, donna ordre à la police secrète de s'emparer de toutes les copies. Il y en avait, entre

370

autres, une écrite à Odessa, par la main du célèbre poète, Pouchkine.

Effectivement, les Mémoires de l'impératrice Catherine II ne circulèrent plus. L'empereur Nicolas se fit apporter, par le comte D. Bloudoff, l'original, le lut, le cacheta avec le grand sceau de l'Etat, et ordonna de le garder aux archives impériales, parmi les documents les plus secrets.

A ces détails, que j'extraits d'une notice qui m'a été communiquée, je dois ajouter que la première personne qui m'en parlât, fut le précepteur de l'empereur actuel, Constantin Arsénieff. Il me disait, en 1840, qu'il avait obtenu la permission de lire beaucoup de documents secrets sur les événements qui suivirent la mort de Pierre I, jusqu'au règne d'Alexandre I. Parmi ces documents on l'autorisa à lire les Mémoires de Catherine II. (Il enseignait alors l'histoire moderne de Russie au grand-duc, héritier présomptif.)

Pendant la guerre de Crimée on transféra les archives à Moscou. Au mois de mars 1855, l'empereur actuel se fit apporter le manuscrit pour le lire. Depuis ce

temps une ou deux copies circulèrent derechef à Moscou et à Pétersbourg. C'est sur une de ces copies que nous publions les Mémoires. Quant à l'authenticité, il n'y a pas le moindre doute. Au reste, il suffit de lire deux ou trois pages du texte pour être convaincu.

Nous nous sommes abstenus de faire des corrections du style, dans tous les cas où nous n'avions pas la conviction que la copie portait une faute de transcription.

Passant aux mémoires eux-mêmes, qu'avons nous à dire?

Les premières années de Catherine II – de cette femme-empereur, qui occupa plus d'un quart de siècle tous les esprits contemporains, depuis Voltaire et Frédéric II jusqu'au Khan de Crimée et aux chefs des Kirghiz, – ses jeunes années, racontées par elle-même!.. Qu'y a-t-il pour l'éditeur à ajouter à cela?

En lisant ces pages, on la voit venir, on la voit se former telle qu'elle a été plus tard. Enfant espiègle de quatorze ans, coiffée à la «Moïse», blonde, folâtre, fiancée d'un petit idiot – le grand-duc – elle a déjà le mal du Palais d'hiver, la soif de la domination. Un jour, étant «juchée» avec le grand-duc sur une fenêtre et plaisantant avec lui, elle voit entrer le comte Lestocq,

371

qui lui dit: «Faites vos paquets – vous repartirez pour l'Allemagne». Le jeune idiot ne semble pas très affecté de cette séparation possible. «Ce m'était aussi une affaire assez indifférente», – dit la petite Allemande, – «mais la couronne de Russie ne me l'était pas», – ajoute la grande-duchesse.

Voilà, en herbe, la Catherine de 1762!

Rêver à la couronne au reste était tout naturel, – dans cette atmosphère de la cour impériale, – non seulement pour la fiancée de l'héritier présomptif, mais pour tout le monde. Le palefrenier Biron, le chanteur Rasoumovski, le prince Dolgorouki, le plébéien Ménchikoff, l'oligarque Volynski, – tout le monde voulait avoir un lambeau du manteau impérial. La couronne de Russie était – après Pierre I – une res nullius.

Pierre I, terroriste et réformateur avant tout, n'avait aucun respect pour la légitimité. Son absolutisme s'efforçait d'aller même au-delà de la tombe. Il se donna le droit de désigner son successeur, et, au lieu de le faire, il se borna à ordonner l'assassinat de son propre fils.

Après la mort de Pierre I, les grands de l'Etat s'assemblent pour aviser. Ménchikoff arrête toute délibération et proclame impératrice son ancienne maîtresse, veuve d'un brave dragon suédois, tué sur le champ de bataille, et veuve de Pierre I, auquel Ménchikoff l'avait cédée «par dévouement».

Le règne de Catherine I est court. Après elle la couronne continue à passer d'une tête à l'autre, au hasard: de la ci-devant cabaretière livonienne à un gamin (Pierre II); de ce gamin, qui meurt de la petite vérole, à la duchesse de Courlande (Anne); de la duchesse de Courlande à une princesse de Mecklenbourg, mariée à un prince de Brunswick, qui règne au nom d'un enfant au berceau (Ivan); de l'enfant né trop tard pour régner, la couronne passe sur la tête d'une fille née trop tôt – Elisabeth. C'est elle qui représente la légitimité.

La tradition rompue, brisée, le peuple et l'Etat complètement séparés par la réforme de Pierre I, les coups d'Etat, les révolutions de palais étaient alors en permanence. Rien de stable. En se mettant au lit les habitants de Pétersbourg ne savaient jamais sous le gouvernement de qui ils se réveilleraient. Aussi s'intéressait-on fort peu à ces changements, qui ne touchaient au fond

que quelques intrigants allemands devenus ministres russes, quelques grands seigneurs blanchis dans le parjure et le crime, et le régiment de Préobrajensky, qui, à l'instar des prétoriens, disposait de la couronne. Pour les autres il n'y avait rien de changé. Et quand je dis «les autres», je ne parle que de la

noblesse et des employés: car de l'immensité silencieuse du peuple – du peuple courbé, triste, ahuri, muet – personne ne s'inquiétait; le peuple restait hors la loi, acceptant passivement l'épreuve terrible qu'il plaisait au bon Dieu de lui envoyer, et ne se souciant guère, de son côté, des spectres qui montaient d'un pas chancelant les marches du trône, glissaient comme des ombres, et disparaissaient en Sibérie ou dans les casemates. Le peuple, dans tous les cas, était sûr d'être pillé. Son état social était donc à l'abri de toute chance.

Période étrange! Le trône impérial – comme nous l'avons dit ailleurs²⁴³[163] – ressemblait au lit de Cléopâtre. Un tas d'oligarques, d'étrangers, de pandours, de mignons conduisaient nuitamment un inconnu, un enfant, une Allemande;

l'élevaient au trône, l'adoraient et distribuaient, en son nom, des coups de knout à ceux qui trouvaient à y redire. A peine l'élu avait-il eu le temps de s'enivrer de toutes les jouissances d'un pouvoir exorbitant et absurde, et d'envoyer ses ennemis aux travaux forcés ou à la torture, que la vague suivante apportait déjà un autre prétendant, et entraînait l'élu d'hier, avec tout son

entourage, dans l'abîme. Les ministres et les généraux du jour s'en allaient le lendemain, chargés de fers, en Sibérie.

Cette bufera infernale emportait les gens avec une si grande rapidité, qu'on n'avait pas le temps de s'habituer à leurs visages. Le maréchal Munikh, qui avait renversé Biron, le rejoignit, prisonnier lui-même, et les chaînes aux pieds, sur un radeau arrêté sur le Volga. C'est dans la lutte de ces deux Allemands, qui se disputaient l'empire russe comme si c'eût été une cruche de bière, que l'on peut retrouver le type véritable des coups d'Etat du bon vieux temps.

L'impératrice Anne meurt, laissant, comme nous venons de le dire, la couronne à un enfant de quelques mois, sous la régence

373

de son amant Biron. Le duc de Courlande était tout-puissant. Méprisant tout ce qui était russe, il voulait nous civiliser par la schlague. Dans l'espérance de s'affermir, il fit périr avec une cruauté froide des centaines d'hommes, en exila plus de vingt mille. Il était maître aussi dur qu'absolu. Cela ennuyait le maréchal Munikh. Celui-ci était Allemand aussi bien que Biron, mais de plus un très bon guerrier. Un beau jour la princesse de Brunswick, la mère du petit empereur, se plaint à Munikh de l'arrogance de Biron. «Avez-vous déjà parlé de cela à quelqu'un?» – demande le maréchal. – «A personne». – «Très bien, taisez-vous et laissez-moi faire». C'était le 7 septembre 1740.

Le 8, Munikh dîne chez Biron. Après le dîner, il laisse sa famille chez le régent, et se retire pour un instant. Il va tout doucement chez la princesse de Brunswick, lui dit qu'elle doit se préparer pour la nuit, et rentre. On se met à souper. Munikh raconte ses campagnes, les batailles qu'il a gagnées. «Avez-vous fait des expéditions nocturnes?» – demande le comte de Løvenhaupt. «J'en ai fait à toutes les heures», – reprend le maréchal, un peu contrarié. Le régent, qui ne se sentait pas bien et était couché sur un sofa, se redresse à ces paroles et devient pensif.

On se quitte en amis.

Arrivé à la maison, Munikh ordonne à son aide-de-camp, Manstein, d'être prêt à deux heures. A deux heures il se met avec lui dans une voiture et va droit au Palais d'hiver. Là il fait réveiller la princesse. «Qu'avez-vous donc?» – demande le brave Allemand, Antoine-Ulrich de Braunschweig-Wolfenbüttel, à sa femme. – «Une indisposition», – répond la princesse. Et Antoine-Ulrich se rendort comme une taupe.

Pendant qu'il dort, la princesse s'habille, et le vieux guerrier parle aux soldats les plus janissaires du régiment de Préobrajensky, Il leur représente la position humiliante de la princesse, parle de sa reconnaissance future, et, tout en parlant, fait charger les fusils.

Laisant alors la princesse sous la garde d'une quarantaine de grenadiers, il va, avec quatre-vingts soldats, arrêter le chef de l'Etat, le terrible duc de Courlande.

On traverse paisiblement les rues de Pétersbourg; on arrive au palais du régent; on y entre, et Munikh envoie Manstein

374

pour l'arrêter, mort ou vif, dans sa chambre à coucher. Les officiers de service, les sentinelles, les domestiques regardent faire. «S'il y eût un seul officier ou soldat fidèle, – dit Manstein, dans ses mémoires, – nous étions perdus». Mais il ne s'en trouva pas un seul. Biron, voyant les soldats, se sauve, en rampant, sous le lit. Manstein le fait retirer de là. Biron se débat. On lui donne quelques coups de crosse de fusil, et on le porte au corps de garde.

Le coup d'Etat était fait. Mais il va se passer une chose bien plus étrange encore.

Biron était détesté, cela pouvait expliquer sa chute. La régente, au contraire, bonne et douce créature – ne faisant de mal à personne, et faisant beaucoup l'amour avec l'ambassadeur Linar – était même un peu aimée, par haine pour Biron. Une année passe. Tout est tranquille. Mais la cour de France est mécontente d'une alliance austro-russe que la régente venait de faire avec Marie-Thérèse. Comment empêcher cette alliance? – Rien de plus facile: faire un coup d'Etat et chasser la régente. Ici pas même de maréchal vénéré par les soldats, pas même un homme d'Etat: il suffit d'un médecin intrigant, Lestocq, et d'un intrigant ambassadeur, La Ghétardie, pour porter au trône Elisabeth, la fille de Pierre I.

Elisabeth, absorbée dans les plaisirs et dans de petites intrigues, pensait peu au renversement du gouvernement. On lui fait accroire que la régente a l'intention de l'enfermer dans un couvent. – Elle,

Elisabeth, qui passe son temps dans les casernes de la garde et dans les orgies... Plutôt se faire impératrice! C'est aussi ce que pense La Chétardie; et il fait plus que penser, il donne de l'or français pour soudoyer une poignée de soldats.

Le 25 novembre 1741, la grande-duchesse arrive, revêtue d'une robe magnifique et la poitrine couverte d'une cuirasse brillante, au corps de garde du régiment de Préobrajensky. Elle expose aux soldats sa position malheureuse. Les soldats, gorgés de vin, lui crient: «Ordonne, mère, ordonne, et nous les égorgerons tous!» La charitable grande-duchesse recule d'horreur et ordonne seulement l'arrestation de la régente, de son mari et de leur fils – le bambino-empereur. Et encore une fois même représentation. Antoin-Ulrich de

375

Braunschweig est réveillé du plus profond sommeil; mais cette fois il ne peut se rendormir, car deux soldats l'enveloppent dans un drap de lit et le portent dans un cachot, d'où il ne sortira que pour aller mourir en exil.

Le coup d'Etat est fait.

Le nouveau règne va comme sur des roulettes. Il ne manque encore une fois à cette couronne étrange... qu'un héritier. L'impératrice, qui ne veut pas du petit Ivan, va en chercher un dans le palais épiscopal du prince-évêque de Lubeck. C'était le neveu de l'évêque et un petit-fils de Pierre I, orphelin sans père ni mère, le futur de la petite Sophie Auguste Frédérique, princesse d'Anhalt-Zerbst-Bernbourg, qui perdit tant de titres sonores et illustres pour s'appeler tout brièvement... Catherine II.

Maintenant que l'on se figure, d'après ce que nous venons de dire, quel était le milieu dans lequel la fatalité jeta cette jeune fille douée, en même temps, et de beaucoup d'esprit, et d'un caractère pliant mais plein d'orgueil et de passion.

Sa position à Pétersbourg était horrible. D'un côté sa mère, Allemande acariâtre, grognon, avide, mesquine, pédante, lui donnant des soufflets et lui prenant ses robes neuves, pour se les approprier; de l'autre, l'impératrice Elisabeth, virago criarde, grossière, toujours entre deux vins, jalouse, envieuse, faisant surveiller chaque pas de la jeune princesse, rapporter chaque parole, prenant ombrage de tout, et cela, après lui avoir donné pour mari le benêt le plus ridicule de son époque.

Prisonnière dans le palais, elle n'ose rien faire sans autorisation. Si elle pleure la mort de son père, l'impératrice lui envoie dire que c'est assez; que «son père n'était pas un roi pour le pleurer plus d'une semaine». Si elle montre de l'amitié pour quelqu'une des demoiselles d'honneur qu'on lui donne, elle peut être sûre qu'on la renverra. Si elle s'attache à un domestique fidèle, c'est encore plus sûr qu'on le chassera.

Ses rapports avec le grand-duc sont monstrueux, dégradants. Il lui fait des confidences sur ses intrigues amoureuses. Ivrogne depuis l'âge de dix ans, il vient une fois, la nuit, aviné, entretenir sa femme des grâces et des charmes de la fille de Biron; et, comme Catherine fait semblant de dormir, il lui donne un coup de poing pour l'éveiller. Ce butor tient à côté de la chambre

376

à coucher de sa femme une meute de chiens qui empeste l'air, et pend des rats, dans la sienne, pour les punir selon les règles du code militaire.

Ce n'est pas tout. Après avoir offensé, molesté peu à peu tous les sentiments tendres de cette jeune femme, on commence à les dépraver systématiquement.

L'impératrice prend pour un désordre qu'elle n'ait pas d'enfants. Mme Tchoglokoff lui en parle, en insinuant qu'enfin il faut sacrifier ses scrupules lorsqu'il s'agit du bien de l'Etat, et finit par lui proposer de choisir entre Saltykoff et Narychkine. La jeune femme joue la niaise, prend les deux – plus Poniatowski, et commence ainsi une carrière érotique, dans laquelle, pendant quarante ans, elle ne s'arrêtera plus.

Ce que cette publication a de grave pour la maison impériale de Russie, c'est qu'elle démontre que non seulement cette maison n'appartient pas à la famille des Romanoff, mais pas même à la famille de Holstein-Gottorp. L'aveu de Catherine, sous ce rapport, est très explicite – le père de l'empereur Paul est Serge Saltykoff.

La dictature impériale en Russie tâche en vain de se représenter comme traditionnelle et séculaire.

Encore un mot avant de finir.

En lisant ces mémoires, on est tout étonné qu'une chose soit oubliée constamment, au point de ne paraître nulle part, – c'est la Russie et le peuple. Et c'est là le trait caractéristique de l'époque.

Le Palais d'hiver, avec sa machine administrative et militaire, était un monde à part. Comme un navire flottant à la surface, il n'avait de vrai rapport avec les habitants de l'océan que celui de les manger. C'était l'Etat pour l'Etat. Organisé à l'allemande, il s'imposait au peuple en vainqueur. Dans cette caserne monstrueuse, dans cette chancellerie énorme, il y avait une raideur sèche comme dans un camp. Les uns donnaient, transmettaient des ordres, les autres obéissaient en silence. Il n'y avait qu'un seul point où les passions humaines réapparaissaient frémissantes, orageuses, et ce point, c'était, au Palais d'hiver, le foyer domestique, non de la nation – mais de l'Etat. Derrière la triple ligne des sentinelles, dans ces salons lourdement ornés, fermentait une vie fiévreuse, avec ses intrigues et ses luttes,

377

ses drames et ses tragédies. C'est là que les destins de la Russie s'ourdissaient, dans les ténèbres de l'alcôve, au milieu des orgies, au-delà des dénonciateurs et de la police.

Quel intérêt pouvait donc prendre la jeune princesse allemande à ce magnum ignotum, à ce peuple sous-entendu, pauvre, demisauvage, qui se cachait dans ses villages, derrière la neige et les mauvais chemins, et n'apparaissait que comme un paria étranger dans les rues de Pétersbourg, avec sa barbe persécutée, son habit prohibé – et toléré seulement par mépris.

Catherine n'entendit parler sérieusement du peuple russe que bien longtemps après, lorsque le cosaque Pougatcheff, à la tête d'une armée de paysans insurgés, menaçait Moscou.

Pougatcheff vaincu, le Palais d'hiver oublia derechef le peuple. Et je ne sais quand on s'en serait souvenu, s'il n'avait remis lui-même son existence en mémoire à ses maîtres en se levant en masse en 1812, rejetant d'un côté l'affranchissement du servage présenté au bout des baïonnettes étrangères, et allant de l'autre mourir pour sauver une patrie qui ne lui donnait que l'esclavage, la dégradation, la misère – et l'oubli du Palais d'hiver.

Ce fut le second memento du peuple russe. Espérons qu'au troisième on s'en souviendra un peu plus longtemps.

Londres, 15 novembre 1858.

378

ПЕРЕВОД

<ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Через несколько часов после смерти императрицы Екатерины сын ее, император Павел, приказал графу Ростопчину опечатать бумаги императрицы. Он присутствовал сам при приведении этих бумаг в порядок. Среди них нашли знаменитое письмо Алексея Орлова²⁴⁴[164], в котором он циничным тоном и под пьяную руку объявлял императрице об убийстве – ее мужа, Петра III, а также и манускрипт, целиком писанный рукой Екатерины; он находился в запечатанном пакете со следующей надписью: «Его императорскому высочеству, цесаревичу и великому князю Павлу Петровичу, любезному сыну моему». В этом пакете была рукопись «Записок», публикуемых нами.

Тетрадь внезапно обрывается на конце 1759 года. Говорят, что существовали разрозненные заметки, которые должны были служить материалом для продолжения. Некоторые утверждают, что Павел бросил их в огонь, в этом вопросе нет полной определенности. Павел хранил рукопись своей матери в большом секрете и доверил ее лишь своему другу детства, князю Александру Куракину. Последний снял с нее копию. Лет через двадцать после смерти Павла Александр Тургенев и князь Михаил Воронцов достали себе списки с экземпляра Куракина. Император Николай, услышав об этом, отдал тайной полиции приказ завладеть всеми списками. Среди них имелся и список, снятый в Одессе рукой знаменитого поэта, Пушкина. И действительно, с тех пор «Записки» императрицы Екатерины II уже не распространялись более.

379

Император Николай велел графу Д. Блудову доставить ему оригинал, прочитал его, запечатал большой государственной печатью и приказал хранить в императорском архиве, среди самых секретных документов.

К этим подробностям, которые я заимствую из присланной мне заметки, я должен добавить, что первым, кто рассказал мне об этом, был наставник царствующего ныне императора, Константин Арсеньев. Он говорил мне, в 1840 году, что им получено было разрешение прочесть множество секретных бумаг о событиях, происходивших в период от смерти Петра I и до царствования Александра I. Среди этих документов ему разрешили прочесть «Записки» Екатерины II. (Он преподавал тогда новую русскую историю великому князю, будущему наследнику престола.)

Во время Крымской войны архив был перевезен в Москву. В марте 1855 года ныне царствующий император приказал принести ему рукопись для прочтения. С той поры

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
один или два списка снова стали ходить по рукам в Москве и в Петербурге. По
одному из этих списков мы и печатаем «Записки». Подлинность их не внушает ни
малейшего сомнения. Впрочем, достаточно прочесть две-три страницы, чтоб
убедиться в этом.

Мы воздержались от исправлений слога во всех тех случаях, когда у нас не было
уверенности, что в копию вкралась ошибка переписчика.

Что можем мы сказать по поводу самих «Записок»?

Юные годы Екатерины II – женщины-императора, более четверти века занимавшей умы
всех своих современников, начиная с Вольтера и Фридриха II до крымского хана и
киргизских вождей, – ее юные годы, описанные ею самой!.. Что остается издателю
прибавить к этому? При чтении этих страниц предугадываешь ее, видишь, как она
превращается в то, чем стала впоследствии. Шаловливая четырнадцатилетняя
девочка, причесанная на манер «Моисея», светловолосая, резвая, невеста
малолетнего идиота – великого князя, – она уже охвачена тоской по Зимнему
дворцу, жадной власти. Однажды, когда она сидела вместе с великим князем на
подоконнике и шутила с ним, она вдруг видит, как входит граф Лесток, который
говорит ей: «Укладывайте

ваши вещи – вы возвращаетесь в Германию». Молодой идиот, казалось, не слишком-то
огорчился возможностью разлуки. «И для меня это было довольно-таки безразлично»,
– говорит маленькая немка, – «но далеко не безразличной была для меня русская
корона», – прибавляет великая княгиня.

Вот вам и будущая Екатерина 1762 года! Мечтать о короне в атмосфере
императорского двора, впрочем, было вполне естественно не только для невесты
наследника престола, но и для каждого. Конюх Бирон, певчий Разумовский, князь
Долгорукий, плебей Меншиков, олигарх Волынский – все стремились урвать себе
лоскут императорской мантии. Русская корона – после Петра I – была res
nullius²⁴⁵[165].

Петр I, террорист и реформатор по преимуществу, не питал никакого уважения к
законности. Его неограниченная власть силилась оказывать влияние даже из-за
могилы. Он присвоил себе право назначать преемника, но вместо того, чтобы
сделать это, ограничился приказом убить своего родного сына.

После смерти Петра I сановники собрались на совещание. Меншиков прекращает обмен
мнений и провозглашает императрицей свою прежнюю любовницу, вдову бравого
шведского драгуна, убитого на поле брани, и вдову Петра I, которому Меншиков
уступил ее «из преданности».

Царствование Екатерины I было недолговременно. После нее корона продолжает так
же случайно переходить с одной головы на другую: от бывшей ливонской кабатчицы –
к мальчишке (Петру II); от этого мальчишки, умершего от оспы, к герцогине
Курляндской (Анне); от герцогини Курляндской к принцессе Мекленбургской, жене
принца Брауншвейгского, царствовавшей от имени грудного младенца (Ивана); от
этого младенца, родившегося слишком поздно, чтобы царствовать, корона переходит
на голову девушки, родившейся слишком рано, – Елизаветы. Именно она представляет
законное начало.

Традиция была нарушена, сломана; общество и государство полностью разъединены
реформой Петра I, государственные перевороты, дворцовые революции не
прекращались. Устойчивого

381

не было ничего. Ложась спать, петербургские жители никогда не знали, при чьем
правлении они проснутся. Поэтому они очень мало интересовались этими переменами,
которые в сущности имели значение лишь для нескольких немецких интриганов,
сделавшихся русскими министрами, для нескольких царедворцев, посевших в
вероломстве и преступлениях и для

Преображенского полка, который, подобно преторианцам, распоряжался короной. Для
остальных же все оставалось без перемен. Говоря об «остальных», я имею в виду
только дворянство и чиновников, ибо безмолвная масса народа – народа
угнетенного, печального, оцепенелого, безгласного, – никого не интересовала;
народ оставался вне закона, покорно принимая ужасные испытания, какие всевышнему
благоугодно было ему ниспослать, и мало беспокоясь, со своей стороны, о
призраках, которые поднимались нетвердым шагом по ступеням трона, скользили,
словно тени, и исчезали в Сибири или в казематах. Народ при любых
обстоятельствах был уверен, что он будет ограблен. Его общественное положение не
зависело, следовательно, от какой-либо случайности.

Странное время! Императорский престол – как мы говорили уже об этом в другом
месте²⁴⁶[166] – уподобился ложу Клеопатры. Кучка олигархов, чужеземцев,
пандуров, фаворитов сопровождала ночью порой незнакомца, ребенка, немку;
возводила их на престол, окружала их почестями и оделяла от их имени ударами
кнута тех, кто мог что-либо возразить. Не успевал избранник упиться всеми
наслаждениями чудовищной и нелепой власти и отправить своих врагов на каторгу

или на пытку, как новая волна возносила уже другого соискателя и увлекала вчерашнего избранника, со всем его окружением, в пропасть. Сегодняшние министры и генералы отправлялись на следующий день в Сибирь, закованные в кандалы. Эта *bufera infernale* уносила людей так стремительно, что не хватало времени привыкнуть к их чертам. Маршал Миних, свергнувший Бирона, присоединился к нему на пароме, посреди Волги, уже сам ставший узником и с цепями на ногах.

382

В борьбе этих двух немцев, оспаривавших друг у друга Российскую империю, словно кружку пива, можно видеть истинный тип государственных переворотов доброго старого времени.

Императрица Анна умирает, оставив, как мы только что сказали, корону ребенку, которому было лишь несколько месяцев от роду, и регентом своего любовника Бирона. Герцог Курляндский был всемогущ. Презирая все русское, он хотел цивилизовать нас при помощи палочных ударов. В надежде упрочить свое положение, он с холодной жестокостью подверг гибели сотни людей, отправил в ссылку более двадцати тысяч. То был властитель столь же жестокий, сколь и самовластный. Это надоело фельдмаршалу Миниху. Миних был такой же немец, как и Бирон, но вдобавок он был еще и хороший воин. В один прекрасный день принцесса Брауншвейгская, мать маленького императора, жалуется Миниху на высокомерие Бирона. «Вы уже говорили с кем-нибудь об этом?» – спрашивает фельдмаршал. – «Ни с кем». – «Отлично, молчите и предоставьте действовать мне». Это было 7 сентября 1740 года.

Восьмого числа Миних обедает у Бирона. После обеда он оставляет свою семью у регента и ни минуту не выходит. Он отправляется тайком к принцессе Брауншвейгской, говорит ей, что она

должна быть готова к предстоящей ночи и возвращается обратно. Садятся за ужин.

Миних рассказывает о своих боевых походах, о выигранных им сражениях.

«Доводилось ли вам совершать ночные походы?» – спрашивает граф Левенгаупт. – «Я совершал их во всякое время», – отвечает несколько раздосадованный фельдмаршал. Регент, который чувствовал легкое недомогание и лежал на софе, приподымается при этих словах и впадает в задумчивость.

Расстаются они, как друзья.

Приехав домой, Миних приказывает своему адъютанту, Манштейну, быть наготове к двум часам. В два часа они садятся в карету и направляются в Зимний дворец. Там Миних приказывает разбудить принцессу. «Что с вами?» – спрашивает добродушный немец, Антон-Ульрих Брауншвейг-Вольфенбютель у своей жены, – «Мне поздоровится», – отвечает принцесса, и Антон-Ульрих засыпает снова, как крот.

383

Пока он спит, принцесса одевается, а старый воин держит речь к солдатам, свирепейшим янычарам Преображенского полка. Он рисует им унижительное положение принцессы, говорит о ее будущей признательности и, продолжая свою речь, приказывает зарядить ружья.

Оставив затем принцессу под охраной человек сорока гренадеров, он отправляется с восемью десятками солдат арестовать главу государства, грозного герцога Курляндского.

Спокойно проходят они по улицам Петербурга; приближаются ко дворцу регента, проникают во внутрь, и Миних отправляет Манштейна захватить Бирона, живым или мертвым, в его спальню. Дежурные офицеры, часовые, прислуга и не думают вмешиваться. «Если б там нашелся хоть один преданный офицер или солдат, – говорит Манштейн в своих воспоминаниях, – мы бы погибли». Но такого человека не нашлось. Бирон при виде солдат уполз под кровать. Манштейн приказывает вытащить его оттуда. Бирон отбивается. Ему наносят несколько ударов ружейным прикладом в тащат в кордегардию.

Государственный переворот совершен. Но вслед за тем происходит нечто еще более странное.

Бирона ненавидели, этим можно объяснить его падение. Регентша же, наоборот, доброе и кроткое существо, никому не причинявшая зла и много занимавшаяся любовью к посланнику Линару, была даже в какой-то мере любима, из ненависти к Бирону. Проходит год. Все спокойно. Но французский двор недоволен австро-русским союзом, который только что регентша заключила с Марией-Терезией. Как помешать этому союзу? – Ничего не может быть легче: произвести государственный переворот и прогнать регентшу. На сей раз обходятся без фельдмаршала, почтаемого солдатами, даже без государственного деятеля: достаточно врача-интригана Лестока и интригана-посланника Ля Шетарди, чтобы возвести на трон Елизавету, дочь Петра I.

Елизавета, целиком погруженная в удовольствия и мелкие интриги, мало помышляла о ниспровержении правительства. Ее уверили, что регентша намерена заточить ее в монастырь. – Ее, Елизавету, проводящую время в гвардейских казармах и в оргиях... Нет, лучше уж самой стать императрицей! Точно

так же думает об этом Ля Шетарди; и не только думает, – он раздает французское золото, чтобы подкупить горсть солдат.

25 ноября 1741 года великая княжна, одетая в роскошное платье и с грудью, покрытой блестящими латами, приезжает в кордегардию Преображенского полка. Она рассказывает солдатам о своем несчастном положении. Перепившиеся солдаты кричат ей: «Прикажи, матушка, прикажи – и мы их всех передумим!» Мягкосердечная великая княжна пьется от ужаса и приказывает только арестовать регентшу, ее мужа и их сына – Ъашыпо247[167] – императора.

И опять повторяется то же самое театральное представление. Антона-Ульриха Брауншвейгского будят, нарушив его глубокий сон; но на этот раз ему уже не удастся заснуть снова, ибо два солдата заворачивают его в простыню и уносят в тюремную камеру, откуда он выйдет лишь для того, чтоб умереть в ссылке. Государственный переворот совершен.

Новое царствование идет как по маслу. Но снова этой странной короне недостает лишь... наследника. Императрица, которая не желает признать им маленького Ивана, отправляется искать наследника в епископский дворец князя-епископа Любекского. Там находится племянник епископа и внук Петра I, круглый сирота, жених маленькой Софии-Августы-Фредерики, принцессы Ангальт-Цербст-Бернбургской, потерявшей столько звучных и славных титулов, чтобы называться совсем кратко... Екатериной И.

Представьте же себе теперь, после всего нами сказанного, в какую среду судьба забросила эту девушку, наделенную одновременно и большим умом и характером гибким, но полным тщеславия и страстности.

Ее положение в Петербурге было ужасно. С одной стороны, ее мать, сварливая немка, ворчливая, алчная, мелочная, педантичная, награждавшая ее пощечинами и отбиравшая у нее новые платья, чтобы присвоить их себе; с другой – императрица Елизавета, бой-баба, крикливая, грубая, всегда под хмельком, ревнивая, завистливая, заставлявшая следить за каждым шагом молодой великой княгини, передавать каждое ее слово, исполненная подозрений и – все это после того, как дала ей в мужа самого нелепого олуха своего времени.

Узница в своем дворце, Екатерина ничего не смеет делать без разрешения. Если она оплакивает смерть своего отца, императрица посылает сказать ей, что довольно плакать, что «ее отец не был королем, чтоб оплакивать его более недели» Если она проявляет дружеское чувство к какой-нибудь фрейлине приставленной к ней, она может быть уверена, что фрейлину эту отстранят. Если она привязывается к какому-нибудь преданному слуге, – все основания думать, что того выгонят. Отношения ее с великим князем чудовищны, унижительны. Он делает ее поверенной своих любовных походов. Пьяница с десятилетнего возраста, он является однажды ночью к жене в нетрезвом виде и рассказывает ей, как грациозна и прелестна дочь Бирона, и, так как Екатерина притворяется, что спит, наносит ей удар кулаком, чтобы разбудить ее. Этот дуралей держит рядом со спальней своей жены свору собак, заражающих воздух, и вешает крыс в своей спальне, дабы наказать их в соответствии с правилами военного устава.

Это еще не все. Постепенно оскорбив, осквернив все нежные чувства молодой женщины, их начинают систематически развращать. Императрица усматривает беспорядок в том, что у Екатерины нет детей. Госпожа Чоглокова сообщает ей об этом, намекая, что нужно, наконец, пожертвовать своею щепетильностью, когда дело касается пользы государства, и в конце концов предлагает ей на выбор Салтыкова и Нарышкина. Молодая женщина разыгрывает из себя дурачку, берет себе в любовники обоих и сверх того Понятовского, и таким образом вступает на то эротическое поприще, которое не оставляла в течение сорока лет.

Самое важное в этой публикации для российского императорского дома – доказательство того, что не только дом этот не принадлежит к фамилии Романовых, но даже и к фамилии Гольштейн-Готторпских. Признание Екатерины в этом смысле

386
выражено совершенно отчетливо – отцом императора Павла был Сергей Салтыков.

Императорская диктатура в России тщетно пытается представить себя традиционной и вековой.

Еще одно слово, прежде чем кончить.

При чтении этих «Записок» поражаешься тому, как постоянно забывалось одно – Россия и народ, – о них даже не упоминали. Вот черта, характерная для эпохи. Зимний дворец с его административной и военной машиной представлял собой особый мир. Подобно кораблю, державшемуся на поверхности, он вступал в прямые сношения с обитателями океана, лишь поедая их. То было государство для государства. Устроенное на немецкий манер, оно навязало себя народу как завоеватель. В этой чудовищной казарме, в этой необъятной канцелярии царил напряженное оцепенение, как в военном лагере. Одни отдавали и передавали приказы, другие молча

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов повиновались. В одном лишь месте человеческие страсти то и дело вырывались наружу, трепетные, бурные, и этим местом в Зимнем дворце был семейный очаг – не нации, а государства. За тройною цепью часовых, в этих тяжело украшенных гостиных кипела лихорадочная жизнь, со своими интригами и борьбой, со своими драмами и трагедиями. Именно там ткались судьбы России, во мраке алькова, среди оргий – по ту сторону от доносчиков и полиции.

Какой же интерес могла питать молодая немецкая принцесса к этому *magnum ignotum* [168], к этому подразумеваемому народу, нищему, полудикому, скрывавшемуся в своих деревнях за снежными сугробами и дрянными дорогами и имевшему вид чужеземного парии на петербургских улицах – с бородой, за которую преследовали, в запрещенной одежде – и терпимому из одного лишь презрения к нему?

Серьезное слово о русском народе Екатерина услышала лишь гораздо позже – когда казак Пугачев во главе армии восставших крестьян стал угрожать Москве.

После победы над Пугачевым Зимний дворец вновь позабыл о народе. И я не знаю, когда б о нем вспомнили опять, если бы

387

сам он не напомнил о своем существовании своим господам, поднявшись единой громадой в 1812 году, отвергнув освобождение от крепостного права, предложенное ему на остриях чужеземных штыков, и отправляясь в то же время умирать, чтобы спасти отечество, не давшее ему ничего, кроме рабства, вырождения, нищеты – и забвения со стороны Зимнего дворца.

То было второе *tetep*; *o249* [169] русского народа. Будем надеяться, что о третьем будут помнить несколько долее.

<НЕСЧАСТНЫЙ ОПЫТ ДОМОКРАДСТВА>

Посторонитесь, господа, посторонитесь, его сиятельство граф Виктор Никитич изволит идти... дайте дорогу министру!.. и мы все статьи «Колокола» подвинули... Пожалуйте, ваше сиятельство – на первое место.

НЕСЧАСТНЫЙ ОПЫТ ДОМОКРАДСТВА

(Эпизод из жизни графа В. Н. Панина)

В одном из имений графа Владимира Григорьевича Орлова (меньшего брата Алексея, Григорья и Федора) был зажиточный крестьянин Маринин; он купил, на имя графа, дом в Петербурге против Казанского собора, а потом дачу у Карповского моста, на углу Песочного переулка. У графа Орлова, человека умного и честного, была заведена особая книга в вотчинной конторе, в которую вписывались все подобные покупки, а крестьянину выдавалась квитанция. Маринин получил такую же и спокойно владел домами. После смерти графа имение его разделилось на три части; старшей дочери его, Екатерине Владимировне Новосильцовой, досталась та часть, по которой числился Маринин.

Новосильцова предложила Маринину откупиться. Маринин взнес за себя требуемую сумму и записался в 1-ю гильдию купцом. Новосильцова напомнила ему, чтоб он переписал дома *vi* [x] на свое имя. Но, имея полное доверие к честности и юстиции – дочери графа Орлова, Маринин не торопился. Новосильцова умерла, и имение досталось ее родному племяннику, графу Виктору Панину – министру юстиции.

Маринин приходит к нему и спрашивает, как ему будет угодно – оставить дома его на свое имя или переписать? «Какие дома?» – спрашивает юстиция. «Да вот, батюшка, что купил я на имя покойного графа, когда числился его крепостным: то как прикажете, переписать

389

их или так оставить, по-прежнему?» – «Какие дома? – опять возражает уже рассерженный граф, – я не знаю тебя, а дома я получил с имением, это дома мои». – «Да помилуйте, батюшка, ведь купил-то я их на мои деньги, у меня и квитанция есть» – «Я ничего не знаю, никаких квитанций, дома мои и далее с тобою искать не хочу».

Пошел вон Маринин от отвернувшейся Юстиции и начал дело судебным порядком с первой инстанции. Суд, придерживаясь буквы закона, т. е. на основании купчей крепости, отказал Маринину. Маринин перенес дело в гражданскую палату. Палата, на том же законном

основании, утвердила решение суда. Дело пошло в Сенат. Сенаторы соглашались, почти единогласно, с решением палаты; только один, умный и добросовестный сенатор (уж не опять ли Жемчужников?) – говорит остальным: «Господа, из квитанции, выданной Маринину из конторы графа Орлова, мы видим, что дома куплены хотя на имя графа, но Марининым, и остались неперечисленными только по беспечности собственника, свойственной нашему простому народу, еще слишком доверчивому к честности своих господ. Хотя по закону дома действительно должны принадлежать графу Панину, как доставшиеся ему по наследству, но как подобные покупки есть дело совести, то пусть министр, удостоверившись в подлинности квитанции по конторским книгам, примет очистительную присягу, равносильную

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
представленному Марининым акту, в том, что дома куплены графом Орловым и на его
деньги, тогда их и отдадим ему».

Не понравилась эта речь его сиятельству. Не хотел он, видите, солгать под
колокольным звоном, ведь это на улице, среди бела дня, раздеть человека да еще и
побожиться, что он отроду не одевался, – отступился от домов.

«А позволили вы, Г. министр, идти делу по всем судебным инстанциям? Вы хотели
присвоить чужую собственность, да еще на законном основании. Как это Топильский
допустил вас на это посягательство! Не звонили о вашей кривде колокола
петербургские, пусть же прозвонит над вами колокол лондонский». Так заключает
корреспондент, которого усердно благодарим за открытие неудачной попытки
министра юстиции.

390

<ГРОДНЕНСКАЯ ИСТОРИЯ (СИМАШКО, ФИЛАРЕТ)>

Мы получили на днях некоторые подробности о деле православного разбоя в
Гродненской губернии, о котором мы писали в прошлом листе. Итак, эта ужасная
история справедлива, и гнусный Симашко высек себе новый памятник на спине
беззащитных жертв. Со стороны гражданского начальства истязанием заведовал
окружной Новицкий. Этот полицейский апостол сек людей до тех пор, пока мучимый
соглашался принять причастие от православного попа. Один 14-летний мальчик после
двухсот розог отказался от такого общения со Христом, его снова начали сечь, и
тогда только, уступая страшной боли, он согласился. Православная церковь
восторжествовала! «Все дело скрыто», – прибавляет корреспондент. Но все дело
можно открыть, прибавляем мы!

А каков поп-разбойник, стоявший с потиром во время пытки! Симашко, во Христе
православный митрополит Иосиф, во Иуде предатель, палач, заслуживший европейскую
известность, – мастерски выбирает и хиротонисает по святому восточной церкви
обряду своих заплочных иереев. Позор! Позор!

В каких отношениях с Симашкой состоят наши сладкоглаголивые иерархи и есть ли
между ними круговая порука, на это передаем мы нашим читателям один интересный
документ.

Когда Назимов был назначен в Литву, он получил следующее письмо от Филарета,
митрополита московского:

Секретно-конфиденциально

Ваше превосходительство,

милостивый государь,

До меня дошло отношение преосвященного Иосифа, митрополита литовского, к графу
Протасову о неблагоприятном для блага отечества состоянии управления Литовского
края.

391

Предмет сей не принадлежит к кругу дел возложенного на меня служения, но долг
верности престолу заставляет меня не иначе как с крайнею заботою помышлять о
том, известно ли сие государю императору.

Отношение писано 10 января сего 1855 года. Нет причины сомневаться в том, что
граф Протасов представил оное в бозе почившему государю. Но как сие было
незадолго до его кончины, то принято ли это в рассуждение? Известно ли оно ныне
царствующему государю императору? Вот о чем забота.

Назначение вашего Превосходительства в управление Литовским краем открывает мне
случай исполнить возможным для меня образом долг верности престолу
препровождением к вам списка вышеозначенного отношения и успокоить мою заботу
вашею верностию престолу и ревностию о благе отечества.

Усердно призывая на вас благословение божие, с совершенным почтением и
преданностию имею честь быть вашего превосходительства покорнейший слуга,
Филарет

(митрополит московский) 250 [170]

В Москве, декабря 15, 1855 года.

ИВАНОВА БОРОДА И ГУРЬЕВА ЛОБ

В 26 листе «Колокола» мы спрашивали имя того образованного придворного, который
осмелился наглубить Иванову за то, что он не брил бороды. Мы получили в ответ на
нашу просьбу следующее письмо.

«Накануне освящения Исаакиевского собора в Петербурге Иванов представлялся
в «еликой» к «нягине» Марии Николаевне. Она, между прочим, спросила его будет ли
он завтра в соборе на освящении храма. „Я не могу быть, в «аше» в «ысояество», –
отвечал художник, – там будут только особы первых пяти классов". Она, как
образованная и умная женщина, возразила: „Что за пустяки, вы художник первого
класса, вам следует быть" – и написала записку к графу Дмитрию Александровичу

392

Гурьеву, члену Государственного совета, президенту всех возможных веселых и
грустных церемоний в Петербурге, о дозволении Иванову присутствовать при

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов освящении храма.

Иванов от в<еликой> к<нягини> отправился прямо к г. Гурьеву и передал записку. Граф, прочтя ее и оглядев Иванова с головы до ног, преважно спрашивает: „Вы немец или француз?“ – „Вы можете судить, граф, по фамилии, я русский, Иванов“ – „А борода, – говорит он грубо, – вы знаете, что в церкви будет государь, вся царская фамилия, вас с бородой не пустят, обрейтесь“ . Иванов скромно заметил, что он имел честь представляться так государю императору и царской фамилии и брить бороды не намерен. – „Я поставлен вашим решением в необходимость, – прибавил он, – явиться снова к ее высочеству и доложить, что я не могу исполнить ее приказания“. – „Ну постойте, постойте, – сказал недовольный граф, видя, что художник хотел удалиться, – вот вам билет“».

И эти герои мыла, гребенки и бритвы, гонители сигар на улицах, фанатики форменных пуговиц и голых подбородков – все еще существуют на святой Руси? Говорят, что где заведется в грядах хрен, так его не выведешь – хрен, по крайности, с говядиной можно есть, – ну, а что прикажете делать с эдакими Гурьевыми? – Нельзя ли выдумать в pendant к обер-форшнейдеру – чин генерал-фельдшермейстера, а потом... ну потом сдать их в сумасшедший дом... 393

CALOMNIE

J'ai reçu le 16 novembre dernier, sous une enveloppe jetée à la poste à Vienne, un fragment de journal contenant une lettre adressée, le 19 octobre, par le comte Gourowski à l'éditeur du New York

Evening-Post. Au bas de ce fragment se trouve, écrite au crayon, la phrase suivante: «M'a été envoyé pour vous (wurde mir für Sie zugesandt). A. Kolatchek, Gumpendorf, Hauptstraße, 368».

Dans ce fragment lui-même se trouve le passage que voici: «But these noisy philanthropists, such as Herzen and even Tourgueneff illustrate their character by selling their serfs, which they could have individually emancipated, and now they are abroad preaching emancipation – and living on the money derived from the sale». (Traduction: «Mais ces bruyants philanthropistes, tels que Herzen et même Tourguéneff251[171] illustrent leur caractère en vendant leurs serfs, qu'ils auraient pu émanciper individuellement, et maintenant ils sont à l'étranger prêchant l'émancipation – tout en vivant sur l'argent tiré de la vente».)

Je déclare formellement que tout ceci est une calomnie; que je n'ai jamais, ni avant mon départ de la Russie, ni depuis, vendu

394

une terre quelconque, habitée ou non habitée, un serf quelconque de quelque dénomination que ce soit.

Bien plus, non seulement je n'ai jamais vendu de propriété seigneuriale, mais je n'en ai jamais rien hypothéqué, rien transmis, rien cédé et je n'ai fait ni vente simulée, ni acte détourné quelconque, ayant pour but la vente d'un serf ou d'une terre habitée.

Cela n'est pas tout.

En 1846 – après la mort de mon père, – j'entrai en possession de deux maisons, situées à Moscou, d'un capital déposé à la Banque Impériale, et d'une propriété foncière (c'est à dire de quelques villages) située dans le gouvernement de Kostroma. Non seulement cette propriété n'est pas vendue, aucun paysan n'a été aliéné de la commune, mais cette propriété n'est pas même hypothéquée. Ma propriété de Kostroma a été séquestrée, en 1849, par le gouvernement, à cause de mon émigration, et, depuis cette époque, elle est restée sous le séquestre. Je n'ai jamais perçu un liard de revenu.

En 1855, je publiai dans le premier volume de l'Etoile Polaire une lettre dans laquelle je disais que je serais fort heureux si le gouvernement voulût bien me permettre d'abdiquer en faveur de la commune tous mes droits sur la terre. Etant hors la loi par ma position, je n'avais pas le droit de l'exiger. Si Alexandre II, me prenant au mot, eût permis cela, je l'en aurais remercié comme d'un bienfait.

Je défie tous les agents russes, officieux, officiels, correspondants, diplomates, consuls, vice-consuls, jurisconsultes, proconsuls et autres de répondre à un seul mot de ce que j'avance, ou de produire un seul document d'où on puisse inférer quelque chose de contraire aux faits que j'affirme. Pourtant, tous les actes du genre de ceux auxquels il est fait allusion, sont notariés et les archives depuis 1833 (l'année de ma majorité) n'ont pas été brûlées.

M. Gourowski – que je ne connais pas du tout – a été peut-être induit en erreur. Dans ce cas il sera content, sans doute, de voir ma justification. En tout cas, il comprendra que je ne pouvais rester sous le coup d'une pareille accusation.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
Quant à M. Kolatchek – le transmetteur du fragment – j'ignore
395

la raison qui a pu le décider à se charger d'une commission désagréable; mais je n'ai qu'à le remercier de m'avoir fourni l'occasion de faire justice de cette calomnie.

Alexandre Herzen,
Editeur de l'Etoile Polaire et de la Cloche.
19 novembre 1858.

<Londres.> Park House,
Percy Cross, Fulham.

ПЕРЕВОД

КЛЕВЕТА

Я получил 16 ноября сего года, в конверте, опущенном на почте в Вене, газетную вырезку с текстом письма графа Гуровского к издателю «New York Evening-Post» от 19 октября. Внизу карандашом была написана следующая фраза: «Прислано мне для вас (wurde mir für Sie zugesandt). A. Ko lat с hek. Gumpendorf, Hauptstraße, 368».

В печатном тексте этой вырезки имеется вот какое место: «But these noisy philanthropists, such as Herzen and even Tourgueneff illustrate their character by selling their serfs, which they could have individually emancipated, and now they are abroad preaching emancipation – and living on the money derived from line sale». (Перевод: «Но эти крикливые филантропы, вроде Герцена и даже Тургенева²⁵²[172], выказали истинную свою сущность, продавая собственных крепостных, которых могли бы освободить сами, а теперь они находятся за границей, проповедуя освобождение – и живя в то же время на деньги, вырученные от этой продажи».)

Я решительно заявляю, что все это клевета; что я никогда, ни до своего отъезда из России, ни после не продавал – ни какой-либо земли, заселенной или незаселенной, ни единого крепостного, – в какой бы то ни было форме.

Более того, я не только никогда не продавал помещичьих

396

владений, но никогда ничего не закладывал, не передавал в другие руки, ничего не уступал и не совершал ни фиктивной продажи, ни каких-либо окольных действий с целью продажи крепостного или заселенной земли.

Это еще не всё.

В 1846 году, после смерти моего отца, я вступил во владение двумя домами в Москве, капиталом, хранившимся в Императорском банке, и имением (т. е. несколькими деревнями), расположенным в Костромской губернии. Это имение не только не было продано и ни один крестьянин не был отчужден от общины но оно не было даже заложено. Мое костромское имение было секвестрировано в 1849 году правительством вследствие моей эмиграции, и с того времени оно остается под секвестром. Я никогда не получал с него ни гроша дохода.

В 1855 году я напечатал в первой книжке «Полярной звезды» письмо, в котором заявил, что буду очень счастлив, если правительство разрешит мне отказаться в пользу общины от всех моих прав на землю. Находясь по своему положению вне закона, я не имел права требовать этого. Если б Александр II, поймав меня на слове, дал на это разрешение, я был бы ему признателен, как за благодеяние. Я предлагаю всем русским агентам, официозным, официальным, корреспондентам, дипломатам, консулам, вице-консулам, юрисконсультам, проконсулам и прочим, опровергнуть хоть одно слово из того, что мною заявлено, или представить хотя б один документ, из которого можно было бы извлечь что-нибудь противоположное утверждаемым мною фактам. Между тем все акты подобного рода, на которые был сделан намек, должны быть засвидетельствованы в нотариальном порядке, а архивы с 1833 года (года моего совершеннолетия) не подвергались сожжению.

Г-н Гуровский, который мне совершенно неизвестен, быть может, введен был в заблуждение. В таком случае он, несомненно, будет рад прочесть мое опровержение. Как бы то ни было, он поймет, что я не мог оставаться под ударом подобного обвинения.

Что же касается г. Колачека, переславшего мне упомянутую вырезку, – то мне неясна причина, заставившая

его решиться взять на себя столь неприятное поручение; однако мне остается только поблагодарить его за то, что он доставил мне возможность оправдаться в этой клевете.

Александр Герцен,
издатель «Полярной звезды»
и «Колокола».

19 ноября 1858 г.

<Лондон.> Park House,

АМЕРИКА И СИБИРЬ

Тихий океан – Средиземное море будущего.

«Старый свет и Россия».

«Когда окончится железная дорога к Тихому океану и Россия с своей стороны будет иметь открытый берег на нем тогда русские и американцы могут, спокойно обращаясь спиной к Европе, протянуть друг другу руку через него, и да будет самое имя океана (Pacific) добрым знаменем будущего союза!

...Наш век – век быстро совершающихся событий; новые государства возникают на берегах неведомых морей, едва сбыточные планы не только замышляются, но и приводятся в исполнение, Россия и Америка далеко оставляют за собой другие государства в выполнении их. Если управление русской колонией на Амуре еще лет десять пойдет тем быстрым шагом к развитию, как в прошлом году, то мы двинемся на полстолетия вперед. Трактат, заключенный Муравьевым, со временем будет иметь мировое значение».

Вот что говорит филадельфский «Daily Evening Bulletin» от 8 октября 1858 в статье под заглавием: «Our western neighbor». «Трактату этому, – прибавляет автор статьи, – мы имеем столько же причин радоваться, как жители Иркутска и всей Сибири».

Мы не избалованы сочувствием других народов, не избалованы также и их пониманием. Причины на это было много, и на главном плане вся петербургская политика с 1825 года. Но

Россия из этого периода выходит, отчего же одна Америка догадывается об этом и первая приветствует?

Оттого, что Россия с Америкой встречаются по ту сторону. Оттого, что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества и остановившейся цивилизации.

Скоро будет десять лет с тех пор, как мы высказали нашу мысль о взаимном отношении этих будущих в подорожной современной истории. Мы говорили, что у России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик – Северные Штаты, мы повторяли это много раз и еще несколько месяцев тому назад имели случай сказать²⁵³[173]:

«Одно пустое, раздражительное, дипломатическое самолюбие, и притом немецкое, заставляет Россию мешаться во все западные дела. В предстоящей борьбе, к которой невольно влечется Европа, России вовсе не нужно принимать деятельного участия. Нам тут нет наследства, и мы равно не связаны ни воспоминаниями, ни надеждами с судьбами этого мира. Если Россия освободится от петербургской традиции, у ней есть один союзник – Северо-Американские Штаты.

Умнейшие люди нашего времени, люди смелого прогресса, как Маццини, несколько лет тому назад слушали, слегка улыбаясь, наши суждения, они в них видели несчастный патриотизм, утешающийся несбыточными мечтами, и не отнимали у нас из сострадания этой «мышы колодника». Россия с запертыми воротами, занесенными снегом, перед которыми шагал грозный часовой в модной каске и ботфортах, пугала издали, оставаясь каким-то непонятным, зловещим зданием из-за едва вырезающегося полуночного мрака.

До Крымской войны никто не подозревал внутренней работы России, за немymi устами предполагали немой ум и немое сердце, а между тем мысли, посеянные 14 декабря, – зрели, разъедали грудь и подтачивали незаметно дубовые ворота николаевского острога. Прежде чем кончилась эта работа, стены его треснули. Их пробиты ядра союзников. Скрытое, спертное брожение вырвалось наружу, неправильно забегая, отставая, отклоняясь, но со всею мощью сгнетенной силы.

Все, о чем мы свидетельствовали, поднимая речь на свой страх в неприязненном Западе, все, что мы предсказывали, – от тайно бродящих сил, от неминуемого освобождения крестьян с землею до избирательного сродства с Северо-Американскими Штатами, – все совершается очью.

Это хронологическое право давности нам слишком дорого, чтоб мы его уступили, именно в то время, как лист истории перевертывается и с новой страницей забудутся работники, пришедшие на труд, предваривши утро.

Впрочем, особенного дара пророчества не надобно было иметь, чтоб догадаться; для этого только надобно было освободиться от домашних предрассудков и от чужих; от свинцовой петербургской атмосферы и от забытых понятий старой цивилизации. Для этого достаточно было независимо взглянуть на мир. Черед был явным образом за Америкой и Россией. Обе страны преизбыточествуют силами, пластицизмом, духом организации, настоячивостью – не знающей препятствия, обе бедны прошедшим, обе начинают вполне разрывом с традицией, обе расплываются на бесконечных долинах, отыскивая свои границы, обе с разных сторон доходят через страшные пространства,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов помечая везде свой путь городами, селами, колониями – до берегов Тихого океана, этого «Средиземного моря будущего» (как мы раз называли его и потом с радостью видели, что американские журналы много раз повторяли это).

Противуположность петербургской военной диктатуры, уничтожающей все лица в лице самодержца, с американским самодержавием каждого лица – огромна. И это не все, самая роковая антиномия, которой оканчивается история Запада, не является ли снова как личная рассыпчатость Америки с одной стороны и с другой – как русский общинный сплав?

Если вы обратите внимание на особенность американской мысли (она, собственно, не оригинальна, а та же мысль англо-саксонского племени и философии XVIII столетия – одну вы видите в Вашингтоне, другую в Франклине и Джеферсоне) и именно на ту особенность, которая заявила себя в последнее время, то вас поразят две вещи: первое – что федеральная демократия, с samozаконностью каждого местечка, каждого избирателя, есть форма гражданского быта, совершенно соответствующая заатлантическому колонисту Соединенного королевства (мы нарочно так выражаемся, чтоб напомнить ирландцев). Вторая вещь – это свежесть и простота, которую вносит в схоластический хлам политических вопросов американский ум²⁵⁴[174].

401

Точно из туннеля или Позилипова подземелья снова выходишь на утренний свет, на освежительный ветер, читая американскую брошюру или газеты – после прусско-королевской философии права Стара, феодальных требований Герлаха, споров о династиях, о централизации и пр. Это простое, жизненное, здоровое отношение американского ума к вопросам государственным и экономическим совершенно соответствует понятию демократической республики.

Можно ли по совести сказать также, что всепоглощающая диктатура в России – окончательная форма ее гражданского устройства, вполне соответствующая ее гению? Не есть ли эта диктатура только опека, оканчивающаяся с совершеннолетием?

В силу и прочность того абсолютизма, который достиг своего высшего предела при Николае, которому верила вся Европа и большая часть России, мы никогда не верили. Мы постоянно указывали, что такое судорожное самовластие дошло уже до того предела кручения, после которого винт снова слабеет; что в этом затягивании поводий не было исторической необходимости, а одно чувство самосохранения; что внутренняя мысль его была чисто отрицательная. Отпор может устоять, удержаться на месте, но он бесплоден, лишен всякой инициативы, всякой возможности идти вперед. До начала Крымской войны²⁵⁵[175] говорили мы, что императорская власть даже материально несостоятельна. Николай, сделав всех солдатами и писарями, не имел ни армии, ни канцелярского порядка. Он растлил гражданскую службу, превращая ее в шпионство или подчиняя ее ему, и убил армию шагистикой и фрунтом. Могла ли же а 1а 1олие²⁵⁶[176] существовать такая нелепость?

Будь мы какое-нибудь несчастное племя без будущности – келты, финны, – если бы мы и пережили татарское иго – то, вероятно, сломились бы под игом императорским, под игом крепостного состояния, чиновничьего растления и не вынесли бы напора неприятельского. Но события обличают зародыш сильный и мощный. Не в Петербурге – там умирала старая Россия, малoverная, потерявшая голову при первой неудаче, –

402

нет, он двигался и заявил себя в блиндажах Севастополя, на его стенах. Разве слабые народы дерутся так? – Николай умер, и наступило утро ожиданий и пробуждения. Вопросы эти вообще решаются самими событиями, а не теориями. Является кризис, один большой умирает, другой обновляется им. Россия, уступившая в неравном бою с четырьмя союзниками, почувствовала себя вдвое здоровее; а Турции те же союзники так хорошо помогли, что она на ладан дышит.

Война застала русский ум за крепкой думой. События европейские, несмотря на все уродливые меры с 1825 года, сильно отражались на черном фоне русской жизни. Июльская революция и падение Бурбонов во Франции, девятимесячная борьба с восставшей Польшей и двадцатилетняя казнь ее, напоминавшая своих мучеников, своих страдальцев, наконец, новое движение социальной и философской литературы во Франции и Германии, эти последние энергические звуки западного разума, – все это очень недаром проходило по той окраине России, которая была освещена. Но какая же живая, самобытная мысль во всей этой подземной работе? Какое-то сумасшествие овладевает людьми: вместо того, чтобы прийти в отчаяние за себя, за Россию, русская мысль осмеливается сомневаться в Европе, ищет в грубых началах своей жизни элементы для будущего, и когда, наконец, события, следовавшие за 1848 г., так ясно доказали, что европейские народы несостоятельны осуществить ту мысль экономического и

государственного устройства, до которого дошла наука, – русская мысль начала нравственно освобождаться от авторитета.

Заметим, что середь этого внутреннего развития ударила Крымская война, которая доказала в свою очередь всю несостоятельность России бороться против Европы.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Ничего не могло быть больше на месте. Нравственное освобождение от Европы было
началом освобождения от петербургской традиции, основанной на подчинении всего
русского всему иностранному и на мысли превосходства русского войска над всеми в
мире, сокрушенной неудачной войной. Начать верить в свою нравственную
самобытность и перестать верить в грубую силу и превосходство своего кулака – в
самом деле начало премудрости.

403

Пока мы только подражали Западу, мы не знали своей почвы под ногами. Так еще
теперь найдутся помещики, с завистью думающие о каменистом грунте Италии, стоя
на черноземе. Как только мы обратились к своей почве, так встретились с
последним вопросом всей западной жизни, с вопросом поземельного владения,
владения общинного, общинного устройства.

Из сказанного никак не следует, чтоб нам перестать учиться западной науке или
выдумывать свою; во-первых, наука по той мере и наука, по которой она не
принадлежит никакой стране, а во-вторых, учится человек, собственно, целую
жизнь, но в известный возраст людям не нужны учителя, уроки. При выходе из школы
человек вступает в деятельный обмен, в ряд деловых отношений, тут он
прикладывает, поверяет свои теории, заимствует новые и, действуя, расширяет круг
своего ведения. Выходя из-под гувернерства Запада, мы вовсе не дальше от него
станем, а скорее ближе всем расстоянием, которое делит позирующий оригинал
от уничиженного подражателя.

Дома у нас бездна дела, не оберешься. Наука Запада столько же наша, сколько и
его. Но теперь спрашивается – где у нас общее дело с Европой? Вечный вопрос о
«больной Турции» или о «смердящей Австрии», или, хуже, борьба французской
солдатчины с английскими учреждениями – и все опять война, кровь... налоги,
голод...

О выборе тут не может быть речи, на Западе нет другого дела... «да это у него
пройдет, это болезнь», ну, тогда и поговорим об этом, а до сих пор она не
проходила. И в то же время дело само набивается, стучится в ворота, дело
творческое, живое и которое нисколько не мешает нам рубить свою новую избу и
продолжать нашу коренную великую работу внутреннего пересоздания, почин которого
начался с освобождением крестьян.

Имя Муравьева, Путятин и их сотоварищей внесено в историю, они вбили сваи для
длинного моста... через целый океан. Во время мрачных европейских похорон, где
каждый что-нибудь оплакивал, они с одной стороны, американцы с другой –
сколочивали колыбель!

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Я являюсь перед нашими читателями с обвинительным актом в руке.

На этот раз обвиняемый не Панин, не Закревский – обвиняемый я сам.

Обвинение это, высказанное от имени «значительного числа мыслящих людей в
России», для меня имеет большую важность. Его последнее слово состоит в том, что
вся деятельность моя т. е. дело моей жизни – приносит вред России.

Если б я поверил этому, я нашел бы самоотвержение передать свое дело другим
рукам и скрыться где-нибудь в глуши, скорбя о том, что ошибся целой жизнью. Но я
не судья в своем деле, мало ли есть маньяков, уверенных, что они делают дело, –
тут ни горячей любовью, ни чистотой желанья, ни всем существованием ничего не
докажешь. И потому я без комментариев передаю обвинение на суд общественного
мнения.

До тех пор, пока оно не станет громко со стороны обвинения, – я упорно пойду тем
путем, которым шел.

До тех пор, пока на одно такое письмо я буду получать десятки самых пламенных
выражений сочувствия, – я буду упорствовать.

До тех пор, пока число читателей будет возрастать, как оно теперь возрастает, –
я буду упорствовать.

До тех пор, пока Бутенев в Константинополе, Киселев в Риме, не знаю кто в
Берлине, Вене, Дрездене – будут выбиваться из сил, метаться к визирям и
трехбунчужным пашам, к министерским секретарям и кардинальским послушникам,
прося и вымаливая запрещение «Колокола» и «Полярной

405

звезды», – до тех пор, пока «Аугсбургская газета» и горлаховская «Kreuz-Zeitung»
не перестанут оплакивать гибельное влияние «Колокола» на нервы петербургских
сановников, – я буду упорствовать.

Я стою перед вами в моей «неисправимой закостенелости» – так меня характеризовал
в 1835 году, когда я был под судом следственной комиссии, Голицын

junior257[177]. Будьте строги, жестоки, несправедливы, но об одном я прошу:
будемте на английский манер говорить о деле, не прибавляя личностей.

Я готов все печатать, что качественно и количественно возможно.

«Обвинительное письмо», печатаемое нами сегодня, существенно отличается от

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
прошлых писем против «Колокола». В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев,
в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна.

Ничего подобного в этом письме.

Те были писаны с нашей стороны, оттого в самых несогласиях и упреках было
сочувствие. Это письмо писано с совершенно противной точки зрения, т. е. с точки
зрения административного прогресса, губернментального доктринаризма. Мы ее
никогда не принимали, что же удивительного, что мы не ее путями и шли. Мы не
представляли себя никогда ни правительственным авторитетом, ни государственными
людьми. Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли,
мы хотели быть обличителями злодеев, останавливающих успех, грабящих народ, – мы
их тащили на лобное место, мы их делали смешными, мы хотели быть не только
мстью русского человека, но его иронией – не больше. Какие мы Блудовы и Панины
– мы книгопечатальщики «значительной части людей, страдающих в России».
Но и тут я должен прибавить, мы совсем не находимся в том исключительном
положении, которое нам часто дают, которое дает автор письма и против которого я
протестую всеми силами моими. Что, в самом деле, за монополю русского печатания
у нас, точно мы взяли русскую речь в чужих краях на откуп?

406

Если мы, как говорит автор письма, «сила и власть в России», то причина этого
вовсе не в том, что у нас у одних есть орган.

С нашей легкой руки теперь можно печатать по-русски в Берлине, в Лейпциге, в
самом Лондоне²⁵⁸[178]. И если по совести нельзя рекомендовать как русский журнал
для помещения статей брюссельский «Le Nord», то что же препятствует помещать их
в «Заграничном сборнике»?

Нам принадлежит честь почина и честь успеха, а вовсе не монополю.

УСЕРДНЫЙ РАБ БУТЕНЕВ И ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

«Аугсбургская газета» рассказывает, как Бутенев упрашивал великого визиря
запретить в Турции наш «Колокол» и другие русские издания. Великий визирь, как
следует государственному человеку, отвергнул дикую просьбу. Однако же пора бы
Горчакову сколько-нибудь лучше выбирать людей или постороже смотреть за своими
чиновниками вне границ. Довольно, что Турция победила при Николае Россию в
отношении гуманности, не выдав Кошута, Бема и др., неужели она должна при
Александре II учить терпимости? Судьба Хребтовича могла бы служить примером
Бутеневу.

ПРИБАВКА 80 ВЕРСТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Мы получили очень дельное письмо, в котором опровергается возможность прибавки
80 верст на московской железной дороге. Мы взяли эту новость из «Times» и
«Allgemeine Zeitung» и поместили ее потому, что привыкли слепо верить, когда
идет речь об административных кражах в России. Если б кто-нибудь сказал, что
петербургская или московская полиция отрезала хвост у кометы и потом продала его
– и тут призадумался бы... «А что, как в самом деле?» Мы видели своими глазами,
как в Вятской губернии пропадали строевые леса и мачтовые рощи, как в казенной
палате было дело о «потере нескольких оброчных статей – каждая в несколько
верст...»

408

<ОТВЕТ НА КЛЕВЕТУ ГРАФА ГУРОВСКОГО>

Граф Гуровский в письме к редактору нью-йоркского журнала «Evening Post»
говорит, между прочим, что я приобрел богатство продажей крестьян в России и,
взяв вырученные деньги с собою за границу, проповедую освобождение крестьян; на
эту гнусную клевету я отвечал письмом, посланным мною в американские, английские
и немецкие журналы. Наши русские читатели, быть может, вспомнят, что в I книжке
«Полярной звезды», стр. 214, я объяснял одному «анониму», что я никогда во всю
мою жизнь не продал, не заложил ни одного крестьянина, ни одного крепостного
человека и что мое костромское имение находится под секвестром, вследствие чего
я и не могу им распоряжаться. Прилагая при нынешнем листе «Колокола» мое
объяснение по этому делу, я не счел нужным переводить его. Самые противники мои
в России знают, что это клевета.

APPEL A LA PUDEUR²⁵⁹[179]

(ИЗДАТЕЛЯМ РУССКИХ ГАЗЕТ)

Духа же празднословия не даждь ми!

Всякий раз, когда нам приходится читать несколько листов русских газет, нами
овладевает какая-то бесконечная тоска, нам становится стыдно, становится жаль и
русских читателей, и русский язык. Наконец мы решились сказать об этом несколько
слов во имя благопристойности, здравого смысла и человеческого достоинства. Речь
идет об особой, изысканной невоздержности в подобострастных выражениях, с
которой пишут у нас новости, касающиеся до государя или царской фамилии. Как
встарь у нас развился церковный язык, так в прошлом столетии расцвел и при
Николае достиг высокой степени совершенства язык ливрейный. Пора положить ему

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
предел. Пора отбросить это византийское низкопоклонство, смешанное с монгольским
уничижением, приведенное в систему и порядок немецким канцелярским стилем.
Для чего это делается? Государю не может это нравиться, все члены царской
фамилии слишком образованны, чтоб требовать этой тяжелой, обязательной, японской
болтовни. Посмотрите на новые речи государя, он не говорит этим языком;
посмотрите на приказы Барятинского, и он не говорит им. Кому же это нравится?
Нельзя же подличать бескорыстно – как соловей щелкает в лесу?
Теперь – уничтожая крепостное состояние, мечтая об освобождении

410

России от телесных наказаний, ценсурных преследований, думая о гласности в суде,
о законности, надобно приучаться к мужественной речи свободного человека и
бросить язык, которым перестают говорить в передних.

Факт очень замечательный, что язык русский разом перешел от
патриархально-детского, не уравновешенного ни в грубости, ни в унижении, к
сильному и простому языку, исполненному достоинства во всем неофициальном – и
пал в какое-то безграмотное

пресмыкание перед предержавшими властями, и притом не на патриархальный
крестьянский лад, а на подхалюзый, немецко-подьяческий. Все
утонченно-уничижительные обороты, все чиновничьи фиоритурные формального
чинопочитания старших, богопочитания царской фамилии – решительно противны духу
русского языка. Русские слова, употребляемые на эти подлости, так и напоминают
вчера обритого и остриженного крестьянина, одетого в уродливую ливрею и не
умеющего держать тарелку (к великому увеселению истых официантов, забывающих,
что человеческое дело – есть с тарелки, а не подавать ее).

Долю издатели не виноваты, сообщая новости, составленные вперед где-нибудь в
министерстве двора, но можно же, наконец, объяснить Адлербергу, daß es ominös
ist und sklavisch²⁶⁰[180] писать таким вычурно унижающим языком, что
истинное уважение никогда так не выражается, что вздору не надобно пробавлять
важности, упомянуть об нем можно слегка, вскользь, а не то он сделается скучный
вздор и весь падет на голову пациента, о котором рассказывают. Например:

С.-Петербургский военный генерал-губернатор, повергнув к стопам его
императорского величества верноподданнические поздравления жителей С.-Петербурга,
по случаю торжественного дня тезоименитства государя императора, получил сего
30-го августа, в половине первого часа пополудни от министра императорского
двора, из Москвы, следующую «телеграфическую» депешу, которою спешит порадовать
жителей С.-Петербурга как выражение благосклонного к ним внимания его
величества: «Государь император благоларит вас и жителей столицы за принесенное
поздравление» («Русский инвалид»).

411

Или:

В высочайшем указе, 12-го августа за собственноручным его императорского
величества подписанием, данным Святейшему правительствующему синоду, изображено:
«Рождение

любезнейшего племянника нашего, великого князя Константина Константиновича,
повелеваем праздновать в 10-й день августа, а тезоименитство в 21-й день мая.

(Тут поневоле приходит в голову вопрос: да разве он родился в другой день, что
надобно было высочайшее утверждение числа, утвержденного самим рождением?)

Последнее путешествие государя и царской фамилии дало случай развернуться
ливрейному красноречию дворцовых хронографов с таким напором, с таким яростным
усердием, что все плотины разума, приличий, грамматики были снесены
«вернопреданностию» (выраж^{ение} «Северной пчелы»), и в то время, как
путешествие государя было исполнено действительного интереса, они нас потчевали
самыми пустейшими подробностями обычных церемоний, придавая им какую-то
эпическую важность и какую-то третьяковскую отделку.

Возьмите случайно «Инвалид» или «Пчелу», вести из Тулы или из Владимира, – всё
одно:

Владимир. – В половине пятого часа у их императорских величеств был большой
обеденный стол, после которого государь император удостоил своим присутствием
бег рысистых лошадей, на владимирском беговом месте.

Тула. – В двенадцатом часу их императорские высочества, приветствуемые густыми
толпами народа, изволили прибыть в церковь оружейного завода для слушания
божественной литургии и оттуда, по окончании богослужения, изволили отправиться
в Успенский кафедральный собор. Здесь их высочества были встречены
преосвященным Алексием, епископом тульским и белевским, с старшим
духовенством г. Тулы, с крестом и святой водою (не с сигарой же было выйти).

После краткого молебствия и возгласения многолетия его императорскому величеству
и всему августейшему дому, их высочества прикладывались к местным святым иконам,
а потом его преосвященство поднес государю великому князю святую икону Спасителя

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
а государыне великой княгине просфору.

Троица. – Государь император и государыня императрица с великою княжною прибыли к начатию литургии в начале девятого часа утра и слушали оную и молебное пение с благоговением, которое приводило в умиление братию обители и всех предстоящих в храме. По молебном пении их величества и ее высочество прикладывались к святым иконам и к мощам прендобного Сергия, причем поднесены иконы государю императору и

412

великой княжне. Шествие их величеств во храм и из храма оглашаемо было радостными восклицаниями многочисленного народа.

Вологда – За несколько минут до представления губернский предводитель дворянства, Багрянов, был через его сиятельство (творительный падеж, видно, хорош для обыкновенных смертных, а в таких экстренных случаях куда он годится!) графа Адлерберга введен во внутренние покои (кабинет) (а ведь нет того, чтоб сказать просто «в кабинет») его величества, где и был встречен милостивыми словами государя императора: «Я исполнил свое обещание быть у вас». На что губернский предводитель отвечал: «Мы уж давно ожидали этого счастливого времени...»

Ну можно ли записывать эдакой вздор и эдаким слогом? Впрочем, что Тула, Вологда – вот что будет интересно: государь в Варшаве. Ему многое надобно там сделать, чтоб многое загладить. Что же он делал в Варшаве?

Варшава. – 14/26 сентября (Сообщено). 11/23-го сентября государь император, по приезде в Варшаву, в три часа пополудни изволил прибыть в православный Свято-троицкий собор. Храм едва мог вместить

собравшихся для вожделенного лицезрения благочестивейшего монарха. Преосвященный Арсений, архиепископ варшавский и новогоргиевский, с высшим духовенством ожидал с крестом и святой водою шествия царя земного в дом царя небесного. Когда государь император ступил на праг церковный, архиепископ, осенив его величество святым крестом, произнес приветственную речь, в которой кратко, но сильно выразил чувство всеобщей благодарности за щедроты и попечения государя о благе богом вверенного державному его скипетру народа. Сердце царево, выну хранимое в руке божией, с умилением внимало словам служителя божия. Приложившись к святому кресту, по окроплении святой водою, государь император, предшествуемый духовенством при соответственном церковном пении двумя хорами: «Спаси, господи, люди твоя...» вошел в церковь. Здесь совершено краткое моление о здравии его величества и всего августейшего дома. Государь император по произнесении многолетия снова приложился к кресту, коим был осеняем от архиепископа; причем архиепископ поднес его величеству снимок с чудотворной иконы Почаевской божией матери и с крестом же сопровождал государя к самым дверям храма. После сего отслужен благодарный молебен о благополучном прибытии помазанника божия.

14/26-го числа, в одиннадцать часов утра, преосвященный архиепископ Арсений представлялся его императорскому величеству в Бельведерском дворце. Пощадите, милые Несторы и Коммины Зимнего дворца, как же вам не стыдно, даже осмеянное, опошленное «в кратких, но выразительных словах» не забыто.

413

Можно ли поверить после этих образцов, что иногда официальные журналы бывают умереннее партикулярной пчелы с товарищами. Пчела, порхая там и тут, не ограничивается лицами, упоминаемыми на ектыне, но распространяет благодеяния камердинерского обращения на иностранных принцев и принцесс, курфирстов и фирстов. «Его высочество, – говорит она, – принц прусский и принцесса пожаловали Иенскому университету бюсты – фихте, Шеллинга и Гегеля». Нам дела нет до пошлости делать двуспальные подарки, как будто принц сам по себе, а принцесса сама по себе не могли подарить бюсты, – нас занимает слово пожаловали, которое так красиво становится между именем университета и именами трех философов, и тем больше, что оно мне напоминает родительский дом и нашего старого лакея Бакая. Покойник учил мальчишек «пчелиному» языку и, таская иногда за волосы, приговаривал: «А ты, мужик, знай, я тебе даю, а барин изволит тебе жаловать; ты ешь, а барин изволит кушать; ты спишь, щенок, а барин изволит почивать». Этот лексикон был у него вполне выработан, и Бакай никогда не ошибался, когда надобно было сказать рубашка и когда сорочка.

Но я полагаю, что и Бакай далее перевода слов не шел и что, например, такие сложные периоды были ему не под силу, как все эти: «изволили соблаговолить одобрительным ободрением», или что-нибудь вроде: «Его императорское высочество принц Петр Олденбургский изволил отбыть после обеденного стола, следуя по калужскому тракту». Неужели, в самом деле, учтивее сказать «после обеденного стола, после ужинного стола», нежели «после обеда, после ужина», или «отбыл по калужскому тракту» благолепнее, нежели «поехал в Калугу».

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Иногда, кажется, у правительства просыпается сознание вкуса, накапливается злорадность за все это вернопреданное вранье и оно вдруг мстит редактору той же монетой, но с каким-то особенным казенным чеканом. Например, оно пишет анонимное письмо следующего содержания.

Милостивый государь

Петр Семенович,

Посетив 15-го июня сего года больницу всех скорбящих, вы, привиде ее устройства, преисполнились благоговения к царственному состраданию

414

беспримерного по энергии в бозе почившего монарха Николая Павловича и к беспримерной, по любви к человечеству, государыни матери царей, венценосной покровительницы отверженных сирот и всех несчастливцев, без разбора причин злополучий каждого, приснопамятной императрицы Марии Феодоровны.

При таком одушевлении выраженный вами благонамеренный вызов – начертать историческое сказание о сем благотворном учреждении – вы привели ныне в действие, издав исторический очерк о больнице, посвященный вами памяти августейших основателей ее и благодетелей. В нем, с исторической точностью, с теплым сочувствием к цели установления и к заботам представителей, справедливо оценены заслуги и подвиги целения и призора несчастливцев, постигнутых омрачением ума. В сем уважения статс-секретарь по делам управления учреждений императрицы Марии, член Государственного совета, Андрей Логинович Гофман благоволил поднести исторический очерк ваш государю императору и государыням императрицам и по его предстательству благоугодно было его императорскому величеству удостоить труд ваш монаршим благоволением во все милостивейшем пожаловании вам препровождаемого при сем драгоценного перстня, бриллиантами украшенного («Русский инвалид»). Уж не Андрея ли Логиновича постигнуло такое красноречие? За ним не угоняется и сам Теодор-Амедий Гофман, писавший «Кота Мура».

Мы очень серьезно обращаем внимание русских журналистов на необходимость воздержаться от этих цветов подобострастия. В порядочном обществе выводится низкопоклонный клиентизм, поднявшийся в залы и гостиные из канцелярских болот и крепостных подземелий. Где теперь «бакаевская» манера в словах, движениях, улыбке, в образе садиться на стул и вставать со стула, в образе держать шляпу в руках и спину на ногах, в кашле и смехе выражать беспредельное подобострастие, свою ничтожность, теряющуюся, «как капля в море опущенна», в благодетельных лучах его превосходительства? И не только мимика низкопоклонства исчезла, но и самые слова: «благодетель, отец и начальник, покровитель» – не употребляются больше.

Ссылаться в этом на немцев нечего, от них-то мы и заразились вполовину принижающимся сквернословием. Немцы вообще люди без такта. Ни Гёте, ни Гегель не умели себя держать с достоинством. Старик Арендт, рассказывающий, как

415

мещански Гёте обращался с аристократами, которых ему представлял Штейн, сам называет Штейна то «милостивым господином своим», то просто «мой господин».

Но ведь мы не немцы.

Указавши на эту наружную, декорационную грязь наших газет, мы когда-нибудь перейдем к их нравственной стороне. Она наводит не меньше грусти. Едва, едва позволили людям говорить, заявлять свое мнение – у нас явилось нордовское направление, одна газета дошла до того, что поместила [leading article261\[181\]](#) в пользу торговли черными под прикрытием французского флага. Поверхностная брань Англии, ее учреждений встречается на каждом шагу рядом с удивлением перед казарменной централизацией деспотических государств.

Не лучше ли предоставить одной управе благочиния находить образованность в «порядке» и защищать его не литераторами, а безграмотными квартальными?

416

<МУХАНОВ>

Мы получили из Познани интересный очерк карьеры Муханова. – Что это за смесь «воссоединенного» Симашки с Пеликаном, Новосильцовым, Трубецким, Муравьевым – в этом ядовитом пауке под именем Муханова. Улучшения ограничиваются орлами на гербах и гербами на орлах. *Pas de rêveries! Pas de rêveries!*

<ВОЗРАЖЕНИЯ НА «ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ»>

Неизвестный корреспондент прислал нам из Германии ответ г. Ч. на «Обвинительный акт» его против нас. Мы были прежде уверены, что строгий судья наш, если и найдет себе симпатию в стану наших противников, то в той среде, которую мы считаем нашей, ее не найдет, – а все-таки нам было дорого прочесть слова дружеской защиты. Жаль нам, что автор ответа тоже требует, чтоб мы напечатали его письмо. Если [noblesse oblige262\[182\]](#) печатать против себя, то [desoign oblige263\[183\]](#) не печатать статей за себя. Если б у нас и оставалось что-нибудь неприятного не от статьи г. Ч., а от ее строгого тона, все это сторицей

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
вознаграждено несколькими полученными письмами и больше всего ответом анонимного
друга. Вот письмо, при котором прислана статья.

Милостивый государь.

В 29 листе «Колокола» напечатав «Обвинительный акт» от лица «значительной части
мыслящих людей в России». Многие, считая себя мыслящими,

417

точными и обдумантыми людьми, нашли оскорбительным для них принять на себя
участие в «обвинительном акте»; а потому поручили мне написать протест, который
при сем прилагается и который мы требуем напечатать в «Колоколе».

Может быть, для вас покажется несколько щекотливым напечатать такой протест, в
котором излагаются взгляды на характер вашей деятельности. Но позвольте вам
сказать: во-первых, изложение этих взглядов требовалось сущностью дела;
во-вторых, вопрос касается не столько вас, сколько нас, а главное всего
принципа. «Обвинительный акт» предаёт посмеянию то, что бьется в груди. Это
посмеяние высказано русским и, как говорит автор, от лица русских мыслящих
людей. После этого мы не можем и не должны молчать, а вы не можете и не имеете
права отказать нам высказать, во всеуслышание, наше слово, на которое, мы
уверены, отзовутся все теплые сердца, которыми не бедна русская земля. Печатая
«Обвинительный акт», вы печатали его не на одного себя, вы печатала его также на
нас и на самый принцип, а потому вы обязаны напечатать и наш протест.

Вместе с этим посылаю вам первое письмо к автору статьи «Реформа сверху или
реформа снизу». Это письмо есть тоже выражение мнения многих, хотя и не вполне
всех тех, которые требуют печати протеста. С первого взгляда содержание этого
письма может показаться, для многих, несогласным с вашими убеждениями, и потому
это обстоятельство может остановить вас напечатать его. Но мне
кажется, что вы давно уже высказывали совершенно подобные взгляды, которые
служат только подтверждением убеждений, высказанных в письме к автору статьи
«Реформа сверху или реформа снизу». Вспомните ваш справедливый суд над Временным
правительством и над Национальным собранием 1848 года во Франции; вспомните
также то, что во всех ваших суждениях вы ясно выражаете, что желаете не форм, а
сущности. Во всяком случае содержание самой моей статьи покажет вам, что
вопросы, тронутые ею, требуют диспута, и диспута свободного, не стесняемого
ценсурой. Вашу жизнь и деятельность вы доказали вашу любовь к России; а
потому, если бы даже сущность мнений, высказываемых в этой статье, и не
согласовалась вполне с вашими убеждениями, то из любви к России вы должны
допустить в вашем журнале свободный диспут.

418

КРЕПОСТНЫМ ЛЮДЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОССИИ

Мы слышали о разных проделках, сделанных в последнее время русскими помещиками и
помещицами с своими людьми, не только крепостными, но и свободными. Так, княгиня
Урусова (урожденная Нарышкина) довела свою горничную, московскую мещанку
Черкасову, в Висбадене до того, что она сошла с ума; дело это доходило до
комиссара полиции и было очень известно в тамошнем русском кругу. Так, говорят,
великий Клейнмихель в Виши тузил своего слугу за то, что он его поздно разбудил,
и пр.

Что касается до свободных, они все еще могут как-нибудь выпутаться из дела,
могут даже иногда получить защиту от посольства, боящегося худой славы и
огласки. Но мы слышали, что и крепостные слуги иногда относились к русским
миссиям или консулам с жалобами на дурное содержание. Из такого рода просьб не
только не может выйти никакой пользы, во непременно вред. Помещик отомстит дома
за жалобу, – а дома есть конюшня, да есть и целое правительство, нанимающееся
сечь крепостных по приказу их господ. Это заставляет нас дать им совет.

Беззаконие крепостного права не существует во всей христианской Европе. Поэтому
во всяком случае обиженный человек или вообще желающий остаться может безусловно
покинуть своего барина, потому что вне родины он вольный. Иногда правительства
выдают друг другу преступников, убийц и т. п., а человека, ничего не сделавшего,
выдать невозможно. В посольство ни в каком случае ходить не надо, кроме для
вытребования паспорта, теперь же паспорта для прислуги выдаются
особо, им стыдно перед чужими краями писать людей в числе пожиток, принадлежащих
такому-то. Итак, наш совет состоит в той, чтоб, предупредивши барина, идти в
полицию и просить комиссара принять показание и дать дозволение остаться в
городе. Незнание языка, конечно, затруднит объяснение, но большого красноречия
не надо, чтоб растолковать, в чем дело. Весьма может быть, что барин при таком
объяснении, вспомнив прежнюю привычку, ударит. В таком случае, по старинному
французскому правилу, что оплеуху не берегут, – в ту же минуту бить барина;
ответственность, по здешним законам, падает на того, кто первый ударил.

Что касается до Англии, мы советовались с известным легистом W. Ashurst, 6, Old
Jewry, City; он обещал нам помогать во всяком случае, когда крепостные люди

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
пожелают остаться; мы с своей стороны предлагаем им нашу братскую услугу.

420

««ALLGEMEINE ZEITUNG» ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОПЯТЬ...»

«Allgemeine Zeitung» возвращается опять в своем № от 12 декабря к необходимости, чтоб цензура позволила отвечать в русских журналах на статьи «Колокола». Это одно из самых горячих желаний наших. В случае ошибки мы всегда готовы покаяться, несмотря на то что нас в этом упрекают. Немецкая газета говорит с тем вместе о каком-то политическом бюро, которое будет ex officio сообщать не только новости, но и давать направление журналам, и этот домашний «Колокол» будут издавать тоже двое – Долгорукий и Тимашев. Они хорошо учатся, если так скоро переходят из слушателей в репетиторы.

В той же статье «Allgemeine Zeitung» уверяет, что «Колокол» и наши публикации далеко не производят такого действия в Европе, как в России... Это совершенная правда. Мы вообще заметили, что русских книг в Англии гораздо меньше читают, нежели в России.

421

РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЯ
ИЗ ПЕТЕРБУРГА (ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Дружески благодарим мы неизвестного корреспондента приславшего нам это письмо. Мы просим его во имя общего дела и общей любви к России, связующих нас, продолжать корреспонденцию. Путь, им избранный, совершенно безопасен.

<ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ Н. П. ОГАРЕВА «ЮМОР»>

Поэма, теперь издаваемая нами, была напечатана несколько прежде, но разные причины и между прочим желание сделать поправки задержали ее в типографии. Мы обращаем особое внимание читателей на эти поправки, напечатанные нами в начале текста.

Поэма эта не новость; писанная в 1840 и 1841 годах, она тогда же была очень известна в кругу читателей письменной русской литературы. Мы должны в особенности потому напомнить это, чтоб читатели не искали в ней никаких применений к нашему времени.

Лондон, 1 августа 1857.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Стихотворение, о котором говорит автор, мы не сочли возможным напечатать по многим причинам.

РОССИЯ В ВОЙНЕ И В МИРЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Мы помещаем эту статью как исторический документ тогдашнего настроения умов. Нужно ли говорить, что правительство не умело им воспользоваться. При этом повторяем еще раз,

что мы громко протестуем против всякой солидарности – между направлением статей, нами печатаемых, и нашими мнениями.

424

<НА ДНЯХ ПОЛУЧЕННАЯ НАМИ СТАТЬЯ...>

На днях полученная нами статья в форме письма – «О чиновниках» будет напечатана в V книжке «Голосов».

<ЗАМЕТКА О РАЗБОРЕ СОЧИНЕНИЯ Г. КОРФА>

Редакция «Полярной звезды» намерена в самом непродолжительном времени издать разбор сочинения г. Корфа, «Донесения Следственной комиссии и <приговора> Верховного уголовного суда 1826 года», причем весь текст донесения и приговора будет перепечатан.

<НА ДНЯХ МЫ ПОЛУЧИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ СТАТЬЮ О ЧИНОВНИЧЕСТВЕ...>

На днях мы получили замечательную статью о чиновничестве в России для помещения в «Полярной звезде» или «Русских голосах». Мы полагаем, что она по духу больше принадлежит к «Голосам». Почтенный автор, верно, не посетует на нас за то, что вместе с его статьей сделаем ему несколько возражений с полным уважением к его таланту изложения и к его полезному труду.

ШАРМАНКА (К воспоминаниям о незабвенном)

Несколько месяцев тому назад в Москве и Петербурге ходила по рукам песня, которую мы передаем нашим читателям – для пополнения антениколаевской литературы:

По дворам таскал старик Тридцать лет шарманку.

Он вертеть ее привык:

Вертит спозаранку,

Вплоть до полночи глухой, На потеху людям;

Той шарманки писк и вой Мы не позабудем.

Что за музыка, ей-ей,
Не поймешь, хоть тресни!
И всего-то было в ней Три плохие песни:
Бога славила одна,
А царя другая,
425

Третья – ужас как длинна – Честь родного края;
Многих не было в ней нот, так что слушать гадко,
Все визжит, бренчит, скребет. Не выходит гладко, –
И не то чтоб стар уж так Инструмент потешный: □
Сколотил его варяг. Северян, не здешний,
Им вертеть потом пошла Русопетов стая.
Что за музыка была. Бестолочь родная! Наконец им завладел Удалой татарин И
шарманку завертел Молодцом, как барин.
С нею пробовал потом И поляк возиться.
Но ни силой, ни трудом Ладу не добиться.
Все фальшивила она,
Шла в разлад со светом – Инструмента ли вина? Мастера ли в этом? Леший сам не
разберет! Вскоре отыскался Для шарманки доброхот И чинить принялся. Придал ей он
новый вид И покрой немецкий,
А шарманка вое скрипит И пищит по-детски.
Вот шарманкой завладел Наш шарманщик ярый.
Повернул, пересмотрел.
Песни больно стары.
Он навел на крышку лак,
Починил снаружи,
А внутри осталось так.
Даже стало хуже;
Сам он видит, что она Уж пришла в негодность,
Что в ней лопнула струна.
Певшая народность,
Что осипла в ней давно
426

Песня православья,
Что поправить мудрено Хрип самодержавья,
Ведь починка труд большой,
А на век мой станет!
Да и внутрь шарманки той Вряд ли кто заглянет!
Так шарманщик рассуждал –
Видно, что дубина;
И шарманку ту взвалил Он на плечи сына.
Сын справляет день и ночь Старую работу,
Хоть вертеть ему невзможь Да и не в охоту,
В том труде не быть пути,
Так и жди – порвется,
И уж как ты ни верти,
А чинить придется.
Благо есть теперь досуг,
Взяться бы за разум,
Хуже будет, если вдруг Распадется разом,
Если ты под звук заснешь Льстивого напева,
Иль, забывшись, повернешь Справа да налево.
ВЫСОЧАЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ АТ НОМЕ264[184]

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Редакция «Колокола» искренно и глубоко благодарит за эту превосходную статью.
<ОТ ВИКТОРА ГЮГО>

Виктор Гюго просит редактора «Колокола» переслать его искреннюю благодарность
русскому поэту» посвятившему ему «Современные отголоски из России». Мы извещаем
автора, что по его желанию экземпляр его стихотворений, напечатанных в IV книжке
«Голосов из России», был нами доставлен Виктору Гюго в Гернсей.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

«Судебные сцены» были нам присланы два раза, оба раза с другими рукописями,
напечатанными в четырех книжках «Русских голосов». Мы медлили в издании этого
превосходного произведения, во-первых, потому, что такое сочинение составляет
значительную литературную собственность; во-вторых, думая, что при новом порядке
вещей «Судебные сцены» могут быть напечатаны в России; но кажется, что
романтическое преследование взяток и бесправия так далеко не идут.

Через два года мы решаемся их печатать, извиняясь в самовольном поступке перед

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
неизвестным автором. Нам было бы очень больно, если б он был этим недоволен.
«Голосам из России» мы не могли уступить такую пьесу, мы ее, как почетного
гостя, сажаем на первое место – в наш красный угол.
Лондон, 1 декабря 1857.

1858

<КОНЧИНА КУДРЯВЦЕВА>

Еще не стало в России дельного, честного, благородного человека, одного из самых
любимых товарищей Грановского. Профессор Московского университета Петр
Николаевич Кудрявцев скончался в Москве, с 17 на 18 число января старого стиля.
Он не пережил жены, к которой был страстно привязан.
Нас просят напечатать это известие в «Колоколе», «где всякий честно служивший
отечеству человек имеет право быть помянут добрым, почетным словом».

НЕВСКИЕ ПИСЬМА

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Автор «Невских писем» замечает по поводу рескриптов
Александра II от 20 ноября и 5 декабря 1857 г., обращенных к ковенскому и
петербургскому генерал-губернаторам:

«Мы не помним указов, которые были бы так многозначительны, касались вопроса
более великого, служили сигналом новой жизни в России. И что же?

Вместо обращения ко всей империи, манифесты даются только двум ее уголкам». К
этому месту сделано примечание:

Коренные – то не очень торопятся и теперь. С чего же было к ним обращаться? – Р е д.

428

Далее автор говорит о надежде, которая живет в сердцах многих помещиков, – что
крепостное право не будет уничтожено и все останется по-старому. К этому месту
сделано примечание:

Но она не сбылась! – Р е д.

За недостатком места мы оставляем третье письмо до следующих листов «Колокола».
– Р е д.

КОЕ-ЧТО ОБ ОТКУПАХ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Редакция «Колокола», благодаря неизвестного корреспондента за сообщение сведений
об откупах, извиняется, что по причинам, которые г. корреспондент, вероятно,
оценит, она должна была устранить личности, которые нисколько не меняют сущности
дела.

<ОБЪЯВЛЕНИЕ О «КОЛОКОЛЕ» И «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»>

IV книжка «Полярной звезды» поступила уже в продажу.

В следующем листе «Колокола», который выйдет к 15 марта, будет помещен
драматический очерк «Русские в Париже»; мы отложили для этих характеристических
и чрезвычайно современных сцен статью «О преобразовании чиновничества» Н.
Огарева, которая будет напечатана в 12 листе.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

<О ПЕРЕИЗДАНИИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» И СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА>

Второе издание «Полярной звезды» за 1855, 1856 и 1857, сделанное лондонским
книгопродавцем Н. Трюбнером и напечатанное в Universal Printing Office 3.
Свентославского (178 and 179 high holborn), пошло так быстро, что Н. Трюбнер уже
спрашивал наше согласие на третье издание.

Сверх того, в типографии 3. Святославского напечатаны и вышли: «Крещеная
собственность» (третье издание), «Старый мир и Россия» (перевод с французского),
«14 декабря и император Николай» и второе издание «Писем из Франция и
Италии» 265 [185].

К письмам прибавили мы небольшое предисловие; мы просим позволение повторить
его, потому что возражения, сделанные «Письмам», относятся также и к «Полярной
звезде».

429

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

<ПРИМЕЧАНИЕ>

С искренней радостью печатаем мы эту статью. В общем мы с нею совершенно
согласны; мы сами хотели писать о том же вопросе, но охотно уступаем место
новому сотруднику, предоставляя себе право впоследствии поговорить об этом
предмете. Последние строки статьи, не напечатанные нами, дают нам право сердечно
и горячо позвать руку неизвестного нам автора, они глубоко нас потрясли и
тронули.

ЗАКРЕВСКИЙ ПОСТАВЩИК СУКОН И ЗАВОЕВАТЕЛЬ КАЗАРМ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Мы сообщаем факты так, как их получили. Всякую поправку, всякое объяснение мы
напечатаем тотчас. До нас дошли слухи, что г. Закревский велел тоже написать

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов свое оправдание. Душевно рады, милости просим объясняться под колоколами перед всем честным народом, а нам позвольте уж сесть на судейское место. Начинайте – не робей, личностей у нас нет, и судим мы не по своду, а по здравому смыслу. – Р е д.

О ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Наше мнение о преобразовании чиновничества известно читателям «Колокола»; но мы с удовольствием печатаем эту статью нового неизвестного нам корреспондента, с удовольствием видим, как русский ум работает – работает над вопросами благоустройства русского народа. Да! Живые силы пробуждаются в России. Страницы «Колокола» всегда открыты для всех желающих говорить об нашем земском деле.

<ПРИМЕЧАНИЕ К ПИСЬМУ, ПРИСЛАННОМУ ВМЕСТЕ С РУКОПИСЬЮ М. М. ЩЕРБАТОВА>

Мы держались правописания нам присланного списка. Точки показывают места, не разобранные переписывавшим в оригинале.

НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ В 1831

<ПРИМЕЧАНИЯ>

<1>

Этот необычайно любопытный документ писан самим очевидцем события и временным начальником возмущения, инженерным полковником Панаевым, к подавлению которого он весьма много способствовал.

К этому простому рассказу прибавлять нечего, положение писавшего; его образ мыслей, роль, которую он играл, – все это придает особенную важность его словам. Но мы не можем не прибавить одного: Николай никогда не прощал Панаеву то, что он видел его в минуту слабости, видел его побледневшим в соборе, когда начался глухой ропот. Панаев был свидетель, как Николай, смешавшись, уступил и отломил кусок кренделя. Он не давал никакого хода человеку, который себя, в его смысле, вел с таким героизмом. Панаев умер генерал-майором, занимая место коменданта, кажется, в Киеве.

<ЗАМЕТКИ О ПОЛУЧЕНИИ СТАТЕЙ>

Мы получили превосходное возражение на статью «Об освобождении крестьян», помещенную в 14 листе «Колокола». С благодарностию поместим мы ее в следующем листе. Статья эта не подписана... но ех илие Леопет!266[186]

Сверх того, мы получили возражение на статью «Заграничного сборника» о русском духовенстве; статья прекрасная и совершенно верная, но, нам кажется, мы можем до поры до времени оставить в покое духовных, нам и миряне дают довольно заботы. Во всяком случае, статья будет в «Полярной звезде» или в «Голосах».

Другие критические статьи, конечно, мы примем с благодарностию.

<В СЛЕДУЮЩЕМ ЛИСТЕ, ЕСЛИ БУДЕТ МЕСТО...>

В следующем листе, если будет место, мы намерены поместить небольшой «военный очерк» под заглавием «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны» с эпиграфом Д. В. Давыдова:

Кивер зверски набекрень,

Ментик с вихрями играет.

<ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫЕ СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НАМИ...>

Чрезвычайно важные статьи, полученные нами, заставляют нас следующий лист «Колокола» выдать через неделю, в нем будет помещен «Разбор программы занятий губернских комитетов».

431

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ БИОГРАФИИ ГРАФА А. ЗАКРЕВСКОГО

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Автор статьи рассказывает о том, как московский генерал-губернатор Закревский незаконно разорвал вексель принадлежавший «одному дворянину».

К этому месту сделано примечание:

Фамилию, фамилию» почтенный автор! – Р е д.

В дополнение к этому интересному «житию» московского паши присовокупляем еще один милый рассказ одного из наших корреспондентов.

ПИСЬМО К ГРАФУ СТРОГОНОВУ, ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Искренно благодарим К. О. за присылку письма и за те прекрасные строки, при которых он его прислал. – И-р.

Ш РЕ РОСТОВЦЕВА ПРОТИВ РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Автор статьи дает обещание представить новые подробности о программах военно-учебных заведений.

К этому месту сделано примечание:

«Колокол» просит покорно весь текст их. – Р е д.

БУМАГИ ИЗ ПОРТФЕЛЯ, ПОТЕРЯННОГО КУРЬЕРОМ НА ДОРОГЕ ИЗ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ В ДОМ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

К словам в заголовке: «из Комитета министров» сделано следующее подстрочное примечание:

Не из сумасшедшего ли дома?—Р е д.

ОПОЗДАВШИЕ ПИСЬМА ИЗ ПЕТЕРБУРГА

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Несмотря на то, что письма эти опоздали четырьмя месяцами и нами только что получены, мы думаем, что читатели наши будут довольны тем, что мы помещаем их. Рассказывая о том, как петербургский гражданский губернатор Смирнов приехал ломать возвышение, на котором размещались старшины в городской думе, автор пишет: «Чем же более и заниматься гражданскому губернатору в настоящее время преобразований, как не подобно важным реформами? Смирнов понимает свое назначение». К этому месту сделано следующее подстрочное примечание:

Не с тех ли пор, как он в Калуге разругал какого-то помещика, приняв его за станового, за что был пресмешно проучен? — Ред.

ПАРТИЗАН И. И. ДАВИДОВ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

<ПРИМЕЧАНИЕ И ПРИПИСКА>

К словам автора статьи о том, что студенты Педагогического института на вопрос И. И. Давыдова, кто подвергает их оскорблениям, не решались ответить, что оскорбителем их является он сам, — сделано подстрочное примечание:

По несчастью, этот неприличный страх и эта смиренная скромность — стоят проделок Давыдова. — Ред.

К статье сделана следующая приписка:

Прибавлять к этому простому рассказу о труженической жизни истинно русского ученого и патриота нам нечего. Но он напомнил нам забавный анекдот иных времен. В Московском университете было лицо не без дарований, но чрезвычайно комическое, Ф. Л. Моршкин. Он глубоко восхищался дипломатическими талантами Ивана Ивановича. Тогда был в ходу анекдот, что Давыдов при рождении сына назвал его Сергеем и написал филарету, что он его назвал так в честь Сергия Чудотворца, князю Сергиюхвiii[xi] Михайловичу Голицыну, — что это в его честь; потом всем великим Сергиям — Сергию Григорьевичу Строганову, Сергию Семеновичу Уварову — тоже самое. Моршкин, под влиянием этого рассказа, с глубочайшим вниманием слушал какой-то мастерский аббаш д'агтеБ267[187] Давыдова — против, кажется, Шевырева — и сказал в заключение: «А вы, Иван Иванович, примерно несчастливо служите, с вашими способностями вам давно бы следовало быть государственным канцлером».

Вероятно, Иаков Ростовцев найдет средство употребить эту прекрасную способность. INTER PARES AMICITIA268[188]

Мы получили следующее письмо, интересное как характеристическое воспоминание николаевского времени и его нравственности.

433

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Мы опускаем начало письма, слишком лестное для нас в нашей деятельности, но искренно и душевно благодарим писавшего за его теплые слова. — Р е д.

Мы недавно слышали, что в Полтавской губернии помещик, которого фамилии нам не сказали (знаем только, что он граф и генерал) заставляет 200 душ крестьян переселиться на неудобную землю с земли, которой они владели больше ста лет. Не сообщит ли кто нам имя его сиятельства? — Ред.

Автор приводит полностью циркуляр министра народного просвещения от 19 апреля 1858 г. по поводу новых цензурных правил. Перед цитатой подстрочное примечание: Текст этого циркуляра был помещен в 20 листе «Колокола». Протвердить его еще раз не мешает. — Ред.

Автор сообщает далее, что сведения о Ланском, помещенные в «Колоколе» не во всем были верны. К этому сделано следующее подстрочное примечание:

Душевно сожалеем, что поместили их, но с удовольствием печатаем следующие строки письма.

ОТВЕТ КНЯЗЮ З. ВР.

Мы будем чрезвычайно рады обещанным сведениям и вперед благодарим за них.

<МЫ ОТПРАВИЛИ ПРОШЛЫЙ ЛИСТ... >

Мы отправили прошлый лист «Колокола» в конверте на имя государя. Важность «Дедновского дела» побудила нас к этому. Надеемся, что Долгорукий не скрыл его.

РЕФОРМА СВЕРХУ ИЛИ РЕФОРМА СНИЗУ?

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Помещая эту очень замечательную статью в «Колоколе», мы должны признаться, что не во всем согласны с автором. — Ред.

<ПИСЬМО, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОДЕЙСТВ...>

Письмо, заключающее описание злодейств, сделанных советником Швобом, в сообщничестве генерала Залца, по просьбе барона Унгерн-Стернберга в Ревеле, несколько месяцев тому назад, будет помещено в следующем листе.

ДЕЯТЕЛИ ПРОШЛОГО ЦАРСТВОВАНИЯ В РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

К этому рассказу нам остается прибавить о зимующем характере Дубельта; он пережил Бенкендорфа и до самой кончины Николая занимал то же место при Орлове. Что же следует из этого заключить о самом Орлове?.. – Ред.

О ЕВРЕЯХ (ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Охотно помещаем мы это письмо в «Колоколе». Без сомнения, не от нас автор его услышит слово дикой нетерпимости к евреям. Помещая письмо, в котором говорилось о Позене, мы не изменили выражение писавшего – вот и все. Как мог писавший к нам заподозрить нас в христианской нетерпимости? – Ред.

<О СТАТЬЕ «ALEXANDER HERCEN I WOLNA ROSYJSKA DRUKARNIA W LONDYNIE»>

Мы с большим вниманием, с благодарностью и уважением прочли статью, напечатанную в польском обозрении: «Przegląd Rzeczy Polskich», выходящем ежемесячно в Париже, под заглавием: «Alexander Hercen i wolna Rosyjska drukarnia w Londynie». На эту замечательную статью мы будем отвечать в следующем листе «Колокола».

<ПРИМЕЧАНИЕ К «ERRATA» КНИЖКИ ПЯТОЙ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»>

DUBIA

При перечитывании мы нашли большое количество опечаток в статье «Об освобождении крестьян» и сочли необходимым напечатать их.

ПРАВДА ЛИ?

Правда ли, что в Августовской губернии в 1857 году, в январе месяце, губернатор Тыккель роздал помещикам хлеб, назначенный по случаю неурожая для крестьян, и правая ли, что, когда человек пятьдесят крестьян отправились с просьбой в Варшаву, их переловили на дороге и, разумеется, пересекли? Правда ли, что они жаловались на это государю по телеграфу и получили ответ: будьте смиренны, хлеб будет. Князь Горчаков посылал в Сувалки чиновника на следствие, который еще раз выдрал мужиков – и оправдал губернатора, в виновности которого, пишет наш корреспондент, наместник не сомневался? Не объясните ли нам, почтенный князь, этого казуса?

Если это делается на границе Европы, что же творится этими мироедами внутри России?

<ЛАНСКОЙ>

Министр внутренних дел Ланской получил анонимное письмо, в котором кто-то из служащих по его ведомству жаловался на неправильную раздачу наград и просил обратить на это внимание, присовокупляя, что в противном случае доведет до сведения государя об этих злоупотреблениях. Письмо не заключало дерзких выражений – напротив, проникнуто было духом подчиненности и верноподданничества. Но Ланской воспылал гневом, созвал всех чиновников министерства, поручил одному из них прочесть письмо и потом, обратясь к собранию, произнес следующую краткую речь: «Господа, тот из вас, кто написал это письмо, – подлец; повторяю еще: подлец и подлец! Поручаю директорам отыскать виновного». – «Виновный», разумеется, не был отыскан, и чиновники разошлись, поздравляя друг друга с названием «подлеца».

Ланской в одном из своих циркуляров утверждал, что крестьяне должны учиться нравственности у бессрочноотпускных, которые в этом случае могут будто бы служить образцом. Если он действительно убежден в их полезном влиянии на нравственность, то не мешало бы ему пригласить какого-нибудь бессрочно-отпускного вахмистра, который поучил бы его порядочному обращению с подчиненными.

<СЕНАТОР АВЕРКИЕВ>

Некто Г... , служивший в консультации при министерстве юстиции, разговаривая в одном обществе с незнакомым старичком о трудной обязанности консультации – соглашать бессмысленные решения сенаторов, назвал мимоходом последних олухами царя небесного. Старец поблагодарил за комплимент, объяснив, что, следовательно, и он принадлежит к числу таковых, потому что он сенатор Аверкиев. О прежних своих званиях «хозяина» губернии, а «впоследствии «поощрителя» подрядчиков по железным дорогам он не счел нужным упомянуть. В первом заседании сената Аверкиев сообщил о случившемся своим товарищам. Сенат взволновался и решил составить определение об этом ужасном событии. Обер-прокурор едва мог спасти сенаторов от этой новой глупости. Они все-таки не уговорились и отправили того же Аверкиева с жалобой к Панину. Сей «трехполенный» министр юстиции, как его превосходно назвал один из его чиновников, немедленно и уволил Г. от службы.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ

Мы на днях получили дополнительный куплет к солдатской песне, напечатанной в «Полярной звезде» за нынешний год. Он очень мил и уже в более мирно-хозяйственном направлении:

Да и Затлер генерал Сухари нам представлял Больно хороши!

Сухари хоть гнилы были.

Да зато карман набили –

Кто же без греха!

И дежурный енерал С интендентством воровал,

Он ли промах дал.

При этих стихах неизвестный нам корреспондент, которого мы горячо благодарим за его письмо, описывает некоторые подробности о колоссальном воровстве во время войны. Да зачем же эти люди не наказаны? Видно, и такой исполненный благородства а чистоты человек, как Васильчиков, и тот не мог ничего сделать.

439

Вот отрывки на письма:

В 1853 году когда войска наши пошли за границу в поход против турок, учреждена была провиантская комиссия, главноначальником которой назначен был, по протекции покойного фельдмаршала Паскевича, полковник Затлер (ныне генерал-лейтенант). Затлер с своей стороны назначил еще тестя своего Шарова директором интендантства, а свояка Воронича сделал чиновником особых поручений и, таким образом оградив себя родными, страшно пользовался своим местом.

Войска получали гнилые сухари, испорченное мясо и все вообще продукты несвежие, и все это по распоряжению Затлера, который во все мелкие подробности сам входил, чтобы иметь больше доходу. Полковым командирам и квартирмейстрам, разумеется, платилось, чтобы они принимали такого рода продукты и молчали.

Командиры «волово́й» роты получали большие доходы. В эту должность назначал сам Затлер из своих комиссариатских чиновников или из раненых офицеров, прикомандированных к интендантству. Назначенный в командиры «волово́й» роты брал всегда меньшее число волов, нежели на сколько он давал квитанцию, – например, ему отпускалось 500 волов, а он давал квитанцию на 550 и на 600. Очевидно в таком случае командир «волово́й» роты должен прибегать к разным проделкам, например, загонял к себе сельских волов, пасшихся в поле, и этим пополнял комплект волов, выставленный в квитанции, и даже больше чем следовало. Делали сделки с местным начальством: заплатив пять-шесть рублей, они получали свидетельство на павшего вола. Кроме этих доходов, командир «волово́й» роты получал на продовольствие каждого вола в сутки 5 копеек серебром для найма пастбищных мест летом, но деньги эти оставались в его пользу, а пас он бесплатно на лугах, принадлежащих селениям. При отступлении наших войск из-под Силистрии, командир «волово́й» роты вез 500 верст дохлого вола и в каждом местечке и городе получал свидетельство на того же самого вола. Это я слышал из уст самого командира роты, который рассказывал и хвастался этим как своею находчивостью. Когда наши войска пришли в Молдавию и Валахию, то велено было сделать запас всех продуктов, т. е. сена, овса и т. п., и на это отпущена была огромнейшая сумма Затлеру, который распорядился таким образом: он на десятую часть, а может быть, еще на меньшую отпущенной суммы закупил продуктов, остальные же деньги оставил в свою пользу и донес, что израсходовал все. В то время когда велено было отступить нашим войскам, то приказали все запасные продукты, которые невозможно было с собою взять, – сжечь; но так как у Затлера, как видно из вышесказанного, запасных продуктов не было, то он зажег молдаванские сараи под видом продуктов, которых нельзя перевезти.

В Севастополе солдаты умирали более от дурного содержания, нежели от неприятеля. Дворяне, купцы, мещане, даже бедные крепостные крестьяне жертвовали большие суммы на поддержание бедных солдат, но все эти жертвования шли в пользу генералов, полковых командиров, смотрителей госпиталя и докторов, а солдаты слышали только, что жертвуют, но пожертвований не видали. По рассказу близких к Затлеру людей, он накопил от 1853 года до пяти миллионов рублей. Правительство наше спохватилось, когда уже было поздно и концы все были спрятаны.

Во время Севастопольской войны при штабе генерала Лидерса, главнокомандующего южной армией, находился жид, фактор его, Рабинович, через которого офицеры могли получать отпуск или отставку (в военное время у нас отпуска, как и отставки, запрещены), платя по его благоусмотрению от 1000 рублей серебром до 5–6 тысяч, из коих только треть оставалась у Рабиновича. Впоследствии это открылось через двух офицеров гусарского его величества полка, которые просились в отставку, за что заплатили по 10 тысяч рублей серебром. Между тем по какому-то неизвестному случаю они не получили отставки, а равно и денег своих назад. Рассерженные офицеры разгласили, что с ними было, и случай этот дошел до государя. Наряжено

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
было следствие, по которому открылось, что слух справедлив. Вместо того чтобы
главного виновника отдать под суд, ему велено ехать за границу.

<ЗАКРЕВСКИЙ И ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕР>

Правда ли, что в Москве хотело составить общество для освещения города газом,
но Закревский и обер-полицмейстер расстроили его, находя «масло» более доходным?
<ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К КНИГЕ «14 ДЕКАБРЯ И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ»>

В «Аугсбургской газете» от 28 декабря мы прочли объявление о третьем официальном
издании книги Корфа – и долгом считаем довести до сведения правительства, что
оно жестоко ошибается, если думает, что расход книги Корфа основан на сочувствии
публики. Книги, печатаемые по распоряжению правительства, обычно отправляются к
лицам, начальствующим в присутственных местах, к губернаторам, вообще к лицам
власть имеющим. Эти господа заставляют своих чиновников брать экземпляры оной
книги, вычитая за нее деньги из их жалованья, или навязывают покупку оной книги
и не служащим людям, имеющим с ними сношения, зная, что всякий возьмет экземпляр
из опасения подпасть под надзор III отделения. Вот причина большого расхода
подобных книг. Мы убеждены, что, узнав это, и сам государь не захочет
пользоваться таким недостойным средством для продажи жалкой книги, – продажи,
которая весьма угнетательна для бедных чиновников.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОСЬБА его превосходительству г. министру французских внутренних
дел

С.-Петербургского третьей гильдии купца Савелья Жалуева и гессенфилипстальского
подданного Лондомандола Карла Карлова, проживающего в оном же городе и торг
ведущего

Нижайшее прошение:

Имея значительные в торговле капиталы и желая оные для общественного блага
соединить, известились мы, что с подданных е<го> и<мператорского> в<еличества>
государя императора Наполеона III (по батюшке, простите, не знаем как) сняты
подати, взимаемые с объявленных капиталов, и иные гильдейские повинности и тяги.
Желая с своей стороны воспользоваться сею неизречимой и монаршей милостию ныне
благоденственно царствующего государя императора всея России Александра
Николаевича, но не имея на оную милость права, я, Жалуев, по бытности моей
русским, а я, Лондомандол, по гессенфилипстальскому происхождению:

Прибегаем к начальственному ходатайству вашего превосходительства о зачислении
нас при будущей французского государства ревизии (или сепаратно) во французы и
подданные е<го> и<мператорского> в<еличества> государя императора Наполеона Ш,
кoему и готовы привести нашу верноподданническую присягу по форме, утвержденной
священным синодом с приличным изменением высочайшего имени, с тем же
неукоснительным рвением. О милостивом нашей просьбы принятии и о зачислении нас
во французы (буде оное состоится) нижайше просим ваше превосходительство
известить как нас, так и с.-петербургскую градскую думу и магистрат (в полицию.
в<аше> п<ревосходитсльство>, не беспокойтесь давать знать, она и без того по
священной обязанности своей благоволит читать все письма, из-за пределов нашего
любезного отечества приходящие), дабы мы могли о сложении с нас тяг просить кого
следует.

К сему прошению Наполеона Третьего будущий раб и третьей гильдии купец Савелий
Федотов сын Жалуев руку приложил. В сей просьбе КаролусЛондомандол, некоциант
в Петербургу, und künftiger französischer Kaisersuntertan269[189] рука
приложилъ.

1858 РАЗГРАБЛЕНИЕ МОНАСТЫРЯ И ПОХОД ЧЕРНИГОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА ПРОТИВ МОНАХИНЬ
(Посвящается г. министру внутренних дел)

Известно ли в России, что в 1857 году черниговский губернатор насильственно
отнял пристанище у старух-раскольниц, мирно живших и по-своему молившихся богу?
В июле месяце он приезжал с угрозами, толкуя о высочайшем повелении «перековать
монахинь и отобрать у них ключи». Монахини сослались на дарованные им права и
ключей не выдали. Губернатор удалился; но накануне Введения (21 ноября) в 12
часов ночи явился с священником Сергием, с жандармами и полицейскими, разбил
двери у храма Казанской божией матери и у другой церкви – потом приказал
солдатам отобрать все имущество инокинь, иконы и ключи, а окна и печи перебить.
Бедных женщин он отправил колодницами в город, а церковь освятил с отцом Сергием
в единоверческую. После этого старух выпустили на голодную смерть.

Мы очень бы желали, чтоб эта история, полученная нами из совершенно верного
источника, была опровергнута, например, в журнале м<инистерства> в<нутренних>
д<ел>.

Неужели в царствование Александра II не прекратится это татарское своеволие,
напоминающее времена печенежских набегов и альбигойских войн?

Гонение раскольников глупо, безобразно несовременно – и только дает новый повод
к грабежу и самоуправству.

Благодаря душевно особу, доставившую нам историю о набеге попа Сергия с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
черниговским атаманом на стариц, мы просим братски всех раскольников, какого бы толку они ни были, посылать нам вести о гонениях, насылаемых на них немецкими попами и православными квартальными, дабы мы их мученичество закрепили в памяти людской.

В. А. КОКОРЕВ

Мы не думаем, чтоб В. А. Кокореву было неприятно увидеть свое имя в «Колоколе»; Колокол наш ему звонит не так, как Закревским и Паниным, – а празднично и дружески за его благородное, прекрасное предложение, сделанное на московском предпраздновании грядущего освобождения крестьян.

443

Пример, поставленный В. А. Кокоревым, его имя не будет забыто историей.

Мы тем более должны оценить речь г. Кокорева, что, будучи сам откупщиком, он публично признал вред и недобросовестность системы винных откупов.

<МОНТЕБЕЛЛО И НАПОЛЕОН Ш>

Правда ли, что посол Монтебелло целовал руку Наполеону, отъезжая в Петербург? и правда ли, что после этого Александр II принял его?

<О ДИРЕКЦИИ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ>

Правда ли, что у дирекции московских театров было потребовано в Петербург 70000 сер. остаточных сумм и велено было казначею переделать счетные книги так, чтобы остатков не значилось, и будто бы казначей вследствие этого повеления вышел в отставку?

<ПУТЕШЕСТВИЕ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА ПО РОССИИ>

Говорят, что в нынешнем году Константин Николаевич едет по России осматривать, все ли ладно и хорошо. Губернаторы и исправники, не имеющие еще официального распоряжения, начинают уже притеснять народ, хлопочут, чтоб скрыть от него Россию, и в некоторых местах хотят делать новые дороги. Неужели и он позволит себе отвести глаза такими жалкими и грубыми фокусниками?

<СЕЧЕНЬЕ НАРОДА ЗА ТОЛКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ>

Правда ли, что в Москве и по губерниям секут беспрерывно крестьян и особенно дворовых за то, что они говорят об освобождении??? – Тут уж и ума не приложишь, так это отвратительно!

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРАМ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Профессор Григорий Семенов Рындовский, в качестве старшины дворянского клуба, узнав, что служители сделали между собой складчину и собрались дружески отпраздновать

444

начало освобождения крестьян, ворвался в залу с другими старшинами и разогнал мирно пировавших служителей.

Григории Семенов при этом дрался – единственным кулаком, который у него остался. Мы предлагаем профессорам Харьковского университета выгнать дз своей среды этого негодяя.

Лужин может его определить в городовую полицию, Долгорукий – в корпус жандармов, но в университете его держать нельзя.

Жаль, что служители дворянского собрания не знали о том, как Базилевского секли дворовые его люди, – это лечение можно было бы с успехом приложить к профессору терапии.

<ХЕРСОНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ПОЛИЦИЯ>

Правда ли, что в Херсонской губернии земская полиция берет с крестьян взятки за то, чтобы не ставить истинного числа голов скота в сведения, которые они обязана доставлять статистическому комитету, уверяя крестьян, что сведения эти собираются для того, чтобы сделать их уланами? И богатый крестьянин платит по 2 рубля от каждой утаенной коровы и по 1 рублю от овцы, а бедный утаивает весь скот.

<ХЕРСОНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАЛАТОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ>

Правда ли, что, когда у управляющего палатой государственных имуществ той же губернии (он же и член статистического комитета) стали делать перепись скота, он до того разгневался, что сказал: «Я государя моего действительный статский советник, и у меня записывают всякую корову и лошадь?»?

<ОТСТАВКА НОВОСИЛЬЦОВА>

С удовольствием узнали мы, что автор знаменитого циркуляра, помещенного нами в 10 листе «Колокола», – П. Новосильцов, рязанский губернатор, удален от должности. C'est autant de pris sur le diable²⁷⁰[190]. Говорят, – боимся верить, – что и Панин близок к закату. В каком же сиротстве останется Закревский? – Орлов и он – это Кастор и Поллукс русской реакции.

РОЗГИ И РОЗГИ!

Газеты сообщают из России вести о местных крестьянских бунтах. Этого надо было ожидать, потому что вопрос освобождения

445

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
крестьян не был разрешен общей государственной мерой. Теперь более, чем
когда-нибудь, нужны во главе правительства люди твердых убеждений, которые шли
бы вперед, не пугаясь
ни своекорыстного ропота помещиков, ни местных волнений и не обращаясь из
эманципаторов в истязатели.

Пора преступить к общей государственной мере выкупа крестьян с землею. Или мы
пойдем навстречу страшных несчастий. Они начались – и сердце обливается кровью
при мысли, что теперь делается!

Злодейства совершатся, людей засекут, как это было в Киевской губернии год тому
назад! Злодейства эти скроются благодаря второму бичу русской жизни –
безгласности, народ будет оклеветан. Какой-нибудь Вреде вызовет его на мятеж и
какой-нибудь Эльстон-Сумароков всечет его в порядок. Ужас! Ужас!

Нельзя служить двум господам, нельзя разом освободить крестьян и сечь их!

<<КОЛОКОЛ» ПРОСИТ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ...>

«Колокол» просит московских студентов сообщить ему – что за история такая была с
профессором Майковым и как их заставляли извиняться? Нам это очень нужно для
определения характера нового университетского управления.

<ЭРТЕЛЬ>

Правда ли, что полицмейстер Эртель еще при «незабвенном» усовершенствовал мучительные
наказания солдат и ввел в пожарном депо какой-то особо выдолбленный станок, куда
ставят истязаемого и секут с прискоком, т. е. с разбегу? И правда ли, что при
нынешнем обер- полицмейстере эти гениальные усовершенствования отброшены? Не
мешало бы приложить картинку станка, мы ее пошлем в Южные Штаты, чтоб негры
утешались, видя, что есть страны, в которых белых еще хуже наказывают, нежели
их.

ПАДЕНИЕ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ И ПАУПЕРИЗМ

Подайте мальчику на хлеб, Он Велисария питает!

Замечательно, что в то же время, как во Франции Альфонс Ламартин, собственник
виноградников в Маконе, до того

разорился, что открыл во всех городах и по всем ярмаркам подписку в свою пользу,
Федор Федорович Брок, занимавшийся винными откупами в России, подал просьбу
государю, чтоб он взшел в его убожество. Государь, несмотря на то, что прежний
министр оставил их в большом расстройстве, послал ему на бедность 50000
сер<ебром>. – Ни церковное вино, ни наша грешная сивуха решительно не идут.

<ПОЛИЦМЕЙСТЕР ОГАРЕВ>

Правда ли что московский полицмейстер Огарев выпорол какого-то мещанина (так,
что тот слег в постель) за то, что этот мещанин писал к какой-то актрисе
Медведевой сентиментальные письма?

МАРК ТУЛИЙ СУХОЗАНЕТ

Сухозанет, оставляя военное министерство, произнес цицероновскую речь при
прощании с своими подчиненными – он ею изумил точно так же, как при вступлении
своим в министерство изумил приказом, которым извещал о принятии им должности.
«Государь император, – „приказывал" тогда Сухозанет, – по случаю празднования
всерадостнейшего дня для всей России, дня восшествия своего на прародительский
престол, всемилостивейше изволил назначить меня военным министром. Ура! Боже
царя храни!»

Вот как нам передали прощальную речь его к подчиненным:

«Прошу вас, господа, служить усердно и блистательно, чтоб каждый из вас был
проникнут одним только долгом службы, а не мелкими надеждами на повышение и
награды; берите в пример государя, который служит России и не ожидает получить
за это ни чинов, ни орденов!»

Произнеся последние слова, Сухозанет, не изменяя ни лица, ни голоса, обратился к
одному из чиновников своей канцелярии и спросил его: «А послали ли вы в
государственное казначейство бумагу о скорейшей присылке денег мне и моему
брату?»

Он выпросил у государя себе 100000 рублей на поездку за границу в трехмесячный
отпуск и брату своему, женатому на богатой княжне Белосельской-Белозерской и
имеющему миллион
рублей дохода, бессрочный отпуск с сохранением всех окладов, аренд и двойных
квартирных денег!..

447

ПО ДЕЛУ МОСКОВСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ОГАРЕВА

В 21 листе «Колокола» мы напечатали: «Правда ли, что московский полицмейстер
Огарев истязал мещанина?..» Нам пишут теперь в ответ на наш вопрос разные
подробности этого отвратительного поступка.

После театра полицмейстер Огарев отправился в гости к Актрисе Медведевой. Один
купецкий сын, желавший на ней жениться, увидя у подъезда сани с казаком,
побоялся взойти и прислал ей записку, которую горничная имела неосторожность

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов передать ей в присутствии Огарева. Огарев, узнав от горничной адрес купеческого сына, поехал к нему, взял с собой по дороге еще двух казаков, приехал, взшел в квартиру своего соперника я спросил его, как он смеет писать записки к Медведевой, и когда тот отвечал, что не обязан давать ему отчета, Огарев велел казакам держать несчастного и, взявши нагайку, собственноручно так его исколотил, что голова оказалась проломленною. Жаль, что нет имени купеческого сына, ему нечего краснеть от этих побоев, России надобно от них краснеть, Александру Николаевичу надобно краснеть от них. Где во всей Европе, но исключая Вены и Парижа, не исключая самого Неаполя, – возможно что-нибудь подобное?

И после этого нас упрекают за то, что мы браним Закревского – этого покровителя Беринга, Сечинского и, наконец, этого Огарева.

<О НЕКЛЮДОВЕ И ОРЛОВЕ>

Правда ли, что новгородский помощник Неклюдов, давно прилагавший все старания, чтоб разорить свое имение в Боровичах на берегу Мсты, переводит крестьян на неудобную землю в виду освобождения? Князь Орлов, правда ли это? Ведь вы председатель комитета, предлагающего свободу и 10 ударов розгами?

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЕР АННЕНКОВ>

Правда ли, что государственный контролер Анненков, получивший по ссылке в Сибирь своего двоюродного брата (по 14 декабря 1825) большую часть его имения, думает (около двух лет), как бы поделикатнее отдать это имение возвратившемуся из ссылки Анненкову? И правда ли, что в этом отношении на него сильно подействовал пример Кушелевой, более отдаленной, чем он, родственницы ех-ссылного, которая возвратила полученное от него имение? Говорят, что достойный ревнитель гражданского устройства находит опрометчивым

448

такой поступок своей родственницы, которая так неделикатно взяла да и отдала имение, не употребив на обсуждение этого поступка, подобно ему, несколько лет?

<ВИЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ОКОНЧИЛО СВОИ ЗАНЯТИЯ...>

Виленское дворянство окончило свои занятия по комитету об освобождении крестьян. Оно не дает им ни усадьб, ни даже хаты («A1leshete Zeitung»). Если речи

Александра II не пустые слова, пусть он покажет пример над виленским дворянством, пусть он объявит их имения со всею землею и крестьянами вольными. Грозный пример необходим! По миру пустить плантаторов, осмелившихся перечить великому делу! Горе, если это посягательство сойдет с рук.

<ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ СКОЛКОВ>

Правда ли, что во время путешествия государя в Архангельск просьбы, поданные в Лодейном Поле, были забыты флигель-адъютантом Сколковым и, когда ему напомнили об них через две недели, он велел их бросить? Что за барство такое отдавать подаваемые просьбы опричникам, – в этих просьбах стон поколений, слезы целой жизни, и чтоб какой-нибудь шутник смел их, не читая, бросить в помойную яму?..

<ОРЕНБУРГСКАЯ ИСТОРИЯ (ПОЛКОВНИК КУЗМИН, МАЙОР ДЕРЬШЕВ И ГРИГОРЬЕВА

«Аугсбургская газета» рассказывает о страхе, наведенном на крестьян в Оренбургской губернии распространившимся слухом о киргизском восстании и набеге. И через несколько дней та же газета говорит об амнистии Исету Кутибарову;. Жаль, что она не сообщила страшной истории – почему Исет Кутибаров откочевал к хивинской границе. Со времен ветхозаветных войн или монгольских набегов ничего не было гнуснее в свирепости, как набег полковника Кузмина и майора Дерьшева, которым заправлял (еще при Перовском), сидя в своей канцелярии, бывший помощник Липранди – Григорьев. Этот кровавый эпизод еще ждет описания.

<ГРАФ МУСИН-ПУШКИН>

В 25 листе «Колокола» читатели приглашались сообщить имя помещика Полтавской губернии, заставляющего крестьян переселиться на неудобную землю.

449

Помещик этот – граф Мусин-Пушкин, генерал, живущий в Петербурге. Крестьяне сидят на усадьбах более ста лет, развели на них сады и ныне принуждаются помещиком к переселению на новые места, хотя и не неудобные, но совершенно пустынные, с целью завладеть богатыми и крайне доходными садами.

<УДОБОРУКОВОДИМЫЙ ПАНИН, ТОПИЛЬСКИЙ И ЗАМЯТИН

Письма из России говорят о том, что, наконец, Панину дозволяется отдохнуть от своего длинного министерства и что должность его, временно по крайней мере, будет поправлять Замятин. Замятин в нынешнем году назначен товарищем министра юстиции по представлению Панина. На предварительном совещании между Паниным и Топильским первый спросил: «Удачен ли выбор?», а последний отвечал: «Ваше сиятельство, г. Замятин, сколько мне известно, человек вполне удоборуководимый».

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Нас извещают, что один помещик Херсонской губернии запрещает в своем имение

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
браки, чтобы не прибавлять тягол и, следовательно, не быть в необходимости уделять
землю на новые тяглы при освобождении крестьян. Вероятно, этот пример найдет
последователей, и потому спешим обратить внимание правительства на это грязное
варварство, которое легко можно предупредить наложением значительного штрафа с
помещика за непозволение свадеб в своих имениях, тем более что даже и скарденый
московский комитет об улучшении быта крестьян решил: «Невмешательство помещика в
бракосочетания крепостных людей» 271[191].

<АНЕКДОТ ИЗ ИНКЕРМАНСКОЙ БИТВЫ>

Правда ли, что в инкерманском сражении два английские орудия, взятые нашими
войсками, встретили одного из наших генералов, большого охотника до лошадей,
который, прельстившись красотой английских лошадей, велел их выпрячь, обещая
прислать за орудиями людей? Сражение приняло дурной оборот, и орудия были взяты
обратно англичанами, но лошади спокойно достигли конюшни его превосходительства?
450

<ВИЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕДОВОЛЬНО НАШИМ ОТЗЫВОМ...>

Виленское дворянство недоволено нашим отзывом, сделанным вследствие двух статей
в «Allgemeine Zeitung». Если факт, что виленское дворянство отказывается не
только дать землю, но и самую усадьбу крестьянам, несправедлив, то наш отзыв до
них и не относится. Сколько же земли дают в Виленской губернии и на каком
основании переходят усадьбы, дом и проч.? Как только нам доставят эти сведения,
мы их поместим.

ГРАФ ТАТИЩЕВ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ ПАНТЕЛЕЕВ

Управитель Татищева в его имении, Лужского уезда, приказал молодому крестьянину
идти в воду под запруду водяной мельницы для исправления повреждений – работа
тяжелая, с которой одному справиться нельзя; крестьянин, опрокинутый быстриную,
свалился с ног и потонул. Все это произошло на глазах его родных; они бросились
на управляющего и поколотили его. Отсюда следствие, причем предводитель
Пантелеев драл бунтовщиков, заключил некоторых в острог; говорят даже, что
Татищев брата потопленного управляющим отдал в солдаты. Немец-управляющий
остался в селе Ретенях.

Правда ли это, г. губернский предводитель, г. военный генерал-губернатор, – ведь
– это в двух шагах от столицы? Ну как это дойдет до нежного сердца эманципатора
Буткова и других вольнодумов комитета ... А немец все сечет!..

451

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

453

SUR LE ROMAN RURAL EN RUSSIE

(LETTRE A M^Sle MEYSENBURG,
OU AU TRADUCTEUR DES PECHEURS)

J'apprends que vous avez terminé la traduction d'un roman russe de Grigorowitch
Les Pêcheurs. Vous avez eu un travail bien rude. Le grand talent de Grigorowitch
consiste dans une reproduction fidèle et poétique non seulement de la vie des
paysans – mais aussi de leur langue... La langue parlée d'un peuple est très peu
internationale.

Pourtant vous avez bien fait en choisissant un roman rural – il a acquis le
dernier temps une certaine signification dans la littérature russe. Et ce qui
est très remarquable c'est que ce roman – non dans le sens pastoral et
idyllique, mais bien réaliste, avec un caractère patriarcal et tout plein de
sympathie pour le paysan – succède brusquement au roman ironique, de négation,
de protestation et peut-être de haine. Il me semble qu'il y a là un symptôme qui
marque un grand changement dans les esprits.

Vous le savez qu'en général le roman, la comédie et même la fable russe – depuis
le commencement de la littérature européisée chez nous – c'est à dire depuis la
moitié du XVIIIe siècle – portait un caractère prononcé d'amertume ironique, de
critique railleuse – qui ne se limitait que par la censure. Rien de débonnaire,
de «gemütlich», nous n'avons jamais eu de période sentimentale – sauf le temps
de la jeunesse de Karamzine, où l'on traduisait et copiait des romans à la
Lafontaine. Aussi rien n'a été créé, rien n'a survécu d'un genre antinational et
forcé – tandis que les comédies de Fonvisine écrites bien antérieurement restent
dans la mémoire comme des vérités, des témoignages de leur époque.

La littérature russe, c'est à dire la littérature moderne et laïque s'est
développée dans la minorité nobiliaire – détachée du peuple par la révolution de
Pierre I. L'existence de cette classe du peuple était singulière – existence
étrangère au milieu

d'une nation de même race. Au lieu de la patrie on avait l'Etat on travaillait à
sa force, à sa gloire en écrasant la base naturelle sur laquelle l'édifice se
reposait. Certainement, il y avait des nécessités historiques, qui créèrent cet
état de choses – c'était même un progrès relatif – il ne s'agit pas de cela

maintenant. Je voudrais tourner votre attention sur la confusion qui devait s'en suivre dans tous les rapports sociaux; des collisions tristes et comiques devaient se produire à chaque instant: patriarcalisme et bureaucratie, byzantisme et germanisme, barbarie mongole, brutalité de caserne, et la philosophie du XVIIIe siècle! Enfin un empire gigantesque – où il n'y avait personne à l'exception de l'empereur, le reste des masses unipersonnelles, des conglomérations d'individus, des policiers sous le nom de régiment commun, noblesse etc.

Entre la classe civilisée et le peuple – rupture complète – autre costume, autre langue, autres idées. – C'était deux Russies se tenant en face pendant plus d'un siècle sans le comprendre. L'une urbaine, courtisane, militaire, gravitant vers le centre, entourant le trône, méprisant et exploitant l'autre. L'autre – agricole, éparpillée, vilaine, moujique, mise hors la loi. Entre ces deux Russies il se forma bientôt un lien – ou plutôt un entremetteur – l'employé de l'Etat, moins carnassier et plus voleur que le seigneur, – c'est le type le plus hideux qu'on puisse s'imaginer. Cette noblesse d'encre montait toujours des basfonds de la société et se confondait avec la noblesse de sang mais ne descendait jamais au peuple.

La minorité civilisée entraînée par le courant imprimé aux esprits par Pierre I – suivit pendant une cinquantaine d'années le char impérial – servant de fanfare et de panégyriste. Cela ne pouvait durer à la longue. Les premiers esprits sérieux et indépendants comprirent les anomalies de cet état de choses provisoire et voyant les dissonances criantes, l'arbitraire, l'absurde à droite et à gauche – sans autre arme que la satire, ils commencèrent une opposition d'ironie, une véritable flagellation de la société – pleine d'amertume, d'acharnement sans tergiversation sentimentale, sans solution à l'eau de rose (ohne Vermittlung).

Une des qualités du génie russe – qui le distingue même des autres slaves – c'est de pouvoir de temps en temps se replier sur soi-même, nier son passé, l'envisager avec une ironie profonde, sincère, inexorable et d'avoir le courage d'avouer sans le cynisme d'un malfaiteur endurci ni l'hypocrisie qui s'inculpe pour être disculpé des autres.

Pour rendre plus clair ce que je veux dire, j'ajouterai que nous retrouvons ce même talent de sincérité et de négation – chez quelques grands auteurs anglais à commencer par Shakespeare

455

et Byron et allant jusqu'à Dickens et Thackeray. Le Français, plus content de soi et toujours en admiration de sa grande patrie – connaît peu cette corde. Si nous exceptons quelques fragments de

Diderot, quelques vers de Barbier – nous n'avons après Montaigne presque rien dans la littérature française qui pourrait servir de preuve du contraire. Et le seul homme de génie et d'initiative parmi les écrivains français, Proudhon a beaucoup perdu de sa popularité – à cause de sa langue pleine d'audace ironique et de scepticisme profond. Les Allemands, au contraire, ont la négation trop facile, cela ne leur coûte rien – car elle aussi elle se fait dans les sphères abstraites, sub specie aeternitatis.

Pourtant la rupture n'était pas si complète, si venimeuse de prime abord entre la littérature russe et la vie qui l'entourait. Jusqu'au règne de Nicolas il y avait encore dans l'opposition littéraire quelque chose de condescendant, de conciliant, le rire n'était pas complètement amer. Nous retrouvons cela et dans les fables admirables de Kryloff (dont la portée d'opposition n'a jamais été bien appréciée) et dans la comédie célèbre de Griboïedoff – Le malheur d'avoir de l'esprit. Mais lorsque – après la tentative révolutionnaire de 1825 le régime brumeux et oppressif de Nicolas – s'appesantit sur tout mouvement intellectuel – un désespoir taciturne, concentré se mêla au rire, et une douleur bien autre se fit sentir à travers les découpures de la censure. Comparez par exemple les sons de tristesse de la poésie de Pouchkine – avec ceux qui percent dans les vers de Lermontoff – il y a une indignation pleine de vigueur dans le premier et un scepticisme sans espoir d'une âme brisée dans l'autre.

La littérature de cette époque commença par un prologue qui comme l'inscription de la «Città dolente» ôtait même l'avenir et tuait l'espérance. Je parle de la célèbre lettre de Tchaadaïeff²⁷²[192], méconnu maintenant, mais qui ébranla toute la Russie en 1835. On s'orientait, on tâtait ça et là, on essaya le roman historique et le roman de mœurs et on fit du Walter Scott et de l'ermite de la Chaussée d'Antin – tout cela ne prenait pas ou avait un succès éphémère.

Pourtant peu-à-peu dans ce vague d'imitation, d'essais, de tiraillement deux directions commencèrent à se dessiner.

D'un côté c'était le cri de douleur, de protestation d'un homme jeune, qui sent

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
des forces dans ses muscles, qui a soif d'une activité – et qui se voit dans un
gouffre sans issue, avec

456

des désirs ardents et une impuissance complète de se mouvoir. Et voilà pourquoi le même type se reproduit dans les poèmes, les nouvelles, les romans. Le type d'un jeune homme brisé – avec de nobles aspirations – allant s'exiler quelque part, se perdre, périr comme une inutilité, comme un être superflu, surnuméraire. Onéguine, Vladimir Lénski – de Pouchkine, Pétchorine de Lermontoff – et les héros des premières nouvelles de I. Tourguéneff – c'est toujours la même personne. Il y a un grand manque d'entendement et de cœur – de ne trouver en cela que l'influence de Byron, qu'une rêverie idéaliste, non, c'est le reflet du règne atroce de Nicolas, c'est son influence. L'âme jeune d'une génération persécutée, humiliée, garrottée – fuyait avec mépris la réalité et montrait au loin son idéal. C'était la conscience de ce qu'il y avait dans notre cœur d'aspiration à une autre existence que celle d'un copiste muet, d'un militaire sans parole, d'un employé qui vole ou d'un seigneur qui pille.

Cet être idéal, cet homme «étranger parmi les siens», inutile – était toujours tourné vers l'Occident – et c'était tout naturel. La patrie de la civilisation, de la pensée – était hors la Russie. Nicolas avouait franchement qu'il ne savait quoi faire de la civilisation – tout ce qui était humain lui était étranger. L'Europe lointaine révolutionnaire – avec le vernis de 1830 – nous paraissait de là comme la terre promise.

D'un autre côté laissons là les idéalistes et les rêveurs humanitaires. Le roman et la nouvelle s'abattent avec acharnement sur un produit bien plus terrestre et tout à fait national – sur le vampire de la société russe, sur l'employé de l'Etat. Son maître le livra lâchement à la littérature pourvu que les auteurs ne s'attaquassent qu'aux subalternes. Cette nouvelle direction fit de suite un succès prodigieux. Un des premiers chasseurs intrépides, qui ne craignant ni la vermine ni l'air contagieux est allé poursuivre son gibier à plumes taillées – dans les chancelleries et les cabarets, entre les paperasses et parmi les sergents de ville – était le Cosaque Louganski (pseudonyme de M. Dahl). Petit Russe d'origine, il avait peu d'amour pour le fonctionnaire Moskal; doué d'un grand talent d'observation, il connaissait parfaitement le peuple. Aussi il en a eu l'occasion. Il traversa la Russie comme docteur en médecine, servit ensuite à Orenbourg près de l'Oural, fut longtemps attaché au ministère de l'Intérieur – voyant tout, regardant tout et racontant une partie – avec une verve de malice et d'originalité – d'un haut comique quelquefois. Bientôt après parut N. Gogol – qui a imprimé sa direction et même sa manière à une génération entière. C'est difficile pour un étranger de comprendre quel effet prodigieux produisit chez nous la représentation

457

Du Reviseur au théâtre – cette pièce qui a fait un fiasco complet à Paris. Par le rire et les bravos le public chez nous protestait contre l'administration stupide et tracassière, contre une police voleuse et le «malgoven» général. Son grand poème en prose Les âmes mortes, ce roman macabre, fit en Russie une sensation dans le genre de celle qui a été provoquée en France par le Mariage de Figaro. En contemplant cette ménagerie de seigneurs et d'employés – repus, avinés, ignares, marchant dans les ténèbres les plus profonds et occupés de l'achat et de la vente des «âmes des paysans morts» – il y a de quoi devenir fou.

Et pourtant chez Gogol lui-même on sent quelquefois vibrer une autre corde, ce sont comme deux courants dans son âme. Dès qu'il monte dans les appartements du chef de département, du préfet, des seigneurs campagnards, des que son héros a au moins la croix de Ste Anne et le rang d'assesseur de collège – il est atrabilaire, inexorable, d'une verve sarcastique qui fait rire jusqu'aux spasmes et provoque à un mépris allant jusqu'à la haine.

Au contraire, dès qu'il s'encanille avec des rouliers de la Petite Russie, avec les descendants des cosaques de l'Ukraine, avec les paysans dansant avec bruit autour d'un cabaret ou même dès qu'il nous peint un pauvre vieux scribe, mourant de chagrin qu'on lui a volé son manteau – c'est un tout autre homme, avec le même talent, il est tendre, aimant, humain – son ironie ne blesse plus, n'envenime pas, c'est un débordement, un luxe d'une âme impressionnable et poétique – et il reste fidèle à ce rôle, pourvu qu'il ne rencontre pas sur son chemin un commissaire de police, un juge de première instance, sa femme ou sa fille... – car alors c'est fini, il leur ôte leur masque humain et les met à la torture de l'exposition publique – avec un rire fou et amer.

Pendant que toute la minorité civilisée rougissait en se reconnaissant sous les traits de Khlestakoff et de Nodreff et abhorrait de plus en plus le milieu dans

lequel elle a été jetée – on entendait une autre voix de loin, d'en bas comme une voix de consolation, des sons simples, quelquefois plaintifs, mais sans la moindre ironie, des sons d'une fraîcheur naïve et primordiale. C'était comme l'herbe verte poussant au-dessous de la neige lors du débâcle printannier. Ces sons n'étaient pas falsifiés, ce n'était pas un costume de bal masqué d'une muse aristocratique qui se met par coquetterie en paysanne. C'était tout de bon des chants d'un jeune et simple bouvier de Voronège qui traversant à cheval les déserts avec ses troupeaux, chantait d'ennui et de tristesse, chantait la vie des paysans et ses propres chagrins – il était maltraité par

458
un père dur, par une famille grossière, et il aimait tendrement une pauvre ouvrière, qui faisait le ménage dans leur maison et qu'on avait renvoyée pour cela.

C'était un autre monde qui se révélait dans les chansons de Koltzoff – monde triste, malheureux, mais très loin d'être ridicule – au contraire, touchant, doux dans sa simplicité naïve, naturelle, dans ses misères résignées – c'était la Russie oubliée, l'autre Russie – vilaine, moujique, qui se faisait entendre enfin, la Russie qui arrêtaient par moment l'ironie de Gogol et le faisait joyeux convive de bourreau.

Le temps était donc arrivé où Gendrillon allait passer aux salons. Le courant de dessous commença à l'emporter. La Russie civilisée comme le Dieu de Baranger – regarda enfin avec curiosité ce bas monde, qui pullule et travaille aux champs. – Tiens, mais ils sont plus hommes que nous ne l'avons pensé! – Ah que c'est drôle! – C'était en effet une grande découverte!

Et chose très remarquable – c'est que le seul parti qui s'appelle national par excellence, le parti moscovite dont on a fait un croque-mitaine pendant la guerre – soit le seul qui n'ait rien contribué à cette découverte. Il est vrai que les panslavistes comptent Gogol parmi les leurs, – c'est la canonisation d'Aristote. Gogol n'appartenait jamais à aucun parti. Le mot de l'énigme consiste simplement en cela – qu'ils ne connaissent pas le peuple vivant, ils ont construit (terme de la philosophie allemande) – un pauple russe d'après des études faites sur les chroniques de Nestor, sur les traditions des autres races slaves – sans se donner la peine de connaître celui qui vivait dans leurs pieds. Koltzoff lui-même, le poète-bouvier, n'a jamais été parmi les

retroévolutionnaires moscovites. Lorsque le temps est mûr pour éclore une idée – on est entraîné par elle sans qu'on y pense. Un des Coryphées distingués de la tendance byronnique après avoir fouillé dans les entrailles d'une société mesquine et vulgaire dans laquelle étouffait dans le néant des petites misères tout ce qui osait prétendre à une autre existence – une fois il entreprit de faire à sa manière le portrait de deux pauvres paysans, il leur donna, évidemment pour la charge, à l'un le caractère de Gœthe, à l'autre le caractère de Schiller. Mais à mesure que Tourguéneff perd de vue la maison seigneuriale et la mansarde de l'intendant – il s'entraîne par son sujet, la plaisanterie s'efface de plus en plus – et l'auteur nous trace deux types sérieux, poétiques de paysans russes. Le public qui ne s'attendait pas à cela, applaudit. L'auteur paraît avec son second récit d'un chasseur – il était admirable – et ainsi de suite.

Tourguéneff a aussi sa bête noire – il ne rogne pas les os laissés par Gogol – il a une autre proie – c'est le seigneur du

459
village, madame son épouse, son cabinet, son intendant, le starost du village. Jamais l'intérieur de la maison seigneuriale en Russie n'a été tant livré à la risée, au dégoût, à la haine. Avec cela il faut remarquer que Tourguéneff n'emploie jamais de fortes couleurs, d'expressions énergiques... au contraire, il raconte avec une grande placidité, employant toujours la langue la mieux élevée – ce qui ajoute immensément à l'effet de ce plaidoyer poétique contre le servage.

Tourguéneff ne s'est pas arrêté au martyrologe du paysan, il n'a pas craint d'aller trouver le serf domestique dans sa chambre étouffante, où il n'a qu'un seul consolateur – l'eau de vie. Il nous a retracé l'existence de ces «Uncles Tom» russes – avec cette mesure de l'artiste – qui défiait même la double censure nicolaïste et en même <temps?> faisait frémir aux récits de cette souffrance mesquine, inhumaine, sous laquelle une génération succombe après l'autre – sans espérance et non seulement avec l'âme outragée, mais avec le corps couvert de meurtrissures.

Le nom de I. Tourguéneff, comme celui de Grigorowitch – ne sera pas oublié par le paysan russe, ni par l'affranchi. Maintenant, la veille de l'émancipation, sous un règne plus doux beaucoup prêchent contre le servage. Ils ont fait en

poètes et artistes au milieu de la terreur brute de Nicolas. Je connaissais fort peu de choses écrites par Grigorowitch en partant de la Russie – il était alors un des jeunes littérateurs qui commençaient à écrire. C'est à Naples que j'ai lu en 1848 son Antoine souffre-douleur, la simple histoire d'un paysan persécuté par l'intendant pour avoir écrit sous la dictée d'autres paysans une supplique contre lui – qu'ils ont adressée à leur maître. Ce «memento patriam» était bien dur au milieu du temps révolutionnaire, bercé par l'air suave et caressant de la Méditerranée. J'eus honte, comme un remords de me trouver là où j'étais. Le paysan serf, ridé avant l'âge, pauvre, bon, doux, innocent et allant la chaîne aux pieds – en Sibérie... me poursuivait au milieu de cette nature splendide.

Le roman que vous venez de traduire forme une nouvelle phase de la poésie rurale. Le courant de dessous a vaincu, – le seigneur du village, l'intendant, le juge voleur, le commissaire assassin – tout cela a disparu – le type vigoureux tout de nerfs et de muscles, le type de Gleb Savinoff – paysan pêcheur domine tout. C'est déjà la vie du paysan – non dans la lutte inégale contre les droits iniques du seigneur, contre les extorsions chicaneuses de

l'administration – c'est la vie du paysan für sich. L'ennemi qui paraît dans les Pêcheurs est déjà de la maison, c'est le commencement d'une toute autre lutte – la lutte du patriarcalisme agricole, frugal, simple, sobre, – avec l'élément bourgeois – prolétaire, travaillant dans les villes, dans les fabriques,

460

corrompu, vagabond... mais la lutte est déjà plus humaine, ce n'est pas la force majeure brutale, ce sont les mêmes armes, ce sont des égaux – et une intervention inutile et bienfaisante de la police est la faute la plus grande de tout le roman de Grigorowitch – parce que c'est une inconséquence et contraire à la réalité.

461

ПРИЛОЖЕНИЕ

463

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ «КОЛОКОЛА» 1858

ПРИЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА К ЖУРНАЛИСТИКЕ

К кому и к чему не прикреплялись у нас люди? И к помещикам, и к государству, и к дворцам, и к кавалерийским полкам, и к фабрикам, и к монастырям, и к временным комиссиям, – например, особенно замечательно – к комиссии для построения храма Спасителя в Москве!!! – и к рудникам, и к конским заводам, и, словом, ко всевозможным физическим и моральным лицам, ко всему видимому и невидимому. До сих пор еще ни слова не было сказано о будущей участи всех других крестьян, кроме помещичьих, а пора бы: их тоже много, очень много. По всей вероятности, храм Спасителя, корабельные леса и лошади были бы великодушнее тамбовских помещиков к своим крестьянам, но, к сожалению, Свод законов, дававший право владеть людьми, не мог им дать дара говорения, а приставленные к ним опекуны-чиновники или лишены этого дара законодательством, или находят молчание весьма выгодным для себя. Мы несколько раз слышали уже предвещения, что министерство государственных имуществ, коннозаводские и другие скотские ведомства думают освобождением помещичьих крестьян прибрать в свои лапы; и освобождение тогда выйдет не освобождение, а перемена одного помещика на другого.

Скажем на первый раз несколько слов о самом удивительном и постыдном виде укрепления – к политической и литературной газете! Да, и горько и смешно, между тем это факт, известный всем.

Московский университет издает политическую и литературную газету («Московские ведомости»), для этой цели при нем учреждена собственная типография... Дело очень хорошее, обеспечивающее исправный выход издания, но вот что уже вовсе не хорошо: при учреждении типографии прикреплена к ней Бутырская слобода, населенная людьми вольного происхождения; университетское правление (это было в прошлом столетии) определило все мужское население слободы

464

в типографские наборщики, разумеется, вечно и потомственно. В таком положении они существуют до сих пор.

Мы знаем, что в языческом Риме были у частных лиц рабы, назначенные специально для переписки рукописей, для чтения, для письма. Но чтобы во второй половине XIX века существовали в христианском государстве люди не только грамотные, но и хорошо развитые, которые были бы вечно и потомственно прикреплены к типографскому станку на крепостном праве – это невероятно. А между тем это так. Не угодно ли кому из москвичей отправиться в университетскую типографию (на углу большой Дмитровки и Страстного бульвара), там он увидит несколько десятков белых

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов негров, которые день и ночь набирают и печатают газету и книги. За эту каторжную работу им платится втрое или вчетверо меньше того, что получают вольные наборщики с других типографиях, и притом они подчинены деспотизму, часто худшему, нежели помещичий.

В последние годы (с 1850) типографией управлял Александр Назимов, определенный братом своим, бывшим попечителем университета. О его прежней жизни достаточно сказать, что он, будучи окружным начальником в Псковской губернии, попал, несмотря на сильную протекцию, под уголовное следствие (кажется, за убийство розгами крестьянина). Вступивши в управление типографией, он принял ее за свою деревню и стал беспрерывно отправлять наборщиков в полицию для сечения, основываясь на мудром постановлении нашего законодательства, по которому полиция должна сечь без отговоров крепостных людей, присылаемых помещиками в ее святилище. Дело дошло до того, что даже московский обер-полицимейстер долгом счел сообщить попечителю, что его очень удивляет ревность начальника типографии, тем более что наборщики известны за людей хорошего поведения и что прежние начальники никогда не присылали их в полицию. Я был очевидцем следующей сцены. В правление университета приходит молодая и очень приличная женщина, кидается в ноги ректору и просит спасти ее мужа, которого начальник типографии отправил сечь в полицию ни за что ни про что!

Университет, типографский станок, политическая газета и рабы-наборщики! Это так дико, так скверно, так позорно, что просто руки опускаются. Неужели университетское правление и новый министр просвещения потерпят долее это пятно? Ведь правление университета состоит из ректора, бывшего профессора и четырех деканов, следственно, позор должен падать прямо на ученое сословие. На заголовке «Колокола» означено, что он печатается в вольной русской типографии. Редакторы, конечно, не предполагали

465

что в Москве это слово может иметь такой простой смысл – некрепостной! Пускай же вольная русская лондонская типография примет под свою защиту рабскую русскую московскую типографию.

А что же намерено сделать министерство с 6000 крестьян, приписанных к Ярославскому лицу и недавно отданных в заведование палаты государственных имуществ, т. е. на грабеж чиновникам? Неужели оно не поспешит снять с высшего учебного заведения титул рабовладельца?

GERMANСКИЕ РЫЦАРИ XIX СТОЛЕТИЯ В ЭСТЛЯНДИИ

Мы получили на днях письмо, в котором рассказано следующее:

В 30 верстах от Ревеля находится именье Аннио, называемое тоже Ганниогги и принадлежащее потомку известных на острове Даго баронов Унгерн-Стернберг. Июля 20 нынешнего года Унгерн потребовал поголовный сход крестьян для уборки господского хлеба. Крестьяне просили помещика выслать только часть работников на барщину, а другой дозволить убрать свою рожь, которая совсем была зрела. Помещик не согласился. Крестьяне явились на работу все, но с тем вместе предупредили его в намерении жаловаться в городе и просить защиты. Унгерн, не противясь исполнению этого намерения, отправился сам в Ревель, чтобы происками своими парализовать жалобу крестьян.

Крестьяне, пришедшие в Ревель в количестве 61 человека, отправились к жандармскому генералу Грессеру, к нему они обратились собственно за советом как к человеку, пользующемуся в том краю хорошей репутацией. Грессер заметил им, что они дурно сделали, явившись в город в таком числе, посоветовал им избрать трех поверенных и поручить им просьбу к губернскому начальству. Крестьяне так и сделали, и трое из них явились, за отсутствием эстляндского губернатора Грюневалдта, к исполнявшему его должность, дряхлому старику барону Розену. Советник правления Швевс, назначенный 6 июля вице-президентом лифляндского надворного суда (hofgericnt), был уже предупрежден Унгерном, что крестьяне его, отказываясь от работы, пошли в город с пустою жалобой. Швевс, назначенный в Лифляндию, разумеется, не имел права являться судьей в деле такой важности, но, несмотря на то, он в присутствии вице-губернатора стал распоряжаться всем делом. Выслушав поверенных, он спросил: «Не пришло ли еще крестьян с ними в город», и, узнав, что пришло, велел им всех привести в правление – под предлогом выслушания решения начальства. Крестьяне, ничего не подозревая, пришли по зову поверенных, но их остановили на Выгородской площади, допрашивая не о жалобе, а о том – по собственному ли желанию они пришли или кто их подбил. Крестьяне отвечали, что они пришли по собственному желанию. Цель Швевса состояла в том, чтобы вменить крестьянам

466

в преступление их появление массой в город. Так как главного секретаря Ноттбека не было налицо, Швевс своей рукой написал протокол, который окончился приговором: «Прогнать сквозь строй всех до одного крестьян, пришедших в город».

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Советники Винтер и Гилденстуббе возражали на эту противозаконную сентенцию, и, когда Швебс упорно настаивал на своем, они встали и вышли из присутствия. Собственноручный свой протокол Швебс представил на подписание барона Розена. Старик, привыкший подписывать все, что ему подавал Швебс, утвердил приговор, в силу которого шестьдесят один невинных человек должны были получить по сту ударов.

Между тем комендант, генерал-майор Залца (которого настоятельно просили Унгерн и другие помещики примерно наказать бунтовщиков), частным письмом уведомил вице-губернатора, что нужное войско для наказания – готово. Генерал Грессер, узнав о чудовищной сентенции, произнесенной незаконно, без прокурорского просмотра, протестовал против исполнения приговора, грозя в противном случае довести до сведения государя; комендант отвечал ему: «Доводите, я все беру на мою ответственность».

Крестьян окружили солдатами, с музыкой провели по городу, и на рынке за Нарвскими воротами началась безобразная казнь.

Плац-адъютанту Бринкманну поручил Залца присутствовать при наказании, но Бринкманн просил Залца его уволить, говоря, что он не может по совести считать всех этих несчастных людей виноватыми. Барон Залца послал благородного офицера под арест и отправился сам предводительствовать наказанием. Оно началось, при огромном стечении народа, в пять часов пополудни. Не станем передавать гнусные подробности, звериную жестокость главных палачей – мы, русские, знаем эти сцены, – довольно сказать, что чиновник особых поручений при гражданском губернаторе Стакелберг спрашивал мучимых крестьян: «Будешь теперь работать на барина?» И если тот не отвечал просто «да», Стакелберг обращался к солдатам с приказанием «бить его еще».

Семь человек не были сечены за болезнью.

Что нам тут прибавлять, тут все гнусно, все преступно все отвратительно. Но что же сделал Грессер с своей угрозой. Неужели правительству надобно ждать «Колокола», чтоб узнать об этом и велеть произвести следствие?

467

ВАРИАНТЫ

468

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В разделах «Варианты» и «Комментарии» приняты следующие условные сокращения:
1. Архивохранилища ЦГАЛИ – Центральный Государственный архив литературы и искусства. Москва.

ЦГВИА – Центральный Государственный военно-исторический архив. Москва.

ЦГИАМ – Центральный Государственный исторический архив. Москва.

469

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1857–1858 ГОДОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ <К «КОЛОКОЛУ»>

ВАРИАНТЫ СБОРНИКА «ДЕСЯТИЛЕТИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ»

Стр. 9

1–10 Текст: Я знаю ~ в действие – отсутствует 1349 Текст: Но для кого ~ дни – отсутствует Стр. 11

8'30 Текст: Четырнадцатое декабря ~ пользу» – отсутствует Стр. 12

Подстрочное примечание отсутствует

АВГУСТЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

ВАРИАНТ К2

Стр. 14

15 Вместо: от близкой // из близкой

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

21 Вместо: привыкли видеть с 1789 // привыкли с 1789 года Стр. 23

25 Вместо: страшных // тех страшных Стр. 24

35 После: которые // может

ВАРИАНТ К

Стр. 25

2 Вместо: оставило // оставляло

ВАРИАНТ К и К2

Стр. 25

38 Вместо: книги Токвиля // новой книги Токвиля

471

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II

(по поводу книги барона Корфа)

ВАРИАНТ К и К2

Стр. 39–40

35–1 Вместо: дворовых секут в полиции, крестьян сечет управляющий // дворовых

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
 секут дома, секут в полиции, крестьян сечет барин, сечет управляющий
 9 Вместо: но бойкое // но ловкое Стр. 42
 10 Вместо: не крадут // не обкрадывают
 ОПЫТ БЕСЕД С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ
 ВАРИАНТ 1 ИЗД. ПЗ
 Стр. 61
 8 Вместо: смутно в ошибочно // смутной и ошибочной
 ЧТО ЗНАЧИТ СУД БЕЗ ГЛАСНОСТИ
 ВАРИАНТ К2
 Стр. 182
 2 Вместо: выборы // выбор
 ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА
 ВАРИАНТ К2
 Стр. 195
 21 Вместо: напомнила // напоминала
 <ОТПРАВКА ШТИГЛИЦОМ ЗОЛОТА ЗА ГРАНИЦУ>
 ВАРИАНТ АВТОГРАФА (ЦГАЛИ)
 ПИСЬМО К ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
 ВАРИАНТЫ К и К2
 Стр. 354
 29 После: худшего воспитания // в свете, от воспитания Стр. 355
 Подстрочная сноска. Вместо: 1858 // 1855 Стр. 360
 6 После: 1858 // Лондон, Вольная русская типография
 472
 АМЕРИКА И СИБИРЬ
 ВАРИАНТЫ К и К2
 Стр. 397
 Эпиграф отсутствует Стр. 400
 Подстрочн. сноска. Вместо: Керн // Carey, Philadelphia, 1858 Стр. 402
 26'27 Вместо: война, кровь... налоги, голод...//война, война и кровь... налоги и голод...
 <СЕНАТОР АВЕРКИЕВ>
 3-4 Вместо: старичком // стариком
 ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ SUR LE ROMAN RURAL EN RUSSIE
 ВАРИАНТЫ РУКОПИСИ (ЦГАЛИ)
 Стр. 453
 30-31 Вместо: cette classe du peuple <этой прослойки в народе> – было: ce petit Etat dans un grand Etat <этого малого государства! в большом государстве>
 Стр. 454
 10-12 Вместо: et la philosophie ~ l'empereur <и философия ~ государя> – было: empire gigantesque, fort – l'homme, le sujet écrasé, serf, esclave <гигантская, сильная империя – человек, подданный раздавлен, крепостной, раб>
 20-21 Перед: Entre ces deux Russies <Между этими двумя Россиями> – было: Les commencements de la littérature <Начала литературы>
 24 Вместо: noblesse d'encre (чернильное дворянство) – было: bourgeoisie <буржуазия>
 27 Вместо: La minorité civilisée (Образованное меньшинство) – было: La pensée <Мысль>
 35 После: d'amertume (горечи) – был: d'un rire triste <грустного смеха>
 38 перед: Une des qualités <Одним из свойств> – было: Il faut le dire – c'est <Надобно сказать – это>
 41-42 После: d'avouer sans (сознаться в этом без) – было: rodomontades <бахвальства>
 Стр. 455
 6-8 Вместо: du contraire~scepticisme profond <противного ~ глубочайшего скептицизма> – было: du contraire. Et le seul homme de génie et d'initiative parmi les écrivains français, Proudhon, n'a pas la popularité qu'il mérite, il le doit à la virilité de sa langue ironique – elle blesse ses compatriotes, habitués aux grands mots et somptueuses <противного. И единственный гениальный и инициативный человек среди французских писателей, Прудон, не имеет той популярности, которую он заслуживает, и он обязан этим мужественности своего иронического языка – язык этот оскорбляет его соотечественников, привыкших к громким словам и пышным)>
 14 После: littérature russe (русской литературой) – было: n'acquiesce pas à la fois toute la portée d'opposition et de rupture – avec la vie pratique <не сразу достиг значения оппозиции и разрыва – с практической жизнью>
 474
 16 Вместо: conciliant <примирительное> – было: joyeux <жизнерадостное>

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857-1858 годов. Александр Иванов
 28 Вместо: scepticisme <скептицизм> – было: scepticisme amer <горький скептицизм>
 13 После: «Città dolente» – было: disait hautement: «Là point d'espérance» <громко говорил: «Там никакой надежды»>
 Стр. 456
 25 После: laissons là <оставим> – было: les personnes historiques et les vices de l'humanité entière <исторические личности и пороки всего человечества>
 37 После: d'observation <наблюдения> – было: esprit moqueur et très national <умом насмешливым и чрезвычайно народным>
 38-39 Вместо: Il traversa la Russie <Он исколесил Россию> – было: Il commença sa carrière <Он начал свою деятельность>
 40 После: oural <Урал> – было: passa ensuite au civil <перешел затем на штатскую службу>
 13 После: bientôt après <Вскоре> – было: nous rencontrons dans la même direction un homme de génie <мы встречаем на том же пути гениального человека>
 Стр. 457
 4 После: général (всеобщего) – было: cote disent les Italiens <как говорят итальянцы>
 23 Вместо: scribe <писаря> – было: copiste <переписчика>
 29 После: un juge de première instance <мировой судья> – было: un gentilâtre corrompu et vantard <дворянчик, развратник и самохвал>
 Стр. 458
 10 После: convive de bourreau (гостем палача) – было: c'était sa voix qu'on entendait dans les poésies de Koltzoff <это его голос слышался в стихах Кольцова>
 27-28 Вместо: sans se donner ~ pieds <не давая себе ~ ног> – было: Tandis que leurs adversaires étudiaient le vrai paysan à sa charrue, dans le sillon humecté par sa sueur <в то время как их противники изучали настоящего крестьянина за плугом, у борозды, увлажненной его потом>
 29 После: retrovolutionnaires moscovites <московских ретрореволюционеров> – было: Or, dans des deux courants que nous avons signalés dans les œuvres de Gogol, le courant de dessous commençait à l'emporter <Итак, из обоих течений, обозначенных нами в сочинениях Гоголя, нижнее течение начинало его одолевать>
 30 Вместо: Un des Coryphées <Один из корифеев> – было: Un auteur <Один писатель>
 31 Вместо: après avoir fouillé <порывшись> – было: après avoir écrit une série de nouvelles dans lesquelles <написав ряд рассказов, в которых>
 45 Вместо: Tourguéneff a aussi sa bête noire <У Тургенева есть также свой предмет ненависти> – было: Les deux courants sont très prononcés chez Tourguéneff – lui <Оба течения очень заметно выражены у Тургенева – он>
 Стр. 459
 12 После: «Uncles Tot russes» <«Русских дядей Томов»> – было: d'une manière qui vous fait dresser les cheveux sur la tête et toujours <таким образом, что у вас дыбом встают волосы и всегда>
 30 Вместо: suave <ласкающим> – было: énervant <расслабляющим>
 33-34 После: me poursuivait <преследовал меня> – было: et m'empêchait à Baja et à Sorrento, lorsque j'en ai vu moi-même <и мешал мне, в Байе и Сорренто, когда я видел это сам>
 40 Вместо: la lutte (борьбе) – было: l'opposition <противодействию>
 475
 Стр. 460
 26 После: à la réalité <в действительности> – было: Vous avez donc parfaitement bien fait en choisissant ce roman pour faire connaître le paysan russe à l'Occident. Une question qui se présente de suite à l'esprit est celle-ci: est ce que donc le paysan russe affranchi du joug de la noblesse et protégé contre l'administration – doit nécessairement passer par le joug de la bourgeoisie ou le devenir lui-même. Je ne le pense pas. L'élément bourgeois a ses côtés réels et indispensables – là où il y a des villes, un commerce et une industrie – il y a une bourgeoisie. Il ne s'agit pas de cela, mais bien de la suprématie bourgeoise de la généralisation de ses principes, mœurs etc. Ce ne sont pas les villes chez nous – mais les campagnes qui sont peuplées, et ces campagnes n'ont pas de prolétariat, l'ouvrier reste paysan <Вы превосходно сделали поэтому, выбрав этот роман, чтоб ознакомить Запад с русским крестьянином. Вопрос, который тотчас же возникает в уме, следующий: действительно ли русский крестьянин, освобожденный от гнета дворянства и охраняемый от чиновничества, непременно должен пройти через гнет буржуазии или стать буржуазией сам. Я не думаю этого. Буржуазное начало имеет свои действительные и необходимые стороны – там, где имеются города, торговля и промышленность, – там имеется и буржуазия.

Дело не в этом, а в первенстве буржуазии и в обобщении ее принципов, нравов и т. п. У нас не в городах, а в деревнях живет преобладающая часть населения, и в этих деревнях нет пролетариата; рабочий остается крестьянином»

Далее в рукописи находится следующий зачеркнутый фрагмент:

La population agricole a beaucoup plus d'importance chez nous, qu'ailleurs, les villes sont maigrement peuplées, une grande partie d'ouvriers arrivent des campagnes et ne brisent pas avec fa commune qui leur doit leur lot de terre. Le roman que vous avez traduit montre déjà la lutte inévitable, lutte d'évolution entre l'élément «contadin» et l'élément «citadin» – entre le paysan cultivateur et le paysan ouvrier. Le paysan russe affranchi de la noblesse, mis à l'abri de la rapacité administrative verra s'élever dans son sein la lutte entre l'élément industriel, mobile, bourgeois et l'élément agricole, sédentaire. Mais cette lutte n'aura pas les dimensions qu'elle a maintenant en France et en Angleterre, par exemple. Premièrement ent la classe moyenne est très faible chez nous, les institutions communales ne permettent pas au prolétariat²⁷³[193] d'accroître avec rapidité – secondement, la série d'idées qui se lève sur l'horizon historique est déjà au delà de cette lutte – et ce que la pensée a une fois acquise par des douleurs et des souffrances – se grève par l'éducation à ceux qui arrivent plus tard.

Vous voyez par ces quelques mots l'importance qu'a chez nous l'étude du paysan et de l'isba – le village russe, la petite commune – c'est la²⁷⁴[194] cellule organique de l'empire, et si la Russie a un grand avenir – elle ne l'atteindra qu'en développant la vie communale des paysans basée sur les mœurs – par l'idée économique de notre siècle – basée sur la science <Сельское население имеет у нас гораздо большее значение, чем в иных местах, города очень скудно населены, большая часть рабочих прибывает из деревень

476

и не порывает с общиной, которая сохраняет за ними их земельный участок.

Роман, переведенный вами, показывает уже борьбу неотвратимую, борьбу развития – между началом «сельским» и началом «городским» – между крестьянином, обрабатывающим землю, и крестьянином-рабочим. Русский крестьянин, освобожденный от дворянства, защищенный от алчности чиновничества, увидит, как начнется в его недрах борьба между промышленным, подвижным буржуазным началом и началом сельскохозяйственным, домоседным. Но эта борьба не примет тех размеров, которые она приобрела теперь, например, во Франции и в Англии. Во-первых, среднее сословие у нас очень слабо, общинные установления не дают возможности пролетариату²⁷⁵[195] быстро увеличиваться – во-вторых ряд идей, подымающихся на историческом горизонте, находится уже вне этой борьбы, а то, чего мысль уже однажды достигла муками и страданиями, подчиняет суровым обязанностям, благодаря воспитанию, тех, кто приходит позднее.

Вы видите из этих нескольких слов всю важность, какую имеет у нас изучение крестьянина и избы – русская деревня, маленькая община – это²⁷⁶[196] органическая ячейка империи, и если России предстоит великое будущее – она достигнет его только путем развития общинной жизни крестьян, основывающейся на нравах, – экономической идее нашего века, основывающейся на науке».

477

КОММЕНТАРИИ

479

Тринадцатый том собрания сочинений А. И. Герцена содержит произведения, написанные во второй половине 1857 и в 1858 гг. Этим томом открывается публикация статей и заметок, которые печатались в течение десяти с лишним лет на страницах газеты «Колокол».

Специфика материала, отражающего не только литературно-политическую, но и редакционно-издательскую работу Герцена, потребовала некоторых изменений структуры очередных томов издания (с XIII по XX включительно). Все публикации Герцена периода «Колокола» размещаются в этих, томах по четырем разделам, с соблюдением в в каждом из них строгой хронологии. В первый (основной) входят статьи и заметки Герцена, независимо от их жанра и размера; во второй – редакционные заметки, предисловия, вводные и заключительные строки к произведениям других авторов, примечания, объявления; в третий («Dobia») – произведения, принадлежность которых Герцену (полностью или в тех или иных частях) не может быть еще определена бесспорно; в четвертом разделе («Приложения») печатаются корреспонденции и документальные материалы, обработанные в редакции «Колокола» при участии Герцена.

В основном разделе публикуются произведения, подписанные именем Герцена или его псевдонимом («Искандер», «И – р»,), а также анонимные статьи и заметки, принадлежность которых Герцену подтверждается документальными свидетельствами (автографами, указаниями в переписке Герцена) или совокупностью косвенных

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
признаков (см. ниже). В этот же раздел входят произведения,
подписанные совместно Герценом и Огаревым или написанные от имени редакции
руководимых ими изданий.

Прямых доказательств принадлежности Герцену анонимных статей и заметок,
напечатанных в «Колоколе», очень немного. Архив «Колокола», если он и
сохранился, до настоящего времени не обнаружен. В связи с этим, при установлении
принадлежности Герцену неподписанных статей редакция основывалась на
текстуальных и идейно-тематических связях анонимных публикаций с подписанными
статьями Герцена, показаниях современников, характерных для публицистики Герцена
особенностях стиля и языка и т. п. Учитывался факт включения этих произведений в
сборник «Колокол», изданный Л. А. Тихомировым, и в Собрание

480

сочинений и писем Герцена под редакцией М. К. Лемке²⁷⁷[197]. Последний работая в
течение многих лет над собиранием и изучением текстов Герцена, пользовался
некоторыми материалами его семейного архива (в том числе письменными
свидетельствами Огарева, С. Тхоржевского и Л. Чернецкого), нынешнее
местонахождение которых неизвестно. Не исключена, однако, возможность, что со
временем будут обнаружены не только материалы, которыми пользовался М. К. Лемке,
но и другие документы на основе которых будут внесены те или иные коррективы в
атрибуции настоящего издания.

Известно, что редакция «Колокола» состояла «только из двух лиц», как писал
Герцен в статье «*Frisant la question polonaise*» («К польскому вопросу», 1868),
т. е. самого Герцена и Огарева. Это несколько облегчает – задачу установления
авторства Герцена, поскольку и в стилистическом отношении и в самой манере
использования материалов, присылавшихся корреспондентами, работа Герцена и
Огарева имеет явные различия.

Листы «Колокола» не имели постоянных и определенно озаглавленных отделов, за
исключением отдела «Смесь». Газетный лист Герцен открывал то проблемной статьей,
то памфлетом, то краткой политической информацией, то откликом на злобу дня, то
некрологом²⁷⁸[198]. Аналогичный материал иногда печатался и в середине и в конце
номера, перемежаясь статьями Огарева и других авторов, а также анонимными
корреспонденциями.

Под общим заголовком «Смесь» печатались в «Колоколе» заметки обличительного
характера, освещавшие те или иные события русской общественно-политической
жизни, ужасы крепостного права, порядки в армии и флоте, цензурно-полицейский
террор, злоупотребления должностных лиц – от низовой провинциальной
администрации до высших представителей государственного аппарата.

Первоисточником этих заметок

являлись нелегальные корреспонденции с мест, устная информация или выписки из
русских и иностранных газет обычно сделанные самим Герценом. В первом листе
«Колокола» заголовок «Смесь» сопровождался эпиграфом: «Сквозь видимый смех –
незримые слезы. Гоголь». Этот эпиграф, явно относясь ко всему материалу «Смеси»,
должен был дать читателям представление об общей направленности отдела. Тем не
менее заметки этого жанра нередко печатались вне «Смеси», равно как в эту же
рубрику иногда включался материал, не соответствовавший отмеченной выше общей
установке.

В «Смеси» «Колокола» печатались статьи и заметки не только Герцена, но и
Огарева, а также других лиц. Однако руководящую роль в составлении «Смеси» играл
Герцен не только как автор, но и как редактор, дававший жизнь и чужому материалу
своими зачинами, заголовками, вставными строками и концовками. В. И. Кельсиев,
который с мая 1859 г. находился в Лондоне и позднее принимал непосредственное
участие в изданиях Герцена, в своей «Исповеди» свидетельствует о том, что Герцен
уступил Огареву «все финансовые, экономические и юридические вопросы, оставив за
собой только общие статьи и „Смесь“, где было более простора его широкому перу и
его врожденному юмору» (ЛН, т. 41–42, стр. 280). Еще более значительно указание
самого Герцена в письме от 5 февраля 1863 г., когда в минуту усталости он писал
Огареву: «Я чую время, в котором тебе да мне следует перестать писать, мне
„Смесь“, а тебе – груз „Колокола“»²⁷⁹[199].

Статьи и заметки Герцена, опубликованные в «Колоколе», обычно не имеют дат
написания и печатаются поэтому, как правило, по времени их публикации, в той
последовательности, в которой они были помещены в газете. Статьи, печатавшиеся в
нескольких номерах «Колокола» являющиеся частями одного цикла и объединенные
общим заголовком (например, «Россиада», «Письма к будущему другу», «Письма к
противнику» и др.), публикуются под датой первой статьи цикла.

Заметки, небольшие по размеру и входившие в состав одного листа «Колокола»,
печатаются, по полиграфическим соображениям, в настоящем издании в подверстку.
Статьи и заметки, опубликованные впервые в «Колоколе» и не переиздававшиеся
Герценом, печатаются по тексту первого издания газеты, поскольку второе издание

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов не имело характера новой редакции текста и ставило своей задачей точное воспроизведение первого издания. Было ли оно авторизовано – неизвестно; существенных отличий от первого второе издание не имеет. Как сообщает в своих воспоминаниях
482

Н. А. Тучкова-Огарева, корректуру второго издания держала она (см. Н. А. Тучкова – Огарева. Воспоминания, «Academia», 1929, стр. 262)280[200].

При переиздании «Колокола» к его комплектам за первое трехлетие было приложено сводное «Оглавление „Колокола“ за 1857, 1858 и 1859 годы» с листа 60 от 1 января 1860 г. оглавлением сопровождался каждый лист газеты, и давалось оно в начале листа, перед текстом.

Различия между заголовками статей в тексте «Колокола» и в оглавлении оговариваются в текстологических комментариях. В тех случаях, когда статьи не имеют заглавия в «Колоколе», оно заимствуется из оглавления; заметки, названия которых отсутствуют и в тексте и в оглавлении или требуют уточнения, озаглавливаются редакцией по первой строке. Редакционные заголовки, равно как и заголовки, заимствованные из оглавления «Колокола», даются в угловых скобках (в тексте комментариев, для удобства изложения, эти скобки опускаются).

В основном разделе XIII тома публикуются следующие статьи и заметки, не включавшиеся в издание М. К. Лемке: «Правда ли?» (в л вошло частично), «По духовной и душевспасительной части», «La regata перед окнами Зимнего дворца», «A Monsieur le ministre de l'Intérieur à Dresde» (в л вошел только русский перевод), «Ложный донос на нас и безграмотный циркуляр о наших книгах», «Отправка Штиглицом золота за границу», «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского», «О граф Виктор Никитич!», «Победа», «Поправка», «Корф», «Еще победа!», «Мельников», «Сергий Михайлович Голицын», «Помещики, переселяющие крестьян», «Lo tzar Alessandro II e il giornale „La Satrapa“, «Струна из графской лиры Ростопчиной», «Крепостным людям, находящимся за пределами России».
483

В основной раздел тома включены также следующие статьи и заметки из «Колокола», отнесенные в издании М. К. Лемке к разряду Dubia – «По части путей сообщения», «Москва», «Закревский бунтует!», «Польза от гласности», «L'appétit vient en mangeant», «Киргиз-кайсацкое местничество в науке и в Оренбурге», «Бешенство цензуры», «Гродненская история (Симашко, Филарет)», «Муханов» (см. комментарий к ним).

В разделе «Другие редакции» впервые публикуется неизвестный ранее французский текст статьи «О романе из народной жизни в России» (по автографу).

Следующие заметки из «Колокола», введенные М. К. Лемке в основной текст, но не имеющие несомненных признаков авторства Герцена, печатаются нами в разделе «Dubia»: «Международная просьба», «Путешествие Константина Николаевича по России», «Сечение народа за толки об освобождении».

В раздел «Dubia» настоящего тома впервые вводятся 29 заметок, не включавшихся ранее в собрание сочинений Герцена. Статья «Приложение крепостного права к журналистике», представляющая собой обработку поступившей в «Колокол» корреспонденции (л. 20) и напечатанная М. К. Лемке в основном тексте, – помещена в приложениях к тому.

Раздел «Редакционные заметки, примечания, объявления» пополнен отсутствующими в предшествующих изданиях редакционными заметками и примечаниями к 33 публикациям из «Колокола».

Не включена в том приписывавшаяся ранее Герцену статья из «Колокола»: «Что сделано для освобождения крепостных людей?» (л. 1 – см. л VIII, 541–542), как принадлежащая Огареву (см. ЛН, т. 39–40, стр. 359–360).

В составлении комментариев к настоящему тому принимали участие: Л. Р. Ланский (все текстологические комментарии и реальные комментарии к статьям «Кинга Баллейдье», «Лакеи и немцы не допускают», «Саксонскому министру внутренних дел», «L'appetit vient en mangeants», «Слухи», «Ватерлоо 17 апреля 1858», «Двухспальный лист», «Материалы для некролога Авраамия Сергиевича Норова», «Погенполь», «Словобоязнь», «Захват „Колокола“ во Франкфурте», «Прославленному сенату вольного города Франкфурта-на-Майне», «Rappel à la pudeur!», «Г-н Фонтон», «Клевета», «Усердный раб Бутенев и великий визирь», «Ответ на клевету графа Гуровского», «От Виктора Гюго»); М. В. Алпатов («А. Иванов» и «Иванова борода и Гурьева лоб»); И. М. Белявская («Нашим анонимным корреспондентам», «Pas de rêveries! Pas de rêveries!», «Из Польши», «О статье „Alexander Herzen и wolna Rosyiska drukarnia w Londynie“»); Э. С. Виленская («Революция в России» и «Обвинительный акт»); В. А. Дунаевский (реальные комментарии к статьям «Западные книги», «Постскриптум к статье о новых книгах» и «Франция или Англия?»); С. Д. Лицинер («Правда ли? <Брок – противник освобождения крестьян>», «От издателя <О „Судебных сценах“ И. С. Аксакова>», «Струна из графской лиры Ростопчиной»,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
«Извещение об издании „Mémoires de l'impératrice Catherine II"»,
484

«Несчастный опыт домокрадства», «Муханов», «Крепостным людям, находящимся за пределами России», «„Allgemeine Zeitung" – возвращается опять...», материалы из раздела «Редакционные заметки, примечания, объявления»; «Розги и розги!», «Виленское дворянство окончило свои занятия...») А. М. Малахова (реальные комментарии к «О романе из народной жизни в России»; – Г. И. Месяцева («Правда ли? <Вяземский (Прибавление к „Русскому богу")>», «Паки и паки о князе Петре Вяземском», «Необыкновенная история о цензоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху», «Мельников», «Право гражданства, приобретенное „Колоколом" – в России» «А. Дюма», «Шарманка»); К. В. Пигарев («Предисловие к книге „О повреждении нравов в России" кн. М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева», «Предисловие к „Путешествию из С.-Петербурга в Москву"», «<Записки Екатерины II> Предисловие»); Л. С. Полак («Опыт бесед с молодыми людьми»); И. В. Порох («Письмо к императору Александру II (По поводу книги барона Корфа)», «Предисловие к книге „14 декабря 1825 г. и император Николай"», «Кончина И. Д. Якушкина», «Русский заговор 1825 года», «Поправка», «Государственный контролер Анненков»); И. Г. Птушкина (реальные комментарии к статьям: «Лобное место», «Москва»; «О письме, критикующем „Колокол"»; «Нам пишут, что у нас своего рода монополия...», «Царь Александр II и газета „Колокол"», «От редакции <Помещая это письмо...>», «От издателя <Предисловие к шестой книжке „Голосов из России">»; В. А. Путинцев (реальные комментарии к «Предисловию (к „Колоколу")», «Через три года», «1 июля 1858», «Нас упрекают», «Предложение профессорам Харьковского университета»; вступительная заметка к «О романе из народной жизни в России»); Я. Е. Эльсберг (вступительные заметки к статьям «Предисловие к „Колоколу"», «Лобное место», «Западные книги», «О письме, критикующем „Колокол"», «Франция или Англия?», «1 июля 1858», «Америка и Сибирь» и др.).

Реальные комментарии ко всем другим статьям подготовила Г. И. Богатикова под руководством П. А. Зайончковского, при участии Г. И. Дашковой, А. В.

Коростелина, Н. Б. Кушелевой, Г. И. Степановой, К. М. Моисеевой.

СТАТЬИ ИЗ «КОЛОКОЛА» И ДРУГИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ 1857–1858 ГОДОВ 1857

ПРЕДИСЛОВИЕ <К «КОЛОКОЛУ»>

Печатается по тексту К, л. 1 от 1 июля 1857 г., стр. 1–3, где опубликовано впервые, за подписью: Искандер. Этой статьей открывается лист «Колокола».

Автограф неизвестен.

Перепечатано (с сокращением цитат) в сборнике «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне. Сборник ее первых листов, составленный и изданный Л. Чернецким», Лондон, 1863, стр. 139–150, под названием «Объявление о „Колоколе"».

Стихотворение, которым открывается «Предисловие», принадлежит Н. П. Огареву. В обоих изданиях оно помещено над текстом статьи Герцена. Общее заглавие «Предисловие» относится и к нему и к статье Герцена. В ОК стихотворение озаглавлено: «Предисловие Огарева». Являясь эмоциональным введением к статье Герцена и образу с нею единое целое, стихотворение Огарева не может быть от нее отделено без нарушения авторского замысла Герцена. Печатается по тексту К, так как есть все основания предполагать, что купюры в сборнике «Десятилетие Вольной русской типографии» (других существенных различий между этим изданием и К нет) были вызваны исключительно соображениями экономии места (см. раздел «Варианты»).

Эта первая статья «Колокола» открывает ряд программно-политических выступлений Герцена, имеющих существенно важное значение для понимания линии созданной им и Огаревым газеты, сыгравшей большую роль в общественной жизни России, в подготовке русской революции.

Для этой линии были характерны колебания, которые отражали не только все большее обострение классовой борьбы, но и либеральные иллюзии самого Герцена, его отступления в сторону либерализма. Вместе с тем в линии «Колокола» и в деятельности Герцена наблюдается постепенное, хотя и подвергавшееся значительным отклонениям, развитие и укрепление революционно-демократических и социалистических тенденций.

«Предисловие» свидетельствует прежде всего о стремлении придать «Колоколу», как раньше «Полярной звезде», направление, приемлемое для возможно более широких общественных кругов и даже для царя Александра II (в этом особенно резко отражались либеральные иллюзии Герцена), в котором издатель «Колокола» тогда еще надеялся увидеть искреннего сторонника демократических реформ.

Правда, между программными статьями первой книжки «Полярной звезды» и первого листа «Колокола» заметна некоторая разница в отношении к Александру II: в 1855 г. в «Полярной звезде» Герцен прямо апеллировал к царю и даже формулировал свои требования именно в письме, обращенном к Александру II. В то время Герцен, ликуя

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов по поводу смерти Николая I, надеялся своим обращением повлиять на молодого монарха, только что вступившего на престол в обстановке острого военного кризиса.

Ко времени же выхода первого листа «Колокола» издатели его вынуждены были признать что «с вступления на престол Александра II, несмотря на все ожидания и надежды, правительство ничего не сделало для освобождения крепостного сословия и не подвинуло ни на шаг решение этого вопроса» (см. статью Н. П. Огарева «Что сделано для освобождения крепостных людей?», опубликованную в л. 1 «Колокола»). Аналогичные, но более резкие по форме, оценки деятельности Александра II встречаются и в письмах Герцена того времени, например, в письме к Н. М. Щепкину от 8 января и к И. С. Тургеневу от 11 января 1857 г.

Однако такого рода настороженность Герцена вовсе еще не означала отказа от проникнутых либеральными иллюзиями апелляций к верхам. Наоборот, эти иллюзии усилились после опубликования рескрипта царя В. И. Назимову от 20 ноября 1857 г. и привели редакцию «Колокола» к «приветствию Александру II» (в статье Н. П. Огарева в л. 7 от 1 января 1858 г.), а Герцена (в том же листе в статье «Что значит суд без гласности»; см. наст. том, стр. 181 – 187) к заявлению, что он с «сердечным упованием» смотрит на «усилия» Александра II освободить крестьян против воли дворянства.

В статье Герцена «Через три года», написанной по поводу упомянутого царского рескрипта и помещенной в л. 9 «Колокола» (наст том, стр. 195–197), мы читаем обращенную к царю фразу. «Ты победил, Галилеянин!». И лишь статья «1 июля 1858» (наст. том, стр. 293–298) знаменует начало открыто заявленного более требовательно-критического отношения к Александру II, сочетающегося, однако, с попытками «извинить» царя тем, что его обманывают, попытками, отражающими все те же либеральные иллюзии.

Следует вместе с тем иметь в виду, что и тогда, когда Герцен апеллировал к верхам, программа «Колокола», рассматриваемая с точки зрения совокупности содержащихся в ней требований, а тем более политическая агитация, проводившаяся газетой, были неприемлемы не только для царского правительства (ответственность за действия которого Герцен длительное время наивно пытался снять с царя), но и для либерализма в целом. Хотя это до поры до времени и не сознавалось многими представителями либерализма, но уже вполне отчетливо обнаружилось в связи с письмом Б. Н. Чичерина, опубликованном в л. 29 «Колокола» (см. об этом в наст. томе, стр. 597–599).

Герцен выступал в «Предисловии» только с самыми неотложными политическими требованиями, которые отнюдь не исчерпывали его программы. Он требовал свободы слова, освобождения крестьян от крепостной зависимости и уничтожения тех крепостнических

порядков, при которых каждый не принадлежащий к дворянству и верхушке купечества оказывался в совершенно бесправном положении; в лозунге, провозглашенном Герценом, – «освобождение податного состояния от побоев» – отразилось самое острое и унижительное проявление этого бесправия.

Эти требования сами по себе, казалось, не выходили за рамки умеренного просветительства (хотя в требование освобождения крестьянства Герцен уже тогда вкладывал содержание, существеннейшим образом отличавшееся от истолкования этого лозунга либеральными помещиками)

487

и во всяком случае были как будто далеки от тех или иных революционно-демократических и социалистических тенденций. Однако подлинное содержание их может быть уяснено лишь в связи с последующими программными выступлениями «Колокола».

Прежде всего существенно было то, что Герцен ни в коей мере не отказывался от тех социалистических идеалов, которые он пропагандировал в течение ряда лет. Содержащаяся в «Предисловии» ссылка на программу «Полярной звезды» означала, в частности, и то, что Герцен по-прежнему поддерживал свое заявление в письме к Александру II о том, что он «неисправимый социалист», готовый, однако, во имя непосредственных народных интересов «ждать, стереться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сделаете для России» (т. XII наст. изд., стр. 273).

Хотя революционные действия или социалистические идеалы не пропагандировались «Колоколом» в качестве непосредственных лозунгов и задач, тем не менее выступления самого Герцена никак не могли скрыть органически присущие его мировоззрению и деятельности революционно-демократические и социалистические тенденции, которые нередко особенно явно прорывались не в программных заявлениях, а в тех страстных комментариях, которыми Герцен сопровождал публикуемые им корреспонденции о диких злодеяниях помещиков- крепостников и царских чиновников. К тому же некоторые материалы, печатавшиеся в «Колоколе»,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов непосредственно отражали взгляды революционно-демократической интеллигенции, хотя и сопровождалась теми или иными оговорками Герцена.

Необходимо отметить и следующее. В статье «1 июля 1858» Герцен более подробно, нежели в «Предисловии», развивает последнее из трех основных программных положений, сформулированных здесь. Он говорит о чиновнике как о «втором (после помещика – Ред.) биче русского народа», поясняя, что имеет в виду прежде всего «полицию и суд» (см. наст. том, стр. 297).

С первого взгляда может показаться, что Герцен и в этом отношении выходил за рамки намеченных самим правительством реформ. Однако это, разумеется, не так. Если правительство Александра II и провело в 1864 году реформу суда, подвергнув вскоре ограничениям и урезкам, то это правительство, как и вообще царизм вплоть до своего конца в 1917 г., не пошло на какую-либо реформу полиции – важнейшей опоры своего деспотизма.

Пламенный же призыв Герцена против всевластия чиновничества, поддержанный огромным количеством обличительных материалов, печатавшихся в газете, воспринимался как обвинение царского правительства от лица народных масс России, как «крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками» (наст. том, стр. 80).

Недаром либералы, некоторое время тешившиеся надеждой на то, что «Колокол» окажется орудием давления на правительство в их собственных интересах, средством выторговывания у последнего уступок, уже к концу 1858 года – в лице Б. Н. Чичерина – поняли, что им с Герценом не по пути. Чичерин готов был приветствовать обличения «Колокола» лишь в той мере, в какой они не становились обвинением господствующего строя в целом.

Герцен не призывал в это время к революционной активности, но для либералов было неприемлемо уже то, что он допускал и оправдывал возможность революционного взрыва, крестьянского восстания.

С этой точки зрения особенно показательны заметки «Тамбовское дворянство не хотело освободить крестьян...» (наст. том, стр. 194) и «Нас упрекают» (наст. том, стр. 301–363). И хотя такого рода заявления издателя «Колокола» неизменно сопровождалось теми или иными оговорками, а порой и призывом к крестьянству простить «свирилых врагов твоих», т. е. помещиков («Секущее православие», наст. том, стр. 365), тем не

488

менее они подчеркивали демократический характер проводившейся газетой политической линии.

Необходимо также иметь в виду, что стремление Герцена к мирному исходу назревавшего в России социального кризиса объяснялось и его глубочайшим разочарованием, как революционера и социалиста, в революции 1848 года, поражением последней. Не видя еще революционного народа в России, хотя и чувствуя его духовный рост, Герцен опасался революционного взрыва, хотя и готов был его приветствовать как необходимость, способную разорвать вековые пути. Выход из духовного краха, испытанного им после июньских дней 1848 г., Герцен искал в то время главным образом в обладавшей величайшим историческим значением борьбе за политическое освобождение России, но крах этот накладывал свой отпечаток и на эту борьбу.

Наконец, надо иметь в виду, что и в первые годы существования «Колокола» в нем помещались такие статьи Герцена, в которых революционно-демократические и социалистические тенденции его мировоззрения получали теоретическое обоснование. Такова, в частности, статья «Революция в России» (наст. том, стр. 21–29). В ней на основе сопоставления с историческими судьбами французского народа и с опытом Великой французской революции проводится революционно-демократическая, общая для всех революционных просветителей мысль о неминувости быстрого и мощного роста исторической активности народных масс. С другой стороны, Герцен, пусть в очень лаконичной форме, выражает здесь как социалистическую неудовлетворенность западноевропейским буржуазным порядком и его культурой, так и свои народнические упования на «будущую Русь», основанную на «крестьянском быте», т. е. общине.

Герцен верит в то, что Россия сумеет перейти «от военного деспотизма и немецкой бюрократии» к «народным началам государственного строения» (наст. том, стр. 29), т. е. к демократическому порядку, коренным образом отличающемуся от существовавшего тогда. Социалистическая критика буржуазного общества содержится и в статье «Западные книги» (наст. том, стр. 92–102). Так обнаруживается сложное единство демократических и социалистических устремлений Герцена.

Таковы различные стороны и основное направление программных заявлений Герцена в «Колоколе» в 1857–1858 годах, начало которым положило «Предисловие».

Стр. 7. ...ежемесячно издавать один лист, иногда два, под заглавием «Колокол». – До февраля 1858 г. «Колокол» выходил раз в месяц, по первым числам, затем, как правило, начал выходить два раза в месяц, 1 и 15 числа.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

Стр. 8. Программа «Полярной звезды». – Герцен имеет в виду изложенные им в «Объявлении о „Полярной звезде“ 1855», «Письме к императору Александру Второму» и статье «К нашим» (ПЗ, 1855 г., кн. 1; см. т. XII наст. изд.) программные положения для будущего альманаха.

Стр. 7–8. «Полярная звезда» выходит слишком редко ~ но и самим звонить в него! – Этот текст почти дословно повторяет текст отдельного листка об издании «Колокола», приложенного к ПЗ на 1857 г., кн. III (см. т. XII наст. изд., стр. 357–358).

Стр. 8. ...я обратился к нашим соотечественникам с призывом, из которого повторяю следующие строки... – Далее Герцен цитирует отрывки из листовки «Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси» (см. т. XII наст. изд., стр. 62–63).

Стр. 9. Пришла война. – Крымская война 1853 – 1856 гг. между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии.

...раскупала целые издания моих французских брошюр... – в 1854–1857 гг. были изданы на французском языке отдельными брошюрами произведения

Герцена «Старый мир и Россия», «Народный сход в память февральской революции», «Смерть Станислава Ворцеля», а также листовки «Русская типография в Лондоне» и «Полярная звезда» («Объявление о „Полярной звезде“») – см. комментарий к соответствующим статьям в т. XII наст. изд.

«Le Vieux Monde et la Russie» ~ потом было отпечатано в Жерсее особо... – Цикл писем Герцена «Старый мир и Россия» был впервые опубликован на английском языке в журнале В. Линтона «The English Republic», 1854, т. III, затем, в марте-апреле 1854 г., на французском языке, в газете «L'Homme» (№ 18–20), позднее в том же году на острове Джерси было выпущено отдельное французское издание (см. т. XII наст. изд.).

...перевод моих «Записок» на английском и немецком языках... – Имеется в виду немецкий перевод второй части «Былого и дум» – «Тюрьмы и ссылки» («Aus den Memoiren eines Russen. Im Staatsgefängniß und in Sibirien», Hamburg, 1855) и двухтомное английское издание, охватывающее вторую и четвертую части мемуаров Герцена («My Exil. By Alexander Herzen. In two volumes», London, 1855).

Стр. 10. ...как угасал последний французский листок демократической партии в Лондоне... – Вероятно, речь идет о газете французских революционных эмигрантов «L'Homme», издававшейся в 1853 – 1856 гг. вначале на острове Джерси, а позднее в Лондоне.

...четыре издания прудоновской книги ~ были расхвачаны в Париже. – Книга «Manuel du spéculateur a la bourse» («Справочник биржевого игрока») впервые вышла анонимно в Париже в 1853 г. Ее авторами были Прудон и Дюшеню. Отзыв Герцена об этой книге, очевидно, в связи с ее третьим изданием (Paris, 1857), см. в письме к Мишле от 25 мая 1857 г.

...я написал программу «Полярной звезды». – «Объявление о „Полярной звезде“ 1855», изданное сначала отдельными листками на русском и французском языках и потом вошедшее в ПЗ на 1855, кн. I (см. т. XII наст. изд., стр. 265–271). Далее Герцен приводит два отрывка из этого текста.

Стр. 11. В день казни наших мучеников ~ вышла в Лондоне первая «Полярная звезда». – Герцен предполагал издать первую книгу ПЗ (1855) к 29-й годовщине казни декабристов – 13/25 июля 1855 г., но ошибочно принимал за дату казни 25 июля/6 августа (см. т. XII наст. изд., стр. 318); книга вышла в свет в первых числах августа 1855 г. (см. письмо к М. К. Рейхель, начало августа 1855 г.).

...с выхода второй книжки (в апреле 1856)... – Вторая книга ПЗ вышла в свет в двадцатых числах мая 1856 г. (см. письма к М. К. Рейхель от 15 и 27 мая 1856 г.).

Стр. 12. «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка» ~ Вторым изданием вышла «Крещеная собственность». – Сборник «Прерванные рассказы Искандера» и первая публикация второй части «Былого и дум» – книга «Тюрьма и ссылка. Из записок Искандера» – вышли в Лондоне в 1854 г. (второе изд. «Прерванных рассказов» вышло в августе 1857 г., второе изд. «Тюрьмы и ссылки» – в 1858 г.). Второе издание «Крещеной собственности» вышло в 1857 г., третье издание – в 1858 г.

АВГУСТЕЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Печатается по тексту К, л. 1 от 1 июля 1857 г., стр. 8–9, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью:*** Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по следующему упоминанию в письме его к И. С. Тургеневу от августа 1857 г.: «Моя статья об

490

имп<ератрице> Dowager <вдовствующей> до сих пор творит фурор». В письме к Н. М. Щепкину от 9 июня 1857 г. Герцен рекомендовал ему «трогательную статейку» «Августейшие путешественники».

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Французский перевод статьи появился 27 июня 1857 г. в лондонской французской газете «Le Courrier de L'Еигоре» со следующим предисловием от редакции: «Как жаль, что великий князь Константин во время недавнего своего путешествия по Западу удовольствовался тем, что отправился приветствовать королеву Англии, и не счел нужным доехать до Лондона: ему можно было бы там показать нечто более интересное, чем все виденное им в других местах, нечто такое, что он мог найти только здесь и что могло бы добавить прекрасную главу к его дорожным впечатлениям. Это нечто – русская типография г. Александра Герцена. Однако, хоть и будучи русским, великий князь Константин – прежде всего князь, и он предпочитает присутствовать при парадах флотов и армий, чем видеть наборщиков, выравнивающих свои ужасные маленькие буквы. Это понятно: пресса, когда она свободна, старается уничтожить могущество царей, поддерживаемое армиями, а русская типография в Лондоне свободна, совершенно свободна: наши читатели могут судить об этом по статье, перевод которой мы публикуем. Эта статья извлечена из новой газеты, которую начал выпускать г. Герцен. Газета носит название „Колокол“ и вместе с журналом «Полярная звезда» образует арсенал, при помощи которого г. Герцен, представитель новых идей, столь же просвещенный, как и независимый, пробивает брешь в старом общественном порядке России. Это, следует признаться, оружие, несколько более опасное для дома великого князя Константина, чем пезаны, ланкастеры и пловучие батареи союзников. Имя Александра Герцена уже знакомо нашим читателям. Они смогут оценить по статье, публикуемой нами сегодня, манеру, с которой непочтительные русские подданные высмеивают своих августейших государей и государынь из семейства Николая» (см. ЛН, т. 63, стр. 798). Герцен предполагал, вероятно, создать целую серию фельетонов под общим названием «Августейшие путешественники», представив сатирические очерки ряда членов царствующей династии. Вторым по порядку должен был явиться задуманный Герценом фельетон о великом князе Константине Николаевиче. Огарев и И. С. Тургенев отговорили Герцена от исполнения этого намерения. По этому поводу Герцен писал последнему в недатированном письме от августа 1857 г.: «Я до сих пор на тебя и Огар(ева) имею зуб за то, что вы дали мне абортив, когда я тяжел был конст<антином> Николаев<ичем>. Cela ^ se retrouve plus <Снова уж не осенит>». Только через десять лет, в 1867 г., Герцен создает вторую статью из этой серии, состоящую из двух главок: «государь в Avenue Marigny» и «А \a ро^» и печатает их в л. 243 «Колокола» под общим заглавием «Августейшие путешественники (статья вторая)» (см. т. XIX наст. изд.).
Стр. 13. Со смерти Николая уничтожилось постыдное стеснение в праве русским путешествовать за границей. – Герцен имеет в виду отмену указа от 15 марта 1844 г. о выдаче заграничных паспортов. О содержании этого указа и об отношении к нему Герцена см запись в его дневнике от 30 марта того же года: «Никто ранее 25 лет не может ехать за границу, пошлины 700 рублей в год, паспорта выдаются только в Петербурге, жена без мужа не может ехать». Герцен рассматривал этот указ как вопиющее проявление «беззакония и безобразия» (см. т. II наст. изд., стр. 347). После революции 1848 г. выдача заграничных паспортов почти прекратилась.

491

...бывшие немецкие невесты в русском переводе с патронимическими именами – Имеются в виду русские царицы немецкого происхождения, и в частности Александра Федоровна (Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина), принимавшие при вступлении в брак русские имена!

...немецкие князья потащились ~ на русские хлеба в Ниццу. – Зимний сезон 1856 – 1857 гг. императрица Александра Федоровна провела в Ницце. Здесь для нее были сняты три роскошные виллы. Одну из них – «Авигдор» занимала Александра Федоровна. Две другие предназначались для ее многочисленной свиты, состоявшей в основном из немецкой знати.

Александра Федоровна, воспитанная в благочестивых правилах евангелически-потсдамского абсолютизма – Александра Федоровна была дочерью прусского короля Фридриха Вильгельма III.

Стр. 14. ...ее смущал злой умысел амнистии... – Речь идет об амнистии декабристам, участникам тайного общества братьев Критских 1827 г. и польского восстания 1830 – 1831 гг., провозглашенной в коронационном манифесте Александра II 26 августа 1856 г.

...когда террористы и люди баррикад, вроде Ланского и Сухозанета... – С. С. Ланской и Н. О. Сухозанет упоминаются в числе террористов и людей баррикад в ироническом смысле. С. С. Ланской вышел из Союза благоденствия задолго до восстания декабристов, а Н. О. Сухозанет, бывший в 1825 г. начальником гвардейской артиллерии принимал участие в подавлении восстания декабристов на Сенатской площади.

...принимались за кормило судна – в 1855 г. С. С. Ланской был назначен министром

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
внутренних дел, а Н. О. Сухозанет в 1856 г. военным министром.

...без англо-французской помощи его бы никто и не стащил – Имеется в виду поражение России в Крымской войне, которое, наряду с другими причинами, заставило царское правительство встать на путь отмены крепостного права. Предвидя 10 августа и 21 января... – 10 августа 1792 г. – низвержение монархии и

провозглашение буржуазной республики во Франции. 21 января 1793 г. – день казни Людовика XVI.

...оплакивая николаевскую форму мундиров... – Приказом по военному министерству от 15 марта 1855 г. в армии была введена новая форма.

...великих сподвижников незабвенного... – Имеется в виду увольнение Александром II в 1855–1856 гг. министра внутренних дел генерал-адъютанта Д. Г. Бибикова, главного начальника путей сообщения и публичных зданий П. А. Клейнмихеля и министра иностранных дел К. В. Нессельроде.

...изволила проследовать в Берлин. – В мае 1856 г. императрица Александра Федоровна в сопровождении многочисленной свиты отправилась в заграничное путешествие (Пруссия, Швейцария, Италия), продолжавшееся более года. 13 мая она прибыла в Потсдам («Северная пчела», № 110 от 17 мая 1856 г.).

Королевственный брат ее... – Прусский король Фридрих Вильгельм IV.

...пожаловал императрицу ~ чином драгунского полковника. – Речь идет о назначении Александры Федоровны шефом прусского 6-го кирасирского полка, вместо скончавшегося Николая I («Северная пчела», № 176 от 8 августа 1856 г.).

...бывшего Кейзер-Николаус регимента-полка... – 3-й, преобразованный затем в 6-й

й кирасирский (Бранденбургский) полк, шефом которого с 1817 г. состоял Николай I, в 1856 г. стал называться его именем (см. об этом в «Северной пчеле», № 176 от 8 августа 1856 г.).

492

Стр. 15. ...как Дон-Карлос, о счастливых днях «Аранхуеца»... – Подразумевается эпизод из драмы Шиллера «Дон Карлос, инфант испанский» (акт I, явление 2).

Аранхуец – загородный дворец испанских королей.

...она соболезнует о польских судьбах Ломбардии... – Герцен проводит аналогию между Польшей и Ломбардией, находившимися в тот период под чужеземным игмом. По решению Венского конгресса 1815 г. значительная часть Польши (Великого герцогства Варшавского), под названием Царства Польского, была присоединена к России, а Ломбардия оторвана от Италии и передана Австрии.

Шпильберг – тюрьма для политических заключенных в австрийской провинции Моравии близ Брюнна.

...самые горы напоминают *La montagne de 93* и время геологического террора... – Имеется в виду деятельность «Горы» 1793 г., одной из партии национального Конвента, выражавшей интересы революционной буржуазии. Под «геологическим террором» подразумевается период якобинской диктатуры.

...возмутителями общественного порядка – Борромеи, Литта (почти то же, что Чарторижские и Потоцкие, находящиеся в эмиграции). – Герцен проводит аналогию между крупной землевладельческой знатью Ломбардии и Польши, эмигрировавшей из своих стран, спасаясь от чужеземного гнета.

Стр. 16. ...чтоб скорее прогнали из Ломбардии законного императора – и его австрийцев. – Под «законным» императором Ломбардии подразумевается австрийский император Франц Иосиф I.

Давно ли у Карла-Альберта был отнят русский полк ~ за то, что он ~ дал своему народу человеческие права. – Карл Альберт был назначен шефом пехотного Архангелогородского полка 1 февраля 1846 г. 30 марта 1848 г., т. е. сразу же после провозглашения конституции 4 марта 1848 г., введившей в Сардинском королевстве парламентскую монархию, шефом полка стал великий князь Владимир Александрович. Говоря о преступлениях Карла Альберта, Герцен имеет в виду предательское поведение его в период революции 1821 г. в Пьемонте, когда Карл Альберт на короткое время примкнул к движению карбонариев, ввел конституцию и образовал новое правительство, но 21 марта тайно бежал, изменив революционному движению. Упоминая о «запачканной трокадерской шинели», Герцен намекает на участие Карла Альберта в качестве волонтера в подавлении буржуазной революции 1820–1821 гг. в Испании.

...тост за конституционного короля Сардинии. – За Виктора Эммануила II. Сардинское королевство являлось единственным государством в Италии, где после поражения революции 1848 г. конституция была сохранена.

...чудо, которое не в состоянии был бы совершить самый к. к. св. Непомук... – Герцен хочет сказать, что даже если бы св. Непомук, почитавшийся как защитник от клевет и осуждений, был бы предан Австрии (для указания на это Герцен использует форму к. к. – *kaiserlich-königlicher* – императорско-королевский) и захотел бы ее

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
защитить, ему бы не удалось примирить Герцена с образом ее правления.

...Ницца – не Икария Жабе. – Икария – название вымышленной страны с коммунистическим строем, изображенной Э. Кабе в его утопическом романе «Путешествие в Икарию».

Не за то ли обошли одного Ратацци, министра внутренних дел, русской кавалерией... – В мае 1857 г., накануне прибытия в Турин императрицы Александры Федоровны, ряд политических деятелей Сардинского королевства (Кавур, Ламармора и др.) были награждены русскими орденами. Министр внутренних дел Урбано Ратацци в списке награжденных не значился (см. об этом в «Северной пчеле», № 110 от 22 мая 1857 г.).

493

...солдатам, возвратившимся из Крыма... – Имеется в виду участие Сардинского королевства в Крымской войне 1853 – 1856 гг. против России.

Стр. 17. Пий IX вспомнил молодость, как он сам служил офицером в Guardia Nobile... – В молодости граф Джованни Мариа Мастаи-Феретти, будущий папа Пий IX, хотел вступить в папскую гвардию, но из-за болезни вынужден был отказаться от своего намерения.

...объяснял ~ выгоду своего открытия immaculatного зачатия! – Пий IX в 1854 г. провозгласил догмат о непорочном зачатии Девы Марии.

Стр. 18. Когда Николай был в Риме... – Имеется ввиду поездка Николая I в Италию в 1845 г.

...короля неаполитанского... – Короля Обеих Сицилии Фердинанда II.

ПРАВДА ЛИ? <ПРАВДА ЛИ, ЧТО КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ...>

Печатается по тексту К, л. 1 от 1 июля 1857., стр. 10, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК заметки, объединенные общим заглавием

„Правда ли?“, имеют особые названия: «Вяземский (прибавление к „Русскому богу“)». Сборища у Мусина-Пушкина. – Дело о грабежах по комиссариатской части. – Брок – противник освобождения крестьян – Об обращении раскольников тверским архиереем и флигель-адъютантом. – Генерал Шейдеман. – Народный праздник во время коронации. – Закревский остается генерал-губернатором». Автограф неизвестен.

Статья «Правда ли?», составленная из самостоятельных заметок, объединенных общим заглавием и заключением, положила начало ожесточенной обличительной кампании Герцена против крупнейших представителей реакционной бюрократии – кн.

Вяземского, Закревского, Брока и др. Авторство Герцена для этой статьи, построенной главным образом на материалах, присланных в редакцию «Колокола» его русскими корреспондентами, определяется рядом несомненных признаков.

В письме к И. С. Тургеневу от августа 1857 г., написанном после выхода первых двух номеров «Колокола», Герцен писал: «Вяземского буду ругать всечасно». И действительно, в нескольких номерах своей газеты Герцен беспощадно высмеял Вяземского как ренегата, реакционера и обскуранта. Все статьи и заметки о Вяземском в «Колоколе» (см. в наст. томе, «Под спудом», «La regata перед окнами Зимнего дворца», «Паки и паки о князе Петре Вяземском», «Необыкновенная история о ценсоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху»), та же, как и начало публикуемой заметки, выдержаны в одном тоне и имеют между собой много общего.

Сатирическое стихотворение Вяземского «Русский бог» неоднократно использовалось Герценом как оружие против самого Вяземского (см «Под спудом», «La regata перед окнами Зимнего дворца»).

Необходимо отметить тесную связь заключительной части статьи, направленной против московского генерал-губернатора Закревского, с заметкой Герцена «Закревский бунтует!» (см. стр. 194 наст. тома), которая также завершается восклицанием: «В отставку старого лакея, в странноприимный дом, в сенат, в совет, в синод – вредного инвалида! только вон из Москвы!». Характерны для Герцена стилистические обороты, основанные на смелых и неожиданных сближениях и контрастах («странноприимный и правительствующий сенат», «циркулярный министр», «доносящий по особым поручениям», «не только непочтительное к богу, но и непочтительное к немцам» и пр.). Выражение «ценсурные бешенства» в разных вариантах повторяется Герценом и в дальнейшем.

Стр. 19. Правда ли, что князь Вяземский, так гнусно управляющий министерством народного просвещения... – в 1856–1857 г. Вяземский

494

занимал пост товарища министра народного просвещения. С начала 1857 г. он ведал всеми делами Главного управления цензуры, поддерживая реакционную политику А. С. Норова.

...стихотворение «Русский бог»... – Было написано Вяземским в 1828 г. в период близости к Пушкину. Своим резко критическим отношением к русской действительности оно привлекло внимание К. Маркса (немецкий перевод стихотворения сохранился в его бумагах). В 1854 г. оно было издано в Лондоне отдельным листком, а затем напечатано в ПЗ на 1856, кн. II, стр. 41.

...подозрительные люди ~ собираются ~ с целью порицания всех действий государя в пользу прогресса и развития? – По поводу этой заметки Герцена Н. Елагин в своей книге «Искандер Герцен» писал: «В доказательство того, до какого бесстыдства простирается его наглость, приведем анекдот Герцена о собраниях, будто бы происходивших у М. Н. Мусина-Пушкина („Колокол" № 1). Люди, которых называет он, почти незнакомы друг с другом» («Искандер Герцен», Берлин, 1859, стр. XI). Аналогичное сообщение содержится и в письме И. П. Липранди к Герцену: «...Вы заставляете меня бывать еженедельно у «произведенного лично Вами из сенаторов в члены Государственного совета Мусина-Пушкина, для составления оппозиции против правительства, тогда как я ни разу в жизни и не видал г. Мусина-Пушкина, равно как и не знаю, кто такие Елагин и Давыдов» (Л IX, 605).

...Липранди, доносящий по особым поручениям... – Имеется в виду активная роль И. П. Липранди, бывшего в 1840–1856 гг. чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел, в раскрытии деятельности петрашевцев.

...Иван Иванович Давыдов, недавно получивший отлучечное наказание, но не исправившийся? – Герцен имеет в виду нашумевший инцидент, имевший место в Главном педагогическом институте в Петербурге в 1856 г. Студенты, недовольные постановкой преподавания, уровнем научной работы и полицейским режимом, царившим в институте, подали письмо товарищу министра народного просвещения П. А. Вяземскому с просьбой произвести обследование. Однако неоднократные ревизии, подтвердившие правильность сообщенных фактов, никаких результатов не дали. Это побудило Н. А. Добролюбова предпринять более решительные меры борьбы с директором института И. И. Давыдовым. С целью добиться смещения И. И. Давыдова Н. А. Добролюбов послал в редакции ряда крупных газет и министру народного просвещения А. С. Норову записки следующего содержания: «В ночь с 24-го на 25-е июня сего года студенты

Главного педагогического института высекли розгами своего директора Ивана Давыдова за подлость, казнокрадство и другие наглые поступки». Эта история быстро распространилась по городу. А. С. Норов вынужден был потребовать от И. И. Давыдова документ, опровергающий это сообщение. Прикинувшись раскаявшимся, со слезами на глазах И. И. Давыдов вымолил его у студентов. А. С. Норов успокоился, в институте же осталось все по-прежнему. Тогда Н. А. Добролюбов предпринял вторично аналогичную, но более действенную попытку скомпрометировать И. И. Давыдова в глазах общественного мнения. В «Московских ведомостях» № 111 от 15 сентября 1856 г., появилось объявление следующего содержания: «Объявляется сим, что московский купец Иван Давыдов Сеченый с большой пользою и на выгодных условиях принимает подрады; спросить возле 1-го кадетского корпуса, в квартире Федора Ильина в С.-Петербурге». Упоминания «Сеченый» и институтского эконома Федора Ильина ясно говорили, о ком и о чем шла речь (см. статью Н. А. Добролюбова «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны», К, л. 23–24, 1858, стр. 195–198, примечание и заключительные строки Герцена к этой статье в наст. томе, стр. 432, и письмо Н. А. Добролюбова к Н. П. Турчанинову

495
от 1 августа 1856 г. в книге Н. Г. Чернышевского «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861 – 1862 годах», т. I, М., 1890 стр. 313–320).

...дело о грабежах по комиссариатской части, открытых во время Крымской кампании, – замяли... – Речь идет о крупных хищениях в интендантском ведомстве в период Крымской войны 1853–1856 г. Ко времени написания данной заметки относится деятельность второй следственной комиссии по этому вопросу под председательством генерал-лейтенанта П. А. Тучкова. Однако никаких практических результатов эта комиссия как и предшествовавшая ей, возглавлявшаяся генерал-майором В. И. Васильчиковым, не дала. Только под давлением общественного мнения (см. статьи Н. И. Обручева «Изнанка Крымской войны», «Изнанка Крымской войны. Другая сторона», Военный сборник», 1858, т. I, кн. 2; т. II, кн. 4 и т. IV, кн. 7, которые оживленно обсуждались современной прессой) и, главным образом, выступлений в «Колоколе» (см. в наст. томе заметки «По военному ведомству», «От часу не легче – кража восьмидесяти верст!!»), лица, виновные в злоупотреблениях по снабжению армии во время Крымской войны, были преданы суду.

...между ворами нашлись сильные армии сей? – Имеется в виду Ф. К. Затлер, главный интендант русской армии в Крымскую войну, привлеченный к судебной ответственности только в 1859 г.

...Брок, сделался яростным противником освобождения крестьян... – П. Ф. Брок с января 1857 г. состоял членом особого комитета для рассмотрения постановлений и предположений об улучшении быта крестьян, а затем Главного комитета по крестьянскому делу и, следовательно, получил непосредственную возможность оказывать влияние на ход подготовки крестьянской реформы. Реакционные убеждения миристра финансов еще ранее разоблачался Герценом в связи с требованием Н. Ф. Брока усилить цензуру (см. «От издателя» – т. XII наст. изд., стр. 446).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

... он с поспешествующей помощью откупщиков благоприобрел более тысячи живых душ? – Речь идет об откупной системе Брока, введенной в 1854 г. Эта система характеризовалась в «Колоколе», в статье неизвестного автора «Кое-что об откупах» (к. л. 10 от 1 марта 1857 г., стр. 80), как доводящая принцип откуда до пределов нелепости и вредности. Н. П. Огарев в статье второй «Русских вопросов» – «Движение русского законодательства в 1856 г.» (ПЗ на 1857, кн. III, стр. 313–336, за подписью «Р. Ч.»), анализируя откупную систему, также указывал на выгодность этой грабительской системы лишь для откупщиков и чиновников. Стр. 20. ...подали ~ прошение ~ под руководством флигель-адъютанта? – Распоряжением Александра II от 28 января 1857 г. раскольничий молитвенный дом г. Ржева Тверской губернии передавался в ведение епархиального начальства с целью обращения старообрядцев в единоверие. Проведение этого распоряжения в жизнь вызвало упорное сопротивление раскольников. 26 февраля у молитвенного дома собралось около 1000 человек. Некоторые были вооружены колющими. Несмотря на увещевания местных властей и наличие воинской команды, старообрядцы не допускали никого к молитвенному дому. 28 февраля в Ржев был командирован генерал-лейтенант Ф. А. Ефимович – При содействии пяти эскадронов гусар и инвалидной команды, арестовавших около 300 человек, 2 марта сопротивление раскольников было сломлено (ЦГИАМ, ф. III отд., № 109, I эксп., оп 8, ед. хр. 5, часть 5, 1857 г листы 1–83).

...в последнюю войну... – крымскую войну 1853–1856 гг.

...под милостивым покровительством военного министра? – Н. О. Сухозанета.

...сигнал на народном празднике ~ был ~ дан преждевременно для того, чтоб скрыть от государя, что припасы были ~ негодные? –

496

Речь идет о народном гулянье на Ходынском поле 8 сентября 1856 г., устроенном в честь коронации Александра II. Праздник должен был начаться по прибытии императора, в 12 часов дня, по определенному сигналу – поднятому флагу. Начался же он в 10 часов утра. Преждевременное начало праздника, согласно воспоминаниям Г. А. Милорадовича, было вызвано тем, что флаг, поднятый над полем для тренировки, был воспринят народом как сигнал для начала гулянья (см.

«Воспоминания о коронации Александра II камер-пажа двора его величества (Из дневника графа Милорадовича 1856 г.)», Киев, 1883, стр. 12–16).

Когда же сдадут его, Брока ~ в ~ сенат??? – На протяжении XIX и в начале XX веков престарелые и не соответствующие занимаемой должности сановники при увольнении получали назначение в сенат.

РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Впервые опубликовано в к. л. 2 от 1 августа 1857 г., стр. 11–14 за подписью: И–р. Этой статьей открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен. Печатается по тексту сборника «За пять лет (1855–1860). Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева. Часть первая, Искандера», London, 1860, стр. 31–46. Французский перевод статьи «Революция в России» появился в брюссельской газете «La Cloche», дававшей Л. Фонтеном, в № 2 от 1 октября 1862 г.

Еще в феврале 1857 г. в письме к Джузеппе Маццини Герцен высказал мысль, что Россия находится накануне социальной революции. Развитию этой мысли и посвящена настоящая статья. И в том и в другом случае речь идет о коренном переустройстве общественных отношений, связанном с ликвидацией крепостного права. В этот период Герцен считал что революция, т. е. коренной социальной переворот, могла произойти как мирным путем, так и путем восстания – и «сверху», и «снизу», но отдавал предпочтение мирным средствам преобразования. Тем не менее, он не только не отвергал «необузданных», по его выражению, методов борьбы, но решительно подчеркивал, что предпочитает их состоянию застоя и реакции. Средства изменения общественных отношений, по мнению Герцена, зависели от сложившихся условий, исторической традиции и т. д. Уехав из России в 40-х годах, Герцен «не видел революционного народа и не мог верить в него», – писал В. И. Ленин (Сочинения, т. 18, стр. 12). Поэтому он связывал свои расчеты на преобразование России или с реформаторской деятельностью царизма, или же с образованным меньшинством дворянства, способным принудить правительство к осуществлению прогрессивных реформ. Вместе с тем данная статья показывает, что Герцен уже в это время с пристальным вниманием следил за проявлениями исторической активности народа. Он останавливается здесь на том значении, которое в истории имеет «шаг народных масс». Поэтому либеральная апелляция Герцена к «верхам» по самому своему существу отличалась от отношения к самодержавию либералов: она не означала попытки пойти на сговор с реакцией. Герцен не испытывал типичного для либералов страха перед активностью народных масс, напротив того, он готов был ее поддержать и именно поэтому «при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх» (В. И. Ленин, там же).

Обстановка, сложившаяся в России после смерти Николая I и поражения в Крымской

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
войне, представлялась Герцену благоприятной для
497

разрешения социальных проблем «сверху». По свидетельству М. Мейзенбург, еще во время Крымской войны Герцен «предсказал с самого начала поражение русских и ждал его, надеясь видеть его последствием свержение самодержавия» (см. «Воспоминания идеалистки», «Academia», 1933, стр. 295). В марте 1855 г., немногим больше чем через месяц после смерти Николая I, Герцен констатировал: «Война все переменяла! Николай первый упал в пропасть, открытую им <...> Мы почти ничего не знаем о его преемнике. Но обстоятельства его восшествия на трон определяют долю его положения, помимо его воли» («Объявление о „Полярной звезде“. 1855»; см. т. XII наст. изд., стр. 268). Почти в то же время в письме к Л. Пианчиани (16 марта 1855 г.) Герцен писал: «<...> сын может быть хуже отца, но все же должен быть иным, при нем не может продолжаться тот непрерывный, невероятный гнет, какой был при отце» (ЛН, т. 64, стр. 396). Из этого видно, что Герцен связывал свои надежды на общественные преобразования не столько с личностью Александра II, сколько с объективными условиями, сложившимися в это время в России. Поэтому он и опирался в своих доказательствах на пример Англии и Пьемонта, связывая происходившие в них перемены с уступкой правительства общественному мнению, «когда время пришло». Именно с этой точки зрения обличал Герцен «нерешительность» самодержавия.

Возможность быстрого осуществления в России, в отличие от Запада, коренных перемен он доказывал тем, что Россия якобы не имеет многовековых традиций, приковывающих ее к прошлому.

Стр. 21. (Александр II. Речь к московскому дворянству.) – Герцен несколько неточно цитирует слова Александра II из его речи к депутатам от московского дворянства, произнесенной в двадцатых числах марта 1856 г.

Стр. 22. ...Роберт Пиль, переходом своим на сторону свободной торговли, одержал экономическое Ватерлоо для правительства... – Будучи премьер-министром правительства тори (1841 – 1846), Роберт Пиль провел, в интересах промышленной буржуазии и в ущерб интересам партии тори, законы об отмене ряда покровительственных пошлин на ввозимое в Англию фабричное сырье, а главное – отменил так называемый хлебный закон – высокие пошлины на ввозной хлеб, что способствовало дальнейшему капиталистическому развитию страны.

...одной несчастной войны и ряда уступок общественному мнению со стороны правительства – Имеется в виду возглавленная Сардинией (Пьемонт) война итальянских провинций против господства Австрии (1848 – 1849), окончившаяся поражением итальянцев в марте – апреле 1849 г. Под уступками общественному мнению подразумеваются экономические и политические реформы, проведенные в 50-х годах Кавуром в интересах крупной буржуазии и помещиков.

Стр. 23. ...перешагнуть за частоколы и заборы табели о рангах... – Табель о рангах – положение о чинах и прохождения государственной службы, введенное Петром I 24 января 1722 г. Согласно табели общественное положение определялось чином, а не сословным происхождением, при этом личное или потомственное дворянство давало ствующие чины.

Стр. 24. Mut verloren – анеэ verloren, – Da wäre's besser nicht gebogen, – Герцен цитирует стихотворение Гёте из цикла «Sprüche» («мужество потеряешь – все потеряешь, лучше бы тогда совсем не родиться»).

...в противоположность Бюргеровой баллады мы скажем: живые ходят быстро... – Имеется в виду баллада Готфрида Августа

Бюргера «Ленора», в «которой в виде рефрена повторяются слова: «wie ritten die Toten so schnell» («как быстро скачут мертвецы»).

Стр. 24–25. Смерть Людовика XIV была для Франции нечто вроде 18 февраля 1855 года – То есть вроде смерти Николая I для России.

Стр. 25. Подробности взяты ~ из «Geschichte der Revolutionszeit» Siebel'я из книги Токвиля... – Имеются в виду книги: «Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795 von Heinrich Sybel. Düsseldorf, 1853» и А. Токвиля. L'ancien régime et la Révolution, 1856.

...позорными мирами, заключёнными в Париже в 1756 году... – Имеется в виду Парижский мирный договор, заключенный после Семилетней войны между Францией, Англией и Испанией 10 ноября 1763 г., по которому Франция потеряла свои заморские владения – Канаду, Луизиану, острова в Вест-Индии, почти всю территорию Сенегала и остров Минорку. Герцен ошибочно относит этот договор к началу Семилетней войны – 1756 г.

...ровно за сто лет до другого, тоже не очень славного мира.. – Подразумевается мирный договор после Крымской войны, заключенный между Австрией, Турцией, Англией, Францией и Россией на Парижском конгрессе (25 февраля – 30 марта 1856 г.).

Общественное внимание было занято междоусобными бранями парламента с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
правительством, янсенистов с молинистами... – Во второй и третьей четвертях
XVIII в. парламент находился в оппозиция к правительству Людовика XV в связи с
отставанием своих прав. Борьба янсенистов (по имени Корнелия Янсения),
выступавших против феодальной идеологии католичества внутри католической церкви,
с иезуитами–молинистами (по имени иезуита Луи Молина), начавшаяся в середине
XVIII в., приняла социально–политическую окраску.

...Вольтер хохотал, печатая вне Франции свой смех, так как это делал Бель. –
Вынужденный в 1752 г. эмигрировать из Франции Вольтер с 1758 г. жил в Швейцарии,
где были написаны и опубликованы его лучшие антифеодальные произведения. Пьер
Бейль, резко выступавший против религиозных суеверий и предрассудков, в защиту
начал веротепимости, с 1681 г. жил в Голландии, где и печатал свои сочинения
запрещенные во Франции.

Стр. 26. В 1790 г. Артур Юнг считал ~ возросло до 9000000 гектаров. – В книге
«Travels during the years 1787–8 and 9 undertaken more particularly with a view
of ascertaining the cultivation welth, resources and national prosperity of
France», London, 1792 («Путешествие в 1787–8 и 9 гг., предпринятое главным
образом для выяснения сельскохозяйственного богатства, ресурсов и национального
благополучия Франции»).

Стр. 27. ...«без отдыха, без надежды ~ в родительский дом». – Из упоминавшегося
труда Зибеля, В. 1, S. XXXVII.

«Зато и мужик поглядывал ~ в нем книгу недоимок* (Зибель). – См. В. 1, S.
XXVIII.

...Тюрго хотел уничтожить цехи ~ снова их ввел. – В 1775–1776 гг. Тюрго ввел
свободную торговлю хлебом, отнял у откупщиков право взимать соляной налог и
дорожную повинность, которую заменил налогом, устранил цеховые регламентации.
Парламент не утвердил законы

об отмене барщины и об уничтожении цехов. Весной 1776 г. парламент добился
отставки Тюрго и отменил все его реформы.

...общество молодых адвокатов и литераторов, которое впоследствии явилось
членами грозного Конвента... – Имеется в виду Бретонский клуб, организованный в
июне 1789 г. группой буржуазных депутатов национального собрания. В октябре того
же года он был переименован в «Общество друзей конституции», или якобинский
клуб.

499

Стр. 28. ...с славою ««великого века». – «Великим веком», или «веком Людовика
XIV» называли годы царствования Людовика XIV.

...дворянская грамота... – Жалованная грамота дворянству, изданная Екатериной II
в 1785 г., подтверждала дворянские привилегии – исключительное право владения
населенными землями, освобождение от обязательной государственной службы, от
податей и устанавливала систему дворянского самоуправления.

...городовые положения... – Установленные на основании жалованной грамоты,
изданной Екатериной II в 1785 г., они предоставляли купечеству и мещанству право
выборного сословного суда и городского самоуправления.

...мы воротились школой и книгой к нашему православному Геркулануму и к нашей
славянофильской Помпее... – Геркуланум и Помпея – города в Италии близ Неаполя,
разрушенные и засыпанные пеплом во время извержения Везувия 24 августа 79 г. Под
возвращением к Геркулануму и Помпее Герцен подразумевает реакционную
славянофильскую идеализацию допетровской Руси.

Стр. 29. Достаточно переменить министра, чтобы вдруг из государственных крестьян
сделать удельных или наоборот. – Герцен имеет в виду, с одной стороны, министра
государственных имуществ, приверженца умеренной крестьянской реформы П. Д.
Киселева, и с другой – М. Н. Муравьева, назначенного министром весной 1857 г., и
неосуществившееся намерение последнего уравнивать государственных крестьян с
удельными, которые являлись личной собственностью царя и великих князей.

ЛОБНОЕ МЕСТО

Печатается по К, л. 3 от 1 сентября 1857 г., стр. 25–26, где опубликовано
впервые, за подписью: Искандер. Автограф неизвестен.

В письме к И. С. Тургеневу от 11 августа 1857 г. Герцен сообщил что хочет
«написать несколько слов о Крылове». В письме без даты отправленном Тургеневу
через несколько дней,

Герцен сообщил: «Я написал против славяноф<илов> уж не такую штуку, а просто по
матушке, за Крылова статью. Надобно посоветоваться». 14 августа в письме к М. К.
Рейхель Герцен восклицал: «Ну уж окрестил я Ник. Ив. Крылова за его статью!» И в
дальнейших письмах Герцен продолжает упоминать об этой статье, в которой он
«выпотрошил, сгноил и погубил одного московского профессора, сделавшегося
абсолютистом» (письмо к М. Мейзенбуг от 28 августа 1857 г.).

Настоящее выступление Герцена против Н. И. Крылова и его верноподданнической и
холопской публицистики проливает свет на весьма сложные взаимоотношения издателя

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Колокола» и славянофилов.

Во второй половине 50-х годов славянофилы склонны были играть в либерализм, хотя на деле их «оппозиционность» носила по преимуществу характер монархически-помещичьего фрондерства по отношению к бюрократии, в борьбе против которой они использовали и корреспонденции из «Колокола».

Позиция славянофилов в отношении крестьянского вопроса мало чем отличалась от позиции либералов западнического толка: и те и другие во избежание крестьянского восстания считали необходимым провести крестьянскую реформу при сохранении, однако, преобладающей роли помещичьего землевладения.

Но славянофилы, в отличие от западников, пытались сочетать верность самодержавию и православной церкви с идеализацией общины,

500

народного быта. Эти стороны славянофильской пропаганды обманывали Герцена, питавшего к тому же с 40-х годов известную личную симпатию к Ю. Самарину и особенно к К. Аксакову и нашедшего в 50-х годах некоторые точки соприкосновения с И. Аксаковым, посетившим его в 1857 году в Лондоне.

Характерно, что наиболее разнузданная пропаганда монархически-православных идеалов велась в первых номерах «Русской беседы» Н. И. Крыловым, человеком морально нечистоплотным, скомпрометированным, в частности, еще в конце 40-х годов обвинением в том, что он, пользуясь своим положением профессора, брал взятки у студентов. Славянофилы, в особенности руководители «Русской беседы» – Кошелев, Хомяков, Самарин, были совершенно солидарны с Крыловым по основным пунктам его выступления (см., в частности, статью Ю. Самарина в № 1 «Русской беседы»). Вместе с тем Самарин и И. Аксаков были не прочь при удобном случае пококетничать с Герценом. 9 августа 1857 г. Герцен сообщал Тургеневу не только о том, что «мы с ним <И. Аксаковым. – Ред.> очень, очень сошлись», но и что Герцен «выпросил у него <Аксакова. – Ред.> Никитку Крыл<ова> на съедение и уважил, нечего сказать, в 3 л. „Колокола“».

«Лобное место» датировано 10 августа, в связи с чем возникает предположение, не является ли эта дата (вообще статьи такого рода Искандер датировал крайне редко) своего рода нарочитым «алиби» для И. Аксакова, навестившего Герцена, по-видимому, во второй половине августа, ознакомившегося с этой статьей уже, вероятно, в корректуре и отдавшего Крылова «на съедение» Герцену. Лицемерие Аксакова преследовало в этом случае вполне реальную цель: он старался не допустить резкого выступления Герцена против

славянофильства в целом. Авторитет же Герцена в общественном мнении был тогда так велик, что славянофилы не могли не считаться с этим обстоятельством. Следует вместе с тем отметить, что хотя герценовский памфлет был в первую очередь направлен против Крылова лично, но, гневно и презрительно разоблачая холопски- фальшивый, ханжески-риторический характер монархической и православно-религиозной пропаганды, он раскрывал идеологическую сущность славянофильства, что подчеркивалось в вводной части памфлета.

Стр. 30. ...славянофилы «Русской беседы» недовольны отзывом «Полярной звезды» об их сборнике. – Вероятно, имеется в виду отзыв Герцена о периодических изданиях славянофилов в статье «Еще вариация на старую тему», опубликованной в ПЗ на 1857, кн. III: «Я с ужасом и отвращением читал некоторые статьи славянских обозрений, от них веет застенком, рваными ноздрями, эпитимьей, покаянием, Соловецким монастырем. Попадись этим господам в руки власть, они заткнут за пояс III отделение» (см. т. XII наст. изд., стр. 424). Говоря здесь и далее о «сборнике», Герцен имеет в виду славянофильский журнал «Русская беседа», продолжавший традиции «Московского сборника», издававшегося в 1846, 1847 и 1852 гг.

... бывшие липрандивские чиновники клеветают на дорогих нам покойников под предлогом дружбы... – Намек на опубликованную в «Русской беседе» за 1856 г. статью В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве» (см. кн. III, отдел «Смесь», стр. 17–46 и кн. IV, отдел «Смесь», стр. 1–57), в которой автор, ссылаясь на свои дружеские отношения с Грановским, старался в то же время опорочить его память. Отзыв Герцена об этой статье см. также в письме к М. К. Рейхель от 31 января 1857 г. Называя В. В. Григорьева «бывшим липрандивским чиновником», Герцен имеет в виду его деятельность в июле 1849 г.

по ревизии

501

в Риге библиотек и книжных магазинов для выявления в них запрещенных цензурой произведений (см об этом в книге «Вас. Вас. Григорьев по его письмам и трудам. Составил Н. И. Веселовский», СПб., 1887, стр 105–106). Это мероприятие осуществлялось по распоряжению правительства на основании доноса И. П. Липранди. После 1848 года была учреждена в Петербурге тайная комиссия надзора над литературой и журналами. – Речь идет об учреждении Николаем I секретном

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Комитете 2 апреля 1848 года», задачей которого являлся надзор над всей выходящей в России литературой и над деятельностью цензуры. Председателем этого «Комитета» был назначен Д. П. Бутурлин.

... Григорьев, автор статьи о Грановском в «Русской беседе». – О статье см. примечание выше. Говоря далее о гневе В. В. Григорьева по отношению к Т. Н. Грановскому, Герцен имеет в виду более всего заключительную часть статьи, в которой Григорьев отказывал Грановскому в самостоятельности мысли и по сути дела отрицал значение его научной деятельности (см. кн. IV, стр. 55–57).

(Из совершенно достоверного письма из Москвы). – Получив неизвестно от какого корреспондента приводимые здесь сведения о В. В. Григорьеве, Герцен старался их проверить, обращаясь для этого к И. С. Тургеневу и Н. А. Мельгунову. Отвечая на запрос Герцена, Н. А. Мельгунов сообщал ему 2 августа 1857 г.: «я навел справки об истории Григорьева: буквально верно. Мне один сказал: „В Петербурге и в Москве собаки на улице знают это; Григорьев – человек, потерянный во мнении“. А Тургенев мне сказал: „Герцен может смело быть уверен, что это так; что Григорьев был клеветом Липранди; в 49–м ездил в Ригу и пр. отбирать запрещенные книги и описывать книжные лавки и пр. Самые друзья его сознаются в этом, говоря, что Григорьев действовал при этом очень деликатно!“» (ЛН, т. 62; стр. 363). Очевидно, не получив еще этого письма Н. А. Мельгунова, Герцен спрашивал И. С. Тургенева 11 августа 1857 г. «<...> достоверно ли, что Григорьев шпион, что он был в Риге и обирал книги? Мне крайне нужно звать». Цитируемая в письме эпиграмма на Давыдова («по сердцу и из видов») принадлежит поэту И. П. Ключникову. См. об этом в статье Н. Л. Бродского «Поэты кружка Станкевича» («Известия отд. русского языка и словесности», 1912, т. XVII., кн. 4, стр. 7–8).

Стр. 31. Вот вам на первый случай профессор Крылов и его статья. – Герцен имеет в виду опубликованную в «Русской беседе» за 1857 г. кн. I и II (отдел «Критика», стр. 25–102 и 89–166) статью проф. Н. И. Крылова «Критические замечания, высказанные профессором Крыловым на публичном диспуте в Московском университете 21 дек<абря> 1856 г. на сочинение г. Чичерина: „Областные учреждения России в XVII веке“», представляющую собой переработанное для печати и несколько дополненное им выступление на диспуте по поводу диссертации Б. Н. Чичерина.

«Величайший, чистейший, христианский апотеоз ~ иерусалимском храме». – Герцен цитирует с некоторыми купюрами статью вторую «Критических замечаний, высказанных профессором Крыловым...» («Русская беседа», 1857, кн. II, отдел «Критика», стр. 126). Курсив Герцена.

... царь «имеет единственный лик во всем человечестве ~ она живет и дышит». – Цитата из статьи Н. И. Крылова (там же, стр. 136). Курсив Герцена.

...сквозь душу русского попovichа, вышедшего в чиновные миряне... – Н. И. Крылов был сыном дьякона.

Стр. 32. ... в XV томе николаевского сборника, в котором немецкий поляк на русской службе петербургским сенатором Губе развивал византийское раблепное учение об оскорблении величества... – «XV томом николаевского сборника» Герцен называет XV том «Свода законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича

составленный» в состав которого вошли «Законы уголовные». Уже в первом издании этого тома (1832) в статье 214 (из раздела третьего «О преступлениях государственных») предусматривалось преступление, состоящее в «поношении императорского величества и императорского дома злыми и вредительными словами». В дальнейшем этот раздел, как и другие разделы «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», подвергся пересмотру, для чего в конце 1840 г. был создан специальный комитет под председательством гр. Д. Н. Блудова. Членом этого комитета был и министр статс-секретарь Царства Польского Р. М. Губе, служивший во II отделении (в 1850 г. Губе, поляк по происхождению, был назначен сенатором варшавских департаментов, именно поэтому Герцен называет его «поляком на русской службе петербургским сенатором»). В результате работы комитета раздел о «Преступлениях государственных» был значительно дополнен. Проект переработанного и дополненного «Уложения о наказаниях» был утвержден Государственным советом в августе 1845 г., а с 1 мая 1846 г. – «Уложение» вступило в действие. Введение закона об уголовном наказании за «оскорбление величества» Герцен и раньше связывал с именем Р. М. Губе (см. т. VII наст. изд., стр. 233; о Губе см. также в статье «Молодая и старая Россия», 1862 г., т. XVI наст. изд.).

Обиженный тем, что противник сравнил великокняжескую вла с ть с помещичьей, Крылов осеняется с у жасом «знаменем креста»... – Герцен имеет в виду то место из статьи Н. И. Крылова, где он доказывал невозможность существования государства без «верховой власти, имеющей личное живое бытие» и конкретно следующее: «Был ли царь в России? – спрашивал Крылов. – Новые историко-юристы

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов утвердительно отрицают существование его до московских государей; они говорят, что было их многое множество у нас, да не цари, а помещики. Извинительно, если при таком представлении невольно сотворишь крестное знамение» (там же, стр. 135).

«Царь есть мысль, идея ~ то я вам укажу...» – Цитата с незначительными купюрами, из статьи Н. И. Крылова (там же, стр. 136–137). Курсив Герцена.

«Дело наше ~ есть чистолитературная тяжба». – Там же, стр. 135. Курсив Герцена. Стр. 33. ... римский *lex talionis*? – Закон возмездия, получивший отражение в римском праве со времени «Двенадцати таблиц».

... бес самолюбия толкнул его на арену с молодыми бойцами. Намек на полемическую заостренность статьи Н. И. Крылова «Критические замечания <...> на сочинение Г. Чичерина: „Областные учреждения России в XVII веке“».

... Кронеберговым лексиконом... – Имеется в виду много раз переиздававшийся латино-русский словарь И. Я. Кронеберга – «Латино-российский лексикон...», первое издание которого вышло в 1820 г.

Стр. 34. ... разглагольствования о вечной борьбе двух элементов в человеке – одного, идущего горе, и другого, припирающегося в землю... – Герцен подразумевает здесь схоластические рассуждения Н. И. Крылова о существовании «непрерывной борьбы» «между духом и телом», которую он сравнивает с борьбой между «владычеством и господством». «Но, по обыкновенному, естественному ходу, обе силы скоро размежевываются и идут по двум противоположным линиям – одна по восходящей – к богу, другая по нисходящей – к земле, вещественному миру» (там же, стр. 101).

... бессмысленная нелепость о непримиримой вражде «подвластной природы» и «человека- властителя». – См. об этом в вышеупомянутой статье Н. И. Крылова (там же, стр. 102–103).

Он не говорит – *il plaide* – как Бомарше отмечает в «Фигаро», – Герцен имеет в виду сцену из комедии Бомарше «Безумный день, или

503

Женитьба Фигаро» (действие III явление XV), где Бомарше пользуется в ремарке глаголом «*plaider*» (защищаться, произносить защитительную речь).

ПИСЬМО К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II (по поводу книги барона Корфа)

Впервые опубликовано в к, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 27–31, за подписью: Искандер. Перепечатано с незначительными изменениями в книге «14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией „Полярной звезды“ по поводу книги барона Корфа», London, 1858, стр. 183–202, и в сборнике «За пять лет...», часть первая, Искандера, London, 1860, стр. 47–65. Печатается по тексту сборника. Автограф неизвестен.

О намерении «расчесать и в „Колоколе“ и особо» книгу Корфа Герцен впервые сообщил в письме к М. К. Рейхель от 27 сентября 1857 г. 16 октября он обратил внимание И. С. Тургенева на свою статью о Корфе. Сообщение о том, что «книга о Корфе готова», см в письме к нему же от 31 декабря 1857 г. (ср. также текстологический комментарий к предисловию Герцена к книге «14 декабря 1825 и император Николай»).

В 1861 г. «Письмо» Герцена вместе со статьей Огарева «Разбор книги Корфа» было отлитографировано нелегально в Москве кружком Заичневского и Аргиропуло («Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке», П., 1920, № 336). В том же 1861 г. «Письмо» Герцена и статья Огарева были перепечатаны тайной типографией, организованной в Москве студентами Сулиным и Сороко (см. М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов, М. – П., 1923, стр. 16, 23, 29 и др.; С. Никитин. Неизвестное издание брошюры «14 декабря 1825 года», «Книжные новости», 1937 г., № 8, стр. 63).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 45, строка 11: истины и результаты вместо: истины и результат (по К и К2) Клеветническая книга статс-секретаря барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая Вго», «составленная по высочайшему повелению», вышла в свет в самом начале 1857 г. Как указывалось на титульном листе книги, это было ее третье издание, но «первое для публики». Два предшествовавшие издания, имевшие тираж по 25 экземпляров, предназначались лишь для узкого круга читателей – членов царствующего дома и ближайших придворных (см. об этом в наст. томе, стр. 515). Весьма показательно то, что книга была написана Корфом накануне революционных событий 1848 г. по заданию Николая I и наследника престола, будущего императора Александра II, и должна была стать одним из идеологических орудий реакции в борьбе против революционного движения. Она имела целью развенчать декабристов в глазах общественного мнения. Грубо искажавшая действительность и замалчивавшая подлинные цели движения декабристов, книга Корфа была с негодованием встречена большинством читателей. Особое возмущение она вызвала у самих декабристов. Так, в письме к Г. С. Батенькову от 21 августа

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
1857 г. И. И. Пущин, бывший лицейский товарищ М. Корфа, писал: «Что скажешь о
книге Корфа? На меня она сделала очень мрачное впечатление и еще более отдала
от издателя» (И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Под ред. С. Я. Штрайха,
ГИХЛ, 1956, стр. 327). В другом письме И. И. Пущин дал еще более резкую оценку
книги Корфа: «Корфова книга вам не понравится – писал он 23 августа 1857 г. М.
И. Муравьеву-Апостолу, – я с отвращением прочел ее, хотя он меня уверял, что
буду доволен. Значит, он очень дурного мнения обо мне <...> Убийственная
раболепная лесть убивает с первой страницы предисловия» (там же,
504

стр. 327). Такое же отношение вызывал памфлет Корфа у И. Д. Якушкина (см. работу
Герцена "Etudes historiques sur les héros de 1825 et leur prédéces-seurs,
d'après leurs memories» «Исторические очерки о героях 1825 и их
предшественниках, по их воспоминаниям», 1868). Сами декабристы по цензурным
условиям не могли дать достойной отповеди клевете М. Корфа. Поэтому взоры многих
из них обратились к Герцену и его Вольной русской типографии.

22 августа 1857 г. М. И. Муравьев-Апостол в письме к М. И. Бибикову писал:
«Вчера вечером мы кончили знаменитое произведение Модеста Корфа. Не понимаю, что
могло понудить издать неуместную похвалу человеку, который так несчастно для
России кончил свое жалкое поприще. От Петра до баб, подобных Анне и Лизавете
<...>, царствование „незабвенного" самое не блистательное для России. Жду с
любопытством, что скажет „Полярная звезда" при разборе панегирики. Есть простор
перу» (ЦГИАМ, ф. 1153, оп. I, ед. хр. 223, лл. 59 об. и 60).

Надежды декабристов вскоре полностью оправдались. Познакомившись с книгой М.
Корфа, Герцен решил публично разоблачить ее автора (см. письмо Герцена к М. К.
Рейхель от 27 сентября 1857 г. и письмо Д. Маццини к Герцену, датированное
предположительно концом марта 1857 г. – ЛН, т. 62, стр. 306).

Статья Герцена «Письмо к императору Александру II (По поводу книги барона
Корфа)» не претендовала на восстановление фактической стороны событий.
Ограниченный в источниках, Герцен не располагал достаточными данными для такой
работы. Главный удар «Письма» был направлен против лживой концепции М. Корфа,
против его «жалкого, ложного, рабского воззрения на события».

Большой заслугой Герцена в декабристской историографии является то, что он сумел
вскрыть подлинные цели движения декабристов, боровшихся за уничтожение
крепостного права и ликвидацию самодержавия, верно оценив их революционное и
прогрессивное значение. Герцен установил преемственность декабристских традиций
в русском освободительном движении, на что в свое время обратил особое внимание
В. И. Ленин. Герцен определил в общей форме и причины поражения движения
декабристов, важнейшую из которых он видел в том, что массы и общественное
мнение не были на стороне восставших. Позднее в работе «La conspiration russe de
1825» («Русский заговор 1825 года») догадка Герцена о роли народа получила более
четкое выражение. Вместе с этим в «Письме» Герцен отмечал и тактические ошибки
восставших в день 14 декабря – их слабую оперативность, отсутствие
наступательных действий.

На «Письме» Герцена в значительной степени сказались либеральные иллюзии,
которые захватили его во второй половине 50-х годов. Дело не только в самой
форме критического выступления Герцена, адресованного инициатору издания книги
Корфа Александру II. Эти либеральные отступления и иллюзии проявились в
различных положениях статьи. Так, Герцен высказывает здесь веру в
преобразовательские намерения нового монарха и в связи с этим считает возможным
мирный, реформаторский путь изменения российской действительности. Отсюда
вытекают и другие ошибочные утверждения, например, что декабристы, Александр I и
Александр II относились одинаково отрицательно к организации управления страной,
что замыслы членов тайного общества совпадали с настроениями Александра I и
желаниями Александра II, что декабристские организации в начале их существования
не ставили перед собою революционных задач и т. п.

Тем не менее, как эти, так и некоторые другие ошибочные положения «Письма» не
могли заглушить смелого голоса революционера Герцена.

По свидетельству современников, «Письмо» Герцена имело огромный успех и широкий
резонанс. Оно получило высокую оценку у декабристов

505

и передовой русской интеллигенции. М. И. Муравьев-Апостол писал 19 января 1858
г. М. И. Бибикову: «Ты читал письмо, друг Миша. Удивительно, как пишущий ясно
понял, в чем дело, точно как будто он жил в то время и знал тех знаменитостей,
которые уже давно предстали перед тем, который знает наши самые сокровенные,
самые сердечные помыслы» (ЦГИАМ, ф. 1153, оп. I, 1858 г., ед. хр. 273, л. 15).

И. И. Пущин специально разыскивал экземпляр «Колокола» с письмом Герцена к
Александру II. Познакомившись с ним, он писал своей жене: «Ты будешь читать
письмо Герцена и будешь очень довольна. У меня есть...»

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма, ГИХЛ, 1956, стр. 345). К. Д. Кавелин сообщал Герцену в начале 1858 г.: «Твое последнее письмо к императору по поводу книги Корфа циркулирует в списках и производит неопосредованное действие. Ничего подобного наша литература действительно не представляла» (ЛН, т. 62, стр. 385). Вскоре после получения в Петербурге 4 листа «Колокола», 8 ноября 1857 г. Корф написал письмо шефу жандармов князю В. А. Долгорукову. К нему была приложена докладная записка на имя царя и подробное возражение на статью Герцена, в котором Корф пытался опровергнуть обвинения, адресованные ему Герценом. На докладной записке Александр II написал следующую резолюцию: «На бранные слова Герцена советую Вам плевать, он большего не заслуживает. Вам же все благородные люди останутся вечно благодарны за сохранение для потомства одной из самых примечательных страниц истории. О личной моей благодарности не говорю, – она вам давно известна». (Все перечисленные документы опубликованы в журнале «Красный архив», 1925, том третий (десятый), стр. 310–314). Таким образом возражение Корфа в свое время осталось неопубликованным. Позднее, после напечатания в «Колоколе» заметки о Корфе (см. наст. том, стр. 268), последний вновь вернулся к мысли ответить Герцену (см. комментарии к названной заметке, стр. 558).

Стр. 35. ... отзываться с теми же пошлыми речительствами, с которыми выражались жалкие старики ~ созданные в какой-то импровизированный суд... – Верховный уголовный суд по делу декабристов, созданный согласно царскому манифесту от 1 июня 1826 г., состоял из членов Государственного совета, синода, сената, а также ряда высших военных и гражданских чинов. Председателем суда был назначен кн. Лопухин, его заместителем – кн. Куракин. По существу же единственным судьей над обвиняемыми был сам Николай I, прикрывавшийся, как ширмой, Верховным уголовным судом. Говоря о ругательствах, которым подвергались декабристы во время следствия и суда по их делу, Герцен имел в виду не только Верховный уголовный суд, но и известные ему факты из деятельности Следственной Комиссии, учрежденной 17 декабря 1825 г.

Стр. 36. ... со всеми поправками ваших дядюшек... – Речь идет о поправках к книге Корфа, сделанных великим князем Михаилом Павловичем, являвшимся дядей Александра II.

... виртембергского герцога, который ~ забился в «голубую гостиную Зимнего дворца» и ~ взял с собой двух сыновей своих... – В день восстания 14 декабря 1825 г. перетрусивший герцог Александр Виртембергский, брат русской императрицы Марии Федоровны (жены Павла I) со своими двумя взрослыми сыновьями, Александром – 21 года и Эрнстом – 18 лет, спрятался в голубой гостиной Зимнего дворца, где и просидел до позднего вечера.

... не поверит ~ гофшурьерскому журналу, на который ссылается ученый статс-секретарь... – Перечисляя материалы, положенные в основу его книги, М. Корф называл и камер-фурьерский журнал (см. М. Корф, указ. соч., стр. XIII–XIV). Рукописные камер-фурьерские журналы, которые велись при дворе, начиная с 1734 г., регистрировали все происходящее в царской резиденции. М. Корф трижды в своей книге ссылался на камер-фурьерский журнал (стр. 124–125, 129–130, 193), причем в одном месте должен был признаться, что события 14 декабря описаны в нем «довольно неточно», что «легко объясняется общим смущением» (стр. 130).

Стр. 36–37. ... глазами того – вероятно, портного, который ~ назвал эту кучку людей ~ «маскарадом распутства, замысляющим преступление». – Приводя эту выдержку из книги Корфа (изд. III, стр. 147), Герцен зло высмеивает ее автора за грубые передержки, допущенные им при характеристике восставших. Сравнение Корфа с портным, разбиравшимся в своем деле не лучше сапожника, близко к строкам басни Крылова «Щука и кот».

Стр. 37. ... делать поправки в этой брошюре. – Николай I оставил записки об обстоятельствах своего вступления на престол, которые были известны М. Корфу и широко им использованы (см. об этом в книге «Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи». Подготовил к печати Б. Е. Сыроечковский, М. – Л., 1926, стр. 10). Николай I проявлял живой интерес к сочинению М. Корфа и, как отмечает Б. Е. Сыроечковский, «трижды – в 1848, 1849 и 1853 гг. принимал личное участие в работе над текстом истории своего воцарения» (там же, стр. 36). Им были сделаны исправления и внесены дополнения на полях первого варианта рукописи книги М. Корфа (в 1848 г.), а затем в первое (в 1849 г.) и второе издание ее (в марте 1853 г.); см. эти «Заметки» в указанном сборнике, стр. 36–48. В предисловии к третьему (первому для публики) изданию своей книги М. Корф сообщал, что Николай I неоднократно поправлял его книгу и «удостоил» ее «своего одобрения» (см. «Восшествие на престол императора Николая I», СПб., 1857, стр. IV).

... государство ~ встретившись в борьбе с целой Европой, вышло из нее победоносно. – Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

... собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Пушкин. Русский царь, достиг ты славы цели! – Строка из юношеского стихотворения А. С. Пушкина «На возращение государя императора из Парижа в 1815 г.». Стр. 38. ... Конгревовыми ракетами... – Военная ракета, изобретенная в 1805 г. английским генералом Конгревом и принятая после этого на вооружение английскими войсками.

... всеобщее негодование против ~ Павла, окончившееся таким энергичным протестом... – Подразумевается дворцовый переворот придворной аристократии в ночь с 11 на 12 марта 1801 г., жертвой которого стал Павел I.

Стр. 39. ... толковал с Карамзиным и Сперанским об уложении... – В 1803 г. Александр I обратил внимание на М. М. Сперанского, которому поручил написать «План общего образования судебных и правительственных мест в империи». 20 декабря 1808 г. Сперанский был назначен в Комиссию составления законов и к началу 1809 г. подготовил проект государственных преобразований, названный «Введением к уложению государственных законов». Естественно, что в ходе работы Сперанский имел беседы с царем относительно будущего «Уложения». Личное знакомство Карамзина с Александром I состоялось в конце 1809 г. в Москве. В марте 1811 г. он подал Александру I «Записку о древней и новой России», в которой подвергал резкой критике преобразовательские планы Сперанского. Ссылка Сперанского и принятие идеи «Записки» Карамзина об укреплении самодержавия в качестве программы действия правительства означали переход Александра I от политики лавирования к открытой реакции.

507

... дал Польше конституцию и ~ говорил, что «желал бы распространить свободные учреждения и на другие народы, вверенные ему богом».

27 ноября 1815 г. Александр I подписал конституцию Королевства Польского, согласно которой эта часть Польши объявлялась неразрывно связанной с «всероссийским престолом» и русский император становился одновременно королем польским. Конституция 1815 г. провозглашала формальное равенство всех перед законом, неприкосновенность личности и имущества, свободу вероисповедания, печати и ряд других буржуазных свобод. Согласно конституции управление королевством осуществлялось наместником при номинальном участии двухпалатного сейма. Герцен излагает здесь своими словами следующее место из речи Александра I, произнесенной им при открытии первого собрания польского сейма: «...руководствуясь правилами законносвободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений, и которых спасительное влияние надеюсь я, при помощи божьей, распространить и на все страны, провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему отечеству то, что я уже с давних лет ему приуготовляю...» (см. В. И. Семеновский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр. 265). Это выступление Александра I имело широкий резонанс в России, и многие декабристы ссылались на него во время следствия как на источник их мыслей о преимуществах конституционных учреждений.

... он сделал опыт в остзейских провинциях... – 20 февраля 1804 г. было издано «Положение о лифляндских крестьянах», распространенное в том же году и на Эстляндию, благодаря которому несколько улучшились условия жизни крестьян-дворохозяев, но оставалось таким же тяжелым положение батраков и бобылей. В дальнейшем помещики Прибалтики, недовольные «Положением 1804 г.», которое хотя и формально, но все же предоставляло крестьянам-дворохозяевам право владеть землей, добились новых указов об «освобождении» крестьян. Указы эти были утверждены для Эстляндии 23 мая (4 июня) 1816 г., для Курляндии 25 августа (6 сентября) 1817 г. и для Лифляндии 26 марта (7 апреля) 1819 г. Согласно указам 1816–1819 гг. крестьяне Прибалтики получали личную свободу, но без земли, так как последняя провозглашалась полной собственностью помещиков.

...О которых он так резко писал в 1796 году к Кочубею...–Упомянутое Герценом письмо Александра, тогда еще наследника престола, к В. П. Кочубею было написано 10 мая 1796 г. французский текст письма впервые опубликован в книге М. Корфа (см. стр. 3–6, в приложении дается русский перевод, стр. 227–230). В этом письме Александр писал: «Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя лакеями, а между тем они занимают здесь высшие места, как например, З, П, Б, оба С, М и множество других, которых не стоит даже называть, и которые, будучи надменны с низшими, пресмыкаются перед тем, кого боятся». Это письмо Герцен цитировал позднее в своем очерке «Император Александр I и В. Н. Карамзин» (см. т. XVI наст. изд.). Текст этого письма и расшифровку имен см. в книге: Н. К. Шильдер. Император Александр первый, его жизнь и царствование, т. I. СПб., 1897, стр. 112–114.

Стр. 41. ... и потом повторено в книге Н. Тургенева... – Герцен ссылается на

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
книгу: «La Russie et les Russes» par N. Tourgueneff, Paris, 1847, t. I, chapitre
VI, pp. 101, 104–105.

Стр. 42. ... беспорядок и разврат управления дошли до крымского комиссариата...
– Указывая на злоупотребления в деле обеспечения Крымской армии продовольствием
и боеприпасами в 1853–1856 гг., Герцен дал произвольное название учреждению,
занимавшемуся этими вопросами, так как самостоятельного крымского комиссариата
не существовало. По всей вероятности, Герцен этим названием определял

совокупность

508
всех видов интендантства от Комиссариатского департамента военного министерства
до Симферопольской провиантской комиссии. О хищениях в период Крымской войны см.
также в заметке «Правда ли?» (наст. том, стр. 19) и в комментарии к ней (стр.
495 наст. тома).

... под глазами двух полиций, в пяти шагах от Зимнего дворца. – После разгрома
восстания декабристов, помимо существовавшей с 1719 г. полиции, Николай I
учредил в 1827 г. корпус жандармов и подчинил его созданному за год до этого III
отделению. Таким образом Герцен имел полное основание говорить о двух
самостоятельно действовавших полициях.

Преданные какими-то мерзавцами во второй армии, преданные ~ Иаковом
Ростовцевым... – Доносы на членов Южного общества декабристов были сделаны
унтер-офицером 3 Украинского уланского полка Шервудом, помещиком Бошняком,
являвшимся агентом начальника военных поселений Херсонской и Екатеринославской
губерний генерала И. О. Витта, и капитаном Вятского пехотного полка, бывшим
членом тайного общества Майбородой. С особой остротой и злой иронией бичевал
Герцен измену поручика лейб- гвардейского егерского полка Якова Ростовцева,
сделавшего впоследствии, в отличие от других доносчиков, блестящую
бюрократическую карьеру. Выступления против Ростовцева на страницах «Колокола» и
других герценовских изданий носили систематический характер. В письме к
декабристу Е. П. Оболенскому от 18 ноября 1858 г. Ростовцев пытался опровергнуть
все обвинения, которые делались по его адресу в изданиях Герцена («Русская
старина», 1889 г., № 9, стр. 617–633).

Стр. 43. ... воспользоваться анархией, царившей тогда во всей правительственной
России. – Смена царей на престоле рассматривалась членами тайных обществ
декабристов как благоприятный момент для выступления.

Зачем Александр I ~ держал это под спудом?.. – Вступив на престол Павел I издал
новый закон о престолонаследовании, отменивший закон Петра I от 1722 г.,
дававший возможность государю избирать себе наследника, не руководствуясь правом
первородства. Согласно же закону 1797 г. престол наследовался именно по праву
первородства и только по мужской линии. Поэтому в случае смерти Александра I, не
имевшего детей, престол должен был перейти к следующему по старшинству брату –
Константину. Однако еще в 1823 г. по приказанию Александра I был изготовлен
манифест об отречении Константина и о передаче прав на престол Николаю. Все это
хранилось в глубокой тайне. Запечатанный царской печатью оригинал манифеста и
письмо Константина об отречении были отданы на хранение в Успенский собор в
Москве, а копии – в Государственный совет, синод и сенат. Эти действия
Александра I послужили причиной возникновения в стране междуцарствия,
продолжавшегося с 19 ноября (дня смерти Александра I) до 14 декабря 1825 г. (дня
вступления Николая I на престол).

«Сделайте одолжение, вы вперед!» – «Нет-с, помилуйте, за вами!» – Герцен
высмеивает процедуру обоюдных присяг Константина – Николаю и Николая –
Константину, используя диалог между Чичиковым и Маниловым из «Мертвых душ»
Гоголя (том I, глава вторая).

Лазенки – предместье Варшавы, где находилась резиденция цесаревича Константина
Павловича.

...московский генерал-губернатор ведет сенаторов присягать Константину Павловичу
по записке Милорадовича, а московский митрополит не хочет принимать присяги ~
свой секрет. – 27 ноября в Петербурге Николай принес присягу Константину, причем
немалую роль в этом сыграл петербургский генерал-губернатор Милорадович. Узнав
на предварительном совещании во дворце о правах Николая на престол, Милорадович

509

предупредил нового претендента о том, что гвардия при создавшихся
обстоятельствах воспримет занятие им царского престола как узурпацию власти, и
тогда не избежать восстания. Это заявление возымело свое действие, и Николай
отказался от своих прав в пользу Константина. В Москве же Константину присягали
30 ноября, и если сенаторы во главе с генерал-губернатором Д. В. Голицыным,
после получения соответствующей информации от Милорадовича, принесли присягу без
всяких сомнений, то московский митрополит Филарет, знавший о содержании
хранившегося в Успенском соборе манифеста, всячески старался препятствовать ей.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Стр. 45. ... мы говорили вам: «От вас ждут кротости, от вас ждут человеческого
сердца ... Вы необыкновенно счастливы!» – Герцен цитирует свое «Письмо к
императору Александру Второму», опубликованное в ПЗ на 1855, кн. I (см. т. XII
наст. изд., стр. 272).

Стр. 46. ... в государевом кабинете подсудимые заговорщики были
оскорблены

ругательными словами, которых позор долго не сотрется... – Записки Николая I и
воспоминания декабристов показывают, что при допросах декабристов в Зимнем
дворце царь не стеснялся в выражениях, нанося арестованным грубые оскорбления:
«разбойник», «закоснелый злодей», «изверг», «убийца», «подлец», «дурак» и т. д.
Царь не скрывал своей ненависти к декабристам, о чем свидетельствуют, например,
его характеристики Е. Оболенского, С. Муравьева-Апостола, П. Пестеля, Арт.
Муравьева, С. Волконского и др. «Лицо его, – писал Николай I об Оболенском, –
имело зверское и подлое выражение...» «Пестель был злодей во всей силе слова,
без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелостью в
запирательстве; я полагаю, – писал Николай I, – что редко найдется такой
изверг». «Артамон Муравьев, – по определению царя, был не что иное как убийца,
изверг, без всяких других качеств... и т. д. («Междоусобица 1825 года и
восстание декабристов», стр. 26–35).

<КНИГА БАЛЛЕЙДЬЕ>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 31, где опубликовано
впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.
Авторство Герцена устанавливается по тесной связи настоящей заметки с его
«Письмом к императору Александру II» в том же листе «Колокола», по аналогичной
характеристике книги Баллейдье в статье «Западные книги», а также близостью к
высказываниям Герцена в статьях «Лобное место» и «Appel à la pudeur». Включено
М. К. Лемке (Л IX, 35).

Стр. 47. «Несчастья не ходят в одиночку ~ а толпою» – Слова короля из трагедии
Шекспира «Гамлет» (акт IV, сцена 5): «When sorrows come, they come not single
spies but in battalions».

Вслед за книгой статс-секретаря и кавалера Корфа... – О книге М. Корфа см.
комментарий к статье «Письмо к императору Александру II (По поводу книги барона
Корфа)».

... явилась история императора Николая в двух томах, сочинение Баллейдье. –
Имеется в виду «Histoire de l'empereur Nicolas (trente années de règne) par
Alphonse Balleydier», tomes 1–2, Paris, 1857.

... «усердие все превозмогает»... – Девиз на графском гербе П. А. Клейнмихеля.

510

НАШИМ АНОНИМНЫМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 31–32, где опубликовано
впервые, за подписью: И-р. Автограф неизвестен. Приписка о книге «Rosja i Europa
– Polska», напечатанная в «Колоколе» вплотную к предыдущему тексту, имеет в ОК
следующее отдельное название: «Rosja i Europa – Polska, przez X. Y. Z.». В
издании М. К. Лемке эта приписка напечатана в виде отдельной заметки и с
заголовком: «О книге „Rosja i Europa – Polska”» (Л IX, 35–36).

Стр. 48 ...ограничиваемся указанием на серьезный и замечательный труд под
заглавием: «Rosja i Europa ~ Polska», przez X. Y. Z. Paryz, 1857 (482 p.) –
Автором книги «Rosja i Europa – Polska» («Россия и Европа, Польша») был польский
социолог и публицист, участник национально-освободительного движения 30–40-х
годов XIX века Генрик Каменский. Его перу принадлежат также работы; «Filozofia
ekonomii materialnej ludzkiego społeczeństwa», t. 1–2, Poznan, 1843 i 1845
(«Философия материальной экономики человеческого общества»); «O prawdach
zywotnych narodu polskiego», przez Filareta Prawdoskiego («О жизненных истинах
польской нации», написано Филаретом Правдосским – псевдоним Г. Каменского),
Bruksella, 1844; «Katechizm demokratyczny, czyli opowiadanie słowa ludowego»,
przez Filareta Prawdoskiego («Демократический катехизис или возвешение
народного слова Филаретом Правдосским»), Paryz, 1845. Эти работы получили,
широкий отклик среди польских революционеров. Осенью 1845 г. Каменский,
обвиненный в авторстве «преступных произведений», был арестован царскими
властями и сослан в Вятку. После освобождения в 1850 г. из ссылки Каменский
выехал за границу, где возобновил свою литературную деятельность под псевдонимом
X. Y. Z. (см. Wiosna Ludow, t. IV, w-wa, 1951, str. 322). Книга Каменского
«Россия и Европа, Польша» содержала, с одной стороны, критический разбор
политики Запада в отношении Польши, а с другой – мысль о том, что в будущем
объединение Польши с Россией возможно и даже до того, как падет царизм
(Каменский надеялся, что в России рано или поздно произойдет революция). В этой
книжке Каменский с симпатией отзывался о русском народе и о произведениях русских
эмигрантов. В то же время он отмечал, что Россию знают мало и судят о ней

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов ошибочно, в частности, он подчеркивал ошибочность представления о том, будто бы в России есть свободная община и крестьянский коммунизм.

В отличие от шляхетско-националистических авторов, говоривших об угнетении Польши только со стороны России, Каменский подчеркивал, что Польша угнетается тремя державами и что гнет двух немецких государств является для поляков более тяжелым и опасным.

Во время публикации в «Колоколе» сообщения о книге Каменского – Герцен не был знаком с ее содержанием, а знал о ней от своих друзей поляков. Не имея возможности, из-за незнания языка, познакомиться с польским изданием книги, Герцен, по-видимому, не прочитал ее тогда и на французском языке, на который она была вскоре переведена (в письмах Герцена этого периода нет никаких упоминаний об этой книге). Письмо Герцена к Огареву от 4 марта 1869 г. свидетельствует о том, что Герцен познакомился с книгой значительно позже. В письме к Огареву он так отзывался о книге Каменского: «Без сомнения, умнейшая вещь, писанная поляком о России (...) Я ее прочел...и знаешь ли, чему удивился? Огромному прогрессу, сделанному нами и русской мыслью в эти десять лет».

Книга Каменского «Россия и Европа, Польша» свидетельствует о том, что ее автор был знаком с произведениями Герцена. В частности, ему было известно о выходе в свет работы Герцена «Русский народ и социализм» (стр. 146). В адрес же книги «О развитии революционных идей в России» Каменским был высказан ряд критических замечаний. Например, он указал на некоторую отвлеченность произведения, якобы «неспособного захватить народ» (стр. 176). Тем не менее, Каменский говорил о Герцене как о человеке «смелых и далеко идущих политических представлений» (стр. 146), как о человеке, который в отношении Польши идет дальше всех русских писателей, поскольку «он говорит о братском союзе революционной Польши с русскими революционерами» (стр. 153).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

<Генрих Михаловский шпион>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 34, где опубликовано впервые, за подписью: А. Герцен. В ОК озаглавлено: «Генрих Михаловский шпион». По-французски напечатано в «L'Номме» от 2 ноября 1857 г., под названием «Avis» (Л IX, 584). Автограф неизвестен.

Заметка о Михаловском была написана, несомненно, после 1 октября, т. к. 1 октября датировано письмо Герцена к Михаловскому (см. об этом в наст. томе, стр. 514). Публикация заметки в л. 4 свидетельствует о том, что этот лист вышел позже обозначенной на нем даты. Точная дата выпуска его не установлена, но, по-видимому, он вышел в свет только к середине месяца, так как именно в это время Герцен обращал внимание своих корреспондентов на историю с Михаловским. В письме к М. Мейзенбуг от 14 октября 1857 г. Герцен писал: «Мы имели длинную историю: нашли одного шпиона, который хотел получить 100 фунтов от русского правительства за мои письма и т. п. Еле успело письмо Горчакова дойти до Петербурга, как я получил оттуда три предостережения. Что скажете вы об этом? Этот канал был приказчиком у Трюбнера». В письме к И. С. Тургеневу от 16 октября 1857 г. Герцен обратил его внимание на заметку о Михаловском, а 12 ноября он сообщил Мишле: «Последнее время я был занят обвинением, изобличением и осуждением одного австрийского поляка-эмигранта, который устроился приказчиком в книжном магазине Трюбнера. Я изобличил его в том, что он был русским шпионом и посылал доносы в Петербург (откуда мне прислали сведения)».

Стр. 49. ... Михаловский ~ предлагал русскому правительству доставлять рукописи и письма, присылаемые для нашей лондонской типографии... – О предательстве Михаловского см также в статье «Предостережение. В редакцию „Польского демократа“» и в комментарии к ней (наст. том, стр. 63–66 и 513). Документы о Михаловском хранятся в ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., 1857 г., ед. хр. 255, л. 5–9, 29. История с Михаловским рассказывается Н. А. Тучковой-Огаревой (см. «Воспоминания», «Academia», 1929, стр. 256–258).

ОПЫТ БЕСЕД С МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ

Впервые опубликовано в ПЗ на 1858, кн. IV, Лондон, 1858, стр. 288–301, без подписи. Автограф неизвестен. Печатается по тексту второго издания ПЗ, которое вышло в свет в конце 1861 г. (см. объявления в К, лл. 114–117). В оглавлении к ПЗ статья названа: «Опыт беседы с молодыми людьми».

Авторство Герцена устанавливается по подстрочной сноске на стр. 288, подписанной: И-р.

Время написания статьи определяется письмом Герцена к М. Мейзенбуг от 14 октября 1857 г., в котором он сообщал: «Я написал

512

небольшое сочинение для молодых людей, – как вы думаете, о чем? О сотворении мира».

Четвертая книжка «Полярной звезды» поступила в продажу около 1 марта 1858 г.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (см. объявление в К, л. 10 от 1 марта 1858 г.).

Статья «Опыт бесед с молодыми людьми», наряду с «Разговором с детьми» (1859, см. т. XIV наст. изд.), является замечательным образцом научно-популярной прозы.

Будучи идейно связанной с философскими работами Герцена 40-х годов, в особенности со статьей о лекциях К. Ф. Рулье – «Публичные чтения г-на профессора Рулье» (см. т. II наст. изд.) и «Письмами об изучении природы» (см. т. III наст. изд.), «Опыт бесед с молодыми людьми» свидетельствует о глубоком понимании Герценом новой задачи, возникшей в связи с пропагандой материализма в 50-х годах: необходимости обращения к широкой аудитории молодежи с доступной ей проповедью основ материалистического мировоззрения.

С этой точки зрения становится понятным методический прием, примененный Герценом в этой статье. Он сознательно не пользуется научной терминологией, чтобы «сберечь чистоту... воображения» молодых читателей, чтобы научные понятия – слова не создали у них видимость, иллюзию понимания. Следует отметить заостренность морально-политической постановки проблемы: Герцен считает безнравственным отказ от действительного объяснения, подмену его в ответ на вопросы молодежи словесным вздором.

Очевиден полемический характер статьи, направленный против религиозных, теологических, а также агностических воззрений. Герцен утверждает возможность материалистического объяснения всего многообразия явлений природы.

Космогонические представления Герцен излагает в этой статье исходя из теории Канта – Лапласа, которая была наиболее передовой для своего времени и сохранила свое научное значение вплоть до XX века. Герцен дает очерк возможной картины формирования солнечной системы из первоначально рассеянных в мировом пространстве частиц. В основу этого очерка он кладет замечательное обобщение естествознания – один из величайших, по его словам, законов природы – «ничего существующего нельзя уничтожить, а можно только изменить». Это – сводная обобщенная формула установленных естествознанием законов сохранения и превращения энергии и закона сохранения вещества, которые в середине XIX в., когда писалась статья Герцена, стали основой и доминантой научного знания о мире и научного метода познания.

Герцен проводит в своей статье идею единства в вечном круговороте движений изменяющегося материального мира, в котором зарождение плесени на стене так же важно и трудно исследовать, как образование и развитие бездны мирового пространства – бездны планет и комет. – «Миры, – говорит Герцен, – возникают непрерывно, так, как плесень и инфузории; они не сделаны, не готовы, а делаются».

Здесь блестяще сформулировано научное представление об изменчивом непреходящем бытии материального мира.

Герцен стоит тем самым гораздо выше вульгарных материалистов типа Фогта и Молешотта и представителей механистического естествознания, ибо видит сложное многообразие взаимосвязанных, но не сводимых одна к другой форм движения (теплота, химизм, электричество, кристаллизация, органическая клетчатка, животное царство, человек).

513

OSTRZEZENIE. DO REDAKCJI «DEMOKRATI POLSKIEGO» ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ. В РЕДАКЦИЮ «ПОЛЬСКОГО ДЕМОКРАТА»»

Печатается по тексту «Эшокга1а Ройки» от 5 ноября 1857 г. где опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

Статья предупреждала польских деятелей о предательстве австрийского поляка-эмигранта Г. Михаловского. Русским читателям это было уже известно из соответствующего сообщения в «Колоколе» (см, в наст. томе заметку «От издателя <Генрих Михаловский – шпион>»).

Стр. 65 – Михаловский написал из Лондона письмо Горчакову... – Имеется в виду письмо Генриха Михаловского к наместнику Царства Польского М. Д. Горчакову от 14 августа 1857 г. которое сохранилось в фонде III отделения (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., 1857 г., ед. хр. 255, лл. 6–9 об.).

... он предлагает сейчас же переслать несколько рукописей и писем, полученных из России и перехваченных им. – В письме М. Д. Горчакову от 14 августа 1857 г. Михаловский писал: «Я всякую неделю получаю манускрипты, которые приходят из России через Берлин, Дрезден. Угодно будет вашему сиятельству, чтобы некоторые из них были доставлены к Вам?» ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., 1857 г., ед. хр. 255, л. 9).

... Михаловский предложил ~ открыть фабрику фальшивых русских ассигнаций, если ему правительство даст 100 ф. ст. – В письме от 14 августа 1857 г. Михаловский предложил царскому правительству за вознаграждение в 100 фунтов стерлингов задержать в Лондоне русского подданного, занимавшегося изготовлением фальшивых денег достоинством в 50 кредитных рублей (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп.,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
1857 г., ед. хр. 255, лл. 5–9).

... год тому назад именно он донес кому следовало в Гамбурге о пересылке пакета с русскими книгами (это дело несчастного Ольшевского)... – Юзеф Ольшевский, польский эмигрант, проживавший в Лондоне и тесно связанный с польской демократической эмиграцией, в мае

1856 г. направился в Царство Польское для распространения запрещенных польских изданий, а также «Полярной звезды» Герцена. Однако в Гамбурге он был арестован в результате доноса, сделанного Г. Михаловским секретарю прусского посольства (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., 1857 г., ед. хр. 255, лл. 5–9). Выданный прусскими властями России, он в 1858 г. был сослан в Якутию (ЦГИАМ, ф. III отд., 2-й секретный архив, д. 102). Дальнейшая судьба Ольшевского неизвестна.

Стр. 66. ... Михаловский опять (13 октября) донес министру Горчакову о всем происшедшем. – Имеется в виду письмо Михаловского министру иностранных дел А. М. Горчакову от 13 октября 1857 г. В письме сообщалось, что Герцен осведомлен о договоренности Михаловского с русским правительством. В силу этого Михаловский отказывался от ранее предложенных услуг (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, 1 эксп., 1857 г., ед. хр. 255, л. 17).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ»)

Печатается по тексту книги «14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией „Полярной звезды“ по поводу книги барона Корфа», London, 1858, стр. VII–XIV, где было опубликовано впервые, за подписью: И–р. Автограф неизвестен.
514

1 октября 1857 г. Герцен писал Г. Михаловскому, тогда еще служившему в книжной лавке Трюбнера, но через несколько дней разоблаченному как информатор III отделения: «Наша брошюра с текстом доклада <Следственной комиссии> произведет в России фурор. Это не будет замолчано». О предстоящем издании книги «14 декабря 1825 и император Николай» Герцен сообщил М. К. Рейхель 24 октября 1857 г. 12 ноября того же года он писал Ж. Мишле: «Существует труд о Николае некоего барона Корфа, напечатанный в России. Против этого чудовищного византийского раболепия и бюрократической подлости мы печатаем особый труд под заглавием „26 декабря 1825 и имп<ератор> Николай“. Книгопродавец хочет одновременно напечатать и французский перевод». По-видимому, вместо французского перевода этой книги, Трюбнер считал более целесообразным издать ее резюме (см. в наст. томе работу Герцена «La conspiration russe de 1825»).

В письме к И. С. Тургеневу от 1 января 1858 г. Герцен сообщал, что «книга о Корфе готова». Объявление о выходе книги в свет было впервые напечатано в л. 7 «Колокола» от 1 января 1858 г.

Немецкий перевод книги «14 декабря 1825 и император Николай» появился в том же 1858 г. в Гамбурге, под названием: «Die russische Verschwörung und der Aufstand vom 14 Dezember 1825. Eine Entgegnung auf die Schrift des Baron Modeste Korff: „Die Thronbesteigung Kaiser Nicolaus I von Rußland im Jahre 1825“ von Alexandre Herzen».

М. К. Лемке в текстологическом примечании к настоящей статье указал, что ему «пришлось встретить» экземпляр книги «14 декабря 1825 и император Николай» «с обложкой без указания года, города и типографии и с подзаголовком „По поводу книги барона Корфа“ и притом только с первыми 126 страницами. Таких экземпляров было сделано около 25 для скорейшей отправки книжки друзьям в России с А. А. Тучковым, которому она была переслана через <М. К. Рейхель> (Л IX, 584). На основании каких данных установлено Лемке количество отпечатанных таким образом экземпляров и цель этого предварительного издания – нам неизвестно: в переписке Герцена, появившейся в печати, первые упоминания о готовящемся сборнике встречаются только с осени 1857 г. Если указание Лемке базируется на достоверных документальных данных, то время написания публикуемого предисловия может быть отнесено на несколько месяцев ранее (см. статью Л. Ф. Хинкулова. «Советская Украина», 1957, № 2, стр. 177).

Возмущенные клеветнической книгой барона Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (см. также статью «Через три года» стр. 195 наст. тома) Герцен и Огарев, вслед за критическим «Письмом к императору Александру II» (см. наст. том, стр. 35–46), решили издать книгу, посвященную разбору сочинения М. Корфа. Сообщение о предполагаемом издании разбора книги Корфа было напечатано в «Колоколе» л. 4 от 1 октября 1857 г. (см. «Заметку о разборе сочинения г. Корфа» наст. том, стр. 424).

Реализацией этого замысла и явился составленный Герценом и Огаревым сборник под названием «14 декабря 1825 и император Николай». Свою задачу, сформулированную Герценом в предисловии к сборнику, издатели видели в том, чтобы, раскрыв всю порочность публикации М. Корфа, по мере своих возможностей правдиво осветить историю декабристского движения. Основной идеей «Предисловия» является положение

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен о непосредственной преемственности между декабристскими традициями и деятельностью Герцена и Огарева. В «Предисловии» приводится то место из программного вступления, помещенного в первой книжке «Полярной звезды на 1855», в котором подчеркивалось, что самим названием альманаха редакторы Вольной русской типографии

хотят «показать непрерывность предания, преемственность труда внутреннюю связь и кровное родство» (см. «Объявление о „Полярной звезде“, 1855», т. XII наст. изд., стр. 265. Герцен цитирует это место неточно.).

«Предисловие» к книге содержит более резкую по сравнению с «Письмом» критику нового императора за его решение обнародовать книгу статс-секретаря покойного Николая I. Герцен считал эти действия Александра II серьезной ошибкой. В «Предисловии» содержится очень важное уточнение высказанной в «Письме» мысли о близости некоторых взглядов декабристов и Александра II относительно реорганизации аппарата государственного управления. Герцен в своей новой статье подчеркивал, что внешнее совпадение стремлений декабристов и Александра II изменить государственное управление не может сгладить коренного различия между ними в путях достижения этой цели.

Однако на «Предисловии», так же как и на упомянутом «Письме», сказались либеральные иллюзии Герцена, нашедшие выражение в его открытом заявлении о надежде на осуществление Александром II необходимых преобразований.

Основные целевые установки, высказанные Герценом в «Предисловии», определили состав сборника. В него были включены, за неимением других источников, освещающих движение декабристов, – «Донесение следственной комиссии от 30 мая 1826» (стр. 1 – 114), а также доклад и приговор Верховного уголовного суда (стр. 117–181). Центральное место в сборнике занимали «Письмо к императору Александру II» (стр. 183–202) и «Разбор книги Корфа», написанный Н. П. Огаревым (стр. 203–308), за подписью «Р. Ч.» («Русский Человек» – Ред.), в которых, кроме брошюры Корфа, разбирались и официальные документы.

«Предисловию» в сборнике предшествовало коротенькое, но очень существенное замечание «от издателей» (см. стр. 440 наст. тома). В нем объяснялись причины видного успеха книги М. Корфа (в течение 1857 г. три тиража сочинения Корфа быстро разошлись). Секрет такого положения заключался в том, что книга Корфа распространялась не обычным путем. По настоятельному указанию сверху, ее должны были приобрести лица, находящиеся на государственной службе. Кроме того, она усиленно рекламировалась («см. «Декабристы», Летопись Госуд. лит. музея, т. III. М., 1938, стр. 394).

В связи с таким широким распространением книги «Восшествие на престол императора Николая I», Герцен и Огарев придавали особое значение своему сборнику, разоблачавшему сочинение М. Корфа. Об этом свидетельствует переписка Герцена. 12 ноября 1857 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Теперь sous presse <в печати> „14 декабря 1825 и император Николай“, Трюбнер печатает по-русски, англ<ийски> и немец<ки>».

Правительство Александра II после получения сведений о подготавливаемом Герценом и Огаревым специальном издании, посвященном разбору книги М. Корфа, приняло чрезвычайные меры к тому, чтобы не допустить широкого распространения этого сборника. «Нас боятся и преследуют все больше и больше, – писал Герцен 23 декабря 1857 г. М. К. Рейхель, – о книге против Корфа есть уже приказ, чтобы в Германию не пускать по всем границам. А из России все больше симпатии».

Аналогичный запрет на лондонские издания был еще раньше установлен в России. Тем не менее книга «14 декабря 1825 и император Николай» дошла до читателей и имела большой успех.

М. И. Муравьев-Апостол в письме к М. И. Бибикову от 24 декабря 1860 г. писал: «Вчера я прочел <...> разбор доклада следственного комитета, <...> с каким приличием и достоинством он написан. Ни малейшего повода к соблазну или брани. Хотя нет сомнения, то и другое так и просились из-под пера» (ЦИАМ, ф. 1153, оп. I, 1860 г., ед. хр. 275, л. 104 об). О широком распространении книги «14 декабря 1825 и император Николай»

516

говорит тот факт, что она дошла до Петровского завода, где жил декабрист И. И. Горбачевский. Последний не только с огромным вниманием прочитал ее, но и оставил на полях свыше ста пометок, которые, как справедливо отмечал И. Г. Прыжов, скопировавший их, были очень близки точке зрения Герцена и Огарева (см. Л. Н. Пушкарев. Неизвестные заметки декабриста И. И. Горбачевского. «Вопросы истории», 1952 № 12, стр. 127–129).

Н. А. Мельгунов описал действие книги Герцена и Огарева на М. Корфа. 10 октября 1858 г. в письме к Герцену он, сообщая «старые новости», писал: «Другая старина та, что Корф, прочитав вашу книгу, упал в обморок – буквально упал» (ЛН, т. 62, стр. 381).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Стр. 69. Ведь Кромвель, раскрывая тело короля Англии, не обижал его памяти! –
Имеется в виду участие Кромвеля в вынесении особым верховным трибуналом 27
января 1649 г, смертного приговора английскому королю Карлу Стюарту. Исполнение
приговора состоялось 30 января 1649 г.

... предоставляя усердию разных Устряловых продолжать клевету и лесть... – Н. Г.
Устрялов написал в 1847 г. «Историческое обозрение царствования императора
Николая I», исправленное лично самим Николаем. Н. Г. Устрялов клеветал на
декабристов и полностью солидаризировался с оценкой движения, данной в
«Донесении».

КОНЧИНА И. Д. ЯКУШКИНА

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 35, где опубликовано
впервые, без подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф
неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена
устанавливается по стилистическим особенностям заметки и по близости ее к другим
высказываниям Герцена о декабристах и самом Якушкине (см. например: «Якушкин
приехал <из ссылки> с молодым сердцем» в статье «Вольное русское книгопечатание
за границей» – т. XIV наст. изд.). Включено Л. А. Тихомировым (Т, 29) и М. К.
Лемке (Л IX, 50–51).

В 1868 г., на основании опубликованных в 1862 г. в Лондоне двух частей «Записок
декабриста И. Д. Якушкина», Герцен написал очерк о его жизни и деятельности («Un
conspirateur de 1825» – «Заговорщик 1825 г.»), вошедший в цикл «Etudes
historiques sur les héros de 1825 et leur prédécesseurs, d'après leurs mémoires»
(«Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках, по их
воспоминаниям»). В примечании к очерку Герцен привел слова, сказанные умирающим
Якушкиным, в которых последний выразил уверенность, что Герцен отомстит за
поруганную память декабристов.

Заметка «Кончина И. Д. Якушкина», по-видимому, была написана на основании
информации, полученной от сына умершего, Е. И. Якушкина. В пользу этого
предположения говорит совпадение текста заметки и примечания к ней с содержанием
письма Е. И. Якушкина к И. И. Пущину от 30 марта 1857 г. и вступительной статьи
к первому полному изданию «Записок И. Д. Якушкина», М., 1905 (см. «Записки,
статьи и письма декабриста

И. Д. Якушкина» под ред. С. М. Штрайха, М.–Л., 1951, стр. 448–450, 510).

Стр. 71. ... один из самых замечательных ~ деятелей... – Герцен и Огарев высоко
ценили мужественное поведение Якушкина на следствии,
517

о чем они знали из «Донесения следственной комиссии от 30 мая 1826» (ср. Н. П.
Огарев. Разбор книги Корфа. Избранные социально-политические и философские
произведения, 1952, т. 1, стр. 265–266).

Его заставили покинуть не только Москву, но и Московскую губернию... – 14 марта
1857 г., вскоре после своего возвращения в Москву, Якушкин получил предписание,
согласно которому он не только не мог оставаться в Москве, но даже не имел права
жить в Московской губернии. Аналогичные предписания получили М. И.

Муравьев-Апостол, Н. В. Басаргин и другие возвратившиеся декабристы. На прошение
И. Д. Якушкина разрешить ему остаться в Москве для лечения из Петербурга был
получен отказ. Тяжело больной И. Д. Якушкин вынужден был 27 марта 1857 г.
выехать в деревню Новинки, Тверской губернии, принадлежавшую управляющему
московской удельной конторой Н. Н. Толстому, его бывшему сослуживцу по
Семеновскому полку. В результате настоятельных просьб родственников 17 мая 1857
г. было получено «высочайшее разрешение» на временные приезды престарелого
декабриста в Москву для лечения. 6 июня 1857 г. И. Д. Якушкин приехал в Москву,
но его здоровье было уже окончательно подорвано и 11 августа 1857 г. он
скончался.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ РАЗБОЙ В МОСКВЕ

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 35–38 где опубликовано
впервые, без подписи. В ОК заглавие дополнено словами в скобках: «Студентская
история, Беринг». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по содержанию настоящей статьи (кампанию
против московского генерал-губернатора Закревского и полицмейстера А. А.
Тимашева-Беринга, которую открывает эта статья, вел в «Колоколе» сам Герцен), а
также по следующим признакам. В статье прямо говорится о письмах, получаемых ее
автором – издателем «Колокола» – из России. Огарев тогда еще не был известен как
соиздатель газеты, следовательно, от лица издателя мог писать только Герцен.

Автор статьи говорит о своих обличительных сочинениях как о чем-то хорошо
известном («как бы ни казался жесток наш язык Зимнему дворцу и Летнему саду»), –
это могло быть высказано только Герценом. Разоблачением закулисных махинаций
русских правительственных чиновников, добивавшихся запрещения «Колокола» за

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен, также занимаясь в своем издании только Герцен. И, наконец, в статье дается чисто герценовская характеристика реакционной прусской газеты «Kreuz-Zeitung», «этой берлинской отрывки III отделения, этого прусского застенка для русских дел, этого лазутчика in partibus, который хочет из патриотизма политическими намеками скрыть кулаки кварталных». Включено с купюрами Л. А. Тихомировым (Т, 30–31) и М. К. Лемке (Л IX, 51–52).

12 ноября 1857 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Вы, вероятно, слышали, что было в Москве, как пьяная полиция и разбойник частный пристав ворвались в дом, где был студентский праздник; пять человек студентов были избиты до полусмерти и пр. Вы в „Колоколе“ увидите все подробности (он выйдет через неделю). Ну, увидим тут Ал. Ник., что он: рыба или мясо; до сих пор он ни то ни се».

О пятом листе «Колокола», в котором была помещена публикуемая статья и статья «Под спудом», Герцен писал И. С. Тургеневу 18 декабря 1857 г., что он «с кайенским перчиком».

Стр. 72. ... этого лазутчика t partibus... – Дословно: «в странах». Герцен имеет в виду традиционную формулу «ep18сориБ t рамьиз тьеениш» («епископы в странах неверных»), употреблявшуюся по отношению к главам церквей в местностях, завоеванных «неверными».

518

ПОД СПУДОМ

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 38–41, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: «Под спудом: а) по части дома умалишенных (Вяземский, Ланской) б) по части смиренного дома: 1) (Янсон, Сечинский, Чернявская, Закревский).

Убийство и покровительство разврата; 2) Убийства, засекания и ужасы помещичьей власти (Вреде, Щербатов, Закревский, Шипов)». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по его письму к М. Мейзенбуг от конца марта 1858 г.: «... я сегодня получил письмо от г. Поля <Пикулина>, который был в Ричмонде. Он говорит, что благодаря моему разоблачению дела молодой девушки, замученной до смерти московским полицмейстером, император немедленно приказал отдать полицмейстера под суд». Включено с купюрами М. К. Лемке (Л IX, 53–55). В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 86, строки 7–10: крестьяне ~ в неделю вместо: согласились платить ему уже не 125, а 140 руб. (и работающие один день в неделю), платящие 70 руб. (и работающие три дня в неделю) и не платящие ничего (но работающие 6 дней в неделю) (по К2)

16 ноября 1857 г. Герцен, сообщая М. К. Рейхель о том, что «пятый и шестой „Колокол“ выйдут скоро», писал ей: «Ваше письмо с приложениями не только получено, но уже отослано в типографию. Ужасы и гнусности... Так и быть, иду в палачи за народ и постегая этих мошенников. Я догадываюсь, кто вам писал по имени Венского <П. Пикулина>, лишь бы они не писали пустых или неверных фактов». Приведенные строки, несомненно, имеют прямое отношение к статье «Под спудом», в которой использовано несколько корреспонденций, полученных из России.

Стр. 80. ... «так это ясно, как простая гамма» – Цитата из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина (сцена I).

Стр. 81 ... считаем нашим сотрудником по «Полярной звезде» за его милое стихотворение, напечатанное нами... – См. примечание к стр. 19.

Стр. 82. ... о перепечатавании никаких статей из отдела «Журнала министерства внутренних дел» – «Правительственного указателя»... – Имеется в виду распоряжение от 12 июня 1857 г., запрещающее перепечатывать материалы «Правительственного указателя» из «Журнала министерства внутренних дел» в сочинениях и периодических изданиях («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 413).

К глупым полон благодати ~ Бар, служащих, как лакеи... – Из стихотворения П. А. Вяземского «Русский бог».

... не выдают купеческих свидетельств и принимают объявления капиталов только на правах временных купцов. – Согласно распоряжению особого секретного управления по делам о раскольниках от 10 июня 1858 г., учрежденного в 1853 г. при министерстве внутренних дел, старообрядцы ни при каких случаях не могли быть награждены знаками отличия, титулами именитых купцов и почетных граждан. Им разрешалось вступать в купеческие гильдии лишь на временных правах («Собрание постановлений по делам раскола», СПб., 1858, стр. 596).

... их не пускают за границ у... – Имеется в виду распоряжение от 24 декабря 1856 г. «О неувольнении раскольников за границу» («Собрание постановлений по части раскола», СПб., 1858, стр. 656).

Это избрал Ланской и по секрету сообщил всем губернаторам... – Циркуляр министра внутренних дел С. С. Ланского от 29 декабря

519

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен. 1856 г. доводит до сведения губернаторов указ от 24 декабря 1856 г («Собрание постановлений до части раскола», СПб., 1658, стр. 656). Во время коронации... – Речь идет о коронации Александра II в Москве 26 августа 1856 г.

ПО ДУХОВНОЙ И ДУШЕСПАСИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ

Печатается по тексту К. л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 41, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «По духовно-душеспасительной части» Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по композиционной связи настоящей заметки со статьей «Под спудом», в также по близкому сходству пародийного «священнослужительного» языка с языком статей Герцена «Исполин просыпается!» (т. XV наст. изд.). «Запрос святейшему синоду о иерейском двоеженстве» (т. XVII наст. изд.) и др. Ср. аналогичный пассаж в «Былом и думах»: «При этом один из архиереев, боясь подлога, приснопамятствовал, как во врем и оно в лжекафолической церкви на папез избрана была папиха Анна, и предложил было своих иноков... так как «пред очами мертвецов срама телесного нет» («Махровые цветы» – т. XI наст. изд. стр. 466); ср. также печатающиеся в настоящем томе заметки «Архипастырское рвение о мраке», «Распространение иезуитизма в России» и «О усердному, о пастырю благоревностному!», принадлежность которых Герцену устанавливается по тем же стилистическим признакам.

Стр. 87. ... св. Косьмы-бессребреника... – Святой Косьма, по преданию, жил во второй половине III века близ Рима, вместе с братом Дамианом. Будучи медиками, за исцеление в качестве вознаграждения они требовали лишь веры в Иисуса Христа; отсюда и прозвище – «бессребреники».

Амфитриклион – амфитрион – гостеприимный хозяин.

ПО ЧАСТИ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 41, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено: «общества железных дорог. Удивление невзяточничеству». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по композиционной связи настоящей заметки со статьей «Под спудом» и предыдущей заметкой, а также по характерным выпадам против московского обер-полицмейстера А. А. Тимашева-Беринга, которого Герцен усердно разоблачал в это время в «Колоколе». Типичны для герценовского стиля смелые эпитеты каламбурного характера, вроде: «порядочный пролив», «поддельные карты» (о географических картах) и т. п. Включено с купюрой М. К. Лемке в Dubia (Л IX, 56).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 88, строка 16: отнимете вместо: отнимите

Стр. 88. «Пароход» Тосна, под командой Опочинина, разбился 25 июля о каменную гряду, не означенную на картах. – Пароход «Тосна» под командованием капитан-лейтенанта

В. П. Опочинина разбился о риф на пути из Кронштадта в Нарву («Морской сборник», т. XXXI, № 9, 1857, стр. 94–97, раздел II).

...московского обер-полицмейстера... – А. А. Тимашева-Беринга.

...новое общество железных дорог в России, состоящее преимущественно из иностранцев... – Речь идет о Главном обществе российских

520

железных дорог, основанном 28 января 1857 г. по именному на имя сената указу от 26 января 1857 г. «О сооружении первой сети железных дорог в России». Учредители его: с. – петербургский банкир Штиглиц и К; варшавский банкир С. А. Френкель; лондонские банкиры Беринг и К°; парижские банкиры Готтингер и К, Б. Л. Фульд и Фульд-Оппенгейм; берлинские банкиры Медельсон и К; французские железнодорожные предприниматели братья Перейра и др.

МОСКВА

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г. стр. 43, где опубликовано впервые, без подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». В ОК заголовок дополнен словами в скобках: «Закревский отстоял Беринга». Автограф неизвестен. Это выступление в «Колоколе» являлось одним из промежуточных звеньев в борьбе Герцена с грубым полицейским произволом, с диктатурой генерал-губернатора А. А. Закревского и с покровительствуемым им обер-полицмейстером А. А. Тимашевым-Берингом. В этом отношении заметка тесно связана с более ранними

статьями «Правда ли?», «Полицейский разбой в Москве», «Под спудом» и позднейшими статьями и заметками: «Император и студенты», «Закревский бунтует!», «Закревские берут верх», «Польза от гласности», «Победа» и др. Характерны для Герцена иронические высказывания о «либерализме» Александра II, язвительное упоминание о Мине Ивановне Бурковой, которая «перевесит негодование и стон целого города, хотя бы этот город назывался Москва» и т. п. Включено М. К. Лемке в Dubia (Л IX, 64).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
6-й лист «Колокола» вышел в 20-х числах декабря 1857 г. (18 декабря Герцен
сообщил И. С. Тургеневу, что этот лист «выйдет на днях»).
В связи с происшедшей в Москве полицейской расправой над студентами (см. в наст.
томе статью «Полицейский разбой в Москве») ожидали отставки московского
обер-полицмейстера А. А. Тимашева-Беринга. Об этом сообщал Герцену Н. А.
Мельгунов в письме от 9 декабря 1857 г.; «в Москве были уверены, что Беринг не
усидит, тем более, что попечитель горячо взял сторону студентов и расположил в
пользу их государя. Но Закревский сказал, что если сменят Беринга, то и он
подаст в отставку. А этого его величество не желает, ибо, по слухам, Орлов и
прочие старики уверили его, будто Закревский необходим» (ЛН, т. 62, стр. 369).
Несомненно, что заметка «Москва» была написана Герценом на основе этого письма
Мельгунова.

Стр. 89. ...убивайте несчастных женщин в тюрьме... – Имеется в виду роль А. А.
Тимашева-Беринга в деле Янсон (см. об этом в статье «Под спудом», стр. 80–86
наст. тома).

...мешайте Москву освещать газом.. – См. об этом в заметке «Закревский и обер-
полицмейстер» и в комментарии к ней (стр. 440 и 624 наст. тома).

LA REGATA ПЕРЕД ОКНАМИ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 44–45, где опубликовано
впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: «La regata под окнами Зимнего дворца
(Ростовцев, Вяземский)». Автограф неизвестен.

На возможность принадлежности данной статьи Герцену указал Н. М. Мендельсон в
своем обзоре «Судьба литературного наследства А. И. Герцена»

(ЛН, т. 7–8, стр. 286–287), однако он не подкрепил свое предположение

документальными данными. Авторство Герцена установлено Л. Р. Ланским²⁸¹[201] на
основании следующих строк из письма И. С. Аксакова к Герцену от 16/28 октября
1857 г., в которых Аксаков прямо рекомендовал Герцену написать эту статью: «Вот
вам один случай, который расскажите в „Колоколе“. По поводу указа государя,
чтобы в гражданские учебные места не помещать воспитателей из военных, как было
при Николае, в фельетоне „Петербургских ведомостей“ была помещена статья, в
которой, между прочим, сказано: „С каким восхищением и благодарностью к царю
прочли мы указ такой-то“ и пр. Ростовцев – тотчас к государю с жалобой, говоря,
что это оскорбление военному ведомству и оскорбление покойному государю, что
отмененная мера еще недавно имела силу закона, что такое выражение сочувствия
всяким новым распоряжениям правительства есть как бы осуждение старых и пр.
Бедный Александр Николаевич, сдуру, в тот же вечер указал на этот фельетон
Вяземскому и повторил слова Ростовцева. Вяземский, вместо того чтобы защищать
газету, перепугался и на другой же день издал гнуснейший и глупейший циркуляр, в
котором повторил и еще отвратительнее развил смысл слов Ростовцева, но так как
министерство народного просвещения пикируется с Ростовцевым, то Вяземский
произвел следствие и открыл, что автор статьи – учитель московского кадетского
корпуса Батистов. Вяземский, обрадованный, тотчас к государю, что вот-де
Ростовцев пожаловался, а виноваты его чиновники. Государь Ростовцеву: „Твои же
пишут, а ты жалуешься на министерство“. Уязвленный Ростовцев немедленно послал
приказание в Москву выгнать Батистова. Директор корпуса, признавая Батистова
лучшим и незаменимым учителем корпуса, осмелился удержать Батистова на службе до
приезда Ростовцева в Москву, но когда директор заикнулся о нем, то Ростовцев
спросил с удивлением: „Разве он еще здесь?“ Одним словом, бедного учителя лишили
места!» («Вольное слово», 1883, № 60).

Стр. 90. La regata – Спортивное состязание гребных и парусных судов. Герцен
употребляет «regata» в смысле: состязание в доносах.

Государь не велел, чтоб в гражданские учебные места назначали воспитателей из
военных, как было при Николае, – имеется в виду сенатский указ от 27 марта 1856
г. «О лицах, назначаемых в должности воспитателей Александровского лицея,
Училища правоведения и вообще всех гражданских учебных заведений» (Полный свод
законов Российской империи, собр. 2, т. XXXI, отд. 1, спб., 1857, № 30311).

«Петербургские ведомости» ~ осмелились похвалить его. – В статье «Русская
литература (журналы)» (см. «С.-Петербургские ведомости», № 171 от 9 августа 1857
г., раздел «Фельетон», стр. 887–888) отмечалось выгодное отличие указа 27 марта
1856 г., ликвидировавшего назначение воспитателей в гражданские учебные
заведения из среды офицерства, от указа Николая I от 5 ноября 1849 г.,
установившего это положение.

...по свидетельству Модеста Корфа, «двадцатилетним юношей, пламенно любящем
отечество, в порыве молодого и неопытного энтузиазма»... – Выдержки из работ М.
А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I», спб., 1857, стр. 111 –
113.

...сделал донос в 1825 году на своих друзей... – Имеется в виду донос Я. И.
Ростовцева о существовании общества декабристов (см. примечание к стр. 42).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

...взяв ~ меры против излишней свободы книгопечатания в Петербурге, автор «Русского бога» и товарищ по просвещению ~ явился во

522

дворец... – Речь идет о распоряжении по с.-петербургскому и московскому цензурным комитетам от 15 августа 1857 г., запрещавшем порицание в печати «мер прошедшего царствования», т. е. царствования Николая I («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 414). Это распоряжение было разработано товарищем министра народного просвещения П. А. Вяземским, заведовавшим, согласно указа от 31 декабря 1856 г., делами цензуры. ...государь сидит с фельетоном... – Со статьей «Русская литература (журналы)». «Бог всех с Анною на шее!» – Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Русский бог».

Стр. 90–91. ...принялся писать циркуляр, комментируя ~ слова Иакова. – Циркуляр от 15 августа 1857 г.

Стр. 91. Статью писал учитель ~ Батистов, т. е. подчиненный Ростовцева. – Из письма Я. И. Ростовцева к Е. П. Оболенскому от 18 ноября 1858 г. видно, что автором статьи в «С.-Петербургских ведомостях» был не Батистов, а Басистов, учитель 2-го московского кадетского корпуса, которому Ростовцев, по собственным словам, предложил «оставить занятия его в корпусе» (см. «Русская старина», 1889, № 9, стр. 621–622).

«С нами бог ухабов!». – Переделанная фраза из стихотворения П. А. Вяземского «Русский бог».

...желая спасти Россию, говорит Корф, «от раздробления»...–См. М. А. Корф. «Восшествие на престол императора Николая I», СПб.. 1857, стр. 114–115.

ЗАПАДНЫЕ КНИГИ

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 45–48, где одубликовано впервые, без подписи. В К2 появилась подпись: И–р. Автограф неизвестен.

Эта статья Герцена по своему характеру отчасти близка к таким его работам, как рецензия на книгу Мишле «Renaissance» (т. XII наст. изд. и как очерк, посвященный труду Дж. Стюарта Милля «On liberty», вошедший в шестую часть «Былого и дум» (см. т. XI наст. изд.).

Как и в других своих произведениях, Герцен выступает здесь решительным критиком буржуазного порядка и буржуазной культуры и идеологии, в частности бонапартизма, культа Наполеона I.

Высказывая в «Западных книгах» мысль, развитую впоследствии в «Письмах к путешественнику» (1865) и особенно в письмах «к старому товарищу» (1869), Герцен подчеркивает необходимость изменения «экономических условий исторического быта», необходимость «экономического переворота», рассматривая такое изменение как предпосылку духовного роста народных масс.

Существенно то, что в «Западных книгах», в отличие от многих высказываний, относящихся к концу 40-х и самому началу 50-х годов, Герцен не считает исключенным, что Европа выйдет из «экономического переворота» «не только целой, невредимой, но и обновленной», и не отодвигает такую возможность на несколько столетий, как это имело место в книге «С того берега». В этом отношении статья «Западные книги» может быть сближена с фрагментом «О буржуазной Европе» (см. т. XII наст. изд.) и со статьей «Еще вариация на старую тему» (там же).

В связи с работой самого Герцена над «Былым и думами» заслуживает особого внимания место, уделенное в этом обзоре мемуарам и биографиям как проявлениям «исповеди современного человека». Вместе с тем «Западные книги», так же как и неразрывно связанный

523

с этой статьей «Постскрипtum к статье о новых книгах», представляет – собою одно из тех произведений, где, подобно «La Russie» («России» – т. VI наст. изд.), существенную роль играет опровержение ошибочных и по сути своей клеветнических выступлений западноевропейской (в данном случае немецкой) буржуазной публицистики против русского народа и славянства вообще. Национализму, сочетающемуся с космополитизмом (поэтому здесь и говорится о немецких «космопатриотах» – это выражение встречалось уже в набросках «Перейдем к панчеловечеству» – т. XII наст. изд.), Герцен противопоставляет идею международного сотрудничества всех наций.

Стр. 92. ...«свистать одно и то же». – Неточная цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие III, явление 6).

В одном император Николай был прав, – это что Ян Собеский и он сделали огромную глупость, спасая Австрию. – См. об этом в статье «Франция или Англия?» (стр. 239).

Стр. 93. Развенчанный Ричард II говорит своей жене ~ «Скучными зимними вечерами ~ о нашем печальном падении». – В «Трагедии о короле Ричарде II» В. Шекспира (акт V, сцена 1).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

В предисловии ко второму тюрбнеровскому изданию «Письма из Франции и Италии». – Герцен ссылается на издание: «Письма из Франции и Италии Искандера (1847–1852). Издание второе Н. Тюрбнера, London, 1858», имея в виду следующее место из предисловия: «Русские возражения и упреки сводятся на три главные пункта: зачем я смеюсь говорю об Европе, зачем я разрушаю веру в нее, зачем проповедую социализм <...> На два первые замечания я уже отвечал, и не один раз <...>» и сноску к нему: «В конце V „Письма“, в письме к Риберолу, в „Западных арабесках“, в „Новой вариации на старую тему“» (см. т. V наст. изд., стр. 10).

У вас под руками «Аполлинарий Сидоний» Ешевского. – Указание на книгу С. В. Ешевского «К. С. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М., 1855».

Стр. 95. ...четыре издания расхватили в несколько месяцев в Париже... – См. примечание к стр. 10.

Стр. 96. Его «Maпие1» – арифметическое de profanais... – Буквально; из глубины (лат.). Здесь употреблено в значении «исповедь».

«Вместо того, – говорит один путешественник о юго-испанских республиках в центральной Америке ~ отводят им глаза от предстоящих судеб. – Выдержка, приводимая Герценом, из книги: Wagner Moritz und Scherzer Carl. Die Republik Costa-Rica in Central-Amerika mit besonderer Berücksichtigung der Naturverhältnisse und der Frage der deutschen Auswanderung und Colonisationen. Reisestudien und Skizzen aus den Jahren 1853 und 1854. Leipzig, 1856.

Стр. 97. ...две книги, изданные Дицелем ~ Одна трактовала о германской цивилизации, другая – о Франции и ее элементах развития. – Герцен имеет в виду книги Густава Дицеля (Diezel), первая из которых появилась в 1852 г.:

«Deutschland und die abendländliche Zivilisation», Stuttgart, вторая – в 1853 г.: «Frankreich, seine Elemente und ihre Entwicklung», Stuttgart.

Вслед за тем Дицель издал брошюру «Rußland, Deutschland und die östliche Frage». – Названная Герценом брошюра Дицеля появилась в 1853 г., в Штутгарте.

Стр. 98. А кажись не подобает

Дундуку такая честь? –

Несколько измененные строки из эпиграммы А. С. Пушкина «В Академии наук», направленной против князя М. А. Дундукова-Корсакова, бывшего в тот период вице-президентом Академии.

На легкое замечание мое в одном журнале ~ Россия – Германия, что в ней русского только народ. – Имеется в виду письмо Арнольда Руге опубликованное в книге: A. Ruge. Briefwechsel und Tagebuch-blätter Bd. II, 1854, которое посвящено преимущественно разбору немецкого издания работы Герцена «О развитии революционных идей в России».

Этим мы обязаны Сарепте... – Сарепта была основана в 1765 г. выходцами из Богемии в бывшей Сартовской губернии. Екатерина II даровала колонистам около 6 тыс. десятин земли, освобожденных на 30 лет от налогов, самостоятельное управление и суд, свободную торговлю и т. д.

...«Едгар Бауэр» построил свою Россию a priori... – Герцен ошибочно приписывает Э. Бауэру работы, написанные его братом Бруно Бауэром. В брошюрах «Rußland und das Germanentum, Charlottenburg, 1853, «Deutschland und das Russentum», 1854; «De la dictature occidentale», 1854; «Die jetzige Stellung Rußlands», 1854 и др. Б. Бауэр высказывает мысль, что германская культура не имеет будущего, что Россия – страна грядущей цивилизации.

...явилась книга Вагнера о Коста-Рике («Costa Rica und das Central-America»)... – См. примечание к стр. 96.

...сам был в России и, вглядываясь в нее, пришел к иному результату ~ указывая ~ на Америку и Россию – как на страны будущего, могучего исторического развития. – Герцен приводит слова Морица Вагнера, побывавшего в России в середине 40-х годов XIX века. Его впечатления о России изложены в книге: Wagner M. Der Kaukasus und das Land der Kosaken in den Jahren 1843 bis 1846. Bd. 1–2. Leipzig, 1850.

Стр. 99. ...Бунцен им это доказал своим Ипполитом. – Герцен ссылается на книгу: Bunsen Christian Carl Josias. Hippolytus und seine Zeit. Anfänge und Aussichten des Christentums und der Menschheit. Bd. 1–2, Leipzig, 1852–1853.

Стр. 100. ...о IV томе поэтической, художественной «Истории XVI столетия» Мишле. – Герцен указывает на работу Ж. Мишле: histoire de France au XVIIe siècle. V. 1–4, Paris, 1855–1856. Упомянутый IV том, изданный в 1856 г., носит название «La Ligue et Henri IV» («Лига и Генрих IV») и составляет X том семнадцатитомной «Истории Франции» Ж. Мишле.

...как мы имели случай заметить в «Полярной звезде» 1855, говоря о первом томе ее ~ эпопеей в прозе. – Первый том «Истории XVI столетия» вышел в 1855 г. (M i s h e l e t Jules. Renaissance. Paris, 1855). Рецензия Герцена на этот том истории Мишле «„Renaissance“ par J. Michelet» была напечатана в ПЗ на 1855, кн. I. Герцен писал, что книга Мишле «...одно из самых поэтических и глубокомысленных

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов исторических сочинений, когда-либо вышедших во Франции. Это поэма, картина, философия эпохи, простой рассказ и вместе огненная полемика и страшный удар католицизму» (см. т. XII наст. изд., стр. 278).

Луи Блан напечатал IX том своей «Истории французской революции», еще начатой до февральской революции. – Blanc Louis. Histoire de la Révolution française, v. IX, Paris, 1857.

Он остановился на начале процесса гебертистов...–Эбертисты (гебертисты) – представители левого крыла якобинского блока, сторонники Эбера. Выступления эбертистов против Робеспьера с требованием более решительной экономической политики в интересах трудящихся масс привели к их аресту 14 марта 1794 г. и казни на гильотине 10 дней спустя.

О новом томе Тьеровой «Истории консулата и Империи» вы знаете. Герцен отмечает выход 16 тома работы А. Тьера (Thiers A. Histoire du Consulat et de l'empire, faisant suite à l'histoire de la Révolution française. Paris, 1857). Все издание вышло в 1845–1862 гг. в 20-ти томах.

525

...последние томы «Мемуаров маршала Мармона», испортившие много корсиканской крови в бонапартовской семье. – Герцен имеет в виду посмертную публикацию воспоминаний маршала Мармона, герцога Рагузского (Mém. o nt A. L. F. V. de Mémoires du duc de Raguse, de 1792 à 1841, imprimés sur le manuscrit original de l'auteur. V. 1–9, Paris 1856–1857), вызвавшую большой переполох среди бонапартистов, рассматривавших Мармона как личного врага Наполеона I и всей династии Бонапартов за сдачу им Парижа в 1814 г. союзникам. Разоблачительные материалы, опубликованные в «Мемуарах» Мармона, представили в новом свете ряд фактов, освещавшихся ранее совершенно иначе. Успех «Мемуаров» был настолько велик, что в том же году вышло их второе издание.

Книге полковника Шар ас ~ «О кампании 1815 года» – суждено ~ обрушиться на гробовую крышу в Доме инвалидов. – Жан Батист Адольф Шаррас был автором книги: Charras Y. B. A. Histoire de la Campagne de 1815. Waterloo..., v. 1–2, Paris, 1857, в которой он на основе анализа кампании 1815 г. развенчивал военный гений Наполеона I. В Доме инвалидов в Париже был помещен прах Наполеона I, привезенный во Францию с о-ва Св. Елены в 1840 г.

Записки и письма Чарльса Непира ~ сделали некоторую сенсацию в Англии. – Герцен имеет в виду издание, осуществленное братом Чарльза Непира, генералом и военным историком Вильямом Френсисом Патриком (Napier W. F. P. The life and opinions of Sir Charles-James Napier. V. 1–4. London, 1857). В том же году вышло второе издание.

Стр. 101. Главнокомандующим войсками в 1848 году, во время чартистского движения ~ каваньяковские и ламорисьеровские лавры... – Чарльз Джемс Непир, командовавший английскими войсками в период подъема чартистского движения в 1848 г., весьма сдержанно относился к политике правительства в рабочем вопросе. Он стремился минимально применять оружие при подавлении движения чартистов, в чем решительно расходился с палачами парижских рабочих в период июньских дней 1848 г. генералами Кавеньяком и Ламорисьером.

О жизнеописании Толя, изданном Бернарди... – Имеется в виду жизнеописание генерала К. Ф. Толя, составленное Т. Бернгарди: Bernhardi Theodor von. Denkwürdigkeiten as dem Leben des kaiserl. russ. Generals von der infanterie Carl Friedrich Grafen von Toll. Bd. I–IV. Leipzig, 1856–1858. В 1857 г. вышел третий том.

...записках Сиверса... – Речь идет об историческом исследовании К. Блюма о Я. Е. Сиверсе: в lum Karl Ludwig. Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers. Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands. Bd. 1–4. Leipzig und Heidelberg, 1857–1858. В 1857 г. вышли первые два тома.

Толь ~ набросал нам дорогие черты от этого злодея. – Описание деятельности Аракчеева см. в третьей книге тома указанного выше сочинения Бернгарди.

Стр. 102. ...брошюры Чичагова, напечатанной в Берлине... Герцен имеет в виду воспоминания адмирала Чичагова (Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. Campagne de la Russie en 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Berlin, 1855).

...несколько интересную: «Menschen und Dinge in Rußland». Упоминание анонимной книги «Menschen und Dinge in Rußland. Anschauungen and Studien. Cotha, 1856». Шницлер продолжает свою: «Empire des tzars». – Schnitzler Jean-Henri. L'Empire des tzars au point actuel de la science. V. 1–4, Paris, 1856 – 1869. В 1856 г. вышел 1 том.

К истории «Русского двора со времен Петра I» Магнуса Крузенштольпе Гофман и Кампе прибавили историю императора Николая... Герцен имеет в виду издание: Crusenstolpe Magnus Jacob. Der russische Hof von Peter I bis auf Nicolaus I und eine Einleitung: Rußland vor Peter

dem Ersten. Bd. 1–6. Hamburg, 1855–1857. Исследование Крузенштолпе вышло в гамбургском издательстве Гофмана и Кампе. Последние томы этой работы посвящены истории России в период царствования Николая I. Отмечая известный интерес работы Крузенштолпе, Герцен далее противопоставляет ее сочинениям официальных историков России Н. Г. Устрялова и М. А. Корфа о николаевской эпохе.

Книга Баллейдье, о которой мы упоминали в предпрошлом листе «Колокола»... – Рецензия Герцена на книгу Баллейдье была напечатана в К, л. 4 (см. в наст. томе заметку «Книга Баллейдье»).

...после плюгавой книги г. Зотова, под тем же названием. – Имеется в виду книга Р. В. Зотова «Тридцатилетие Европы в царствование императора Николая I. ч. I–II. СПб., 1857».

У Баллейдье Николай представлен ~ сентиментальным тираном, сбивающимся на Векфильского священника и на Домициана или Нерона... – Главное действующее лицо романа Голдсмита «Векфильдский священник» – искренний и добродушный священник доктор Примроз, несмотря на многие превратности судьбы, несправедливости и обиды, которые ему пришлось перенести, сумел сохранить веру в людей и надежду на возможность их морального исправления. Имена римских императоров Домициана и Нерона стали символом жестокости, бессмысленных зверств и разврата.

... Рафаила или вчуже преданного Альфонса. – Имя Зотова – Рафаил, Баллейдье – Альфонс.

... чудесных и поэтических брошюр Грегоровиуса о Корсике, Италии, Риме? – Герцен указывает на следующие сочинения Фердинанда Грегоровиуса: Gregororovius F. Corsica. Bd. 1–2. Stuttgart, 1854, Figuren. Geschichte, Leben und Scenerie aus Italien. Stuttgart, 1856; Die Grabmaler der römischen Päpste. Historische Studie. Stuttgart, 1857.

ПАКИ И ПАКИ О КАЗЕХВИИ[ХН] ПЕТРЕ ВЯЗЕМСКОМ

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 49. где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по тесной связи настоящей заметки с фельетоном «La regata перед окнами Зимнего дворца» (в котором тем же тоном и в том же стиле высмеивается другой циркуляр князя П. А. Вяземского) – и по сходству с высказываниями об Аврааме Норове в статьях Герцена «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова» и «Черный кабинет» (см. наст. том). О намерении Герцена «ругать всечасно» в «Колоколе» Вяземского см. в комментариях к статье «Правда ли?» (стр. 493 наст. тома). Антитеза «Фрейганг – Склавенганг», основанная на противопоставлении «свободолюбиво» звучащей фамилии цензора его рабоплепному поведению (в переводе с немецкого эти фамилии значат – Свободный шаг – Рабский шаг) является одним из каламбуров, наиболее характерных для Герцена-публициста. Аналогичное сравнение книг Рафаила (т. е. Зотова) и Модеста (т. е. Корфа) о Николае I см. в статье «Западные книги». Включено Л. А. Тихомировым (т, 32) и М. К. Лемке (л IX, 74 – 75).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 103, строка 2: секретный вместо: секретной

Стр. 103. Еще циркуляр – и также под сурдинкой, секретный, воровской ~ к развращению изящного вкуса. – Распоряжения Вяземского по цензурному ведомству были большей частью секретными. В одном из подобных циркуляров запрещалось разрешать к печати статьи, «где будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжения правительства».

527

Гаевский? – По-видимому, речь идет о П. И. Гаевском, директоре департамента министерства народного просвещения.

Ветхозаветный по имени, по занятиям и по посещению св<яты>х мест... – А. Норов в 1830–х годах много путешествовал по Палестине, Египту, Нубии, Греции, где он проводил «изыскания библейских мест» с целью «объяснения» географии этих стран «в применении к тексту священного писания» (см. его предисловие к книге «Путешествие по святой земле в 1835 г.»). Результатом «исследований» была многотомная история его путешествий («Путешествие по Египту и Нубии, служащее введением к путешествию по святой земле» – тт. 1–2; «Путешествие по святой земле в 1835 г.» – тт. 3–4; «Путешествие к семи церквам, упоминаемым, в Апокалипсисе» – т. 5), вышедшая в 1854 г. третьим изданием.

...неприличную книгу Зотова о Николае. – См. примечание к стр. 102.

...Рафаил заткнул за пояс самого Модеста. – Герцен сравнивает книгу Рафаила Зотова с книгой Модеста Корфа – «Восшествие на престол императора Николая I» (см. комментарий к статье «Письмо к императору Александру II»)

...цензор Фрейганг ~ в Склавенганг ~ вольным именем. – Об игре слов – см. в текстологическом комментарии.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ О ЦЕНЗОРЕ ГОН-ЧА-РО, ИЗ ШИ-ПАН-ХУ

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 49, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается непосредственной связью заключительных строк заметки о Вяземском с предыдущей заметкой, близостью к другому высказыванию Герцена об И. А. Гончарове (см. выдержанные в том же тоне строки об «Обломове» в статье «Very dangerous!!!» т. XIV наст. изд.); в заметке «Право гражданства, приобретенное „Колоколом“ в России» Герцен иронически называет Гончарова «японским цензором» (стр. 291 наст. тома). Об авторстве Герцена несомненно свидетельствуют и характерные для него стилистические особенности заметки: «Где же можно лучше усовершенствоваться в ценсурной хирургии, в искусстве заморения речи человеческой, как не в стране, не сказавшей ни одного слова с тех пор, как она обсохла после потопа?»; «Человек, имеющий такой хороший и такой всемирный аппетит, – человек, который, объехав вокруг света, не вышел ни на минуту из той атмосферы, которую носил с собой Гоголев Петрушка, всегда мог занять место Елагина или Фрейганга, умри только кто-нибудь из них (что при натурализации холеры в Петербурге и не представляет больших затруднений), но это была бы обыкновенная история», «школа китайски-японского ценсурного членовредительства» и т. п. Выражение «акклиматизация холеры» см. в «Aphorismata» Герцена – т. XX наст. изд. Включено М. К. Лемке (л IX, 75–76).

Стр. 104. Ши-пан-ху – так произносится название Японии по-китайски.

...рассказать впечатления, сделанные Тихим океаном ~ Нагасаки... – Герцен имеет в виду книгу И. А. Гончарова «Фрегат Паллада», в которой автор описал свое кругосветное путешествие 1852–1854 гг.

Это была бы, конечно, очень необыкновенная история. – Намек на роман М. А. Гончарова «Обыкновенная история».

...Гончаров просто хотел добросовестно подготовиться к должности цензора – Гончаров стал цензором в 1858 г.

<СЕЧЬ ИЛИ НЕ СЕЧЬ МУЖИКА?>

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 49–50, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК заглавие 528

дополнено в скобках фамилией «Эльстон-Сумароков». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по указанию М. К. Лемке о сверке статьи с подлинником, хранившимся в архиве семьи Герцена (л IX, 585), и по прямой связи со статьей «О письме, критикующем „Колокол“».

Стр. 105. That is the question! – «Вот в чем вопрос!» – слова из монолога Гамлета (В. Шекспир. «Гамлет», акт III, сцена 1).

Стр. 106. Кто не знает у нас историю ~ о том, как флигель-адъютант (Эльстон-Сумароков) был отправлен в Нижегородскую губернию на следствие о возмутившихся крестьянах. – О волнении в 1850 г. крестьян деревни Сурки Нижегородской губернии, купленной отставным генерал-майором Пашковым, сообщается в отчете III отделения за 1857 г. В январе 1857 г. граф Ф. Н. Сумароков-Эльстон учинил над крестьянами расправу, как и указано в статье, причем 15 из них были преданы суду. Крестьяне же продолжали волноваться (см. «Крестьянское движение 1827–1869 годов», выпуск I, 1931, подготовил к печати Е. А. Мороховец, стр. 109–110).

...Эльстон-Сумароков сделан вице-директором одного из департаментов военного министерства – Ф. Н. Сумароков-Эльстон был в 1857 г. вице-директором канцелярии военного министерства.

Какой-то «помещик то ж» в «Земледельческой газете» справедливо восстал против дерзких возгласов против розог и дельно заметил... – Статья, отрывок из которой приводит далее Герцен, была напечатана в «Земледельческой газете» в № 82 за 11 октября 1857 г. и подписана так: «„Помещик тож“ Грязовицкого уезда с. М.».

Стр. 107. Базилевский даже стал здоровее после православного наказания. – Полтавский помещик П. А. Базилевский был в 1850 г. высечен крестьянами в своем имении Хорольского уезда за жестокое обращение с ними. При этом крестьяне взяли с него расписку, что он будет молчать. Однако эта расписка была предъявлена местным властям. Николай I, узнав об этом, предложил Базилевскому, как камергеру царского двора, отправиться за границу и не возвращаться без особого его распоряжения. Подробнее см.: «Материалы для истории крепостного права в России. Извлечения из секретных отчетов министерства внутренних дел за 1836–1856 гг.», Берлин, 1872, стр. 48, 103, 200, 242–243. Подробности об истории с Базилевским Герцен рассказал в статье «русское крепостничество» (см. т. XII наст. изд., стр. 57–58).

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ О НОВЫХ КНИГАХ

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 50, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании тесной связи заметки со статьей

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Западные книги» в том же номере «Колокола», добавлением к которой она служит, и текстуальным совпадением со следующим местом из XXXVII главы «Былого и дум»: «Все немецкие революционеры – большие космополиты <...> и все исполнены самого раздражительного, самого упорного патриотизма. Они готовы принять всемирную республику, стереть границы между государствами, но чтоб Триест и Данциг принадлежали Германии <...> „Воинственный“ конвент, собравшийся в павловской церкви во Франкфурте и состоявший из добрых <...> профессоров, лекарей, теологов, фармацевтов и филологов, рукоплескал австрийским солдатам в Ломбардии, теснил поляков в Познани. Самый вопрос о Шлезвиг-Гольштейне (Stammverwandtl) брал за живое только с точки зрения «Тейчтума» и т. д. (т. X наст. изд., стр. 84). Включено М. К. Лемке (Л IX, 78 – 79).

529

Стр. 108. ...Александр I привел в действие свой проект в остзейских губерниях...–См. примечание к стр. 39.

Стр. 109. ...воинственный конвент, собиравшийся в Павловской церкви во Франкфурте... – Имеется в виду Франкфуртский парламент – общегерманское национальное собрание, созданное во время революции 1848 г. и не сумевшее сыграть сколько-нибудь значительной роли в революции. В частности, оно было проникнуто сильным национализмом, что отразилось на его отношении к познанским полякам и ломбардским итальянцам, боровавшимся за свое освобождение от власти Австрии.

...перещеголяла дикий, звериный зык «Теймса», требовавшего крови и убийств в Индии... – Герцен указывает на разнузданную шовинистическую кампанию, поднятую английской буржуазной печатью, и в первую очередь газетой «Таймс», против национально-освободительной войны индийского народа (т. е. XIX [хш] синайского восстания 1857–1859 гг.). Мощный размах революционных событий в Индии вызвал ярость господствующих классов Англии, прибегнувших к самым чудовищным методам расправы над восставшими индийцами.

Стр. 110... не были немцы готовы ринуться на свободную Швейцарию – из-за гогенцоллернских интересов? – Согласно постановлению Венского конгресса, княжество Невшатель было включено в состав Швейцарии в качестве 21 кантона союза. Вместе с тем оно продолжало оставаться в наследственном владении прусского короля, происходившего из династии Гогенцоллернов. Во время революции 1848 г. население княжества провозгласило республику. Однако сторонники Пруссии не отказались от мысли возвращения Невшателя Гогенцоллернам. В ночь со 2 на 3 сентября 1856 г. приверженцы Пруссии во главе с графом Фридрихом Пурталесом захватили Невшательский замок и селение Локль. Но попытка роялистов совершить переворот успеха не имела, и они без особого труда были разгромлены. Лишь вмешательство Наполеона III в конфликт и обещание гарантий независимости кантона Невшатель избавил заговорщиков от наказания. В марте 1857 г. в Париже состоялась конференция, на которой прусский король Фридрих Вильгельм вынужден был отказаться от своих притязаний на Невшатель.

LA CONSPIRATION RUSSE DE 1825 <РУССКИЙ ЗАГОВОР 1825 ГОДА>

Впервые опубликовано на французском языке в журнале «Bulletin de l'Association Internationale» (издание это разыскать не удалось, и дата публикации не установлена); перепечатано в виде брошюры под заглавием «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie par Iscander (A. Herzen)», Londres, 1858, стр. 1–31. Под статьей подпись: «Iscander, rédacteur de l'Etoile polaire» (Искандер, редактор «Полярной звезды»).

Печатается по тексту этого издания. Автограф неизвестен.

Итальянский перевод статьи был напечатан в газете «Italia del Popolo». №№ 51–52 от 20 и 21 февраля 1858 г. (Л IX, 586).

Борясь против искажений в освещении движения декабристов, Герцен в своей революционной пропаганде обращался не только к читающей России, но и к передовой Западной Европе. Ему было хорошо известно, что еще в 20-е годы XIX века в Европе появились книги реакционных авторов (С. L. Lesur, I. Esneaux et Chennechet, M. Ancelot, A. V. Granville), написанные в полном соответствии с «Донесением следственной

530

комиссии». Книги маркиза де Кюстина («La Russie en 1839», Paris, 1843) и И. Г. Шницлера («Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas et particulièrement pendant la crise de 1825», tt. I–II, Paris, 1847), в которых содержался критический материал о России первой трети XIX века – результат личных наблюдений авторов во время их пребывания в стране, – тем не менее не вышли за рамки установившейся официальной версии и вслед за «Донесением» объявляли декабристов «преступниками». Не дала правильного представления о декабристах и книга Н. И. Тургенева «Россия и русские» («La Russie et les Russes», Paris, I 1847; о полемике Герцена с Н. И. Тургеневым по этому вопросу

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов. см. ЛН, т. 62, стр. 583–586. Ср. И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма, ГИХЛ, 1956, стр. 320, 322–323).

Определяя содержание очерка «Русский заговор 1825 года», Герцен писал, что он является сжатым изложением главных фактов, приведенных в книге «14 декабря 1825 и император Николай», опубликованной одновременно в Лондоне (см. комментарий к предисловию Герцена к книге «14 декабря 1825 и император Николай»).

Очерк Герцена имел назначение познакомить западноевропейских читателей с основными событиями движения и политическими планами декабристов, обосновать закономерность выступления первых русских революционеров, борющихся за ликвидацию самодержавия и крепостного права.

Герцен в «Русском заговоре 1825 года» допускал много фактических ошибок, обусловленных тем, что основным источником, откуда черпал автор эти данные, было «Донесение следственной комиссии». Однако приходится поражаться интуиции, с какой Герцен из тенденциозного правительственного документа сумел извлечь такие сведения, которые позволили ему совершенно по-иному осмыслить и описать события. Современное состояние источников и литературы позволяет до мелочей исправить фактические неточности, допущенные Герценом. Но даже и в том виде, в каком фактическая сторона движения декабристов преподносилась в «Русском заговоре 1825 года», сведения эти представляли значительный интерес для читателей, поскольку они отметили официальную трактовку декабризма.

Фактические ошибки статьи не могли умалять непреходящего значения революционной концепции движения, высказанной Герценом в очерке. Автор отмечал, что с момента своего возникновения тайные общества декабристов имели политические цели, приобретая на последующих этапах движения все более революционный характер. В этой связи заслуживает быть отмеченной замечательная оценка, данная в очерке Южному обществу. «С самого своего основания, – писал Герцен, – оно приняло решительный и революционный характер».

В очерке Герцен дал великолепные характеристики выдающимся деятелям декабристского движения, поставив среди них на первое место П. И. Пестеля. Большое значение придавал Герцен выяснению аграрной программы декабристов и особенно Пестеля.

Герцен и Огарев объявили себя учениками и последователями Пестеля, ошибочно считая его аграрный проект социалистическим. Заканчивая очерк, Герцен писал: «Это завещание Пестеля, которое молодая Россия теперь выполняет!». Эта концовка помогает объяснить, почему вслед за «Русским заговором 1825 года» в брошюре 1858 г. (см. текстологический комментарий, стр. 529) было помещено сообщение Герцена под названием «Первый шаг к освобождению крепостных крестьян в России». Эти статьи внутренне объединены общей идеей борьбы за освобождение крепостного крестьянства.

Не останавливаясь подробно на описании 14 декабря и лишь мельком упомянув о восстании Черниговского полка, Герцен пятый раздел очерка специально посвятил «исторической философии» движения декабристов. В его понимании выступление декабристов было органически связано с теми преобразованиями, которые начал вводить в России Петр I. Причем сущность этих преобразований Герцен усматривал в том, что страна встала на путь европейской цивилизации. Идеалистически понимая движущие силы развития общества, среди которых он особенно выделял роль просвещения и передовых идей, Герцен склонен был приписывать влиянию «европейских идей» даже отсутствие у декабристов связи с народом. Причину же поражения декабристов Герцен видел в том, что «в день восстания на Исаакиевской площади и внутри второй армии заговорщикам не хватало именно народа».

Одной из сильных сторон очерка является установление Герценом преемственности традиции декабристов и их влияния на дальнейшее развитие революционной идеологии и освободительного движения в России. «Нравственный эффект, произведенный днем 26 декабря, был паразителен, – писал Герцен. – Пушки Исаакиевской площади разбудили целое поколение».

Стр. 128–129. ...Александр I вступил в Париж ~ предоставил французскую корону Бурбонам ~ друзья его предоставили ему самому корону польскую. – 30 марта 1814 г. русские войска и их союзники, австрийцы и пруссаки, вошли в Париж. На французском престоле была восстановлена династия Бурбонов. Разгром армии Наполеона заставил императора Австрии Франца I и короля Пруссии Фридриха Вильгельма III заключить союз с Александром I, но Герцен ошибался, говоря, что они «предоставили ему самому корону польскую». Вокруг польского вопроса на Венском конгрессе были острые споры, особенно между Россией, с одной стороны, и Австрией и Англией – с другой. Неожиданное возвращение Наполеона с о-ва Эльбы во Францию ускорило его решение в пользу России, которая получила большую часть Герцогства Варшавского, состоявшего главным образом из земель, захваченных Пруссией по трем разделам Польши.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

Стр. 130. В Литве, в главной квартире второй армии ~ два брата Муравьевы, заложили, в 1815 году, основы политического общества. – История создания первой тайной организации декабристов – Союза спасения – излагается Герценом неточно. Возникло это тайное общество не в Литве и не во второй армии, а в Петербурге, на совещании инициативной шестерки (А. Н. Муравьев, Н. М. Муравьев, С. П. Трубецкой, И. Д. Якушкин, С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы), которое произошло 9 февраля 1816 г. в Семеновских казармах на квартире Муравьевых-Апостолов.

Стр. 131. ...Пестель решил созвать в Москве съезд Северного и Южного обществ. – Московский съезд, состоявшийся в январе 1821 г., относится к последнему периоду существования Союза благоденствия. Северного и Южного обществ тогда еще не существовало.

Стр. 132, ...в 1823 году мы видим уже четыре новых общества, созданных под руководством главного общества... – Видимо, Герцен имел здесь в виду три управы Южного общества: Тульчинскую, Васильковскую, Каменскую и общество Соединенных славян, которое присоединилось в сентябре 1825 г. к Южному обществу. При этом Герцен ошибочно датировал присоединение славян к южанам 1823 годом.

Стр. 134. Пестель отправился сам, в сопровождении князя Волконского, на второе свидание с комиссарами Гродецким и Янковским. – Вероятно, речь идет об А. С. Яблоновском. О встречах Пестеля и Волконского с Яблоновским см. также в следственном деле Пестеля (восстание декабристов», т. IV, 1927, стр. 164–165).

532

Стр. 137. Но сила Северного общества заключалась не только в военном элементе. – Герцен преувеличивал силу тайных обществ и особенно влияние Северного общества на государственный аппарат, высшую аристократию и даже приближенных императора.

Стр. 138. «Где вы видели, чтобы без жертв была искуплена свобода?» – Эти и последующие слова являются вольным пересказом «Исповеди Наливайки» из неоконченной поэмы Рылеева «Наливайко». Герцен, конечно, знал это произведение, так как еще в «Полярной звезде на 1825 год» были опубликованы три отрывка из поэмы: «Смерть Чигиринского старосты», «Киев» и «Исповедь Наливайки» (стр. 30–31, 185–186, 370–372).

Стр. 142. Офицеры, принадлежавшие к обществу Соединенных славян ~ подняли несколько батальонов солдат и отправились ~ открывать двери тюрьмы. – Описание в очерке событий кануна восстания Черниговского полка и самого хода его не соответствует историческим фактам. Члены бывшего Общества соединенных славян, офицеры Черниговского полка Соловьев, Кузьмин, Шепилла и Сухинов (принятый сразу в Южное общество) освободили утром 29 декабря 1825 г. братьев С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, находившихся под арестом в квартире поручика Кузьмина в деревне Трилесьи. Пестель же был арестован 13 декабря в Тульчине и еще 27 декабря отправлен под охраной в Петербург. Кроме того, у командира 2-й бригады 3-й гусарской дивизии генерал-майора Гейсмара в бою под Установкой, когда он 3 января 1826 г. разбил Черниговский полк, была не дивизия, а четыре эскадрона гусар и два артиллерийских орудия.

...carmen horrendum... – песнь, ужасающая слушателей (лат.). В статье «Новая фаза русской литературы» (1864) Герцен характеризовал «Записки из мертвого дома» Достоевского, как «своего рода *carmen horrendum*, которая всегда будет красоваться над выходом из мрачного царствования Николая, как надпись Данте над входом в ад» (т. XVIII наст. изд.).

Стр. 144. Революция 1830 года, ловко использованная герцогом Орлеанским... – Плодами победы Июльской революции 1830 г. воспользовалась крупная промышленная и финансовая буржуазия, отдавшая обманным путем престол своему ставленнику герцогу Орлеанскому (царствовал под именем Луи Филиппа).

...польское восстание, задушенное, преданное всеми. – Имеется в виду восстание в Польше, продолжавшееся с 29 ноября 1830 г. до начала октября 1831 г. Восстание было жестоко подавлено царскими войсками; правительства же Англии и Франции, сочувствовавшие полякам и дававшие им повод надеяться на помощь, в решительный момент отказались от вооруженной поддержки восстания.

...гальванический удар потрясает Европу – Подразумеваются революционные события в Европе в 1848–1849 гг.

«Венгрия у ног вашего величества» – Герцен имеет в виду реляцию Паскевича о том, что венгерская революционная армия сложила оружие.

Непорочное зачатие доказано. – См. примечание к стр. 17.

Стр. 145. Варшавский порядок становится вселенским порядком в Европе. – После разгрома восстания в Польше Николай I уничтожил польскую конституцию, а в феврале 1832 г. издал «Органический статут», согласно которому Царство Польское провозглашалось «неотъемлемой частью» России. Сейм был ликвидирован и управление Царством вменялось в обязанность Административного совета во главе с императорским наместником. Министр иностранных дел Франции Себастиани, характеризуя новое положение в Польше, сказал: «Порядок царствует в Варшаве».

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Эта фраза получила широкую огласку и вызвала негодование передовых
533

слоев западноевропейского общества. Герцен воспользовался этой формулой, чтобы нагляднее показать ту реакционную роль жандарма Европы, которую Россия выполняла при Николае I.

LE PREMIER PAS VERS L'EMANCIPATION DES PAYSANS
SERFS EN RUSSIE <ПЕРВЫЙ ШАГ К ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЕПОСТНЫХ КРЕСТЬЯН
В РОССИИ>

Печатается по тексту брошюры «La conspiration russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie, par Iscander (A. Herzen)», Londres, 1858, стр. 33–41, где опубликовано впервые, за подписью: Iscander, rédacteur de l'Etoile polaire (Искандер, редактор «Полярной звезды»). Автограф неизвестен. М. К. Лемке опубликовал статью в качестве приложения к «La conspiration russe de 1825» (Л IX, 151–155 и XXII, 89–94).

Стр. 153. Со времени войны Бонапарта с Англией – за свободу и цивилизацию... – Герцен иронически пишет о Крымской войне. Англия и Франция, выступая на стороне Турции, лицемерно заявляли, будто , они борются за «свободу и культуру», маскируя тем самым свои захватнические цели.

...когда Англия продолжает освобождать Индию... – в мае 1857 г. в Индия, в связи с колониалистской политикой Англии, вспыхнуло национально-освободительное движение, известное под названием восстания сипаев (1857–1859). Английские колонизаторы жестоко расправлялись с восставшими. Видимо, именно по поводу этих действий Англии иронизировал Герцен.

...Наполеон «спокойно увенчивает свой труд свободой». – Имеется в виду политика Наполеона III в итальянском вопросе. Пользуясь популярностью борьбы итальянского народа за национальную независимость и демагогически обещая помочь Италии в освобождении от австрийского гнета, Наполеон III на самом деле готовил против Италии акт агрессии, препятствующий ее объединению. В 1857 г. он решил захватить находившуюся в руках Австрии Ломбардию с тем, чтобы впоследствии обменять ее у короля Пьемонта Виктора-Эммануила на Савойю и Ниццу. Ф. Энгельс отмечал, что наполеоновская Франция «не может допустить существования единой и независимой Италии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XI, часть II, 1934, стр. 48). Эти действия Наполеона III не скрылись и от пронизательного взгляда Герцена, который иронически писал о Наполеоне, спокойно венчающем «свой труд свободой».

...католическая Германия безгранично наслаждается конкордатом, а Германия протестантская – правом на молчание... – Одним из средств укрепления своего господства в Италии Австрия считала установление тесного союза с главой католической церкви – папой римским. В 1855 г. между ними был официально заключен конкордат, направленный против национально-освободительного движения как в Италии, так и в Германии. Таким образом, католическая Австрия и другие южногерманские государства (Вюртемберг, Бавария) использовали конкордат для своих реакционных политических целей. Северная же Германия (главным образом, Пруссия), где господствующее положение принадлежало протестантству, была лишена поддержки папы римского. Стесненное международное положение Пруссии в 50-е годы ограничивало ее возможности в проведении самостоятельной агрессивной внешней политики. В результате Ольмюцкого соглашения (1850) Пруссия должна

534

была примириться с действиями Австрии. Вот почему Герцен мог написать, что протестантская Германия безгранично пользуется «правом на молчание», ...2 декабря. Этот роковой для европейских летописей день... – Герцен намекает здесь на государственный переворот, совершенный французским президентом Луи Бонапартом 2 декабря 1851 г. Ровно через год Луи Наполеон был провозглашен императором.

Стр. 156. В конце концов он был уничтожен – этот сельский Авель. – Используя образ Авеля, убитого по библейскому сказанию своим братом Каином, Герцен в аллегорической форме подводит своеобразный итог многовековой борьбе народа, окончившейся поражением крестьянства и усилением крепостнического гнета.

ÜBER DEN ROMAN AUS DEM VOLKSLEBEN IN RUSSLAND (Brief an die Übersetzerin der «Fischer»)

<О РОМАНЕ ИЗ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ (письмо к переводчице «Рыбаков») >

Печатается по тексту немецкого авторизованного перевода М. Мейзенбург, который опубликован впервые в качестве предисловия к книге «Die Fischer. Ein Roman von D. Gregorowitsch», Hamburg, 1859.

Статья написана на французском языке, на котором однако никогда не издавалась. Французская редакция текста дошла до нас в неполном виде и поэтому публикуется в разделе «Других редакций» (см. также текстологический комментарий к «Sur le roman rural en Russie»). В нескольких случаях в немецком переводе допущены смысловые погрешности, которые исправлены в русском переводе в соответствии с

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

французским подлинником:

Стр. 172, строка 13: без цинизма – вместо: без эгоизма (нем. Egoismus; во франц. тексте: sans le cynisme)

Стр. 174, строка 20: ни грязи, ни смрада – вместо: ни паразитов, ни заразы (нем. Ungeziefer... Ansteckung; во франц. тексте: ni la vermine ni l'air contagieux)

Стр. 176, строка 22–23: пугало – вместо: боцман (нем. Bootsmann; во франц. тексте: croque-mitaine)

Стр. 176, строка 32: ретроволюционеров – вместо: революционеров (нем. Revolutionären; во франц. тексте: retrovolutionnaires)

Статья писалась Герценом в декабре 1857 г. 6 декабря она была в основном написана, и Герцен пригласил М. Мейзенбург ее прослушать. 18 декабря он сообщил И. С. Тургеневу: «Меня просили для перевода „Рыбаков“ Григор<овича> на немецкий черкнуть предисловие, которое непременно требовал Hoffmann und Rampe. Я в предисловии воскурил тебе такой фимиам за твои „Рассказы охотника“, что ты еще что-нибудь расскажешь». По-видимому, Герцен подверг затем статью некоторой переделке и только 28 декабря сообщил М. Мейзенбург о том, что его статья совсем готова. Этим днем она и датирована в печатном тексте. Герцен был чрезвычайно доволен своей статьей о «Рыбаках»: «Должен вам сказать, – писал он М. Мейзенбург 4 декабря 1857 г., – что давно уже мне ничто так не удавалось, как предисловие к „Рыбакам“».

О своем намерении напечатать это предисловие в «Колоколе» Герцен сообщил И. Мейзенбург 28 декабря 1857 г., однако выполнено оно Герценом не было.

Предисловие к немецкому изданию романа Д. В. Григоровича «Рыбаки» – одна из значительных работ Герцена как литературного критика.

535

Герцен отмечает в нем, что роман из народной жизни за последнее время «приобрел известное значение в русской литературе», и видит в этом «признак больших перемен в направлении умов», начало преодоления того разрыва между литературой и жизнью, который, по мысли Герцена исторически сложился в результате реформ Петра I.

«Великое открытие» народа в литературе Герцен недостаточно связывал в своей статье с традициями реализма Крылова, Пушкина, Лермонтова, но несомненно, что им, вслед за Белинским, был верно и глубоко подмечен тот серьезный сдвиг, который происходил в русской литературе. Новое звучание народной темы, по утверждению Герцена, придавало русской литературе еще большее общественное значение. Герцен решительно выступает в статье за дальнейшую демократизацию передовой литературы.

Стр. 173. ...как надпись над «Città dolente». – «Град скорби» – слова из надписи над воротами ада в поэме Данте «Божественная комедия» («Ад», песнь III).

...знаменитое письмо Чаадаева ~ потрясло всю Россию в 1836 году. – Во франц. автографе Герценом ошибочно указана дата: 1835 (так же в нем. переводе). О впечатлении, которое произвело «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, см., помимо работы «О развитии революционных идей в России» (гл. V, т. VII наст. изд., стр. 221–223), в «Былом и думах», ч. IV, гл. XXX (т. IX наст. изд., стр. 139–140); а также в статье «Новая фаза русской литературы» (1864, т. XVIII наст. изд.).

...l'hermite de la chaussée d'Antin. – Имеется в виду нравоописательный роман В.-Ж. Жуи «Отшельник с улицы Дантен» («L'Hermitte de la Chaussée d'Antin»).

Стр. 174. Малоросс по происхождению... – Отец В. И. Даля был датчанин, принявший русское подданство, мать – немка. Родился В. И. Даль на Украине.

...потерпевшей полное фиаско в Париже. – «Ревизор» был поставлен в Париже в театре Porte-Saint-Martin в 1854 г. под названием «Русские в своем собственном изображении» («Russes peints par eux-mêmes»).

Стр. 176. ...как бог у Беранже, начала ~ с любопытством взирать на этот лежащий внизу мир... – Речь идет о стихотворении П. Ж. Беранже «Добрый бог» («Le bon Dieu»).

Стр. 177. ...одного – характером Гёте, а другого – характером Шиллера. – Имеется в виду рассказ И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч».

...выступил со своим вторым рассказом «охотника»... – Рассказ «Ермолай и мельничиха» из цикла «Записки охотника».

...не побоялся заглянуть и в душную каморку дворового ~ устояв перед двойною цензурой... – Герцен сравнивает героя романа Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» с героем рассказа Тургенева «Муму». Цензурную историю рассказа см – в книге Ю. Г. Оксмана «И. С. Тургенев. Исследования и материалы», вып. I, Одесса, 1921, стр. 51–55.

1858

ЧТО ЗНАЧИТ СУД БЕЗ ГЛАСНОСТИ

Печатается по тексту К, л. 7 от 1 января 1858 г., стр. 56–58, где опубликовано

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов впервые, за подписью: И–р. Приложенные к статье выписки из судебного дела названы в ОК: «Дело Кочубей и Зальцманна». Автограф неизвестен. Материалы по делу Кочубей и Зальцманна были присланы в «Колокол» И. С. Тургеневым, который писал Герцену из Рима 22 декабря 1857 г.:

536

«Прежде этого письма прочти прилагаемое дело, которое посылаю тебе для скорейшего помещения его в „Колоколе“. Оно составлено по документам и получено мною из самовернейшего источника. Прибавь к тому, что ты прочтешь, еще следующее: Кочубей, между прочим, представил пулю, будто бы выпавшую из раны, – а пуля оказалась в теле Зальцманна; он в течение шестимесячной проволоочки переделал все свои комнаты и кабинет, так что введенный З. не мог узнать ничего из местности: между тем как всякий порядочный человек сам бы первый должен был хлопотать о возможнейшей гласности и ясности. За все это полтавское дворянство избрало его своим губернским предводителем, и на коронации он получил аннинскую ленту, настаивая на том, что он ее хочет не для себя, а для дворянства. Читая это дело, невольно вспоминаешь слова Городничего в „Ревизоре“; „Вы ей не верьте; не я ее высек – она сама себя высекла“. Эти слова можно бы поставить эпиграфом предисловия, которое ты, я надеюсь, напишешь – только не бранись слишком: это гнусное дело само за себя говорит. Ты увидишь, что я вычеркнул несколько ненужных и ослабляющих общее действие украшений – в слоге, – и я думаю – самое заглавие не худо бы переменить. Имя благодетельного генерал-адъютанта я должен был обещаться вычеркнуть. Тотчас по получении этого письма дай мне знать о том. Напиши только одно слово, что документ у тебя в руках.

И такого рода дела – не исключение у нас, – напротив, они составляют правило, обычную норму нашей юриспруденции; всякий знакомый с русскими порядками это скажет! А граф Панин недавно выхлопотал согласие на запрещение всяких печатных толков о гласности, а по новейшим известиям реакция в полном ходу и торжестве! Жаль России и жаль царя.

Прощай, будь здоров; держи имя своего корреспондента в тайне, а в „Колоколе“ напечатай как можно скорее...» («Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену. С объяснительными примечаниями М. Драгоманова», Женева, 1892, стр. 113–115).

В ответном письме от 31 декабря Герцен писал:

«Богат и славен Кочубей и в Зальцманна стреляет.

Благодарю за присылку, – она выйдет в печати к 15 ян<варя>, с небольшим введением». В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 182, строка 19: освященного вместо: освещенного

Стр. 186, строка 42: обсуждение следствия вместо: в обсуждение следствия

Стр. 181. «Опора престола» стала бревном на дороге... – Речь идет о нежелании дворянства отменить крепостное право.

Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об этих жизненных вопросах. – Подготовка судебной реформы началась в 40-х годах XIX века организацией специальной комиссии под председательством графа Д. Н. Блудова. В 1857 г. Блудов в объяснительной записке к проектам, внесенным на обсуждение Государственного совета, указал на необходимость переустройства суда (см. «Министерство юстиции за 100 лет. 1802–1902», исторический очерк, СПб., 1902, стр. 82). Однако реформирование судопроизводства проходило крайне медленно. Особенно противодействовал проведению реформы министр юстиции В. Н. Панин. Даже в докладе III отделения за 1857 г. указывалось: «Панин является не столько министр, сколько обыкновенный бюрократ, который не смеет переступить обведенного произвольно

537

им же самим около себя круга...» (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, оп. 85, ед. хр. 22, 1857 г., л. 94 об.– 95 об.).

...после заграничного путешествия государя... – Имеется в виду поездка Александра II в Западную Европу в 1857 г.

ИМПЕРАТОР И СТУДЕНТЫ

Печатается по тексту К, л. 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 59, где опубликовано впервые, без подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по прямой связи настоящей заметки со статьей «Полицейский разбой в Москве». Включено Л. А. Тихомировым (Т, 35–37) и М. К. Лемке (Л IX, 117).

Стр. 188. ...резолуцию Александра И... – Полный текст резолюции по делу московских студентов, утвержденной Александром II, приведен в статье Л. Пантелеева «Происшествие 29 сентября (1857 г.) между студентами (Московского) университета и полицией» («Минувшие годы», 1908, № 4, стр. 153–154). Полицейские

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов – чиновники, признанные в ней виновными, 9 июня 1858 г. решением военного суда были приговорены: квартальный поручик московской полиции К. Д. Симонов – к лишению чинов и переводению в рядовые, квартальный надзиратель А. И. Морозов – к увольнению со службы без права поступления, частный пристав П. И. Цвилленев – к лишению права служить в полицейских должностях и частный врач А. М. Лилеев – к отрешению от должности.

...о деле московских студентов. – См. корреспонденции содержащиеся в статье «Полицейский разбой в Москве» (наст. том, стр. 73–75).

<О ПИСЬМЕ, КРИТИКУЮЩЕМ «КОЛОКОЛ»>

Печатается по тексту К, л. 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 65–66, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по автоцитатам из «Писем из Франции и Италии» и по текстуальным совпадениям с другими статьями Герцена (ср., например, в статье Герцена «Appel à la pudeur» строки о подобоострастном и вычурном языке – наст. том, стр. 409, и в статье «Very dangerous!!!» о нивелирующей силе смеха – т. XIV наст. изд.). Включено Л. А. Тихомировым (т, 35–37) и М. К. Лемке (л IX, 117–119).

Статья является ответом Герцена на ненапечатанное письмо. В ней были обоснованы принципы сатирического освещения в «Колоколе» сообщавшихся из России фактов помещичьего и бюрократического произвола. Она свидетельствует о том, что разногласия между Герценом и либералами возникали не только вследствие расхождений по программным вопросам, но что либералы уже тогда видели опасность, которую представлял с их точки зрения самый способ подачи материала в газете, превращавшей многие факты в средство революционной агитации.

В этой связи характерно заявление Герцена о том, что при сообщении фамилии помещика, взявшего у крестьян деньги, гнусно обманувшего и продавшего их (см. заметку Герцена «Сечь или не сечь мужика?», наст. том, стр. 106), точность не так уж важна, ибо каждый дворянин- помещик способен на такой же поступок. Статья имеет существенное значение и для понимания эстетических воззрений Герцена, его взглядов на комическое.

538

Стр. 189. Автор письма мог видеть ~ как усердно мы просим всех сообщающих нам вести подвергать их ~ критике. – Герцен писал об этом ранее в заметке «Нашим анонимным корреспондентам» (наст. том стр. 48) и в статье «Под спудом» (наст. том, стр. 80).

Мы в VI листе сказали, что московский обер-полицмейстер Беринг остался, а он подал в I листе отставку. – В заметке «Москва» (см. стр. 89 наст. тома).

...получили мы письмо, в котором обращается внимание на то, что «Закревский отстоял Беринга». – Имеется в виду письмо Н. А. Мельгунова от 9 декабря 1857 г. (см. комментарий к заметке «Москва», наст. том, стр. 520).

Беринг заменен Кропоткиным. – В письме к Герцену от 3 февраля 1858 г. Н. А. Мельгунов сообщал: «А. Беринга-таки отставили: mieux< vaut> tard que jamais <лучше поздно, чем никогда>. По русским газетам, отставка сухая, в смысле: выброшен из службы. Стало, мнение в России начинает же иметь кое-какую силу». «Не помог ли этой отставке „Колокол“?» – спрашивал Мельгунов (см. ЛН, т. 62, стр. 370).

Стр 190 ...что «предмет, о котором человек не может улыбнуться ~ смешать с рядовыми предметами». – Не совсем точная цитата из пятого письма «Писем из Франции и Италии» (т. V наст. изд., стр. 89).

...жена графского дворецкого Фигаро ~ говорит, что теперь все сделались – как все, cotte tout le monde! – Герцен имеет в виду следующие слова Сюзанны из «La Mère Coirayе» Бомарше: «<...> et madame sort sans livrée! Nous avons l'air de tout le monde!» <...> <a графиня выезжает без ливрейных лакеев. Мы теперь совсем как простые смертные!» (действие I, явление 2).

Стр. 191. Это уже лет пятнадцать тому спрашивал Белинский. – Герцен вспоминал об этом в «Былом и думах» (см. главу XXV, часть IV, т. IX наст, изд., стр. 33).

Другой корреспондент пишет ~ в «Теймсе» была только фамилия Пашкова... – Неизвестный корреспондент откликнулся здесь на статью Герцена «Сечь или не сечь мужика?» (см. наст. том), в которой, на основании материалов из газеты «Таймс», сообщалось о крестьянских волнениях в Нижегородской губернии. При этом в статье правильно указывалось, что помещиком, купившим имение, был генерал-майор в отставке Пашков (см. примечание к стр. 106). Говоря же здесь, что помещиком, продавшим имение, был Пашков, Герцен явно ошибался. Фамилия помещика, незаконно продавшего крестьян, сообщалась Герценом в вышеупомянутой – статье по памяти (неслучайно он писал, что это был «помнитсЯ, Рахманов», см. стр. 106 наст. тома) и была, скорее всего, неточной. В отчете III отделения за 1857 г. указывалось, что бывшим управителем имения в деревне Сурки был помещик Рачинский (см.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Крестьянское движение 1827–69 годов», выпуск I, подготовил к печати Е. А. Мороховец, 1931, стр 110).

ОХАПКА ДРОВЕЦ СТАРУШКИ

Печатается по тексту К, л. 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 66, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «„Норд" и Орсини». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по автоцитате из брошюры «La Russie et le vieux monde». Включено М. К. Лемке (Л IX, 120 – 121).

Эта статья является откликом Герцена на шумиху, поднятую реакционной прессой в связи с покушением на Наполеона III (см. реальный комментарий).

Стр. 192. ...уцелевшего Бонапарта... – Подразумевается неудачное покушение на жизнь Наполеона III, совершенное 14 января 1858 г итальянским революционером Орсини (см. комментарий к статье «Франция или Англия?», стр. 547).

Стр. 193. Мы знали со времен перестройки Зимнего дворца, что усердие все преодолевает... – Имеется в виду перестройка Зимнего дворца после пожара 1838 г. Работы производились под руководством главного начальника путей сообщения и публичных зданий П. А. Клейнмихеля. После завершения их в честь Клейнмихеля была выбита золотая медаль с надписью «Усердие все преодолевает».

...доживем до союза (о котором мы пророчили в 1854 году) двух императоров ~ в Европе? – Ссылаясь на свои письма к английскому журналисту В. Линтону «La Russie et le vieux monde» («Старый мир и Россия») (см. т. XII наст. изд.), Герцен выступает против союза между Россией и Францией (см. об этом также в статье «Франция или Англия?»).

«Неужели вы думаете, – писал я тогда ~ Никогда!» – Неточная цитата из второго письма Герцена к В. Линтону от 17 февраля 1854 г. (см. т. XII наст. изд., стр. 182).

<ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕ ХОТЕЛО ОСВОБОДИТЬ КРЕСТЬЯН...>

Печатается по тексту К, л. 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 66, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В ОК озаглавлено: «Тамбовское дворянство». Автограф ненавистен.

Авторство Герцена устанавливается по тесной связи настоящей заметки с заметкой Герцена «Тамбовское дворянство» (см. стр. 283 наст. тома) и по аналогичным высказываниям в статье «Через три года», где Герцен тем же тоном и в тех же выражениях клеймил «плантаторов», «крамольных олигархов, бунтующих защитников барщины и розог», предлагая им выйти из своих «тамбовских и всяческих берлог» и открыто высказаться (см. стр. 196 наст. тома).

Вероятно, л. 8 «Колокола» вышел несколько позднее обозначенной на нем даты, и заметка написана под впечатлением следующих строк из письма Н. А. Мельгунова Герцену от 3 февраля 1858 г.: «Тамбовское дворянство подало было голос о несвоевременности

освобождения; царь, через Ланского, поморщился; и вот, то же тамбовское дворянство находит теперь, что освобождение своевременно» (ЛН, т. 62, стр. 370). Включено М. К. Лемке (Л IX, 121).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 194, строка 5: Что бы ни обрушилось вместо: Чтобы ни обрушились

Стр. 194. Тамбовское дворянство не хотело освободить крестьян и только когда на него прикрикнул министр, послало предводителя в Петербург. – В виду того, что тамбовское дворянство всемерно затягивало разработку адреса по поводу открытия Тамбовского губернского комитета, 10 января 1858 г. министр внутренних дел С. С. Ланской в отношении на имя тамбовского губернатора Данзаса писал, что «промедление с реформой может вызвать крестьянские волнения» (Тамбовский областной госуд. архив, ф. 101, оп. 83, 1857 г., ед. хр. 12. л. 58, цит. по диссертации К. Ф. Максимовой «Крестьянская реформа 1861 г. в Тамбовский губернии» М., 1951, стр. 217). Губернский предводитель тамбовского дворянства Лион ездил в Петербург после 10 января, вернулся в середине февраля 1858 г., после чего начал действовать более активно. Адрес тамбовского
540

дворянства был направлен в Петербург только 7 марта 1858 г. Рескрипт Александра II об открытии губернского комитета последовал 5 апреля. Из напечатанной в л. 16 статьи «Тамбовское дворянство» следует, что материалом для настоящей заметки послужило сообщение газеты «Le Nord» (см. наст. том, стр. 283 и комментарий к ней).

ЗАКРЕВСКИЙ БУНТУЕТ!

Печатается по тексту К, л. 8 от 1 февраля 1858 г., стр. 66, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по прямой связи с заметкой «Закревские берут верх» (см. стр. 254 наст. тома). Ср. также заметку Герцена «Победа» на стр. 265. В статье Герцена «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Корфа» встречается аналогичная характеристика сената и совета как «богадельни для стариков» (стр. 40 наст. тома). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (л IX, 122). Стр. 194. ... мешаете освобождению крестьян? – А. А. Закревский, занявший крайне реакционную позицию в вопросе об отмене крепостного права, запретил московскому дворянству следовать примеру дворян северо-западных губерний, вынужденных поставить вопрос об освобождении крестьян еще в конце 1857 г. Закревский советовал дворянству не спешить с просьбой об открытии крестьянского комитета. К лицу ль вам эти лица? – Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие I, явление 2).

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА (18 февраля 1858 года)

Печатается по тексту К, л. 9 от 15 февраля 1858 г., стр. 67–68, где опубликовано впервые, за подписью: Искандер. Перепечатано без изменений под заглавием «18 февраля (3 <!> марта 1858)» в сборнике «За пять лет...», часть первая, London, 1860, стр. 67–72, где объединено было со статьей «1 июля 1858» (см. стр. 293–298 наст. тома) под общим шмуцтитлом «Через три года и через три года с половиной» (вторая часть шмуцтитла относилась к статье «1 июля 1858»). Автограф неизвестен.

В письме к М. К. Ренхель от 10 февраля 1858 г. Герцен писал: «Обратите внимание на мое замечание с Алекс<андром> II в статейке „Через три года“». Статья, написанная в связи с третьей годовщиной со дня смерти Николая I (умер 18 февраля 1855 г.), действительно представляет собою одну из самых слащавых апелляций Герцена к царю (ср. комментарий к «Предисловию <к „Колоколу“>»). Следует, однако, отметить, что и здесь содержится оговорка относительно того, что «Колокол» идет «с тем, кто освобождает и пока он освобождает».

Стр. 195. Ты победил, Галилеянин !.. – По преданию, с такими словами умер римский император Юлиан Отступник, против христианства.

«От вас ждут кротости», – говорили мы ему ~ пятно крепостного состояния». –

Цитаты из «Письма к императору Александру Второму» (см. т. XII наст. изд., стр. 272 и 274; курсив в тексте ПЗ отсутствует).

Книга Корфа оскорбила нас... – См. «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» и комментарий к нему.

541

Стр. 195–196. ... Александр II подписал первый акт ~ он со стороны освобождения крестьян... – Имеются в виду опубликование 17 (29) декабря 1857 г. рескрипты Александра II на имя виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора В. И. Назимова от 20 ноября (2 декабря) 1857 г. и на имя петербургского военного генерал-губернатора П. Н. Игнатьева от 5 (17) декабря 1857 г., свидетельствовавшие о начале работ по подготовке крестьянской реформы. После рассылки этих рескриптов стали создаваться губернские дворянские комитеты по крестьянскому делу.

ЛАКЕИ И НЕМЦЫ НЕ ДОПУСКАЮТ

Печатается по тексту К, л. 9 от 15 февраля 1858 г., стр. 74, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И-р. Автограф неизвестен.

«А вашего <саксонского> министра я отдал письмом к нему и статьей, которую вы получите в следующем „Колоколе“», – писал Герцен М. К. Рейхель в Дрезден 10 февраля 1858 г.

Русское правительство предприняло в 1857 г. ряд мер, которыми надеялось парализовать издательскую активность Вольной русской типографии. 4 мая 1857 г. шеф жандармов кн. Долгоруков направил отношение к наместнику Царства Польского, рекомендуя начать борьбу с проникновением из-за границы революционных изданий. Специальный агент посланный наместником в Берлин, установил, что сбытом герценовских книг занимались многие германские книготорговцы и комиссионеры. В результате переговоров русского и прусского правительств, последнее отдало приказ о запрещении продажи «Колокола» на всей территории Пруссии (см. л VIII, стр. 533–541 и статьи «Словобоязнь» и «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова», стр. 281–282 и 269–271 наст. тома). 23 июля 1857 г. Герцен сообщил М. Мейзенбуг: «В Берлине на почте и во всех магазинах, официально наложен арест на „Колокол“; полиция также отдала приказ, чтобы мои книги не выставлялись на окнах». В этом же письме Герцен отмечал, что пишет «маленький ответ» прусскому королю. Это намерение, по-видимому, Герценом осуществлено не было. В статье «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова» Герцен сообщил подробности переговоров, которые велись русскими правительственными агентами с прусскими представителями власти по вопросу о запрещении лондонских изданий.

С той же целью русский поверенный в делах в Дрездене – барон Вельо, по указанию министра иностранных дел кн. Горчакова, обратился в январе 1858 г. к саксонскому правительству с просьбой запретить ввоз и продажу в Саксонии русских изданий Герцена. По предложению саксонского министра внутренних дел фон Бейста, Вельо

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов представил ему перевод отдельных отрывков из 2 и 3 листов «Колокола», 3-й книжки «Голосов из России», из «Полярной звезды на 1857» и пр. фон Бейст известил Вельо, что указом от 29 января «Колокол», «Полярная звезда» и «Голоса из России» запрещены в Саксонии (см. л IX, стр. 131–134). В связи с решением саксонского правительства, Герцен выступил с разоблачением истинной подоплеки запретительных мер, принятых против лондонского печатного станка.

Стр. 198. Sachsen, wo die schöne Mädchen wachsen! – Немецкая поговорка («Саксония, где расцветают красивые девушки!»)

...сам принц Липпе-Вальдек – Зондергаузен и Мейнинген... – Герцен иронизирует над властителями крошечных немецких государств Липпе, Вальдек, Шварцбург-Зондергаузен и Саксен-Мейнинген.

<A MONSIEUR LE MINISTRE DE L'INTERIEUR A DRESDE> САКСОНСКОМУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Впервые опубликовано в феврале 1858 г. в виде отдельной печатной листовки на французском языке, без заглавия. Русский перевод, вероятно, самого Герцена (не совсем точный), под заглавием «Саксонскому министру внутренних дел (перевод с письма)», напечатан в К, л. 9 от 15 февраля 1858 г., стр. 74, за подписью: А. Герцен. Печатается по тексту этих изданий. Автограф как французского подлинника, так и русского перевода неизвестен.

Как сообщил Герцен М. Мейзенбург 8 марта 1858 г., «сам министр в Дрездене» перепечатал публикуемое письмо.

Об обстоятельствах, вызвавших настоящее открытое письмо Герцена к саксонскому министру внутренних дел фон Бейсту, см. в комментарии к статье «Лакеи и немцы не допускают».

Ниже приводится перечень расхождений русского и французского текстов:

Стр. 202

5- 7 Вместо: в приказе ~ государя» // Уведомляя об этом приказе королевскую полицию, вы говорите, чтоб обосновать эту странную меру, что «периодические издания, которые я выпускаю в свет, полны клеветнических и преднамеренных обвинений (böswillige and verläumderische Anschuldigungen) против русского правительства и особы государя»

24 Слова: Были ошибки – мы их тотчас указывали сами – отсутствуют стр. 203

2 Вместо: освобождает крестьян // производит подлинную социальную революцию, освобождая крестьян

В настоящем издании в текст русского перевода внесено следующее исправление: Стр. 202, строка 20: и на ней-то вместо: и на нем-то (по французскому тексту листовки).

ЛОЖНЫЙ ДОНОС НА НАС И БЕЗГРАМОТНЫЙ ЦИРКУЛЯР

О НАШИХ КНИГАХ

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 81, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена усматривается по прямой связи с аналогичными высказываниями об Александре II (ср., напр.: «Мы вовсе не думали о возмущениях к дикому насилию, зная намерение Александра II <освободить крестьян>» с высказыванием в статье «1 июля 1858»: «Нам искренно и откровенно казалось, что Александр II заменит кровавую эру революции и будет мирным, кротким переходом от устарелого деспотизма к человечески свободному состоянию России» и т. п.). Концовка заметки по поводу циркуляра («Приславший его нам говорит, что его сочинил А. И. Левшин; мы не думаем – его сочинил кто-нибудь из сторожей министерства и то в понедельник утром») по своему характеру также близка герценовской манере. На возможность принадлежности Герцену этой заметки впервые указал Н. М. Мендельсон (ЛН, т. 7–8, стр. 287).

Стр. 204. ...зная намерение Александра II... – Имеется в виду начавшаяся подготовка отмены крепостного права.

543

СОЛИДАРНОСТЬ

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И-р. Автограф неизвестен.

Стр. 205. «Русский инвалид» ~ журит Англию за то, что она ~ хочет судить своих и чужих по законам своего Common law... – В январе – феврале 1858 г. в газете «Русский инвалид» (см. №№ 10, 17, 32), в разделе «Иностранные известия. Общие обозрения» появился ряд статей с критикой политического устройства Англии и особенно предоставления данной страной права убежища политическим эмигрантам. Эти выступления были вызваны недовольством в связи с подготовленным в Англии покушением итальянского революционера Орсини на Наполеона III, а также провалом в английском парламенте законопроекта Пальмерстона (см. о нем на стр. 547 наст. тома). Об отношении Герцена к этому законопроекту см. в его работе «Франция или

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Англия?» (стр. 243–244 наст. тома).

...Николай просил выдачу Кошута и его товарищей из Турции. – В 1849 г. Николай I настоятельно требовал выдать Австрии Кошута, бежавшего после разгрома венгерской революции 1848–1849 гг. в Турцию.

...«кабинета-Горчаков»... – Имеется в виду деятельность князя А. М. Горчакова на посту министра иностранных дел.

Стр. 206. ...представим нашим читателям несколько общих мыслей о новом отношении России к Западу. – Герцен имеет в виду свою работу «Франция или Англия?» (см. наст. том).

НЕ СТЫДНО ЛИ?

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И–р. В ОК озаглавлено: «Ссылка г. Мухина». Автограф неизвестен.

Стр. 206. Г–н Мухин за публичное чтение ~ чего-то печатанного за границей ~ послан под надзор полиции в отдаленную губернию... – В декабре 1857 г. был арестован в Петербурге отставной надворный советник Павел Мухин, занимавшийся хождением по судебным делам, за то, что он читал вслух в Новотроицком трактире первый лист «Колокола». Мухин объяснил, что читал «Колокол» из любопытства, «но не из каких-либо целей». Выяснилось, что до Мухина лист «Колокола» побывал уже у нескольких лиц и что он был привезен из-за границы свободным художником В. Кариком, английским подданным. III отделение не решилось привлечь к делу Карика, как и других лиц, читавших «Колокол». Мухин же был выслан в г. Мезень под надзор полиции. В 1859 г. ему было разрешено возвратиться в Петербург (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, дело 1-й экспедиции, 1857, № 382). О высылке Мухина Герцен узнал из № 51 «Le Nord» от 20 февраля 1858 г. из заметки, перепечатанной из «Ведомостей С.-Петербургской полиции». В этой заметке говорилось о публичном чтении Мухиным «некоего сочинения преступного содержания, изданного за границей».

До нее мы еще не слышали о политических гонениях Александра II. Высылка Мухина отнюдь не была первой политической репрессией в царствование Александра II. В 1855 г. за пропаганду среди крестьян Киевской губернии были высланы в Сибирь студент И. И. Розенталь и дворянин А. И. Скавронский, а дьякон Слотвинский заключен в крепость. В том же году за пропаганду среди крестьян Костромской губ. был арестован и заключен сперва в Петропавловскую крепость, а затем в Шлиссельбург губернский секретарь Л. И. Каменский. В сентябре того же года

544
в Тамбове за публичное чтение сочинений Герцена был арестован надворный советник Н. М. Мордвинов, в 1849 г. привлекавшийся по делу Петрашевского. В 1857 г. за распространение сочинений Герцена был выслан в Вятку приказчик книжного магазина в Петербурге В. Я. Лаврецов. В том же году за участие в студенческих волнениях был отдан в солдаты студент Казанского университета И. Н. Умнов.

<ОТПРАВКА ШТИГЛИЦОМ ЗОЛОТА ЗА ГРАНИЦУ>

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф, служивший наборным оригиналом при печатании в «Колоколе», хранится в ЦГАЛИ (см. раздел «Варианты»). На рукописи надписи Герцена: «В конце „Колокола“», и «Если есть место».

Стр. 207. ...во время последнего денежного кризиса... – Речь идет о кризисе, начавшемся в России в 1857 г. Явившись отражением мирового кризиса, он нашел свое выражение не только в затруднениях на денежном рынке, но и в сокращении объема торговли, падении цен, биржевом кризисе. Продолжался в России до конца 1860 г.

...Штиглиц отправлял на пароходах большие суммы золотом за границу? – Имеется в виду крупнейший в России банкирский дом Штиглиц и К°. В отчетах III отделения за 1857 г. содержится указание «...на совершенный недостаток в обращении золотой и серебряной монеты и на значительный вывоз оной за границу» (ЦГИАМ, ф. III отд. № 109, оп. 85, ед. хр. 22, 1857 г., л. 93).

... к его величеству с мягким мозгом в Потсдам... – Речь идет о прусском короле Фридрихе Вильгельме IV (см. примечание к стр. 270).

...прежнему австрийскому императору совсем без мозгу. – Имеется в виду Фердинанд I.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Впервые опубликовано в ПЗ на 1858, кн. IV, Лондон, 1858, без указания страницы (подклеено после титульного листа), за подписью: Искандер. Печатается по тексту второго издания «Полярной звезды», вышедшего в конце 1861 г., где напечатано без изменения. Автограф неизвестен.

LA FRANCE OU L'ANGLETERRE?

Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier ФРАНЦИЯ ИЛИ АНГЛИЯ?

Русские

вариации на тему 14 января 1858

Печатается по тексту брошюры «La France ou l'Angleterre? Variations russes sur le thème de l'attentat du 14 Janvier. Par Iscander (A. Herzen)», Londres, 1858, где опубликовано впервые. Автограф неизвестен.

Русский неточный и изобилующий искажениями перевод, выполненный неустановленным лицом, вышел в том же году под заглавием «Франция или Англия? Русские вариации на тему 14 января 1858 Искандера. (Перевод с французского с новым предисловием автора)», London,

1858. Как устанавливается позднейшим письмом Герцена к издателю А. В. Скалону от 19 мая 1869 г., он был недоволен качеством перевода брошюры («перевод, сделанный не мной, плох»). Судя по внесенным в русский текст изменениям, многие из которых не могли быть сделаны переводчиком (см. их перечень ниже), перевод перед печатью, вероятно, был просмотрен автором; тем не менее, ввиду многочисленных искажений

545

и отклонений от французского текста в настоящем издании дается новый перевод. Предисловие, отсутствующее во французском тексте, приводится по тексту русского издания.

Немецкий перевод М. Мейзенбург появился вскоре под названием «Frankreich oder England? Russische Variationen über das Thema des Attentats vom 14 Januar». Hamburg, 1858, а английский – под названием «France or England?». London, 1858 (Л IX, 587).

В конце французской брошюры было напечатано следующее примечание: «Автор обещает нам предоставить через несколько недель одну или две другие вариации. Эти статьи будут напечатаны в русской газете „Колокол“, выходящей в Лондоне каждые две недели под редакцией г. Искандера» <перевод с французского>.

В письме к М. К. Рейхель от 24 марта 1858 г. Герцен сообщил, что печатает брошюру, за которую его могут «посадить на цепь», «а потому, если увидите, что я на цепи, не испугайтесь». На следующий день в письме к Мальвиде Мейзенбург Герцен упомянул о том, что французская брошюра почти напечатана.

Ниже приводится перечень важнейших отличий русского перевода 1858 г. от текста французской брошюры²⁸²[202]:

Стр. 234

17– 19 Вместо; Этот ~ России. // Лига, составляющаяся против Англии необходима для других континентальных правительств, она истекает из их положения, но со стороны России она была бы ошибкой

Стр. 236

25 Вместо: ставший предателем // изменивший Николаю Стр. 237

10 Вместо: заговор вселенской полиции // полицейский заговор

18–19 Вместо: Ведь не посредством же немоты ~ реформы // Ведь не середь войны, немоты, инквизиций, ссылок совершаются реформы

Стр. 23

9– 10 Вместо: Екатерина II откровенно сбросила с себя маску либерализма // пугавших Екатерину II, она откровенно отбросила всякую маску либерализма

17 Слова: и смехотворное – отсутствуют

36 Вместо: призраком // мнимым привидением Стр. 239

6–7 Слова: ближе всего находившегося к России – отсутствуют 15 Вместо: штыков, готовых // русских штыков, готовых при малейшей нужде 81 Вместо; ложь // власть Стр. 240

8 Вместо: последнего сына // последнюю опору 13–14 Вместо: хора всеобщей жакерии // всеобщей пугачевщины 18–19 Вместо: смирительной рубашкой // в тесном арестантском камзоле

37 Вместо: дряхлости, маразма // старости Стр. 241

6– 7 Вместо: всего этого не существует; это очертания облаков // все исчезло, все это не в самом деле

12 Перед: противоречие // постоянное

21 Слова: Послушайте-ка поэта бонапартизма – отсутствуют 34–35 Слова: последней страницы. Метастаз революции – отсутствуют 35 Вместо: 89-й год ~ годом // революцию церковь, а церковь революцией

37–1 Вместо: Он прививает смерть // Он все убивает Стр. 242

3 Слова: и от злобы – отсутствуют

8 Слова: здраво рассуждая – отсутствуют

10–12 Вместо: тревожный ~ запутано // зловещий знак. Все, что полно крови, жизни, силы, сложно и запутано.

13 Слова: самую живучую – отсутствуют

16 Слова: это заговор деспотизма против Англии – отсутствуют Стр. 243

18 Слова: полная противоположность России и Франции – отсутствуют 19 Слова: упадка

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
и – отсутствуют Стр. 244
6 Слова: неужели они сошли с ума? – отсутствуют
17– 18 Вместо: государственным переворотом, замаскированным 2 декабря,
самоубийством,
подлинным отцеубийством // 2–м декабрем
Стр. 244–245
34–2 Вместо: как свободную землю их родины усеяла усатая шпионская сволочь с
физиономиями висельников, распутников континентального режима // свободную почву
своей родины, покрытую роем шпионов
Стр 245
Перед: страсти // неопределенной Стр. 246
12–13 Вместо: Мы не составляем гороскопов // мы не занимаемся астрологией
18– 19 Вместо: области общественного палингенеза // социализме Стр. 248
3 Перед: фиоритурами // украшениями
7 Слова: с чисто нервным возбуждением – отсутствуют
10– 13 Вместо: неумеренно ~ Империи // невоздержно исполненными громких слов
– он в полном падении
16 Вместо: только // смешными
21–24 Вместо: и бедный ~ латиклаве // бедный, священник этот – бедняга и нищий –
от патриция –консерватора, гордого со своими клиентами и униженного с
императором, – вольнодумца про себя
32 Вместо: дивную мечту об общественном преображении // возможность
общественного пересоздания
Стр. 250
28 Вместо: перестройки, психиатрического анализа // проверки всего воззрения
своего Стр. 251
18 Слова: каждой непоследовательности борьбы – отсутствуют
71 Слова: нетерпимая во имя независимости–отсутствуют
36 Вместо: Кромвеля // последнего Стюарта Стр. 252
2–3 Слова: с ними даже соглашаются – отсутствуют
5 Вместо: происходит революция // баррикады, революция
10 Слова: в «Водевиле» – отсутствуют
19– 20 Вместо: гуверnementализм, регламентация сверху, насильственное
навязывание властью // любовь к власти, страсть управлять
20 Вместо: мнений // партии
26 Вместо: выполняя предписания полиции // чтобы не нарушить полицейских законов
547
Стр. 253
4 Слова: и подглядывая в щели – отсутствуют
16–17 Вместо: из треснувшей головки этой сжавшей ее личинки? //из тесных форм в
которых она заключена?
Эта статья вызвана следующими событиями международной политической жизни.
14 января 1858 г. произошло покушение Орсини на Наполеона III, которому Орсини
ставил в вину противодействие объединению и освобождению Италии.
Воспользовавшись этим актом, правительство Второй империи широко применило
полицейские репрессии против оппозиционной и республиканской печати,
произвольные аресты и ссылки. В феврале – марте 1858 г. состоялся процесс
Орсини, который был гильотинирован 13 марта (ср. главу «Not guilty!» «Былого и
дум» – т. XI наст. изд. и заметку «Ватерлоо 17 апреля 1858» – стр. 266 наст.
тома).
И само покушение, и его политические последствия получили широкий отклик за
рубежами Франции. Под давлением французского правительства премьер-министр
Англии Пальмерстон внес в парламент законопроект, ограничивающий «право убежища»
для участвовавших в подготовке на территории Англии заговоров против иностранных
правительств. В связи с возмущением общественного мнения и протестами рабочих
организаций билль был отклонен 19 февраля во втором чтении, что привело к
падению кабинета Пальмерстона.
В эти же и в предшествующие месяцы намечается известное сближение между царским
правительством и Наполеоном III. Еще в сентябре 1857 г. происходит свидание двух
императоров в Штутгарте. 18 января 1858 г. Наполеон III в речи на открытии
сессии законодательного корпуса оптимистически оценил новые складывавшиеся с
Россией отношения. Уже наметились переговоры по вопросу о «дунайских княжествах»
и навигации по Дунаю.
Совокупностью этих обстоятельств и определяется постановка вопроса, данная в
заглавии статьи. Герцен протестует против сближения царской России с реакционной
Францией и рекомендует в качестве союзника России – Англию с ее традициями
политической свободы. Поддаваясь либеральным иллюзиям, Герцен апеллирует при
этом к царю, не желая замечать ни того, что, как показала еще штутгартская

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
встреча, Александр II не склонен был примириться даже с чисто демагогической
попыткой Наполеона III поднять в переговорах польскую проблему, ни того, что
между правительствами России и Англии и господствующими классами этих стран
существовали весьма серьезные разногласия по так называемому восточному вопросу.
С либеральной апелляцией к царю связано здесь и известное затушевывание той
критики буржуазного строя Англии, которая еще раньше громко прозвучала в
«Западных арабесках» (часть V «Былого и дум», т. X наст. изд.), а несколько
позднее (1859) в шестой части «Былого и дум» (см. «Прибавление» к главе III –
«Джон Стюарт Милль и его книга „On liberty“», т. XI наст. изд., стр. 66–67).
Стр. 229. «В то самое время, – говорит „Теймс“, ~ Новая страница истории
открывается...» (11 августа 1858), – Слова из заметки «The Atlantic telegraph
expedition», опубликованной лондонской газетой «Times» 11 августа 1858 г. (р. 6,
Обзор: London, Wednesday, August 11) в
связи с завершением работы по прокладке межатлантического телеграфного кабеля,
соединившего Англию с США.

...гремели залпы со всех фортов Шербурга... – 8 августа 1858 г. состоялось
торжественное открытие памятника Наполеону I в порту и крепости Шербург. Пышная
церемония, проходившая при участии Наполеона III

548

и императрицы Евгении, рассматривалась Герценом как демонстрация французского
могущества и в этот период некоторого обострения отношений между Францией и
Англией носила в известной мере антианглийский характер. «Таймс» в номере от 11
августа откликнулся на шербургские дела корреспонденцией под названием
«Inauguration of the Statue of Napoleon I», также использованной Герценом.
...толпы диких бретонцев ~ понесут разорение, смерть и равенство рабства в
соседний остров. – Территориальное расположение Шербурга на полуострове Бретань
(отсюда название его жителей – бретонцы), вблизи от английских берегов,
рассматривалось Герценом как условие, благоприятное для французской агрессии
против Англии.

Стр. 230. Ложь франко-английского союза обличалась. – Герцен имеет в виду
непрочность сближения Англии и Франции в период Крымской войны.

Помните ли слова нотрдамского архидиакона, когда он – сказал: «Ceci tuera
cela!»? – Герцен приводит изречение персонажа романа Гюго «Собор Парижской
богоматери» – архидьякона Клода Фролло, который, указывая на раскрытую книгу и
на собор, произнес: «Это убьет то!». В словах Фролло символически раскрывалась
огромная роль книгопечатания – изобретения XV века, которое со всей глубиной
должно было показать сущность антагонизма между наукой и религией.

Стр. 231. ...Прудон ~ в последнем сочинении своем сказал, что ~ Франция ~
остается самая свободная страна в мире... – Имеется в виду сочинение Прудона «La
révolution sociale démontrée par le coup d'état du 2 décembre. Paris, 1852». В
этой работе Прудон утверждал, что демократия может восторжествовать с помощью
Наполеона III.

...и мой Аттила ~ бич господень... – Войска Аттилы производили чудовищные
опустошения на своей пути. Римляне и германцы надолго сохранили о нем память,
как о «биче господнем».

...bal Mabille веселее Cremorne-Garden's. – Bal Mabille – устраиваемый в
известном парижском кафешантане публичный бал-маскарад, в котором принимали
участие различные слои населения. Cremorne-Garden – место народных увеселений в
лондонском районе Челси.

Стр. 232. ...с трагической грацией и с предсмертным кокетством Рашели ~ скрыть
худобу от Наполеона Бонапарта. – Зная популярность Рашели, Наполеон III посетил
смертельно больную артистку за день до ее кончины, рассчитывая, что этот
демагогический жест будет соответствующим образом оценен.

Drury Lane ~ и Гаймаркет... – Название улиц в Лондоне, на которые располагались
театры того же наименования.

Стр. 233. Галльский цезарь – Наполеон III. Галлия – древнее название Франции.

Стр. 234. ...энтузиаст ~ вздумал бросить под карету человека ~ бомбу, не
причинившую тому никакого вреда. – Герцен рассказывает об обстоятельствах
покушения Орсини на Наполеона III.

...газеты ~ твердят ~ об ультрамонархическом союзе против Англии... – Имеется в
виду наметившееся сближение между Францией и Россией, а так-же дружеские
отношения, существовавшие в этот период между Францией и Пруссией.

...четыре года тому назад, мы говорили... – Герцен цитирует далее свою статью
«Старый мир и Россия» (см. т. XII наст. изд., стр. 181 – 183).

Стр. 236. Генерал февраль ~ бросил более удачно ~ свою евпаторийскую бомбу... –
Герцен намекает на крушение режима Николая I, гнилость которого полностью
проявилась в период Крымской войны 1853–56 гг. Существовало мнение, что
поражение русских войск под Евпаторией в феврале 1855 г. и дальнейшие их неудачи

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
ускорили смерть русского императора.

549

Стр. 238. Соучастие в преступлении стало ~ связывать русское правительство ~ с Австрией и с Пруссией. – Имеется в виду раздел Польши, осуществленный Россией, Австрией и Пруссией.

...уничтожить добродушного голштинца, своего мужа.– Петр III был сыном голштейн-готторпского герцога Карла Фридриха.

... превратило его в какого-то Каспара Гаузера императорского дворца. – Каспар Гаузер – подкидыш, появившийся в Нюрнберге в 1828 г. и убитый при неясных обстоятельствах в конце 1833 г. Существовало мнение, что он был сыном великого герцога баденского Карла Фридриха и его первой жены Стефании Богарне. Называя Павла Каспаром Гаузером Герцен имеет в виду его ограниченность и якобы неизвестное происхождение.

...в этом гротескестере Мальтийского ордена. – Павел I в 1798 г. принял титул великого магистра Мальтийского ордена св. Иоанна Иерусалимского.

Стр 239. ... стал накладывать руку на вольные города и предлагать их затем в качестве чаевых Австрии. – Герцен намекает на поддержку, оказанную русским правительством Австрии, осуществившей в 1846 г. захват Кракова, бывшего после 1815 г. вольным городом.

...сказал ~ в Ольмюце, указывая на статую Яна Собеского: «Я и он – двое самых глупых славян: мы спасли Австрию!» – имеется в виду победа польского короля Яна Собеского над турками, осаждавшими в 1683 г. Вену, и помощь Австрии со стороны Николая I, направившего в 1849 г. 100-тысячный корпус под командованием Паскевича для подавления венгерской революции.

Стр. 240. ... во всем противоположный гражданину Марку Коссидьеру, Николай создал беспорядок из порядка – Противопоставляя Николая I и Коссидьера, Герцен имеет в виду деятельность последнего на посту префекта полиции в первый период революции 1848 г. В настоящей статье, как и в ряде других (см. т. V наст. изд., стр. 445), Герцен преувеличивает решительность Коссидьера, являвшегося типичным представителем мелкобуржуазной демократии.

Стр. 241. Когда он поет – то поет бессмыслицу: «Отправляясь в Сирию!» – «Partant pour la Syrie» – первая строка стихотворения, написанного графом де Лабурд и переложенного на музыку королевой Гортензией в 1810 г. В стихотворении рассказывалось, как рыцарь Дюнуа отправился в Сирию совершать подвиги во имя святой Марии, за что получил руку прекрасной Изабеллы. Запрещенная в годы реставрации, песенка эта в период Второй империи становится патриотическим гимном с ярко выраженными националистическими тенденциями.

На вопросы наивного Лас-Каза... – На о-ве Св. Елены Наполеон I диктовал Лас-Казу, своему приближенному, получившему разрешение жить при нем в ссылке, мемуары. Возвратившись после смерти Наполеона во Францию, Лас-Каз опубликовал воспоминания.

Народы ~ венчали цветами чело наших солдат. – Цитата из песни Беранже «Старый сержант» («Le vieux sergent»).

...убивая, наконец, всеобщее голосование избранныком. – Герцен указывает на роль Луи Наполеона как президента республики в связи с отменой 31 мая 1850 г. всеобщего избирательного права, вырванного французским народом у Временного правительства после революции 1848 г.

Стр. 242. Галльский Давид может умереть и без нее. – Согласно библейскому преданию, царь Израиля Давид имел большое количество жен и наложниц, число которых непрерывно росло, несмотря на его все возрастающую дряхлость.

Стр. 243. ...как говорил старый Гаунт... – Джон Гаунт, или Гентский, герцог Ланкастерский, сын английского короля Эдуарда III. Развил большую политическую активность в борьбе за власть в последний период жизни своего отца (60–70 годы XIV века).

550

Стр. 244. ... после первого чтения закона об отмене личной неприкосновенности в Англии, сердце мое сжалось. См. вступительную заметку (стр. 547).

...«поп me tangere». – Слова воскресшего Иисуса Христа, сказанные им Марии Магдалине (Евангелие от Иоанна, гл. XX, 17).

... удар ножом Common law – Герцен полагал, что законопроект Пальмерстона, направленный против иностранцев, проживающих в Англии, подрывал существовавшие в Англии нормы обычного права (Common law).

...словно башмаки матери Гамлета... – Герцен имеет в виду слова, сказанные Гамлетом о своей матери, которая, «и башмаков не изнашив» после смерти мужа, вышла замуж за другого (В. Шекспир. «Гамлет», акт I, сцена 2).

Стр. 246. ... сохранив для себя лишь вечную надежду вновь отстроить назавтра Соломонов храм! – Храм, построенный израильским царем Соломоном, стал национальным святилищем – В 586 г. до н. э. он был разрушен вавилонским царем

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов Навуходоносором II, взявшим Иерусалим и переселившим значительную часть населения в Вавилонию.

Стр. 246–247. ...явился человек, который ~ сказал своим согражданам... – Герцен приводит далее слова Тертуллиана из его сочинения «Apologetis» («Апология»), в котором он в крайне резкой и полемической форме приводит доказательства в защиту христианства, подвергавшегося гонениям со стороны римлян в годы правления Септимия Севера.

Стр. 248. Его занимала не смерть, а сны, которые будут сниться после смерти, – См. трагедию В. Шекспира «Гамлет» (акт III, сцена 1).

Стр. 249. ... выборы 10 декабря 1848 года были свободными и общенародными. – В этот день Луи Бонапарт был избран президентом французской республики.

Стр. 250. «The empire is espionage, its incarnation is a mouchard» – См. «Times», 15 March, 1858, p. 8 (Обзор: London, Monday, March 15, 1858).

...последние Абенсераги, последние могикиане... – Абенсераги-мавританский род в королевстве Гренада, трагически погибший в Альгамбре в XV веке, в последний период мавританского владычества на Пиренейском полуострове. Их имя стало нарицательным после появления произведений Гинеса Переса де Гита («История гражданских войн в Гренаде») и Шатобриана («Приключения последних Абенсерагов»). Могикиане – вымершее племя индейцев, жившее между Гудзоном и Коннектикутом. Об их судьбе Ф. Купером написан роман «Последний из могикиан».

Стр. 251. ...надобно также не сочувствовать Сентябрьским дням. – Сентябрьские дни – массовый террор против аристократов-контрреволюционеров, происходивший 2–6 сентября 1792 г. в Париже и провинции.

У нее нет никейского Символа веры, принятого раз навсегда... – Герцен имеет в виду принятие I вселенским собором, собравшимся в г. Никее в Вифинии в 325 г. н. э., так называемого Символа веры, канонизирующего основные постулаты христианской церкви и направленного против арианской ереси. Никейский собор требовал от всех церковнослужителей безоговорочного признания этих решений.

Стр. 252. ... фарс, игранный в «Водевиле» в 1848 году: «Собственность – это кража». – Герцен осмеивает получивший известное распространение в период революции 1848 г. лозунг П. Ж. Прудона «La propriété c'est le vol», заимствованный из его книги «Qu'est ce que la propriété ou Recherches sur le principe du droit et du gouvernement («Что такое собственность, или Изыскания о принципах права и государства», 1840).

Стр. 253 ... него Калигула желал Риму, исполнилось в Париже, – у Франции лишь одна голова. – Герцен имеет в виду приводимое Светонием и Дионом Кассием пожелание Калигулы: «О если бы у всего римского народа была лишь одна голова». Калигула имел в виду возможность одним

551

ударом избавиться от всех своих врагов и опасных для императорской власти людей.

<ЗАКРЕВСКИЕ БЕРУТ ВЕРХ>

Печатается по тексту К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 98, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени редакции «Колокола». Авторство Герцена устанавливается по следующим строкам из письма Герцена к М. Мейзенбуг от конца марта 1858 г.:

«Теперь я требую отставки московского генерал-губернатора. Смешно, а я выгоню вон этого молодца». Ср. в настоящем томе заметки: «Полицейский разбор в Москве», «Под спудом», «Москва», «Закревский бунтует!», «Победа», «Предостережения».

Отметим близкое соответствие высказывания: «Партия Александра Николаевича решительно не в аванже. Орловы и Панины в Петербурге, Закревские в Москве одолевают и смело ведут Россию и царя вспять. Середь полнейшей тишины, в то самое время, как связь государя с народом делается связью не страха, а любви, – заговорщики поддерживают в государе мысль о близком мятеже» – со следующим местом из статьи Герцена «1 июля 1858»: «Царь силится подать руку народу, народ силится взять ее и не может достать через Панина и компанию <...> Только что государь совсем готов, приподнявшись на цыпочках, коснуться протянутой к нему руки, как кто-нибудь из этих седых шалунов – Орлов, Закревский, закричит: „Ваше величество, боже мой! они вам палец откусят!“» (стр. 295 наст. тома). Включено М. К. Лемке (л IX, 177).

Лист 12 «Колокола» вышел в свет ранее обозначенного срока: Герцен послал его М. К. Рейхель 29 марта 1858 г.

Стр. 254. ... заговорщики поддерживают в государе мысль о близком мятеже – Крепостники старались запугать царя, утверждая, что отмена крепостного права вызовет народное восстание.

В Москве Закревский выдает боевые патроны и заводит полицейские сигналы. – Имеется в виду секретное предписание московского военного генерал-губернатора А. А. Закревского за № 176 от 10 февраля 1858 г о боевой готовности войск

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов московского гарнизона на случай тревоги. Согласно этому предписанию, по специальному военному сигналу генерал-губернатора войска московского гарнизона в походной форме и боевой амуниции должны были следовать к заранее указанным им местам сбора (ЦГВИА, ф. канцелярии департамента генерального штаба № 38. оп. 18/272, св. 594, ед. хр. 145, 1858 г., л. 1 – 10).

...новый обер-полицмейстер Кропоткин приказал полицейским чиновникам обращаться вежливее с народом... – Имеется в виду приказ исправляющего должность московского обер-полицейстера А. И. Кропоткина от 11 февраля 1857 г.

следующего содержания: «... предписываю строго внушить городовым унтер-офицерам, градским стражам и всем нижним полицейским чинам, чтобы они, при исполнении обязанностей службы, соблюдали всю возможную вежливость в отношении к публике и чтобы в случае необходимости взять кого-либо в полицию не употребляли насильственных мер без крайней в том нужды, но прежде всего старались бы кротко и учтиво пригласить с собой, кого нужно. Впрочем, при соблюдении вежливости полицейские чины не должны отступать от служебных правил, и всякое с их стороны послабление повлечет к ответственности» («С.-Петербургские ведомости», № 36 от 13 февраля 1857 г.).

<ЦЕНЗУРА УСИЛИВАЕТСЯ>

Печатается по тексту К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 98, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

552

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается как стилистическими признаками (ср., например, высказывание:

«Каждое министерство

приставит своего евнуха к литературному сералю» с аналогичным выражением о Тройницком в письме Герцена к П. В. Анненкову от 13 июля 1858 г.: «Он сделался евнухом при цензуре МВД» и в статье «Черный кабинет», стр. 302 наст. тома; см. также в статье «Словобоязнь»: «Язык свободного человека режет ухо, размягченное риторикой византийских евнухов в гвардейском мундире»), так и по самому характеру заметки. Несколько лет спустя, в 1862 г. Герцен сделал подобное же предложение редакциям «Дня», «Современника» и «Русского слова» о перенесении их издания в Лондон (см. т. XVI наст. изд.). Ср. также приписку Герцена к письму Н. П. Огарева Н. А. Серно-Соловьевичу от 20–24 июня 1862 г.: «Мы готовы издавать „Современник“ здесь с Чернышевским или в Женеве – печатать предложение об этом?». Включено Л. А. Тихомировым (т. 42–43) и М. К. Лемке (л. IX, 177–178). Стр. 255. ...цензуру удвоили, запутали ~ каждое министерство приставит своего евнуха к литературному сералю... – Имеется в виду указ от 25 января 1858 г., согласно которому была создана дополнительная цензурная инстанция из чиновников следующих министерств: императорского двора, военного, морского, внутренних дел, финансов, государственных имуществ и юстиции, главного управления путей сообщения и публичных зданий, главного штаба е. и. в. по военно-учебным заведениям и III отделения («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 423–424).

... ждали облегчения цензуры. – Речь идет о подготовке нового цензурного устава, начавшейся в 1857 г. Первое мероприятие Александра II в отношении цензуры – упразднение в 1855 г. «негласного» комитета, осуществлявшего высший надзор над журналистикой и наблюдавшими за нею учреждениями, – сеяло иллюзии о возможном смягчении цензурного гнета.

... новый проект был подан в комитет министров ~ отвергли всякое улучшение с благородным негодованием. – При обсуждении в комитете министров 16 января 1858 г. новый проект, составленный П. А. Вяземским, встретил сильную оппозицию со стороны министра юстиции В. Н. Панина, министра финансов П. Ф. Брока и главноуправляющего путей сообщения К. В. Чевкина. В результате был издан указ от 25 января 1858 г., означавший усиление цензурной опеки (см. А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 9 – 10).

ПОЛЬЗА ОТ ГЛАСНОСТИ

Печатается по тексту К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 98, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию прибавлено в скобках: «Записка Сечинского по делу Янсон». Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи заметки со статьями «Полицейский разбой в Москве», «Под спудом», «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского» (см. наст. том), а также ряда типичных для Герцена стилистических приемов (применение контрастных сопоставлений, антитез, построенных на каламбуре, и пр. Например: «олимпийский гнев, сопровождаемый

квартильной бранью», «содержательница публичного дома» и «пристав частного дома»; выражение «приятное ремесло Марии Бредау» ср. с высказыванием Герцена в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
статье «Еще и еще раз»: «Мария же Бредау у нас являлась более как блюстительница
нравов, как лицо административное и юридическое, снабжающая публику
удовольствиями,
553

а полицию сведениями». Характерен также для Герцена выпад против министра
юстиции гр. В. Н. Панина с обычным намеком на его непомерный рост: «Ведь министр
юстиции – генерал-прокурор, око царево и так высоко поставленное притом, что оно
все может видеть, как с каланчи...» Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л IX,
178–179).

Стр. 255. Московский полицмейстер Сечинский пустил в ход записку по делу девицы
Янсон... – Записка московского полицмейстера И. И. Сечинского была
распространена в рукописи. Она напечатана Герценом в статье «Дело полицмейстера
г. подполковника Сечинского» (см. наст. том, стр. 257–263).

... поднято статью, бывшей в 5 листе «Колокола». – См. статью «Под спудом», где
в разделе «По части смиренного дома» Герцен подробно излагает историю Анны
Янсон, незаконно посаженной в тюрьму по распоряжению И. И. Сечинского.
Подождем, как он разберет дело... – Опубликовано Герценом в «Колоколе»
материалов по делу Анны Янсон заставило царское правительство перерасследовать
дело.

ДЕЛО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА Г. ПОДПОЛКОВНИКА СЕЧИНСКОГО

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 104–107, где
опубликовано впервые, без подписи. В ОК озаглавлено: «Дело полицмейстера
Сечинского (записка по делу либавской мещанки Янсон и примечания редакции)».
Автограф неизвестен. Примечания к записке Сечинского в К расположены позади
текста, а в К2 под строкой. Для большего удобства располагаем примечания так,
как они приведены в К2.

Авторство Герцена устанавливается его собственным указанием в письме к М.
Мейзенбург от конца марта 1858 г. на то, что кампанию по разоблачению московского
полицейстера Сечинского вел он сам (см. в настоящем томе статьи «Под спудом» и
«Польза от гласности»).

О ГРАФ ВИКТОР НИКИТИЧ!

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 107–108, где
опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «О графе
Викторе Никитиче». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена для настоящей заметки устанавливается по сходству с
аналогичными его высказываниями о реакционном окружении царя (ср., например:
«Нет, не вывезет Александр Николаевич из грязи государственную колымагу, пока в
ней будут такие свинцовые министры» с высказыванием в статье «Что значит суд без
гласности»: «Панины и компания умели остановить проекты, заставили молчать об
этих жизненных вопросах. С этими Гириями на ногах недалеко уйдет Александр
Николаевич» – стр. 181 наст. тома). Шаржированное изображение фигуры Панина («Не
оттого ли, что министр юстиции так высок, ни одна человеческая мысль не может
возвыситься до чела его, а ходят как облака по Альпам, – оставляя сухую каменную
вершину мерзнуть на солнце) ср. со сходным высказыванием в заметке «Польза от
гласности»: «Ведь министр юстиции – генерал-прокурор, око царево и так высоко
поставленное притом, что оно все может видеть, как с каланчи...» и пр.

Стр. 264. В «Норде» (№ 97) есть несколько подробностей о проекте II отделения
собственной канцелярии е<го> в<еличества>. – О судебной реформе в России см. в
комментарии к статье «Что значит суд без гласности»
554

наст. том, стр. 536). Герцен ссылается здесь на корреспонденцию из Москвы от
14/16 марта, напечатанную в газете «Le Nord» (№ 97, 7 апреля 1858; см. раздел
«Russie»).

Стр. 265. ...предок, служивший при Екатерине... – Речь идет о Н. А. Панине.
ПОБЕДА

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 108, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках:
«Отрешение Брока, Норова и Вяземского». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается содержанием настоящей заметки, явившейся одним
из звеньев в систематической борьбе Герцена с московским генерал-губернатором
Закревским и его ставленниками, с Броксом, Норовым и кн. Вяземским. См. в
настоящем томе «Правда ли?», «Полицейский разбой в Москве», «Под спудом»,
«Москва», «La regata перед окнами Зимнего дворца», «Паки и паки о князе Петре
Вяземском», «Император и студенты!», «Закревский бунтует!», «Закревскио берут
верх», «Польза от гласности», «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского».
См. также письмо Герцена к М. Мейзенбург от конца марта 1858 г.

Стр. 265. Сей час получаем известие об отрешении Брока, Норова и Вяземского. – В
марте 1858 г. министр финансов П. Ф. Брок, министр народного просвещения А. С.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Норов и товарищ министра народного просвещения П. А. Вяземский были уволены в отставку.

...новый министр финансов. – А. М. Княжевич.

...долой откуп, потому что откуп – подкуп чиновничества... – Об откупной системе см. в примечании к стр. 19.

L'APPETIT VIENT EN MANGEANT

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 108, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках:

«Арест г. Тхоржевского». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по содержанию настоящей заметки: делом Тхоржевского был непосредственно занят Герцен, хлопотавший о его освобождении и внесший за него залог. С тем же негодованием, что и в публикуемой заметке, Герцен писал М. К. Рейхель 24 марта 1858 г.: «Нашего книгопродавца Тхоржевского арестовали за брошюру Пиа. Это гнусно и позорно». В том же духе рассказывает Герцен в «Былом и думах» (часть VI, глава «Not guilty», т. XI наст. изд.) об аресте Тхоржевского, а также о тех обстоятельствах, которыми арест был вызван. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (Л IX, 224).

Публикуемая заметка была вызвана реакционными мерами английского правительства, которое после покушения Ф. Орсини на Наполеона III подвергло репрессиям представителей революционной эмиграции. «Палмерстон, – писал Герцен в „Былом и думах“, в главе „Not guilty“, – в самых острых припадках страха, после аттентата Орсини, поймал безвреднейшую книжонку какого-то Адамса, рассуждавшего о том, когда tyгannicide позволено и когда нет, и отдал под суд ее издателя Трулова». «Вся независимая пресса, – продолжал Герцен, – с негодованием взглянула на эту континентальную замашку. Преследование брошюры было совершенно бессмысленно: в Англии тиранов нет, во Франции никто не узнал бы о брошюре, писанной на английском языке, да и такие ли вещи

555

печатаются в Англии ежедневно. Дерби, с своими привычками тори и скачек, захотел нагнать, а если можно, обскакать Палмерстона. Феликс Пиа написал от имени революционной коммуны какой-то манифест, оправдывавший Орсини; никто не хотел издавать его; польский изгнанник Тхоржевский поставил имя своей книжной лавки на послании Пиа. Дерби велел схватить экземпляр и отдать под суд Тхоржевского» (см. т. XI наст. изд., стр. 110). О реакции английского общественного мнения на это мероприятие английского правительства см. в той же главе «Былого и дум» и в комментариях к ней. Оправдание соучастника Орсини С. Бернара английским судом (см. заметку «Ватерлоо 17 апреля 1858») сделало невозможным осуждение Тхоржевского, который был оправдан, как иностранец, не знающий английских законов.

Стр. 265. ... письма Феликса Пья к членам парламента. – Речь идет о брошюре «Lettre au parlement et à la presse», подписанной: «Комитет революционной коммуны: Феликс Пиа, Бессон, А. Таландьё». Герцен отрицательно отнесся к этой брошюре (см. его отзыв в письме к М. Мейзенбург от 3 марта 1858 г.). К. Маркс, в свою очередь, назвал эту брошюру «жалким, отвратительным произведением», «галиматьей» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, М.–Л. 1931, стр. 311)

СЛУХИ

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 110, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках «Об отравлении Александра II». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена для настоящей заметки устанавливается по его аналогичному высказыванию в письме «Саксонскому министру внутренних дел», в котором Герцен писал: ... «я никогда ничего не говорил против нынешнего императора; я жалел о том, что Александр II так скверно окружен; но ни разу не нападал на него. Конечно, не я стану хулить его в то время, как он освобождает крестьян. Его имя уже принадлежит истории, – и совершенно иным образом, нежели имена его товарищей по трону» (стр. 202–203 настоящего тома). См. также письмо Герцена к М. К. Рейхель от 5 января 1858 г.: «Об начале освобождения крестьян вы знаете; во всяком случае, великое событие, хотя за него принимаются и глупо. Вообще Алекс<андр> бьется, как рыба об лед; дворян не позволяет ничего». О том, что Александр «обманут лакеями старого барина», см. в статье «Мир» из цикла «Воина и мир» (т. XIV наст. изд.). Включено Л. А. Тихомировым (Т, 43) и М. К. Лемке (Л IX, 228).

Стр. 266. ...какой-то пиэмонтской газетой... – Название этой газеты, сообщившей слух о покушении на Александра II, установить не удалось.

...«счастливая случайность», как сказал Александр I m-me de Staël. – Это часто цитируемое Герценом выражение Александра I приведено в книге Анны-Луизы-Жермены де Сталь «Dix années d'exil», во второй части которой она описала свое

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
пребывание в России и беседу с Александром I, состоявшуюся 5 августа 1812 г.:
«Государь, – сказала я ему, – ваш характер служит вашей империи конституцией, а
совесть ваша – ее гарантией». «Если б это было так, – ответил он мне, – я был бы
не чем иным, как счастливой случайностью» (цит. в переводе по «Œuvres complètes
de m-me la baronne de Staël, publiées par son fils», tome XV, Paris, 1821, pp.
313–314).

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 110, где опубликовано
впервые, за подписью: И–р. Автограф неизвестен.

Стр. 266. Симон Бернар был найден присяжными невиноватым. – О судебном процессе
французского эмигранта Симона Бернара, соучастника Ф. Орсини в покушении на
Наполеона III, Герцен подробно рассказал в «Былом и думах» (см. т. XI наст.
изд., ч VI, re. «Not guilty»). Оправдание С. Бернара состоялось 17 апреля 1858 г.
Называя этот приговор английского суда «Ватерлоо», Герцен приравнивает его к
поражению, нанесенному Наполеону I англопрусскими войсками в битве при Ватерлоо
18 июня 1815 г.

ДВУСПАЛЬНЫЙ ЛИСТ

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116 где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается по содержанию публикуемой заметки – близостью
к другим высказываниям Герцена о «Le Nord», осуждением «цинизма раболепия»
продажной прессы, как в статьях «Лобное место» «Словобоязнь», «фанатик
паспортов», «Appel à la pudeur» и ее стилистическими признаками («Есть же в
канцелярии министерства иностранных дел писцы, которые не только читают
по-французски, но и умеют понимать», «французская болезнь „Норда"» и др.).
Включено М. К. Лемке (л IX, 228–229).

Герцен с глубоким презрением относился к рептильной газете «Le Nord»,
издававшейся с 1 июля 1855 г. на французском языке в Брюсселе под редакцией Н.
П. Поггенполя и получавшей крупные субсидии от русского правительства и от
известного откупщика В. А. Кокорева. Редактор этой газеты, всеми силами
старавшийся угодить своим русским покровителям, превратил «Le Nord» в послушное
эхо русской правительственной политики, и в то же время уверял европейскую
общественность в том, что является выразителем мнений отнюдь не русского
правительства, а русского народа. Чтобы привлечь к себе читателей из
демократических слоев населения, он временами разыгрывал роль беспристрастного
судьи и либерала. Герцен называл «Le Nord» «подлейшим органом» (см. его письмо к
И. С. Тургеневу от 3 декабря 1856 г.), а Огарев заклеил в своей известной
эпиграмме и продажную брюссельскую газету и ее редактора, изобразив их как
прямых агентов русской полиции:

В «Nord'e» сквозь все тонкости

Языка французского

Так вот, так и чувствуешь

Погань поля русского.

Я хвалю за оное Царскую полицию,

Третье отделение Нужно за границую.

Н. П. Огарев. Избранные произведения, т. I, М., 1956, стр. 431.

Подробно о «Le Nord» см. в л VIII, 362–371.

Публикуемая заметка была вызвана внешнеполитической ориентацией «Le Nord»,
пытавшегося в это время содействовать русско-французскому сближению, союзу
русской и французской деспотий, убежденным противником которого был Герцен (см.
в наст. томе

557

статью «Франция или Англия?»). Заглавием «Двухспальный лист» Герцен подчеркивает
продажность брюссельской газеты, посвятившей себя и русским и французским
правительственным интересам.

Стр. 267. ... сковал Поэрио черт знает с кем! – В 1851 г в Лондоне появилась
брошюра известного английского государственного деятеля Уильяма Гладстона «Two
letters to the Earl of Aberdeen, on the State Prosecutions of the Neapolitan
government» («Два письма графу Абердину о государственных преследованиях
неаполитанского правительства»). В этой брошюре он подробно описал мучительные
условия жизни политических заключенных в Неаполитанском королевстве. Брошюра
Гладстона вызвала взволнованный отклик в европейской печати, с возмущением
встретившей сообщение о том, что неаполитанские политические осужденные скованы
попарно, зачастую с уголовными преступниками и шпионами. Парижская «National» и
ряд других газет сообщили, что по специальному приказу неаполитанского короля
Фердинанда II, приговоренный к 24 годам каторжных работ известный деятель
итальянского национально-освободительного движения Карло Поэрио был скован
вместе с выдавшим его доносчиком (см. «La terreur dans le Royaume de Naples.
Lettre au Right honorable W. E. Gladston» par Jules Gondou. Paris, 1851, pp.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (46–49). По какому поводу упомянула об этом факте редакция «Nord'a» обычно с полным одобрением относившаяся к реакционной политике «короля- лаццарони» Фердинанда II (см. в наст. томе заметку «Охапка дровец старушки»), не установлено.

ПОПРАВКА

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «в книге „14 декабря 1825 года и император Николай“». Автограф неизвестен. Авторство Герцена устанавливается по собственному его указанию, что он повторяет призыв к соотечественникам, содержащийся в «Предисловии к книге „14 декабря 1825 и император Николай“», и текстуальным совпадением «Поправки» с заключительными строками этого предисловия.

Указанная в «Поправке» ошибка была допущена Огаревым в статье «Разбор книги Корфа», вошедшей в сборник «14 декабря 1825 и император Николай», Лондон, 1858. (Та же ошибка встречается в речи Герцена, произнесенной 27 февраля 1855 г. в память февральской революции. См. «Народный сход в память февральской революции», т. XII наст. изд., стр. 258.) Однако редакторы «Колокола» не ограничились «Поправкой». Так, Огарев, учтя полученное исправление, писал в 1869 г. в своей брошюре «В память людям 14 декабря 1825»: «Юшневский умер на каторге в Сибири, внезапно упавши мертвым перед гробом своего друга князя Вадковского» (Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, 1952, стр. 784). Интересно отметить, что в дневнике Герцена, в записи от 7 марта 1844 г. обстоятельства смерти Юшневского описывались правильно (см. т. II наст. изд., стр. 341).

Возможно, что корреспонденцию, уточняющую данные о смерти А. П. Юшневского, редакторы «Колокола» получили от М. А. Бестужева. Известно, что М. А. Бестужев внимательно следил за изданиями Вольной русской типографии и называл Герцена «высоко благородной личностью» («Воспоминания Бестужевых», под ред. М. К. Азадовского, М.–Л., 1951, стр. 454). В пользу этого предположения говорит и свидетельство

558

И. И. Попова о том, что М. А. Бестужев писал Герцену (И. И. Попов. Минувшее и пережитое, Сибирь и эмиграция, л., 1924, стр. 41).

Сведения М. А. Бестужева, оставившего ряд очень ценных воспоминаний о декабристах (в частности, о А. П. Юшневском), записанных историком М. И. Семевским, не только по смыслу совпадают с полученным Герценом и Огаревым замечанием неназванного ими корреспондента, но и почти дословно повторяются в позднейшем описании смерти Юшневского в упомянутой выше статье Огарева (ср. «Воспоминания Бестужевых», стр. 388).

<КОРФ>

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116, где опубликовано впервые, в отделе «смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен. На авторство Герцена впервые указал Н. М. Мендельсон (ЛН, т. 7–8, стр. 288).

Заметка представляет собой обращение к читателю от лица Герцена и Огарева, поскольку книга «14 декабря 1825 и император Николай» была подготовлена, ими обоими (см. в настоящем томе «Письмо к императору Александру II (по поводу книги барона Корфа)» и «Предисловие к книге „14 декабря 1825 и император Николай“», а также комментарии к этим статьям).

По ознакомлении с настоящей заметкой Корф летом 1858 г. вновь принялся писать ответ Герцену (о первом письме Корфа см. на стр. 505), на этот раз не от своего имени, а от имени третьего лица, пытающегося убедить издателя «Колокола» в том, что он будто бы неправильно относится к Корфу. Характерно, что Корф пытался при этом противопоставить себя другим николаевским сановникам, на которых нападал Герцен. Его записка начиналась следующими словами: «Барона Корфа невозможно подводить под один уровень с теми из числа сановников, наших, которых вы избираете метою ваших, к сожалению, часто справедливых порицаний». Далее Корф перечислял все свои «заслуги» перед Россией, между прочим и то, что по его докладу в начале нового царствования был уничтожен «тайный, порожденный политическим страхом 1848 года цензурный комитет, который представлял настоящую литературную инквизицию, тем более страшную, что она карала писателей и цензоров, ни у кого не спрашивая ответа и сама ни перед кем ни за что не отвечая». О том же, что упомянутый им (так называемый «бутурлинский») комитет был создан в 1848 г. в результате представленной Корфом докладной записки о вредном влиянии литературы, и том, что он состоял его членом, а позднее и председателем, Корф предпочел умолчать.

Этот ответ Герцену, как и первый, не был ни отправлен по назначению, ни опубликован. Он сохранился в бумагах Корфа в особой обертке, на которой рукою

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов Корфа написано: «Самовосхваление против Герцена. Эта записка Корфа опубликована в журнале «Красный архив», 1925, том третий (десятый), стр. 314–316.

ЕЩЕ ПОБЕДА!

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Отставка Сухозанета». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается прямой связью настоящей заметки с заметкой «Победа» (см. стр. 265 наст. тома).

Стр. 268. ... Васильчиков – человек, о котором мы слышали прекрасные отзывы. – Имеется в виду назначение генерал-лейтенанта В. И. Васильчикова

559

в апреле 1858 г. товарищем военного министра. В. И. Васильчиков – герой обороны Севастополя. В ноябре 1854 г. он был назначен начальником штаба севастопольского гарнизона и оставался на этом посту до конца обороны города.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ НЕКРОЛОГА АВРААМИЯ СЕРГИЕВИЧА НОРОВА

Печатается по тексту К, л. 15 от 15 мая 1858 г., стр. 124, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И – р. Автограф неизвестен.

26 апреля 1858 г. Герцен писал М. Мейзенбуг: «... просите его (издателя кампе) выразить хорошенько мою большую благодарность г. Вендту. Его письмо полно интереса и глубокого комизма. Я тотчас бы его напечатал, но не хочу его компрометировать и потому же не пишу ему лично. Из его письма я сделал статейку для „Колокола“». По вполне убедительному предположению М. К. Лемке, речь шла здесь о фактах, легших в основу «Материалов для некролога Авраамия Сергиевича Норова». (Л, IX, 226).

Стр. 269. Авраамий Сергиевич почил от министерства... – Об отставке министра народного просвещения А. С. Норова см. в заметке «Победа» (стр. 265).

...«уже потомство настает». – Из стихотворения А. С. Пушкина «Наполеон»:

И для изгнанника вселенной

Уже потомство настает.

... Гизо сам пишет свою биографию... – Первый том девятитомных мемуаров Гизо («Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps») вышел в Париже в 1858 г.

... келарь Авраамий Палицын тоже о себе писал сам... – Имеется в виду его «История в память сущим предыдущим родам...»

... ждет Нового Моисея. – По преданию, Моисей являлся автором первых пяти книг Библии («Пятикнижие»).

... наблюдение в Германии за русскими книгами, печатаемыми в Лондоне. – О мерах русского правительства по преследованию лондонских изданий Герцена см. в комментариях к статье «Лакеи и немцы не допускают» (стр. 541).

Стр. 270. ... Леонтии Васильевиче... – Дубельте.

Потсдам – резиденция прусского короля.

... до первых трех классов... – По табели о рангах (см. примечание к стр. 23)

гражданские, военные и придворные чины в России делились на 14 классов, из которых высшими считались первые три.

... У короля-наместника мозг уже размягчался... – Прусский король Фридрих Вильгельм IV в 1857 г. заболел размягчением мозга, в виду чего обязанности принца-регента возложены были с 1858 г. на его брата Вильгельма (впоследствии император Вильгельм I).

... покойников человек. – То есть преданный слуга Николая I.

<ПОГЕНПОЛЬ>

Печатается по тексту К, л. 15 от 15 мая 1858 г., стр. 124, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи, заглавие взято из ОК.

Авторство Герцена устанавливается по тесной связи заметки со статьями

«Словобоязнь», «Лакеи и немцы не допускают», «Материалы

560

для некролога Авраамия Сергиевича Норова», написанными по поводу мер русского правительства, направленных против «Колокола» Включено М. К. Лемке (Л IX, 236).

Об обстоятельствах, которыми вызвана настоящая заметка, см. в комментарии к статье «Лакеи и немцы не допускают» (наст. том, стр. 198).

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 271, строка 16: 27 апреля вместо: 27 августа (на основании исправления, помещенного в виде подстрочного примечания к статье «Словобоязнь» – см. наст. том, стр. 541).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «„О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВ В РОССИИ" КНЯЗЯ М. ЩЕРБАТОВА И „ПУТЕШЕСТВИЕ" А. РАДИЩЕВА...»

Печатается по тексту книги «„О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева, с предисловием Искандера», London, 1858, стр. V–XIV, где опубликовано впервые. В оглавлении книги статья названа «Введение Искандера». Автограф неизвестен.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Книга вышла в свет в первой половине апреля 1858 г. (см. объявление в К, л. 13
от 15 апреля 1858 г.).

Объединенные в одном томе и снабженные общим предисловием Герцена произведения
«О повреждении нравов в России» М. М. Щербатова и «Путешествие из Петербурга в
Москву»

А. Н. Радищева находились под запретом царской цензуры (сочинение М. М.
Щербатова было впервые, с пропусками, напечатано в России лишь в 1870–1871 гг.;
с книги А. Н. Радищева цензурный запрет был снят только в 1905 г.).
Происхождение текстов, по которым «О повреждении нравов в России» и «Путешествие
из Петербурга в Москву» были опубликованы в Лондоне в 1858 г., остается
неизвестным. Текст первого произведения изобилует неточностями, порою
искажающими смысл. В тексте «Путешествия» произведена редакционная правка,
сводящаяся к подновлению стиля. Примеры отступлений лондонского издания книги
Радищева от текста первого издания 1790 г. приведены Я. Л. Барсковым в
комментариях к фототипическому его воспроизведению (А. Н. Радищев. Путешествие
из Петербурга в Москву, т. II, Материалы к изучению «Путешествия», М. – Л.,
Academia, 1935, стр. 324–325). Текст герценовского издания «Путешествия»
перепечатан в XVII томе «Международной библиотеки» (Лейпциг, изд. Э. Л.
Каспровича, 1876).

Есть основания предполагать, что до 1858 г. Герцен не был знаком с
«Путешествием» Радищева. В своей работе «О развитии революционных идей в России»
(1851, т. VII наст. изд.) он вовсе о нем не упоминает. Несколько строк о судьбе
Радищева в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» (1857, т. XII наст.
изд.) свидетельствуют о том, что в это время Герцен располагал еще очень
скудными данными о нем и об его книге. В позднейших произведениях Герцена имя
Радищева встречается неоднократно. В очерке «Новая фаза русской литературы»
(1864, т. XVIII наст. изд.) «Путешествие» названо «серьезной, печальной,
исполненной скорби книгой».

Написанные в конце 1780-х годов книга Щербатова и книга Радищева, конечно,
неравноценны как по своему содержанию, так и по своему значению. Виднейший
деятель аристократической оппозиции, убежденный крепостник, яростный ненавистник
Екатерины II, Щербатов написал

561

злейший памфлет против русского двора, но естественно, что он и не думал при
этом посягать на самую сущность феодально-крепостнического общества. Наоборот,
Радищев – писатель-революционер, уязвленный «страданиями человечества», – а для
него «человечество» – это прежде всего крепостное крестьянство, – создал
произведение антикрепостническое и антимоноархическое.

В своем предисловии Герцен вскрывает принципиальную разницу между этими
обличительными произведениями. Здесь же впервые устанавливается значение
традиций Радищева для молодого Пушкина, декабриста и самого Герцена.

Стр. 272. После этого спросят меня ~ собственный вес – Цитата из депеши
французского поверенного в делах при русском дворе Корберона заимствована
Герценом из книги «La cour de Russie il y a cent ans. 1725–1783. Extraits des
dépêches des ambassadeurs anglais et français» (3- me édition, Berlin, Ferd.
Schneider, 1860, pp. 314–315). Герцен пользовался первым изданием 1857 г.

Стр. 273. ... не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца... – Согласно
библейской легенде, иудейский юноша-мудрец Даниил обличил на пиру вавилонского
царя Валтасара в нечестии и разъяснил ему смысл появившихся на стене
таинственных слов, предвещавших конец его царствования («Книга пророка Даниила»,
глава 5). Образ Даниила неоднократно встречается в произведениях Герцена.

... не ограничивает первыми тремя классами свой мир... – Имеются в виду первые
три класса табели о рангах (см. примечание к стр. 23).

Когда пуритане ~ вспоминали времена протектора... – Протекторатом называлась
диктатура, установленная в 1653 г. Оливером Кромвелем, выдвинувшимся на
политическом поприще в качестве деятеля пуританской оппозиции.

Стр. 274. «Наказ» – «Наказ комиссии для сочинения нового Уложения», составленный
Екатериной II и изданный в 1767 г. В нем Екатерина II пыталась использовать идеи
французских просветителей в интересах укрепления русского самодержавия.

Стр. 275. ...стихами Державина... – Герцен, очевидно, имел в виду оду Державина
«Водопад». Однако поэт всегда был настроен резко критически по отношению к
Потемкину. Сатирико-обличительные выпады против него содержатся и в «Фелице», и
в «Вельможе».

Посвященная ему ода «Решемыслу» весьма двусмысленна по своему содержанию.
Потемкин восхваляется в ней за те именно достоинства, которых он не имел.

.. семинарской прозой Надеждина... – Герцен подразумевает панегирическую статью
Н. И. Надеждина «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь
Новороссийского края» («Одесский альманах на 1839 год», Одесса, 1839, стр.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (1–96).

Le balâfré ... – граф А. Г. Орлов. У него был шрам на щеке от удара палашом, полученного в драке (об этом рассказывается в примечании к памфлету Щербатова: см. «„О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева», London, 1858, стр. 81).

... как сбыл с рук княжну Тараканову. – В 1775 г. А. Г. Орлов обманом вывез из Италии в Россию авантюристку-самозванку, выдававшую себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны от брака с А. Г. Разумовским. Доставленная в Петербург, она была заключена в Петропавловскую крепость, где и умерла в том же году. Настоящее имя этой авантюристки осталось неизвестным.

«Non, vous n'êtes plus ta Lisette!..» – Из припева к песне Беранже «Ce n'est plus Lisette».

562

... Григорий Орлов – сошедший с ума. – За год до своей смерти в 1782 г., Г. Г. Орлов заболел психическим расстройством.

Стр. 276. ...все сразу переменится? – Герцен имеет в виду внезапную смерть Екатерины II и вступление на престол Павла I.

... il nyade grand chez moi ~ lui parle... – «У меня в доме имеет значение лишь тот, с кем я говорю, и до тех пор, пока я с ним говорю» – слова Павла I, с предельной прямотой обнаруживающие самодурство царя.

... Суворов на Альпах, под Требией и Нови... – В сражениях под Требией (7–8 июня 1799 г.) и Нови (4 августа 1799 г.) русские войска под начальством Суворова одержали победы над французскими республиканскими войсками.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПУТЕШЕСТВИЮ ИЗ С.-ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ» А. РАДИЩЕВА

Печатается по тексту книги «„О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева, с предисловием Искандера», London, 1858, стр.

103–106, где опубликовано впервые, за подписью: И –р. В оглавлении книги статья названа: «Предисловие

Искандера». Книга вышла в свет в первой половине апреля 1858 г. (см. объявление в К, л. 13 от 15 апреля 1858 г.). Автограф неизвестен.

В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:

Стр. 278, строка 14: Гримм вместо: Грамен

Стр. 279, строка 10: напечатав его вместо: напечатав ее

Стр. 279, строка 37: Завадовский вместо: Завадовского.

Кроме общего предисловия к книге «„О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева» Герцен написал отдельное предисловие к «Путешествию из Петербурга в Москву», которое и было напечатано непосредственно перед текстом этого произведения.

Источником биографических сведений о Радищеве послужила Герцену статья Пушкина «Александр Радищев». Предназначенная для третьего тома «Современника» за 1836 г., эта статья была запрещена цензурой так как министр народного просвещения С. С. Уваров нашел «излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения» (Сочинения Пушкина, издание АН СССР, т. IX, ч. II, л., 1929, стр. 718). Впервые статья появилась в седьмом, дополнительном томе «Сочинений Пушкина» (Издание П. В. Анненкова, СПб., 1857, часть II, Отрывки в прозе, стр. 50–64), по которому Герцен с ней и познакомился. В своем предисловии Герцен неоднократно цитирует эту статью Пушкина.

Стр. 278. Статья, не делающая особенной чести поэту. – Печатаю статью Пушкина «Александр Радищев», П. В. Анненков расценивал ее как выражение консервативности общественно-политических взглядов поэта в последние годы его жизни (Сочинения Пушкина, т. VII, СПб., 1857, часть II, стр. 3–4). Статья Пушкина вызвала возражения со стороны

А. В. Станкевича, Н. А. Добролюбова и сына Радищева – П. А. Радищева. В ряду откликов на статью Пушкина высказывание Герцена представляет особый интерес. Считая, что она не делает «особенной чести поэту», если он «в самом деле так думал», Герцен однако предположил, Пушкин мог «перехитрить ее из цензурных видов». Это предположение было впоследствии развито М. И. Сухомлиновым и В. Е. Якушкиным (см. М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, СПб. 1889, т. I, стр. 650;

В. Е. Якуш кин .

563

О Пушкине, М., 1899, стр. 31). Мнение о том, что полемический по отношению к Радищеву тон пушкинской статьи представляет попытку обмануть цензуру, разделяется и советскими пушкиноведами.

Александр Радищев родился около 1750. – Радищев родился 20 августа 1749 г. Стр. 278–279. ... определила его в собственную канцелярию. – Ошибка: Радищев служил сначала протоколистом в сенате, затем обер-аудитором в штабе генерал-аншефа Я. А. Брюса.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Стр. 279. Радищев был мартинист... – Мартинистом Радищев не был. На предложенный
ему в Тайной экспедиции вопрос: «Не был ли приглашен в общество мартинистов?»
Радищев отвечал, что «мартинистом он не токмо никогда не был, но и мнение их
осуждает, что-де и в самой книжке сей значится на страницах 93 и 315-й»
(«Процесс А. Н. Радищева», М. – Л., 1952, стр. 174). Это показание
подтверждается свидетельствами сыновей Радищева Л. А. и Н. А. Радищевых
(«Русский вестник», т. XVIII, 1858, декабрь, кн. I, стр. 429; «Русская старина»,
1872, № 11, стр. 579).
(Из записок Храповицкого). – Цитаты из записок статс-секретаря Екатерины II
А. В. Храповицкого заимствованы Герценом из «Прибавлений» к статье Пушкина,
напечатанных в изданиях П. В. Анненкова.

СЛОВООБЯЗЬ

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 125, где опубликовано
впервые, за подписью: И–р. Этой статьей открывается лист «Колокола». В ОК к
заглавию добавлено в скобках: «Запрещение „Колокола" в Пруссии». Автограф
неизвестен.

Стр. 281. ... равви Авраамия Сергиевича... – Норова.

Стр. 282. ... IVминистра эти quatre mendians немецких дворян... – Quatre
mendians – по- французски называется сухой десерт состоящий из винной ягоды,
миндаля, изюма и орехов. В буквальном переводе это выражение означает «четверо
нищих». Герцен иронически называет так прусских и саксонских министров,
объединивших свои усилия для борьбы с лондонскими изданиями и подобострастно
выполняющих приказы русского правительства.

... сказанное нами в 9 листе «Колокола». – Герцен цитирует далее свою статью
«Лакеи и немцы не допускают» (стр. 198–199 наст. тома).

ТАМБОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И – р. Автограф неизвестен.

Стр. 283. ... мы «предали это дворянство анафеме», поверив статье «Норда». –
Имеется в виду сообщение корреспондента «Le Nord» из С.-Петербурга от 9/21
января, напечатанное в номере от 28 января 1858 г. Сообщение это было
использовано Герценом в заметке «Тамбовское дворянство не хотело освободить
крестьян...» (см. наст. том, стр. 194), которую Герцен имеет здесь в виду.
... читали речь какого-то Бланка... – Г. Б. Бланк, помещик Усманского уезда
Тамбовской губ., был ярким сторонником крепостного права и прав дворянства (см.
его статьи «Русский помещичий крестьянин» в «Трудах императорского Вольного
экономического общества», 1856, т. II,
564

отд. II стр. 117–129; «Об управлении рабочими людьми в русском хозяйстве» и
«Ответ на заметку по поводу статьи „Русский помещичий крестьянин" В.
Безобразова...» – там же, 1857, т. I, отд. II, стр. 1–37 и 99 – 130). Будучи
членом Тамбовского губернского комитета, Бланк возглавлял в нем партию
крепостников.

... иезуитское сочинение Безобразова... – Герцен имеет в виду брошюру Н. Л.
Безобразова «Об усовершенствовании узаконений, касающихся до вотчинных прав
дворянства», изданную в 1858 г. в Берлине. Этой брошюре была посвящена статья
Огарева «Разбор брошюры Безобразова», опубликованная в К, л. 15 от 15 мая 1858
г. за подписью: Н. О.

... Орловы и Панины бросились ~ закладывать именья, боясь освобождения крестьян.
– Об этом факте сообщал Герцену Н. А. Мельгунов в письме от 21 марта 1858 г.:
«Трое из членов <Главного комитета по крестьянскому вопросу>, очень крупные
помещики, не имевшие ни копейки долгу, ни казенного, ни частного, заложили разом
в ломбарде все свои именья. Их имена заслуживают перейти в потомство: князь <А.
Ф.> Орлов, граф <В. Н.> Панин, граф <А. И.> Гудович» (ЛН, т. 62, стр. 373 –
374). В письме же, написанном в конце апреля – начале мая 1858 г., Н. А.
Мельгунов, еще раз напоминая о закладе имений русскими помещиками, спрашивал у
Герцена: «Как же это вы не донесли печатно о таком факте? О нем уж и иностранные
газеты говорили» (там же, стр. 374).

PAS DE RÊVERIES! PAS DE RÊVERIES!

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании характерной для него сатирической
концовки заметки, а также следующих строк из его письма к А. П. Туманской от 27
мая 1858 г.: «Известия из России невеселые: реакция, непоследовательность и
ошибка за ошибкой.

Старому звонарю Колокола – мне надлежит поднять по этому поводу трезвон».
Включено Л. А. Тихомировым (Т, 46) и М. К. Лемке (Л IX, 250).

Стр. 284. Pas de'rêveries! Pas de rêveries! – В речи к депутатам от жителей

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Варшавы в мае 1856 г. Александр II дал понять, что он будет продолжать в Польше
политику своего отца и пресечет всякие стремления поляков к национальной
независимости. В этой связи он произнес фразу: «Point de rêveries, messieurs!»
(«Никаких мечтаний, господа!»). Содержащееся в заметке сообщение о запрещении
писать в польской прессе об освобождении крестьян объяснялось тем, что
подготавливавшаяся в России крестьянская реформа не распространялась на Царство
Польское.

КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЕ МЕСТНИЧЕСТВО В НАУКЕ И В ОРЕНБУРГЕ

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК озаглавлено: «Киргиз-кайсацкое
местничество в Оренбурге (Катенин)». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании характерных для него
стилистических особенностей (смелость и неожиданность метафор и эпитетов,
сопоставления, построенные на сатирически заостренных антитезах, – например:
«Выращенные, выпрямленные, застегнутые и пущенные на свет Николаем, эти
неогатчинские воины мира, эти якобинцы шагистки, эти Клейнмихеля под разными
названиями – Катениных, Герстенцевейгов, Тимашевых, эти люди консерватизма,
строга, погончиков и петличек прикинулись реформаторами. Катенин-Лютер!
Тимашев-Гус!»),

565

«они не участвовали в Крымской войне или участвовали в ней по мирной части» и
пр.). Включено М. К. Лемке в Dubia (Л IX, 250–251).

Стр. 284. ... военной рассадницы, взлелеянной императором Николаем... – Речь
идет об особом внимании, уделявшемся Николаем I военным учебным заведениям. За
годы его царствования было основано 11 кадетских корпусов (в предшествовавшие 90
лет – всего 3) и проведен ряд мероприятий по их реформированию (в 1830 г. издано
«Общее положение и устав для военных учебных заведений», в 1848 г. –
«Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» и т. д.).

... они не участвовали в Крымской войне или участвовали в ней по мирной части. –
Лица, о которых говорит Герцен в данной статье (А. А. Катенин, П. А.
Клейнмихель,

А. Д. Герстенцевейг и А. Е. Тимашев), прошли николаевскую школу подготовки в
различных военно-учебных заведениях, однако никто из них не принимал участия в
Крымской войне.

. .неогатчинские воины мира... – Еще будучи наследником престола, Павел I
большую часть своего времени уделял военной муштре на прусский лад войск,
располагавшихся в Гатчине, где находилась резиденция Павла.

<МЕЛЬНИКОВ>

Печатается во тексте К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.
Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена
устанавливается на основании стилистических особенностей заметки, в частности –
пародийной манеры, совершенно аналогичной той, которая применена Герценом в его
статьях «Исполин просыпается!», «Запрос, святейшему синоду о иерейском
двоеженстве» и др. (см. комментарий к заметке «По духовной и душевспасительной
части», стр. 519).

П. И. Мельников, будучи чиновником особых поручений при губернаторе, ведал в
Нижегородской губернии делами о раскольниках. Отчеты Мельникова привлекли
внимание министерства внутренних дел, и он был переведен в Петербург, где по
поручению министра внутренних дел занимался делами раскола. Меры, которые он
предлагал для обращения раскольников, отличались крайней жестокостью. Однако в
записке 1857 г. о расколе, составленной по поручению министра внутренних дел С.
С. Ланского для великого князя Константина Николаевича, П. И. Мельников
высказался за широкую терпимость по отношению к старообрядцам. Герцен ставит под
сомнение искренность либеральных высказываний Мельникова. Интересно отметить,
что эта записка была опубликована в составленном В. Кельсиевым «Сборнике
правительственных сведений о раскольниках» (выпуск первый, Лондон, 1860, стр.
167–198).

ФАНАТИК ПАСПОРТОВ

Печатается по тексту К, л. 17 от 15 июня 1858 г., стр. 139–140, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи – Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании содержания статьи, в которой
встречается обычное для Герцена осуждение «гуверnementального» тона, ставшего
заметным в русской литературе, раболепия журналистики, характерные высказывания
об Англии и т. п. В стилистическом отношении вся статья несет на себе печать
герценовской индивидуальности (см., например, выражение: «Ст. В. справедливо
заметит, что если б у него был паспорт в кармане, то его легко бы было узнать,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович
но для этого надобно было две вещи: карман и самого Лани – имея то и другое в
руках, паспорт делается милым излишеством»; или: «Не все, как Фаддей
Венедиктович
566

Булгарин и Николай Иванович Греч, с рождением принесли высокое аристократическое
имя и колоссальное богатство» и т. п.). Ср. заглавие «фанатик паспортов» с
герценовским: «фанатики форменных пуговиц и голых подбородков» в заметке
«Иванова борода и Гурьева лоб» (стр. 392 наст. тома). Ср. также отзыв о
лондонской полиции в статье «фанатик паспортов» со следующим высказыванием в
письме Герцена к М. К. Рейхель от 25 августа 1853 г. из Лондона: «... вот какие
порядки у нас! Никого не секут, а краденое находят. Как об этом размышляет
Погодин?» – Включено М. К. Лемке, который отмечал: «Принадлежность
<Герцену>

устанавливается по тому, что статья, видимо, написана в Лондоне, а стиль и
авторское „я“ дают основание приписать ее Герцену: Огарев никогда не „ячился“
анонимно, считая это неделикатным по отношению к Герцену, как
издателю–редактору, что им и выяснено в одном из писем к Кельсиеву, хранящемся в
А<рхиве> С<емьи> Г<ерцена>» (Л IX, 589. – Упомянутое письмо Огарева остается
неизвестным.)

Стр. 286. ... «Северная пчела» знакомит нас ~ с фанатиком паспортов (в 78 №). –
Речь идет о статье «Ст. В.» «Дела и слова», напечатанной в газете «Северная
пчела», № 78 за 1858 г. В ней содержатся выпады против В. А. Кокорева,
доказывавшего в статье «Взгляд русского на европейскую торговлю», что одной из
причин высокого уровня сельского хозяйства и промышленности в Англии является
отсутствие полицейской опеки.

В. Кокорев ~ стал печатать свои статьи, да еще предпочел бельгийскую «Пчелу»
– северной. – Статья В. А. Кокорева «Взгляд русского на европейскую торговлю»
была опубликована в газете «Le Nord» в переводе, осуществленном редакцией
газеты. Русский оригинал, с которого делался перевод, был напечатан в «Русском
вестнике» (1858, т. 14, март, кн. 1, стр. 29–64). Называя «Le Nord» «бельгийской
„Пчелой“», Герцен намекает на то, что эта газета являлась неофициальным органом
русского правительства (см. комментарий к заметке «Двухспальный лист»).

... «где нет паспортов ~ в жизни простого народа сильнее развивается». –
Приводимая Герценом цитата из статьи В. А. Кокорева «Взгляд русского на
европейскую торговлю» не совпадает с текстом «Русского вестника» (см. стр. 36).
Герцен цитирует ее, до-видимому, по газете «Le Nord», в своем переводе.

... террора 94 года... – Речь идет о политическом терроре против якобинцев,
наступившем во Франции после контрреволюционного переворота 9 термидора (27
июля) 1794 г.

... «в Англии были бы реже страшные злодеяния, если б всякий обязан был
доказать, кто он таков». – фраза из статьи «Ст. В.» «Дела и слова» («Северная
пчела», 1858, № 78, стр. 368).

Стр. 287. Здешнее IIIотделение в подметки не годится тимашевскому... – Герцен
сравнивает лондонскую полицию и сыскное отделение (Scotland Yard) с III
отделением, возглавляемым в тот период А. Е. Тимашевым.

...новый цветок, пересаженный в Англию трудами таких людей, как Пальмерстон. –
Имеется в виду учреждение в Англии в 1856 г. премьер-министром лордом
Пальмерстоном централизованной полиции.

... здесь нельзя полицию ~ ни сечь по-эртелевски, ни бить по-берингски. – Герцен
говорит о произволе полицейских властей в России, описанном в статьях
«Полицейский разбой в Москве» и «Эртель» (стр. 72–79 и 445).

... Фаддей Венедиктович... – Булгарин.

Стр. 288. ...явился Бланк, доблестный защитник помещного права... – См.
примечание к стр. 283.

567

... Безобразов, желающий освобождением еще больше закрепить крестьян... – См.
примечание к стр. 283.

... Голицын ~ хочет уверить ~ что земля не их.–Имеется в виду «Печатная правда»
С. П. Голицына (см. примечание к стр. 367–368).

... «К чему крестьянам разъезжать и разгуливать, с крестьянина идущего на поле,
не требуют паспорта!»... – Строки из статьи «Ст. В.» «Дела и слова».

... о пользе Преображенского приказа и пыток... – Преображенский приказ был
основан в 1697 г. в селе Преображенском как особая канцелярия Петра I,
действовавшая под его наблюдением. В его функции входило заведование регулярными
войсками и продажей табака. С 1702 г. Преображенский приказ стал заниматься
делами, связанными с политическими преступлениями. Расследование дел
сопровождалось применением страшных пыток. Упразднен в 1729 г.

Стр. 288–289. ... Булгарин и ~ Греч, с рождением принесли высокое

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Булгарин, ни греч аристократами не были и в начале своей деятельности материально очень нуждались.

АРХИПАСТЫРСКОЕ РВЕНИЕ О МРАКЕ

Печатается по тексту К, л. 17 от 15 июня 1858 г., стр. 140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании неоспоримой стилистической близости настоящей заметки его пародийным заметкам «Исполин просыпается!» (см. т. XV наст. изд.) и ««Запрос святейшему синоду о иерейском двоеженстве» (т. XVII наст. изд.), а также печатающимся в настоящем томе заметкам «По духовной и душеспасительной части», «О усердному, о пастырю благоревностному!», «Распространение иезуитизма в России», принадлежность которых Герцену устанавливается по тем же стилистическим признакам. Об аналогичной пародии на «священнослужительский» язык в «Былом и думах» см. в комментарии к заметке «По духовной и душеспасительной части». Включено Л. А. Тихомировым (Т, 47) и М. К. Лемке (Л IX, 256).

Стр. 290. «... митрополит новгородский и с.-петербургский... – Речь идет о митрополите новгородском и с.-петербургском, эстляндском и финляндском – Григории.

... обер-прокурору Святейшего синода... – Генерал-лейтенанту графу А. П. Толстому.

ПРАВО ГРАЖДАНСТВА, ПРИОБРЕТЕННОЕ «КОЛОКОЛОМ» В РОССИИ

Печатается по тексту К, л. 17 от 15 июня 1858 г., стр. 140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И–р. Автограф неизвестен.

Стр. 291, ... японский цензор?.. – Намек на И. А. Гончарова (см. комментарий к заметке «Необыкновенная история о цензоре Гон-ча-ро из Ши-пан-ху»).

... читая буквы сверху вниз... – В акrostихе начальные буквы строк составляют какое-либо слово или фразу.

Слухи о Сопэриасу-ВШ (который ученый поэт смешал с Ашеп-ВШ)... – Сошриасу-ВШ – закон о заговорах; Ашеп-ВШ – закон о чужестранцах. Герцен намекает здесь на происходившие в Англии

события в связи с покушением Орсини на Наполеона III (см заметку «Охалка дровец старушки», а также статью «Франция или Англия?», в которой Герцен рассказывает об упоминаемых здесь законопроектах наст. том, стр. 243–244).

... вдохновили Ижицу... – Под псевдонимом Ижицына, близкий к Гречу и Булгарину, Борис Федоров выпустил акrostих под названием «Басня. Ороскоп Кота», перепечатанный далее Герценом. Акrostих был издан отдельным листком в мае 1858 г. в Петербурге. Это было первое дозволенное цензурой упоминание о «Колоколе» в русской печати. Н. А. Добролюбов откликнулся на «Басню» рецензией, которая однако не была пропущена цензурой. Окончание акrostиха (ичсн), по предложению М. К. Лемке, расшифровывалось: «и чёрт с ним» («Первое полное собрание сочинений Н. А. Добролюбова», СПб., т. II, 1911, стр. 290). Ю. Г. Оксман предложил иную, более вероятную, расшифровку: «и Чернышевскому с Некрасовым» (Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинение, М., т. III, 1936, стр. 627).

Ботани-Бей – Залив Ботани на восточном берегу Австралии в XVIII и XIX веках был местом ссылки.

<СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ГОЛИЦЫН>

Печатается по тексту К, л. 17 от 15 июня 1858 г., стр. 140, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф не известен.

Авторство Герцена устанавливается на основании письма Н. М. Мельгунова к Герцену от конца апреля – начала мая 1858 г., в котором Мельгунов сообщал: «Серг. Мих. Голицын, твой приятель, сказал на днях: „Прошу господу об одном только, чтоб позволил умереть до двенадцати лет“» (ЛН, т. 62, стр. 374). С. М. Голицын имел при этом в виду двенадцатилетний переходный период, предполагавшийся для постепенной ликвидации крепостного права.

Стр. 292. ... «qu'îl mourût! – Цитата из трагедии Корнеля «No гасе» (акт III, сцена 6).

ПОМЕЩИКИ, ПЕРЕСЕЛЯЮЩИЕ КРЕСТЬЯН>

Печатается по тексту К, л. 17 от 15 июня 1858 г., стр. 140 где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании того, что в ней использован факт приведенный в личном письме к нему Н. А. Мельгунова от конца апреля – начала мая 1858 г., причем весь второй абзац заметки почти текстуально воспроизводит сообщение Мельгунова. Н. Н. Захарьин (Я. З. Черняк) высказал ничем не подкрепленное предположение, что автором этой заметки был Н. П. Огарев (см. ЛН, т. 62, стр.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (374, 376).

Стр. 292. ... множество помещиков ~ принуждают крестьян переносить свои усадьбы, огороды и конопляники с жирной земли на тощую... – Согласно отчету III отделения за 1858 г. принудительное переселение крестьян наблюдалось в следующих губерниях: Бессарабской, Владимирской, Тульской, Калужской, Подольской, Гродненской, Рязанской, Харьковской («Крестьянское движение 1827–69 годов», выпуск I, подготовил к печати Е. А. Мороховец, 1931, стр. 114–117).

569

...мы просили доставить нам имена этих землекрадов – В последующих листах «Колокола» приводились имена ряда помещиков занимавшихся принудительным переселением крестьян на неудобную землю (см в наст. томе заметки «О Неклюдове и Орлове» и «Граф Мусин-Пушкин»).

1 июля 1858

Печатается по тексту К, л. 18 от 1 июля 1858 г., стр. 141 – 143, где опубликовано впервые, за подписью: Искандер. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Перепечатано под заглавием «Июля 1 1858», с типографскими искажениями, в сборнике «За пять лет...», часть первая, Искандера, Лондон, 1860, стр. 73–81, где объединено было со статьей «Через три года (18 февраля (3<!> марта) 1858)» под общим шмуцтитлом: «Через три года и через три года с половиной». Автограф неизвестен.

Эта статья отражает усиление сомнений Герцена в целесообразности апелляций к верхам (ср. комментарий к «Предисловию (к „Колоколу“)»). Однако и здесь он пытается уверить себя, что царь «силится подать руку народу», чему якобы мешают лишь сановники и «гнилая часть» дворянства. Наряду с этим Герцен с подлинно демократической силой говорит о том, что «... в звон нашего „Колокола“ входит именно вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барщинских полей, с ценсурной бойни...».

Особого внимания заслуживает заявление о том, что «Колокол» обращается к «людям добра всех сословий», т. е. не только к дворянской интеллигенции, на которую сначала, в первую очередь, были рассчитаны издания Вольной русской типографии. Стр. 293. Слева да направо. – Измененная цитата из опубликованного в «Колоколе» стихотворения «Шарманка»: «Иль, забывшись, повернешь 11Справа да налево» (см. наст. том, стр. 422–424 и примечание на стр. 609).

Стр. 295. Был же ведь государь на Кавказе в деле с горцами... – Александр II, еще будучи наследником, осенью 1850 г., во время войны с горцами, совершил путешествие на Кавказ, посетил действующие войска, за что был награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

... К. И. Арсеньев рассказывал ~ уголовное дело, называемое русской историей... – К. И. Арсеньев в 1828–1837 гг. преподавал будущему царю Александру II статистику и историю.

Стр. 296. ... в том числе прусская «Крестовая газета»... – См. резкую характеристику «Kreuz-Zeitung» в статье Герцена «Полицейский разбой в Москве» (стр. 72). Какую-то вырезку из этой газеты Герцен в письме от 4 октября 1857 г. посылал М. Мейзенбуг («и прошу прислать обратно»).

... «Le Vieux Monde et la Russie»... – См. примечание к стр. 9.

Стр. 297. ... красноречие Безобразова и Бланка... – См. примечания к стр. 283.

... центральный комитет... – Главный комитет по крестьянскому делу.

... насильственные переселения крестьян на неудобную землю. – См. заметку «Помещики, переселяющие крестьян».

Стр. 298. ... наши статьи о Сечинском, кочубеевском процессе, о Вреде, о Эльстон-Сумарокове, о губернаторе Новосильцеве и пр. – Имеются в виду опубликованные в «Колоколе» в 1857–1858 гг. статьи и заметки Герцена «Под спудом», «Сечь или не сечь мужика?», «Полезьа от гласности», «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского», «Розги и

570

розги!» (см. в наст. томе). Дело Кочубея освещалось в корреспонденции, приложенной к статье Герцена «Что значит суд без гласности» (см. наст. том, стр. 182 – 187). В К, л. 10 от 1 марта 1858 г. был напечатан циркуляр рязанского губернатора П. П. Новосильцова, направленный земскому исправнику в связи с крестьянскими волнениями в с. Мурмино; в заметке «Отставка Новосильцова» сообщалось об удалении Новосильцова от должности (см. наст. том, стр. 443).

... «Ici l'on danse!» – «Здесь танцуют!». Эта надпись на развалинах Бастилии была установлена не в 1789 г., а в 1790 г., в первую годовщину взятия крепости.

БЕШЕНСТВО ЦЕНСУРЫ

Печатается по тексту К, л. 18 от 1 июля 1858 г., стр. 152, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Запрещение „Колокола“ в Риме». Автограф неизвестен.

Авторство устанавливается на основании тесной связи настоящей заметки со

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герценом по поводу репрессий, которым подвергались издания Вольной русской типографии в Западной Европе в результате происков русских правительственных чиновников (см. стр. 198–199, 271, 281–282 наст. тома). Отметим противопоставление презиравшегося Герценом дипломата Н. Д. Киселева – П. Д. Киселеву, которого Герцен весьма уважал; ср. сходные высказывания о П. Д. Киселеве в заметке «Погенполь» (стр. 271 наст. тома), в заметке «Исчезновение Будберга»: «Ради бога, не смешивайте его <П. Д. Киселева> с Киселевым римским» (т. XX наст. изд.), а также в «Былом и думах»: «Это не П. Д. Киселев, бывший впоследствии в Париже, очень порядочный человек и известный министр государственных имуществ, а другой, переведенный в Рим» (т. X наст. изд. стр. 137). Включено М. К. Лемке в Dubia (Л IX, 268).

Стр. 299. ... происками Киселева... – Русский посланник в Риме и Тоскане Н. Д. Киселев ходатайствовал перед римским папой о наложении запрета на продажу печатных изданий Герцена во Флоренции и Риме. В своем донесении А. М. Горчакову от 11/23 марта 1858 г. из Рима Киселев сообщал, что его ходатайства увенчались полным успехом (Архив внешней политики России МИД СССР, фонд Канцелярии, дело № 149, 1858, лист 15–16).

... того Киселева, а не этого – fagot et fagot!... – «Этот» Киселев – П. Д. Киселев, бывший с 1856 г. послом в Париже. Французская поговорка «II у а fagots et fagots!» соответствует русской поговорке «Федот, да не тот!».

... в «еликая» княгиня Елена Павловна, бывши в Риме... – Имеется в виду пребывание Елены Павловны в Риме весной 1858 г.

ЧЕРНЫЙ КАБИНЕТ

Печатается по тексту к, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 161 – 163, где опубликовано впервые, без подписи. Этой статьей открывается лист «Колокола». В ОК заглавие дополнено следующими именами в скобках: «Ростовцев, Меншиков, Долгорукий, Ковалевский, Орлов, Панин, Муравьев, Тройницкий». Автограф неизвестен.

Статья написана Герценом по прямому совету Ю. Ф. Самарина, писавшего ему 9 мая 1853 г.: «Теперь позвольте вам дать совет. Вы, вероятно, знаете, что Ростовцев страшно идет в гору. Он уже почти заправляет министерством внутренних дел, крестьянский вопрос в его руках, и начинающаяся реакция как по эмансипации, так и по цензуре идет главнейшим

образом от него. Это вреднейшая и опаснейшая скотина потому что он, и он один, обладает страшнейшим иезуитизмом. Необходимо нанести ему сильный удар, и лучше этого сделать нельзя, как разбором его печатной инструкции о преподавании и воспитании в кадетских корпусах» («Вольное слово», 1883, № 59). Принадлежность статьи Герцену устанавливается, помимо приведенного выше свидетельства, и рядом других признаков. В заключительных ее строках Герцен ссылается на свою статью «Материалы для биографии Авраамия Сергеевича Норова», выдержанную в той же сатирической манере и высмеивающую теми же приемами бывшего министра народного просвещения Норова, который «по-еврейски знает <...> лучше всякого раввина и талмуд толкует, как будто не выходил всю жизнь из синагоги» и т. д. Вся статья в стилистическом отношении также отмечена печатью герценовской индивидуальности (ср., напр., выражения: «он сплел себе венки – не из лавровых листьев, а из черновых и корректурных», «да уж сделать бы его и Долгоруким, – тогда у государя был бы свой Яков Долгорукий» и др. Включено М. К. Лемке (Л IX, 279–285).

13 июля 1858 г. Герцен писал П. В. Анненкову: «19 и 20 № „Колокола“ готовы – деликатес и финзерб». Далее, имея в виду статью «Черный кабинет», он отмечает: «Кавел<инская> история – т. е. интрига Долгорукова с поправками помещена – т. е. с поправками шалостей, ex. gr.: „Знаменитый оператор Пирогов отрезал Тройницкому средство грешить литературно – он сделался евнухом при цензуре МВД“.

Я предлагаю переименовать Ростовцев<ева> – в Долгорукие, чтоб иметь Якова Долгорукова».

Заключительные строки из приведенного письма являются несомненным свидетельством авторства Герцена.

Названием «черный кабинет» Герцен объединяет наиболее реакционных членов Главного комитета по крестьянскому делу: шефа жандармов начальника III отделения

В. А. Долгорукова, министра государственных имуществ М. Н. Муравьева, председателя Государственного совета А. Ф. Орлова, министра юстиции В. Н. Панина и генерал-адъютанта Я. И. Ростовцева.

Стр. 300. Совесть нужна человеку в частном ~ быту, а на службе ~ ее заменяет высшее начальство. – Эпиграф к своей статье Герцен заимствовал из вышеупомянутого письма Ю. Ф. Самарина от 9 мая 1858 г. Самарин писал, что в «печатной инструкции» Ростовцева «о преподавании и воспитании в кадетских корпусах», «буквально сказано, что совесть нужна человеку в частном домашнем

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов быту, а на службе и в гражданских отношениях ее заменяет воля начальства». Герцен почти точно воспроизвел эту формулировку, заменив лишь слова: «воля начальства» – на «высшее начальство». В действительности же эта формулировка являлась вольным пересказом слов Ростовцева. Это дало последнему возможность обвинять Герцена в искажении его мысли. «Мог ли я написать подобную пошлость?», – писал он с возмущением декабристу Е. П. Оболенскому 18 ноября 1858 г, и далее приводил следующее место из своего наставления для военно-учебных заведений: «Что совесть для внутренних побуждений человека и для деяний его неизобличенных и неисследимых, то власть верховная для явных исследимых его действий... закон совести, закон нравственности обязателен человеку как правило для его частной воли; закон верховной власти, закон положительный, обязателен ему как правило для его общественных отношений» (см. «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений». СПб., 1849, раздел «Законоведение», стр. 138; ср. «Русская старина», 1889, № 9, стр. 619–620).

572

... Ростовцев, так блестяще начавший свою карьеру с доноса... – О доносе Я. И. Ростовцева см. примечание к стр. 42.

... назначается на место Долгорукова начальником всех доносчиков в России. – То есть на место шефа жандармов В. А. Долгорукова – начальником III отделения. Стр. 301. ... Не-якова Долгорукова... – В. А. Долгорукова.

... andate a letto, Don Basilio! – «Идите спать, дон Базильо!» – слова из оперы Россини «Севильский цирюльник» (акт II, сцена IV).

До его цензурного похода... – Имеется в виду постановление от 27 апреля 1858 г., по которому все сочинения в рукописи подвергались предварительной цензуре в специальной инстанции, образованной из чиновников всех министерств. Рукописи поступали сюда от цензоров или из цензурного комитета, минуя автора и редактора, и таким же путем возвращались обратно («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 429).

...он был совершенно не способен управлять военным министерством. – В. А. Долгоруков был военным министром в период Крымской войны.

... требованием рукописи от издателя. – Согласно постановлению от 27 апреля 1858 г. рукопись проходила все цензурные инстанции и затем поступала в печать, минуя автора.

... couleur jesuite... – Т. е. «иезуитской окраски» (франц.).

...«Статья об освобождении крестьян в „Современнике"...» – Речь идет о статье К. Д. Кавелина «Записка об освобождении крестьян в России», написанной в 1856 г. В 1858 г. «Записка» К. Д. Кавелина частично была напечатана Н. Г. Чернышевским в журнале «Современник» как составная часть статьи «О новых условиях сельского быта» («Современник», № 4 за 1858 г.).

Стр. 302. Тройницкий этот был прежде издателем «Одесского вестника» ~ Пирогов, как и следовало, возвратил журнал одесскому лицу... – Издание газеты «Одесский вестник» началось в 1828 г. по распоряжению генерал-губернатора М. С. Воронцова. Газета находилась в его ведении и выходила на русском и французском языках. В 1831 г. русская часть была выделена в отдельную газету. Редактировал ее М. П. Розберг, а с 1834 по 1857 г. А. Г. Тройницкий. В 1857 г. газета «Одесский вестник», при активном содействии Н. П. Пирогова, перешла в ведение одесского Ришельевского лица.

...с помощью ~ Гвоздева... – А. А. Гвоздев – директор департамента общих дел министерства внутренних дел.

...определился ~ в должность евнуха при той же печатной литературе в Петербурге. – Имеется в виду назначение А. Г. Тройницкого в 1858 г. в Главное управление цензуры цензором от министерства внутренних дел.

Стр. 304. Государь император ~ изволил высочайше повелеть: ни в каком случае не отступать от духа и смысла правил, указанных ~ в минувшем январе. – Речь идет о распоряжении по цензуре от 16 января 1858 г., запрещавшем разбирать, критиковать, осуждать в печати постановления правительства в отношении подготовки отмены крепостного права («Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год», СПб., 1862, стр. 422–423).

...с изданием ныне особой программы для занятий дворянских комитетов об улучшении быта помещичьих крестьян... – Имеется в виду рескрипт от 20 ноября и отношение министра внутренних дел от 21 ноября 1857 г. В них были изложены главные начала отмены крепостного права, которыми должны были руководствоваться губернские комитеты при подготовке реформы.

573

ХАРЬКОВСКАЯ ИСТОРИЯ

Печатается по тексту К, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 168 где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен

Авторство Герцена устанавливается на основании следующих признаков. Статья написана, как в ней указано, одним из издателей. Идеино-тематические и стилистические особенности ее делают несомненным вывод, что автором не был Огарев. Характеристика Зиновьева («как можно иметь такого попечителя, как Зиновьев? Неужели достаточно иметь брата в дворцовой детской, чтоб быть попечителем? Зиновьев известен по Москве, известен по управлению арестантской ротой или смиренным домом где-то <...>») прямо перекликается со следующими строками из статьи Герцена «Письмо к императрице Марии Александровне»: «Мы знаем за ним <Зиновьевым> одну добродетель – нежную любовь к брату, которого он всеми неправдами вывел из каких-то смотрителей смиренного дома в попечители Харьковского округа и отстоял его против правых студентов» (стр. 356 наст. тома). Выражения: «допотопный Панин», «Иаков-энтузиаст», «Муравьев, „который вешает“, Долгорукий, который слушает» [хл] постоянно варьируются в разных статьях и заметках Герцена (см., например, стр. 316 наст. тома). Такой каламбур, как: «Будто из Катакази некуда упасть как в Зиновьева», также весьма характерен для герценовской манеры. Включено Л. А. Тихомировым (Т, 53–54) и М. К. Лемке (Л IX, 287–288), который отмечает: «По всей вероятности, написано со слов Д. И. Каченовского» (Л IX, стр. 590).

Сам же Герцен указывает, что он получил несколько писем с описанием харьковских событий. Герцен был связан с революционным кружком, существовавшим в те годы в Харьковском университете, получал от членов его, в частности от Н. Н. Мазуренко, информацию (см. воспоминания Мазуренко, напечатанные в «Историческом вестнике», 1907, № 9). В «софийской коллекции» Герцена сохранилась обширная записка, излагающая историю студенческих волнений в Харьковском университете в 1858 г. и в частности те факты, о которых идет речь в настоящей заметке Герцена.

Стр. 306. Студенты Харьковского университета подали в числе 280 просьбу об увольнении... – Описываемые Герценом события начались в середине апреля. Поводом для студенческих волнений послужило исключение из университета двух студентов медицинского факультета Кутырева и Петровского. В знак протеста 138 студентов подали прошения об увольнении (см. «Краткий очерк истории Харьковского университета 1805 – 1905», Харьков, 1906, стр. 163–164).

Ковалевский, показавший такую жалкую слабость перед орловским комитетом упрочения крепостного состояния и уничтожения всякой гласности... – Герцен намекает на то, что деятельность министра просвещения Е. П. Ковалевского полностью зависела от позиции реакционного «черного кабинета», выступавшего против уничтожения крепостного права и за усиление цензуры. Решающая роль в нем принадлежала председателю Главного комитета по крестьянскому делу кн. А. Ф. Орлову (о значении политики «черного кабинета» см. в статье «Черный кабинет» и в комментариях к ней). Характеризуя деятельность Ковалевского, Герцен писал, что «он телеграф, через который Черный кабинет (Орлов, Панин, Ростовцев, Муравьев, Долгорукий) передает ценсурные циркуляры

574

и противодействует путями просвещения – всему образованному» (см. наст. том, стр. 302).

... Иаковом-энтузиастом... – Ростовцевым Я. И.

Неужели достаточно иметь брата в дворцовой детской, чтоб быть попечителем? – Намек на то, что родной брат П. В. Зиновьева – генерал-адъютант Н. В. Зиновьев был воспитателем детей Николая I.

Будто из Катакази некуда упасть как в Зиновьева. – П. В. Зиновьев стал попечителем Харьковского учебного округа после Г. А. Катакази, занимавшего эту должность с 1856 по 1857 г.

... без суда отправили с конвоем к атаману Хомутову на Дон, потому что они были казаки. – Два студента, исключенные из университета, были отправлены к атаману Хомутову, как донские казаки по происхождению.

<ЗАХВАТ «КОЛОКОЛА» ВО ФРАНКФУРТЕ>

Печатается по тексту к, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 168, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

Авторство устанавливается на основании содержания заметки, тесно связанной с проводившейся Герценом кампанией в защиту «Колокола» от провокационных действий русских правительственных агентов, добивавшихся запрещения «Колокола» и других герценовских изданий за границей (см. «Лакеи и немцы не допускают», «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова», «Погенполь», «Словобоязнь», «Бешенство цензуры», «Обвинительный акт» и др.). Высказанное в заметке намерение выступить с протестом против действий франкфуртского сената вскоре было осуществлено Герценом (см. «A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le-Mein». Включено М. К. Лемке (Л IX, 289–290).

Стр. 307. Сейчас получили мы письмо... – По-видимому, Герцен говорит здесь о не

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов дошедшем до нас письме к нему Н. А. Мельгунова, который находился в это время в Гомбурге, вблизи Франкфурта-на-Майне, и вел с Герценом деятельную переписку. Подробности о ходе продажи изданий Герцена во Франкфурте и др. германских городах см. в письме Мельгунова от 18 июля 1858 (ЛН, т. 62, стр. 376–377). Мы будем протестовать... – См. в настоящем томе открытое письмо Герцена «A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le-Mein» (стр. 308–321). ... Бейсты и Мантейфели... – Имеется в виду запрещение «Колокола» в Саксонии и Пруссии.

Лабенский. – В тексте заметки в К Герцен ошибочно назвал Лабенского вместо Фонтон, но вскоре исправил свою ошибку, напечатав в л. 21 К следующую заметку: « Errata

В прошлом листе „Колокола“ у нас вкралась ошибка – во Франкфурте русский резидент не Лабенский, а Фонтон, и президент сената во Франкфурте не Гарнье. Мы взяли эти имена из „Almanach de Paris“, 1858, pag. 92».

В К2 в этом же «Errata» появилась новая печатка: вместо: «не Лабенский, а Фонтон» напечатано: «Лабенский, а не Фонтон».

575

...от диеты... – Герцен имеет в виду межгерманский сейм – орган Германского союза немецких государств и вольных городов, образованного на Венском конгрессе 1815 г. и после ликвидации в 1848 г. восстановленного вновь через три года.

... западный Краков. – Польский город Краков находился тогда в составе Австрийской империи.

<НАМ ПИШУТ, ЧТО У НАС СВОЕГО РОДА МОНОПОЛЬ...>

Печатается по тексту К, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 168, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В ОК озаглавлено: «Заметка». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании аналогичного высказывания, сделанного им вскоре в статье «Обвинительный акт»: «.мы совсем не находимся, – писал там Герцен, – в том исключительном положении, которое нам часто дают, которое дает автор письма и против которого я протестую всеми силами моими. Что, в самом деле, за монополия русского печатания у нас, точно мы взяли русскую речь в чужих краях на откуп?<...> С нашей легкой руки теперь можно печатать по-русски в Берлине, в Лейпциге, в самом Лондоне стр 405–406 наст. тома). Включено М. К. Лемке (Л IX, 290).

Стр. 308. Нам пишут, что у нас своего рода монополия ~ нам отвечать нельзя. – Эта заметка явилась ответом на письмо Ю. Ф. Самарина к Герцену от 9 мая 1858 г., в которой он, отмечая большое влияние «Колокола» в России, писал: «Вы теперь, по своему положению, пользуетесь монополией свободного слова. Вы можете говорить все, а возражать вам никто не может. Это такая же привилегия, как та, которую пользуются казенные издания; вся разница в вашу пользу». И далее: «Вы, конечно, понимаете, что я прошу у вас только того, что каждый вправе ожидать от другого: внимания к чужому мнению и справедливости» («Вольное слово», 1883, № 59).

... в Германии теперь ~ три русских типографии. – После смерти Николая I некоторые заграничные типографии, в частности в Германии, приобрели русские шрифты. Здесь Герцен, вероятно, имеет в виду типографии К. Шульцце, Тровича и сына (в Берлине) и Густава Бера (в Лейпциге), публиковавшие в то время материалы на русском языке.

A L'ILLUSTRE SÉNAT DE LA VILLE LIBRE DE FRANCFORT-SUR-LE-MEIN ПРОСЛАВЛЕННОМУ СЕНАТУ ВОЛЬНОГО ГОРОДА ФРАНКФУРТА-НА-МАЙНЕ>

Печатается по тексту первой публикации – печатной листовки, приложенной к л. 20 К, а также рассылавшейся отдельно. Автограф неизвестен. В письме к М. К. Рейхель от 30 июля 1858 г. Герцен писал: «На днях я пришлю вам послание к франкфуртскому сенату от меня. Ну уж похочете вы».

Стр. 316. Сарагоса – Намек на героическую оборону Сарагоссы во время французской интервенции 1808–1809 гг.

576

Призывает ли он живых, оплакивает ли мертвых? – Намек на эпитафию к «Песне о колоколе» Шиллера («Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango» – «Живых призываю, мертвых оплакиваю. Молнии ломаю») использованный Герценом для эпитафии к «Колоколу» («Vivos voco!»).

Стр. 317. ... «et dona ferentes»... – Конец стиха из «Энеиды» Вергилия: «Timeo Danaos et dona ferentes» («Бойтесь данайцев и дары приносящих»), употребленного по поводу известной греческой легенды о деревянном троянском коне, преподнесенном данайцами жителям Трои и способствовавшем падению этого города.

... подобно звонарю Собора Парижской богородицы. – Имеется в виду персонаж романа В. Гюго «Собор Парижской богородицы» – Квазимодо.

Eines Mannes Rede II Ist keines Mannes Rede I I Soll sie billig hören beede... – «Речь одного человека – ничья речь; по справедливости должны быть выслушаны

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
оба». Гёте цитирует эти слова в первой книге своих воспоминаний «Aus meinem
Leben. Dichtung und Wahrheit».

... Муравьева, хвастающегося тем, что он принадлежит ~ к тем, которые вешают...
– В памфлетном биографическом очерке жизни М. Н. Муравьева П. В. Долгоруков
рассказывает: «Только что приехав в Гродно, он <Муравьев> узнал, что один из
тамошних жителей спросил у одного из чиновников: „Наш новый губернатор родня ли
моему бывшему знакомому, Сергию Муравьеву-Апостолу, который был повешен в 1826
году?“ Муравьев воскипел гневом (кажется, было не из-за чего) и воскликнул:
„Скажите этому ляху, что я не из тех Муравьевых, которые были повешены, а из
тех, которые вешают!“» (П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934, стр.
295).

Стр. 317–318. ...Ростовцева (Якова), который ~ сделал ~ донос на своих друзей,
как говорит об этом ~ Корф в своем сочинении о восшествии на престол Николая
I... – См. наст. том, стр. 42 и примечание к ней.

Стр. 318–319. Выставляют за дверь министра народного просвещения; заменяют его
Понтием Пилатом... – Министр народного просвещения А. С. Норов был замещен Б. П.
Ковалевским. Сравнивая нового министра народного просвещения с римским
правителем Иудеи Понтием Пилатом, который, согласно евангельскому преданию,
отдал (хотя и неохотно – «умывши руки») Иисуса Христа на распятие, Герцен
подчеркивает готовность Ковалевского беспрекословно выполнить любое указание
правительства, как бы несправедливо оно ни было.

Стр. 320. ... шляпы, повешенной Геслером... – В известной швейцарской легенде о
Вильгельме Телле, действие которой относится к началу XIV века, наместник
Геслер, желая унижить своих подданных, заставлял их кланяться своей шляпе,
вывешенной на шесте.

Валгалла – сооруженное Людвигом I Баварским в 1830 – 1842 гг. в Донауштафе, близ
Ратисбона, здание, в котором установлены бюсты «великих людей Германии».

Мы заявляли им уже дважды в «Колоколе»... – В статьях «Лакеи и немцы не
допускают» и «Словобоязнь» (см. наст. том).

<ГОСУДАРЬ, МЫ С УЖАСОМ ПРОЧЛИ...>

Печатается по тексху К, л. 21 от 15 августа 1858 г., стр. 169, где опубликовано
впервые, без заглавия, за подписью: Искандер, Н. Огарев. Этой заметкой
открывается лист «Колокола». В ОК озаглавлено: «Письмо к государю (по поводу
проектов центрального комитета)». Автограф неизвестен.

Стр. 322. Мы с ужасом прочли проекты центрального комитета. – Имеется в виду
программа отмены крепостного права, составленная весной
577

1858 г. членом Главного комитета по крестьянскому делу Я. И. Ростовцевым.

Программа Я. И. Ростовцева отличалась еще большей умеренностью, чем принципы
проведения реформы, изложенные в рескриптах. Право крестьян на выкуп усадеб в
собственность заменялось в ней правом на бессрочное потомственное пользование
ими; вместо указанного в рескриптах предоставления в пользование крестьян
количества земли необходимого «для обеспечения быта и выполнения обязанностей
перед правительством и помещиком», в программе Я. И. Ростовцева губернским
комитетам предлагалось лишь определить наименьший размер надела. Значительно
расширены были вотчинные права помещиков.

Остановитесь! Не утверждайте! – Герцен не знал, что программа Я. И. Ростовцева,
принятая Главным комитетом по крестьянскому делу, была уже утверждена
Александром II и циркуляром министра внутренних дел от 22 апреля 1858 г.
разослана во все губернские комитеты для руководства.

RAPPEL À LA PUDEUR!

Печатается по тексту К, л. 21 от 15 августа 1858 г., стр. 176, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании указания М. К. Лемке на то, что
настоящая заметка сверена им с автографом, хранившимся в архиве семьи Герцена (Л
IX, 590). Принадлежность Герцену подтверждается внутренней – связью заметки с
брошюрой Герцена «La France ou l'Angleterre?» и заметкой «Двухспальный лист». Ср.
также заключительные строки заметки: «... едва позволили вам говорить, так вы и
начали ругать свободу и кадить деспотизму» с аналогичным замечанием в статье
«Фанатик паспортов»: «Едва нам позволили немного громче говорить – явился Бланк,
доблестный защитник помещного права, Безобразов, желающий освобождением еще
больше закрепить крестьян...» и т. д. (стр. 288 наст. тома).

А. ИВАНОВ

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 177–178, где
опубликовано впервые, за подписью: Искандер. Этой статьей открывается лист
«Колокола». Автограф неизвестен.

Статья Герцена о великом русском живописце Александре Андреевиче Иванове
представляет огромный интерес и как исторический источник и для характеристики

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
взглядов Герцена на призвание художника.

Герцен познакомился с Ивановым, видимо, вскоре после своего прибытия в Рим в декабре 1847 г. (об этом свидетельствует относящаяся к этому периоду записка Герцена к Иванову). По своему мировоззрению Иванов в то время был еще далек от Герцена. Перелом в мировоззрении Иванова произошел не сразу. Его отход от религии происходил постепенно на протяжении 50-х годов. Тогда же он сближается с демократическим лагерем.

Сведения о посещении А. Ивановым Герцена имеются в «Воспоминаниях» Н. А. Тучковой– Огаревой, у Г. П. Гаевского в кн.: М. П. Боткин. Александр Андреевич Иванов, СПб., 1880, стр. 406.

Стр. 323. Жизнь Иванова была анахронизмом... – Эта характеристика Иванова, сравнение его с «средневековыми отшельниками, молившимися кистью», близка к тому, что говорит об Иванове Н. В. Гоголь в своей статье «Исторический живописец Иванов».

Стр. 323–324. «Нищета его, – пишет мне один из друзей его ~ ходил сам к ближайшему фонтану». ~ Кто был автором этого письма к Герцену – неизвестно.

Стр. 324. ... Александра Николаевича, который, будучи в Риме, сказал Иванову, что он его картину считает своей. – Наследник Александр Николаевич был в Риме в 1838 г., когда Иванов только начинал работу над своей картиной.

Он мечтал о своих давно задуманных эскизах из жизни Христа... – Имеются в виду «Библейские эскизы» Иванова.

... думал съездить в Иерусалим... – Мысль о поездке в Иерусалим зародилась у Иванова еще в годы, когда он замыслил картину «Явление Мессия».

... ему хотелось распространять ~ великую художественную традицию живописи – молодому поколению. – Иванов проявлял живой интерес к открывшемуся в то время московскому Училищу живописи, ваяния и зодчества, куда он пожертвовал свои картины с Венеры Медицейской, Лаокоона и Боргезского бойца; интересовался он также и постановкой преподавания в Академии художеств, где побывал по возвращении в Петербург (см. М. П. Боткин. Александр Андреевич Иванов, стр. 325, 336).

Начались маленькие *avanies*... – *Avanies* – придирки (франц.). Возможно, имеется в виду появление в «Сыне отечества» от 25 июня 1858 г. статьи В. Толбина.

направленной против Иванова, видимо, инспирированной академическими кругами, опасавшимися конкуренции художника.

Ему дали во дворце Белую залу со скверным освещением для картины – В письме к брату от 27 мая 1858 г. Иванов сообщает, что первоначально картина должна была быть выставлена в Белом зале, но потом, как следует из письма от 31 мая – 2 июня 1858 г., сам художник выбрал «аванзал крещенского подъезда» (см. М. П. Боткин. Александр Андреевич Иванов, стр. 329 и 337).

Стр. 325. Расстроенный, огорченный ~ его не стало. – Сведения о последних днях жизни

А. Иванова см. также у Г. П. Гаевского (М. П. Боткин. Александр Андреевич Иванов, стр. 406–409).

Стр. 326. Разговор зашел о «Переписке» Гоголя. – Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями».

... под влиянием восторженного мистицизма и своего рода эстетического христианства. – По-видимому, Герцен имеет в виду те настроения Иванова, которые сказались и в его «Мыслях, приходящих при чтении библии» и отчасти в его «Библейских эскизах».

«Следя за современными успехами ~ новые заказы. – Полностью письмо Иванова к Герцену от 1 августа 1857 г. опубликовано М. П. Боткиным в книге «Александр Андреевич Иванов», стр. 289.

Стр. 327. Мне предлагали главное заведование живописных работ в новом соборе. – Сведений о таком предложении не сохранилось.

БЕЗОБРАЗНОЕ ОКОНЧАНИЕ ХАРЬКОВСКОЙ СТУДЕНТСКОЙ ИСТОРИИ

Печатается по тексту к, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 184, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки со статьями «Харьковская история» и «Черный кабинет». Включено Л. А. Тихомировым (Т, 59) и М. К. Лемке (Л IX, 313–314).

Стр. 329. ... ничтожному попечителю... – П. В. Зиновьеву. Старший мешает просвещению наследника ~ меньшей – просвещению Харьковского округа! – См. примечание к стр. 306.

... обер-фор-шнейдер просвещения... – Товарищ министра народного

просвещения – Н. А. Муханов, имевший звание обер-фор-шнейдера – придворный чин, установленный при русском императорском дворе в 1856 г.

... Жуковский заставлял же Александра Николаевича читать Шекспира... – В. А.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Жуковский был воспитателем Александра II.

...Генрих V, только будучи цесаревичем, кутил с фальстафом ~ товарищей просвещения.–Герцен имеет в виду эпизоды из исторической хроники В. Шекспира «Король Генрих IV» (часть I – действие II, сцена 4; часть II – действие V, сцена 5).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЕЗУИТИЗМА В ПЕТЕРБУРГЕ

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 184, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Митрополит Григорий». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании несомненного тождества пародийного стиля настоящей заметки с заметками Герцена «Исполин просыпается!» (т. XV наст. изд.) и «Запрос святейшему синоду о иерейском двоеженстве» (т. XVII наст. изд.), а также с печатающимися в настоящем томе заметками «По духовной и душевспасительной части», «Архипастырское рвение о мраке», «О усердному, о пастырю благоревностному!». Об аналогичной пародии на «священнослужительский» язык в «Былом и думах» – см. в комментарии к заметке «По духовной и душевспасительной части» (стр. 519). – Включено Л. А. Тихомировым (т, 59–60) и М. К. Лемке (л IX, 314–315).

ЕЩЕ И ЕЩЕ РАЗ

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 184, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: И–р. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Объяснение редакции». Автограф неизвестен.

Стр. 331. ...мы напечатали защиту г. Сечинского. – Имеется в виду записка И. И. Сечинского «Из дела умершей любавской мещанки Анны Янсон», напечатанная Герценом в статье «Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского» (см. наст. том, стр. 257–263).

Нам сказывали, что г. З акревски ~ хотел что-то прислать... – См. примечание к статье «Закревский поставщик сукон и завоеватель казарм» (стр. 428 наст. тома).

LO TZAR ALESSANDRO II E IL GIORNALE «LA CAMPANA»

<ЦАРЬ АЛЕКСАНДР II И ГАЗЕТА «КОЛОКОЛ»>

Печатается по тексту «Pensiero ed Azione» от 15 сентября 1858 г., стр. 21–22, где опубликовано впервые, за подписью: A. Herzen, Editore della «Campana» (А. Герцен, издатель «Колокола»).

На русском языке впервые опубликовано в АН, т. 7–8, стр. 60–64.

В письме к М. Мейзенбург от 19 сентября 1858 г. Герцен сообщал: «На случай, если вы не читали моей статьи в газете Маццини, я вам её посылаю».

В этой статье, обращенной к западноевропейскому читателю, Герцен раскрывает свое понимание внутренней и внешней политики Александра II в период подготовки крестьянской реформы. Критикуя Александра II за его медлительность и трусость в осуществлении реформы, Герцен тем не менее говорит здесь о своих надеждах на возможность мирного разрешения крестьянского вопроса в России.

Стр. 336. По окончании последней войны... – Крымской войны 1853–1856 гг.

«L'Empire des façades – фраза Кюстина. – Цитата из т. IV книги маркиза де Кюстина «La Russie en 1839». Отзыв Герцена об этой оценке России см. также в дневнике, запись от 26 октября 1843 г. (см. т. II наст. изд., стр. 311–312).

...московскому Левиафану... – Имя огромного морского чудовища из библейского предания Герцен использует здесь по аналогии с Гоббсом, назвавшим свою книгу о государстве «Левиафан».

Стр. 337. Сын самого прозаического человека нашего времени... – Александр II был старшим сыном Николая I.

Его воспитывал поэт-романтик... – Одним из воспитателей Александра II был поэт В. А. Жуковский.

Десять месяцев тому назад Александр II заявил, что он за освобождение крестьян...

– Речь идет о царском рескрипте от 20 ноября 1857 г., обращенном к виленскому, гродненскому и ковенскому генерал-губернатору В. И. Назимову (см. примечание к стр. 195–196).

..министр внутренних дел... – Граф С. С. Ланской.

Стр. 340. Выбор между Англией и Францией является пробным камнем для нравственного чувства русского правительства. – Об этом подробнее см. в статье «Франция или Англия?».

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 185 где опубликовано впервые за подписью: Искандер. Этой заметкой открывается лист «Колокола». В ОК в скобках прибавлено: «возвращающихся из-за границы». Автограф неизвестен.

Строки о Гердерштерне в ОК озаглавлены особо: «Гердерштерн». Между тем они непосредственно связаны с заметкой, и рассматривать их как отдельную публикацию

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
нет никаких оснований, тем более что множественное число в заглавии –
«Предостережения» – указывает на их единство с текстом заметки. Принадлежность
Герцену предупреждения о Гедерштерне подтверждается указанием в его письме к М.
К. Рейхель от 18 сентября 1858 г.: «III отделение прислало сюда стат<ского>
совет<ника> Гедерштерна присмотреть, как бы подкузьмить „Колокол“ и узнать, кто
доставляет вести. Я о его приезде напечатал».

Стр. 342. З акревский доставил в таможеню список лиц с строжайшим предписанием по
возвращении в Россию обыскать их и доставить их письма и бумаги в Третье
отделение. – В Московском областном государственном историческом архиве в фонде
Канцелярии московского генерал-губернатора отпуска подобного отношения в таможеню
не значится (см. в фонде № 16 МОГИА №№ описей 29, 30, 48, 218, 224).

Мы накануне министерства Ростовцева (а может, и Липранди), накануне разделения
России на пятнадцать пашалыков... В июле–августе 1858 г. обсуждался проект Я. И.
Ростовцева об учреждении временных генерал-губернаторов на случай крестьянских
волнений при проведении реформы. Против проекта, поддержанного Александром II,
выступал министр внутренних дел Ланской. В связи с этим ему грозила

581

отставка, и в иностранных газетах писали о его возможном преемнике (см. С. С.
Татищев. Император Александр II его жизнь и царствование, СПб., 1903, т. I, стр.
330–334).

... Гедерштерн, путешествует по Европе с специально – учеными целями. – Сведения
о том, что Гедерштерн был послан в Европу для шпионских целей подтверждается
письмом статс-секретаря В. П. Буткова к начальнику III отделения кн. В. А.
Долгорукову: «В Париже сказали мне, что ваше сиятельство будто командировали за
границу г. Геденштрёма для собрания сведений относительно Герцена и русских
выходцев. Не скрою от вас, что лучше было бы послать для этого лицо частное, к
III отделению не принадлежащее. Не так скоро узнали бы о цели командировки» (ЛН,
т. 63, стр. 310; несомненно что речь здесь идет о Гедерштерне). В дальнейшем о
Гедерштерне сообщалось в заметке «Тайный советник в квадрате» (л. 71 от 15 мая
1860 г.; см. т. XIV наст. изд.).

ОТ РЕДАКЦИИ <ПОМЕЩАЯ ЭТО ПИСЬМО...>

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр 190, где
опубликовано впервые, за подписью: И–р. В ОК к заглавию добавлено в скобках:
«Возражение». Автограф неизвестен.

Это редакционное заявление связано с напечатанным в листе 23–24 «Колокола»
письмом, исходившим несомненно из революционных кругов России (об этом письме
см. также в комментарии к «Опоздавшим письмам из Петербурга», наст. том, стр.
618). Называя Вольную русскую печать «делом», «добро и благородно начатым для
блага России», автор письма вместе с тем критиковал Герцена за либеральные
колебания. В письме отмечалось, в частности, что со страниц герценовских изданий
«начинают раздаваться гимны предержавию», и высказывалось предположение, что
«теплая любовь к России, тоска по ней», мечта о возвращении толкают Герцена к
оптимистической оценке положения на родине, в особенности же действий
правительства. В противовес этому автор письма говорит о «всеобщей бесконечной
мерзости», характеризующей царскую Россию. В связи с этим он считал, что Герцен
обязан печатать все получаемые им сообщения о тех или иных «глупостях» и
«мерзостях» власть имущих. Герцен имел основания возражать против такого рода
требований, учитывая реальные возможности редакции «Колокола». Но, в сущности,
письмо ставило вопрос о том, чтобы голос революционной демократии с ее
последовательной и беспощадной оценкой политики правительства и помещиков громче
слышался в газете.

Стр. 344. ...история Сечинского и Кочубея... – Дело полицмейстера Сечинского
было освещено в ряде статей «Колокола»: «Под спудом», «Польза от гласности» и
«Дело полицмейстера г. подполковника Сечинского» (см в наст. томе комментарий к
этим статьям). Материалы о деле князя Кочубея, присланные И. С. Тургеневым, были
приложены Герценом к статье «Что значит суд без гласности», (см. наст. том, стр.
182–187).

Мы готовы открыть в «Колоколе» новую «Книгу обличений» и печатать в ней частные
дела ~ и проч... – Герцен имеет в виду «Шнуровую книгу обличений», помещенную в
«Голосах из России», кн. 3-я Лондон, 1857, стр. 145–164, и содержащую в себе

описание различных

582

злоупотреблений и актов произвола (см. примечание к «Шнуровой книге» в т. XII
наст. изд., стр. 458). Восстановить такой отдел в «Колоколе» Герцену не удалось,
но он начал выпускать, взамен «Шнуровой книги», приложение к «Колоколу»,
названное «Под суд!»; первый лист его вышел 1 октября 1859 г. Заявление об
издании «Под суд!», подписанное Герценом и Огаревым, было помещено в К, л. 49 от
1 августа 1859 г. (см. т. XIV наст. изд.). Всего вышло тринадцать листов,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
последний – 22 апреля 1882 г.

ИЗ ПОЛЬШИ

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 195, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Муханов». Автограф неизвестен.

Статья написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается на основании ее содержания (польским вопросом в «Колоколе» занимался сам Герцен), а также характерных стилистических особенностей (Ср. излюбленные Герценом каламбуры и антитезы: «Люди, тридцать лет занимавшиеся с таким успехом ухудшением состояния Польши, ныне употребляют на улучшение его»; «за множеством дел не может добраться до дела», и пр.). Включено Л. А. Тихомировым (Т, 63–64) и М. К. Лемке (Л IX, 342–344).

В период, когда Александр II встал на путь некоторых либеральных реформ, отдельные второстепенные уступки были сделаны и в отношении царства Польского. Так, была объявлена амнистия участникам восстания 1830 – 1831 гг., было допущено создание Земледельческого общества, были открыты некоторые специальные учебные заведения. Никаких же существенных изменений и преобразований, в частности в системе управления, Александр II не собирался проводить в Царстве Польском. Герцен ошибочно полагал, что проведению реформ в Царстве Польском мешали лишь «николаевские опричники» и что достаточно их устранить, как дело реформ двинется.

Стр. 345. Из «сильных, но нечистых» рук Паскевича ~ управление перешло к князю Горчакову... – М. Д. Горчаков возглавил управление Царством Польским в 1855 г., сменив фельдмаршала Паскевича, управлявшего им с 1831 г.

...предоставляя собственно управление Муханову. – П. А. Муханов был попечителем Варшавского учебного округа еще со времен николаевского царствования. Крайний реакционер, он был удален из Царства Польского в 1861 г. в связи с подъемом освободительного движения.

Александр II имел намерение восстановить Варшавский университет ... – Учрежденный в 1816 г., Варшавский университет был закрыт после поражения восстания 1830 – 1831 гг. Польская общественность добивалась открытия университета, но Александр II допустил в Царстве Польском в конце 50-х годов открытие только специальных высших учебных заведений (медицинского, агрономического, художественного и др.).

...во время его приезда в Варшаву... – Александр II был в Варшаве в 1856 г. О УСЕРДНОМУ, О ПАСТЫРЮ БЛАГОРЕВНОСТНОМУ!

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 199, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Митрополит Григорий». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки с заметкой «Распространение иезуитизма в Петербурге»

583

и несомненного тождества пародийного стиля этих заметок со статьями Герцена «Исполин просыпается!» (см. т. XV наст. изд.), «Запрос святейшему синоду о иерейском двоеженстве» (см. т. XVII наст. изд.). См также публикуемые в настоящем томе заметки «По духовной и душеспасительной тельной части» и «Архипастырское рвение о мраке». Об аналогичной пародии на «священнослужительский» язык в «Былом и думах» – см в комментарии к заметке «По духовной и душеспасительной части». Включено М. К. Лемке (Л IX, 344).

А. ДЮМА

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 190–200, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. В ОК заметка названа «А. Дюма и наша знать». Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании указания М. К. Лемке на то, что настоящая заметка сверена им с подлинником, хранившимся в архиве семьи Герцена (Л IX, 591). Принадлежность заметки Герцену подтверждается характерными стилистическими особенностями. Сравнение придворной аристократии с «дворней» встречается и в ряде других произведений и писем Герцена этого периода (см. комментарий к заметке «Слухи»).

Стр. 349. Со стыдом, с сожалением читаем мы, как наша аристократия стелется у ног А. Дюма... – А. Дюма (отец) посетил Россию в 1858 г. (см. об этом в книге А. Дюма «Impressions de voyage en Russie», Paris, 1858–1859). И. И. Панаев поместил в «Современнике» (1858, № 8, отд. II, стр. 78–89) статью «Петербургская жизнь», в которой описал встречу известного романиста в Петербурге. См. также воспоминания Д. В. Григоровича (Полное собр. соч., т. 12, СПб., 1896, стр. 339), который был, по выражению И. И. Панаева, чем-то вроде «нянюшки» А. Дюма.

...в парк Кушелеву–Безбородке. – А. Дюма приезжал в Россию по приглашению графа

Г. А. Кушелева-Безбородко, издателя «Русского слова».

...праздновала в Париже свадьбу. – Свадьба князя Н. А. Орлова с княжной Е. Н. Трубецкой была 21 мая 1858 г. Отчет о ней см. в «С.-Петербургских ведомостях» от 22 мая 1858 г. (См. также воспоминания Е. М. Феоктистова «За кулисами политики и литературы», Л., 1929, стр. 49 и примечания Ю. Г. Оксмана).

...литераторы, увенчанные любовью народной... – Герцен намекает на И. С. Тургенева, который был в числе гостей на этой свадьбе.

СТРУНА ИЗ ГРАФСКОЙ ЛИРЫ РОСТОПЧИНОЙ

Заметка вызвана той частью стихотворения гр. Е. П. Ростопчиной, которая была направлена против Герцена («Легко бежать с миллионом на чужбину...» и т. д.) и является ответом его на пасквиль Ростопчиной (см. ниже).

Стр. 350. ...из стихотворения графини Ростопчиной, напечатанного в «Северной пчеле»... – Стихотворение «Простой обзор», напечатанное в № 175 «Северной пчелы» от 10 августа 1857 г., стр. 818–819, было написано Е. П. Ростопчиной в ответ на уничтожающую характеристику

584

ее творчества в рецензии Н. Г. Чернышевского («Стихотворения гр. Ростопчиной, т. I», см. «Современник», 1856, № 3). Оно было наполнено реакционными обвинениями в адрес передового, демократического лагеря России.

...строфы, направленные против нас... – Далее публикуются три строфы из названного стихотворения. Они отличаются от соответствующих им строф в полном тексте стихотворения, напечатанном впервые в 1890 г. в «Сочинениях графини Е. П. Ростопчиной», т. I, СПб., стр. 231–236, только последней строкой второй строфы, которая читается так: «Себя же на ходули взгромоздить». В заметке допущена однако фактическая неточность. В газетном варианте отсутствует лишь вторая из приведенных в «Колоколе» строф, содержащая прямой намек на Герцена, а первая напечатана в несколько измененном и урезанном виде (первая строка читалась: «В учителя, в наставники, в витии»; последние две строки исключены цензурой). В приведенных в «Колоколе» строфах обобщенно оценивается деятельность передовых писателей и публицистов с позиций крайней реакции и эта оценка подкрепляется клеветническими намеками на отдельных лиц, в частности на А. И. Герцена и Н. А. Некрасова.

Стихотворение Н. Огарева в IV «Полярной звезде» к «Отступнице». – Стихотворение «Отступнице (посвящено гр. Р...й)» было написано Н. П. Огаревым осенью 1857 г. и опубликовано в ПЗ на 1858, кн. IV, стр. 302–304. В нем гневно оценивается путь поэтессы Е. П. Ростопчиной от сочувствия казненным декабристам до рабских стихотворных доносов, какими явились стихотворения «Моим критикам» (датировано 25 ноября 1856 г., напечатано в «Северной пчеле», № 125 от 10 июня 1857 г.) и «Простой обзор». Отсылка читателя к стихотворению «Отступнице», помимо ее иронического значения, избавляла Герцена от необходимости отвечать в «Колоколе» на перепечатанные им враждебные стихи.

Вот, например, вот подвиг знаменитый ~ И желчь излить в язвительных стихах. – Эти строки, как и две следующие (не перепечатанные в «Колоколе») строфы стихотворения Ростопчиной, относятся к Н. А. Некрасову. В них имеется в виду его стихотворение «Княгиня» (1856), в основу сюжета которого была положена судьба известной великосветской красавицы

А. К. Воронцовой-Дашковой, незадолго до этого, в 1856 г., умершей в Париже. Герцен, видимо, не имел возможности проверить полученную им информацию об отсутствии в «Северной пчеле» всех трех строф, а также расшифровать без помощи последующих двух строф точный адрес последних приведенных им четырех строк. Данные строки используются Герценом для иронической ссылки на стихотворение Н. П. Огарева «Отступнице» (написанные однако позднее, чем «Простой обзор»), которое могло бы «встревожить» «неостывший прах» живой Ростопчиной.

ИЗВЕЩЕНИЕ ОБ ИЗДАНИИ «MÉMOIRES DE L'IMPÉRATRICE CATHERINE II»

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 200, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Отрывок из публикуемого «Извещения» повторен в «Объявлении о русских книгах» издателя Трубнера (см. прилож. к К, л. 27 от 1 ноября 1858 г.). Автограф неизвестен. Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки с написанным им вскоре предисловием к «Запискам Екатерины II», где встречаются строки, почти повторяющие второй абзац «Извещения»: «Что можем мы сказать по поводу самих „Записок"? Юные годы Екатерины II – женщины-императора, более четверти века занимавшей умы всех своих современников, начиная с Вольтера и Фридриха II

585

до крымского хана и киргизских вождей, – ее юные годы, описанные ею самой!.. Что остается издателю прибавить к этому?» (см стр. 379 наст. тома). Включено М. К. Лемке (л IX, 345–346).

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен. Стр. 351. Спешим известить наших читателей, что Н. Трюбнер издает в октябре месяце... – «Mémoires de l'impératrice Catherine II écrits par elle tôte (1744–1758)» вышли из печати в ноябре 1858 г (см. К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 232 и л. 29 от 1 декабря 1858 г. стр. 240 – объявления о книгах). Записки эти ~ печатаются в первый раз. – История рукописи изложена Герценом в «Предисловии» к «Mémoires» (см. наст. том. стр. 378–379). ...переведены на русский язык. – В русском переводе «Записки» Екатерины II печатались в декабре 1858 г. – январе 1859 г. в типографии З. Свентославского (см. объявления в лл. 28, 29 к за 1858 г. и в л. 34 за 1859 г.) под названием «Записки императрицы Екатерины II. Издание Искандера, перевод с французского, London, 1859». Издание вышло из печати, по-видимому, в самом начале февраля 1859 г. (см. объявление о продаже книг в К, л. 36 от 15 февраля 1859). Перевод был сделан П. А. Бартеневым, доставившим Герцену в 1858 г. копию рукописи «Mémoires» (см. об этом в наст. томе, стр. 592). Те же записки предлагает нам другой корреспондент, которого замечательное письмо будет в следующем листе... – Поскольку следующий, 25 лист от 1 октября 1858 г. почти целиком (кроме «Смеси») занимает «Письмо к редактору» (стр. 201–208), можно предположить, что копию рукописи «Записок», помимо П. И. Бартенева, предлагал Герцену также не известный нам автор этого «Письма» (см. о нем комментарий на стр. 619–620). Такое предположение подкрепляется близостью оценки, данной здесь статье корреспондента, и той, какую Герцен дает «Письму к редактору» в статье «Опять объяснение» (см. К, л. 32–33 от 1 января 1859 г., стр. 272, т. XIV наст. изд.). Об убиении Павла I у нас есть две статьи – одна, писанная современником. – Имеется в виду, вероятно, статья «Смерть императора Павла I (отрывок из дневника современника)». Она была опубликована в «Историческом сборнике Вольной русской типографии в Лондоне», кн. I, London, 1859, стр. 46–61. Вторая статья («Смерть Павла I») напечатана в 1861 г. в кн. II «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» (стр. 21–54). Подробности мало разнятся от рассказа Тьера. – См. Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire, Paris, 1845, т. I, кн. 9, стр. 287–293. Статью Воейкова «Революция 1801 марта 12» мы бы желали иметь. – Герцен получил ее и напечатал в кн. II «Исторического сборника Вольной русской типографии в Лондоне» в 1861 г. (стр. 117–133) под заглавием «Из записок А. Ф. Воейкова». Не исключена возможность, что данная статья, в числе других статей о Павле, опубликованных в этом сборнике, была прислана Герцену через Марко Вовчок. См. в связи с этим письмо Герцена к М. А. Маркович (Марко Вовчок) от 23 февраля 1860 г., в котором он сообщал: «Статьи о Павле я получил». Насильно Зубову мила... – Герцен цитирует отрывок из стихотворения А. С. Пушкина «Мне жаль великия жены...» (1824). В автографе стиха «Насильно Зубову мила» нет. Приведенные Герценом строки читаются так: Старушка милая жила Приятно и немного блудно. Вольтеру первый друг была, Наказ писала, флоты жгла. 586 И умерла, садясь на судно. [С тех пор] мгла. Россия, бедная держава, Твоя удушенная слава С Екатериной умерла. (См. А. С. Пушкин. Полн. собр. сочинений изд. АН СССР. т. II, кн. 1, 1947, стр. 341). При жизни Пушкина стихотворение не было напечатано. Однако приведенные в заметке десять строк распространялись в рукописных списках. Один из таких списков попал к Герцену и был им впервые здесь опубликован. Все стихотворение напечатано в первый раз в 1887 г. в т. I собрания сочинений Пушкина, отредактированного П. О. Морозовым.

О БОРОДЕ А. А. ИВАНОВА
Печатается по тексту К, л. 26 от 15 октября 1858 г., стр. 216, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.
Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки со статьями «А. Иванов» и «Иванова борода и Гурьева лоб». Включено М. К. Лемке (л IX, 353).

ПИСЬМО К ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ
Впервые опубликовано К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 217–219, за подписью: Искандер. Этой статьей открывается лист «Колокола». В ОК к заглавию прибавлено в скобках: «о воспитании наследника». Печатается по тексту сборника «За пять лет...», часть первая. Искандера, London, 1860, стр. 83–95. Автограф неизвестен. В настоящем издании в текст внесены следующие исправления:
Стр. 356, строки 1–2: ни монах, ни военный вместо: ни монах, ни военные (по К и К2).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

Стр. 357, строка 23: Это вместо: Эта

О впечатлении, произведенном «Письмом к императрице Марии Александровне», Герцен упомянул в «Былом и думах»: «Императрица плакала над письмом к ней о воспитании ее детей...» (см. часть VII, главу «Апогей и перигей», т. XI наст. изд., стр. 301). Подробности об отношении императрицы к «письму» Герцена см. в т. XI наст. изд., стр. 705.

Стр. 353. Петр I недаром жертвовал своей реформе династическим интересом и жизнью своего сына. – Имеется в виду приговор верховного суда от 24 июня 1718 г. по делу о заговоре, группировавшемся вокруг царевича Алексея и направленном против Петра I и его преобразований. Верховный суд приговорил царевича Алексея к смерти. Приговор был утвержден Петром I.

Je ne suis qu'un heureux hasard Александра I перешло в историю. – «Я только счастливая случайность» – слова, сказанные Александром I де Сталь (см. примечание к стр. 266).

...наследника престола... – Речь идет о наследнике Николае Александровиче, умершем 12 апреля 1865 г.

Стр. 355. ...как видят в аудиториях сына королевы Виктории... – Речь идет о сыне английской королевы Виктории – Альберте Эдуарде принце Уэльском. В 1857 г. он слушал лекции в Эдинбургском университете, в 1858–1860 гг. – Оксфордском и Кембриджском.

...Черному кабинет у... – См. комментарий к статье «Черный кабинет».

587

..Лагарп чуть не испортил Александра I. – Герцен иронизирует по поводу распространенного в тот период мнения о либеральном влиянии Лагарпа на Александра I.

...закулисная интрига ~ вытолкнула из учебной вашего сына людей на которых Россия и вы сами смотрели с доверием... – К. Д. Кавелин, преподававший с конца 1857 г. русское право наследнику Николаю Александровичу, после напечатания в апрельском номере «Современника» своей «Записки об освобождении крестьян в России» (см. примечание к стр. 301) был отстранен от преподавания в связи с происками III отделения и его начальника

В. А. Долгорукова.

...бездарный немецкий школяр? – Август Теодор Гримм, назначенный в 1858 г. воспитателем наследника Николая Александровича вместо В. П. Титова, уволенного в связи с отстранением К. Д. Кавелина.

...не гессен-дармштатского наследника вы ему вверяете... – Подразумевается принадлежность императрицы Марии Александровны к гессен-дармштатскому герцогскому дому. Мария Александровна – дочь великого герцога гессенского Людовика II.

Стр. 355–356. ...великий муж, под покровительством ~ которого мы путешествовали... – Николай I.

...любовь к брату, которого он ~ вывел ~ в попечители Харьковского округа... – Речь идет о П. В. Зиновьеве, попечителе Харьковского учебного округа. О нем см. в настоящем томе в статьях «Харьковская история» и «Безобразное окончание харьковской студенческой истории».

Стр. 357. ...принц Вельский... – Альберт Эдуард – принц Уэльский.

... Horse-Gard, Royal-Blue ~ Cold-Stream... – Horse-Gard и Royal-Blue – названия гвардейских полков; Cold-Stream – полк, основанный в 1659 г. генералом Монком в местечке Coldstream.

Стр. 359. ...несчастливого голштинского принца, невзначай попавшего ~ в русские императоры... – Павел I.

НАС УПРЕКАЮТ

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 219–220, где опубликовано впервые, за подписью: И-р. Автограф неизвестен.

В статье «Нас упрекают» Герцен дал развернутый ответ на те упреки, которые адресовал ему видный представитель русского либерализма Б. Н. Чичерин. Статья Герцена привела к окончательному разрыву его с Чичериным. Об ее историческом значении см. подробно в комментариях к статье «Обвинительный акт» (стр. 598 наст. тома).

Стр. 362. ...речь его к московскому дворянству... – См. примечание к стр. 21.

Как согласить амнистии... – См. примечание к стр. 14.

...проектом Ростовцева... – См. примечание к стр. 342.

Фридрих II говорил ~ как Салтыкова... – Граф П. С. Салтыков был главнокомандующим русской армией в кампании 1759 г. во время Семилетней войны России и Австрии против Пруссии (1756 – 1763). В Пальцигском и Куперсдорфском сражениях 1759 г. армия Салтыкова нанесла серьезные поражения прусским войскам.

СЕКУЩЕЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Стр. 364. ...когда Николай ~ всекал униат в православие. – В 1828–1829 гг.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Николай I проводил политику подчинения униатской католической церкви
православной, а в дальнейшем и полной ликвидации униатства. 25 марта 1839 г.
униатство было официально отменено «соборным актом», утвержденным императором.
Давно ли Симатко свирепствовал тому же секущему православию? – Деятельность
Иосифа Симашко по ликвидации униатства развернулась главным образом в период
1828–1839 гг.

...крестьяне молятся за убиенное ~ старца в Деднове (см. «Колокол», лист 26)...

– В статье Н. П. Огарева «Дворянско-чиновничий разбой в селе Деднове»
описывалась кровавая расправа рязанского губернатора П. П. Новосильцова с
крестьянами, добивавшимися перевода в вольные хлебопашцы согласно оставленному
владельцем завещанию. Во время этой расправы был убит крестьянин Свириин.

<Г-н ФОНТОН>

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 224, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.
Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи этой заметки с
заметкой «Захват „Колокола" во Франкфурте» и обращением к Франкфуртскому сенату
(«A l'illustre Sénat de la ville libre de Francfort-sur-le-Main») а также по
письмам И. А. Мельгунова к Герцену, в которых он, по просьбе Фонтонна, уговаривал
Герцена напечатать опровержение (см. реальный комментарий). Включено М. К. Лемке
(Л IX, 365).

По словам Н. А. Мельгунова, Фонтон не принимал участия в преследованиях
герценовских изданий, как писал об этом Герцен в своем обращении к
Франкфуртскому сенату (см. стр. 314–316 наст. тома). 17 сентября 1858 г.
Мельгунов замечал в письме к Герцену по поводу настоящего опровержения: «...мое
мнение следующее: напечатай, как знаешь, чтоб только не было для него <Фонтонна>
компрометантно. Не лучше ли так начать: „Дошло до нашего сведения, что письмо
наше к Франкфуртскому сенату, относительно г. Фонтонна, основано на неверных
предположениях, потому-то и потому-то; и что г. Фонтон благородно протестует
против наших обвинений" и пр. Впрочем, как знаешь; только вспомни чье-то
предостережение: ваша похвала может в России нанести вред <...> Фонтон ни на
минуту не считал себя оскорбленным как частное лицо: он говорил мне об себе, как
о лице официальном – не больше, без малейшей желчи или озлобления, но отклоняя
от себя незаслуженную честь командовать Сенатом и городом» (ЛН, т. 62, стр.
380).

18 сентября 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Фонтон извиняется и клянется,
что он не виноват во Франкфуртском запрещении».

Стр. 365. ...на самую тощую диету из всех диет... – Игра слов: «самой тощей
диетой» Герцен назвал здесь межгерманский сейм, резиденцией которого являлся
Франкфурт-на-Майне, и сопоставил его с «диетами», – т. е. определенными режимами
питания.

...в первой статье называли его Лабенским... – Имеется в виду заметка «Захват
„Колокола" во Франкфурте» (см. стр. 307).

...изволил отбыть в Петропавловскую крепость. – Собор Петропавловской крепости в
Петербурге был местом погребения русских царей, начиная с Петра I.

589

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 224 где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен

Заметка написана от лица издателей «Колокола». Авторство Герцена устанавливается
на основании самого характера заметки, а также некоторых стилистических ее
особенностей (ср.: «Государь под надзором полиции, под ценсурой помещиков
испытывает теперь на себе, каково жить в стране без гласности» с высказыванием в
заметке «Что значит суд без гласности»: «Государь очевидно стремится вырваться
из заколдованного круга, но, не слыша свободного голоса, не имея средств узнать
истины, теряет <...> отчего же он <князь Долгорукий> ему не доставляет
„Колокол"?» Ср. также сходную мотивировку при отправлении «Колокола» в
запечатанном пакете Александру II в статье Герцена «Лакеи и немцы не допускают».
– Включено Л. А. Тихомировым (Т, 72 – 73) и М. К. Лемке (Л IX, 365).

Стр. 365. ...речь государя к московским плантаторам не была напечатана в русских
газетах... – Имеется в виду речь Александра II в Москве 31 августа 1858 г., в
которой он упрекал московское дворянство за поздний отклик на царские рескрипты
(см. С. С. Татищев. Император Александр II, его жизнь и царствование, СПб.,
1903, т. 1, стр. 337–338). Эта речь Александра II действительно не была
опубликована в русских газетах.

<ПРАВДА ЛИ ?.. – НЕТ, НЕПРАВДА!>

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 224, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Автограф неизвестен.

Об авторстве Герцена свидетельствует презрительно-иронический тон заметки, характерный для ряда его статей и заметок о русском духовенстве, в том числе и публикуемых в настоящем томе (см. «По духовной и душеспасительной части», «Архипастырское рвение о мраке», «Распространение иезуитизма в России», «О усердному, о пастырю благоревностному!» и др.). Включено Л. А. Тихомировым (Т, 73) и М. К. Лемке (Л IX, 365).

ОТ ЧАСУ НЕ ЛЕГЧЕ – КРАЖА ВОСЬМИДЕСЯТИ ВЕРСТ!!!

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 224, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки с заметкой «Прибавка 80 верст железной дороги» (см. стр. 407 наст. тома). Ср. также обычный у Герцена иронический намек на рост министра юстиции В. Н. Панина: «Безнаказанность воров, поставленных так высоко, что их, как адмиралтейский шпиц, видно отовсюду, – служит особенным поощрением маленьким воришкам». Включено М. К. Лемке (Л IX, 366).

Стр. 366. ...казна заплатила за восемьдесят лишних верст! – Этот факт, как следует из заметки «Прибавка 80 верст железной дороги» (стр. 407), не подтвердился.

...почтенный, Петр Андреевич... – П. А. Клейнмихель.

«Усердие все преодолагает»... – См. примечание к стр. 47.

...по делу крымских злоупотреблений... – См. в наст. томе заметки «Правда ли?» (стр. 19), «По военному ведомству» и примечания к ним.

590

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОЙ КНИЖКЕ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ»»

Стр. 367. ...несколько пояснительных слов, сказанных нами в предисловии к первой книжке «Голосов из России». – См. предисловие Герцена к первой части сборника «Голоса из России»: «От издателя <Рукописи, составляющие „Голоса из России“...>» (т. XII наст. изд., стр. 329–330), в котором он также писал: «Теперь я прошу не забывать, что я только типограф, готовый печатать все полезное нашей общей цели».

... от скромного желания освобождения крестьян, робко высказывавшегося в первой книжке «Голосов»... – В первой части сборника «Голоса из России» (Лондон, 1856), названной здесь, как и выше, первой книжкой, никаких специальных статей, ставящих вопрос об освобождении крестьян, напечатано не было (подробно о составе первой части см. во вступительной статье Н. Н. Захарьина – псевдоним Я. З. Черныяка – к публикации писем Н. А. Мельгунова в ЛН, т. 62, стр. 316–317). Авторы двух статей сборника, «Письмо к издателю» и «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России» (первой – К. Д. Кавелин и Б. Н. Чичерин, второй – Н. А. Мельгунов), писали о тех препятствиях, которые оказывает развитию России крепостное право, но вопрос о его ликвидации ставился в них вскользь и в весьма умеренно-либеральной форме («Мы думаем об том, как бы освободить крестьян без потращения всего общественного организма...» – стр. 21). Часть материалов, освещающих вопрос о крепостном праве в России, которые первоначально предполагалось поместить в первой части «Голосов из России» (см. «Оглавление I части») вошли затем в первый выпуск второй части (Лондон, 1856) – статья «О крепостном состоянии» (стр. 127–229) и в кн. III (Лондон, 1857) – «Государственное крепостное право» (стр. 114 – 144). Первая из них принадлежала Б. Н. Чичерину, вторая – К. Д. Кавелину – см. ЛН, т. 62, стр. 317

...до строгого ответа вяземского мужичка – князю Голицыну. – В кн. VI «Голосов из России» было напечатано «Слово князю Сергею Павловичу Голицыну, в ответ на его „Печатную правду“, вяземского мужичка Петра Артамонова» (стр. 1–61), которое и имеет в виду Герцен. Автор этой статьи, освещающей историю возникновения в России крепостного права, резко разграничивал интересы крестьянства и дворян-крепостников в вопросе о ликвидации крепостного права в России. Высказывая свое отрицательное отношение к опубликованному Александром II рескрипту от 5 декабря 1857 г. на имя санктпетербургского военного генерал-губернатора и к организации губернских дворянских комитетов, автор статьи требовал действительного «освобождения не дворянских сословий от крепости, которая тяготеет над нами как свинцовая крыша гроба» (стр. 58). Автор требовал созыва «мирского вече, народного собрания, на котором целую Россию представляли бы выборные люди всякого сословия» (там же).

... возрастает в IV книжке до озлобленного негодования («Письмо к редактору»). – Имеется в виду «Письмо к издателю» (см. кн. IV сборника «Голоса из России», стр. 1–23), в котором, наряду с другими вопросами, ставился и вопрос об освобождении крестьян. (В настоящем томе публикуется примечание к «Письму к издателю» – см. стр. 423. Подробнее о письме см. в комментарии на стр. 607–608). Автор письма,

П. Л. Лавров, видя в освобождении крестьян необходимую меру, вместе с тем не верил, что освобожденное русское крестьянство способно обеспечить развитие страны, и считал что будущее России – в мелком дворянстве.

Стр. 367–368. ... отвечать балагуру князю – с его наивными угрозами «бушке барану» и с его сиятельно любезным красноречием. – Намек на стилистическую манеру, в какой была написана

С. П. Голицыным «Печатная правда», и, в частности, на следующее место из книги, обращенной к русскому крестьянину: «...на прощанье молвить надо еще одну поговорку: Бушка баран, не ходи по горам; убьют тебя, не пеняй на меня» (стр. 46), представляющее собой по сути дела угрозу крестьянину, в случае его несогласия с политикой царского правительства в решении крестьянского вопроса. Стр. 368. ... поместили ~ статью об удельных крестьянах... – В кн. VI «Голосов из России» была опубликована статья «Об устройстве удельных имений, с целью уничтожения крепостного права» (стр. 63–91).

... в пятой книжке с ~ проектом «освобождения крестьян» – только его и поместили. – В состав кн. V «Голосов из России» вошла лишь работа В. А. Панаева «Об освобождении крестьян в России» (принадлежность Панаеву устанавливается его воспоминаниями – см. «Русская старина», 1902, № 6, стр. 319–321).

Они нам напоминают барыню, которая Кузьме велела называться Васильем. – Герой рассказа И. С. Тургенева «Льгов», Сучок, по требованию своей барыни Татьяны Васильевны: «При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила».

<MÉMOIRES DE CATHERINE II> Préface <ЗАПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II> Предисловие>

Впервые опубликовано по-французски в качестве предисловия к книге: «Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen». Londres, 1859, стр. III–XVI, за подписью: A. Herzen. Печатается по тексту второго издания: «Mémoires de l'impératrice Catherine II, écrits par elle-même et précédés d'une préface par A. Herzen. Seconde édition, revue et augmentée de huit lettres de Pierre III et d'une lettre de Catherine II au comte Poniatowsky», Londres, 1859, стр. III–XVI, за подписью: A. Herzen. Автограф неизвестен. Во второе издание никаких изменений не внесено.

Немецкий перевод книги появился в Ганновере в 1859 г.: «Memoiren der Kaiserin Katharina II, von ihr selbst geschrieben. Nebst einer Vorrede von A. Herzen», 1859 (второе издание – 1863); шведский перевод – в Упсале: «Kejsarinnan Catharina II-s Memoirer, skrifna af henne själf, jämte ett företät af A. Herzen, I–II», 1859; датский перевод в Копенгагене: «Memoirer skrevne af hende selv. Udgivne af Alex. Herzen», 1869 (см. л IX, 593).

В письме к М. К. Рейхель от 18 сентября 1858 г. Герцен писал: «Мы издаем на франц<узском> языке „Записки“ Екатерины II (1739–58). Это – такая прелесть, так интересно, что просто упадешь». На следующий день он снова писал по поводу печатания этой книги М. Мейзенбуг:

«Мы заняты теперь печатанием мемуаров императрицы Екатерины II (1744–1758), и это безмерно интересует меня. Альтгауз пожелал перевести их на немецкий язык и сидит теперь за работой. Русское правительство принимало чрезвычайные меры к скрытию этой рукописи, и все-таки она в наших руках».

В начале 1859 г. вышло в свет русское издание «Записок» Екатерины, причем вместо публикуемого предисловия Герцен напечатал отрывки из письма к нему (разумеется не указав фамилии) П. И. Бартенева, доставившего копию с манускрипта Екатерины II.

592

Обстоятельства, при которых Герцен получил в 1858 г. рукопись «Записок» Екатерины II, изложены в воспоминаниях Н. А. Тучковой-Огаревой: «В это время приехал к Александру Ивановичу один русский, Н. Н. Он был небольшого роста и слегка прихрамывал. Герцен много с ним беседовал. Кажется, он был уже известен своими литературными трудами <...> После его первого посещения Герцен сказал Огареву и мне: „Я очень рад приезду Н. Н., он нам привез клад, только про это ни слова, пока он жив. Смотри, Огарев, – продолжал Герцен, подавая ему тетрадь, – это записки императрицы Екатерины II, писанные ею по французски; вот и тогдашняя орфография – это верная копия“. Когда записки императрицы были напечатаны, Н. Н. был уже в Германии, и никто не узнал об его поездке в Лондон (см. Н. А. Тучкова – Огарева. Воспоминания, «Academia», 1929, стр. 218).

М. П. Алексеев высказал предположение, что под инициалами Н. Н. в рассказе Тучковой-Огаревой скрыт историк и журналист П. И. Бартенев (М. П. Алексеев. Пушкин и библиотека Воронцова. – «Пушкин. Статьи и материалы», вып. II, Одесса, 1926, стр. 96–97). Эта догадка опиралась на внешнее сходство Бартенева с человеком небольшого роста, слегка прихрамывающим, о котором пишет

Тучкова-Огарева. М. М. Клевенский в своей работе «Герцен-издатель и его сотрудники» прямо указывает на Бартенева как на лицо, доставившее Герцену копию

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Герцен «Записок» Екатерины (ЛН. т. 41–42, стр. 582). То, что Герцен получил рукопись именно от Бартенева, в настоящее время подтверждается документальными данными Бартенева архива (см. Л. Б. Светлов. Из разысканий о деятельности А. И. Герцена. 1.

А. И. Герцен и П. И. Бартенев. – «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. VIII, № 6, 1951, стр. 542–544). Интересно отметить, что в извещении о готовящемся издании «Записок» (К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г.) Герцен между прочим писал: «Те же записки предлагает нам другой корреспондент...» (наст. том, стр. 351 и комментарий к ней).

Стремление царского правительства скрыть от публики «Записки» вполне понятно: эти мемуары раскрывали династическую тайну, – то, что Павел I не был сыном Петра III. Тем самым читателям «Записок» становилось очевидным, что русский царствующий дом «не только <...> не принадлежит к фамилии Романовых, но даже и к фамилии Гольштейн-Готторпских». Обнародованием «Записок» Герцен наносил серьезный удар международному престижу русского самодержавия.

историку Ж. Мишле. В ответном письме от 28 ноября 1858 г. Мишле писал Герцену: «...я не читал ничего более интересного, чем ваши „Мемуары Екатерины“, ничего, что позволило бы лучше осязать с некоторых сторон глубочайшую основу ее натуры. Как вы сказали в своем дивном предисловии: одно только отсутствует во всем этом, это – Россия». Понимая огромное политическое значение, какое представляло собой разоблачение династического секрета, Мишле прибавлял: «Это с вашей стороны – настоящая заслуга и большое мужество. Династии помнят такие вещи больше, чем о какой-либо политической оппозиции» (Л IX, стр. 396, 397).

Русский перевод «Записок», изданный Герценом, неоднократно перепечатывался за границей. В России он впервые появился в журнале «Исторический вестник» за 1906 г. (тт. ИШ–GV, январь – сентябрь). В 1907 г. вышел 12 том академического издания «Сочинений императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А. Н. Пыпина». Этот том включает полностью мемуарное наследие Екатерины, причем, как показывают собранные

593 в нем материалы, опубликованный в Лондоне французский текст представляет четвертую редакцию ее «Записок». На обертке одной из тетрадей, в которых переписан подлинник, имеется надпись, в точности приведенная Герценом: «Его императорскому высочеству...» и т. д (см. стр. 378 наст. тома).

Стр. 378. ... знаменитое письмо Алексея Орлова... – О существовании этого письма Герцену было известно из «Записок» княгини Е. Р. Дашковой, на английский перевод которых, выпущенный Трюбнером в 1858 г., он и ссылается в подстрочном примечании (в 1859 г. за границей же «Записки» были изданы во французском подлиннике и в русском переводе). Текст письма впервые опубликован в «Архиве князя Воронцова», кн. XXI, м., 1881, стр. 430.

... Павел бросил их в огонь, в этом вопросе нет полной определенности. – Павлом был сожжен подлинник письма Алексея Орлова. Что же касается «Записок» Екатерины и всех подготовительных набросков к ним, то они вошли в том 12 академического издания ее «Сочинений».

... доверил ~ князю Александру Куракину. – Это сообщение подтверждается надписью, имеющейся на четырех тетрадях подлинной рукописи «Записок»: «Au prince Alexandre de Kourakin» («Князю Александру Куракину»). См. «Сочинения императрицы Екатерины II...», т. 12, СПб., 1907, стр. 738 – 740.

... список, снятый в Одессе рукой знаменитого поэта, Пушкина. – В дневнике Пушкина под 8 января 1835 г. имеется запись: «Великая княгиня <Елена Павловна> взяла у меня Записки Екатерины II и сходит от них с ума» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VIII, М.–Л., 1949, стр. 62). Копия «Записок» значится в составленной в феврале 1837 г. «Описи бумагам покойного камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина». Тут же, в графе «Куда отданы», рукой Николая I помечено: «Ко мне» («дела III отделения... об Александре Сергеевиче Пушкине», СПб., 1906, стр. 197). Б. Л. Модзалевский высказывал сомнение, чтобы «Пушкин мог собственноручно списать копию со всех Записок» («Дневник Пушкина», под редакцией и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского, М.–Л., ГИЗ, 1923, стр. 234).

Стр. 379. В марте 1855 года ~ император приказал принести ему рукопись для прочтения. – С этой целью в Москву был направлен главный архивариус империи Ф. И. Гильфердинг. Подробности об его приезде, заимствованные из дневника П. И. Бартенева, служившего в это время в Главном архиве министерства иностранных дел, см. в вышеупомянутой заметке Л. Б. Светлова («Известия АН СССР. Серия истории и философии», 1951, т. VIII, № 6, стр. 543–544).

Стр. 380. Он присвоил себе право назначить преемника... – Герцен имеет в виду закон от 5 февраля 1722 г., по которому царь получал право завещать престол по собственному усмотрению, нарушая тем самым преемственность монархической власти.

... принцессе Мекленбургской, жене принца Брауншвейгского... – Анне Леопольдовне, жене принца Антона Ульриха.

Стр. 381. ... *bufera infernale*... – Адская буря (лат.).

Стр. 383. ... говорит Манштейн в своих воспоминаниях, – мы бы погибли». – В «Записках исторических, политических и военных о России с 1727 по 1744 год» Манштейна (ч. III, М., 1810, стр. 94 – 103), где рассказывается об аресте Бирона, такой фразы нет. Наиболее близка к ней следующая фраза: «Если бы один часовой закричал, то все было бы испорчено» (стр. 102). Сравнение подробностей, содержащихся в предисловии Герцена к «Запискам» Екатерины, с мемуарами Манштейна указывает на то, что Герцен, излагая обстоятельства ареста Бирона, пользовался еще каким-то источником.

594

Стр. 384. ... умереть в ссылке. – Принц Антон Ульрих умер в Холмогорах в 1776 г. ... князя-епископа Любекского, – Карла, приходившегося родным братом принцессе Иоганне-Елизавете Ангальт-Цербстской, матери Екатерины II.

... племянник епископа и внук Петра I... – Будущий император Петр III, муж Екатерины II.

<НЕСЧАСТНЫЙ ОПЫТ ДОМОКРАДСТВА>

Как явствует из содержания заметки, она могла быть написана только одним из редакторов «Колокола» – Герценом или Огаревым. Характер заметки, стилистические ее особенности, самый тон исключают возможность авторства Огарева.

О значении, придававшемся Герценом этой заметке, см. в его первой статье «Россия и Польша» (л. 34 «Колокола»), где он писал: «Для нас история о том, как Панин, министр юстиции, хотел отжилить чужой дом, важнее теории о „непосредственном правительстве“, занимавшей лет пять тому назад западных публицистов» (см. т. XIV наст. изд.). Включено (вступительные строки) Л. А. Тихомировым (т, 73) и М. К. Лемке (л IX, 367).

Стр. 388. ... и мы все статьи «Колокола» подвинули... – Вступительная заметка к публикуемой далее статье «Несчастный опыт домокрадства (эпизод из жизни графа В. Н. Панина)» подчеркивает необычность расположения этой статьи в номере.

Материалы о частных злоупотреблениях обычно помещались в разделе «Смесь».

Корреспондентией же «Несчастный опыт домокрадства» открывается лист, она опубликована перед статьей программного характера («Реформа сверху или реформа снизу?»), что вызвано, по-видимому, желанием оттенить особую характерность излагаемого случая – попытки присвоения чужой собственности министром юстиции.

Стр. 389. ... только один, умный и добросовестный сенатор (уж не опять ли жемчужников?)... – Положительный отзыв о сенаторе М. Н. Жемчужникове содержался ранее в анонимной статье «Кое-что об откупах» (см. К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 80) в связи с его протестом против введения в 1854 г. откупной системы Брока (о ней см. в примечании к стр. 19).

<ГРОДНЕНСКАЯ ИСТОРИЯ (СИМАШКО, ФИЛАРЕТ)>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 231, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.

Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании связи настоящей заметки, написанной от имени издателей «Колокола», с его статьей «Секущее православие» (см. стр. 364–365 наст. тома), а также характерных для Герцена каламбуров («высек себе новый памятник на спине беззащитных жертв»), пародийных выпадов против духовенства («Симашко, во Христе православный митрополит Иосиф, во Иуде предатель, палач, заслуживший европейскую известность, – мастерски выбирает и хиротонисает по святому восточной церкви обряду своих заплечных иереев», «сладкоглаголивые иерархи»), смелых словосочетаний («полицейский апостол», «поп-разбойник») и пр. Включено М. К. Лемке в *Dubia* (л IX, 367–368). На авторство Герцена впервые указал Н. М. Мендельсон (ЛН, т. 7–8, стр. 287).

Стр. 390. ... подробности о деле православного разбоя в Гродненской губернии, о котором мы писали в прошлом листе. – Имеется в виду заметка Герцена «Секущее православие».

Когда Назимов был назначен в Литву... – В. И. Назимов был назначен виленским военным губернатором, гродненским, минским и ковенским генерал-губернатором в 1855 г.

Стр. 391. У нас есть и донос Симашки, и решение Николая, мы их напечатаем при случае. – Эти документы в «Колоколе» напечатаны не были.

ИВАНОВА БОРОДА И ГУРЬЕВА ЛОБ

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 232, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании прямой связи настоящей заметки с его статьями «А. Иванов» и «О бороде А. А. Иванова», включено М. К. Лемке (л IX, 369–370).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
О своем столкновении с Д. А. Гурьевым А. А. Иванов рассказал в письме к брату от
27 мая 1858 г. (см. М. П. Боткин. Александр Андреевич Иванов. СПб., 1880, стр.
332).

SALOMNIE
<КЛЕВЕТА>

Печатается по тексту первой французской публикации – печатного листка,
приложенного к л. 29 К, а также рассылавшегося отдельно. На обороте листка
напечатан английский перевод, под названием «A libel» Автограф неизвестен.
Итальянский перевод этой статьи, сделанный Джорджиной Саффи, женой Аврелио
Саффи, напечатан в «Pensiero ed Azione», 1858, № 8 (см. л IX, 593).

Стр. 395. ...газетную вырезку... – Вырезка из газеты «New York Evening Post», о
которой говорит Герцен, сохранилась среди его бумаг (см. ЛН, т. 63, стр. 812).

Стр. 396. ... я напечатал в первой книжке «Полярной звезды» письмо... – Имеется
в виду письмо Герцена к анонимному корреспонденту за иронической подписью
«Гражданский

самоубийца», датированное 20 июля 1855 г. (см. «Анонимное письмо» в т. XII наст.
изд., стр. 291–294).

Стр. 397. ... оправдаться в этой клевете. – Прочитав это опровержение Герцена,
польско-американский реакционный публицист граф Гуровский, которого Герцен еще
в 1850 г. характеризовал как шпиона (см. его письмо к Г. Гервегу от 30 мая), 28
декабри 1858 г. обратился из Нью-Йорка к Герцену с письмом, в котором
оправдывался в своих клеветнических измышлениях, выдавая себя за пламенного
сторонника освобождения крестьян и «панслависта прежде всего». Гуровский сообщил
при этом Герцену, что один абзац из публикации «Колокола» (вероятно, «Ответ на
клевету графа Гуровского»), с опровержением факта продажи Герценом крепостных –
был перепечатан в «New York Evening Post». 21 декабря 1858 г.; на эту
публикацию, как сообщает Гуровский он откликнулся письмом, напечатанным 24
декабря в той же газете. 27 декабря 1858 г., по словам Гуровского, статья
Герцена «Клевета» была полностью перепечатана в «New York Evening Post». Письмо
Гуровского к Герцену хранится в «пражской коллекции» (ЦГАЛИ). Подробности о
Гуровском см. в л IX, 430.

596

АМЕРИКА И СИБИРЬ

Впервые опубликовано в К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 233–235, за подписью:
Искандер, этой статьей открывается лист «Колокола». Печатается по тексту
сборника «За пять лет...», часть первая, Искандера, London, 1860, стр. 97–107,
где было перепечатано с незначительными изменениями (см. раздел «Варианты»).

Автограф неизвестен. Эпиграф к статье в «Колоколе» отсутствовал.
Герцен постоянно и пристально присматривался к фактам, свидетельствующим о
прогрессивном развитии России и, в частности, ее экономики. С этой точки зрения
подходил он и к экономическому освоению Дальнего Востока, не понимая, что этот
процесс, ведущий к развитию и укреплению буржуазного уклада в русской
действительности, служил опровержением его собственной народнической теории.

Вместе с тем, статья характерна надеждами на историческую роль Соединенных
Штатов Америки. В народе этой страны Герцен видел представителя «молодых
народов», от которых, по его мнению, скорее можно ожидать обновления мира,
нежели от народов одряхлевшей Западной Европы. Этот взгляд привел к известной
идеализации общественных отношений и особенно идеологии буржуазной Америки.

Нужно, однако, иметь в виду, что Герцен еще в 1849 г. присоединился к выводу
фурьериста Брийсбена о непримиримости классовых противоречий в
северо-американской республике (см. т. VI наст. изд., стр. 183–184 и 418).

Впоследствии Герцен также давал резкие оценки общественных отношений и идеологии
буржуазной Америки (см., например, «Былое и думы». Ч. VI, глава «Роберт Оуэн» –
т. XI наст. изд., стр. 226–227), «Россия и Польша» (1860), «МОГШОБ рlало»
(1862).

Следует отметить, что здесь, как и в ряде других своих произведений, Герцен
отделяет «западную науку» от буржуазного Запада, полагая, что передовая
западноевропейская культура должна быть творчески усвоена крестьянской общинной
Россией.

Стр. 398. Трактат, заключенный Муравьевым... – Имеется в виду т. н. Айгунский
договор, заключенный между Россией, представителем которой был Н. Н. Муравьев, и
Китаем в мае 1858 г.; по этому договору Амур признан был русским владением, что
дало большой толчок развитию торговли Дальнего Востока и колонизации его.

Стр. 399. Скоро будет десять лет с тех пор, как мы высказали нашу мысль ~
современной истории. – В статье «La Russie» («Россия», 1849) Герцен сопоставил
исторические судьбы России и Соединенных Штатов Америки (т. VI наст. изд., стр.
188).

... мы повторяли это много раз... – В частности, во II ч. «Былого и дум» (глава

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (XV), появившейся в 1854 г., Герцен рисовал перспективу того, что «устья Амура откроются для судоходства и Америка встретится с Сибирью возле Китая» (т. VIII наст. изд., стр. 256).

... и еще несколько месяцев тому назад имели случай сказать... – Приводимая далее автоцитата – из предисловия к брошюре «Франция или Англия?» неточна (см. стр. 233 наст. тома).

Стр. 400. ... Тихого океана, этого «Средиземного моря будущего»... – Впервые эта мысль была высказана Герценом в брошюре «Крещеная собственность» (см. т. XII наст. изд., стр. 110).

Стр. 401. Для примера очень рекомендуем «The science of Society» Керу. – Для понимания высокой оценки Герценом работы Кэри следует иметь в виду, что упомянутая книга противопоставляется здесь трудам реакционеров, защитников феодальных интересов. По-видимому, Герцен был введен в заблуждение той оболочкой «сисмондиевски- филантропически- 597

социалистического антииндустриализма» (письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 14 июня 1853 г., К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXI, 1929, стр. 500), под которой скрывалась пропаганда классовой «гармонии» между рабочими и капиталистами, защита интересов американской буржуазии. Но, вероятно, сочинения Кэри были особенно притягательны для Герцена потому, что в них давалась положительная оценка возможностей экономического развития России и дарований русского человека (ср. также комментарий к «Русским немцам и немецким русским» в т. XIV наст. изд.).

Речь, произнесенная мною 29 ноября 1863 года на польском митинге в Napover goom'e. – Эта речь была произнесена Герценом на французском языке. Русский текст ее был напечатан в сборнике «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне» (Лондон, 1863) под заглавием «XXIII годовщина польского восстания в Лондоне» (см. т. XII наст. изд., стр. 126–132). В этой речи Герцен говорил об императорской власти: «А ведь Россия сильна, но императорская власть, так, как она сложилась, не может вызвать этой силы. Она выродилась и не годна больше» (там же, стр. 129).

Стр. 403. Имя ~ Путятин... – Е. В. Путятин заключил в июне 1858 г. в Тяньцзине договор, предоставлявший России право торговли в китайских портах, открытых иностранцам.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Печатается по тексту к, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 236, где опубликовано впервые, за подписью: И-р. В ОК к заглавию прибавлено в скобках: «Письмо г. Ч.».

Автограф неизвестен. Статья «Обвинительный акт», так же как и письмо Б. Н. Чичерина, которому она была предпослана, знаменует важный этап на пути размежевания двух исторических тенденций – революционной и либеральной. В условиях нарастания революционной ситуации 1859 – 1861 гг. усилилась кристаллизация каждого из этих течений. Еще за два года до появления «Обвинительного акта» ни Чичерину, ни Герцену не было ясно, что расхождение в вопросе о путях преобразования России приведет их к решительному разрыву. Хотя уже тогда Чичерин в «Письме к издателю», написанном вместе с К. Д. Кавелиным и опубликованном в первом выпуске «Голосов из России», публично выразил свое несогласие с линией Герцена, тем не менее он еще обращался к нему как к представителю общего лагеря. Убедя Герцена изменить направление своей пропаганды, Чичерин утверждал, будто в России не было ни почвы для революционных идей, ни людей, способных откликнуться на революционную пропаганду. Он уверял, что выражает «не только свой личный образ мыслей, но чувства огромного большинства просвещенных и благомыслящих людей в России». Герцен в это время еще не видел принципиальной противоположности между революционной и либеральной точками зрения. В предисловии к тому же первому выпуску «Голосов из России» (см. т. XII наст. изд.) он не только не дал отповеди Чичерину по существу его выступления, но по-прежнему обращался ко всем представителям антикрепостнического лагеря, как к единому целому, противостоящему охранительной идеологии.

Надежды Чичерина перетянуть Герцена на позиции либерализма не рассеялись и к 1858 году. Осенью этого года, во время пребывания за границей, Чичерин специально приезжал в Лондон, чтобы убедить

Герцена принять более умеренный тон. «У нас были общие друзья, общие воспоминания, общие интересы», – обосновывал он позднее свою попытку («Воспоминания Б. Н. Чичерина – Путешествие за границу» М., 1932, стр. 49). Эта встреча положила начало их окончательному разрыву. «С первых слов я почувал, – вспоминал Герцен в «Былом и думах», – что это не противник, а враг...» (гл. «Н. Х. Кетчер», см. т. IX наст. изд., стр. 248). Однако переписка между Чичериным и Герценом продолжалась, продолжались и уговоры со стороны Чичерина «умерить тон».

Характерно, что в это же время Герцен печатает в л. 25 «Колокола» от 1 октября 1858 г. известное анонимное «Письмо к редактору», в котором содержался открытый призыв отменить крепостное право «снизу» (см. о нем в наст. том, стр. 619–620). В статье «Нас упрекают», послужившей поводом для «обвинительного» письма Чичерина, Герцен сформулировал свое отношение к вопросу о средствах преобразования России: «Освобождение крестьян с землею – один из главных и существенных вопросов для России и для нас. Будет ли это освобождение „сверху или снизу“ – мы будем за него!» (стр. 363 наст. тома). Он подтверждает свою готовность приветствовать как «крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения», если они освободят крестьян, так и самих крестьян, если они освободят себя и от комитетов и от помещиков. Он не отвергал ни одного, ни другого пути во имя конечной цели, считая этот вопрос второстепенным, так как, по его мнению, «средства осуществления бесконечно различны, которое изберется ... в этом поэтический каприз истории, – мешать ему неучтиво». Расчет на реформу определялся у Герцена не боязнью революции, а тем, что, не видя революционного народа, он не мог верить в него.

Статья «Нас упрекают» была направлена против обвинений со стороны «либеральных консерваторов», «прямолинейных доктринеров» в легкомыслии и шаткости «Колокола». Имя Чичерина в ней не было названо хотя именно он и имелся в виду. Чичерин узнал себя и не замедлил ответом – «обвинительным актом», как назвал его Герцен. В этом письме Чичерина впервые выявилась непримиримость существовавших и ранее разногласий. В нем уже не было призывов к Герцену умерить тон. Чичерин сам пришел к заключению, что «здесь речь идет о различных направлениях русского общества, о различии взглядов на современные вопросы», противоположность которых он объяснял различием политических темпераментов, т. е. по существу страстной нетерпимостью Герцена к малейшему проявлению реакции, в противовес собственному стремлению найти общий язык с самодержавием. Письмо Чичерина – это политический манифест либерализма, манифест борьбы с революцией. Острые своих обвинений автор направил против признания Герцена в его готовности приветствовать освобождение крестьян «снизу», если оно не произойдет «сверху». Он прежде всего негодует по поводу того, что, открывая страницы своего издания «безумным воззваниям к дикой силе», издатель «Колокола» и сам готов благословить привычку «хвататься за топор» и оправдать «свирепый разгул разъяренной толпы». Именно революционная сторона двойственной позиции Герцена являлась неприемлемой для либерала, признававшего только один путь общественного преобразования, путь сговора с реакцией. Поэтому Чичерин и восстал против тезиса Герцена о ведущем значении цели борьбы и подчиненном – средств, какими она может быть достигнута. Чичерин, напротив, готов поступиться целью для избрания «наилучшего пути при известном положении дел». В этом он видит задачу политического деятеля, определяя «священную обязанность» последнего «успокаивать бушующие страсти, отвращать кровавую развязку». Подчеркнув исключительное положение Герцена, располагающего свободным словом, обращаясь к нему с признанием: «вы – сила, вы власть в русском государстве», Чичерин обвиняет Герцена

599

в том, что он, впадая в крайность, якобы губит собственное дело и этим дает повод к установлению самого жестокого деспотизма. Герцен справедливо расценил письмо Чичерина, как написанное «с совершенно противной точки зрения, то есть с точки зрения административного прогресса».

Герцен получил целый ряд откликов на «Обвинительный акт», в которых – за исключением письма А. Спартанского (см. к, л. 32–33 от 1 января 1859 г.; А. Спартанский – псевдоним неизвестного лица) – выражался протест против выпадов Чичерина (см. статьи Герцена «Возражение на „Обвинительный акт“», – наст. том, стр. 416–417 и «Еще и еще письма против „Обвинительного акта“», помещенного в 29 листе „Колокола“, т. XIV наст. изд.).

Авторы этих писем выражали свое горячее сочувствие Герцену, который в ответной заметке писал: «Вы подтвердили мое мнение, со всех сторон, больше, чем я мог надеяться» (т. XIV наст. изд.).

Чичерин в это время не нашел поддержки даже среди большинства своих единомышленников и друзей. К. Д. Кавелин отправил ему протестующее письмо, поддержанное присоединившимися к его мнению И. Бабстом, Н. Тютчевым, П. Анненковым, И. Тургеневым и другими (впервые письмо опубликовано Н. Барсуковым в его книге «Жизнь и труды М. П. Погодина», СПб., т. XV, 1901, стр. 261–268). Соглашаясь с основной мыслью письма Чичерина, Кавелин резко возражал против одностороннего освещения в нем позиции Герцена, считая, что Герцен лишь предупреждает о необходимости реформ, чтобы избежать революции. Он отмечал, что письмо Чичерина сыграло на руку правительству и реакции, так как, избрав «Колокол» как оплот революционных стремлений, оно дало повод для преследования литературного движения в самой России и вызвало восторг в высших сферах,

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов увидевших в письме разрыв либеральной партии с революционной. Даже весьма умеренный А. В. Никитенко, считавший, что Герцен резким тоном и радикализмом вредит своему влиянию на общество, вместе с тем приходил к выводу, что сделанное ему возражение в письме Чичерина, «кажется, еще вреднее. Оно как бы оправдывает крутые меры и вызывает их» (А. В. Никитенко. Дневник, т. 2, М., 1955, стр. 54). Однако этот протест со стороны представителей либерализма означал не столько поддержку линии Герцена, сколько тот факт, что наметившийся к этому времени процесс размежевания двух тенденций еще окончательно не определился.

Стр. 404–405. До тех пор, пока Бутенев в Константинополе ~ вымаливая запрещение «Колокола» и «Полярной звезды»... – Имеется в виду кампания, поднятая царским правительством за запрещение продажи «Колокола» и других изданий Герцена в странах Западной Европы (см. статьи Герцена в настоящем томе и комментарии к ним: «Лакеи и немцы не допускают», «Саксонскому министру внутренних дел», «Материалы для некролога Авраамия Сергеевича Норова», «Словобоязнь», «Бешенство цензуры» и др.).

Стр. 405. ... пока «Аугсбургская газета» и герлаховская «Kreuz-Zeitung» ~ на нервы петербургских сановников... – Имеются в виду газеты «Allgemeine Zeitung» и «Neue Preußische Zeitung» (или «Kreuz-Zeitung», т. е. «крестовая газета», названная так потому, что в ее заголовке изображен был крест), которую основал в 1848 г. в Берлине лидер крайней правой Эдуард Людвиг Герлах. «Allgemeine Zeitung» критиковала приемы борьбы с пропагандой Герцена, применявшиеся царским правительством, как бесполезные. Она предлагала не только издавать за границей орган, который бы полемизировал с «Колоколом», но и в самой России разрешить

600

такую полемику (см. №№ от 3 февраля и 29 ноября 1858 г.). «Neue Preußische Zeitung» особенно яростно нападала на Герцена, утверждая например, что печатание русских книг и брошюр Герценом «возбуждает здесь уже в течение месяцев живейшее негодование» и высказывая опасение, что «яд» герценовской пропаганды может оказать влияние на незрелые умы (см. № от 26 мая 1857 г.).

... когда я был под судом следственной комиссии, Голицын junior. – Камергера Голицына Александра Федоровича, члена следственной комиссии, Герцен называет junior (младший) в отличие от старика Голицына Сергея Михайловича, члена той же комиссии (см. т. VIII наст. изд., глава XII).

... мы книгопечатальщики «значительной части людей, страдающих в России». – Взятые в кавычки слова являются перефразировкой выражения, содержащегося в письме Чичерина, который говорит, что его упрек в шаткости и легкомыслии Герцена повторяется «значительной частью мыслящих людей в России». Герцен подчеркивает, что он выражает мнение не так называемой мыслящей части, а чаяния людей страдающих.

Что, в самом деле, за монополия русского печатания, у нас... – Эти слова Герцена относятся к следующей фразе частного письма Чичерина, которым он сопровождал свой «обвинительный акт»: «Может быть, напечатание этого письма будет вам не совсем приятно, но что же делать? Noblesse oblige <положение обязывает>. Я бы к вам не обратился, если б у нас был другой орган».

Стр. 406. С нашей легкой руки теперь можно печатать по-русски в Берлине, в Лейпциге, в самом Лондоне. – В Берлине издателем, печатавшим на русском языке произведения русских авторов (главным образом, сочинения М. Ю. Лермонтова, К. Рылеева, А. С. Грибоедова), был Фридрих Шнейдер, пользовавшийся типографией К. Шульце. В Лейпциге было несколько издателей русских книг: Франц Вольфганг Гергард, Юрий Приваловский, печатавшие русские издания в типографиях Брок-гауза, Густава Бера и Г. Петца (в Наумбурге).

... существует типография З. Свентославского. – З. Свентославский основал типографию в Лондоне («Universal Printing Office» «Всеобщая типография»), в которой с начала 1858 г. печатались все издания Трюбнера, права на которые он приобрел у Герцена.

... нельзя рекомендовать как русский журнал для помещения статей брюссельской «Le Nord»... – Этими словами Герцен старался подчеркнуть официальный характер газеты «Le Nord», с помощью которой русское правительство старалось влиять на европейское общественное мнение (см. комментарий к заметке «Двухспальный лист»).

... в «Заграничном сборнике»? – Имеется в виду «Русский заграничный сборник» – журнал либерального направления, издававшийся в Париже А. Франком и печатавшийся в типографии Густава Бера в Лейпциге. В 1858 г. вышло две его части, первая из которых состояла из шести выпусков (тетрадей).

УСЕРДНЫЙ РАБ БУТЕНЕВ И ВЕЛИКИЙ ВИЗИРЬ

Печатается по тексту К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 240, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании указания М. К. Лемке на то, что заметка сверена им с автографом, хранившимся в архиве семьи Герцена (л IX, 593).

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Принадлежность Герцену подтверждается и характером заметки: разоблачением
интриг русских
правительственных агентов против «Колокола» занимался именно он (см. в настоящем
томе статьи и заметки «Лакеи и немцы не допускают», «Материалы для некролога
601

Авраамия Сергеевича Норова», «Погенполь», «Словобоязнь» «Бешенство цензуры»,
«Захват „Колокола“ во Франкфурте» («A l'illustre Sénat...» и др.). Включено М. К.
Лемке (л IX, 425).

Стр. 407. ...Турция победила при Николае Россию в отношении гуманности... – В
ответ на требование Николая I о выдаче ему польских и венгерских революционных
эмигрантов, предъявленное Турции 25 августа 1849 г., турецкое правительство
ответило отказом (подробно об этом см. в т. VI наст. изд., стр. 519).
Судьба Хребтовича могла бы служить примером Бутеневу. – В донесении агента III
отделения от 5 марта 1858 г. содержатся следующие строки: «Люди, конечно, мало
сведующие по части дипломатической, рассказывают, что поводом к удалению графа
Хребтовича от поста посланника в Лондоне было, между прочим, то обстоятельство,
что в отчете своем он показал значительную сумму, до 150 тысяч рублей,
израсходованную якобы для обнаружения шести корреспондентов Герцена. Другие
уверяют, что государь, получив чрез посредство графа Хребтовича список помянутым
корреспондентам, уничтожил оный, не желая преследовать и даже знать лиц,
сообщающих Герцену сведения о России» (ЦГИАМ). – Сообщено редакцией
«Литературного наследства».

<ПРИБАВКА 80 ВЕРСТ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Печатается по тексту К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 240, где опубликовано
впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК.
Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании упоминания о наблюдениях,
сделанных автором заметки во время своего пребывания в Вятской губернии.
Поскольку из обоих редакторов «Колокола» в вятской губернии жил только Герцен,
вполне естественно заключить, что он и является автором заметки. Включено М. К.
Лемке (л IX, 425–426).

Стр. 407. ...прибавки 80 верст на московской железной дороге. – Опровергаемый в
данной статье факт описан в заметке «От часу не легче – кража восьмидесяти
верст!!» (стр. 366 наст. тома).

<ОТВЕТ НА КЛЕВЕТУ ГРАФА ТУРОВСКОГО>

Печатается по тексту К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 240, где было
опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия, за подписью: И–р. Заглавие
взято из ОК. Автограф неизвестен.

Стр. 408. ...объяснял одному «анониму»... – Герцен имеет в виду свой ответ
анонимному корреспонденту «Полярной звезды», утверждавшему, что, выступая против
крепостного права, Герцен в то же время воспользовался его выгодами. «Я отроду
не продал, не заложил ни одного крестьянина, – возражал ему Герцен, – но еще
больше – я не пользовался ни оброком, ни работой крестьян; это случай, но он тут
в мою пользу. Я лишился отца в мае 1846 года, при его жизни я не владел ничем; в
январе 1847 года я был уж за границей. Единственный акт, сделанный мною в
управлении имением, состоял в предложении крестьянам заложить их и отпустить на
волю с землею; пока староста советовался, я уехал. Через
полтора года, не объявляя мне ничего, правительство взяло имение под секвестр»
(см. т. XII наст. изд., стр. 293–294).

...мое объяснение по этому делу... – См. статью «Calomnie» («Клевета») на стр.
393–397 наст. тома и комментарий к ней.

APPEL À LA PUDEUR (ИЗДАТЕЛЯМ РУССКИХ ГАЗЕТ)

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 250–251, где
опубликовано впервые, за подписью: И–р. В ОК в подзаголовке вместо «Издателям» –
«Издатели». Автограф неизвестен.

Стр. 410. С.–Петербургский военный генерал–губернатор ~ за принесенное
поздравление» («Русский инвалид»). – Из газеты «Русский инвалид», № 190 от 3
сентября 1858 г.

Стр. 411. В высочайшем указе ~ в 21–й день мая. – См. «Северная пчела», № 197 от
10 сентября 1858 г.

Последнее путешествие государя и царской фамилии... – Имеется в виду поездка
Александра II на север России (Тихвин, Вологда, Архангельск, Соловецкий
монастырь, Лодейное Поле, Ладожское озеро), продолжавшаяся с 18 по 30 июня 1858
г., а также путешествие его по Волге вместе с императрицей и великой княжной
Марией Александровной от Ярославля до Нижнего Новгорода, предпринятое летом 1858
г. (см. С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. I,
СПб., 1903, стр. 249).

Владимир. – В половине пятого часа ~ беговом месте.–См. «Северная пчела», № 190

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов от 1 сентября 1858 г.

Тула. – В двенадцатом часу ~ а государыне великой княгине просфору. – См. «Северная пчела», № 183 от 21 августа 1858 г.

Стр. 411–412. Троица. – Государь император ~ радостными восклицаниями многочисленного народа. – См. «Северная пчела», № 185 от 23 августа 1858 г.

Стр. 412. Вологда. – За несколько минут до представления ~ «Мы уж давно ожидали этого счастливого времени...» – См. «Северная пчела», № 202 от 16 сентября 1858 г.

...государь в Варшаве. – Имеется в виду пребывание Александра II в Варшаве в середине сентября 1858 г.

Ему многое надобно там сделать, чтоб многое загладить. – Имеется в виду всеобщее недовольство политикой царизма в Царстве Польском и обострение классово-борьбы в период революционной ситуации, предшествовавшие польскому восстанию 1863 – 1864 гг.

Варшава. – 14/26 сентября ~ Бельведерском Дворце. – Выдержки из газеты «Северная пчела», № 213 от 29 сентября 1858 г.

Стр. 413. ...старого лакея Бакая. – О лакее в доме отца Герцена – И. А. Яковлева см. в «Былом и думах» (ч. I, гл. II, т. VIII наст. изд., стр. 42–44).

Стр. 414–415. Старик Арндт сам называет Штейна то «милостливым господином своим», то просто «мой господин». – Герцен имеет в виду стиль, в каком написана Морицом Арндтом книга «Meine Wanderungen und Wandlungen mit dem Reichsfreiherrn H. R. T. von Stein» (1858). Рассказывая о своих взаимоотношениях со Штейном, Арндт действительно называет его «mein Lieber Herr», «Gnädiger Herr» и т. д.

Стр. 415. ...управе благочиния... – Речь идет о III отделении.

603

<МУХАНОВ>

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 253, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Заметка написана от имени издателей «Колокола».

Авторство Герцена устанавливается на основании ее содержания (польской темой в «Колоколе» в это время занимался сам Герцен) и связи со статьей «Из Польши», а также стилистическими ее особенностями (см., например, чисто герценовские обороты: «ядовитый паук под именем Муханова», «орлы на гербах и гербы на орлах»). Выражение: «„воссоединенный" Симашко» встречается в статье Герцена «Россия и Польша», напечатанной в следующем листе «Колокола» – см. т. XIV наст. изд.; см. также сходное высказывание о Муханове в статье Герцена «1860»: «...что недаром еще живы Пеликаны, Бибиковы, недаром Муханов оставлен в Варшаве, что они раком вопьются в молодое поколение и потащат его назад или в помойную яму III отделения» и т. д.). Включено М. К. Лемке в *Dubia* (л. IX, 439).

Министр внутренних и духовных дел Польши и попечитель Варшавского учебного округа П. А. Муханов служил постоянным объектом разоблачений в «Колоколе» как враг передового общественного движения, душитель просвещения в Польше. См., например, заметки: «Из Польши» (наст. том, стр. 345–346); «Мухановские меры против просвещения в Польше», «О положении евреев в России», «По Муханову и Цецурун», «Опять и опять pas de rêveries!» (К, лл. 36, 37, 48 и 55, т. XIV наст. изд.).

Стр. 416. Мы получили из Познани интересный очерк карьеры Муханова. – Речь идет о статье «Мухановские меры против просвещения (перевод с польского)», которая была затем опубликована в К, л. 36 от 15 февраля 1859 г. В ней неизвестный автор излагает историю возвышения П. А. Муханова и анализирует его деятельность.

Муханов, по характеристике автора, «по крайней мере на полстолетия остановил элементарное просвещение народа», «не терпит литературы» и «посредством самодержавного владычества в цензуре не дает» ей развиваться. Он «ненавидит настоящие реформы, приходит в ярость от крестьянского вопроса» настолько, что «не позволяет печатать царских указов, касающихся каких-либо реформ». В заключение статьи корреспондент выражает возмущение «громадной властью» Муханова, руками которого в Польше удерживается «целая система управления николаевская» и приносится в жертву «спокойствие и будущность пяти миллионов!».

Что это за смесь «воссоединенного» Симашки с Пеликаном, Новосильцовым, Трубецким, Муравьевым ~ под именем Муханова. – Герцен в заметке не ограничивается сообщением о полученной развернутой статье. Ввиду актуальности разоблачения П. А. Муханова, он, не ожидая ее публикации (осуществленной лишь 2 месяца спустя), обобщает, на основании доставленных данных, политический облик последнего; именно этим объясняется тот перечень имен наиболее мрачных деятелей лагеря крепостнической реакции и шовинизма, который дает Герцен. Говоря о «воссоединенном» Симашке, Герцен имеет в виду деятельность митрополита литовского и виленского Иосифа по «воссоединению» униатов с православной

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
церковью и ту жестокость, с которой он осуществлял этот насильственный акт (см.
в наст. томе статьи «Секущее православие» и «Гродненская история (Симашко,
Филарет)». Имя Ф. В. Пеликана Герцен называет в связи с его ролью прислужника
Николая I, рьяного проводника его обрусительной политики в Виленском
университете, ректором которого он был в 1826–1830 гг. В такой же связи
упоминается и

604

гр. Н. Н. Новосильцев, который, занимая с 1813 по 1831 г. крупные
административные должности в Польше и по существу управляя ею, подавлял всякое
проявление национального движения. Говоря о Трубецком, Герцен, по-видимому,
имеет ввиду орловского помещика кн. Трубецкого, о систематических истязаниях
которым крестьян он писал в статье «Русское крепостничество» (см. т. XII наст.
издания). Заключается перечень М. Н. Муравьевым, «который вешает», уже тогда
разоблаченным «Колоколом» в связи с его деятельностью в качестве члена правящего
«Черного кабинета» (см. в наст. томе «Черный кабинет», «Харьковская история»,
«Знаменитому сенату вольного города Франкфурта-на-Майне» и др. статьи).
Pas de reveries! Pas de reveries! – См. примечание к стр. 284.

<ВОЗРАЖЕНИЯ НА «ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ»>

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 253–254, где
опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. Заглавие взято
из ОК. Автограф неизвестен.

Авторство Герцена устанавливается на основании содержания настоящей статьи,
непосредственно связанной с его статьей «Обвинительный акт» (см. наст. том).
Включено М. К. Лемке (л IX, 440–441).

КРЕПОСТНЫМ ЛЮДЯМ, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ПРЕДЕЛАМИ
РОССИИ

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 254–255, где
опубликовано впервые, в отделе «Смесь», за подписью: Ред. В ОК к заглавию
добавлено в скобках: «По поводу княгини Урусовой и помещанки Черкасовой». Автограф
неизвестен.

Стр. 418. ...княгиня Урусова (урожденная Нарышкина) довела свою горничную ~
Черкасову ~ она сошла с ума... – Сведения об этом случае, полученные – редакцией
«Колокола», оказались ошибочными. В следующем, 32–33 листе от 1 января 1859 г.
было помещено письмо (см. стр. 271–272), разъясняющее происшествие: горничная
Черкасова сошла с ума через несколько месяцев после оставления службы у княгини
Урусовой.

«ALLGEMEINE ZEITUNG» ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОПЯТЬ...>

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 255, где
опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия и подписи. В ОК
озаглавлено: «О восстаниях в России на статьи „Колокола“». Автограф неизвестен.
Заметка написана от имени издателей «Колокола». Авторство Герцена

устанавливается на основании ее содержания и связи со статьей «Нас упрекают»
(см. наст. том, стр. 361–363). Полемику с западноевропейскими изданиями на
страницах «Колокола» вел именно Герцен. Включено М. К. Лемке (л IX, 442).

Стр. 420. «Allgemeine Zeitung» возвращается опять в своем № от 12 декабря ~
отвечать в русских журналах на статьи «Колокола». – Этим вопросам посвящена
статья в № 347 «Allgemeine
Zeitung» от 13 декабря 1858 г. Автор ее пишет: «У нас в Россия не составляло бы
большого труда опровергнуть известную и даже большую часть тех обвинений
605

которые мы находим в сочинениях Герцена. Остальные обвинения, конечно,
совершенно верны, если они написаны даже и с известным намерением и в ядовитой
форме. Но одинаково, будут ли они првдивы или нет, о них не разрешают упоминать,
и таким образом зло увеличивается». «Allgemeine Zeitung» уже ранее писала об
этом в статьях «Herzens Glocke» (№ 299 от 26 октября 1858 г.) и «Die Herzen'sche
Presse» (№ 333 от 29 ноября 1858 г.).

Это одно из самых горячих желаний наших. – См., например, примечание к статье Н.
П. Огарева «Еще об освобождении крестьян» в К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 115:
«Мы бы желали, чтобы русским журналам было дозволено возражать нам, не потому,
чтобы мы хотели отстаивать свое мнение, хотя бы оно было ошибочно, не потому,
чтобы мы хотели спорить во что бы ни стало; а потому, что мы хотели бы честно
дотолковаться до правды, до того что возможно, что полезно».

...о каком-то политическом бюро ~ будут издавать тоже двое – Долгорукий и
Тимашев. – В тех же статьях в «Allgemeine Zeitung» сообщалось о планах борьбы с
возрастающим влиянием «Колокола» в России. Герцен высмеивает беспомощные проекты
русских правительственных кругов издавать за границей официальный орган для
опровержения статей «Колокола» или организовать в Петербурге «бюро прессы» по
типу европейских для направления журнальной полемики. Герцен предрекает как

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
состав, так и цели подобного политического бюро в полицейской России –
действительно, оно было создано 24 января 1859 г. под названием «Комитета по
делам книгопечатания» в составе гр. А. В. Адлерберга, Н. А. Муханова и А. Е.
Тимашева и стало новым органом высшей политической цензуры.
РЕДАКЦИОННЫЕ ЗАМЕТКИ, ПРИМЕЧАНИЯ,
ОБЪЯВЛЕНИЯ

...наши публикации далеко не производят такого действия в Европе, как в России!
– Своей заметкой Герцен иронически отвечал на недоброжелательную корреспонденцию
в «Allgemeine Zeitung», где утверждалось, в частности, что за границей «к
герценовским сочинениям относятся вполне равнодушно». Сами факты и слухи,
сообщенные газетой, свидетельствовали об огромной значимости «Колокола» для
России.

ИЗ ПЕТЕРБУРГА (ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту к, л. 2 от 1 августа 1857 г., стр. 15, где опубликовано
впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Корреспонденция «Из Петербурга» опубликована в «Колоколе» (стр. 14–15) без
подписи. В ней критикуется медлительность, бездействие правительства Александра
II, ставится вопрос о необходимости скорейшего освобождения крестьян, обуздании
повсеместного воровства, прекращении преследований раскольников и т. д. Автор
статьи неизвестен. Редакционное примечание направлено на поощрение присылки
корреспонденций из России и содержит намек на полное сохранение тайны
сотрудничества в «Колоколе».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ Н. П. ОГАРЕВА «ЮМОР»>

Печатается по тексту издания : «Юмор» («De l'humeur»), Лондон» 1857, стр.
III–IV, где опубликовано впервые, без заглавия, за подписью: И–р. Автограф
неизвестен.

Предисловие написано в связи с отдельным изданием (без имени автора) первых двух
частей поэмы Н. П. Огарева «Юмор». Книга была отпечатана еще в январе–феврале
1854 г. «Благословясь, я начал со вчерашнего дня печатать „De l'humeur“», –
писал Герцен М. К. Рейхель 20 января 1854 г. В феврале того же года он сообщил
Рейхель, что «Юмор» «почти совсем напечатан». Однако выпустить в Лондоне даже
анонимное издание поэмы Огарева, находившегося тогда в России, Герцен не
решался. «...Выдавать теперь еще не стану», – писал он в том же письме к
Рейхель, а 14 апреля 1854 г. жаловался ей: «Что же, наконец, мне делать с
„Юмором“?»

Напечатана поэма была по неисправному автографу или списку, вероятно присланному
Герцену М. К. Рейхель (см. письмо к ней Герцена от 25 июня 1853 г.). Огарев,
приехавший в Лондон в апреле 1856 г., сделал ряд поправок к тексту. Этот
перечень пропусков и опечаток занял в книге стр. V–VIII, тем не менее он был
далеко не полон. В свет книга вышла примерно в сентябре 1858 г. (см. объявления в
приложении к л. 22 к от 1 сентября
1858 г.). До этого цитаты из неизданной поэмы неоднократно приводились Герценом
в главах «Былого и дум», опубликованных тогда в «Полярной звезде» (см. ПЗ на
1855, кн. I, стр. 102, 177 и ПЗ на 1856 г. кн. II, стр. 43, 99, 104, 107–108,
125).

В сборнике «Десятилетие Вольной русской типографии» (Лондон, 1863) Герцен в
списке изданий типографии поместил «Юмор» под 1854 г. (стр. 167). Однако
предположение Я. З. Черняка, что первое издание поэмы действительно вышло в 1854
г. (см. ЛН, т. 53–54, стр. 97 и 108), явно несостоятельно, поскольку оно
противоречит приведенным свидетельствам из писем самого Герцена. По словам Я. З.
Черняка, Герцен в предисловии умолчал об издании 1854 г. «со специальной целью
законспирировать принадлежность поэмы Огареву»; между тем, в 1858 г. уже не было
необходимости отрицать участия Огарева в изданиях Вольной русской типографии
первых лет ее деятельности.

ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту сборника «Голоса из России», книжка четвертая, Лондон,
1857, стр. 4, где опубликовано впервые, за подписью. Ред. Автограф неизвестен.

«Письмо к издателю», опубликованное в августе 1857 г. в четвертой книжке
«Голосов из России» (стр. 1–23) без подписи, принадлежит П. Л. Лаврову (см. «П.
Л. Лавров о себе самом» в «Вестнике Европы», 1910, № 10, стр. 97). В письме
выражается свойственная тогда Лаврову вера «в возможность преобразования и
совершенствования России не страшным переворотом, ...но примирением прошедшего с
будущим...» (стр. 10).

Исходя из этого, Лавров считал, что освобождение крестьян должно производиться
постепенно, «после совершенного уяснения вопроса печатной полемикой», а затем
уже составления «комитетами из помещиков» «в течение двух или трех лет проекта

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Освобождения для своего уезда», и только после этого составления общего плана и т. п. (см. стр. 14).

Вместе с «Письмом» Герцену были присланы пять стихотворений П. Л. Лаврова. Два из них – «Пророчество» (январь 1852) и «Русскому народу» (декабрь 1854) напечатаны вслед за «Письмом к издателю» в четвертой книжке «Голосов из России» (стр. 24–39) под общим заголовком «Современные отголоски» и с посвящением В. Гюго (см. комментарий к заметке «От Виктора Гюго», стр. 610 наст. тома). Лаврову принадлежит, вероятно, и стихотворение «Французам» (1856), опубликованное в той же кн. «Голосов из России» (см. П. Л. Лавров. Избр. соч. на социально-политические темы, т. I, М., 1934, стр. 19, 472). Кроме напечатанных Герценом стихотворений, в числе присланных было, по-видимому, и найденное недавно в «софийской коллекции» стихотворение «На празднества, бывшие в Москве по случаю коронации императора Александра II в августе и сентябре 1856 года» (см. ЛН, т. 63, стр. 191), которое было опубликовано впервые в «Собрании запрещенных стихов и прозы», Лейпциг, 1865, стр. 78–80 под заглавием «Новому царю (26 августа 1856 года)». Указания на принадлежность его Лаврову содержатся в анонимной статье «К процессу П. Л. Лаврова» (см. «Былое», 1906, № 8, стр. 37) и в дневниковой записи Е. А. Штакеншнейдер от 15 мая 1858 г. (см. Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, 1934, стр. 209).

Стр. 423. Стихотворение ~ мы не сочли возможным напечатать по многим причинам. – В «Письме к издателю» П. Л. Лавров писал: «Наиболее современное, наиболее производило впечатления из пяти политических произведений, вам посылаемых, это было второе, то самое, из-за которого я преимущественно вхожу в объяснения, потому что несколько

608

сомневаюсь, захотите ли вы напечатать стихотворение, наиболее отходящее от ваших убеждений» (стр. 3–4). К этим словам и делает примечание Герцен. Вероятно, речь идет именно о стихотворении «На празднества, бывшие в Москве по случаю коронации императора Александра II в августе и сентябре 1856 года», так как среди известных нам стихотворений, присланных Лавровым Герцену в 1857 г., только это было посвящено новому царю и выражало надежду на уничтожение им крепостного права. Александр II назван в нем «законным царем покорного народа». Одной из причин исключения предполагаемого стихотворения из публикации в составе «Современных отголосков» было, таким образом, идейное несогласие Герцена с автором.

РОССИЯ В ВОЙНЕ И В МИРЕ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту сборника «Голоса из России», книжка четвертая, Лондон, 1857, стр. 158, где опубликовано впервые, за подписью: И–р, под строкой. Автограф неизвестен.

Объявление о выходе в свет IV книжки «Голосов из России» впервые появилось в К, л. 3 от 1 сентября 1857 г.

Статья «Россия в войне и в мире», напечатанная в четвертой книжке «Голосов из России» без подписи, датирована «1855, накануне Рождества» Принадлежность ее Н. А. Мельгунову устанавливается на основании указания Б. Н. Чичерина (см. Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1929, стр. 171). Герцен получил статью в 1856 г. и

предполагал включить ее в первую часть сборника (см. «Оглавление первой части „Голосов из России"»), но потом отложил ее публикацию до следующих выпусков. Выражая точку зрения либерально-дворянских кругов, статья предлагала новому монарху программу постепенных реформ сверху, не затрагивающих основ самодержавия. Герцен счел необходимым особо подчеркнуть в примечании свое несогласие с направлением статьи.

Стр. 423. При этом повторяем еще раз ~и нашими мнениями. – О характере сборников «Голоса из России» Герцен писал ранее в предисловии «От издателя» к первой части сборника (1856), предостерегая читателей от отождествления напечатанных в них статей с его взглядами (см. т. XII наст. изд., стр. 328–329). См. также статью «От издателя <Предисловие к шестой книжке „Голосов из России"» (наст. том., стр. 367–368).

<НА ДНЯХ ПОЛУЧЕННАЯ НАМИ СТАТЬЯ...>

Печатается по тексту сборника «Голоса из России», книжка четвертая, Лондон, 1857, стр. 175, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен. Статья, о которой идет речь, опубликована не была.

<ЗАМЕТКА О РАЗБОРЕ СОЧИНЕНИЯ Г. КОРФА>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 34, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

609

Стр. 424. ...издать разбор сочинения г. Корфа, «Донесения Следственной комиссии

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов и (приговора) Верховного уголовного суда 1826 года»... – Имеется в виду сочинение М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I». Разбор работы М. А. Корфа был сделан Герценом и Огаревым в их книге «14 декабря 1825 и император Николай I», изданной в Лондоне редакцией ПЗ в 1858 г. вместе с текстом донесения следственной комиссии по делу декабристов и приговором верховного суда (см. комментарий к «Предисловию к книге „14 декабря 1825 и император Николай I"», стр. 513–516 наст. тома).

<НА ДНЯХ МЫ ПОЛУЧИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ СТАТЬЮ О ЧИНОВНИЧЕСТВЕ...>

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 41, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Указанная статья с возражениями редакции «Колокола» не была опубликована ни в последующих книжках «Голосов из России», ни в «Полярной звезде». Взгляд редакции «Колокола» на вопрос о преобразовании государственного аппарата был впоследствии изложен в статье Н. П. Огарева «Русские вопросы. Преобразование чиновничества» (см. К, л. 12 от 1 апреля 1858 г.).

ШАРМАНКА (к воспоминаниям о незабвенном)

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 42, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 424. Несколько месяцев тому назад в Москве и Петербурге ходила по рукам песня... – Публикуемое далее стихотворение «Старая шарманка» распространилось в Петербурге и Москве во множестве списков. Автором его долгое время считали Н. А. Некрасова.

В. Е. Евгеньев-Максимов указал на ошибочность такого предположения (см. «Звенья», кн. III–IV, стр. 662). Автор «Шарманки», – по-видимому, В. Р. Зотов (см. об этом в ЛН, т. 41–42, стр. 591–592), который был знаком с Герценом, относился к нему восторженно и как раз незадолго перед опубликованием стихотворения в «Колоколе» посетил Герцена в Лондоне (см. статью В. Р. Зотова «Петербург в сороковых годах», «Исторический вестник», 1890, № 4, стр. 113 – 115, а также письмо Герцена к М. К. Рейхель; от 17 июля 1857 г.). Об отношениях Герцена с Зотовым см. также в ЛН, т. 62, стр. 140–148.

ВЫСОЧАЙШИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ AT HOME

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Статья «Высочайшие путешественники at home» опубликована в «Колоколе» без подписи. Неизвестный автор рассказывает в ней о путешествии великого князя Николая Николаевича по России. Поездка стоила многих жертв крестьянам, которых на всем пути следования великого князя сгоняли во время уборки хлеба для прокладки новых дорог и торжественной встречи «особы императорской фамилии». Автор делает вывод о том, что подобные легкомысленные действия быстро уничтожают «наивную веру» крестьян «в высшую власть».

610

<ОТ ВИКТОРА ГЮГО>

Печатается по тексту К, л. 6 от 1 декабря 1857 г., стр. 50, где опубликовано впервые, без заглавия и подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен. Авторство Герцена устанавливается на основании содержания заметки.

В четвертой книжке «Голосов из России» были напечатаны анонимно два стихотворения, посвященные В. Гюго («Пророчество» и «Русскому народу»), под общим заглавием «Современные отголоски» и с эпитафией из Гюго: «Et j'ajoute à ma lyre une corde d'airain» («И к своей лире я прибавляю бронзовую струну»).

Автором этих стихотворений был П. Л. Лавров (см. об этом в комментарии к «Письму к издателю» <Примечание>, стр. 607–608 наст. тома), по желанию которого Герцен, не называя его имени, переслал эти стихотворения В. Гюго. Письмо, которое написал при этом Герцен, неизвестно. В ответном письме от 11 октября 1857 г., на которое ссылается Герцен в своей заметке, Гюго писал: «Нет более великого сердца и более благородного ума, чем Александр Герцен. Я счастлив теми свидетельствами симпатии, которые от него получаю. Я рукоплещу успеху „Полярной звезды", которую, к несчастью, не могу читать, и подобное же сожаление испытываю я в отношении исполненных великодушия стихов неизвестного русского поэта.

Прошу моего мужественного и дорогого соотечественника по изгнанию передать ему мою глубокую сердечную благодарность. Братское рукопожатие. Виктор Гюго» (ЛН, т. 39–40, стр. 280).

Об отношениях Герцена и Гюго см. в ЛН, т. 31–32, стр. 823–837 и т. 39–40, стр. 279–281.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ <О «СУДЕБНЫХ СЦЕНАХ» И. С. АКСАКОВА>

Впервые опубликовано в ПЗ на 1858, кн. IV, Лондон, стр. 3, в качестве предисловия к «Отрывку из книги: „Самые достоверные записки чиновника-очевидца. – Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены"», за подписью: И – р.

Печатается по тексту второго издания ПЗ (Лондон, 1861), стр. 5, где было перепечатано без изменений. Автограф неизвестен.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

«Присутственный день уголовной палаты. Судебные сцены, изложенные отставным надворным советником, опубликованные в ПЗ на 1858 (стр. 5–100), без подписи, о дополнителном заглавием «Отрывок из книги „Самые достоверные записки чиновника-очевидца“», датированы 1853 г. Герцен в предисловии «От издателя» дает оценку пьесе и поясняет историю ее напечатания, пытаясь в то же время отвести от И. С. Аксакова полицейские подозрения.

Стр. 427. «Судебные сцены» были нам присланы два раза ~ напечатанными в четырех книжках «Русских голосов». – На основании писем Н. А. Мельгунова к Герцену от 9 октября и 10 ноября 1956 г. (ЛН, т. 62, стр. 324 и 328) можно предположить, что один экземпляр «Судебных сцен» был доставлен Герцену Н. А. Мельгуновым летом 1856 г. вместе с другими рукописями, которые были опубликованы в «Голосах из России», вып. I, ч. II (осень 1856 г.), ч. III, ч. IV (1857). Вероятно, другой

экземпляр

«сцен» был прислан Герцену еще ранее в начале 1856 г., вместе с первой партией рукописей для «Голосов из России» (часть их напечатана в первой книжке).

Мы медлили в издании ~ могут быть напечатаны в России... – В письме к С. Т. Аксакову из Парижа от 24 апреля – 6 мая 1857 г. И. С. Аксаков писал: «Я получил из Лондона предложение напечатать „Утро в уголовной палате“ отдельным изданием, с именем или без имени; в Лондоне – бог знает как – два экземпляра моей „уголовной палаты“. Но я не дал согласия. Надеюсь, что пропустят мне ее и в России» (см. «И. С. Аксаков в его письмах», М., 1892, т. III, стр. 324). Эта надежда однако не оправдалась.

Через два года мы решаемся их печатать ~ перед неизвестным автором. – В августе 1857 г., во время посещения Герцена в Лондоне, И. С. Аксаков дал, по-видимому, согласие на опубликование «Судебных сцен». Об этом свидетельствует письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 29 августа 1857 г., в котором он сообщал: «Здесь был Ив<ан> Акс<аков>, и мы с ним очень, очень сошлись, его драмат<ические> сцены будут в IV „Пол<ярной> звезд<е>». Извинения же Герцена «перед неизвестным автором» имеют целью уберечь Аксакова от ответственности за эту публикацию. В начале 1858 г. Аксаков писал Герцену из Москвы по поводу его предисловия «От издателя»: «Благодарю вас за отзыв в „Полярной звезде“ Он так искусно написан, что мне до сих пор никаких запросов не было» («Вольное слово», 1883, № 60, стр. 5).

<КОНЧИНА КУДРЯВЦЕВА>

Печатается по тексту К, л. 9 от 15 февраля 1858 г., стр. 67, где опубликовано впервые, в траурной рамке, без заглавия и подписи. Этой заметкой открывается лист «Колокола». Заглавие взято из ОК. Автограф не известен.

Некролог Кудрявцева написан от имени издателей «Колокола». И Герцен, и Огарев были лично знакомы с Кудрявцевым.

По предположению Б. П. Козьмина, о кончине Кудрявцева было сообщено в «Колокол» Е. В. Салиас-де-Турнемир, которой и принадлежат, по-видимому, последние строки, заключенные в кавычки.

НЕВСКИЕ ПИСЬМА

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 78–79, где опубликовано впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен.

Статья «Невские письма» печаталась в К, л. 10 от 1 марта 1858 г. (стр. 76–79) и в К, л. 11 от 15 марта 1858 г. (стр. 90), без подписи.

В статье дается следующая характеристика рескриптов Александра II к ковенскому и петербургскому генерал-губернаторам: «С первого взгляда доказывают они благую волю государя и вместе с тем выражают робкую нерешительность правительства и привычку делать все в темноте, втихомолку» (стр. 78). Автор, полный либеральных иллюзий относительно намерений царя, призывает его «выбрать себе помощниками людей новых, прямых и светлых» (стр. 90), с тем чтобы освободить крестьян с землей, ввести «гласность судопроизводства» и «книгопечатания».

Стр. 428. Коренные–то не очень торопятся и теперь. – Речь идет о «коренных губерниях», которые далее упоминает автор статьи, недоумевающий, почему не к ним «обращен призыв» царя.

За недостатком места ~ до следующих листов «Колокола». – Третье письмо было опубликовано в К, л. 11 от 15 марта 1858 г. (стр. 90).

КОЕ-ЧТО ОБ ОТКУПАХ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 79, где опубликовано впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Статья «Кое-что об откупах» напечатана в «Колоколе» без подписи. Неизвестный автор разублачил грабительскую систему винных откупов и призывал правительство отменить ее.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

<ОБЪЯВЛЕНИЕ О «КОЛОКОЛЕ» И «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЕ»>

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 428. В следующем листе ~ будет помещен драматический очерк «Русские в Париже»... – Герцен имеет в виду фельетон «Русские в Париже в 1858 году (сцены для комедии)», который был затем опубликован без подписи в К, л. 11 от 15 марта 1858 г. (стр. 83–90). В нем рисуется отношение высших слоев русского чиновничества, военщины, дворян-крепостников к проектам ожидаемых реформ. Во вступительной статье Н. Н. Захарьина (псевдоним Я. З. Черняка) к публикации писем Н. А. Мельгунова к Герцену высказано предположение, что сцены принадлежат Н. А. Мельгунову (см. ЛН, т. 62, стр. 320).

...отложили ~ статью «О преобразовании чиновничества» Н. Огарева ~ в 12 листе. – Статья Н. П. Огарева «Русские вопросы. Преобразование чиновничества» была помещена в К, л. 12 от 1 апреля 1858 г. (стр. 91–98).

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

<О ПЕРЕИЗДАНИИ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ» И СОЧИНЕНИЙ ГЕРЦЕНА>

Печатается по тексту ПЗ на 1858, кн. IV, Лондон, стр. 311–317, где опубликовано впервые, за подписью: И-р. Автограф неизвестен.

Приведенное полностью в тексте предисловие ко второму изданию «Писем из Франции и Италии», датированное 1 февраля 1858 г. (см. т. V наст. изд., стр. 9–14), в настоящем томе опускается.

Стр. 428. Второе издание «Полярной звезды» ~ пошло так быстро... – Второе издание I, II, III кн. «Полярной звезды» вышло из печати в типографии З. Свентославского в 1858 г.

Сверх того ~ второе издание «Писем из Франции и Италии». – Указанные Герценом произведения были изданы в типографии З. Свентославского в 1858 г.

Вслед за тем выйдет ~ «Россия и социализм ыжьмо к И. Мишле)». – Второе издание «С того берега» (см. т. VI наст. изд.), перевод с французского

613

«Россия и социализм (письмо к И. Мишле)» (см. т. VII наст. изд.) были напечатали в типографии З. Свентославского и вышли также в 1858 г.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 99, где опубликовано впервые, за подписью: И-р, под строкой. Автограф неизвестен.

Статья неизвестного автора «Освобождение крестьян. Разбор рескрипта от (5) 17 декабря 1857 и министерского отношения по его поводу. (Письмо к редактору)» напечатана в «Колоколе» без подписи. В ней разоблачается крепостнический характер рескрипта Александра II и выдвигается требование освобождения крестьян с землей и без выкупа личной свободы.

Стр. 429предоставляя себе право впоследствии поговорить об этом предмете.

– В следующем листе (л. 14 от 1 мая 1858 г.) была опубликована статья Н. П. Огарева «Еще об освобождении крестьян» (стр. 110–115). В ней предлагался проект общефинансовой меры в связи с освобождением крестьян: государственного выкупа их земельных наделов через Опекунский совет.

ЗАКРЕВСКИЙ ПОСТАВЩИК СУКОН И ЗАВОЕВАТЕЛЬ КАЗАРМ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 104, где опубликовано впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен.

Корреспонденция в «Колоколе» сопровождается следующими вступительными словами: «Мы получили из России следующее письмо».

Статья «Закревский поставщик сукон и завоеватель казарм» опубликована в «Колоколе» без подписи. В ней неизвестный автор разоблачает корыстные махинации А. А. Закревского, который, пользуясь своим служебным положением московского военного генерал-губернатора, захватил в свои руки строительство казарм, казенные поставки сукна и вина в Москве.

Стр. 429. До нас дошли слухи ~ написать свое оправдание. – Слухи в стремлении многих высших сановников реабилитироваться в глазах русского общественного мнения оправданием в «Колоколе» служили показателем роста его влияния. 8 апреля 1858 г. Герцен писал М. К. Рейхель: «Наше дело идет все так же хорошо, т. е. успешно, влияние „Колокола“ громовое. Закревский пишет оправдание». Однако никакой оправдательной статьи о Закревском в «Колоколе» не появлялось.

О ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

В статье неизвестного автора «О гражданском судопроизводстве России» изложен проект введения открытого судопроизводства с помощью сокращения судебных инстанций, увеличения жалованья судебным чиновникам и выбора «в судебные должности людей нравственных» и образованных.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
Стр. 429. Наше мнение ~ известно читателям «Колокола»... – Речь идет о статье И. П. Огарева «Русские вопросы. Преобразование чиновничества» (К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 91–98).

ПРИМЕЧАНИЕ К ПИСЬМУ, ПРИСЛАННОМУ ВМЕСТЕ С РУКОПИСЬЮ М. М. ЩЕРБАТОВА>

Печатается по тексту, впервые опубликованному в книге «„О повреждении нравов в России" князя М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева с предисловием Искандера», Лондон, 1858, стр. II, без подписи, в качестве подстрочного примечания к следующей выдержке из письма, присланного вместе с рукописью М. М. Щербатова:

«Нет, кажется, надобности доказывать подлинность сочинения „О повреждении нравов в России". В нем заключаются такие подробности придворной жизни, которые могли быть описаны только современником Екатерины II. Во всем рассказе виден живой человек, весь проникнутый мыслию, которую он старается доказать, человек, принадлежащий к XVIII столетию, ненавидящий Екатерину, перетолковывающий ее поступки, слова и даже мысли, отзывающийся об ней с тою раздражительностью, к которой мог быть способен только современник, недовольный императрицею по личным отношениям. Едва ли нужно говорить, что мы несколько не сочувствуем направлению Щербатова, признаем основную мысль его совершенно ложною и что сочинение его имеет в наших глазах одно значение – богатого исторического материала». Эта выдержка сопровождалась следующим указанием от редакции: «Из письма, при котором мы получили рукопись М. М. Щербатова».

Стр. 429. Точки показывают места ~ в оригинале. – Герцен имеет в виду многоточия в присланном ему неизвестным лицом списке рукописи М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России». Ими были заменены неразобранные слова рукописи. В изданной Герценом книге «„О повреждении нравов в России" кн. М. Щербатова и „Путешествие" А. Радищева с предисловием Искандера (1858)» эти пропуски находятся на стр. 51 и 75.

НОВГОРОДСКОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ В 1831

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатаются по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 126 (примечание 1-е) и л. 18 от 1 июля 1858 г., стр. 152 (примечание 2-е), где опубликованы впервые, без подписи, под строкой. Автограф неизвестен.

Статья «Новгородское возмущение в 1831» публиковалась в К, л. 16 от 1 июня 1858 г. (стр. 126–130), К, л. 17 от 15 июня 1858 г. (стр. 133–139) и К, л. 18 от 1 июля 1858 г. (стр. 145–150), без подписи. В ней подробно изложена история восстания солдат и военных поселян Новгородского округа в 1831 г. Автор статьи полковник А. А. Панаев был одним из немногих местных офицеров, оставшихся в живых во время волнений.

615

Стр. 430. Панаев был свидетель ~ уступил и отломил кусок кренделя. – А. А. Панаев описывает приезд Николая I к бунтующим солдатам и военным поселянам. Царь требовал выдачи виновных, грозил расстрелом за непослушание. В рядах начался ропот, раздались вопросы, государь ли это, не один ли из их переряженных начальников. Испуганный царь изменил тактику и, уговаривая восставших раскаяться отломил в знак их прощения кусок преподнесенного ими кренделя.

Панаев умер генерал-майором ~ кажется, в Киеве. – Сведений о службе А. А. Панаева в качестве коменданта Киева или иного города не обнаружено.

<ЗАМЕТКИ О ПОЛУЧЕНИИ СТАТЕЙ>

Печатается по тексту К, л. 15 июня 1858 г., стр. 140 где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 430. ... возражение на статью «Об освобождении крестьян» ~ с благодарностию поместим мы ее в следующем листе. ~ Речь идет о возражении на статью Н. П. Огарева «Еще об освобождении крестьян» (см. К, л. 14 от 1 мая 1858 г.), помещенном в К, л. 18 от 1 июля 1858 г. (стр. 143–145), под заголовком «Возражение на статью „Колокола"». Автор «Возражения» выступает против предложенного Огаревым метода государственного выкупа земельных наделов освобождаемых крестьян через Опекунский совет. Он излагает свой проект освобождения, сводящийся к безвозмездной передаче крестьянам лишь одной трети той земли, которой они фактически пользовались и ранее. Таким образом, несмотря на радикальный тон, этот проект охранял интересы помещиков, у которых крестьяне должны были впоследствии арендовать недостающую им землю.

Статья эта не подписана... но ex ungue Lionem! – Автором статьи был, по-видимому, Н. И. Тургенев (интересно отметить, что по отношению к этому ветерану русского освободительного движения Герцен употреблял такую же уважительную форму – см. его письмо к Огареву от 8 июля 1868 г.). Предположение об авторстве Н. И. Тургенева представляется весьма вероятным, несмотря на сомнения некоторых исследователей (см. вступительную статью Ю. Г. Оксмана к публикации писем Н. И. Тургенева к Герцену в ЛН, т. 62, стр. 584). В пользу принадлежности этой

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
анонимной статьи Н. И. Тургеневу свидетельствует полное совпадение
содержавшегося в «Возражении» проекта с теми планами освобождения крестьян,
которые излагались в известных публикациях Н. И. Тургенева («La Russie et Us
gusses», «Пора», «Вопрос освобождения и вопрос управлению» и др.). В дальнейшем
полемика Н. П. Огарева и автора «Возражения» по вопросу о путях освобождения
крестьян продолжалась на страницах «Колокола» (см. «Письмо к автору «Возражения
на статью „Колокола“» Н. Огарева в К, л. 38 от 15 марта 1859 г., стр. 307–313;
затем «Ответ на статью, помещенную в 38 листе „Колокола“» в К, л. 40–41 от 15
апреля 1859 г., стр. 329–337; далее в л. 70 от 1 мая 1860 г., стр.
588–590, «Возражение на 63 № „Колокола“ (Письмо к издателю „Колокола“» с
редакционным примечанием на стр. 588).

... статью «Заграничного сборника» о русском духовенстве... – Имеется в виду
статья И. С. Беллюстина «Описание сельского духовенства», напечатанная в
«Русском заграничном сборнике», ч. 1, тетрадь IV, Paris 1858, стр. 1 – 166.
Автор обращается к правительству с требованием «коренного преобразования для
всего духовенства», гниющего «в тлетворном болоте» (стр. 147). Авторство
Беллюстина установил С. А. Венгеров («Русские книги», 1898, т. III, вып. 30,
стр. 443).

616

... статья будет в «Полярной звезде» или в «Голосах». – В выпусках «Полярной
звезды» и «Голосов из России», вышедших после 15 июня 1858 г., такого
«возражения» не обнаружено. Однако в архиве «Колокола» сохранилась рукопись
статьи, о которой, по-видимому, идет речь (см. ЛН, т. 63, стр. 201–206). В ней
неизвестный автор критикует статью Беллюстина с демократических и атеистических
позиций. Отметив яркие обличения «низости и подлости» духовенства в разбираемом
сочинении, он вскрывает либеральные цели автора, для которого повышение
интеллектуального уровня духовенства с помощью реформы семинаристского
образования является средством усиления пошатнувшегося влияния церковников на
народ. Автор статьи указывает на закономерность и необратимость процесса
разложения церкви в связи с кризисом самодержавно-крепостнического строя и
противопоставляет этим реформаторским планам свой идеал
просветителя-революционера – освобождение народа от всякого порабощения, в том
числе и духовного. Публикуя рукопись «Разбора» в ЛН,
П. Г. Рындзюнский во вступительной статье высказывает предположение, что она
принадлежит одному из участников харьковских студенческих организаций (ЛН, т.
63, стр. 200).

<В СЛЕДУЮЩЕМ ЛИСТЕ, ЕСЛИ БУДЕТ МЕСТО...>

Печатается по тексту К, л. 18 от 1 июля 1858 г., стр. 152, где опубликовано
впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 430. В следующем листе ~ «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской
войны»... – Статья Н. А. Добролюбова «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской
войны» была помещена не в л. 19, как намеревался Герцен, а лишь в л. 23–24 от 15
сентября 1858 г., стр. 195–198 (см. комментарий к «Партизан И. И. Давыдов во
время Крымской войны», наст. том, стр. 619).

Кивер зверски набекрень... – Цитата из стихотворения Д. В. Давыдова «Песня
старого гусара».

<ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНЫЕ СТАТЬИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НАМИ...>

Печатается по тексту К, л. 18 от 1 июля 1858 г., стр. 152, где опубликовано
впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 430. ... следующий лист ~ через неделю... – Следующий, 19 лист К вышел
через 2 недели, 15 июля 1858 г.

«Разбор программы занятий губернских комитетов». – Статья «Программа для занятий
губернских комитетов» была напечатана в л. 19 от 15 июля 1858 г. (стр. 153–160)
и в л. 20 от 1 августа 1858 г. (стр. 163–165), без подписи. В ней неизвестный
автор анализирует правительственные распоряжения, рескрипты по крестьянскому
вопросу и, в частности, «Программу для занятий губернских комитетов» (апрель
1858 г.). Проследившая усиливающиеся уступки правительства
реакционерам-крепостникам, он обращается к царю с просьбами быть
последовательнее в его намерении освободить крестьян, уверяет в их покорности.
Умеренный дворянский либерализм автора достаточно характеризуется следующим
признанием: «Мы не принадлежим к числу лиц, ищущих анархии или требующих по
упразднению крепостной зависимости чисто демократического
устройства нашего сельского быта – нимало! Но мы желаем сохранения за
дворянством отношений к крестьянству попечительных, а не начальнических» (стр.
160).

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ БУДУЩЕЙ БИОГРАФИИ ГРАФА А. А. ЗАКРЕВСКОГО

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатается по тексту К, л. 21 от 15 августа 1858 г., стр. 176, и л. 22 от 1

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
сентября 1858 г., стр. 181, где опубликованы впервые, за подписью: Ред., первое
– под строкой, второе – в тексте, в виде заключения. Автограф неизвестен.
«Материалы для будущей биографии графа А. А. Закревского» опубликованы в л. 21
(стр. 174–176) и в л. 22 (стр. 180–181), без подписи. Их неизвестный автор
рассказывает о закулисных путях возвышения А. А. Закревского, о его
мошеннических махинациях и произволе на посту генерал-губернатора Москвы,
которой он «везде и всегда распоряжался... как своей вотчиной» (см. К, стр.
176).

Стр. 431. ... присовокупляем еще один милый рассказ одного из наших
корреспондентов. – Далее следует описание одной из афер А. А. Закревского,
который, пользуясь служебным положением, продавал свои леса втридорога.

ПИСЬМО К ГРАФУ СТРОГОНОВУ, ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРУ НОВОРОССИЙСКОГО КРАЯ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 179, где опубликовано
впервые, за подписью: И-р, под строкой. Автограф неизвестен.

«Письмо к графу Строгонову, генерал-губернатору Новороссийского края» было
помещено в «Колоколе» за подписью К. О. и датировано 1 августа 1858 г.

Неизвестный автор письма сообщал А. Г. Строгонову о жестоких беззакониях,
творимых помещицей деревни Курнино

Херсонской губернии, Тираспольского уезда Аделией Клопотовской. Приведя
несколько случаев безнаказанного убийства ею крепостных, он требовал
решительного вмешательства генерал-губернатора для пресечения этих злодейств.

Затем в л. 39 К от 1 апреля 1859 г., в отделе «Смесь», стр. 322, под
редакционным заглавием «Побольше строгости, граф Строгонов!» была напечатана

анонимная корреспонденция из Херсонской губернии, сообщавшая о последствиях
опубликованного Герценом письма. После удаления приказчика из имения

Клопотовской, помещица продолжала издевательства над крестьянами, теперь при
явном попустительстве генерал-губернатора. Корреспондент останавливается на

влиянии на крестьян «этого цинизма бесправия»: «Они... не видят ни малейшего
исхода из подобного положения. Немудрено, если господа доведут их после всего

этого к мысли самим приняться за хождение по своим делам». Впоследствии в

«Колоколе» неоднократно обличались действия А. Г. Строгонова, «защищающего
чудовищные злоупотребления помещичьей власти» (см., например, заметку

«Бессарабская история» в л. 48 от 15 июля 1859 г. или статью «Граф Строгонов и
Старицкий» в л. 56 от 15 ноября 1859 г. и др.).

618

Ш РЕ РОСТОВЦЕВА ПРОТИВ РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 181, где опубликовано
впервые, за подписью: И-р, под строкой. Автограф неизвестен.

Статья неизвестного автора «и ге Ростовцева против России (письмо к издателю)»
была опубликована в «Колоколе» (стр. 181 – 182) без подписи. В ней сообщалось о

возможном назначении Я. И. Ростовцева министром внутренних дел (эти слухи
впоследствии не подтвердились), о его проекте военного управления Россией, о

реакционных шагах его в Комитете по крестьянскому делу и т. п. Содержание статьи
перекликается с письмом Ю. Ф. Самарина к Герцену (см. «Вольное слово», № 59,
1883, стр. 9–12)

Стр. 431. «Колокол» просит покорно весь текст их. – Разбор программ

военно-учебных заведений в дальнейшем «Колоколе» не появился.

БУМАГИ ИЗ ПОРТФЕЛЯ, ПОТЕРЯННОГО КУРЬЕРОМ НА ДОРОГЕ ИЗ КОМИТЕТА МИНИСТРОВ В ДОМ

МИНИСТЕРСТВА

ЮСТИЦИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 182, где опубликовано
впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен.

Статья «Бумаги из портфеля, потерянного курьером на дороге из комитета министров
в дом министерства юстиции» была напечатана в «Колоколе» (стр. 182–183) без

подписи. Она представляет собой острый памфлет, направленный против царских
министров (в частности, министра юстиции В. Н. Панина), против формализма и

шпионства, процветающих в деятельности бюрократических канцелярий.
Сатирическая статья написана неизвестным автором якобы от лица будущего министра

иностранных дел и содержит проект нелепейших распоряжений по управлению
министерством, вызвавших ироническое примечание редакции «Колокола».

ОПОЗДАВШИЕ ПИСЬМА ИЗ ПЕТЕРБУРГА

<ПРИМЕЧАНИЯ>

Печатаются, по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 186–187, где
опубликованы впервые, 1-ое и 3-ье без подписи, 2-ое за подписью; Ред., под
строкой. Автограф неизвестен.

Собрание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович ПАРТИЗАН И. И. ДАВИДОВ ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

ПРИМЕЧАНИЕ И ПРИПИСКА

«Опоздавшие письма из Петербурга» были опубликованы в «Колоколе» (стр. 186–190), без подписи, и датированы маем 1858 г. Неизвестный автор их изобличает в первом письме произвол высших царских сановников, в частности петербургского генерал-губернатора П. Н. Игнатьева и его подчиненных. Во втором письме автор критикует Герцена за похвалы Александру II в «Колоколе» и требует опубликования всех присылаемых обличительных материалов. На это письмо Герцен отвечал в заметке «От редакции» (см. стр. 343–344 наст. тома и комментарий к заметке на стр. 581)

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 197 и 198, где опубликовано впервые: примечание под строкой, за подписью: Ред.; заключительные строки без подписи. Автограф неизвестен.

Статья «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны» написана Н. А. Добролюбовым в конце 1856 или начале 1857 г. и направлена против директора Главного педагогического института И. И. Давыдова. Авторство Н. А. Добролюбова было установлено по воспоминаниям его друга М. И. Шемановского, опубликованным в ЛН, т. 25–26, стр. 293.

Предположение о принадлежности Герцену заключительного абзаца этой статьи Добролюбова впервые высказал в своих комментариях к этой статье Ю. Г. Оксман (см. Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений в шести томах, т. 3, М., 1936, стр. 594). В двух последних абзацах в типичной для Герцена манере описан факт, который мог быть известен скорее ему, чем Добролюбову; здесь содержится также выпад против Я. И. Ростовцева, с которым тогда ожесточенно боролся Герцен. Обоснование авторства Герцена для этих двух абзацев статьи см. в статье С. А. Рейсера («Известия АН СССР, Отделение общественных наук», 1936, № 1–2, стр. 177–178), предполагающего также, что вся статья Добролюбова была отредактирована Герценом, внесшим в нее ряд вставок и исправлений.

INTER PARES AMICITIA

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 198, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Герцен далее помещает письмо об известном в 1840-е годы «деле Клебенского». Он, будучи председателем управы благочиния «проиграл 150000 рублей казенных денег Л. В. Дубельту, А. М. Гедеонову и другим сановникам, за что был сослан в арестантские роты и умер вскоре после осуждения. Последние же безнаказанно воспользовались этими украденными деньгами. Автор корреспонденции неизвестен.

ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ

<ПРИМЕЧАНИЯ>

«Письмо к редактору» (июль 1858 г.) неизвестного автора, опубликованное в «Колоколе» (стр. 201–208), без подписи, имело принципиальное значение для истории «Колокола». Оно выделяется среди более ранней корреспонденции «Колокола» полным отсутствием либеральных иллюзий и надежд, бескомпромиссной революционно-демократической критикой всей политики правительства Александра II, которое «морочит только освобождением крестьян» (стр. 203).

Автор обращается к крестьянам: «На себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело – отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждаться да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались...?» (стр. 205). Такое революционное выступление «Колокола» вызвало не только ярость царя (см. записки

620

А. М. Унковского в «Русской мысли», 1906, № 6, стр. 192), но и крайнее недовольство в либеральном лагере, послужив важнейшей вехой на пути полного размежевания Герцена с либералами (см. письмо Чичерина в К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 236–239, ответ Герцена – статью «Обвинительный акт» в наст. томе, стр. 404–406 и комментарий к ней на стр. 597–599).

Стр. 433. Текст этого циркуляра был помещен в 20 листе «Колокола». – Текст циркуляра министра народного просвещения Е. Ковалевского от 19 апреля 1858 г. о цензуре статей об освобождении крестьян печатался в л. 20 К, в составе статьи Герцена «Черный кабинет» (см. наст. том, стр. 304–305).

Душевно сожалеем, что поместили их... – В л. 4 от 1 октября 1857 г., в анонимном «Письме из Петербурга» сообщалось о грубом обращении министра внутренних дел С. С. Ланского с подчиненными (стр. 33). В л. 5 от 1 ноября 1857 г. в статье Герцена «Под спудом» рассказывалось о новых притеснениях им раскольников (см. наст. том, стр. 82). В статье Герцена «Что значит суд без гласности» приводились сведения о том, что Ланской запретил двум литераторам касаться вопроса о взятках (см. стр. 182 наст. тома). Иронически отзывается о нем и автор «Опоздавших писем из Петербурга» (К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 186).

... с удовольствием печатаем следующие строки письма. – В «Письме к редактору»

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович сообщает, что С. С. Ланскому принадлежит благородная роль в вынесении на широкое обсуждение вопроса об освобождении крестьян. В дальнейшем статьи Герцена не содержали более обличений ланского.

ОТВЕТ КНЯЗЮ З. ВР.

Печатается по тексту К, л. 26 от 15 октября 1858 г., стр. 216, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

<МЫ ОТПРАВИЛИ ПРОШЛЫЙ ЛИСТ... >

Печатается по тексту К, л. 27 от 1 ноября 1858 г., стр. 224, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Стр. 433. Мы отправили прошлый лист ~ Важность «Дедновского дела» побудила нас к этому. – Речь идет о л. 26 К от 15 октября 1858 г., где напечатана статья Н. П. Огарева «Дворянско- чиновничий разбой в селе Деднове» (стр. 211–214). В статье изобличается произвол губернатора П. П. Новосильцева, жандармского полковника и др., подвергших порке и тюремному заключению крестьян села Деднова Рязанской губернии, Зарайского уезда за то, что те добивались выполнения наследниками помещика Л. Д. Измайлова его духовного завещания о переводе их в «вольные хлебопашцы».

Надеемся, что Долгорукий не скрыл его. – Заметка была помещена в л. 27 К на тот случай, если бы Долгорукий скрыл от царя посланный ему 26 лист «Колокола». 27 лист должен был непременно попасть в руки царя, так как в нем было напечатано «Письмо к императрице Марии Александровне» Герцена о воспитании наследника (см. наст. том, стр. 353–360). Заметка рассчитана на привлечение внимания Александра II к «Дедновскому делу».

621

РЕФОРМА СВЕРХУ ИЛИ РЕФОРМА СНИЗУ?

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 225, где опубликовано впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен.

Статья «Реформа сверху или реформа снизу?» была напечатана в «Колоколе» без подписи. Неизвестный автор анализирует в ней политическое положение России и доказывает, что половинчатость реформаторских начинаний Александра II обусловлена «самой природой самодержавного правительства» (стр. 228). Он выясняет далее единственно возможную в таких условиях перспективу освобождения народа – путь «реформы снизу». Однако этот вывод он использует для апелляции к Александру II, убеждая его во избежание революции провести «радикальные реформы».

<ПИСЬМО, ЗАКЛЮЧАЮЩЕЕ ОПИСАНИЕ ЗЛОДЕЙСТВ...>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 232, где опубликовано впервые, без подписи. Автограф неизвестен.

Письмо, описывающее произведенную в конце июля 1858 г. экзекуцию в Ревеле, было опубликовано в л. 29 К, в составе статьи «Германские рыцари XIX столетия в Эстляндии» (см. наст. том, стр. 465–466 и примечания к статье, стр. 635).

ДЕЯТЕЛИ ПРОШЛОГО ЦАРСТВОВАНИЯ В РОССИИ

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается до тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 253, где опубликовано впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен. В фельетоне «Деятели прошлого царствования в России» неизвестный автор показал злоупотребления начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта, его взаимоотношения с шефом жандармов А. Х. Бенкендорфом, чьи коммерческие и любовные дела он устраивал на казенный счет.

Редакторам «Колокола» важно было использовать эту статью также и для разоблачения председателя Государственного совета А. Ф. Орлова. В своем примечании они напоминают поэтому читателям, что после смерти Бенкендорфа (в 1844 г.) его преемником стал Орлов, который также был связан с совершенно скомпрометировавшим себя Дубельтом.

Это примечание перекликается с другими оценками А. Ф. Орлова в статьях Герцена 1858 г. (см. например, «Тамбовское дворянство», 1 июля 1858, «Черный кабинет» и др. в наст. томе). Комитет по крестьянскому делу, куда А. Ф. Орлов был назначен в 1856 г. заместителем председателя (Александра II), Герцен называл «орловским комитетом упрочения крепостного состояния и уничтожения всякой гласности» (см. в наст. томе статью «Харьковская история»). А. Ф. Орлова Герцен называл в числе пяти членов подлинно правящего страной «черного кабинета», «составленного из последних могикан злополучного и мрачного царствования Николая» (см. наст. том, стр. 316).

О ЕВРЕЯХ (ПИСЬМО К РЕДАКТОРУ)

<ПРИМЕЧАНИЕ>

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 254, где опубликовано впервые, за подписью: Ред., под строкой. Автограф неизвестен.

Письмо «О евреях» было написано неизвестным автором по поводу анонимной статьи «In re Ростовцева против России (письмо к издателю)» опубликованной в К, л. 22 от 1 сентября 1858 г. В статье содержалась фраза: «Дозволяется только хвалить программу, составленную евреем Позеном». Эти слова и вызвали протест автора письма «О евреях». Он указывает на недопустимость в «Колоколе» высказываний, оскорбляющих достоинство любого народа. Далее он развивает общие положения об отношении к малым угнетенным нациям в связи с задачей «пробуждения народного самосознания»: «Рвущийся к свободе народ не может отказать в уважении никакому народу» (см. К, л. 30–31 от 15 декабря 1848 г., стр. 254).

Примечание редакторов «Колокола» свидетельствует об их солидарности с этими принципами. Оно перекликается со статьей Герцена «Из Польши» (см. наст. том), а также со многими статьями «Колокола», посвященными различным сторонам национального вопроса (см. например, статьи: «Мухановские меры против просвещения в Польше», К, л. 36 от 15 февраля 1859 г., стр. 294–298; «О положении евреев в России», К, л. 37 от 1 марта 1859 г. стр. 302–304 ; заметку в отделе «Смесь» л. 39 «Колокола» о клевете «Варшавской газеты» на евреев и др.). <О СТАТЬЕ «ALEXANDER HERCEN I WOLNA ROSYJSKA DRUKARNIA W LONDYNIE»> Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г. стр. 255 где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без подписи. Заглавие взято из ОК. Автограф неизвестен.

Статья «Александр Герцен и вольная русская типография в Лондоне» была напечатана 10 ноября 1858 г. в органе демократической польской эмиграции «Przegląd Rzeczy Rokiś» («Обозрение польских дел») начавшем выходить в 1857 г. в Париже. В этой статье с большой симпатией говорится о Герцене, его деятельности и его изданиях. Вместе с тем в ней высказывается ряд критических замечаний в адрес Герцена (см. комментарий к статье «Россия и Польша», т. XIV наст. изд.). Ответом на статью польского автора были письма Герцена о России и Польше («Россия и Польша»), помещенные в К, лл. 32–33 и 34 от 1 и 15 января 1859 г. (см. т. XIV наст. изд.).

ПРИМЕЧАНИЕ К «ERRATA» КНИЖКИ ПЯТОЙ «ГОЛОСОВ ИЗ РОССИИ »>

Печатается по тексту сборника «Голоса из России», книжка шестая, London, 1859, где опубликовано впервые, в приложении, без подписи.

623

DUBIA

1857

ПРАВДА ЛИ?

<ПРАВДА ЛИ, ЧТО В АВГУСТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ... >

Печатается по тексту К, л. 3 от 1 сентября 1857 г., стр. 26, где опубликовано впервые. В ОК озаглавлено: «Губернатор Тыккель и наместник Горчаков».

<ЛАНСКОЙ>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 33, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 437. ...у бессрочноотпускных... – Речь идет о бессрочноотпускных солдатах. К этой

категории относились солдаты, прослужившие в армии значительное количество лет и уволенные в бессрочный отпуск до окончания срока службы, равнявшегося 25 годам.

<СЕНАТОР АВЕРКИЕВ>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 33, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 438. ...«хозяина губернии... – А. Е. Аверкиев с 1838 г. по 1840 г. являлся тульским гражданским губернатором, с 1840 г. – полтавским.

...«поощрителя подрядчиков по железным дорогам... – Имеется в виду пребывание А. Е. Аверкиева в должности управляющего департаментом железных дорог.

<ПО ВОЕННОМУ ВЕДОМСТВУ>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 33–34, где опубликовано впервые. В ОК статья названа: «Генерал-лейтенант Затлер и Рабинович».

624

Стр. 438. ...получили дополнительный куплет к солдатской песне, напечатанной в «Полярной звезде» за нынешний год. – Имеются в виду две песни крымских солдат, напечатанные в ПЗ на 1857, кн. III (стр. 283–287).

. о колоссальном воровстве во время войны. – См. примечание к стр. 19.

<ЗАКРЕВСКИЙ И ОБЕР-ПОЛИЦМЕЙСТЕР>

Печатается по тексту К, л. 4 от 1 октября 1857 г., стр. 34, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 440. ...для освещения газом... – Газовое освещение стало вводиться в Москве в 1865 г.

Герцен имеет в виду освещение спиртовым газом, о переходе к которому указывалось

в

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович Положения комитета министров от 3 августа 1848 г. Однако освещение спиртовым газом, вместо конопляного масла, было введено в 1853 г.

... обер-полицмейстер... – Московский обер-полицмейстер А. А. Тимашев-Беринг.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА К КНИГЕ «14 ДЕКАБРЯ 1825 И ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ»

Печатается по тексту книги «14 декабря 1825 и император Николай. Издано редакцией „Полярной звезды“ по поводу книги барона Корфа», London, 1858, стр. <XVII>, где опубликовано впервые, без заглавия.

Публикуемая заметка написана от имени обоих составителей сборника – редакторов «Полярной звезды». Данными о том, кто именно написал ее – Герцен, Огарев или оба вместе, – мы не располагаем. См. преисловие Герцена к тому же изданию и комментарий к нему (стр. 67–70 и 513–516 наст тома).

О распространении книги Корфа см. в комментарии к «Предисловию к книге „14 декабря 1825 и император Николай“».

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРОСЬБА

Печатается по тексту К, л. 5 от 1 ноября 1857 г., стр. 41, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Заметка». Включено Л. А. Тихомировым (Т, 31–32) и М. К. Лемке (Л IX, 56–57).

Заметка написана в форме пародийного письма. Упомянутый в ней Савелий Жалуев, как установлено М. К. Лемке, – персонаж из «Сказки о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», написанной В. Ф. Одоевским (см. «Пестрые сказки». Ириней Модестович Гомозейка. СПб., 1833). Несомненно, что и Каролус Лондомандол также является вымышленным лицом.

Стр. 441. ...с подданных ~ Наполеона III ~ сняты подати, взимаемые с объявленных капиталов, и иные гильдейские повинности и тяги. – Имеются в виду поощрительные меры, предпринятые правительством Наполеона III в интересах развития промышленности, и, в частности, освобождение ремесленников от патентного сбора.

РАЗГРАБЛЕНИЕ МОНАСТЫРЯ И ПОХОД ЧЕРНИГОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА ПРОТИВ МОНАХИНЬ

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 81, где опубликовано впервые.

Стр. 442. ...черниговский губернатор... – Имеется в виду действительный статский советник К. П. Шабельский.

В. А. КОКОРЕВ

Печатается по тексту К, л. 10 от 1 марта 1858 г. стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 442. ...Колокол наш ему звонит ~ за его благородное, прекрасное предложение... – Имеется в виду предложение В. А. Кокорева о выкупе купечеством крестьянских усадеб в имениях мелкопоместных владельцев («Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II», том I, Берлин, 1860, стр. 195–196).

...на московском предпраздновании грядущего освобождения крестьян. – Речь идет о банкете в залах московского купеческого собрания 28 декабря 1857 г., устроенном в честь начавшейся подготовки отмены крепостного права.

Стр. 443. ...признал вред и недобросовестность системы винных откупов. – Имеется в виду выступление В. А. Кокорева против винных откупов и выдвинутое им предложение о замене их налогом (там же, стр. 199).

<МОНТЕБЕЛЛО И НАПОЛЕОН Ш>

Печатается по К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

<О ДИРЕКЦИИ МОСКОВСКИХ ТЕАТРОВ>

Печатается по К, л. 10 от 1 марта 1858 г., стр. 82, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

<ПУТЕШЕСТВИЕ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА ПО РОССИИ>

Печатается по К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 98, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Включено Л. А. Тихомировым (Т, 43) и М. К. Лемке (Л IX, 178).

Стр. 443. ...в нынешнем году Константин Николаевич едет по России... – В черновике дневника вел. князя Константина Николаевича, в записи от 2 декабря 1858 г., упоминается о его поездке по западным губерниям России. Это путешествие происходило в августе – сентябре 1858 г., так как в Дуббельне он был в июле 1858 г., а с 8 октября 1858 г. по июнь 1859 г. находился за границей (ЦИАМ, фонд Мраморного дворца, опись № 1, дело № 722, лист 52).

626

<СЕЧЕНИЕ НАРОДА ЗА ТОЛКИ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ>

Печатается по тексту К, л. 12 от 1 апреля 1858 г., стр. 98, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Включено Л. А. Тихомировым (Т, 43) и М. К. Лемке (Л IX, 178).

Стр. 443. ...в Москве и по губерниям секут непрерывно крестьян и особенно

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванович дворовых за то, что они говорят об освобождении??? – Весной 1858 г. наблюдались массовые отказы помещичьих крестьян, особенно в губерниях Московской, С.-Петербургской, Нижегородской, Самарской, Новгородской, Пензенской, Воронежской, Калужской, Харьковской, Екатеринославской, вносить оброки, исполнять феодальные повинности и т. д. Согласно отчету III отделения, в 1858 г. «... было много случаев, что крестьяне и дворовые люди, увлекаемые слухами о свободе, не вносили оброка, отказывались от исполнения разных обязанностей и не хотели повиноваться. Ослушники скоро обращались к повиновению убеждениями владельцев или исправительными наказаниями» («Крестьянское движение 1827–1869 годов», выпуск I, подготовил к печати Е. А. Мороховец, 1931, стр. 118).

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРОФЕССОРАМ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Печатается по тексту К, л. 13 от 15 апреля 1858 г., стр. 108, где опубликовано впервые.

В архиве III отделения сохранилась копия перлюстрированного письма профессора Г. С. Рындовского от 11 июня 1858 г. на имя профессора Харьковского университета Д. И. Каченовского, находившегося в это время в служебной командировке в Лондоне. В этом письме Рындовский просил Каченовского сообщить Герцену, что содержание настоящей статьи «Колокола», по его словам, не соответствует действительности. Стр. 444. ... как Базилевского секли дворовые его люди... – См. об этом в статьях Герцена «Русское крепостничество», «Юрьев день! Юрьев день!», «Крещеная собственность» (т. XII наст. изд.) и «Сечь или не сечь мужика?» (см. стр. 107 наст. тома и комментариев к ней).

<ХЕРСОНСКАЯ ЗЕМСКАЯ ПОЛИЦИЯ>

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

<ХЕРСОНСКИЙ УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАЛАТОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ>

Стр. 444. ... управляющего палатой государственных имуществ той же губернии... – Имеется в виду управляющий палатой государственных имуществ Херсонской губернии В. Ф. Гудим-Левкович.

627

<ОТСТАВКА НОВОСИЛЬЦОВА>

Печатается по тексту К, л. 14 от 1 мая 1858 г., стр. 116, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Включено М. К. Лемке в Dubia (л IX, 229).

Стр. 444. ... автор знаменитого циркуляра, помещенного нами в 10 листе «Колокола», – П. Новосильцов, рязанский губернатор... – Речь идет о составленной губернатором П. П. Новосильцевым программе расправы с крестьянами села Мурмина Рязанской губернии. Текст ее был напечатан в К, л. 10 от 1 марта 1858 г.: «Прокламация губернатора П. Новосильцова и воз розог».

РОЗГИ И РОЗГИ!

Печатается по тексту К, л. 15 от 15 мая 1858 г., стр. 117, где опубликовано впервые. Этой заметкой открывается лист «Колокола».

Включено Л. А. Тихомировым (т, 43–44) и М. К. Лемке (л IX, 233–234).

Стр. 445. Пора приступить к общей государственной мере выкупа крестьян с землей. – Проект такого общегосударственного выкупа земельных наделов крестьян через Опекунский совет был изложен в предыдущем, 14 листе К от 1 мая 1858 г. в статье Н. П. Огарева «Еще об освобождении крестьян».

Какой-нибудь Вреде вызовет его на мятеж... – В статье «Под спудом» Герцен на основании письма неизвестного корреспондента сообщал о жестоких истязаниях, которым систематически подвергал своих крепостных помещик Волоколамского уезда Московской

губернии кн. Вреде, оставаясь безнаказанным под покровительством губернатора А. А. Закревского (см. наст. том, стр. 85–86).

... и какой-нибудь Эльстон-Сумароков всечет его в порядок. – В 1857 г. флигель-адъютант гр. Ф. Н. Сумароков-Эльстон был послан в Нижегородскую губернию расследовать дело о возмущении крестьян, незаконно проданных помещиком после уплаты выкупных взносов. Вместо наказания последнего он «приказал без всякого разбора сечь» «на коленях бунтующих мужиков». Этому эпизоду Герцен посвятил статью «Сечь или не сечь мужика?» (см. наст. том).

<<КОЛОКОЛ» ПРОСИТ МОСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ...>

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано впервые, без заглавия.

Стр. 445. ... что за история такая была с профессором Майковым и как их заставляли извиняться? – Речь идет о выступлении студентов историко-филологического факультета Московского университета против реакционного профессора кафедры славянских наречий А. А. Майкова. После седьмой лекции А. А. Майков был освистан студентами, недовольными его лекциями. Помощник попечителя

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

А. С. Уваров потребовал от студентов извинения перед
А. А. Майковым. С трудом было собрано 50 подписей. Однако студенты добились победы –
А. А. Майков ушел в отставку (А. Малеин. «„Изобличитель" – журнал студентов Московского университета (1859 г.)», см. «Звенья», М. – Л., 1934, кн. III–IV, стр. 475–477).

628

<ЭРТЕЛЬ>

Печатается по тексту К, л. 16 от 1 июня 1858 г., стр. 132, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 445. ... при нынешнем обер-полицмейстере... – Имеется в виду с.-петербургский обер-полицмейстер П. А. Шувалов.

ПАДЕНИЕ ВИННОЙ ТОРГОВЛИ И ПАУПЕРИЗМ

Печатается по тексту К, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 168, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Включено М. К. Лемке в Dubia (л IX, 289).

Стр. 445. Подайте мальчику на хлеб Он Велисария питает! –

Стихи А. Ф. Мерзлякова, цитируемые в русском переводе драмы Эдуарда Шенка «Велизарий» (действие 4, явление 5).

...во Франции Альфонс Ламартин, собственник виноградников в Маконе... – В окрестностях Макона находилось родовое поместье А. Ламартина.

<ПОЛИЦМЕЙСТЕР ОГАРЕВ>

Печатается по тексту К, л. 21 от 15 августа 1858 г., стр. 176, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

МАРК ТУЛИЙ СУХОЗАНЕТ

Печатается по тексту К, л. 22 от 1 сентября 1858 г., стр. 183–184, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 446. ... брату своему... – Генерал-адъютанту И. О. Сухозанету.

ПО ДЕЛУ МОСКОВСКОГО ПОЛИЦМЕЙСТЕРА ОГАРЕВА

Заметка написана на основе корреспонденции, присланной в ответ на запрос, помещенный в «Колоколе» (см. в наст. томе заметку «Полицмейстер Огарев»).

<О НЕКЛЮДОВЕ И ОРЛОВЕ>

Печатается по тексту К, л. 23–24 от 15 сентября 1858 г., стр. 200, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 447, строка 29: на берегу Мсты вместо: на берегу Меты.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЕР АННЕНКОВ

Печатается по тексту К, л. 25 от 1 октября 1858 г., стр. 208, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

629

Появление в «Колоколе» заметки «Государственный контролер Анненков», по всей вероятности, было вызвано получением соответствующего сигнала из России, который до нас не дошел. Жена декабриста И. А. Анненкова П. Е. Анненкова (урожд. Полина Гебль) в своих «Воспоминаниях» писала, что после ареста и ссылки ее мужа его родственники как по линии отца, так и по линии матери А. И. Анненковой (особенно после смерти последней, последовавшей в 1842 г.) захватили многое из того, что принадлежало Ивану Александровичу. Пожиллся на этом деле и двоюродный брат декабриста Н. Н. Анненков, бывший с 1848 г. членом комитета по наблюдению за цензурой и журналистикой, а с 1855 по 1862 г., – государственным контролером. Таким образом, факт, освещенный в «Колоколе», имел место. После возвращения И. А. Анненкова из Сибири в 1857 г. родственники, по словам П. Е. Анненковой, «возвратили ему довольно значительную часть из его состояния» («Русская старина», 1888, т. VIII, кн. 4, стр. 8).

Правильность опубликованного в «Колоколе» материала подтверждается письмом

С. Г. Волконского к И. И. Пущину от 20 августа 1857 г. Сообщая о том, что часть конфискованного имущества возвращена И. А. Анненкову, С. Г. Волконский писал: «Что сделает Н. Н. Анненков, это еще не выражено, – но кажется, общее мнение и даже влияние

свыше понудит и его к какой-либо сделке» (Летопись Государственного литературного музея. Декабристы. Т. III, М., 1938, под ред. Н. И. Чулкова, стр. 115).

Судя же по замечанию Герцена в «Россиаде» (см. К, л. 166 от 20 июня 1863 г., стр. 1370, т. XVII наст. изд.), сей «достойный ревнитель гражданского устройства» не торопился с возвращением И. А. Анненкову его собственности.

<ВИЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО ОКОНЧИЛО СВОИ ЗАНЯТИЯ...>

Печатается по тексту К, л. 26 от 15 октября 1858 г., стр. 211, где опубликовано впервые, без заглавия. В ОК озаглавлено: «Виленское дворянство».

Стр. 448. Виленское дворянство ~ не дает им ни усадеб, ни даже хаты («Allgemeine

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов (Zeitung»). – Речь идет о статье «Beschluss des Adelskomité des Gubernium wilna in der Bauernfrage», помещенной в № 279 «Allgemeine Zeitung» от 6 октября 1858 г., в разделе «Rußland und Polen». В этой корреспонденции был приведен текст заключения виленского губернского дворянского комитета по крестьянскому делу, где, в частности, говорилось: «Крестьянское жилище, вместе с относящимися к нему хозяйственными постройками и усадьбой, не может быть отделено от господской земли и остается собственностью помещика».

По миру пустить плантаторов, осмелившихся перечить великому делу! – Немецкая газета, комментируя решение виленского дворянства, также указывала, что оно противоречит намерениям правительства, согласно которым следовало передать жилье и усадьбу в собственность крестьян. «Во всяком случае, оно вызовет большое недовольство среди крестьян», – заключала газета. Призыв же Герцена, обращенный к Александру II, покарать слушников царской воли приобретает горько-иронический смысл, ввиду здесь же высказанных глубоких сомнений в искренности этой воли.

<ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТ СКОЛКОВ>

Печатается по тексту К, л. 25 от 15 октября 1858 г., стр. 216, где опубликовано впервые, без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 448. ... во время путешествия государя в Архангельск... – Имеются в виду посещение Александром II Архангельска в июне 1858 г.

<ОРЕНБУРГСКАЯ ИСТОРИЯ (ПОЛКОВНИК КУЗМИН, МАЙОР ДЕРЬШЕВ И ГРИГОРЬЕВА)>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 231, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 448. ... о киргизском восстании и набеге. – Речь идет о восстании казахов рода Шекты в

1855–1858 гг. под руководством Исета Кутибарова, направленном против колониальной политики царизма в южном Казахстане (см. об этом в «Известиях Казахского филиала Академии наук СССР», серия историческая, вып. 1, Алма-Ата, 1940, статью А. Якунина и

В. Шахматова «Восстания в Казахстане в 50-х годах XIX века», стр. 63–94).

... об амнистии и сету Кутибарову. – Весной 1858 г. генерал-губернатор Оренбургской и Самарской губерний А. А. Катенин, после разгрома аулов исета Кутибарова в 1857 г., объявил ему амнистию, при условии полного прекращения сопротивления. В 1859 г. Исет Кутибаров капитулировал.

... почему Исет Кутибаров откочевал к хивинской границе. – Имеется в виду карательная экспедиция, организованная против восставших казахов генерал-губернатором

А. Катениным. В сентябре 1857 г. русский отряд неожиданно напал на лагерь Исета Кутибарова и уничтожил все аулы примкнувших к нему казахов. Исет Кутибаров с небольшим отрядом сторонников отступил к хивинской границе.

...набег полковника Кузмина и майора Дерьшева, которым заправлял(еще при Перовском) Григорьев. – Речь идет о карательной экспедиции, организованной оренбургским и самарским генерал-губернатором В. А. Перовским и председателем оренбургской пограничной комиссии

В. В. Григорьевым осенью 1855 г. против восставших казахов. В. А. Перовский предписал не стесняться в средствах и способах борьбы с повстанцами, не щадить ни мужчин, ни женщин, ни детей, грабить и уничтожать аулы казахов, поддержавших Исета Кутибарова. Действия экспедиции, и особенно подполковником Михайлова, Кузьминского (Кузмин указан ошибочно) и Дерьшева, отличались крайней жестокостью.

<ГРАФ МУСИН-ПУШКИН>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 232, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 448. в 25 листе «Колокола» читатели приглашались сообщить... – См. второе примечание к «Письму к редактору» (стр. 433 наст. тома).

Стр. 449. ... граф Мусин-Пушкин, генерал, живущий в Петербурге. – Имеется в виду уездный предводитель дворянства граф А. И. Мусин-Пушкин.

<УДОБОРУКОВОДИМЫЙ ПАНИН, ТОПИЛЬСКИЙ

И ЗАМЯТИН>

Печатается по тексту К, л. 28 от 15 ноября 1858 г., стр. 232, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

631

Стр. 449. ... будет исправлять Замятин. – Имеется в виду назначение Д. Н. Замятина (Замятин указан ошибочно) товарищем министра юстиции.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Печатается по тексту К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 240, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь». В ОК озаглавлено: «Запрещение помещиками браков».

Стр. 449. ... скарденый московский комитет об улучшении быта крестьян решил:

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов «Невмешательство помещика в бракосочетания крепостных людей». – Действительно, в разработывавшемся тогда в московском губернском комитете проекте об отмене крепостного права имелось положение о предоставлении крестьянам права свободно вступать в брак («Проект положения об улучшении быта помещичьих крестьян Московской губернии», 1859, стр. 1).

<АНЕКДОТ ИЗ ИНКЕРМАНСКОЙ БИТВЫ>

Печатается по тексту К, л. 29 от 1 декабря 1858 г., стр. 240, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. Заглавие взято из ОК.

Стр. 449. ... в инкерманском сражении... – Инкерманское сражение – одно из крупнейших сражений Крымской войны, происходившее 24 октября 1856 г. Окончилось поражением русских войск.

<ВИЛЕНСКОЕ ДВОРЯНСТВО НЕДОВОЛЬНО НАШИМ ОТЗЫВОМ...>

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря 1858 г., стр. 255, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь», без заглавия. В ОК озаглавлено: «Виленское дворянство».

Стр. 450. ... виленское дворянство отказывается не только дать землю, но и самую усадьбу крестьянам... – Сообщение об этом факте содержится в заметке «Виленское дворянство окончило свои занятия...» (стр. 448 наст. тома). Дворянство Виленской губернии при рассмотрении вопроса о наделении крестьян землей приняло более реакционную программу, чем официальная программа, изложенная в рескриптах. Помещики Виленской губернии отказывались предоставить крестьянам на выкуп не только угодья, но и усадебную оседлость (см. «Журнал Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу», т. I, Петроград, 1915, стр. 209–211).

ГРАФ ТАТИЩЕВ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ ПАНТЕЛЕЕВ

Печатается по тексту К, л. 30–31 от 15 декабря, 1858 г., стр. 255, где опубликовано впервые, в отделе «Смесь».

Стр. 450. ... г. губернский предводитель, г. военный генерал-губернатор... – Имеются в виду военный генерал-губернатор С.-Петербургской губернии генерал-лейтенант П. Н. Игнатъев и предводитель дворянства С.-Петербургской губернии статский советник П. П. Шувалов.

... вольнодумов комитета... – О вольнодумстве членов Главного комитета по крестьянскому делу говорится иронически.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ

SUR LE ROMAN RURAL EN RUSSIE (Lettre à Mlle Meysenbug, ou au traducteur des «Pêcheurs»)

Публикуется впервые по автографу из «пражской коллекции» (ЦГАЛИ). Автограф состоит из 7 листов большого формата, исписанных с обеих сторон и испещренных исправлениями и переделками. По всей вероятности, именно с этой рукописи М. Мейзенбург переводила статью на немецкий язык (в отдельных местах Герценом указаны в скобках немецкие эквиваленты французских слов и выражений, которые могли представить трудность для переводчика). Последние страницы рукописи в «пражской коллекции» не обнаружены. Отличия французского подлинника от немецкого перевода носят по большей части стилистический характер, вызванный специфическим отличием синтаксиса немецкого и французского языков. Из смысловых различий наиболее значительны следующие:

Стр. 173

13 вместо: 1836 // 1835

32–33 вместо: царствования Николая // жестокого царствования Николая Стр. 174

24 После: чиновнику // москалю Стр. 175

2 После: «Мертвые души» // этот макабрский роман 5 После: чиновников // блюдолизов, пьяниц, невежд

14 вместо: украинским казакам // потомкам украинских казаков

8–9 вместо: когда я жил среди прекрасного народа // среди прекрасной природы

Первая страница автографа сохранилась как в черновом виде, так и в беловом, совершенно без помарок (см. фотографическое воспроизведение перебеленной страницы между страницами 176 и 177 наст. тома). Приводим различия между черновым и беловым текстами этой страницы:

Стр. 453

8 вместо: le dernier temps <в последнее время> – было: les dernières dix années <в последние десять лет>

19 После: siècle <век> – было: étaient exotiques <были чужеземными>

633

22–23 вместо: de la jeunesse ~ à la Lafontaine <юности ~ на манер Лафонтена> – было: les traductions et imitations au commencement de notre siècle (école de Karamzine) <переводы и подражания в начале нашего века (школа Карамзина)>

30–81 вместо: L'existence ~ existence <существование ~ существование> – было: G'était une drôle d'existence <Это было смехотворное существование>

Стр. 454

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

1 Вместо: une nation <нация> – было: un peuple <народ>

3–8 Вместо: Gertainment ~ se produire à chaque instant <конечно ~ поминутно вызывалось> – было: dans tout cela, il y avait des nécessités historiques – c'était un développement forcé, mais indispensable. On comprend pourtant quelle confusion devait s'en suivre dans tous les rapports sociaux (ein Zerwürfnis), quelles collisions étranges d'éléments contradictoires devaient se faire jour sur chaque point <во всем этом была историческая необходимость – это было развитие насильственное, но необходимое. Понятно, однако, какая путаница должна была произойти из-за этого во всех общественных отношениях (ein Zerwürfnis), какие странные столкновения противоречивых начал должны были выступать наружу на каждом шагу>

634

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОРРЕСПОНДЕНЦИИ, ОБРАБОТАННЫЕ В РЕДАКЦИИ

«КОЛОКОЛА»

1858

ПРИЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ПРАВА К ЖУРНАЛИСТИКЕ

Печатается по тексту к, л. 20 от 1 августа 1858 г., стр. 167–168, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Типография Московского университета». Автограф неизвестен.

Как указывает М. К. Лемке в текстологическом примечании к этой статье, включенной им в основной текст собрания сочинений и писем, вторая половина этой статьи была сверена им с «неполным подлинником, хранящимся в архиве семьи Герцена» (Л IX, 590). Публикуемая статья имеет ряд герценовских особенностей, однако встречающееся в ней указание на то, что автор был свидетелем факта, происшедшего в Москве после 1850 г., т. е. после вступления в должность А. И. Назимова, когда Герцен находился уже за границей, заставляет предполагать, что здесь имела место переработка статьи, присланной кем-то из России; имя этого корреспондента не установлено.

В настоящем издании в текст внесено следующее исправление:

Стр. 463, строки 16–17: дававший вместо: дававшим

Стр. 463. ... прикреплялись ~ к комиссии для построения храма Спасителя в Москве!!! – При строительстве храма «Христа Спасителя» в Москве на имя комиссии было куплено в период 1821 – 1824 гг. 23254 ревизских душ и крепостных крестьян (см. об этом в книге «Историческое описание построения в Москве храма во имя Христа Спасителя». М., 1869, стр. 8).

Стр. 464. ... определенный братом своим, бывшим попечителем университета. – Имеется в виду В. И. Назимов, занимавший в 1849 – 1855 гг. пост попечителя московского учебного округа.

... московский обер-полицмейстер... – Полковник А. И. Крапоткин.

... новый министр просвещения... – Е. П. Ковалевский.

Стр. 465. ... что же намерено сделать министерство с 6000 крестьян, приписанных к Ярославскому лицу и недавно отданных в заведение палаты государственных имуществ?... – Ярославский лицей (Демидовское высших наук училище) был основан 29 апреля 1805 г. на средства П. Г. Демидова, пожертвовавшего 100 тыс. рублей и переписавшего на имя лица 3578 ревизских душ крестьян. До 1842 г. крестьяне, приписанные к лицу, вносили феодальный оброк совету Демидовского училища выступавшего по отношению к ним в роли помещика. В 1842 г. лицейские крестьяне перешли в ведение Ярославской палаты государственных имуществ (см. К. Головщиков. Павел Григорьевич Демидов и история основанного им в Ярославле училища (1803 – 1886 гг.), Ярославль, 1887, стр. 14 – 18, 76–78).

германские рыцари XIX столетия в эстляндии

Печатается по тексту к, л. 20 от 1 декабря 1858 г., стр. 235–236, где опубликовано впервые, без подписи. В ОК к заглавию добавлено в скобках: «Барон Унгерн-Стернберг, барон Розен, Швец, генерал-майор Зальц». Автограф неизвестен. Статья представляет собой несомненную переработку корреспонденции.

Стр. 466. Крестьян окружили солдатами, с музыкой провели по городу, и на рынке за Нарвскими воротами началась безобразная казнь. – Имеется в виду расправа над 56 крестьянами имений Ания и Курисоо, отказывавшимися от выполнения дополнительных отработок в период жатвы ржи. Крестьян, явившихся в Таллин в губернское управление с жалобой на помещика, схватили и публично выпороли на рыночной площади (см. «История Эстонской ССР с древнейших времен до наших дней», под ред. Г. И. Наана, Таллин, 1952, стр. 206–207).

Переводы:

283[1] Программа «Полярной звезды».

284[2] «Le Vieux Monde et la Russie» было помещено сначала в английском ревью, потом в «Ж'Ноуше», потом было отпечатано в Жерсее особо и – все продано до последнего экземпляра.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
 285[3] «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка», первая и вторая книжка
 «Полярной звезды» – совсем исчерпаны. Вторым изданием вышла «Крещеная
 собственность».
 286[4] с женами и детьми (нем.). – Ред.
 288[6] Гражданка–королева (ном.). – Ред.
 289[7] серенаду «нашей Александрне» (нем.). – Ред.
 290[8] «Аугсбургская газета» рассказывает, что вдовствующая императрица, бывши в
 Женеве, платила ежедневно 7000 франков за квартиру и 25000 франков на харчи.
 Если это – неправда, пусть оправдываются в этом преступлении.
 291[9] добрых коммун (лат.). – Ред.
 292[10] прошу прощения, сударыня! (англ.). – Ред.
 293[11] завтраки на яхтах (франц.). – Ред.
 294[12] увеселительные прогулки (франц.). – Ред.
 295[13] восхитительным (нем.). – Ред.
 296[14] больших приемах, малых приемах (франц.). – Ред.
 297[15] светлейшими супругами! (нем.). – Ред*
 298[16] Подробности взяты, сверх всем известных историй, из «Geschichte der
 Revolutionszeit» Siebel% из книги Токвиля и пр.
 300[18] старая московская партия, старые бояре (англ.). – Ред.
 301[19] «После 1848 года была учреждена в Петербурге тайная комиссия для
 надзора над литературой и журналами. Душой этой комиссии считался Липранди
 (известный доносчик по делу Петрашевского). Он и некогда профессор московского
 университета И. Давыдов, „верноподданный”
 „по сердцу и из видов”,
 довели усердие до того, что первый предлагал не перепечатывать целиком ни
 библию, ни новый завет, а другой – исключение двенадцати басен Крылова. Одним из
 ревностнейших сподвижников Липранди был Григорьев, автор статьи о Грановском в
 „Русской беседе”. Он особенно прославился поручением в остзейские губернии,
 имевшим целью осмотр книжных лавок и частных библиотек в случае нужды. Ему
 содействовали два жандармских офицера при отборе и запечатывании книг. По
 окончании этого поручения Григорьев был назначен в Оренбург. Проездом через
 Москву ему вздумалось навестить Грановского, может, и затем, чтоб заглянуть в
 его библиотеку. Грановский, знавший про подвиги Григорьева, велел своему слуге
 не впускать его на двор». – Отсюда, говорят, гнев! Эта молва не в пользу
 Григорьева. (Из совершенно достоверного письма из Москвы.)
 302[20] Корф, стр. 190.
 303[21] Idem, стр. 189.
 304[22] Idem, стр. 156.
 305[23] Корф, стр. 147.
 306[24] См. приложение к брошюре Корфа.
 307[25] помни о рабстве (лат.). – Ред.
 309[27] я убедительно прошу принять эту статейку только за опыт. Если я не умел
 его сделать, пусть кто-нибудь другой напишет на тех же началах; я вполне
 убежден, что в них я не ошибся.
 310[28] Программа «Полярной звезды» за 1855.
 311[29] снисканием расположения (лат.). – Ред.
 312[30] Говорят, будто государь не знает, что декабристов, возвратившихся из
 Сибири, теснят Долгоруков и Тимашев.
 Когда Тимашев брал место Дубельта, он говорил, что «берет его для того, чтоб
 доказать, что оно не нужно». Он делает гораздо больше, он доказывает, что оно
 очень вредно. Разве лента, которую он на днях получил (с чем редакция «Колокола»
 усердно поздравляет его превосходительство) и которую он, говорят, так пламенно
 и так упорно желал, сделает его кротче? Будемте надеяться!
 313[31] Если б только «Nord» мог вылечиться от застарелой неаполитанской болезни
 или бы скрыл, что ли, эту противуестественную страсть к Фердинанду II!
 314[32] Министр внутренних дел Вестфален объявил в числе amtliche Nachrichten
 <официальных известий>, 20 октября 1857, что «в силу такого-то закона и
 такого-то параграфа – № 1 „Колокола”, издаваемого на русском языке в Лондоне А.
 Герценом (недаром фамилия Мантейфеля напоминает что-то человечье и дьявольское
 вместе, почему он знает, что А. Герцен издает „Колокол”; этого никогда не было
 напечатано – zu wunderbar! <весьма удивительно!>), – судебно был осужден на
 уничтожение, а потому и дальнейшее распространение этого журнала по всех
 прусских владениях запрещается (17 октября) под такими-то наказаниями».
 Заметьте, что № 1 «Колокола» вышел в июле, зачем же Вестфален церемонился до 17
 октября, зачем дождался размягчения мозга у короля и приезда в Берлин Адлерберга
 с
 патологическим посольством, чтоб обнародовать первое запрещение от с<отворения>
 м<ира>русского журнала вне России?

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов

315[33] Просим покорно сообщить имя этого разбойника для приобщения к именам его начальников.

316[34] тоже Сазикова работы.

317[35] Впрочем, у нас ни аристократов, ни христиан на службе нет, и нивелирующее братство передней давно заведено. Разве обер-полицмейстер Беринг не живет душа в душу, не бражничает с камердинером Закревского – Матвеем Ивановичем? Что за счеты в наш демократический век один генерал, другой крепостной человек, оба лакеи, оба, вероятно, биты, один наверное – Беринг, но зато и камердинер не гнушается им! Совет и дружба!

318[36] Председатель комитета, гражданский губернатор, отозвался, что такого распоряжения никогда не было.

319[37] Скачках (англ.) – Ред.

320[38] Недавно венский архиерей в силу конкордата запретил давать в анатомический театр трупы умерших католиков – таким образом, Ракитанские, Шкоды и др., если не найдется какого-нибудь несчастного грека или протестанта, должны будут читать по куклам! В одном император Николай был прав, – это что Ян Собеский и он сделали огромную глупость, спасая Австрию.

321[39] В предисловии ко второму тюрбнеровскому изданию «Письма из Франции и Италии».

322[40] У вас под руками «Аполлинарий Сидоний» Ешевского.

323[41] повышению... понижению (франц.). – Ред.

324[42] пррревеликой нации (франц.). – Ред.

325[43] А кажись не подобает Дундуку такая честь?

Пуш кин.

326[44] Рыцарь (нем.). – Ред.

327[45] непринужденно (франц.). – Ред.

328[46] великосветской жизни (англ.). – Ред.

329[47] карманники (англ.). – Ред.

330[48] снова (итал.). – Ред.

331[49] одноплеменном (нем.). – Ред.

332[50] Voir l'ouvrage de Tourguénéff sur la Russie.

333[51] C'est sous l'égide de se nom cher aux Russes que nous avons placé la Revue que nous publions à Londres.

334[52] Kakhovski avait tiré le coup de pistolet qui tua Miloradovitch. C'était un homme sombre et très déterminé. Il était mécontent de ses confrères, et, pour l'apaiser, on lui avait offert la mission de tuer Nicolas. Il s'en était chargé avec enthousiasme (Commission d'Enquête).

335[53] См. сочинение Тургенева о России.

336[54] Под эгиду этого имени, дорогого всем русский, мы поставили свой журнал, издаваемый нами в Лондоне.

337[55] Каховский выстрелом из пистолета убил Милорадовича. Это был суровый и очень решительный человек. Он был недоволен своими братьями, и, чтобы его успокоить, ему поручили убить Николая. Он взялся за это с энтузиазмом. (Следственная комиссия).

338[56] государство в государстве (лат.). – Ред.

339[57] Il ne faut pas oublier qu'avec l'abolition du servage, la classe monstrueuse et tout-à-fait extralégale des domestiques sarfs devient impossible. Les serfs devant être inscrits dans une commune quelconque, leur servage cesse avec le servage de la commune. Au reste, l'ordon<nance> du 2 déc<embre> dit clairement que le seigneur n'a pas le droit de détourner un homme de l'agriculture, de l'éloigner du village ou de lui demander l'accomplissement d'une servitude, s'il n'a pas de terre.

340[58] Au commencement du XVIIe siècle, les paysans perdirent de plus en plus le droit de quitter leurs communes. Ils devinrent des glebae adscripti – «attachés à la terre». Les seigneurs s'emparèrent de plus en plus des droits souverains, le mécontentement du peuple se manifesta avec énergie pendant l'interrègne. Les faux Démétrius, ainsi que d'autres aventuriers, enrôlaient avec la plus grande facilité des milliers de paysans et de cosaques. A près l'élection des Romanoff, en 1612, le pays ne se calma pas du tout. Les villes étaient soumises, il est vrai, mais les paysans et les cosaques étaient, dans les provinces éloignées, en pleine insurrection. Stenko Rasine – du temps du tzar Alexis, père de Pierre I – avait une armée de 100000 hommes, et faisait, jusqu'à la mer Caspienne, la terreur du pays parcouru par le Volga. La lutte fut acharnée, des milliers de paysans furent pendus. Le dernier effort, la dernière protestation du servage, eut lieu du temps même de l'impératrice Catherine II Au commencement de son règne, Pougatcheff, cosaque et dissident, souleva tous les cosaques de l'Oural, s'empara d'Orenbourg, de Penza, de Saratoff, de Simbirsk,

- брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
- de Kazan. Jusqu'à Nijni toute la Russie Orientale était sous sa domination. Il tint tête à deux armées, et fut enfin exécuté à Moscou, après avoir fait main basse sur des milliers de gentilshommes, employés, etc. Depuis Pougatcheff, il n'y eut que des révoltes partielles de paysans. Les châtimens les plus féroces ont réussi à comprimer dans sa naissance tout mouvement. Cependant on voit, par les comptes-rendus du ministre de l'Intérieur qu'il y a, tous les ans, environ 75 seigneurs de tués par les paysans.
- 341[59] Не следует забывать, что с уничтожением крепостного права чудовищный и непомерно огромный класс крепостной домашней прислуги становится невозможным. Поскольку крепостные должны быть приписаны к какой-нибудь общине, их крепостное состояние прекращается вместе с крепостным состоянием общины. Впрочем, рескрипт от 2 декабря ясно говорит, что помещик не имеет права отвлекать человека от земледелия, удалять его из деревни или требовать от него выполнения службы, если у него нет земли.
- 342[60] В начале XVII века крестьяне все более и более теряли право покидать свои общины. Они сделались glebae adscripti – «прикрепленными к земле». Помещики все более и более завладевали неограниченными правами; недовольство народа энергично проявилось во время междуцарствия. Лжедмитрий, так же как другие искатели приключений, с большой легкостью вербовал в свои войска тысячи крестьян и казаков. После избрания Романовых, в 1612 году, страна не совсем успокоилась. Города действительно подчинились, но крестьяне и казаки в отдаленных областях пришли в состояние подлинного мятежа. У Стеньки Разина – во времена царя Алексея, отца Петра I – была армия в 100000 человек, и он держал в страхе весь край, через который протекает Волга, до самого Каспийского моря. Борьба была ожесточенной, тысячи крестьян были повешены. Последнее усилие, последний протест против крепостного состояния имел место даже во времена императрицы Екатерины II. В начале ее царствования Пугачев, казак и раскольник, поднял всех уральских казаков, овладел Оренбургом, Пензой, Саратовом, Симбирском, Казанью. До самого Нижнего вся Восточная Россия была в его власти. Он оказал сопротивление двум армиям, но был в конце концов казнен в Москве, после того как истребил тысячи дворян, чиновников и т. п. Со времен Пугачева случались лишь частичные бунты крестьян. Свирепейшими мерами удалось подавить движение в самом его начале. Однако из отчетов министра внутренних дел можно увидеть, что ежегодно крестьяне убивают около 75 помещиков.
- 343[61] «Du développement des idées révolutionnaires en Russie», London, 1853.
- 344[62] Aus dem Gedichte: Oegin von Puschkin.
- 345[63] уютного (нем.). – Ред.
- 346[64] с точки зрения вечности (лат.). – Ред.
- 347[65] «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». London, 1853.
- 348[66] дурного правления (итал.). – Ред.
- 350[68] Из поэмы «Онегин» Пушкина.
- 351 [69] Известный «энтузиаст» (это счастливое выражение Модеста Корфа не должно пропасть) Липранди подал государю глубоко обдуманый проект о составлении рассадника шпионов. Он предлагал поручить инспекторам в гимназиях, чтоб они отмечали мальчиков, которые доносят на товарищей, поощрять их, следить за ними в университете и, если они там так же ревностно будут выдавать своих товарищей, принимать их в особенное отделение полиции. Государь, прочитавши этот гнусный проект, написал на нем: «Липранди, как вредного человека, впредь ни в какую службу не определять и воспретить ему въезд в столицу». И тут нашлись герои, которые вступились за Липранди и упростили государю оставить в Петербурге невинно угнетенного «неосторожного, но пламенно любящего отечество». А еще обвиняют наш век в эгоизме.
- 352[70] Зальцманн допустил всех служащих у князя Кочубея и даже крепостных его, которые и спрошены, вопреки закона, под присягою.
- 353[71] Но почему именно – не объяснено и доселе остается неразгаданной тайной.
- 354[72] Жена Зальцманна была определена девяти лет в Николаевский сиротский институт по особому повелению государыни императрицы, где и воспитывалась в католической религии.
- 355[73] Если бы обсуждение следствия по новому доносу Богоявленского окончилось в I инстанции – что б стало с решением Сената, которым предписано обсудить дело и новый донос во II инстанции и представить все это Сенату!
- 356[74] «Письма из Франции и Италии» Искандера.
- 357[75] «Ъа Russie et le Vieux Моле».
- 359[77] при свете дня (франц.). – Ред.
- 360[78] Перевод, опубликованный в «Колоколе». – Ред.
- 361[79] Мы в скором времени представим нашим читателям несколько общих мыслей о новом отношении России к Западу.
- 362[80] всерьез (франц.). – Ред.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
 363[81] Так сказано в французском тексте «Норда».
 364[82] Le Vieux Monde et la Russie. Lettre à W. Linton, Esq., par A. Herzen, pag. 22–25.
 365[83] «The Empire is espionage, its incarnation is a mouchard». The Times, 15th March, 1858. 366[84] О великолепно, великолепно!..»(англ.). – Ред.
 367[85] прикреплена к земле (лат.). – Ред.
 368[86] из «Тайма» (франц.). – Ред.
 369[87] Заблуждение, глубокое заблуждение! (франц.). – Ред.
 370[88] «Только на Ватерлоо!» (англ.). – Ред.
 372[90] «Старый мир и Россия. Письмо к В. Линтону, эскв<айру>» А. Герцена, стр. 22–25. 373[91] «не тронь меня» (лат.). – Ред.
 374[92] «День гнева, тот день» (лат.). – Ред.
 375[93] «Французский шпион!» (англ.). – Ред.
 376[94] всеобщим благом! (англ.). – Ред.
 377[95] римским гражданам (лат.). – Ред.
 378[96] Среднего пути (итал.). – Ред.
 379[97] Горе побежденным! (лат.). – Ред.
 380[98] всегда одно и то же (лат.). – Ред.
 381[99] «The Empire Is espionage, its incarnation is a mouchard» <Имперпя – это шпионаж, ее воплощение – шпион), «Тайме» от 15 марта 1858 г.
 382[100] приливы и отливы (итал.). – Ред.
 383[101] Отечество в опасности!.. (франц.). – Ред.
 384[102] Из сведения Марии Бредау.
 385[103] Вот что значит быть полицмейстером: везде видишь либерализм, бунт, нарушение идеи порядка, даже в б..! Говорят, что Валевского сменяют, вот бы уж Сечинского на его место? Для России это было бы очень полезно; побольше Сечинских во Франции, там на них теперь большое требование, а нам бы с рук долой.
 386[104] какие же это следы? Зачем же не сказать? Оправдываться – так уж начистоту.
 387[105] Арест без суда по закону может быть только три дня, а Янсон держали десять дней в части, не объявляя ей причины. Или закон для полицмейстеров не писан?
 388[106] О! г. подполковник, куда вы заехали! Подумаешь, что государство рушится.
 389[107] А это уже все вздор. Янсон сидела в секретной сибирке. Да хорошо и предложение справиться у полиции, виновата ли полиция в том, в чем ее обвиняют.
 390[108] Из приложенного Сочинским документа этого не видать. Г-н подполковник, зачем же клеветать на женщину, какого бы звания она ни была?
 391[109] как? Так вы в коллегии можете делать всякие мерзости и на это суда не будет? Стало, правительство учредило прокуроров с правом протеста – так, сдуру? Да он властей не признает!.. по крайней мере, судебных, потому что без суда можно поступать незаконно и безнаказанно. О, кварталный либерализм!
 392[110] Во-первых, и закона такого нет, да, наконец, что же такая за таинственность по делу о публичной девке?
 393[111] Укрываться от суда никто не имеет права ни под каким предлогом. Укрываются от суда только виновные, боящиеся наказания.
 394[112] Сечинский признает себя не юридическим лицом: какое же право он имеет указывать законом установленному суду, что ему надлежит делать?
 395[113] Почему же г. Сечинский не подал отзыв, что он весь московский совестный суд и губернского прокурора подозревает в личностях против него, Сечинского?
 396[114] Почему Янсон умерла не в больнице, а в смиренном доме? Если она была больна, ее нельзя было держать ни в сибирке, ни в смиренном доме. Если же она была посажена в смиренный дом здоровая – какой же болезнью она могла умереть в два, три дня? Где же медицинское свидетельство?
 397[115] Достоверность в чем? В том, что Янсон умерла? Ну! да это достоверно А почему она умерла, почему была посажена в тюрьму – тут достоверен только один полицейский произвол, который основан не на каком-нибудь законном следствии, а на стачках с бандершами, этими бескорыстными блюстительницами общественного спокойствия.
 398[116] А Марье Бредау, вероятно, придется дать пряжку за беспорочное поведение!
 399[117] Кто ж говорит, что она была дворянка? Этого в «Колоколе» нет. Да «Колокол» никогда и не думал, чтобы только дворянки нельзя заморить, а мещанку можно.
 400[118] и это вздор. Таких сплетней у нас не было. Г-н подполковник изобретает их как средство к оправданию.
 401[119] и этого в «Колоколе» нет.

- брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
- 402[120] А так как всего этого в «Колоколе» нет, то обвинение Сечинского и сделано не на этих основаниях.
- 403[121] Ух! как хорошо! Шекспир – Сечинский да и только.
- 404[122] Хищник вашей чести, г. Сечинский, вы сами. Не делайте незаконных и варварских поступков – никто вас и обвинять не будет. Повторяем, не в Лондоне изобретена история Янсон. А вы сердитесь – стало, вы виноваты.
- 405[123] Этот документ очень важен. Во-первых, из него видно, что Янсон подавала просьбу обер-полицмейстеру об освобождении ее из публичного дома по слабости здоровья. Что ж по этой просьбе было сделано? О, незабвенный Беринг! Но, стало, Янсон была не либералка и не бунтовщица, а просто больная женщина, которая просила начальство спасти ее. А начальство ее уморило. Хорош порядок! Во-вторых; зачем вытребован этот документ? Для оправдания Сечинского? Да он нисколько его не оправдывает. Он только доказывает, что Сечинский имеет право послать всякого частного пристава вытребовать какое угодно показание. Что же такое за судебная власть Акуньков? Но все эти проделки не помогают: и этот документ и все оправдание г. полицмейстера, подполковника Сечинского, доказывает только, что он кругом виноват.
- 406[124] Высшая власть – высшая несправедливость (лат.). – Ред.
- 407[125] «Аппетит приходит во время еды» (франц.). – Ред.
- 408[126] смещение (франц.). – Ред.
- 409[127] репрессивных мерах (франц.). – Ред.
- 410[128] Советуем прочесть: «La cour de la Russie il y a cent ans» – Берлин, 1857. Книга эта составлена исключительно по письмам и депешам иностранных послов.
- 411[129] пресыщенный человек (франц.). – Ред.
- 412[130] Покрытый шрамами (франц.). – Ред.
- 413[131] В сенатском приговоре сказано было: перепечатал после цензуры несколько листов.
- 414[132] «26 июня говорили (государыня) о книге „Путешествие из Петербурга в Москву“: „Тут рассеяние заразы французской. Автор – мартинист“.
- 7 июля: „Примечания (писанные ею самой) на книгу Радищева послать Шешковскому“. Сказать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце хвалит франклина и себя таким же представляет. Говорили с жаром и чувствительностью» (Из записок Храповицкого).
- 415[133] Завадовский? – Мы следовали тексту Пушкина; речь идет о проекте освобождения крестьян. Пора было бы составить полную биографию А. Радищева – мы с радостью напечатаем ее.
- 416[134] В прошлом листе «Колокола» вкралась следующая ошибка: стр. 124 напечатано: «Г-н Погенполь ходил по лавкам 27 августа». Читай 27 апреля.
- 417[135] мальчишек... девчонок (франц.). – Ред.
- 418[136] эскадронов (нем.). – Ред.
- 419[137] Лиха беда – начало! (франц.). – Ред.
- 420[138] Будьте здоровы! (франц.). – Ред.
- 421[139] выскочек (франц.). – Ред.
- 422[140] Многие упрекают «Колокол», и в том числе прусская «Крестовая газета», в непочтительном тоне и фамильярном обращении с лицами, которые хотя и стали костью во всяком улучшении, хотя и большие негодяи, но все же принадлежат к первым двум классам. На этой выси высот сановники уже становятся матронами, до коих не должны касаться несмягченные слова. Вероятно, в Пруссии запрещен «Пунш» и в Берлине не знают, как свободные люди свищут дурным скоморохам. К этому замечанию прибавляют: «Да хорошо ли издали, с недоступного острова бросать печеные яблоки в них?» – Очень, – потому что вблизи они сами защищены морем полицией, ценсур. Да к тому же у нас есть своя очистка. Мы не издали в начале Крымской войны писали наши статьи о России («Le Vieux Monde et la Russie») и не приостановились нынешней весной, во время пущего разгара боязни перед соседом, напечатать «La France ou l'Angleterre?» – «Да лица-то, на которые нападает „Колокол“, растут от этого в силе». – Если это правда, остается жалеть об темной воде, мешающей государю видеть истину. Но нам и до этого дела нет, наша отметка не для герольдий, наша отметка для всего честного люда русского, пусть они знают, кто снимает Россию на аренду у государя. – «Все это так, да в тоне некоторых статей ненужные выражения». – «Крик мучимого не может быть приведен в хроматическую гамму», говорил мне один старый знакомый, понимавший, что в звон нашего Колокола входит именно вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барщинных полей, с ценсурной бойни, – «Колокол» решительно принадлежит дурному обществу, оттого у него и нет ни канцелярской вежливости, ни секретарской учтивости.
- 423[141] мошеничество с государственными бумагами (франц.). – Ред.
- 424[142] Слух о назначении Ростовцева на место Ланского повторяется уже месяцы;

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов по этому поводу была забавнейшая типографская ошибка в № 123 «Le Nord»: «Третьего дня в нашем resumé произошла типографская перестановка, которую мы долгом считаем исправить. В пятой alinéa <абзаце> на второй колонне сказано: „Между слухами, о которых нам сообщают наши петербургские корреспонденты, нам кажется самым достоверным слух об отставке м<инистра> в<нутренних> д<ел> Ланского, на место которого назначается генерал Ростовцев, один из людей, наиболее достойных уважения, которого имя навсегда останется связано с одной из самых великих реформ новейшего времени ”. Надо читать: „...Ланского, одного из людей, наиболее достойных уважения, которого имя навсегда останется связано с одной из самых великих реформ новейшего времени и на место которого назначается генерал Ростовцев”». Не поздоровится от эдаких похвал... Впрочем, ошибка в фальшь не ставится!

425[143] Долгорукий начал свое служение в «Союзе благоденствия», после 14 декабря он был как-то спасен Орловым и вместо гражданских поселений попал на военные, но не сосланным, а начальником штаба, при скучном и неугомонном Никитине; десять лет трудился он при нем, изощряясь в смирении и покорности. Показав особенную храбрость на вознесенских маневрах, он был переведен Николаем в военное министерство. Вот все, что мы могли узнать об этой скромной, но бесполезной жизни начальника тайной полиции.

427[145] королем Кипра (итал.). – Ред.

428[146] лозунг (итал.). – Ред.

429[147] Призыв к целомудрию! (франц.). – Ред.

430[148] Выезжая из Рима, Иванов послал мне фотографию с своей картины, она залежалась в Париже и пришла ко мне вместе с вестью о его кончине!

431[149] почести портят нравы! (лат.). – Ред.

432[150] «L'Empire des façades» – frase di Custine.

433[151] La terra coltivata dai paesani si divide in recinto (enclos) e terra arativa. Il recinto contiene il cortile, un campo da canapa, e l'orto. Il governo, lasciando la proprietà della terra arativa ai signori, voleva darne l'usufrutto ai paesani. Ciò non ha senso, ma può comprendersi che fosse intenzione del governo di riconoscere nel paesano un certo diritto sopra la terra. Quanto ai recinti pensavasi di accordar facoltà ai contadini di comperarli, ed era questa una condizione dell'emancipazione. Ma nei progetti ulteriori queste particolarità si passano sotto silenzio, e si lascia la scelta all'arbitrio dei signori.

434[152] «L'Empire dos façades» – фраза Кюстина.

435[153] Земля, обрабатываемая крестьянами, делится на усадьбу и пахотную землю. Усадьба состоит из двора, конопляного поля и огорода. Правительство, оставляя пахотную землю помещикам, хотело дать крестьянам право ею пользоваться. Это бессмысленно, но понятно намерение правительства, желавшего таким образом признать до некоторой степени право крестьянина на землю. Что же касается усадьбы, то думали дать право крестьянам выкупить ее, и это было одним из условий освобождения. Но в дальнейших проектах эти частности обходятся молчанием и право решать этот вопрос оставляется на произвол помещикам.

436[154] Cause atténuante <смягчающее обстоятельство> – в извинение Муханову мы должны сказать, что несколько лет тому назад он убил своего швейцара палкой. Вся Варшава знала это. Виноват ли же этот кандидат каторжной работы, не попавший на нее, что есть правительство, которое ему поручает «просвещение»?

437[155] «Другие делали зло, он же дурно делал добро» (франц.) – Ред.

438[156] «Лакейская нация» (англ.). – Ред.

439[157] цвет (франц.). – Ред.

440[158] О Николае, что ли?

441[159] Стихотворение Н. Огарева в IV «Полярной звезде» к «Отступнице»

442[160] Те же записки предлагает нам другой корреспондент, которого замечательное письмо будет в следующем листе, – мы благодарим его за добрую готовность. Об убиении Павла I у нас есть две статьи – одна, писанная современником. Подробности мало разнятся от рассказа Тьера. Статью Воейкова «Революция 1801 марта 12» мы бы желали иметь.

443[161] Berlin, 1858.

444[162] Voir Memoirs of the princess Daschkow. London. Trübner, 1858.

445[163] Du développement des idées révolutionnaires en Russie. 2e éd<ition>. Londres, 1853.

446[164] См. «Memoirs of the princess Daschkow». London. Trübner, 1858.

448[166] «О развитии революционных идей в России». 2е из<дание>, Лондон, 1853.

449[167] мальчугана (итал.). – Ред.

450[168] великому неизвестному (лат.). – Ред.

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
 451[169] напоминание (дат.) – Ред.
 452[170] У нас есть и донос Самашки, и решение Николая, мы их напечатаем при случае.
 453[171] Celui auquel il est fait allusion ici, est N. Tourguéneff, homme d'Etat connu du règne d'Alexandre I, ami de Stein, et l'un des avocats les plus zélés de l'émancipation des paysans. Il a été condamné (par contumace) aux travaux forcés, en 1826, et amnistié seulement en 1856.
 454[172] Тот на кого здесь сделан намек, – это Н. Тургенев, известный государственный деятель царствования Александра I, друг Штейна и один из усерднейших защитников освобождения крестьян. Он был присужден (заочно) к каторжным работам, в 1826 году, и амнистирован только в 1856.
 455[173] В предисловии к русскому переводу: «Франция или Англия?».
 456[174] Для примера очень рекомендуем «The science of Society» Кери.
 457[175] Речь, произнесенная мною 29 ноября 1853 года на польском митинге в Hanover room'e.
 459[177] «Тюрьма и ссылка».
 460[178] Сверх нашей типографии, в Лондоне, как, вероятно, наши читатели знают, существует типография З. Свентославского.
 461[179] Призыв к целомудрию (франц.). – Ред.
 462[180] что отвратительно и раболепно (нем.) – Ред.
 463[181] передовую статью (англ.). – Ред.
 464[182] положение обязывает (франц.) – Ред.
 465[183] приличие обязывает (франц.). – Ред.
 466[184] дома (англ.). – Ред.
 467[185] Вслед за тем выйдет второе издание «С того берега» и перевод с французского «Россия и социализм(письмо к И. Мишле)».
 468[186] по когтю – льва! (лат). – Ред
 469[187] выпад (франц). – Ред.
 470[188] Между равными дружба (лат.). – Ред.
 472[190] С паршивой овцы хоть шерсти клок (франц.). – Ред.
 473[191] Мы имеем перечень его заседаний.
 474[192] Du développement des idées révolutionnaires en Russie, à Londres, 1853
 475[193] далее зачеркнуто: de se développer, d'atteindre les proportions qu'il a en Europe dans les Etats industriels par excellence
 476[194] далее зачеркнуто: monade
 477[195] Далее зачеркнуто: развиваться, достигать таких пропорций, как в Европе, в промышленных странах по преимуществу
 478[196] Далее зачеркнуто: монада
 479[197] Сборник статей Герцена «Колокол». Избранные статья А. И. Герцена (1857–1869), изданный Л. А. Тихомировым в Женеве в 1887 г., явился для большей их части первой перепечаткой. При отборе материалов Тихомиров руководствовался комплектами «Колокола», один из которых принадлежал сыну Герцена – Александру Александровичу, второй – сотруднику «Колокола» 1860-х гг. Н. И. Жуковскому, а также пользовался личными указаниями их владельцев, равно как и указаниями первого редактора собрания сочинений Герцена, Г. Н. Вырубова. Несмотря на отдельные ошибки Л. А. Тихомирова (им приписаны Герцену, например, статьи Огарева «Что сделано для освобождения крепостных людей», «Опять надежды!» и «Правила для студентов Московского университета»), сборник этот имеет известное значение при атрибуции статей «Колокола». При этом ссылки на публикацию сборника Л. А. Тихомирова и в издании М. К. Лемке даются лишь тогда, когда это необходимо для дополнительной аргументации принадлежности заметок Герцену.
 480[198] Так, например, извещением о смерти декабриста И. Д. Якушкина открывался л. 5 от 1 ноября 1857 г., некрологом о живописце А. А. Иванове – л. 22 от 1 сентября 1858 г. В то же время отклик на смерть Н. А. Добролюбова был напечатан в конце листа (л. 116 от 25 декабря 1861 г.), на смерть Т. Г. Шевченко – в середине (л. 95 от 1 апреля 1861 г.) и т. п.
 481 [199] Дополнительным свидетельством могут служить в данном случае и воспоминания Т. П. Пассек, находившейся с конца 1859 г. за границей и неоднократно встречавшейся в 1861 г. с Герценом. По ее словам, «передовые статьи и „Смесь“ – писал Герцен <...> Огарев печатал свои стихи и статьи о внутреннем устройстве России» («Из дальних лет. Воспоминания Т. И. Пассек», т. III, СПб., 1889, стр. 132–133).
 482[200] Второе издание «Колокола» за 1857–1858 гг. было подготовлено в период с июня 1859 г. до марта 1860 г. 12 июня 1859 г. Герцен писал сыну: «На прошлой неделе у Трюбнера был сделан заказ на 4800 №№ „Колокола“ (разных №№) – у нас не было больше 4300». Как видно из письма Герцена к И. С. Аксакову от 17 июня 1859 г., к этому времени было уже отпечатано 18 первых листов второго издания. В

брание сочинений. Том 13. Статьи из Колокола и другие произведения 1857–1858 годов. Александр Иванов
целом второе издание «Колокола» за 1857–1858 гг. было отпечатано не позднее 1
марта 1860 г.: на его листах указан старый адрес вольной русской типографии (2,
Judd street, Brunswick Square), в то время как известно, что с 1 марта
1860 г. типография переехала по адресу «5 Thornhill Place, Caledonian road»
(см. объявление в «Колоколе», л. 63 от 15 февраля 1860 г., стр. 530). Судя по
другому объявлению в «Колоколе», можно полагать, что второе издание вышло в свет
даже ранее, а именно к 15 февраля («В вольной русской типографии в Лондоне
поступили в продажу переплетенные в одном томе экземпляры „Колокола“ от 1 листа
(1 июля 1857) до 1860 года. Цена 30 шиллингов» – объявление в «Колоколе», л. 61
от 15 января 1860 г., стр. 506). Очевидно эти комплекты содержали второе издание
«Колокола» за 1857–58 гг. и первое издание за 1859 г. В следующие годы в редких
случаях переиздавались лишь отдельные листы (см. об этом в текстологическом
комментарии к отдельным томам).

483[201] См. «Новый мир», 1956, № 9, стр. 278–279.

484[202] Страницы указаны по тексту русского перевода, в настоящем издании –
Ред.

ххАЩ Исправленная опечатка. Было: будут. Исправлено на: будет – ред.

ххv[*ii*] Исправленная опечатка. Было: страшную. Исправлено на: страшный – ред.

ххv[*iii*] Исправленная печатка. Было: идали. Исправлено на: и дали – ред.

ххvii[*iv*] Исправленная опечатка. Было: нн. Исправлено на: он – ред.

ххviii[*v*] Исправленная опечатка. Было: чо-французски. Исправлено на:

по-французски. – ред. ххix[*vi*] Исправленная опечатка. Было: «СопБишиопнеь.

Исправлено на: «Сошшиоппеь – ред. ххх[*vii*] Исправленная опечатка. Было: не

преставаая. Исправлено на: не переставаая – ред. ххxi[*viii*] Исправленная

опечатка. Было: ради. Исправлено на: рады – ред.

ххxi[*ix*] Исправленная опечатка. Было: астрономия-то подъела.

Исправлено на: астрономия-то

подвела – ред.

ххxi[*x*] Исправленная опечатка. Было: дома. Исправлено на: дома – ред. ххxiv[*xi*]

Исправленная опечатка. Было: Сергей. Исправлено на: Сергию – ред.

ххxv[*xii*] Исправленная опечатка. Было: И КНЯЗЕ. Исправлено на: О КНЯЗЕ

– ред.

ххxvi[*xiii*] Исправленная опечатка. Было: т. н. Исправлено на: т. е. – ред.

ххxvii[*xiv*] Исправленная опечатка. Было: слушает». Исправлено на: слушает, –

ред.

ххi[*xv*] Исправленная опечатка. Было: адъютант. Исправлено на: адъютант – ред.

ххii[*xvi*] Исправленная опечатка. Было: в в 284 г. Исправлено на: в 284 г. – ред.

ххiii[*xvii*] Исправленная опечатка. Было: ссылки. Исправлено на: ссылки. – ред.

2. Печатные источники

К – первое издание «Колокола».

К2 – второе издание «Колокола».

Л – (в сопровождении римской цифры, обозначающей номер тома) – А. И. Герцен.
Полное собрание сочинений и писем под редакцией М. К. Лемке. П., 1919 – 1925,
тт. I–XXII.

ЛН – сборники «Литературное наследство».

ОК – Сводное «Оглавление „Колокола“ за 1857, 1858, 1859».

ПЗ – альманах «Полярная звезда».

Т – Сборник «„Колокол“. Избранные статьи А. И. Герцена (1857–1869)»,

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://herzenalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!